

Annotation

«Солдаты России» — литературно-художественное произведение, над которым Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский работал в последние годы своей жизни. Рассказывая о судьбе простого паренька из народа Ивана Гринько, автор дает запоминающуюся, полную неповторимых деталей картину событий, развернувшихся в России накануне и в годы первой мировой войны 1914–1918 гг. Большое впечатление производят главы книги, в которых Р. Я. Малиновский с прекрасным знанием окопного быта и солдатской жизни повествует о боях в Восточной Пруссии, в Августовских лесах и в районе Мазурских озер, показывает косность и бездарность высшего русского командования, нарастание революционных настроений в рядах царской армии, появление первых солдатских комитетов и т. д. Огромный, в значительной мере малоизвестный материал приводится Р. Я. Малиновским при описании трагической истории русских солдат, направленных в ходе империалистической войны в союзную Францию.

-
- [Солдаты России](#)
    - [Часть первая](#)
      - [Глава первая](#)
      - [Глава вторая](#)
      - [Глава третья](#)
      - [Глава четвертая](#)
      - [Глава пятая](#)
      - [Глава шестая](#)
      - [Глава седьмая](#)
      - [Глава восьмая](#)
    - [Часть вторая](#)
      - [Глава первая](#)
      - [Глава вторая](#)
      - [Глава третья](#)
      - [Глава четвертая](#)
      - [Глава пятая](#)
      - [Глава шестая](#)
      - [Глава седьмая](#)
    - [Часть третья](#)
      - [Глава первая](#)
      - [Глава вторая](#)

- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)

- [35](#)
  - [36](#)
-

Солдаты России
Малиновский Р. Я.

Часть первая

Глава первая

1

Станция Гнивань — тихая, чистенькая. Общий зал обставлен дубовой мебелью. На спинках диванов вырезаны буквы «ЮЗЖД». Здесь же, в зале, буфет. Это по одну сторону коридора. По другую — билетная касса, багажная с обитой жостью стойкой и весами, комната начальника станции и другие службы. Прямо с перрона коридор выводит на небольшую пристанционную площадь.

На площади несколько возов: кого-то ждут. Волы и лошади выпряжены, неторопливо жуют солому, слегка приправленную сеном. В сторонке — брички с парной упряжкой. Лошади в них худые и, видно, ленивые. Да и откуда им взять прыти, если их и соломой-то не всегда кормят! Они стоят понуря голову, тупо уставившись в булыжник, которым кое-как вымощена площадь. На шеях этих кляч вместо колокольцев жестяные банки, издающие глухой неприятный звук. По этому глухому звуку и зовут крестьяне извозчиков балагулами, совсем забыв, что прозвище такое имеет иные истоки. Почти все извозчики из соседнего местечка Ворошиловки, и все евреи. Зажиточный украинский крестьянин извозом заниматься не станет — у него хозяйство, земля. Евреи же по тогдашним законам земли не имели, потому-то и вынуждены были прибегать к извозу. Они торгуются из-за каждого гроша, набивают брички до отказа пассажирами и багажом. И вот еле катится по шоссе такая чудовищная бричка, увешанная по бокам и сзади узлами, чемоданами; уныло и монотонно стучат жестянки; балагулы беспрестанно покрикивают на замороженных лошадей, по привычке изредка подстегивая их кнутами.

На шоссе, верстах в десяти от Гнивани, — большое село Сутиски, а за ним, еще верст через семь, на высоком берегу Южного Буга, раскинулось местечко Тывров с острыми шпильями костела. Местечко сплошь заселено ремесленниками и торговцами.

В Тыврове шоссе кончается. Дальше, среди просторных полей, покрытых зеленью посевов, вдоль тенистых роц и раздольных заливных лугов, тянутся всякие большаки и проселки, в сухое время пыльные, в ненастье разбухающие от грязи. Тучи мельчайшей серой пыли в знойные дни застилают и небо и солнце. А в дождь нечего и думать проехать здесь возом или бричкой: лошади и волы тонут в клейкой черной грязи по брюхо,

а повозки — по ступицы. Все это — благодатная Украина, именуемая правителями великодержавной Российской империи Малороссией!..

Ранней весной от станции по шоссе катила бричка. То и дело раздавался унылый покрик балагула: «Вьё, вьё!» Ему вторил монотонный жестяной звук самодельного колокольчика — «ба-ла, ба-ла, ба-ла, ба-ла...» В бричке сидела молодая женщина, укутанная в большой платок. Черные глаза с длинными ресницами выделялись на ее миловидном смуглом лице. Под платком она крепко прижимала к себе пятилетнего сына. Начался сильный дождь. Но женщина, казалось, ничего не замечала. После нескольких лет скитаний и бедствий на чужбине она вернулась в родные края и теперь целиком была захвачена воспоминаниями.

...Вот в стороне осталась Ворошиловка. С ней связаны воспоминания молодости. В вишневом саду над Бугом она с подругами в летние ночи слушала песни соловья. Тогда в здешних местах появился землемер — высокий, статный блондин с веселыми голубыми глазами и красиво подстриженными усами цвета спелой пшеницы. Он был занят обмером помещицкой земли и нанял ее, сельскую девчонку, переносить с места на место большой брезентовый зонт, мерную цепь и треногу. В жаркие дни они купались в реке. Землемер был в два раза старше ее, но это не помешало ей безрассудно в него влюбиться. Да, так случилось. Он казался таким добрым, добрым и сильным. Он носил ее на руках, целовал, уговаривал бежать от родителей в Одессу. Это была любовь...

А потом — мытарства в Одессе. Куда деваться от нужды? В земской управе землемер получал мало, она пробавлялась случайной работой. Положение было отчаянным. Спасибо, выручила сестра Наталья: дала немного денег, ободрила и успокоила. Но счастье оказалось недолговечным. Пришла самая настоящая беда: на землемера напал с ножом в руках его обезумевший брат. Нанес несколько глубоких ран. Землемер скончался. И это в то время, когда она была на сносях.

Появился на свет сын — Ванюша. Он считался незаконнорожденным, и молодая мать знала, что в будущем его ожидают насмешки и презрение. Пришлось с повинной головой вернуться к родителям в Ворошиловку. Когда она бежала с землемером, отец и мать не находили себе места, а потом смирились, простили свою несчастную «покрытку» — как издавна на Украине звали девушек, приживших ребенка без мужа, — и полюбили внука. Но и у родных ей не повезло: умерла мать, а через год — отец. Он служил у помещика объездчиком. Пришлось перебраться к сестре Елене, которая, выйдя замуж за весовщика, жила на станции Калиновка.

Чужая семья... Кому нужна родственница с прилипшим к ней, как деготь к воротам, прозвищем «покрытка»? А за Ванюшей укоренилась

позорная кличка — байстрюк. Но ему не было никакого дела до всего этого. Он носился по путям узкоколейки, прыгал по крышам вагонов, «помогал» сцепщикам и стрелочникам, провожал эшелоны, уходящие на русско-японскую войну, готовый сам забраться в вагон к солдатам. Скандалы в семье сестры, попреки, оскорбления все росли. Кончилось это однажды жестокой поркой, которую муж сестры задал Ванюше.

...И вот она снова вернулась в родные места. Через знакомых удалось устроиться кухаркой в сельскую больницу в Сутисках. Что ждет ее впереди?.. Тревожные думы не оставляли женщину всю дорогу. Сын дремал, и она все больше натягивала на него платок, так что голова ее совсем раскрылась, волосы намокли, а с длинной черной косы капала вода.

В сумерках подъехали к Сутискам. Возле кладбища свернули на грязную сельскую дорогу. Остались позади огни двухклассного училища, пустынная площадь с наваленными посредине камнями для постройки новой церкви, и вот наконец впереди показался большой белый дом — больница.

2

Хаты в Сутисках утопают в садах. На отшибе, слева от домов, стоит большой длинный амбар, а за ним — поле. Справа — больничная территория. Она отделена от улочки, скатывающейся к реке, широким рвом и насыпью, заросшей будяками и колючками.

В больничный сад, где много груш, яблок, сладкой черешни и шелковицы, любят забираться сельские ребяташки. Тут же можно подглядеть, как сторож выбрасывает в огромную яму отрезанные врачами у покалеченных на войне руки и ноги. Страшно, но интересно. Сторож милостиво разрешает остаться на больничной территории, если помочь ему таскать дрова к кухне. Работа для мальчишек всегда найдется: возьми метлу и подмети двор у ворот или посыпь желтым песочком у входа в главный корпус больницы.

В главном корпусе — приемная, амбулатория. Прием больных по вторникам и пятницам. Лечит старый фельдшер Иван Иванович: кому порошок пропишет, кому смажет ранку йодом, кому даст полстакана касторки и тут же заставит запить ее кружкой холодной воды из-под крана. Больница имеет свой водопровод и канализацию с так называемым «местным поглощением». О, это великое дело, гордость всех служащих больницы — водопровод и канализация! Иных больных фельдшер умеет ободрить крепким, соленым словцом — говорят, тоже помогает!

Все уважают и боятся Ивана Ивановича, человека весьма своенравного, бывшего военного фельдшера. Хотя ему подкатывает к шестидесяти, у него хорошая выправка и твердая поступь. Голова фельдшера покрыта сединой, а пышные усы с подусниками, выбритые до лоснящейся синевы щеки и подбородок придают ему добродушный и вместе с тем строгий вид. Когда Иван Иванович не в духе, то врачует грубо: счищает болячки, как шелуху с картошки, заливает их йодом прямо из бутылки, а санитарка тетя Параша накладывает выдавшие виды рыжие бинты, подсовывая под них сомнительной чистоты вату, обернутую марлей.

Так лечит Иван Иванович бедняков, которые с раннего утра до самого вечера ждут своей очереди прямо на площади перед больницей, привалившись к своим возам. С больными среднего сословия, которые являются на прием с некоторой мздой, Иван Иванович обращается обходительней. Ну а «достойных мира сего» — богачей — принимает сам Василий Павлович Царев — главный врач больницы, солидный человек лет сорока с небольшим, очень представительный, с приятной наружностью. Темная русая борода и усы очень идут к его приветливому лицу и карим задумчивым глазам. Он начальствует здесь уже около десяти лет и сумел навести образцовый порядок в больнице. Его знают и уважают во всей округе, при встрече с ним каждый почтительно снимает шапку.

Живет Василий Павлович напротив главного корпуса в красном, почти квадратном кирпичном здании на втором этаже. А на первом помещается кухня с пекарней (если можно назвать пекарней большую хлебопекарную печь, сложенную в углу кухни). Тут же, на первом этаже, прачечная; она отгорожена от кухни капитальной стеной. В прачечной, в пару и сырости, гнут спины две пожилые прачки. Труд их каторжный, от зари до темна: ведь всю больницу надо обстирать.

Кухаркой работает Варвара Николаевна, «покрытка», недавно приехавшая с маленьким сыном, который носится по саду, как бесенок. Бегает он в одной длинной рубашке, будто девчонка; так ему удобней — не нужно возиться со штанами, если приключится нужда. Скачет по большому саду, заглядывает к выздоравливающим и даже добегают до «заразного» барака, который расположен в самой глубине сада.

Мать трудится не покладая рук — ведь еду готовить надо опять-таки для всей больницы. Правда, меню немудреное: борщ, щи, супы картофельные и крупяные... Тем, кто на легкой пище, — так называемые молочные супы с лапшой или пшеном или просто вареная водичка, именуемая бульоном. На второе, как правило, каша во всех видах или просто мамалыга с олией ¹, очень редко с салом и шкварками. Хлеб, черный

и белый — по прописке «главного» (так называют больные и служащие больницы Василия Павловича).

Хлеб выпекает тоже мать. Очень тяжело ей достается, когда она месит тесто, обильно смачивая его своим потом, а иногда и слезами — мало ли у нее горя! А сколько обид приходится терпеть от окружающих: ведь, как-никак, мать байстрюка! Да и сынок своими шалостями и проказами немало приносит огорчений, а накажешь — заберется на макушку дерева, что перед окном комнатенки в главном корпусе, которую она с сыном занимает, и не слезает, пока не простишь его. Иногда даже упрашивать, надо, чтобы слез, — ведь может сорваться с дерева и убиться или покалечить себя.

Так, в тяжком труде, тянулись дни. Единственное просветление наступало, когда на кухню заходил Василий Павлович. Он обращался к новой служащей на «вы», ценил, видно, ее за трудолюбие и за грамотность — все же она бегло читала, писала и знала четыре действия арифметики. Ей были приятны его посещения, а окружающие поговаривали: «Как бы чего не вышло, ведь Василь Палыч одинокий человек...»

Он действительно заходил на кухню, потому что Варвара Николаевна ему нравилась. Нравилась своей скромностью и опрятностью — всегда она была просто, но чисто одета. С ней интересно поговорить — она развита, видно, много читала. А главное: доктора привлекала ее красота, ее нежная шея, высокая грудь, стройная фигура. И незаметно для себя Василий Павлович стал задерживаться на кухне дольше, чем было нужно. Варвара Николаевна, казалось, этого не замечала и продолжала относиться к нему как к своему начальнику — и только. А он нет-нет да и задумается над тем, как быть, как вести себя с ней дальше.

Василий Павлович привязался и к Ванюше, смелому и смышленому мальчугану. Доктор иногда баловал мальчика. Ванюша также полюбил доброго, славного доктора и часто бывал у него.

Когда Царева вызывали в имение графа Гейдена, расположенное на другой окраине Сутисок, Василий Павлович ехал туда на двухколесной биде — так называли узкую повозку, в которую больничный сторож запрягал сытого гнедого мерина. В коляске, хоть и не без труда, можно было усестись вдвоем. Как-то при очередном вызове в имение доктор взял с собой Ванюшу, усадив его в биду впереди себя между колен.

Скоро выбрались на хорошую дорогу; доктор пустил коня порезвей. Они проезжали мимо кирпичных домиков под жестью — здесь квартировали те, кто служил в экономии графа: столяр, кучер, механик с водокачки, слесарь и кузнец. Имение было большое, благоустроенное. Ровное, бескрайнее поле барских хлебов уходило до горизонта. На берегу речонки стояла господская водокачка.

Эта поездка едва не закончилась трагически. Уже виднелись массивные, никогда не закрывавшиеся ворота экономии, когда мерин, вдруг чего-то испугавшись, рванул изо всей силы в сторону и понесся вскачь. Не разбирая больше дороги, ломая кусты, он мчался в сторону глубокого оврага, заросшего ольхой и вербой. На полном ходу беда перевернулась, накрыв собой доктора и Ванюшу. Больше они ничего не помнили.

Подоспевшие к месту происшествия мужики вытащили их из-под повозки и стали обливать холодной водой из ведра. Лицо доктора было в крови. Пришедший в себя Василий Павлович быстро оцупал голову и лицо мальчика — кажется, все в порядке; вот только переносица разбита... Нашли сумку с медикаментами. Доктор забинтовал почти все лицо Ванюши, оставив лишь щелки для глаз. Мальчуган оказался терпеливым и даже не заплакал. Потом доктор привел себя в порядок — протер спиртом ссадины на руках и на лице, смазал йодом рассеченную правую бровь и залепил ее пластырем. Мужики успокоили храпевшую и дрожавшую всем телом лошадь, подправили коляску и, усадив в нее доктора и Ванюшу, повели гнедого под уздцы в графскую экономию.

Осмотрев заболевшего инфлюэнцей графчука и оставив ему жаропонижающее, доктор вернулся в больницу. Навстречу вышла расстроенная мать Ванюши, которой уже сообщили о происшествии. Она было схватила мальчишку на руки, но доктор мягко отстранил ее и сам отнес Ванюшу в перевязочную.

3

Воспоминания раннего детства смутны. Лучше всего запомнился Ванюше дед. Запомнилась его доброта. Вот Ванюша бежит навстречу деду, который возвращается домой после объезда. Он сажает мальчика в седло, придерживает, чтобы тот ненароком не свалился с лошади. Перед воротами стояла никогда не просыхавшая лужа. Однажды Ванюша каким-то образом забрался на ворота и оттуда свалился в эту лужу. Потом его долго отмывали от налипшей грязи. Больше всех хлопотал над внуком дед.

Когда он умер, его хоронили не в Ворошиловке, а в Жмеринке, где жила сестра деда. Все плакали. Дед лежал в гробу. Его всегда белый высокий лоб теперь пожелтел, а большая пышная борода стала еще длиннее и отливала серебром. Ванюшу подвели к ногам деда, на которых белели новые носки, и сказали:

— Целуй.

И малыш чмокнул новые холодные носки.

Жизнь в Калиновке связывалась с воспоминаниями о войне. Ванюша бегал на станцию встречать и провожать воинские эшелоны, идущие на Дальний Восток, в Маньчжурию. Солдаты были одеты в овчинные штаны и такие же полушубки. На головах — косматые папахи. Ванюша смотрел на солдат замороженными глазами. Ему очень хотелось поехать с ними. Да и кому из мальчиков не хотелось на войну, которая им представлялась такой же интересной, как сказка про Бову королевича, легко побеждавшего своих врагов! Ведь и подвыпившие солдаты кричат, что японцев шапками закидают. Вот здорово было бы и свою шапку бросить в общую большую-большую кучу, которая накроет всю Японию. О том, что Япония находится в море-океане на маленьких островах, он слышал от дяди Миши — мужа тети Елены.

Много эшелонов проходило через станцию не останавливаясь. Однажды из окна теплушки какой-то солдат бросил к ногам мальчика деревянный крест. Крест был сделан умелой рукой резчика по дереву. Ванюша быстро научился разбирать крест на гладко обструганные палочки и собирать его. Он показал находку матери и дяде Мише, который был главной фигурой в семье. И хотя лицо дяди было сильно избито оспой и лоснилось, будто вымазанное маслом, Ванюша любил и уважал его.

Дядя Миша внимательно рассмотрел крест и похвалил неведомого солдата за чистоту работы. А мама была очень опечалена и сказала, что это плохое предзнаменование. С ней согласилась бабушка Мила. Мальчик, боясь, что крест сожгут в печке (о чем совершенно ясно высказалась бабушка), быстро выхватил крест из бабушкиных рук и убежал на улицу, чтобы спрятать его в надежное место. Дядя Миша только рассмеялся вслед мальчику и крикнул:

— Молодец, Ванька!

Это событие крепко врезалось в память мальчика, тем более что его горю не было конца, когда при отъезде со станции Калиновка в Сутиски он не нашел креста, с такой тщательностью запрятанного за стеной угольного сарая водонапорной башни; а мать, наоборот, успокоилась: ведь с пропажей креста исчезло и «дурное предзнаменование».

Воспоминания — это прошлое. А жизнь идет, и новые события, одно значительнее другого, разворачиваются с каждым днем.

Наступило лето — самая хорошая пора на Украине. Даже посетителей в больнице стало меньше. Ведь столько работы в поле, что некогда болеть, это дело можно отложить до зимы. А война не считалась ни с чем, запасных все призывали и призывали. Дошла очередь и до коллежского асессора Василия Павловича Царева — военного врача; запаса.

Для больницы это было большое горе: ведь Василий Павлович считался не только отличным врачом, но и замечательным распорядителем, хозяином. И вот этого человека провожали на войну, а слово «война» было зловещим, страшным, его все боялись и ненавидели, да к тому же с войны шли только плохие вести: оказывается, японская армия была лучше подготовлена и обучена, чем русская, и русские терпели поражение за поражением.

Василий Павлович надел парадную форму военного врача и весь блистал серебром. Ванюша был просто в восторге, он даже сказал, что Василий Павлович похож на царя.

Фельдшер Иван Иванович явился на проводы при медалях за русско-турецкую войну. Был среди провожающих и молодой земский врач, недавно прибывший в Сутиски и теперь принявший дела от Василия Павловича. Новый врач все еще носил студенческую тужурку, и его сразу же прозвали студентом.

Василий Павлович тепло простился со всеми больничными. Взял руку Варвары Николаевны, долго держал ее в своей руке, а потом нагнулся и поцеловал. Подхватив Ванюшу под мышки, внимательно посмотрел на его нос и сказал:

— Все прошло, нос даже лучше стал.

По-отцовски крепко поцеловал мальчугана, а тот, обхватив доктора за шею, попросил:

— Возьмите меня на войну.

Все засмеялись, а Василий Павлович грустно ответил:

— Я, милый, и сам бы не поехал на войну, если бы можно было.

Бида, в которой так часто «главный» навещал больных, теперь увозила его на фронт. Дед Петро погнал гнедого на станцию Гниввань. Вскоре коляска скрылась из глаз — только виднелся хвост дорожной пыли. А люди — старые и малые, здоровые и больные — продолжала стоять в суровом молчании, глубоко опечаленные расставанием. Варвара Николаевна и тетя Параша плакали.

Несколькими днями позже со станции Гниввань на десяти подводах крестьяне привезли в больницу новую группу раненых солдат. Раненые много рассказывали про войну: как хунхузы мешали воевать, как русские по вине высокого начальства терпели неудачи. Эти рассказы разносились по всей округе, и народ глухо роптал.

Ванюша все время пропадал в палатах, где лежали раненые, он охотно выполнял все их просьбы и с глубоким интересом слушал нескончаемые рассказы о боях в далекой Маньчжурии.

С усатым человеком, назвавшимся дядей Петей, он подружился. Ванюша частенько забегал в палату, где дядя Петя лежал с нелепо поднятой

вверх толстой ногой, к которой была подвешена тяжелая гиля, подавал раненым воду или спички. Он возбуждался, когда солдаты рассказывали, как они били японцев, и старался не слушать, как японцы били наших.

Дядя Петя начал выходить на костылях во двор. Его собеседником обычно был тезка, больничный сторож дед Петро. Он угощал раненого крепким самосадом, они чинно садились где-нибудь в тени и вели бесконечные разговоры.

— А за какие такие шиши кровь льет народ? — говорил дядя Петя. — Стыдно сказать, ей-богу, как нажал японец, а у нас не только пушек — патронов нет... Глядим, вагоны приходят. А в вагонах иконы! Со святыми упокой, мол, солдатики. Вот те и поддержка. — И дядя Петя даже сплюнул от досады.

Ванюша вертелся тут же, а потом собирал ватагу мальчишек, которых дед Петро гонял с больничной территории, и пересказывал услышанное. Для интереса он все преувеличивал, а в тех местах, где солдаты со злобой говорили, как наших били японцы, Ванюша менял смысл, и выходило по-другому: а здорово японцам доставалось от русских!

...Ваня рос крепким, живым и очень добрым по натуре. Он любил собак и подкармливал всех бездомных дворняжек объедками с кухни. Когда собаки остервенело грызлись между собой, свиваясь в живой клубок, Ваня бесстрашно прыгал в самую гущу свалки и разгонял их. Как-то одна из собак в пылу драки вцепилась ему в ногу повыше колена, рана от ее клыков оказалась довольно глубокой, по ноге струилась кровь. Собака, чувствуя себя виноватой, жалобно скулила и жалась к ногам мальчика. Ваня решил не тревожить маму, тайком взял у тети Параша йод и смазал им рану. Со временем все заросло, остались лишь розоватые шрамы.

Как-то Ванюша спросил:

— Мама, а что такое байстрюк? Меня так ребята дразнят.

— Это глупое слово, ты не слушай их, — ответила Варвара Николаевна, а у самой екнуло сердце: она хорошо понимала, какое это злое слово. Ей было очень тяжело, и она горько заплакала. Но что было делать!

Скоро и Ванюша понял, что означает слово «байстрюк», и что-то в его детском сердце надломилось. Он стал замыкаться, старался скорей уйти от тех мальчишек, которые преследовали его этой кличкой.

Ранним утром на плацу перед больницей выстроился полк драгун. Сытые кони танцевали от нетерпения. Драгуны ждали начальства. Наконец

раздалась команда:

— Полк, смирно! Для встречи справа, под знамя — шашки вон!

Блеснули клинки, замерли ряды. Справа, из-за школы, на коротком галопе выехали три всадника. Средний держал штандарт полка. Когда они заняли свое место на правом фланге, последовали новые команды. По сигналу трубы начались перестроения. Сначала полк построился в колонну поэскадронно, затем — повзводно и наконец — в колонну по три. Это было красивое зрелище.

Ванюше, как и другим мальчишкам, казалось, что лошади сами по себе, без вмешательства бравых, лихих драгун, выполняют команды трубача. Он вскидывал к небу свою блестящую начищенной медью трубу, а «умные лошади» одновременно изменяли строй.

Странное дело: на площади зевак не было — мужики и бабы куда-то попрятались. Непонятно было и другое: когда полк, наконец, двинулся по направлению к вальцовым мельницам и винокуренному заводу графа Гейдена, музыка не заиграла. Трубы полкового оркестра были зачехлены. Откуда было знать Ванюше и его сверстникам, что драгуны отправляются на выполнение боевого задания: революционные события 1905 года всколыхнули Украину, захватывая не только промышленные предприятия, заводы, но и затерянные в лесостепи села и местечки. Видно, и в Сутисках, на мельницах графа, назревали большие дела, но Ванюша был еще слишком мал, чтобы отчетливо разобраться во всем происходящем.

Он лишь хорошо запомнил в это время визиты в больницу с попечительской, благотворительной целью графини Гейден Екатерины Михайловны, урожденной Драгомировой, красивой, высокой женщины лет тридцати с небольшим. Она носила траур по недавно умершему отцу.

Графиня ходила по палатам и раздавала нашейные крестики и небольшие медные иконки раненым, которые заполнили к этому времени почти всю больницу. Лишь немногим счастливицам попадали носовые платочки. Когда графиня отходила, некоторые провожали ее откровенно разочарованными и насмешливыми взглядами.

Заглянула она и на кухню. Обо всем расспрашивала и всем интересовалась. Когда графиня поздоровалась с Иваном Ивановичем, он, как и подобает отставному унтер-офицеру, вытянулся в струнку, держа руку по швам, и гаркнул:

— Здравия желаю, ваше сиятельство!

Графиня улыбнулась, видно осталась довольна, а Иван Иванович еще старательнее выпятил грудь.

Графиня несколько раз посещала больницу и обязательно заходила на кухню к Варваре Николаевне. Должно быть, мать Ванюши понравилась ей

своей аккуратностью и добрым характером. Визиты эти закончились тем, что графиня забрала Варвару Николаевну к себе в имение поварихой.

Весной Варвара Николаевна вместе с Ванюшей переехала в графский дворец, «палац», как его здесь называли, и поселилась в отдельной комнате рядом с башней. Эта комната имела одно окно, выходящее на парадную сторону, и отдельным ходом сообщалась через башню с улицей, а через винтовую лестницу — с кухней, которая располагалась в полуподвале. Окна кухни находились почти вровень со скалой, на которой, возвышаясь над Бугом, стоял дворец. Из этой комнаты можно было попасть также в графские покои.

Дворец был добротный, в два этажа, со множеством комнат разного назначения. Графские покои богато и со вкусом обставлены; чудесный светлый узорчатый паркет покрыт мягкими персидскими коврами; стены украшены шелками и гобеленами.

Перед дворцом простиралась ровная площадка с вековыми липами вдоль покрытых гравием дорожек, с фонтаном посередине, беседками, яркими цветниками и плакучими ивами. Громадная усадьба делилась на несколько участков. Один из них занимали так называемый швейцарский дворец, молочная с ледником и красивый особнячок, в котором жил немец-садовник герр Отто. На другом раскинулся обширный сад с оранжереями, теплицами, садовыми грядками. Сад пересекала прямая, обсаженная липами и живой изгородью дорога, выходящая на шоссе Сутиски — Тывров. От домика-особняка садовника до самого Буга тянулась высокая каменная стена с битым стеклом наверху.

За стеной начиналась хозяйственная часть имения: короварня примерно с сотней коров; господская конюшня — лошадей на тридцать; добротный каменный каретный сарай, птичник и свинарня. Среди них — огороженная большая площадка, разделенная на квадраты, куда выпускались на прогулку коровы, лошади и свиньи — погреться и полежать на солнце. Дальше располагались зерновые склады, крытые гофрированным железом, за ними — рабочая конюшня и волоня, потом — кузница, мастерские сельскохозяйственного инвентаря. В стороне от хозяйственных построек — хороший дом с садом: в нем живет управляющий имением Карл Карлович, препротивный и злой немец, с рыжими стриженными усами, с красным лицом. У самых ворот, за которыми стоит водокачка, — невзрачная кухня и столовая для батраков. Здесь обычно роятся полчища мух.

Обширные владения графа Гейдена с полями, ягодниками, лугами, лесом были отгорожены от внешнего мира глубокими оврагами и живой изгородью из колючего кустарника. Кроме того, имение охранялось объездчиками и многочисленными сторожами. Так был отделен этот сытый

и довольный господский остров от океана народной нужды, от голодного и бедствующего вокруг люда, еще не успокоившегося после революционного взрыва 1905 года.

На новом месте Варвара Николаевна быстро освоилась со своими обязанностями. Она заменяла повара, безногого дядю Кирилла, когда он пил запоем, а в остальное время выполняла обязанности экономки и вела хозяйство графини: это были заботы о столовом белье, посуде, фруктах, ягодах, битой птице к столу и еще много всяких других дел. Мебель, ковры и содержание графской половины в порядке — было делом старшего лакея Лаврентия Егоровича, чаще просто Лаврентия.

У Варвары Николаевны нередко случались недоразумения с Карлом Карловичем, который, пользуясь правами управляющего, забирал с короварни для нужд экономии большую часть удоя, а Варвара Николаевна стремилась все молоко сепарировать в молочной, чтобы к графскому столу иметь вдоволь масла, сливок и сметаны. Лето и осень она возилась в молочной и на кухне — заготавливала разные варенья, сиропы, квас и шипучки — и все это хранила в леднике, заполняя полки длинными рядами банок и нескончаемыми батареями бутылок, тщательно закупоренных и обвязанных, чтобы пробки не выскакивали, и даже залитых сургучом для герметичности.

Простой хлебный квас хранился на льду в бочках, а с изюмом — в бутылочках. Самым вкусным напитком Ванюша считал шипучку из листа черной смородины и выпивал, когда выпросит у мамы, по целой бутылке этого чудесного, ударяющего в нос напитка. Всему он имел свою оценку: сливки и сметану любил, а сыр, например, считал мылом и терпеть его не мог, удивляясь, как такое «добро» едят графы. Когда привозили большие, как мельничные жернова, колеса швейцарского сыра и красные головки голландского, он даже не интересовался разгрузкой, а уходил куда-нибудь подальше. Зато при виде ветчины и колбасы, хранившихся в мясном отделении ледника, у него текли слюнки, и иногда Варвара Николаевна давала ему по кусочку всего полакомиться. Когда же Ванюша тайком добирался до банок с вареньем, то, быстро работая столовой ложкой, чтобы управиться поскорей, пока никто не видит, вволю наедался. Аккуратно закрывал банки, а затем как ни в чем не бывало, с безгрешной мордочкой и спокойными глазами пробегал мимо многочисленной челяди.

Во дворце графская семья жила только весной и летом. Когда вставляли графиня и граф, Ванюша не знал, но зато его самого мама будила очень рано, почти в то же время, когда вставала сама — это было около шести часов утра, а иногда и раньше, — и заставляла делать пренеприятнейшую процедуру — умываться холодной водой; поила молоком и отпускала

гулять. В это же время выходили гулять вместе с учителем Петром Ивановичем и графчуки, все трое. Дорик такого же возраста, как Ванюша, ну, может быть, старше на год-полтора, держался важно, подчеркивая, что он все же граф. Миша — года на два моложе Дорика — вел себя с Ванюшей совсем просто, по-дружески, несколько даже заискивал перед ним, как перед старшим по возрасту. А Сандрик был совсем малыш — лет четырех, не более; он старался во всем подражать Мише и особенно Ванюше, они были для него непререкаемыми авторитетами. Дорик от этой тройки держался в стороне, но зато ему Петр Иванович уделял больше всех внимания.

Как-то графиня наблюдала, как ребята работают на своих «огородах» — маленьких кусочках земли, где надо было посадить всего понемножку: несколько клубней картофеля, три-четыре кустика рассады капусты, посеять свеклу, морковь, редиску, горох, кукурузу, подсолнух и немного цветов. Ванюша помогал Мише и Сандрику. Мальчики с увлечением копались на своих участках. Одет был Ваня в темные длинные штанишки с выпирающими пузырями коленками и в синюю с белыми крапинками косоворотку из ситца. На голове — ученический картуз: Ваня собирался с осени пойти в школу. Графские мальчики были одеты одинаково: в белые с открытыми воротничками и короткими, выше локтя, рукавами рубашечки; на каждом — белые трусики и пикейные накрахмаленные, хорошо отглаженные панамки. Варвара Николаевна, проходя из молочной на кухню и увидев эту картину, позвала Ванюшу с собой. Графиня остановила ее, справилась кое о чем по хозяйству и между прочим сказала, немного картавя:

— Ты, Варвара Николаевна, сшей такой же белый костюмчик и панамку своему Ванюше. Он тогда ничем не будет отличаться от мальчиков, и пусть они вместе играют и занимаются.

— Хорошо, ваше сиятельство, большое вам спасибо за это разрешение.

Варвара Николаевна была на седьмом небе. О такой милости она не смела и думать.

— Вот и прекрасно. Ты, Варвара Николаевна, можешь называть меня просто — Екатерина Михайловна. Мне приятно сделать хорошее для тебя и для Вани.

Трудно сказать, искренне это было сказано или графиня лукавила. Впрочем, истинную цену ее «доброты» Варвара Николаевна узнала позже.

— А ты, Петр Иванович, — продолжала графиня, — сделай, чтобы и у Ванюши был свой огород, и пусть каждый работает на своем участке.

— Слушаюсь, Екатерина Михайловна, все будет сделано, — ответил довольный этим решением учитель-гувернер.

Варвара Николаевна окончательно смутилась, и краска залила ее лицо — она не знала, как отблагодарить графиню.

С тех пор Ванюшу словно бы уравнили в правах с графчуками, и он попал под начало Петра Ивановича, который почти все дни проводил с мальчиками. Они обязаны были сами ухаживать за огородиками: полоть, поливать и высаживать растения. В остальное время ребята ходили с учителем по саду, изучали породы деревьев, собирали гусениц. В лесу также знакомились с деревьями, учились узнавать по ним, где юг, север, восток и запад. Длинную беседу Петра Ивановича прослушали над большим муравейником: как живут и трудятся муравьи. Какую бы ни нашли букашку, жука или козявочку, Петр Иванович обязательно рассказывал, что это за вид, полезен он или вреден, как живет и размножается. Так же подробно говорил он о всех птицах, обитателях водоемов и рек. По понедельникам, средам и пятницам после обеда с мальчиками занимались бонны: немка, француженка и англичанка — обучали иностранным языкам. Они почти совсем не умели говорить по-русски и потому вынуждены были изъясняться с мальчиками каждая на своем языке.

С Петром Ивановичем мальчики ходили по всей экономии, выезжали в поле на жатву и молотьбу, на сахарный завод в Гнивань, в карьеры по добыче и обработке гранита, на кирпичный и винокурный заводы, на водяную и паровую мельницы, в мастерские — и всюду получали от Петра Ивановича или от специалистов подробные объяснения.

Больше всего понравилась Ванюше молотилка. Все в ней ходило и стучало, а вокруг машины вилась легкая золотистая пыльца; мальчиков и одетого в белую рубаху, подпоясанную витым пояском с кистями, Петра Ивановича обдавало густым, вкусным запахом пшеницы. Ванюше очень хотелось подержаться за ритмично двигавшиеся детали, и он старался поближе стать к машине. Работавшие около молотилки поденщики добродушно посмеивались:

— Погоди, сынок, еще наработаешься!

Они-то знали, что он не графчук.

Поденщики прекрасно уловили разницу между Ванюшей и тремя графчуками, и если к нему относились с покровительственной снисходительностью, то на графчуков посматривали с явным недружелюбием: чего, мол, ходят, представление тут, что ли?

Однажды Дорик хотел заглянуть в чрево молотилки, откуда сыпалось зерно, и подошел поближе, а мужик, с огромным мешком на плечах, в серой посконной, распяленной на побагровевшей шее рубахе, пошел прямо на него (конечно, в шутку) и громко крикнул:

— Ушибу, ваше сиятельство, посторонись!

Дорик побледнел, отскочил. С лица его медленно сходило выражение испуга, дрожащие губы складывались в гримасу обиды и презрения. А поденщики хохотали, да так смачно и жестоко, что Ванюше даже стало жаль нелюбимого Дорика. Он и представить себе не мог, что пройдет немного времени, и над дориками всей России, уже отнюдь не в шутку, пронесется:

— Посторонись, ушибу!..

Иногда по утрам приводили лошадей, покрытых плотными оранжевыми потниками, затянутыми крепко троками, и мальчики учились ездить верхом: Миша и Сандрик на маленьких пони, а Дорик и Ванюша на обычных лошадях; подбирали для этого самых спокойных: ездить верхом на потниках очень трудно — сразу можно слететь.

Все дни были расписаны. Вставали дети рано, умывались холодной водой или шли с Петром Ивановичем в купальню и купались в Буге, закалялись и загорали. Завтракали, обедали и ужинали в определенные часы. Ванюша обедал с мамой, но ел почти то же, что давали графчукам. Больше всего Ванюша не любил есть всякую зелень, а Варвара Николаевна упорно заставляла, и главным образом потому, что это ели графские дети.

— Это шпинат, — говорила Варвара Николаевна, — он полезен.

«Куда там! — думал Ванюша. — На короварне этого блюда сколько хочешь, свеженького и даже тепленького».

Но ничего не поделаешь, по настойчивому требованию мамы приходилось есть и шпинат — лишь бы не отлучили от графчуков!

Так прошло лето. С весны жила у графов какая-то дальняя родственница, молодая вдова мадам Ирен с двумя мальчиками-близнецами, которые напыженно ходили в матросских костюмчиках со своей мамой и никогда не играли с графчуками и Ваней. В августе мадам Ирен с мальчиками уехала. «Ну и шут с ними», — подумал Ванюша, не любивший их за высокомерие.

Осенью вся графская семья уезжала за границу — в Германию — и там проводила зиму, а весной опять приезжала на лето в имение. Иногда граф Александр Федорович появлялся и зимой, подкатывая ко дворцу со станции Гнивань на четверке в карете, и проводил в имении несколько дней.

Тогда дворец оживал, чтобы вскоре опять погрузиться, подобно медведю, в зимнюю спячку.

Осенью Ванюша пошел в школу. Мама его уже научила читать, и в школе он шел впереди всех первоклассников. Оставалось время и на то, чтобы побаловаться — учитель даже жаловался на него Варваре Николаевне. Много тогда было упреков и слез. Это было самое страшное испытание для Ванюши, и он старался меньше шалить. Но все же как-то утащил у мамы ключ — такой красивый, блестящий, и главное, у него было

удобное горлышко, как ствол у маленького пистолета. В него Ванюша набивал очищенную со спичек серу, вставлял в отверстие гвоздь, привязанный веревочкой к ушку ключа, а потом, сильно размахнувшись, ударял гвоздем о камень. Раздавался треск, напоминавший выстрел, а из ключа даже выскакивал огонек.

Это оружие — пистолет — отобрали у Ванюши старшие ученики, как он ни отбивался от них. Его повалили, взяли ключ и попутно надавали тумаков. Ванюша, затаив злобу, молчал. Вдруг Варваре Николаевне потребовалось открыть шкаф со столовым бельем. Она долго искала ключ и, не найдя, спросила Ванюшу, не брал ли он его. Ванюша ответил, что не брал, но Варвара Николаевна заподозрила, что сын говорит неправду, и настаивала, чтобы Ванюша сознался. Он же упорно отказывался. Варвара Николаевна плакала. Ванюша плакал вместе с ней, но признаться в нечестном поступке у него не хватило сил.

Учитель Петр Иванович работал зимой в Виннице. Как-то раз он приехал в имение вместе со своими друзьями Николаем Ивановичем и Василием Александровичем — все они разместились в комнатах мансарды.

Василий Александрович — дядя Вася — много занимался и все что-то писал; к нему часто забегал Ванюша и наблюдал за тем, как страница за страницей покрываются красивыми, тщательно выведенными буквами. Иногда дядя Вася разговаривал с ним и рассказывал интересные истории из книжек. Николай Иванович, рослый мужчина лет тридцати пяти, с небольшой русой бородкой, ничего не делал, отдыхал. Иногда Петр Иванович засиживался с ним у Варвары Николаевны за чаем. Николай Иванович не спускал с нее глаз, а если она вставала и куда-нибудь уходила, то провожал ее своим неотрывным взглядом: она ему очень нравилась. Иногда их взгляды встречались, и тогда Варвара Николаевна опускала глаза и на ее щеках появлялся румянец.

Наведываясь к Василию Александровичу, Николай Иванович подолгу сидел молча, о чем-то раздумывая, потом брал на руки Ванюшу, возился с ним на диване и все говорил:

— Хороший ты паренек, Ванюша.

Через неделю Петр Иванович и его друзья уехали в Винницу, и опять дворец зажил тихо. Правда, с этого времени к Варваре Николаевне стал придирается старший лакей Лаврентий. Он все грозился, что о ее поведении расскажет графине, хотя рассказывать-то было не о чем.

Недели через две вновь появился Николай Иванович — приехал навестить Варвару Николаевну. Они пили чай, подолгу разговаривали, а когда она уходила по делам, Николай Иванович, или дядя Коля, как называл его Ванюша, долго занимался с ним: проверял, как тот подготовился к урокам, заставлял читать вслух, поправляя произношение. Иногда они играли — дядя Коля подбрасывал на руках Ванюшу, словно маленького, щекотал его лицо своей бородой и усами. Ванюша очень привязался к дяде Коле. Варвара Николаевна была этим довольна. Когда не было Николая Ивановича, Ванюша скучал, но он так же неожиданно уехал, как и появился.

Мороз заковал Буг в прочный ледяной панцирь. Возчики возили лед, выпиленный пилами на реке, в ледник. Когда лед сгружали и спускали по желобам в глубокий подвал, он искрился и отливал синевой на солнце. По возвращении из школы Ванюша все время вертелся среди возчиков, помогал им в работе: кому лошадь подержит за вожжи, с кем на реку съездит. В общем, был он свой среди крестьян, и они даже вроде любили его.

Вообще Ванюша старался быть ближе к мужчинам, любил подражать им, ведь у него не было отца. Не любил он только молодого лакея Сережку, который каждое утро приносил начищенные ботинки для Варвары Николаевны. Он их чистил не столько по ее просьбе, сколько по собственной инициативе и долго-долго задерживался, следил за каждым ее движением, когда она была дома. А она в это время что-нибудь делала и не обращала на него внимания, словно не замечала его.

Сергей — худой, высокий. Он всегда чисто и аккуратно одет в лакейскую черную пару. Бледное лицо с тонкими чертами и гладко зачесанные назад темные волосы делали его облик приятным и даже красивым, но вот резко выступавший кадык портил все дело, и Ванюша из-за этого кадыка терпеть не мог Сергея, хотя тот старался ему понравиться. Через Ванюшу Сергей пытался найти ключ к сердцу Варвары Николаевны, в которую он был без памяти влюблен.

Иногда Варвара Николаевна долго сидела, склонившись над учетными книгами. Свет от лампы падал на ее лицо, на порозовевшие щеки, на густые черные волосы, и она в эти минуты была особенно привлекательна. И Сергей в это время страстными, почти безумными глазами смотрел на нее, хотя она была старше его на целых десять лет.

Для Сергея было мучением, когда на январские каникулы опять приехал Николай Иванович и подолгу сидел в ее комнате — Ванюша в это время болел корью, и Варвара Николаевна не оставляла его одного.

Сергей понимал, что Николай Иванович и Варвара Николаевна вполне подходили друг другу по возрасту, по характеру, да и по внешности,

Ванюшка, этот противный мальчишка, казалось, тоже являлся каким-то связующим звеном между ними.

Со скорого поезда, который не останавливается на станции Гнивань, Николай Иванович спрыгнул прямо под откос, чтобы скорее увидеть Варвару Николаевну, сильно ушибся и довольно заметно хромал. «Почему он не убился насмерть?» — думал Сергей, испытывая острую боль в сердце. Будь что будет: уедет Николай Иванович, соображал он, упаду на колени перед Варварой Николаевной, скажу ей, как люблю ее, что жить без нее не могу.

Именно так вскоре Сергей и сделал, не обращая внимания на находившегося в комнате Ванюшу. Варвара Николаевна была очень удивлена и, приподнимая молодого человека за плечи, тихо и растерянно говорила:

— Встаньте, Сережа, опомнитесь, что вы делаете...

А Ванюша только прыснул и убежал из комнаты.

Но дело на этом не кончилось. Сергей все время напоминал Варваре Николаевне о своих чувствах, та его вразумляла, говорила, что он старше Ванюши только на десять лет и на столько же моложе ее, но ничто не помогало. Варвара Николаевна стала все чаще и чаще задумываться над этой любовью, и чувство жалости к Сергею сменялось каким-то смутным чувством чистой любви к этому, так горячо полюбившему ее парню. А Ванюша все ждал: скорее бы приехал Николай Иванович и женился на маме. Он недоумевал: почему мама и дядя Коля давно не поженились? Ведь Ванюша своими ушами слышал, как дядя Коля говорил маме: «Варя, я безумно тебя люблю», а мама отвечала: «Подожди, Коля, ты лучше проверь свои чувства и подумай — я не одна».

Что тут думать — Ванюша давно согласен. Как было бы хорошо, если бы они зажили вместе, втроем.

Всякий раз ближе к весне Варвара Николаевна выезжала в Жмеринку на базар на загруженной всякой ходовой снедью большой фуре. Торговля в Жмеринке шла бойко: масло, первосортный творог, который, украинцы называют сыром, сметану, свежие копчености быстро разбирали покупатели, и, возвращаясь в имение, Варвара Николаевна привозила много денег, старательно занося их в книгу прихода. Как-то раз, уже в разгар весны, она повезла в Жмеринку на базар свежую капусту, морковь, столовую свеклу, чудесные красные помидоры, собранные в обширных

парниках и теплицах герра Отто, — этот товар буквально шел нарасхват на рынке и, конечно, поднял доход графини: сад — это было, ее хозяйство, а экономия — графа. В этот раз Варвара Николаевна взяла с собой в Жмеринку Ванюшу.

Для него это было настоящим событием: сперва ехать на возу почти, целых тридцать верст, а потом окунуться в шумный, разноголосый и пестрый мир большого города, каким Ваня в то время считал Жмеринку...

Ехали день, вечер и всю ночь, а ранним утром добрались до города. О, как интересно было на рынке, сколько тут всякого народа, сколько на возах и столах тушек розовых поросят, отборной свинины, колбас, окороков, битой птицы, масла, меду, творогу, яиц! А мука, какая чудесная белая мука!

Бойкие молодницы, в подоткнутых юбках, в славных добротных чеботках на высоком тонком каблуке, заливались на все голоса:

— А вот кому медок сахарный! Медок, медок сладкий, куда слаще...

— Кому творожок свеженький, ровно сахар! Сырочек на славу...

— А вот сметанка, сметанка, как масло, подходите, берите, люди добрые!

Рынок шумел и гудел говором народа, пестрел в глазах разными красками.

Зелени в этот раз было мало, особенно спелых помидоров. Варваре Николаевне не надо было расхваливать свой товар, она быстро все продала.

Возвращаясь в Сутиски, заехали на вальцовую мельницу и взяли несколько чистеньких, аккуратно зашитых белых мешочков с мукой, на которых стояло по четыре нуля — надо запастись крупчаткой, скоро господа приедут.

Наступала весна. В садах защелкали соловьи; зазеленели луга; будто бубенчики, подвешенные на невидимых нитях, зазвенели высоко в небе жаворонки. Облака, огромные, белые, медлительными лебедями плыли над синим Бугом.

Самая красивая пора на Украине — весна; все в молочно-белом, цвету, все пронизано солнцем. Луга покрыты яркими разноцветными бескрайними коврами, а леса шумят свежей зеленью.

Дворец был приведен в полный порядок — навощен, покрашен, проветрен и ждал хозяев.

Вскоре к парадному крыльцу подкатила карета, запряженная четверкой вороных лошадей, за ней экипажи — графы приехали. Суетились лакеи во главе с напыщенным Лаврентием, у которого так и бегали глаза. А в вестибюле графиню встречала Варвара Николаевна с горничными. Ванюша увидел графчуков — Дорик холодно и надменно поздоровался с ним кивком головы, а Миша и Сандрик бросились обнимать.

На другой день появился Петр Иванович. Бонны фрейлейн Клара, мадемуазель Луиза и мисс Элизабет приехали вместе с графской семьей. Начался обычный летний распорядок, но Ванюшу почему-то больше не приглашали к графчукам, а без приглашения он не мог появляться у них.

Через несколько дней, просматривая хозяйственные книги у Варвары Николаевны, графиня осталась очень довольна деятельностью своей экономки: доходы были солидные. Но графиня хмурилась и, посмотрев в упор на Варвару Николаевну, строго сказала:

— Я тебя, Варвара Николаевна, увольняю с работы, хотя работала ты очень хорошо. Я не могу оставить тебя в своем доме — ты его опорочила.

Для Варвары Николаевны эти слова были полной неожиданностью. Видно, кто-то из мелких завистников, скорее всего старший лакей Лаврентий, наговорил о ней графине всякой всячины, оклеветал, рассказал о наездах Николая Ивановича, превратно изобразил ее отношения с Сергеем. Но графиня не пожелала больше разговаривать на эту тему, а Варвара Николаевна не стала ее спрашивать.

Неожиданная беда крепко придавила молодую одинокую женщину.

А Лаврентий был доволен. Наконец-то он свел счеты с непокорной экономкой.

Глава вторая

1

Через неделю Варвара Николаевна сняла в Сутисках за рубль в месяц полхаты у зажиточного мужика. В комнате громко застрекотала швейная машина, взятая в рассрочку у агента компании «Зингер». По целым дням сидела за ней Варвара Николаевна, не разгибая спины. Шила все больше кофточки сельским девчатам (юбки они сами себе шили — это не так мудрено). «Клиентки» носили ей за труды молоко, масло, сметану.

Да и Ванюша не сидел без дела. Он сделал себе из конского волоса лески, раздобыл у тряпичника крючки, нарезал из орешника удочек, пристроил поплавки из гусяного пера и пропадал на реке. И надо сказать, не зря: каждый раз, когда Ванюша возвращался домой, в руке у него болталась связка рыбок-верховодок. А если удавалось выпросить у дружков «подхватку», то и крупных пескарей можно было «намулить». Все это тоже шло к столу.

И вдруг появился Сергей, которого также уволила графиня. Он продолжал убеждать Варвару Николаевну в своей любви к ней, много раз вставал на колени и просил, чтобы она согласилась переехать к нему в село Клищов. Там они, мол, и обвенчаются. Ванюша, разумеется, был против этой затеи. Он даже написал тете Наташе, чтобы она приехала на помощь. «Надо прогнать Сережку, — сообщал Ванюша, — а мама что-то тянет и не решается это сделать».

Тем временем Ванюша сходил в имение Гейденов к садовнику Отто и попросил взять его на работу. Герр Отто согласился. Работы было полно всякой. Ванюша и цветы поливал, и грядки полонил, и компост готовил, и даже колировал молодые саженцы. В конце концов он так освоился с новым для него делом, что даже работал на черепичном станке: трамбовал цементную смесь, прессовал черепицу, подкрашивал ее во все цвета соответствующим цементным порошком и осторожно раскладывал готовые изделия под навесом для просушки. Все заработанные деньги приносил матери.

Приехала тетя Наташа с сыном Женей, которому было около двух лет, — родился он так же, как и Ванюша, вне брака. Тетя Наташа имела ручную швейную машину и тоже шила кофточки, иногда даже целые платья, вышивала рубашки.

Тете Наташе удалось отговорить Варвару Николаевну от брака с Сергеем, и тот отправился восвояси не солоно хлебавши. Все, казалось, было хорошо. Но тут случилось несчастье. Женя, играя на печи, настолько увлекся, что нечаянно скатился вниз — ударился спиной о припечек и упал на пол. Много было слез и причитаний. Тетя Наташа снесла Женю в больницу, а там сказали, что надо везти в Винницу. Так, конечно, и сделали. В Виннице определили, что у Жени поврежден позвоночник. Надо носить жесткий протезный корсет, чтобы не стать горбатым. А пока тетя Наташа занималась своими хлопотами, опять появился Сергей. Снова полились уверения в любви. И случилось то, чего боялся Ванюша: Варвара Николаевна решила переехать к Сергею в Клищов. Со слезами на глазах Ванюша поехал с ними.

Нерадостно встретил Клищов Варвару Николаевну. Покосившаяся хатка на краю села, небольшой двор, сарайчик и кладовая — камора, сзади хаты — садок, сбоку — огород и кусочек левады, — вот все хозяйство Сергея. Впрочем, хозяином он не был. Всем верховодила мать Сергея, баба Иванориха, как ее звали на селе. Иванориха была против приезда Варвары Николаевны и встретила сына бранью:

— Ты что это покрытку в хату привел, очумел, что ли?!

Сергей виновато отмалчивался.

Впрочем, Сергея подняло на смех все село. Ванюшка, где бы ни появлялся, везде слышал:

— Байстрюк! Байстрюк!

Он закусывал губу от обиды и, как волчонок, убегал прочь.

Да, несладко было и Ванюше, и Варваре Николаевне. Но что было делать? Жизнь, хоть и трудная, начала понемногу входить в свое русло. Варвара Николаевна занималась по хозяйству и опять-таки шила. Сергей еще раньше обучился столярному мастерству и теперь ладил всякую мебель — комоды, сундуки, стулья. Ванюша помогал ему в черновой работе: стругал ясеневые доски шершебком, обрабатывал пемзой мебель, готовя ее под полировку — работал старательно, до поту.

Сергей умел играть на скрипке. И вот, объединившись со слепым на один глаз стариком Еремой, игравшем на кларнете еще с военной службы, а Ванюшу приспособив играть на бубне, он сколотил своеобразный ансамбль, игравший на свадьбах. Тоже приработок!

Вообще Сергей оказался мастером на все руки: мог чинить часы, замки, делать ключи, стеклить окна, паять ведра. Всем этим и добывался хлеб, которого все-таки не хватало. Баба Иванориха ходила побираться в ближайшие села: в Соколинцы, Звоницу, Михайловку. Приносила домой

калачи, сухари, просвирки. Только молодым бабкины лакомства попадали редко — она обычно прятала их под замок в камору.

Настала осень. Сергей и Варвара Николаевна обвенчались в церкви. Фамилия мамы Ванюши стала теперь Лесная, а сам он остался со старой фамилией — Гринько и очень этим гордился. Он пошел в школу, во вторую группу. Учеба давалась легко, а ребята, поближе познакомившись с Ванюшей, меньше стали дразнить его байстрюком. Учились все вместе — мальчики и девочки, на всю школу был один учитель; он сразу занимался с тремя группами: в первой было человек тридцать, во второй примерно двадцать и в третьей, старшей — не более десятка учеников. Уроки начинались с молитвы и кончались молитвой. Ванюша крепко верил в бога и даже пел в церковном хоре, которым руководил школьный учитель.

По-прежнему Ванюша помогал по хозяйству Сергею и почти каждый день ходил с бабой Иванорихой за щепками в урочище Довжок. Там мужики заготавливали лес и в траве оставалось много дубовых и берестовых щепок. Работа была не из легких: до урочища добрых три версты, а мешок со щепками увесистый, сучки при движении врезаются в спину. Зато каждый раз по возвращении из урочища Ванюша получал полную кастрюльку мятой картошки, посоленной и проперченной, которую съедал с превеликим аппетитом, и после этого только холодную воду попивал из кадушки.

Когда наступила настоящая зима и Буг замерз, Ванюша, как и все его сверстники, сделал себе деревянный конек с хорошим подрезом. Крепко затянув его закруткой на правой ноге, он всю катался по вечерам. Конек служил ему и в походах за лозой, а они были довольно далекими. Затем он парил лозу в печке, плел из нее корзины, а иногда и колыски ². В воскресенье Ванюша носил продавать свои изделия в Тывров. За хорошую корзину получал по десять-пятнадцать копеек, а за колыску и до полтины, в зависимости от густоты плетения и качества лозы. Самой лучшей лозой считалась желто-оранжевая, она мягко и плотно ложилась при плетении, красная была уже похуже, и совсем мало ценилась зеленая, при плетении она ломалась, и корзины теряли красоту.

Пришла весна, а с ней и половодье. По реке пошел лед, высоко поднялась мутная вода. Но жизнь на реке не затихала. Началась ловля рыбы саками и подхватками. Ванюша и тут преуспевал: каждый день приносил домой богатый улов. Вода бурно перекатывалась через греблю ³. Водяная мельница не работала, не стучала шерстобитка, и шум воды особенно явственно раздавался вокруг. Переправиться на другой берег было трудно: паром вытащили далеко на берег, канат сняли. Правда, ины& удальцы переплывали Буг на лодках, рискуя при этом быть сбитыми льдиной или попасть в водоворот.

Летом все имевшие землю и то, чем ее обрабатывать, с раннего утра и до позднего вечера пропадали в поле. У Сергея Лесного была четвертка земли — четверть десятины, чуть побольше четверти гектара. Правда, земля эта принадлежала трем братьям: Сергею, Мирону и Степану. Но двое братьев служили дворниками, и их на эту четвертку не тянуло. Сергей же сдавал свой участок в обработку исполу имевшему быков дядьке Каленику, чья земля была рядом, и за это получал осенью пудов шесть-семь ржи. Так он поступил и сейчас.

А Ванюша снова ушел в имение графа Гейдена и работал у герра Отто в саду на подсобных работах, за что получал поденно пятнадцать копеек. На обкопке яблонь Ванюша часто встречался с объездчиком егерем Марко. В прошлом Марко был гусаром и сохранил военную выправку, некоторую гусарскую лихость. Он часто рассказывал Ванюше про свою службу в Санкт-Петербурге.

Ванюше было странно слушать его. Гусар, а рассказывает все про рабочих, про их тяжелую жизнь. А Марко, посверкивая из-под бровей черными глазами, говорил:

— Вот так, Ванюха, погоди, еще такая жизнь наступит! Только она сама не придет, за нее надо драться. Всем вместе объединиться и забрать у помещиков землю и вот эти сады, где ты яблони обкапываешь, и всё. Понимаешь?! — И тихо добавлял: — Но ты смотри, об этом нигде ни гу-гу.

— Ну что вы, дядя Марко! — успокаивал егеря Ванюша. — Я ни-ни, ни слова, и маме даже не скажу.

— Ну вот, вот — смотри, думай, а ничего не говори, — строго наказывал Марко и тут же вскидывал ловко ружье. Раздавался выстрел — камнем падал на землю шулик ⁴.

И, уже отъехав от Ванюши, дядя Марко оглядывался, подмигивал черным глазом:

— Смотри помни, что тебе говорил!

Ванюша очень любил дядю Марко, подолгу ходил с ним по саду и в лесу, как губка впитывал в себя все, что тот говорил ему...

На заработанные деньги Ванюша купил себе сапоги. Новые, хорошие и по ноге. «Приду домой, — думал он, — все ахнут». И надо же случиться беде. Как-то вертел в руках вилы и проколол ненароком носок у правого сапога. Вот горе! Как ни замазывал Ванюшка дырку ваксой и воском — ничего не получалось. Так с проколотым сапогом и явился Ванюша в Клищов осенью. Было мокро, и в правый сапог все время попадала вода. Да разве в этом дело! Главное, сапоги потеряли всю свою красоту.

Опять зима, опять школа, опять работа с Сергеем: стругать и пилить доски, варить клей, тереть пемзой деки столов и комодов, до одурения

натирают политурой и маслом готовую мебель, каждое раннее утро бегать в Звоницу к дьячихе за бутылкой молока, которую дьячиха даром давала из жалости к Варваре Николаевне. По дороге Ванюша нарочно болтал и тряс бутылку, чтобы в горлышке сбилось что-то вроде масла, тогда можно было слизнуть эту вкусную штуку. Не все же только что родившейся у мамы дочке Ниночке! Что-нибудь надо и себе.

По вечерам под воскресенье и под праздники Ванюша сопровождал бабу Иванориху. Обязанность его заключалась в том, чтобы защищать старуху от собак. Он по-прежнему был с ними в большой дружбе, хотя на ноге у Ванюши оставались белые пятнышки — следы собачьих зубов еще с той поры, когда Варвара Николаевна работала в больнице.

Когда ходили с бабой Иванорихой в Соколинцы, то она оставляла Ванюшу у знакомой старушки, а сама уходила к попу, дьяку, старосте, навещала еще двух-трех богатых мужиков, которые давали бабе калачи, хлеб, просвирки, кусочки сала, по стакану сливочного масла, яблок, сушеных груш, — так что баба Иванориха возвращалась домой не с пустыми руками.

Кое-что она отдавала Варваре Николаевне, а лучшее, как и раньше, прятала в камору и вешала на нее большой увесистый замок. Ванюша внимательно присматривался, где и что она прячет, а потом незаметно открывал загнутым гвоздем замок и все самое вкусное — яблоки, сало и белые калачи — забирал. Аккуратно вешал на свое место замок, запирали его и как ни в чем не бывало уходил в школу.

Много проклятий посылала баба похитителю, просила у бога всех зол и бед на его голову. Она хорошо понимала, что это дело рук Ванюши, но доказать ничем не могла. А когда начинала допытываться у него, он смотрел на нее так невинно и непонимающе — ну, прямо агнец божий, — что баба Иванориха начинала колебаться в своих подозрениях. И все же какой-то червячок точил ее душу, пока она не нашла яблоко в кармане Ванюшиной свитки. Тут уж засверкали молнии и загремели громы — баба Иванориха поносила байстрюка Ваньку и его мать на все лады. Ударить, однако, боялась — могла сдачи получить. От Ванюши всего можно было ожидать.

Опять весна. Скоро экзамены в школе. Наедут попы из Каменец-Подольска и будут выдавать свидетельства окончившим церковно-приходскую школу. Ванюша мечтал учиться дальше, но где? Как-то надумал он навестить тетю Наташу, которая жила в Сутисках, снимая полхаты у богатого вдовца Сирого.

Наталья Николаевна приняла его как родного сына и прежде всего угостила гречаными галушками. Женя подрастал, и спинка его все больше кривилась — наверное, вырастет горб. Долго тетя Наташа рассказывала

Ванюше «про жизнь» — что в ней хорошо, а что плохо. Главное, убеждала она, надо верить богу и молиться, всевышний услышит сироту и придаст силы и разума. Ванюша внимательно слушал и принимал каждое ее слово как истину. Давала ему тетя Наташа почитать и «Кобзаря» Тараса Шевченко на украинском языке. Но только чтобы никто не видел — ведь «Кобзарь» запрещен, тем более на украинском языке, который тоже запрещен. Ванюша скрывался где-нибудь в кустах и зачитывался звучными стихами, тихо нашептывая мягко звучащие слова:

Думи мої, думи мої, ви мої єдині,
Не кидайте хоч ви мене при лихій годині.

А крупные слезы сами набегали на глаза и катились по щекам.

Дядько Сирый все приглядывался к Наталье Николаевне, пока наконец не решил, что она подошла бы ему, одинокому и небедному вдовцу. Не долго думая, он сделал ей предложение. Тетя Наташа очень удивилась, решительно отказала и сразу стала собирать свои вещички, понимая, что дальше ей оставаться в этом доме нельзя. Да, из Сутисок лучше убраться. И уехала Наталья Николаевна в Юрковку.

Пасха в том году была поздняя. Уже весна шла к концу, когда Ванюша получил свидетельство об окончании церковно-приходской школы и с гордостью пришел домой. Варвара Николаевна была рада: как-никак, а сын все же закончил школу.

Но недолгой в тот день была ее радость.

Дело в том, что Сергей, не без влияния бабы Иванорихи, заметно охладил к Варваре Николаевне. Пошли ссоры. Сергей кричал на жену, а иногда и позволял себе ударить ее. Так и в этот вечер, накануне пасхи. Ссора перешла в драку, и Сергей начал хлестать плачущую Варвару Николаевну ремнем.

Но тут произошло то, чего Сергей никак не ожидал. Ванюша схватил у печки кочережку и что было силы огрел ею Сергея по спине.

— Не смей бить маму!

Сергей остолбенел. Он с минуту стоял перед Ванюшкой с ремнем и, очевидно, мучительно думал: ударить или не ударить? И струсил: у Ванюшки ведь в руках кочережка, да и сам он, урвытель ⁵, здоровый и крепкий. Черт его знает, чем все это может кончиться. Сергей решил только на то, чтобы зло крикнуть:

— Вон, мерзавец, из моей хаты, чтобы и духу твоего тут не было!

Ванюша ничего не ответил Сергею и не ударил его больше, а подошел к плачущей в углу Варваре Николаевне с Ниночкой на руках, поцеловал мать и твердым шагом вышел из хаты.

В небольшой деревянной церкви, что стоит на пригорке в селе Клищов, в канун пасхи с вечера собрался народ на всенощную, и всю ночь шло богослужение. Пришел туда и Ванюша. Он пел в церковном хоре и забрался высоко на хоры. В церковь набилось полно народу. Здесь были почти все ученики из школы и те, кто в эту весну школу кончили и ходили, задрав носы: они уже перестали быть детьми и теперь подражали настоящим парубкам и девчатам.

Ребята из хора в суматохе стянули у кого-то аппетитно пахнувший кулич и творожную пасху. Забившись в угол, сразу все съели. Правда, это был большой грех: во-первых, украли, а во-вторых, совершили другое святотатство — съели пасху и кулич, не дождавшись их освящения. Ванюша, честно веривший в бога, раскаивался в поступке, успокаивало его лишь то, что не один он участвовал в этом деле, хотя подтолкнул ребят на злую шутку, пожалуй, именно он. Потом ребята побежали вокруг церкви, чтобы поразмяться и посмотреть, сколько яств натащили люди. С каким старанием размещались эти яства бесконечным ярусом вокруг церкви! Тут и куличи — пышные, с белыми, облитыми сахаром головами, усыпанными разноцветным маком, — разных размеров и высоты (в зависимости от достатка хозяев) ; тут и пасхи из творога с изюмом — на них отпечатаны кресты и буквы «Х. В.», что означает «Христос воскрес»; тут и окорока или куски обжаренного мяса, колбасы, сало, горы разноцветных, разрисованных в узор яиц — писанок. Все это покрыто чистыми полотенцами, которые снимут, когда под колокольный звон батюшка с хором будет обходить ряды яств и кропить их святой водой. После этого прихожане торжественно понесут куличи и пасхи домой, где будут, собравшись по-праздничному за столом, разговляться и христосоваться...

Появился батюшка с кропильницей, рядом с ним дьякон нес кропильницу — большую чашу со святой водой. Батюшка опускал кропильницу в воду и обрызгивал яства и людей. Звонарь звонил во все колокола, выводя мелодию, похожую на гопак; звонарь явно был навеселе. Хор, следовавший за батюшкой, пел одно и то же: «Христос воскрес из мертвых, смерть поправ...» Горело множество свечей — все собравшиеся держали в руках по свечке. На легком весеннем ветру слегка шелестели хоругви.

Закончилось богослужение. Теперь можно было на самом законном основании, со словами «Христос воскрес» подходить к любой девушке или молодой женщине и, получив в ответ: «Во истину воскрес», целовать ее три раза. Молодежь считала именно этот момент самым приятным из всего обряда. Многие ухитрялись повторять эту процедуру по нескольку раз.

Все в приподнятом, умиротворенном настроении расходились по домам. А Ванюша решал мучительный вопрос: куда идти? Выждав, когда все разошлись, он тоже побрел в направлении своего дома. Но прошел мимо, спустился в овраг, к колодцу, а потом вышел на луг к реке.

Никакого определенного решения у него не было. Может быть, пойти по дороге, которой не раз ходил с бабой Иванорихой за щепками в лес, а там видно будет; или завернуть к знакомой старушке в Соколинцы — та добрая, авось и примет?..

Солнце большим красным диском вылезало из-за кромки Красиловского леса. День обещал быть хорошим, и на душе у Ванюши тоже прояснилось. Им владела какая-то необъяснимая уверенность, что все будет хорошо, хотя нет-нет да и наворачивалась на глаза непрошенная слеза. Тогда Ванюша глубоко вдыхал чистый утренний воздух, и он как бы гасил Слезу.

* * *

...Дуня Ремонько, окончившая этой весной школу вместе с Ванюшей, запыхавшись, влетела в хату.

— Тату, а Ванюша Гринько пошел не домой, а лугом к лесу.

Старый Ремонько еще по Ворошиловке знал деда Гринько и по-доброму относился к Ванюше. На мельнице, где Ремонько работал, он часто видел Ванюшу, который приходил туда с сумкой, подсоблял всем и каждому и получал за это совок-другой житной муки — все матери помощь.

— А ну-ка, Дуня, догони Ванюшу и веди его к нам, скажи: я приглашаю его провести у нас пасху.

Дуня опрометью бросилась из дому, а за ней Маринка, на год ее моложе:

— Я тоже, тату, побегу с Дуней!

Они запыхались, личики у них покраснелись.

— Ваня, Ванюша! — кричали девочки, догоняя его.

Ванюша остановился.

— Тату сказали, чтобы ты ишов до нас, будешь с нами святкувать, — выпалила Дуня.

Девочки подхватили под руки Ванюшу, и все вместе они пошли назад.

Пока девочки не привели Ванюшу, семья Ремонько даже не начала разговляться.

Потом все торжественно сели за накрытый стол и встретили праздник весело и радостно. Так Ванюша очутился в доброй, хорошей украинской семье, в которой он встретил и провел праздник пасхи, или, как говорят на Украине, Велькдень.

Ванюша и раньше бывал у Ремонько и всегда чувствовал себя здесь свободнее, проще, чем в доме Сергея, где он — Ванюша это хорошо понимал — был лишним. Теперь, избавившись от этого гнетущего чувства, он испытывал большое облегчение. Весь день он действительно провел по-праздничному: веселился, бегал, играл с девочками. У него с ними была хорошая, чистая дружба.

Тетя Наташа, узнав о случившемся, на третий день пасхи явилась в Клищов и направилась прямо к Ремонько. Видимо, кто-то сообщил ей, что Ванюша находится здесь. Вскоре подошла и Варвара Николаевна, вся в слезах. Больше всего огорчало Ванюшу, что мать плакала, горько всхлипывая, слезы у нее буквально ручьем текли. А тетя Наташа все выговаривала ей:

— Говорила тебе, не закабальяй себя, Варя. Нет, черт тебя попутал с твоим Сережкой, вот теперь и плачь!

Наталья Николаевна была сильной, властной натурой. В семье Гринько ее всегда считали опорой, главной советчицей. И всякий раз, когда у Варвары Николаевны случалась беда, сестра Наталья приходила к ней на помощь. Она вывела в люди младшего брата Яшу: благодаря ее поддержке он смог окончить техническое железнодорожное училище и теперь занимал на станции Бирзула должность техника-смотрителя зданий. К сестре и брату у Натальи Николаевны было снисходительное отношение: она их жалела. Яша молод, неопытен — увлекающийся юнец, одним словом. А с Варей всегда случаются какие-нибудь истории. Вот и теперь нужно думать, как быть с Ванюшей.

— Я его возьму с собой в Юрковку, а к осени определим учиться дальше, — решительно заявила Наталья Николаевна. Она не могла смириться с тем, что образование Ванюши ограничится церковно-приходской школой. Да и Ванюше самому хотелось учиться дальше.

На этом и порешили.

Вечером к Ванюше заглянул его закадычный дружок, на год раньше окончивший школу, Арсенько. Когда он услышал о результатах «семейного совета», прямо со смеху покатился. Потом уже серьезно и убежденно сказал:

— Дурак ты, Ванька! Куда ты поедешь с титкой, чего ты будешь за бабскую спидныцю держаться! Пойдем на шендеровский фольварк на лето. Заробишь грошей, а тоды куды захочешь, туды и поидыш. Титка не помре без тэбэ.

И все повернулось по-другому. Друзья решили, что Ванюша не поедет с тетей Наташей, а пойдет на лето работать: заработает денег, а осенью видно будет, может, и учиться пойдет. Не подозревал тогда Ванюша, что многое зависит не от него, что гимназия или семинария не откроют перед ним свои двери по одному его желанию.

Переломить упорное решение Ванюши оказалось не под силу даже тете Наташе. Пришлось ей смириться с тем, что Ванюша пойдет на лето работать на фольварк Шендерово пана Ярошинского. Но она строго наказала Арсению, старшему по возрасту (ему недавно исполнилось двенадцать лет, он на два года был старше Ванюши), присматривать за ним.

Правда, ростом Ванюша был даже выше Арсения и физически покрепче, но за старшего Арсений считался и потому, что прошлое лето он работал на фольварке и все порядки там хорошо знал. Тетя Наташа сказала, что, пока Ванюша будет работать, она разузнает хорошенько, куда можно определить его с осени на учение. Спешется с Яшей, посоветуется с сестрой Еленой, муж которой теперь работал весовщиком товарной железнодорожной станции в Одессе. Словом, Наталья Николаевна решила использовать все свои связи, только чтобы Ванюша смог продолжать учение. Сердечная, прекрасная женщина... Долго будет помнить ее Ванюша.

Варвара Николаевна решила сходить к графу Гейдену и со своей стороны попросить его помочь Ванюше устроиться учиться. Надо сказать, что граф был дальновидным помещиком и старался слыть среди народа за доброго человека. Поэтому он оказывал кое-какую помощь крестьянам, которые целовали ему в знак благодарности руку. То корову даст с выплатой в рассрочку, а у кого близнецы родятся да и так детей куча — даром даст корову; то земли отрежет под усадьбу — опять-таки с выплатой в рассрочку. Правда, это все больше своим батракам. Но ведь батрачило на него почти все село Сутиски... А в общем-то, графская «доброта» объяснялась просто: он не забыл, как в страшном 1905 году пришлось вызывать драгун для усмирения взбунтовавшихся крестьян. Многие помещики заплатились тогда за свою жестокость головами. Графу Гейдену, как общественному деятелю, было известно и другое: опять растет глухое брожение в народе, не утихают крестьянские волнения, а кое-где в открытую говорят помещикам и фабрикантам: «Погодите, придет опять 1905 год!» И еще не известно, чем все это может кончиться. Так уже лучше слыть «добрым», нежели притеснителем.

Вот и Варвара Николаевна решила: «Пойду, упаду в ноги его сиятельству Александру Федоровичу. Граф добрый, он по старому знакомству поможет, да ведь это ему ничего не будет стоить». К графине Варвара Николаевна решила не ходить, помня, как сурово с ней обошлась «ее сиятельство». А вот граф должен понять материнское сердце.

На рассвете Арсенько и Ванюша отправились в путь. Спустились в долину Буга и двинулись вниз по течению реки. Ванюша внимательно слушал указания Арсеньки, как и что делать по прибытии на фольварк, и не заметил, как они прошли между урочищем Красилов и Довжок. По

обрывистой круче поднялись в гору, долго шли полем и, миновав греблю, пришли на фольварк Шендерово.

Все здесь было сделано добротнo и продуманно. С одной стороны дороги стояло несколько жилых домов постоянных рабочих-воловников и конюхов с их большими семьями. Напротив под прямым углом были длинная воловня, склад под зерно, кузня и площадка, на которой стояли плуги и другой сельскохозяйственный инвентарь. В стороне, за забором, располагалась контора и дом управляющего, утопавшие в большом фруктовом саду. На другом конце фольварка были конюшни и обнесенный жердями загон для волов и лошадей.

Арсенько по опыту уже знал, что для успеха в работе самое главное — заполучить хороших волов. С этого он и начал, причем, как говорится, не считаясь с затратами. Арсенько что-то сунул в руку старшему воловнику — и вот они с Ванюшей стали обладателями четырех пар добрых волов.

Подцепив большой плуг с лемешником, Арсенько и Ванюша принялись за работу — пахать землю под сахарную свеклу. За плугатера, то есть за старшего, был, разумеется, Арсенько. Он ходил за плугом и изредка подгонял кнутом быков в корню — это были могучие быки светло-желтой масти, самые, пожалуй, сильные на воловне, и к ним никак не шли их клички Козел и Осел. Далее шла пара тоже очень сильных и старательных быков серой масти Сирко и Рябко; третьей парой были молодые быки, недавно приведенные на фольварк, с небольшими, вразнос рогами, пестрой масти — Лысый и Рогач. Они не умели хорошо ходить и все норовили вылезть из борозды — их надо было приучить к работе. В голове ходили чудесные быки: Соловей, серой в крапинку масти, и пегий Ляшко. Они были очень дружны, на диво старательны и послушны. Не было силы, которая могла бы заставить их покинуть борозду — они твердо знали свои обязанности. Иметь эту пару головными было счастьем, и Ванюша, работая в паре с Арсенько погоньчём, очень любил этих быков и часто баловал их — то кусочек хлеба или сахарной свеклы даст, то погладит между рогами и за ушами.

Ляшко и Соловей сами совали свои шеи в ярмо, стоило только его поднять и открыть занозки. С молодыми быками было хуже. К ним Ванюша подходил с опаской, в ярмо их заводили вдвоем с Арсенькой, и то с трудом.

Не просто было управляться с волами и в работе. Надо было следить, чтобы корневики не подрезали себе задние ноги лемехами. Это недели на две-три выводило корневиков из строя. За такое дело старший воловник надаёт батогов по спине погоньчу да за время лечения волов будет удерживать половину, а с плугатера — четверть заработка. Один раз чуть было не случилась беда: рванувшиеся в сторону Лысый и Рогач сорвали

кольцо ярма на вые, и плуг попал под задние ноги корневика. Но к счастью, все обошлось благополучно. Арсенько быстро поднял за чепиги плуг и направил лемех в землю. Земля была крепкая, и волы сразу остановились.

Как Арсенько ни подлизывался к старшему воловнику, чтобы избавиться от молодой пары волов, ничего не выходило. Нужно было дать рубль. А это очень дорого. Арсенько и Ванюша на такую щедрость не могли пойти: Ванюша получал в день 15 копеек, а Арсенько — 25. Да еще не известно, какую пару воловник даст взамен Лысого и Рогача, может быть, еще и похуже.

Рабочий день начинался рано. С восходом солнца волов впрягли в плуги и начиналась пахота на всем гоне, тянувшемся порой на целый километр, а то и более. Плуги шли друг за другом, и каждый тянуло четыре пары волов. Пахота шла медленно. Рядом с волами шагал Ванюша с длинным батоном на дубовом гибком кнутовище и покрикивал:

— Гей, Лысый, гей, Сирко!

Иногда он ударял волов концом батога. Но головную, любимую пару — Ляшко и Соловья — Ванюша никогда не трогал и даже не покрикивал на них. Да, это была на редкость старательная пара. Недаром за них пришлось старшему воловнику поставить шкалик горилки и четвертку сала.

В двенадцать часов дня все плуги останавливались в борозде, поближе к реке. Волов выпрягали и вели на водоной. Потом кормили мешанкой и сечкой с жомом и резаными бураками, а уж после этого люди закусывали сами салом с черным хлебом, запивали еду водой, потом спали мертвым сном до двух часов дня. А там опять запрягали быков и снова тянулись плуг за плугом, поднимая нагретую солнцем землю. Арсеньке приятно было ступать босыми ногами в сырую землю борозды. Этого удовольствия Ванюша был лишен. Он босой шагал по колкой прошлогодней стерне и часто подпрыгивал, морщась от боли: постолы приходилось экономить.

Возвращались с заходом солнца. Этим, собственно, и измерялся трудовой день: восходит солнце — начинай работу, заходит солнце — кончай. Возвратившись на фольварк, поили быков, ставили их в воловню на свое место, где к этому времени им уже был заложен корм, и шли на ужин в казарму. Там получали по миске кулеша, съедали его с волчьим аппетитом — и на нары спать.

Сразу уснуть удавалось не всегда. На верхних нарах батраки-поденщики часто затевали возню с девчатами, тоже работавшими на фольварке поденно. Оттуда доносились визг, шлепки, звуки поцелуев. Всякое бывало между батраками и батрачками-поденщицами, нищета была страшная, а радость грубая, и бралась она дерзко, силой. Ранним утром, не

выспавшись, поднимались люди под окрик приказчика и опять шли на изнурительную работу.

Вслед за пахотой землю бороновали и засевали свеклой. На других участках сеяли клевер и прочие травы. Потом по полю волокли барабанчики — небольшие мелкие бороны, а за ними — катки. На этих орудиях использовались уже лошади.

По окончании сева Ванюшу и Арсенько послали бороновать пшеницу. Неприятно было начинать эту работу с раннего утра, когда густая пшеница, поднявшаяся в полколена, сплошь покрыта росой. Босиком идти по ней не доставляло особенного удовольствия. Кожа на ногах от постоянной сырости трескалась, стекающий по ногам пот попадал в ранки, разъедал их... Правда, когда поднималось солнце и роса высыхала, все это забывалось. Да и некогда было помнить. Работа поглощала все мысли. Весь день, ведя головного коня с бороной, за кольцо шлеи которого цепью недоуздка привязывался второй конь, за ним — третий и так далее (обычно в ключе было восемь коней с боронами, которые шли одна за другой уступом), Арсенько и Ванюша меряли шагами огромное поле пана Ярошинского.

Потом подспела косовица клевера и других трав. На косилках обычно работали взрослые батраки, подросткам было счастьем попасть на конные грабли — это как-никак тоже техника, на которой так интересно работать. Надо вовремя нажать на педаль, чтобы ровно, в одну нитку, ложились валки. Основная же масса людей была занята сгребанием валков в копны. Постоявшие несколько дней копны клевера подавались на возы и сводились в большие скирды.

За этой работой наступила жатва. Тут Ванюше повезло. Ему доверили водить четверку лошадей. Делал он это, сидя верхом на подручном коне головной пары в упряжке сноповязалки. Да, Ванюше действительно повезло. Во-первых, это не так тяжело, как ходить весь день за волами в плугу или с лошадьми при бороновании, а во-вторых, опять-таки очень интересно. Сноповязалка — вот это машина! Сколько всяких рычагов, шестерен, передаточных цепей — сама косит, сама собирает скошенный хлеб в снопы, сама вяжет шпагатом и ловко выбрасывает готовый сноп в сторону. Все гудит, стрекочет; пахнет маслом, разогревшимся от трения частей. Перепелки срываются почти из-под ног лошадей, скачут очумелые от испуга зайчата. Все в движении, все шумит... Но бывает жутко, когда зайчонок или зайчиха, неохотно покидающая малышей, попадают на ножи. Крик погибающих зайчат похож на детский плач. Даже дядька, что сидит на сноповязалке, и тот морщится.

После работы на сноповязалке Ванюша с Арсенькой опять соединились. Все с той же восьмеркой волов они вывозили на заранее

подготовленный ток молотилку и паровик.

Началась молотба — запыхтел паровик и заработала, загудела молотилка. Барабанщики лихо и быстро направляли расправленные на столе подачи снопы пшеницы в барабан. Барабанщикам помогали девушки: получая снопы, они их разрезали и, убрав шпагат, расстилали на столах, пододвигали к барабанщикам — колосьями к прожорливому жерлу барабана. Тут уж не зевай! Барабаны вращаются быстро — сплошной гул идет, пшеница проглатывается ими ворох за ворохом.

Машина похожа на чудо: разбивает колосья, зерна на ситах проваливаются вниз, солома идет на выход, солома вывевается в сторону, чистая пшеница по каналам густой струей ссыпается в подвешенные мешки... Батракам оставалось зашить наполненные зерном мешки, взвесить хлеб и отвезти на склад.

Солома складывалась на клеть, которая по заполнении стальной лынкой ⁶ тянулась на скирду. Дело это отнюдь не легкое. Клеть тянула упряжка в четыре пары волов, причем с большим напряжением. Этим волов и обслуживали Арсенько с Ванюшей: первый на ключе, а второй погоничем.

Через неделю Ванюша получил повышение — в его обязанность входило подвозить воду к паровику из ставка. В упряжке с бочкой ходила пара лошадей. Подвезя соду к паровику, Ванюша сливал ее в кадку, из которой паровик трубами забирал воду в котел при помощи насоса Альвейера. Нужно было, чтобы в стеклянной трубке-показателе вода всегда доходила до красной черточки. А другая трубка показывала уровень масла — олеонафты ⁷ — в бачке над паровиком.

Когда у Ванюши выкраивалось свободное время, он любил крутиться около паровика. Паровик шипел отработанным паром, вращая большое рабочее колесо, от которого приводной ремень, или, как его называли, «пас», через ряд передач приводил в движение барабан молотилки и весь ее механизм. Ванюша был в восхищении от паровика и даже старался побольше вымазаться в олеонафте, чтобы следы масла на вылинявшей синей рубашонке и серых штанах, закатанных до колен, говорили о том, что он имеет дело с техникой. Сделать это было нетрудно: будто невзначай коснуться масленки и вытереть руку о штаны или рубашку.

Когда машинист, прикинув глазом, решал, что снопов осталось мало — а они быстро таяли о подъезжавших к молотилке возов, — он давал сигнал, причем делал это так ловко, что свисток паровика как бы выговаривал: давай, давай снопы! Давай, давай снопы!

Машинист Никанор Сергеевич, или дядя Никанор, как все его звали, — усатый человек лет сорока, добрый, степенный, знающий себе цену. Ко всем работающим на току он относился ровно, ни на кого не кричал и не

сердился, однако все чувствовали его превосходство и безропотно ему подчинялись.

Хорошо относился Никанор Сергеевич и к Ванюше. Собственно, благодаря этому Ванюша и был назначен на подвоз воды. Заметив, как зачарованно смотрит мальчишка на пыхтящий паровик (к тому же чего стоили вымазанная в олеонафте рубашка!), машинист иногда подзывал Ванюшу к себе и, говоря: «Ну, механик, давай посвистим снопов», вместе с Ванюшей дергал за веревку свистка. Как-то дядя Никанор даже разрешил Ванюше дать самостоятельно продолжительный свисток, возвещавший обеденный перерыв. Ванюша был на седьмом небе от этого доверия, и ему казалось, что все с завистью на него смотрят.

После сигнала на обеденный перерыв Никанор Сергеевич медленно передвигал влево рычаг управления, сбавлял пар, и паровик, постепенно уменьшая обороты, останавливался.

Все быстро разбивались на группки и полудняли. Снедь была разная: у кого четвертка сала с горбушкой хлеба и чесноком, у кого одни лепешки и коржи с маком, которые запивались теплым молоком из банки или бутылки, а у кого и одни ватрушки с мамалыгой. Механики и барабанщики были постоянными рабочими на фольварке, и им дети приносили полный обед в близняках ⁸ и глечики молока.

Наскоро поев, все как убитые засыпали на соломе и спали до тех пор, пока дядя Никанор продолжительным свистком, напоминающим свист «кукушки» на железной дороге, не предупредил о начале работы.

Пока люди пробуждались от крепкого сна, Никанор Сергеевич подавал короткий сигнал, означавший, что машина сейчас будет заведена, и запускал паровик. Молотилка начинала с завыванием гудеть, и вновь шла молотьба до самого вечера.

После молотьбы — сортировка зерна на складах, перелопачивание, пока оно не дойдет до кондиции, а там опять работа в поле. Второй покос клеверов, уборка люпина, рицины, семенного клевера, гороха, подъем паров, посев озимых, копка сахарной свеклы и отправка ее на заводы... А тут уже и заморозки начинались.

В одно из воскресений Арсенько и Ванюша отправились в Тывров. Идти было с чем: за лето хлопцы подкопили денег. Ванюша зарабатывал уже в день по 20–25 копеек, Арсенько же, как старший, под конец лета получал даже по 30 копеек в день. Оба они очень гордились заработанными деньгами, и когда Арсенько, похлопывая товарища по плечу, говорил: «Ну, что, Ванька, правильно сделал, что пошел на фольварк?», Ванюша благодарно поглядывал на приятеля и смущенно отвечал:

— Конечно правильно!

Надо было купить штаны, рубашку, свитку, сапоги и шапку на зиму да завернуть в Клищов — очень соскучился Ванюша по маме. Арсенько, тот почти каждое воскресенье ходил домой в село, а Ванюша не хотел видеться с Сергеем и поэтому оставался на фольварке. Только передавал с Арсенькой матери немного денег и бельишко постирать. Варвара Николаевна в свою очередь передавала ему чего-нибудь сладкого и чистое белье.

Ванюша встретился с матерью в хате Ремонько. Со слезами на глазах Варвара Николаевна прижала сына к груди, покрыла поцелуями его лицо. Старик не выдержал этой сцены и вышел во двор. Немного успокоившись, Варвара Николаевна усадила Ванюшу на скамейку — надо было решить, что же делать дальше. Она настояла на том, что они обратятся к графу Гейдену, пока он не уехал в Германию, и попросят его помочь Ванюше устроиться учиться на казенный счет. Решили не откладывать и выполнить задуманное в ближайшее воскресенье.

4

В имение графа пришли ранним утром. Расположились около беседки, где уже собрались другие просители. Ожидали выхода графа.

Вдруг откуда-то выбежали графчуки. Миша и Сандрик, увидев Ванюшу, бросились к нему, шумно его приветствовали, трясли руку, обнимали. Дорик, в военной форме кадета, шел степенно и медленно. Ванюша с нетерпением ждал его приближения и широко раскрытыми глазами смотрел на не виданную ранее форму. По своему простосердечию он хотел тепло поздороваться и с Дориком. Но не тут-то было. Дорик остановился на почтительном расстоянии в недоступной, гордой позе и только поклонился, процедив:

— Здравствуйте.

При этом он обращался как бы ко всем, совершенно не выделив из толпы Ванюшу и словно даже не заметив его, потом вообще отвернулся в сторону приближавшегося графа.

«Ах ты, шкура!» — вскипела в Ванюше старая обида. Он сразу помрачнел и забыл даже поклониться графу, пока Варвара Николаевна не толкнула его в шею и не заставила оказать почтение их сиятельству.

Миша и Сандрик удивленно поглядывали то на отца, то на Дорика. В глазах у них стоял немой вопрос: «Папа, почему Дорик не поздоровался с Ванюшей?»

Но граф как бы не замечал их удивления, одобряя тем самым поведение старшего сына. Ванюша весь горел от обиды. Он не понимал, что детская

непосредственность бросила к нему в объятия Мишу и Сандрика, заставила их ласково поздороваться с Варварой Николаевной. Они еще не знали, что их отделяет от Ванюши и его мамы настоящая бездна. А Дорик это уже понял. Его научили ценить свое беспредельное превосходство над мужиками в кадетском корпусе, с чего, собственно, и начиналось там обучение и воспитание.

Просители один за другим, низко склоняя головы, излагали графу свои просьбы. Их сиятельство, Александр Федорович Гейден, снисходительно прищурившись, напустив на себя личину доброты и щедрости, удовлетворял нужды просителей. Ведь все просьбы были заранее ему известны, они уже прошли через канцелярию управляющего именем рыжего немца Карла Карловича. Что же касается просьб, которые граф не хотел удовлетворить, ответ на них давал управляющий от своего имени.

Варвара Николаевна попала на прием к графу по протекции герра Отто, ибо Карл Карлович, разумеется, ее не пустил бы, помня старые счеты и нелады. Когда подошла ее очередь, она наклонила голову и стала излагать графу свою просьбу: устроить Ванюшу куда-нибудь учиться, ведь он так хорошо закончил церковно-приходскую школу, с похвальным листом.

Граф подумал, посмотрел на Ванюшу и на садовника герра Отто, который стоял рядом с ним.

— Ваше сиятельство, Ванюша — способный мальчик. Он прилежно работал в саду, умеет даже деревья колорировать, — промолвил садовник с достоинством.

— А не послать ли нам его в сельскохозяйственное училище, Отто? — произнес граф. — По окончании его он вернется к тебе на работу в сад, вот ты и будешь иметь образованного помощника.

— Ни в какое сельскохозяйственное училище я не пойду, а пойду только в военную школу! — неожиданно для всех отрезал Ванюша.

Варвара Николаевна испугалась этой дерзости:

— Ты что, обезумел?

— Ничего я, мама, не обезумел, — продолжал Ванюша тем же тоном, — а в сельскохозяйственное училище не пойду.

В нем клокотала обида, нанесенная ему Дориком.

Граф недоуменно улыбался. Дорик высокомерно посмотрел на Ванюшу и, обращаясь к отцу, сказал:

— Папа, — он сделал ударение по-французски, на последнем слогe, — не хочет ли он, чтобы ты его определил в кадетский корпус?

— Ну, в кадетский корпус я его не могу определить, — будто не замечая явной насмешки Дорика, сказал граф, — а вот в Жмеринке есть военно-фельдшерское училище, куда принимают мальчиков. Ты можешь обратиться

в это училище, Варвара Николаевна, а я сообщу туда начальству, чтобы его приняли, — милостиво заключил граф.

— Покорнейше благодарю, ваше сиятельство, — проговорила Варвара Николаевна, радуясь, что инцидент исчерпан и все закончилось благополучно.

— До свидания, Варвара Николаевна, — сказал граф. — Желаю успеха твоему сыну. — И с улыбкой добавил: — Вишь он какой крепкий и мускулистый. И хочет быть военным, это похвально. — Граф похлопал Ванюшу по плечу.

От дворца Варвара Николаевна и Ванюша шли по садовой дороге вместе с герром Отто. Немец не преминул пожуричь Ванюшу за дерзость, нанесенную их сиятельству, но все-таки согласился, что Дорик действительно сильно возгордился, став кадетом, и неудивительно, что Ванюшу это задело и обидело. Он успокаивал расстроенную Варвару Николаевну, а потом незаметно вернулся к разговору с графом:

— Напрасно Ванюша не хочет идти в сельскохозяйственную школу: быть агрономом, да еще садоводом, — это самая чудесная профессия в мире.

— Все равно я туда не пойду, — твердил свое Ванюша.

А герр Отто не отступался:

— Ты знаешь, Ваня, военная профессия — тяжелая, плохая профессия. Все умение военного человека — это убивать людей.

«Вот и хорошо, — думал про себя Ванюша, — я бы с удовольствием убил Дорика».

Поездка Варвары Николаевны и Ванюши в Жмеринку совпала с совершенно неожиданным появлением там Василия Антоновича Гринько, давно пропавшего родного брата умершего деда. Выяснилось, что он где-то на Дальнем Востоке был на каторге и, отбыв срок, разбогател на поставках в действующую русскую армию, воевавшую с японцами. В Жмеринку явился богачом. Привез молодую жену, красивую, цыганского типа, которую отбил у какого-то владивостокского вельможи. У нее от этого вельможи было двое детей и маленькая дочка от Василия Гринько, с которой все носились как с писаной торбой.

Дед Василий купил дом и зажил на широкую ногу, одаривая богатыми подарками всю родню. Правда, Варваре Николаевне перепало очень немного: она быстро уехала в Клищов, так и не решившись отдать Ванюшу в военно-фельдшерскую школу. Нужно было подписать контракт, что она отдает сына в учение на девять лет, а потом он обязан отслужить действительную службу сроком четыре года и только после этого ему будет

предоставлено право уволиться с военной службы или остаться на сверхсрочную службу военным фельдшером в унтер-офицерском звании.

Нужно сказать, что это не прельщало и самого Ванюшу.

Варвара Николаевна уехала, Ванюша остался вместе с тетей Наташей у деда Васи, как они называли Василия Антоновича. Тетя Наташа была за кухарку, а Ванюша таскал воду, колол дрова и был на побегушках — куда пошлют. Пирьы в доме устраивались почти каждый день, так что работы хватало. Когда не было гостей, Ванюшу иногда приглашали к столу. А как-то собрались дети его возраста и танцевали под граммофон. Ванюшу пригласила потанцевать старшая девочка деда Васи. Он с радостью принял приглашение, но начал танцевать по-клищовски, приплясывая и выделявая разные коленца ногами. Вдруг девочка сконфузилась и отскочила от Ванюши:

— Мама, — вскрикнула она, — он прыгает, как козел, разве так танцуют? Он не умеет танцевать.

Ванюша оторопел, покраснел и опустил глаза. Действительно, остальные мальчики и девочки танцевали плавно, старательно выполняя каждое па. Да, «школа» была не клищовская!

Этот случай навсегда отбил у Ванюши охоту танцевать.

Дед Василий был с виду здоровый, крепкий человек лет пятидесяти, но еще в Сибири привязалась к нему одна хвороба: он страдал радикулитом, и у него часто болела поясница. Когда деду было невозможно, он заставлял Ванюшу натирать ему спину нашатырным спиртом. Ванюша старался изо всех сил, а тот кряхтел от удовольствия и все покрикивал:

— Покрепче, Ваня, жми, покрепче!

И Ваня тер, тер досуха, хотя сильно болели руки. Дед Василий был доволен. Ваня возвращался из спальни на кухню, хотя и весь потный, но тоже в хорошем настроении.

Но вскоре веселая жизнь в доме деда Василия кончилась. Пиров он стал давать меньше и уже не осыпал родственников подарками. Пошли у него с ними нелады. Те, кто недавно перевозносил его, начали поносить и даже гадости делать своему недавнему кумиру: то окна ему в доме побьют, то оправятся на парадном крыльце.

Пошли у деда Василия раздоры и в семье. Вельможа, у которого он увез жену, узнал, что «молодые» в Жмеринке, и стал требовать возврата супруги. Та, судя по всему, начала склоняться к мысли о возвращении. Как-то дед Василий стал колотить свою благоверную под плач и крик детей; он рванул ее за волосы, прическа развалилась, и оттуда посыпались золотые монеты. Это было явным доказательством, что она действительно собралась удрать к старому мужу, и ссора приняла более ожесточенный характер.

Тетя Наташа, посоветовавшись на кухне с Ванюшей, решила тоже обратиться от деда подобру-поздорову.

Финалом всей этой истории явился отъезд Василия Антоновича Гринько из Жмеринки — такой же неожиданный, как и появление. Никаких следов от него не осталось. Говорили, что только одному своему дальнему родственнику он оставил адрес под большим секретом и запретил кому бы то ни было его сообщать.

Уже в разгаре зимы Ванюша опять появился в фольварке Шендерово. Зимой редко берут поденщиков, но Ванюшу знали постоянные рабочие имения и походатайствовали за него перед управляющим. Он положил Ванюше три рубля в месяц и харч.

Всю зиму Ванюша вывозил навоз на поля, управляясь с тремя санями сразу: на головных, в которых шли его старые знакомые Ляшко и Соловей, сидел сам, а вторые и третьи привязывал налыгачом за свои сани. Иногда ездил на сахарный завод за жомом.

Весной на фольварке опять появились поденчики и поденщицы, и пошел своим чередом весь цикл весенних и летних работ с тяжелым, напряженным трудом и порой со своими радостями и весельем.

К осени Ванюша получил письмо от тети Елены из Одессы, написанное ее мужем — весовщиком. Дядя Миша настоятельно требовал, чтобы Ванюша написал ему ответ собственноручно. По этому-то ответу он будет судить о грамотности и красоте почерка Ванюши, а стало быть, и решать: сможет ли Ванюша приехать в Одессу, чтобы устроиться на какую-нибудь службу или работу. Чувствовалось, что тетя Наташа его об этом просила.

Ванюша старательно начинал писать письмо, потом срывался, делал какую-нибудь ошибку или сажал кляксу и начинал второе, потом третье... Наконец письмо было готово. Арсенько прочитал написанное и одобрил, заявив, что ошибок нет и почерк довольно хороший.

Долго ждали ответа. И вот он пришел: приезжай. Далее шло объяснение, как добраться до Одессы. В письме сообщалось также, что может быть удастся устроить Ванюшу на службу к одному комиссионеру, который часто получает в товарной конторе у дяди Миши разные грузы. Ванюша стал собираться в дорогу, но решил сперва побывать у тети Наташи в Юрковке и заехать к дяде Яше в Бирзулу, авось он поможет с ученьем.

Мечта учиться дальше не покидала Ванюшу, хотя, собственно, надо было учиться не дальше, а сначала: три зимы церковно-приходской школы — это маловато для того, чтобы выйти в люди.

Глава третья

1

Пасмурным осенним днем Ванюша добрался до станции Гнивань со своим зеленым сундучком, который он сам смастерил, когда еще помогал по столярному делу Сергею. Сундучок был добротный, сделан «на клею в замок». Он имел даже кое-какие секреты: боковой внутренний ящичек для всякой мелочи и двойное дно для хранения денег. Этот фокус с двойным дном Ванюша сам придумал, поэтому он и решил взять сундучок с собой, хотя нести его целых семнадцать верст было неудобно, углы больно резали плечо. Упрямство, свойственное Ванюше, помогло ему преодолеть тяжелую дорогу.

Купив билет до станции Юрковка, Ванюша отправился в путь. Поезд, весь состоявший из серых пассажирских вагонов четвертого класса, набитых простым людом, еле двигался. Тянул его товарный паровозик типа «Овечка». Он тяжело пыхтел, преодолевая подъемы. «Максим Горький», как народ звал этот поезд, вез людей на юг — на заработки.

В Юрковку поезд прибыл на рассвете; еще было темно, когда тетя Наташа с сыном встретили Ванюшу на полупустом перроне. Ванюша очень любил тетю Наташу, любил и Женечку, горбик у которого уже обозначился. Встреча была теплой. Оживленные и радостные, все трое отправились в село, раскинувшееся тут же около маленькой, чистенькой железнодорожной станции.

Время, проведенное у тети Наташи, было сплошным праздником. Она накопила продуктов: сала, масла, сметаны, творога, фруктов и овощей, которые юрковские девчата несли ей в уплату за сшитые блузки и платья. Тетя Наташа все время хлопотала у печки, чтобы накормить Ванюшу вкусными пирогами, гречневой кашей с салом и шкварками, приговаривая:

— Пусть дытына наистся досыта.

А вечерами начинались воспоминания и разговоры про житье-бытье. Ванюша принимал в этих разговорах горячее участие, хотя прожил на свете всего двенадцать лет. Ему казалось, что это очень много. К тому же вся его жизнь была тесно связана с такой сердечной, славной, кристально чистой тетей Наташей, и темы для разговора находились. Ванюша чутко прислушивался к советам и поучениям Натальи Николаевны/ старался подражать ей.

— Самое важное в жизни, Ванюша, — поучала его тетя Наташа, — быть честным всегда и во всем, тогда легко будет на свете жить. А потом, — продолжала Наталья Николаевна, — никогда не давай себя в обиду, не пресмыкайся перед всякой дрянью, которой так много среди людей. Плюй на богатого и знатного, всегда держись простых людей, они куда лучше богатых и намного честней, с ними не пропадешь.

Тетя Наташа говорила эти слова твердо, с глубокой внутренней убежденностью, рассекая воздух своей короткой ладонью с натруженными, исколотыми иголками пальцами.

Ванюша все это жадно впитывал в себя. Тут же сидел голубоглазый, с тонкими чертами лица Женя. Рот у него был слегка полуоткрыт, дышал он тяжело: горбик давал о себе знать — сжимал грудь.

Так они коротали вечера около теплой печи. У всех было как-то удивительно светло на душе. Мальчики с любовью глядели на раскрасневшееся, красивое лицо Натальи Николаевны, на ее пышные волосы, покрытые легонькой голубой косынкой. Ростом Наталья Николаевна не вышла, но сложения была крепкого. Энергия, здоровье сквозили во всех ее движениях.

Через неделю, счастливо проведенную у тети Наташи, отдохнувший и начитавшийся «Кобзаря», Ванюша тронулся дальше в путь. Поехал он к дяде Яше, получив от Натальи Николаевны письмо и подробные наставления, как вести себя при встрече с ним. Словом, с ее стороны было сделано все, чтобы убедить Якова Николаевича в необходимости устроить Ванюшу куда-нибудь учиться.

Тот же «Максим Горький» привез Ванюшу на станцию Бирзула. По описанию тети Наташи Ванюша быстро нашел аккуратный одноэтажный кирпичный домик с садиком и на крылечке увидел дядю Яшу. Ванюша знал его только по фотографиям, но сразу же понял, что это именно он. Тот крепко обнял и поцеловал Ванюшу, как будто обрадовался его приезду, но зато молодая жена дяди Яши — Ядя — встретила мальчика холодно и обдала каким-то пронзительным и колючим взглядом.

— А-а, это тот самый Ваня, о котором ты говорил... Какой он большой, сильный, вполне может работать грузчиком, — и протянула Ванюше свою небольшую холеную руку.

Ваня сразу почувствовал, что здесь ему не очень рады, а тетя Ядя, или Ядвига Казимировна, как звали ее все, была явно огорчена появлением непрошеного гостя. Ванюша уже немало пожил среди родственников и научился понимать, где его принимают с открытым сердцем, а где на него смотрят как на обузу, на бедняка, нуждающегося в какой-нибудь помощи, и

относятся с обидным снисхождением. Кстати, так же примерно почти все родственники смотрели на тетю Наташу и Женю — их чурались.

Дядя Яша, прочитав письмо Натальи Николаевны, потер переносицу и, достав носовой платок, отдававший запахом каких-то духов, быстро смахнул им появившиеся на лбу капли пота. Ванюша сидел зачарованный значительным видом своего дяди, одетого в ладно сидящую на нем тужурку-форменку техника-смотрителя зданий. На синих петлицах блестели перекрещенные молоток и французский ключ — техническая эмблема железнодорожника.

— Ну что ж, Ваня, давай выясним, что ты знаешь, — проговорил наконец дядя Яша и протянул чистый блокнот и новенький карандаш, приятно пахнущий смесью лака и вишневого дерева, как обычно пахнут хорошие новые карандаши.

О, карандаш был чудесный! Ванюша успел даже прочитать оттиснутые золотом по зеленому лаку буквы — Иоганн Фабер. А что увидел Ванюша на столе! Там в лоточке лежали цветные карандаши с золотыми полосами на гранях, покрытые пополам то красным, то синим лаком. А какие резинки — белые-белые, и на них отпечатан слон; а какие циркули и линейки!.. Вот что значит ученость!

Дядя Яша дал задачу: на тройное правило, с бассейнами и перекачиванием воды, как раз то, что так не любил Ванюша. Теперь пот выступил уже на лбу у него, а дядя Яша прохаживался по кабинету, ожидая решения. Кое-как Ванюша справился с этой задачей. На очередь появились куски сукна разной величины и разной цены, которые продавал купец, — опять проклятая задачка! То ли дело простое деление или умножение — такие примеры Ванюша щелкал, как семечки. А тут выискивай неизвестное. Справился Ванюша и с сукном. Дядя Яша сказал:

— Ну, ничего, с арифметикой у тебя неплохо, посмотрим, как ты читаешь, — взял с полки книгу — рассказы Чехова, наугад раскрыл ее на рассказе «Репетитор» и дал Ванюше.

Ванюша стал громко читать о том, как какой-то великовозрастный гимназист учил уму-разуму чиновничьего сынка, смущаясь присутствием на этом уроке самого чиновника. Опять ненавистное сукно и цена. Как выкручивался учитель — он сам не мог решить заданную задачу! А чиновник щелкнул на счетах пару раз, и все стало ясно. Дядя Яша взял счеты и показал, как это легко и быстро делается. Тут Ванюша совсем сник: вдруг дядя Яша заставит его решать задачи на счетах, а он ведь никогда не имел с ними дела.

— Ну, дробь ты, конечно, не знаешь? — спросил дядя Яша.

— Не знаю, — ответил безнадежным голосом Ванюша.

Он понял: дядя Яша старается доказать ему, что он не может быть определен на учебу, так как не подготовлен к поступлению в железнодорожное училище.

— Ну, давай напишем диктант.

Дядя Яша дал ручку с пером № 86. Ваня по привычке послунил перо и, глубоко обмакнув его в чернильницу, сразу посадил большую кляксу на чистый лист бумаги, лежавший перед ним; но, воспользовавшись тем, что дядя Яша смотрит в окно и обдумывает фразу, быстро слизнул кляксу языком; на бумаге осталось только бледно-голубое, почти незаметное пятнышко.

— «Разразилась гроза, молния сверкала, и гром гремел...» — начал дядя Яша.

Ванюша задумался, как написать слово «разразилась» — вместе или отдельно. А, пан, или пропал! — и написал вместе. Но как быть со знаками препинания после «грозы» — точку ставить или запятую?.. И поставил точку, похожую на запятую. И опять заковыка: с какой буквы писать слово «молния» — с маленькой или большой? Написал с маленькой. Дошел до слова «гремел», а вот где поставить «ять», а где простое «е», в этом Ванюша был явно слаб и поставил «ять» после «р» в слове «гре» и простое «е» в слове «мел». Дядя Яша взглянул на написанное и, нахмурившись, продолжал:

— «Купец продавал сёдла...»

Ванюша так и написал, как слышится, простое «е» с двумя точками, а нужно было «ять». Была посажена еще одна клякса, а на слово «купец» упала капля пота с носа, и это слово расплылось большой голубой кляксой. Ваня совсем растерялся и покраснел. Дядя Яша взял листочек, посмотрел и рассердился:

— Тебе еще надо чистописанием заняться, а потом уж диктанты писать. Кроме того, есть грубые ошибки.

«Все, — подумал Ванюша, — провалился».

Он понимал, что главную роль во всем этом играет тетя Ядя. Видите ли, он такой сильный и большой, что может работать грузчиком, к чему, мол, ему образование.

Ванюша с того момента возненавидел эту вредную тетку. Ишь, проклятая зазнайка! Вечером на станции он увидел, какой важный у нее отец: в коричневом кожаном костюме, в лайковых перчатках; с достоинством и важностью глядел он из окна паровозной будки! Шутка сказать — машинист первого класса, водит курьерские поезда. А паровоз весь сверкает медью, зеленым и красным лаком — вот это да! Замечтался Ванюша, когда наблюдал, как отправлялся курьерский Одесса — Киев. Это

не то, что паровик у молотилки, который кажется муравьем в сравнении с красавцем паровозом «СУ».

А как хотелось бы побывать на паровозе, хотя бы одну минутку. Краешком глаза Ванюша видел, сколько там ручек, краников, рычагов, манометров, водомеров! И все это подчинено человеку. Ванюша так преклонялся перед техникой, что у него пропала даже неприязнь к пану Казимиру, отцу тети Яди. Он хоть и гордый, недоступный, но все же машинист.

Самым интересным для Вани было наблюдать, как пан Казимир подавал свой паровоз к курьерскому поезду. Паровоз из депо выводил помощник машиниста, и, когда надо было «взять» состав, пан Казимир поднимался на паровоз, снимал с правой руки лайковую коричневую перчатку и подавал свою белую чистую руку помощнику машиниста, который был одет победнее и на одежде которого были видны следы машинного масла и копоти.

Помощник машиниста чистыми концами вытирал правую ладонь и почтительно пожимал руку господину машинисту. С кочегаром пан Казимир здоровался поклоном головы, и это вполне понятно: ведь кочегар был в копоти, масле и угольной пыли. Как бы ни старался он быть аккуратным, паровоз требовал своего: и угля, и масла, и воды, и самое главное — ухода, иначе он не будет казаться таким нарядным, не будет сверкать медью.

Потом пан Казимир важно садился на свое место, надевал перчатку на правую руку и начинал священнодействовать: нажимать на рычаги, дергать за рычажок свистка. Паровоз отзывался коротким гудком, — но каким гудком! — разноголосым и могучим; не то что у паровичка с фольварка. Пан Казимир высовывался в окно, гордо озирали собравшихся на перроне людей. И во всех его движениях, которые можно было назвать величавыми, улавливалось чувство превосходства над простыми смертными, будь это даже местный богач с золотой булавкой на галстучке под белоснежным накрахмаленным воротничком. Дежурный по станции подавал сигнал, пан Казимир важно прикладывал руку к козырьку, давал продолжительный гудок, и курьерский поезд медленно, почти бесшумно трогался. Последний вагон уже проносился мимо Ванюши на большой скорости, быстро уменьшаясь и скрываясь за семафором станции.

...С облегченным сердцем и даже с удовольствием Ванюша вскоре покинул станцию Бирзулу и уехал в Одессу к тете Елене с твердым решением устроиться на работу. Прощайте мечты об учении!

Рано утром «Максим Горький» приближался к Одессе. Тогда Ванюша ничего не знал об этом чудесном южном городе, о его кипучей жизни, не знал о том, что город сравнительно молод — ему лишь немногим больше ста лет, и, конечно, ничего не слышал о происхождении названия этого города и многих его улиц.

А одна из версий была такова. Екатерина II, всемогущая императрица Российской империи, немка по происхождению, весьма благоволила к французским просветителям и даже переписывалась с Вольтером — колоссом французской прогрессивной философской мысли. На военной службе у нее состояло много французов: Де Рибас, де Ришелье, Ланжерон... И вот после славной победы над Турцией, когда к России отошли районы нынешней Одессы, Екатерина поручила французам выбрать на побережье Черного моря хорошее место для закладки большого города. Она ведь подражала Петру I и, надо отдать ей справедливость, много сделала для российского дворянства. Французы старательно выполнили наказ русской императрицы и остановили свой выбор на местности около турецкого селения Хаджибей. В конце донесения Екатерине, которое было, естественно, написано на французском языке, стояло — *Asséz d'eaux* (довольно воды), чем еще раз подтверждалась правильность выбора места будущего города. Когда императрица подбирала для него название, ее внимание почему-то привлекла последняя фраза донесения французов. Она прочла ее наоборот и повелела, что именно так и будет называться город — Одесса. А вслед за тем появились и названия улиц — Дерibasовская, Ришельевская, целого района — Ланжерон, — все по именам служивших у Екатерины французских офицеров.

Трудно судить, насколько эта версия достоверна. Как бы там ни было, а прекрасный город Одесса существует, и каждый в нем побывавший, очевидно, отдаст должное вкусу французов, выбравших для него место на берегу Черного моря.

Вот к этому городу и приближался простонародный «курьерский» поезд «Максим Горький». Ванюша был бедовый, сообразительный мальчонка. Несмотря на то что он впервые попал в водоворот большого, шумного города, не затерялся в нем, а благополучно добрался до Госпитальной улицы (дом номер 79) я нашел квартиру тети, Елены Николаевны Даниловой. Она крепко поцеловала Ванюшу. Елена Николаевна как бы видела в нем сестру Варю, которую очень любила. У тети было трое детей: дочь, названная в честь свекрови Меланьей, и два сына — Вадим и Шура.

Бабушка Меланья, или, как ее называли, бабушка Мила, немало «залившая сала за шкуру» тете Елене, прямо-таки добивалась от своего

сына, рябого Миши, чтобы он колотил жену; и часто, когда Миша бывал во хмелю, он исполнял желание матери. Тетя Елена плакала, но все переносила, она искренне любила мужа. Да и он, когда был в трезвом состоянии, никогда не бил ее, чего бы ему бабушка Мила ни наговаривала. Только Михаил так часто был пьян, что легче было подсчитать дни, когда он был трезвым. Но что же делать, недаром говорят в народе: «Раз бьет, значит, любит».

Как это ни странно, Михаил действительно любил свою жену. Он не раз твердил ей об этом со слезами раскаяния, клялся, что больше в рот не возьмет проклятого зелья и вовек не поднимет руку на свою любимую Леночку.

Первое время Ванюше жилось здесь, как в родной семье: он чувствовал к себе доброе, сердечное отношение. Дядя Миша к нему благоволил, разумеется, и тетя Елена любила его, как своего сына; а Вадим и Шура во всем старались походить на своего двоюродного брата и неизменно находили в нем защитника в частых схватках с соседними ребятами. Только бабушка Меланья недолюбливала Ванюшу, который никак не хотел признать ее главенства в семье. Он был на стороне тети Елены, а с ним заодно Вадим и Шурик. Мила, любимица бабушки, напротив держала бабушкину сторону и часто досаждала матери. Так обозначились два семейных лагеря, где дядя Миша играл двойную роль. Когда был трезв, все симпатии его были на стороне тети Елены, а пьяный — дрался и издевался над ней, к большому огорчению мальчиков и злорадству бабушки.

Ванюша большую часть времени проводил у дяди Миши в товарных пролетах из гофрированного железа, длинных-длинных, забитых до самого верха всякими товарами. К этим пролетам подкатывались целые составы и все время разгружались. Товары были самые разнообразные, причем часто кондитерские: конфеты, орехи, финики, инжир, пряники, сахар, мед и прочее. Конечно, грузчики себя не обижали: и на работе лакомились, и домой брали, а получателям обижаться был не резон: что поделаешь — издержки! А вздумаешь претензии предъявить — получишь товар в нарушенной таре. Пломбы будут целыми, но в ящиках обнаружишь мусор вместо конфет, камни вместо пряников, песок, перемешанный с сахаром, и проколотые штуки красного товара или сукна. Так что лучше жить в согласии с грузчиками, и особенно с самим Михаилом Александровичем — весовщиком, несущим полную ответственность за все товары и товарные операции. Без мзды не обойтись. Хочешь товар получить сразу по прибытии — надо позолотить руку Михаилу Александровичу. А как не позолотить: сделаешь быстрее торговый оборот — прибыль получишь; оборачиваемость капитала — великое дело.

Эту простую истину хорошо усвоили все купцы — получатели товаров, не говоря уже о всякого рода комиссионерах, собаку съевших на отправлении и получении товаров. И принимал Михаил Александрович красненькие, а иногда и четвертные вместе с накладными и дубликатами на товары. Размер взятки купцы и комиссионеры уже твердо знали — в зависимости от партии и срочности груза. Михаил Александрович в свою очередь знал, что взятками нужно делиться. Никого нельзя обойти, особенно начальство, у которого весовщики ценились в соответствии с их оборотистостью: больше оборот, больше операций — больше прибыли. Тут и начальник станции Одесса-товарная, и его помощники, и главный бухгалтер товарных операций, и конторщики, и, разумеется, грузчики, без которых не достанешь «срочный» груз, заваленный товарами последующего поступления. Все были довольны, а Михаил Александрович каждый день клал в карман рублей по шесть — десять «в дополнение» к сорока рублям месячного жалованья, которые он аккуратно приносил домой и отдавал жене полностью.

Барыш — другое дело. Он пропивался с грузчиками в ресторане. Там Михаила Александровича обычно ждали всякие Люси, Муси, Кати и, пьяненького, уводили в свои заведения. Вернувшись домой, дядя Миша устраивал скандал — переворачивал чугунки с борщом и картошкой, бил жену и пугал детей, пока наконец, обессилев, не падал на кровать и не засыпал в пьяном угаре. А наутро целовал руки своей Леночке, плакал и клялся, что больше этого не повторится.

И тут же вскоре все повторялось.

Вот так у Михаила Александровича Данилова и прошла жизнь. Другие весовщики, не склонные к пьянству, богатели, учили детей в университетах, заводили свое торговое дело, строили дома и выбивались, как говорится, в люди. Михаила Александровича все это не интересовало, он, как сам выражался, любил пожить по-настоящему. Его одинаково уважали и начальники, и подчиненные. В сущности это был хороший, душевный человек, если бы не его пристрастие к водке и другим земным утехам.

Осенью у Ванюши началась новая жизнь. Через одного хорошего знакомого, комиссионера, дядя Миша устроил его к купцу второй гильдии Михаилу Петровичу Припускову на побегушки в галантерейный магазин. Жалованье — пять рублей в месяц на всем своем.

Правда, Ванюша по-прежнему продолжал жить у Даниловых, так что назвать его жизнь совершенно самостоятельной было нельзя. Рано утром он схватывался и несся через весь город на противоположную окраину в магазин по Торговой улице, дом 29, против огромного корпуса нового базара. В магазин надо было поспеть к половине девятого. Михаил Петрович тоже приходил к этому времени пешком — это для него была легкая прогулка.

Лет купцу было тридцать пять или около того, взгляд голубых глаз приветлив, светлые брови, напротив, нахмурены. Закоренелый холостяк, Михаил Петрович каждые два-три дня брил голову, чтобы скрыть большую лысину, которую лишь венчиком обрамляли волосы. Жил он у своей сестры по Садииковской улице, недалеко от института имени Штиглица, — это было сравнительно близко от магазина.

У входа в магазин купец давал ключи Ванюше, и тот при хозяине открывал литые замки на железных шторах из гофрированного железа, поднимал их вверх над дверьми и двумя широкими окнами. Хозяин убеждался в исправности двери, открывал добротный дверной внутренний замок и входил в магазин. Он внимательно оглядывал помещение, все ли в порядке, не пахнет ли газом (магазин освещался газовыми рожками). Дверь в это время оставалась открытой, для проветривания.

В обязанность Ванюши входило прежде всего хорошо заправить и зажечь лампадку перед образом Иверской богородицы с младенцем на руках, чтобы лампадка весь день горела и все покупатели видели, что это русский магазин. Потом Ванюша стирал пыль с кассы, кресел, стульев, прилавков, полки, меловой тряпкой тщательно протирал зеркала и стекла витрин, посыпал чуть влажными опилками линолеум и щеткой старательно подметал пол, потом натирал его суконой до блеска. Зимой, кроме того, Ванюше надлежало затопить печку, а летом — опустить над витринами парусиновые шторы, чтобы товары не выгорели от солнца.

К этому времени подходили приказчики. Старшим приказчиком был Степан Иванович Петин, мужчина лет тридцати, всегда аккуратно причесанный и выбритый, с добродушным лицом и веселыми карими глазами. Ванюша называл его дядей Степой; у него была семья — жена и двое мальчишек. Получал Степан Иванович 35 рублей в месяц — оклад весьма приличный.

Приказчицей у Михаила Петровича работала Вера Федоровна Сахно — сухая, некрасивая женщина, старая дева. Одевалась она чисто, обычно в белую батистовую кофточку с глухим закрытым воротником и черную юбку клеш, подчеркивавшую ее и без того очень тонкую талию. На ленточке около пояса у Веры Федоровны всегда болтались ножницы. По натуре это

была добрая и справедливая женщина. Когда-то она училась в гимназии и хорошо говорила по-французски; теперь жила со своей матерью в небольшой однокомнатной квартирке по улице Мастерской. Получала Вера Федоровна тридцать рублей в месяц. Честности приказчица была неподкупной, о чем хорошо знал хозяин магазина. Уходя куда-нибудь, он частенько говорил ей:

— Вера Федоровна, посидите, пожалуйста, за меня в кассе.

Ванюша всегда звал ее по имени и отчеству, очень уважал и относился, как к матери.

Был еще младший приказчик Саша, или Александр Михайлович Савочкин, молодой человек лет двадцати пяти, разбитной красивый парень. Жил он одиноко, больше снимал углы, чем комнаты, но что-то часто их менял, стараясь попасть к доброй одинокой хозяйке. Саша хорошо относился к Ванюше, называл его Мухобоем (в обязанность Ванюши действительно входило бить мух в магазине), иногда давал ему подзатыльника, уча уму-разуму. Получал младший приказчик двадцать пять рублей в месяц.

К девяти часам утра, когда магазин официально открывался и железная штора над дверью поднималась полностью, Ванюша должен был помимо всего прочего сбегать в трактир за кипятком и в булочную напротив за французскими булками, заварить и приготовить чай. Хозяин и приказчики выпивали по стакану с несколькими кусочками булки и двумя кусочками сахара, причем все это подавал им Ванюша. После всех разрешалось и ему выпить стакан чая с кусочком-двумя булочки. Ванюша наловчился так тонко резать френзоли на кусочки, что у него всегда оставалась добрая четверть булки лично для себя.

Так начинался у Ванюши рабочий день.

Время пролетало незаметно. Не успеешь повернуться — час дня, то есть обеденный перерыв. Обедать ходили по очереди: сначала дядя Степа и Вера Федоровна, а потом — Саша и Ванюша; Саша ходил в дешевую студенческую столовую, где за четвертак можно было получить хороший обед из двух блюд со стаканом чая. Ванюша такой роскоши, конечно, не мог себе позволить и бегал на базар, в харчевню, запрятавшуюся в сыром, темном подвале. Там обед с хлебом стоил пятнадцать копеек, но и это было для Ванюши дороговато. Поэтому он обычно брал только первое — суп или борщ с требухой — за шесть копеек и на копейку хлеба. Ванюша сыпал в пиалу (первое в харчевне подавалось обычно в больших пиалах) побольше соли и перца, съедал все до последней капли и покидал подвал с полным животом, а стало быть, в хорошем расположении Духа.

Хозяину обычно приносили обед в магазин от Сидоровых, где он занимал две комнаты на всем готовом, в семье своей сестры. Платил Михаил Петрович сестре тридцать — сорок рублей в месяц. В понятии Ванюши это были огромные деньги. Но еще более поражало его богатство самого Сидорова, мужа сестры купца. Мало того, что Сидоров имел свой дом, в котором жил сам и сдавал квартир двенадцать внаймы, он еще служил в оптовом магазине фирмы «Савва Морозов и сын» главным бухгалтером и, как рассказывали, получал чуть ли не двести рублей в месяц! Эта цифра казалась Ванюше просто фантастической.

Жили Сидоровы на широкую ногу. Тянулся за ними и Михаил Петрович (как-никак, а купец второй гильдии), но пороху, как видно, не хватало, и он всегда был в долгах.

Так вот, обед хозяину приносили в магазин. В обязанность Ванюши входило накрыть стол в задней комнате, а когда Михаил Петрович откушает, убрать посуду. Ну, разумеется, доесть то, что останется от хозяина. А Михаил Петрович иногда оставлял для Ванюши в судках почти пол-обеда и перед уходом говорил, поковыривая во рту зубочисткой:

— Ешь, Мухобой, да помни мою доброту.

Так бывало, когда у хозяина было хорошее настроение.

Затем Ванюша наводил чистоту за кулисами — там и товар хранился упакованным в ящиках и весь Ванюшин инвентарь содержался: щетки, суконки для натирки полов, опилки и кокс в ящиках, немного дров и щепок, деревянное масло для лампы, бачок с кипяченой водой, тряпки. Здесь же были буфет с посудой и салфетками, вешалка для верхней одежды хозяина и приказчиков, умывальник и ведро для помоев. За кулисами всегда стоял запах пыли и ваксы, к которому прибавлялся еще запах съестного...

Кстати, пройти сюда можно было только через магазин. Но хозяин отнюдь не собирался переделывать помещение. Ведь все, что проносилось за кулисы и обратно, было у него перед глазами, контроль осуществлялся незаметно и легко.

В пять часов вечера Ванюша опять готовил чай, называвшийся вечерним, бегал в трактир, платил копейку и брал из куба большой чайник кипятку. Сколько там, на кухне, было соблазнов! На плите, на широкой жаровне, румянились разложенные по рядам обжаренные котлеты, много котлет — штук сто, а дальше стояли большие кастрюли: с картофелем, с макаронами, с гречневой кашей, с мясом, о соусах, борщом и дежурными щами. Сюда приходил «шестерка» — половой, в красной или розовой рубашке при белом переднике, с полотенцем у пояса или на руке, — и требовал:

— Порцию пожарских с макаронами!

Повар тут же бросал на тарелку пару котлет, ложку макарон, поливал все это соусом, а иногда и покрывал щепоткой зелени. «Шестерка» мчался обратно, ловко перебрасывая тарелку из одной руки в другую.

Когда народу в трактире было мало, заводной орган в зале молчал, а повар подремывал. Ванюша, набирая кипяток, ухитрялся опустить себе в карман одну или две котлетки и быстро уходил с чайником.

Вечерний чай в магазине подавался больше пустой — только с сахаром, иногда лишь по кружочку дешевого печенья добавлялось на блюде.

К вечеру Ванюше надо было вынести ведро с мусором и еще ведро с помоями. Ведра были с крышками, поэтому, проходя мимо хозяина, приходилось приподнимать крышку и показывать, что несешь. Убедившись, что из магазина товаров не выносят, хозяин слегка кивал головой: тащи, мол. Уже позднее, когда Михаил Петрович вполне удостоверился в честности Ванюши, он иной раз давал знак рукой: неси, не открывая крышки.

К моменту, когда магазин закрывался, нужно было погасить лампадку, настроить мышеловки, потушить газ, закрыть его на счетчике, взять крюк, опустить шторы над витринами, закрыть их на замки, приспустить штору над дверьми — это означало для покупателей, что магазин закрыт. Уходили приказчики, выходил хозяин. Ванюша запирает нижний замок у дверной железной шторы, отдавал ключи Михаилу Петровичу, и все расходились. До Старопортофранковской улицы обычно шли вместе — Вера Федоровна, Саша и Ванюша, — а там расставались, и каждый направлялся по своему маршруту.

Ванюша быстро шагал по Старопортофранковской до толчка — это километра два с гаком, потом через толчок и по всей Госпитальной аж в другой конец — еще километра два. Обычно Ванюша добирался домой к тете Елене часам к одиннадцати вечера, хотя магазин закрывался в девять. Дома он получал тарелку борща и чего-нибудь еще, нехотя ужинал — сказывалась усталость — и ложился на сундуке в коридоре спать. Спал крепко. Подчас даже не слышал, как приходил поздно ночью дядя Миша и начинал семейное побоище. Иногда просыпался и прислушивался к плачу тети Елены, Вадима, Шуры, к грохоту падающих на пол горшков с едой и тарелок. Иной раз прибежали Вадим и Шура и с перепуганными глазами будили Ванюшу:

— Ваня, Ваня, он убьет маму, пойдем скорей!

Ванюша быстро вскакивал, и они втроем бежали на вопли тети Елены. Становились стенкой между нею и дядей Мишей. Драка прекращалась. Дядя Миша тяжело валился на кушетку и быстро засыпал, а бедная

женщина, дрожа и всхлипывая, убирала с пола битую посуду, мыла пол, укладывала и успокаивала детей.

Часто думал Ванюша: почему так плохо складывается жизнь в этой семье? Сперва обвинял он во всем бабушку. А однажды в голову ему пришла мысль, которая уже не оставляла его ни на минуту: «Может быть, я всему виной?.. Мне не хотят говорить, что я мешаю, а на самом деле именно во мне все дело. Может быть, мне надо уйти отсюда? Найти где-нибудь уголок и жить себе самостоятельно, никого не стеснять. И здесь, у тети Елены, наступит покой, тишина и радость. Ну, пусть дядя Миша будет приходить выпивши, пусть даже пьяный, но не станет драться, потому что некому будет его раздражать. Когда он поднимается на второй этаж, то видит меня на сундуке, и его это выводит из себя: лишний нахлебник в семье. Уйду, — твердил про себя Ванюша, — попрошу Сашу, он поможет найти мне угол». Ведь Саша как-то сказал:

— Что ты, Мухобой, топаешь каждый день через весь город. На пяточок на трамвай, и поезжай.

И действительно дал пяточок.

«Уйду», — уже окончательно решил Ванюша. Судьба бедного родственника развила в нем болезненную подозрительность и щепетильность. Он уходил от людей, которых любил и которые, видимо, любили его. Но иначе он поступить не мог.

— Ну, Мухобой, считай, что ты на квартире, — как-то в добром расположении духа сказал Саша. — Я ушел от хозяйки. Хотя, по правде сказать, жаль мне ее — уж очень добрая, ласковая и из себя ничего. Да, понимаешь, скандалы со старухой пошли. Мать у Нюры — тьфу, то есть у Анны Ивановны — такая дотошная — всегда куда не надо нос сует. У меня кровать за ширмой, так ей все время надо заглянуть. А мало ли в каком виде застанет! — И Саша осклабился, вспомнив анекдот: — Бывает, галстук не успеешь надеть!.. Но ты-то не волнуйся. Тебе будет хорошо там. Муж Анны Ивановны в Добровольном флоте служит капитаном какого-то корабля, ходит в заграничные плавания, месяца по два, по три дома не бывает. Дядька пожилой, но славный, добрый. Вся семья хорошая, что и говорить. Приживешься, Мухобой, у Анны Ивановны — лучше не надо. Только постарайся приладиться к старухе да Котика — у Нюры, то есть, тьфу, у Анны Ивановны, мальчонка есть — не обижай. Сама Анна Ивановна все

больше с сынишкой возится и любит романы читать. А много с тебя не возьмут: целковый в месяц всего и будешь платить.

Саша не ограничился этими напутствиями. В одно воскресное утро он сам сводил Ванюшу на свою бывшую квартиру и устроил его. Теперь Ваня только по воскресеньям, да и то не всегда, ходил к тете Елене. И конечно, много выгадал, не говоря уже о душевном спокойствии. От магазина он жил теперь в пятнадцати минутах ходьбы.

В доме у Анны Ивановны Ванюша, как говорится, пришелся. Он помогал бабушке, как называл старуху, по хозяйству. Работа была та же, что и в магазине: ведро с мусором или с помоями из-под умывальника вынести, дров из сарая поднести, подмести около крылечка — и бабушка довольна. Можно было тогда посидеть за задачкой. Ванюша любил решать задачи по арифметике. Он все еще думал, что когда-нибудь ему удастся поступить учиться, ну, скажем, в коммерческое училище, поэтому сохранял книжки, которые у него остались от школы, и часто по вечерам занимался: то грамматику изучал, то историю читал, то задачки решал и работал над почерком — дядя Миша говорил, что писать красиво — это великое дело.

Конечно, пределом мечты было для Ванюши реальное училище. С какой завистью смотрел он на «реалистов». Но где уж ему, байстрюку, мальчику на побегушках, надеть форменную фуражку с желтым кантом! Пожалуй, легче в коммерческое училище попасть... Но постепенно Ванюша начал терять и эту надежду.

Ванюша очень полюбил Котю, единственного сынишку Анны Ивановны и бесценного внучонка бабушки, — это тоже имело немаловажное значение для установления хороших отношений со старухой. Да и Анна Ивановна ласково смотрела, когда Ванюша возился с Котиком на диване а иногда подходила и обоих обнимала; Ванюша смущался и опускал голову, когда чувствовал прикосновение теплых рук Анны Ивановны. Ему всегда вспоминалась в эти минуты мама.

Вскоре вернулся из заграничного плавания муж Анны Ивановны дядя Николай. Он очень понравился Ванюше: на нем была красивая морская форма, а сам он выглядел мужественным, повидавшим бури и штормы человеком. Когда бабушка знакомила дядю Николая с Ванюшей и рекомендовала его многозначительно как хорошего паренька (видимо у них были особые доверительные отношения), он посмотрел добрыми карими глазами из-под густых бровей и крепко пожал руку Ванюше. Это было летом. Бабушка собралась, забрала Котика и надолго ушла с ним из дому гулять. Ванюша также присоединился к этой компании.

— Не будем им мешать, они долго не виделись, — сказала бабушка, кивнув головой на окна, за которыми остались Анна Ивановна и дядя

Николай.

В магазине дела у Ванюши шли хорошо. Он уже прекрасно ориентировался: где и какой товар находится, как сложен и сколько его. Ему уже разрешали обслуживать некоторых покупателей, хотя он еще не имел своего чека, и чек на товар, проданный Ванюшей, обычно выписывал Саша. Но Ванюша уже твердо знал шифр, по которому определял себестоимость товара и отпускную цену, и, когда покупателей было мало и какой-нибудь посетитель слишком настойчиво торговался, назначая за товар неполную цену, он громко, так, чтобы слышал хозяин, называл шифр и предлагаемую покупателем цену. В зависимости от того, какой знак головой подавал хозяин, Ванюша или продавал товар за эту цену, или категорически отказывал, хотя вверху над полками красовалась строгая надпись: «Цены без запроса», а на другой стороне даже на французском языке — «Prix fixe».

Мало-помалу Ванюша сделался настоящим приказчиком и даже пользовался благосклонностью в определенной среде покупателей. Девочки, ученицы швей, всегда бойко шли к нему и спрашивали нитки, разноцветные шелка для машинки, иголки, пуговицы, кнопки и другую мелочь; гимназисты и гимназистки тоже толпились обычно там, где стоял Ванюша. Но, бывало, и богатые дамы заявляли:

— Я гетры хочу померить, пусть мальчик займется со мной.

Такая покупательница важно усаживалась на стул, слегка выбрасывая одну ногу вперед. Ванюша подносил Даме маленькую подножную скамеечку со скосом. Покупательница выбирала гетры по своему вкусу, и начиналась примерка: она ставила на скамеечку ногу, и Ванюша, на коленях, начинал надевать и застегивать гетру. А гетры в моде были длинные — до колен и даже выше. Особенно краснел Ванюша, когда приходилось примерять гетры, которые закрывали колено. Обычно, когда застегнуты все пуговички, гетра на ноге несколько морщится и ее надо взять за верхний край и натянуть, чтобы она гладко облегалась ногу и чтобы не было никаких морщинок и складочек на икре.

Однажды Ванюша от застенчивости поторопился, рука у него сорвалась с гетры и по инерции скользнула выше. Дама ее инстинктивно зажала ногами. Когда Ванюша, сгорая от стыда, выдернул руку, дама спокойно произнесла:

— Ничего, ничего, мальчик. Подтяни все же гетру еще раз. Мне хочется посмотреть, как она сидит на ноге, не теряется ли форма ноги.

Когда посетительница купила пару дорогих гетр светло-серого цвета и ушла, Саша долго потешался над Ванюшей, который все никак не мог оправиться от растерянности. А дядя Степа сказал:

— Ну, Мухобой, ты далеко пойдешь! Смотри, как к нему благоволит богатая особа. Ведь ее перед магазином ждет экипаж, свой выезд. Мелкая сошка этого иметь не будет. Не иначе как генеральша.

Через некоторое время дама вновь появилась в магазине, и опять ее обслуживал Ванюша. На этот раз она купила гетры молочного цвета и еще много других вещей; Саша выписал Ванюше чек на двадцать рублей сорок копеек! Уходя, дама сказала хозяину в кассе:

— Пусть мальчик принесет покупки, — и оставила свою визитную карточку с адресом.

Пришлось Ванюше выполнять и это поручение. Он быстро нашел дом, где жила дама. Дом выглядел богато и внушительно. Покупки у Ванюши приняла горничная, а когда Ванюша хотел было уходить, она остановила его и протянула серебряный полтинник.

— Это вам от хозяйки, за труды.

Что делать с полтинником: оставить себе или отдать хозяину? Ведь это так много! А дядя Миша строго предупреждал Ванюшу, чтобы в магазине он не вздумал что-нибудь в карман положить, потому что всю жизнь будет носить клеймо вора. Когда Ванюша подметал магазин, он иногда находил одну, а то и две монеты и всегда их клал хозяину на мраморную подставочку кассы. А однажды за прилавком, недалеко от кассы, Ванюша заметил, что в опилках что-то блестит, и поднял с пола золотой пятирублевик. Ближе никого не было, никто не видел, как Ванюша поднял находку, можно было спокойно опустить в карман месячный заработок. Но тут же в ушах у Ванюши прозвучали слова дяди Миши: «Смотри, тебя в магазине будут испытывать на честность, так ты не соблазнишься чем-либо, а то вылетишь как пробка и нигде не примут больше». И хотя Ванюша видел, как грузчики в товарном пролете у дяди Миши набивали свои глубокие карманы конфетами, орехами, пряниками и другими сладостями, приговаривая: «Детишкам язык посласстить», он считал и дядю Мишу и грузчиков людьми честными. В сущности, так оно и было. Ведь брали они у того, кто сам трижды обворовывал ближних своих. Вообще понятия о честности у дяди Миши и его сослуживцев были своеобразные. Украсть, положим, ящик сладостей никто не мог без ведома всего коллектива грузчиков. Если бы появился «вор-одиночка», который подвел своего брата грузчика или весовщика, то тогда ему несдобровать — убьют. А если и останется жив, то «нечаянно» попадет под колесо вагона. Было твердое правило: надо знать, что взять, когда взять и у кого взять. Это был закон нужды, все считали его абсолютно правильным — на то он и закон.

Обо всем этом вспомнил Ванюша, держа перед собой найденный пятирублевик. Он твердо решил: деньги подброшены для испытания его

честности, а потому их немедленно нужно вернуть владельцу. Ванюша тут же положил пятирублевик на мраморную подставочку кассы и сказал подошедшему хозяину:

— Михаил Петрович, вот я нашел на полу пять рублей золотых.

Хозяин поспешно и удивленно вернулся к кассе, осмотрел пятирублевик, ударил им по привычке по мраморной подставочке и положил в кассу со словами:

— Молодец, Ваня, хозяину прибыль приносишь.

Все это видели другие приказчики, и чувствовалось, они довольны, что Ваня выдержал испытание. Теперь он войдет в доверие к хозяину.

Но полтинник, который Ванюша получил от дамы, он все-таки оставил у себя, и это как раз входило в то понятие честности, которое внушал ему дядя Миша. Деньги были заработаны — и никому до них нет дела.

Миновал месяц, как дядя Николай ушел в очередной рейс. Наступала золотая осень. Рынки Одессы ломились от продуктов и всякой всячины, которую обильно приносила благодатная земля людям. Море спокойно вздымало свою богатырскую грудь, и все в природе было полно неизъяснимой прелести.

Был воскресный день. Бабушка ушла с Котиком в слободку Романовну, на именины к своей такой же старенькой подруге, работавшей там в психиатрической больнице нянечкой. Анна Ивановна знала, что бабушка вернется не скоро.

Ванюша решил заняться каллиграфией и старательно обводил буквы в предложениях, написанных в специальных тетрадях еле заметными светло-желтыми водянистыми чернилами. Такие тетради продавались везде по пяти копеек за штуку.

Анна Ивановна тихо подошла к Ванюше и стала любоваться его почерком. Она наклонилась так низко, что мальчик почувствовал ее дыхание на своей щеке и невольно повернул к ней лицо. Анна Ивановна посмотрела ему прямо в глаза долгим томным взглядом и, взяв его голову в теплые руки, прижала к своей мягкой груди. Потом Анна Ивановна крепко и сочно поцеловала Ванюшу в губы. Поцелуй словно обжег Ванюшу, он почувствовал, как сердце заколотилось у него в груди.

Через четверть часа он уже шагал по улице Штиглица к Кафедральному собору, потрясенный и раздавленный всем случившимся. У него было такое чувство, будто он совершил что-то страшное. Было тяжело, омерзительно, и Ванюша все ускорял и ускорял шаг.

В состоянии глубокой душевной подавленности он подошел к собору. Богослужение уже окончилось, но собор был, как всегда, открыт. Ванюша, стараясь не стучать ботинками по мраморному полу, направился прямо к

образу великомученицы богоматери, перед которым одиноко горела свеча. Он припал к образу и стал горячо, со слезами, молиться; молился он долго, страстно, так, как учила его мама. Раньше он тоже приходил в собор и уходил тогда, когда прочтет наизусть все молитвы, но избегал целовать образ, уж очень он был заслужен массово верующих, и Ванюша брезговал. Но на этот раз он влип своими губами в краску иконы и молился, выпрашивая прощения у бога. В чем он был виноват? Никаких греховных мыслей не мелькнуло у него, когда он ощутил поцелуй женщины... И все же он молился, будто отмывался от какой-то грязи... В этот день он не вернулся на квартиру Анны Ивановны, а пошел к тете Елене и там переночевал.

Назавтра по рекомендации товарища, такого же мальчугана из соседнего магазина, он отправился на сенной базар к женщине, торговавшей зеленью, и договорился, что снимет у нее угол. Торговка, разумеется, ничего не предпринимала без выгоды. Определив сразу, что парню дозарезу нужно жилье, она взяла с Ванюши баснословно дорого — три рубля в месяц. Ванюша не знал, как он будет жить на два остающихся рубля, но и не задумывался над этим и сразу же согласился с условиями торговли. А через пару дней, улучив момент, когда Анна Ивановна была на прогулке с Котиком, Ванюша пришел к бабушке, объявил, что срочно уезжает в деревню, забрал свой сундучок, книжки и, тепло распрощавшись с ней, боясь все время встречи с Анной Ивановной и Котиком, быстро ушел.

До Сенной площади было недалеко и, повернув налево по Старопортофранковской, он быстро дошел до квартирки тети Матрены. Как условились, она была дома, приняла квартиранта, показала уголок и железную койку, застланную простым рядом, — новое обиталище Ванюши.

Ванюша быстро сунул свой сундучок под кровать и сказал тете Матрене, когда он будет уходить на работу и когда возвращаться с работы, что у него нет товарищей, кроме Пети, который его рекомендовал: посещать Ванюшу никто не будет, а стало быть, и беспокойства с ним хозяйка не увидит.

Тетя Матрена все это одобрила, угостила Ванюшу чаем с молоком и белым хлебом, сообщила, где будет лежать ключ от квартиры во время ее ухода на базар, и в заключение широко перекрестилась на икону святого Николая — других икон у нее не было.

Тут же Ванюше стала известна судьба тети Матрены. Ее муж, старый рыбак, погиб в море во время шторма, и вот уже пятнадцать лет она живет одна, торгуя зеленью и овощами. Раньше она снимала целый рундук, но прогорела и теперь торгует «с земли». Зелень и овощи ей привозит один и тот же молдаванин, а она продает. Вот так и зарабатывает себе на жизнь. Ей

лет за пятьдесят, нравом она строгая; сразу после чаепития тетя Матрена сказала, что это для первого раза она угощает, а вообще Ванюша сам может из трактира приносить себе кипяток, заваривать чай. Запасать, мол, надо и сахар, а чайником и эмалированной чашкой Ванюша может пользоваться бесплатно. Тетя Матрена загасила свет, ушла в другой угол, задернула ситцевый полог и грузно улеглась на скрипучую железную кровать.

Шел 1912 год, в разгаре была война на Балканах; сербы и болгары в союзе с греками воевали с турками. Болгарам и сербам морально и материально помогала их освободительница Россия, направляя в болгарскую армию своих добровольцев-офицеров. А туркам в такой же мере, только более скрытно и хитро, помогала Германия, стараясь тем самым всячески досадить «тройственному согласию», которое составляли Англия, Франция и Россия, за Агадирский конфликт, завершившийся обидной уступкой со стороны Германии.

Война первое время шла с переменным успехом, но потом турки вынуждены были отступить и оставить Адрианополь. Это вызвало небывалый подъем на юге России. Многие надеялись, что болгары и сербы овладеют Константинополем.

Вот-вот, казалось, осуществится столь желанная мечта. Было ясно, что турецкая армия разваливается вместе с прогнившей Оттоманской империей и не устоит против воинственных болгар и сербов. Тень поражения нависла над Турцией. Все российские газеты были наполнены бесчисленными восторгами в честь успехов славян. Много шума было также и в без того шумной Одессе. В витринах редакций самых крупных городских газет, таких, как «Одесские новости» и «Одесский листок», были выставлены карты Балканского театра военных действий крупных масштабов. На них отчетливо обозначался фронт обеих сторон, большими стрелами показывались успехи болгар и сербов и отход турецкой армии. Перед этими витринами всегда толпились горожане, и комментариям не было конца.

— Вот наши братишки поддают туркам — того и гляди, захватят проливы.

— У-у, тогда раздолье! Пойдет наш флот в Средиземное море и на запад.

— Да, простор будет русским товарам, особенно нашей пшеничке.

— По дешевому фрахту!

Вопрос о проливах больше всего занимал торговцев, отсюда и определенная направленность разговоров у газетных витрин.

Ванюша со своими товарищами тоже обычно терся в толпе. Ребятами владело общее настроение подъема, и они всерьез поговаривали: а не отправиться ли добровольцами в болгарскую армию? Перед глазами Ванюши все время стояла фотография, широко распространявшаяся во время и после русско-японской войны. На ней был изображен мальчик-доброволец, которого поощряет генерал Линевиц.

Но этому угару неожиданно наступил конец: болгары и сербы почему-то повздорили между собой и, мало того, начали драться, по-видимому, не без тайного влияния германских агентов. Турки не замедлили этим воспользоваться, перешли в наступление и вернули Адрианополь. Только вмешательство великих держав заставило сербов, болгар и турок прекратить войну и заключить мирный договор.

* * *

Ванюша был огорчен таким исходом военных событий. Но житейские дела скоро отвлекли его от политики. К этому времени у него появились новые обязанности на работе. Его хозяин Михаил Петрович Припусков жил не по средствам, как всегда, не вылезал из долгов и в своих торговых делах вынужден был всячески изворачиваться. Товар он покупал под векселя, а то и просто брал займы деньги у своих друзей, более осмотрительных купцов, которые вели скромный образ жизни: вытягивали ножки по одежке. Вот купец и гонял Ванюшу по всем банкам, банкирским конторам, а когда запаздывал с погашением долгов, то и по нотариальным конторам — выкупать векселя. Почти каждый день Ванюша получал двадцать пять или пятьдесят рублей и пятак на трамвай, чтобы поскорее поспеть в Азово-Черноморский банк, банк «Лионский кредит» и выкупить вексель, пока он не будет передан на опротестование — тогда его выкуп обойдется на два процента дороже. Ванюша уже знал, сколько времени надо, чтобы добежать до банка и, сунув в окошечко (пока оно еще не захлопнулось) деньги, получить вексель. А пятак, конечно, опускал себе в карман. Если же следовало выкупить векселя в разных банках, то, смотришь, и два пятачка попадали в карман. Это был опять-таки честный заработок, здесь Ванюша никого не обманывал.

К тому же все чаще Ванюше поручалось относить покупки на дом. В этом случае ему перепадали и гривенники. Таким образом, у него появились побочные доходы. Ванюша покупал на почте сберегательные марки и

старательно наклеивал их на сберегательные карточки. Из пятаков и гривенников слагались рубли. Теперь он позволял себе съесть полный обед за пятнадцать копеек, а по воскресеньям иногда даже посещал студенческую столовую, где обычно обедал Саша. Ну, там вообще бывал роскошный обед: хороший борщ, а какое второе! — котлеты или жаркое с картофелем или гречневой кашей с подливкой. Подливка — пальчики оближешь: острая и вкусная. На третье — компот. И все это стоило, конечно, немало, целый четвертак, но зато он обедал в настоящей столовой, а не в харчевне: столы накрыты белыми скатертями, на окнах занавески, на столах графины с водой, блюда подают чистенько одетые, в белых фартуках и наколках на голове красивые официантки.

Конечно, это были праздники для Ванюши, и он позволял себе их редко. К тому же, когда носишься за выкупом векселей, то здорово страдают ботинки — значит, надо лишний раз уголки набить, а то и целую подметку; смотришь — брюки надо, рубашку с отложным воротничком, ведь косоворотку не положено носить, а там и самовязик захочется. Все это расходы и расходы: трудно стало жить на пять рублей в месяц с тех пор, как пришлось переехать к тете Матрене.

Мало-помалу Ванюша вошел в полное доверие к хозяину, и, случалось, Михаил Петрович давал ему по несколько сотен рублей для выкупа векселей. Эти деньги Ванюша прятал во внутренний карман курточки. Наказывая о внимательности, его провожали в банк на извозчике. Здесь уж не удавалось сэкономить гривенник, но зато Михаил Петрович как-то пообещал подарить старые брюки, правда довольно потертые, от своего серого костюма из хорошего, шерстяного материала. Это была мечта Ванюши. Но время шло, не раз он относил этот костюм в чистку, а хозяин все не выполнял своего обещания. Видимо, раздумал. Как-никак брюки ведь дорогие, а баловать Ванюшку купец, видно, не хотел.

Пришлось еще с большим старанием заняться побочными заработками. С Санькой, мальчиком из гастрономического магазина, Ванюша договорился, чтобы тот давал ему знать, когда будут хорошие ветчинно-колбасные обрезки. Они дешевые, восемь копеек за фунт, и можно сэкономить на еде. Но долг платежом красен. Когда Санька приходил покупать для хозяина пару носков, Ванюша незаметно завертывал две пары — одну для приятеля. Постепенно хорошие отношения с этим краснощеким — еще бы, колбасных обрезков было вволю! — подростком укрепились. Часто Санька отвечивал Ванюшке, при этом хитро подмигивая, вместо обрезков и хорошую колбасу, превращенную для отвода глаз в обрезки. Даже когда Ванюша прибегал в магазин за четвертушкой сливочного масла

и кетовой икрой для хозяина, то, смотришь, Санька завернет вместе с покупкой и несколько кусочков колбасы.

Правда, случаи такие бывали не часто, только в те дни, когда к хозяину приходил купец Абросимов напомнить, что скоро срок уплаты по векселю. Мол, не забывай, Михаил Петрович, а то вексель в протест сдам. В таких случаях Михаил Петрович начинал изворачиваться:

— Подожди, дорогой Онуфрий Степанович, недельку. Выкуплю.

Иногда тот шел на риск и на недельку просрочивал векселек рублей на пятьсот. С коммерческой точки зрения это было, конечно, опасно, так как просроченный вексель терял силу и ничего не стоил, а сам векселедатель мог его не взять или предложить половину, а то и четверть суммы. Но у Онуфрия Степановича Абросимова, известного мануфактурщика и тоже купца второй гильдии, были доверительные отношения с Михаилом Петровичем Припусковым, последний всегда выкупал у него и просроченные векселя. Правда, со сроками душу выматывал, и Онуфрию Степановичу не раз приходилось заходить в магазин Михаила Петровича и напоминать ему о задержке. Каждый его приход сопровождался задушевной беседой и выпивкой за кулисами магазина. К таким беседам Ванюша и должен был приносить «жулика» — одну восьмидесятую ведра водки, бутылку разливного белого кахетинского, сливочного масла и кетовой икры по четверти фунта. Купцы закусывали, мирно беседуя на разные торговые темы, все больше жалуясь на свою судьбу. Мол, торговля идет вяло, покупателей мало, а отсюда, дескать, какая прибыль, концы с концами еле удается сводить!

— Вот и прошу тебя, — жалобным тоном говорил Михаил Петрович, — дорогой Онуфрий Степанович, подожди еще пару неделек.

— Да ведь уже вексель будет просрочен, — низко басил Онуфрий Степанович.

— Но он уже и так просрочен, — напоминал Михаил Петрович.

И на этом дело кончалось. Лишь блеснет Онуфрий Степанович зло глазками, очевидно думая про себя: «Ишь, бестия, помнит, что срок векселю просрочен». А вслух скажет:

— Ну, стоит ли о сроках говорить, дорогой Михаил Петрович? Мы ведь русские люди и должны друг друга поддерживать. Но все же копеечка, друг, любит счет.

И собеседники, крикнув слегка после рюмки водки, брались за икру.

Когда купцы расходились, Ванюша убирал со стола и, если что оставалось, доедал, а, убирая бутылки, допивал, что было на доньшке. Водка неприятно жгла горло, а вот кахетинское вино нравилось — такое приятное, кисловатое на вкус.

Как-то, давая сдачу покупателю, хозяин вспомнил, что у него в кармане пальто осталась какая-то мелочь после трамвая. Михаил Петрович тоже пользовался иногда трамваем и, давая рубль или полтинник кондуктору, сдачу небрежно опускал в карман пальто и по своей рассеянности забывал об этом, пока деньги не звякнут в кармане.

— Ванюша, принеси-ка мне мелочь из кармана пальто, — приказал он молодому приказчику.

Ванюша, удивленно взглянув на хозяина, чтобы показать, что он не лазит по чужим карманам, направился за кулисы. Купец рассчитался с покупателем, а остальные монеты положил в кассу, не считая.

Ванюша, хоть и делал удивленные глаза, но о мелочи в хозяйском кармане знал очень хорошо. Он даже знал, что уголок правого кармана у купца распоролся. Дырочка была маленькая, и гривенник в нее не пролезал. Ванюша решил ее увеличить, чтобы не только гривенник, но и двугривенный проскальзывал. Он рассчитывал, что когда хозяин будет бросать мелочь в карман, то хотя бы один двугривенный упадет в дырку и поболтается под подкладкой пальто недельки две, тогда его можно будет без опаски оттуда достать. Ванюша купит сберегательную марку за двадцать копеек и наклеит ее на сберегательную карточку.

Так оно и случалось не раз. Мало-помалу Ванюше удалось накопить деньги и купить на толчке себе костюм, правда из довольно дрянного матерьяльчика. Потом Ванюша даже часы карманные приобрел. Он с гордостью носил их по праздникам на черном шелковом шнурочке в нагрудном кармане, пока на Куликовом поле в давке у какого-то балагана их не вытащили. Ванюша заметил, как пустой шелковый шнурочек с защепочкой болтается у него на груди. От огорчения у парнишки даже слезы выступили, но куда пойдешь, кому что скажешь? Еще на смех поднимут: эх, мол, простофиля, разинул рот на шутов, а у него и часы вытянули!

Ванюша скрыл эту пропажу ото всех, а в скором времени купил за один рубль на толчке у какого-то железнодорожника подержанные карманные часы в вороненом корпусе с паровозиком на циферблате. Правда, они через месяц остановились и Ванюша решил их починить сам: открыл крышку и заметил, что волосок оборвался у самого кончика, там, где он штифтиком закреплялся на основании. Ванюша смастерил себе пинцет, вытащил штифтик и, вставив в отверстие кончик волоска, опять его закрепил. Часы пошли. Потом много раз чинил их Ванюша, полностью разбирая и собирая, пока дочинился до того, что часы окончательно перестали ходить. Но зато Ванюша мог теперь сказать, что он понимает толк в часах и может даже пружину заменить, а ведь для этого надо произвести их полную разборку.

Инструмент Ванюша сам себе делал: отверточки из иголок затачивал на бруске, щипчики мастерил из проволоки, кончики отверток намагничивал, чтобы винтики держались. Пришлось купить только увеличительное стекло («окуляр») и хороший пинцет.

К тете Лене Ванюша редко навещался, думал, что с его отъездом дядя Миша перестанет бить тетю. Но тот продолжал ее поколачивать в пьяном виде, и, пожалуй, еще злее прежнего. Так что отъезд Ванюши изменений в жизнь тети Елены не внес.

Ванюша любил уединяться, тогда можно помечтать, и даже вслух. Поэтому в воскресенье, вместо того чтобы идти к родственникам, он шел на море, больше на Аркадиевку, там можно было позагорать, покупаться, хорошенько поплавать. Однажды Ванюша поплыл на подводный камень — широкий, плоский сверху, — что находился приблизительно в километре от берега. На нем обычно отдыхали пловцы. Но найти его трудно — он почти на метр скрыт под водой.

Ванюше казалось, что он приплыл точно на то место, где должен быть камень. Однако почему-то ноги никак не могли его нащупать. Ванюша долго плавал, очень устал, а камня так и не нашел. Между тем ветер начал усиливаться и море все больше и больше волновалось. Появились зловещие барашки. Пришлось отправиться к берегу не отдохнувши, а волна нагоняла и захлестывала, часто с головой.

Силы иссякали, а до берега было еще далеко. «Неужели утону?» — подумал Ванюша, и при этой мысли силы стали совсем покидать его. Вот он раз, другой изрядно глотнул соленой воды; плыть стало труднее, а до берега оставалось еще метров триста.

Волна пошла крупнее, море шумело сильным накатом. Кричать о помощи бесполезно — никто не услышит. Неужели суждено утонуть? Волна несколько раз подряд накрыла Ванюшу. Было глубоко, и он не достал ногами дна, чтобы оттолкнуться и вынырнуть. Давлением воды его все-таки вытолкнуло, он успел схватить глоток свежего воздуха, а потом его опять захлестнула крутая волна.

Как его выбросило на берег, Ванюша не помнил, а может быть, люди помогли, потому что очнулся он уже на берегу, в нескольких шагах от воды. Он открыл глаза — все было в густом желтом тумане, а потом туман несколько рассеялся, и он увидел солнце, море и людей. Его стошнило. Кто-то сказал:

— Это хорошо. Раз рвет, значит, все пройдет.

Женские голоса настаивали, чтобы позвали доктора. А мужчины возражали:

— Не надо, отойдет. Его малость о камни пошлифовало, но ничего крепче будет.

Какой-то пожилой лодочник в выцветшей синей грубой блузе наклонился над Ванюшей, поднял его за ноги вниз головой и несколько раз слегка встряхнул. Теплая вода полилась изо рта, и сразу стало легче.

Ванюша тихо проговорил:

— Спасибо, дядя. Лодочник тщательно ощупал своими грубыми руками голову мальчика, потом осмотрел разбитые коленки и, достав из кармана бутылочку с йодом, залил ссадины. Царапины заципало, но Ванюша, закусив губу, промолчал.

— Ну, вот и хорошо, малец, теперь все в порядке, — сказал лодочник и широко улыбнулся, показав ровный ряд крупных белых зубов.

— Большое, большое спасибо, дядя.

— Ну, бувай здоров, — ответил тот и пошел к своим лодкам. Любопытные, окружавшие Ванюшу, тоже стали расходиться. Он с трудом поднялся. Ему было холодно, хотя солнце припекало вовсю. Он стал искать свои штаны, сандалии и рубашку с картузом. Кое-как с помощью каких-то мальчишек, принявших самое горячее участие в его беде, он нашел свою одежду и оделся.

Чувствуя большую усталость во всем теле, но какую-то легкость на сердце, как будто вновь родился на свет, Ванюша стал подниматься на крутой берег Аркадиевки.

После этого случая Ванюша больше не плавал к подводному камню.

Глава четвертая

1

Одесса ждала царя. Николай II совершал турне по югу Российской империи в честь трехсотлетия царствования дома Романовых.

Российская империя... Дом Романовых... От российского, русского ничего в этом доме не осталось. Одна фамилия, довольно распространенная в русских губерниях. Весь жизненный уклад дома Романовых был насквозь пропитан немецким духом; немцы рассматривали Россию как свою негласную вотчину, везде и всюду насаждая своих людей. Сам Николай, этот безвольный выродок на русском престоле, был марионеткой в руках царицы, по происхождению немки, и ее немецкого окружения. Был еще Распутин — фигура зловещая, темная, словно воплотившая в себе все то уродливое, что скопилось в российской действительности за годы жесточайшей реакции.

Простой народ России, в основной своей массе забитый, малограмотный, ничего об этом не знал, но догадывался о многом. Вбиваемое в головы людей почтение к царю все более подвергалось сомнению — жизнь сама понуждала к этому. Одесситы тоже были охвачены стремлением увидеть царя воочию. Мало ли каким его рисуют всюду, начиная от конфетных оберток и кончая огромными цветными портретами в присутственных местах! Другое дело, когда перед глазами сама натура.

Охвачен этим интересом был и Ванюша — он тоже стремился увидеть царя живым и составить себе о нем представление: действительно ли он боевой царь и не уступит ли он немецкому царю? Ведь так много разговоров о том, что назревает война с Германией, а Ванюша любил Россию всем своим детским чистым существом, ибо Россия для него была — народ, главным образом, крестьяне, среди которых он вырос, жил и работал. Образ России представлялся ему таким, каким запечатлел его поэт:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

Ванюша страстно хотел, чтобы Россия не была убогой и бессильной, а была бы только обильной и могучей, чтобы она в трепет приводила всех недругов. Но для этого надо иметь хорошего царя, ну, такого, как Петр Великий, или хотя бы такого, как Ермак — завоеватель Сибири, или вот как Степан Разин (Ванюша зачитывался копеечными выпусками о Стеньке Разине, продававшимися на углу в газетном киоске). Да вот если бы генералов хороших иметь, — конечно, не таких, как Куропаткин, Стессель, Линевиц, Фок и прочие, которые даже японцев не смогли победить и так опозорили Россию, что аж сердце ноет...

Такие, подчас совершенно разноречивые мысли, роились в голове Ванюши перед приездом в Одессу царя. Он мечтал непременно увидеть царя с близкого расстояния. Ему очень хотелось, чтобы царь оказался молодцеватым, с широкими плечами и высокого роста: как дунет — так вся немчура, окружавшая его, разлетится — всякие там Фредериксы, Дитерихсы и прочие швабы. Хотя, как послушаешь рабочий народ, на это мало надежды. Опять же и рабочим Ванюша мало доверял. Сколько среди них таких, что ходят пьяные и драки затевают, а Ванюша драк не любил: в драке ведь могут рубашку порвать — в чем потом на работу пойдешь? Так размышлял Ванюша снова и снова над смыслом происходящих в России событий и ждал приезда царя, чтобы разом разрешить все волнующие его вопросы.

Одесситы гадали, как и где поедет царь по городу? Это держалось в секрете (а вдруг убьют царя!). Но Ванюше повезло. Он сумел завоевать доверие и симпатию городского, который приходил иногда в гости к тете Матрене и, подвыпив, кряхтел и подкручивал свои пышные рыжие усы.

— Вот что, Ванька, — сказал он накануне приезда Николая, — получил я назначение в наряд на Французский бульвар для охраны царя, — так, значит, пойдём со мной, я тебя там прилажу на тротуаре у самого каната, но чтобы ты все время кричал ура. Понимаешь?!

— Конечно! Обязательно буду кричать во все горло, только возьмите с собой!

Так и договорились.

Наконец наступил долгожданный день. Чуть рассветало, когда Ванюша отправился с городовым на Французский бульвар. Долго пришлось ждать, почти до полудня, пока показались открытые автомобили, очень медленно двигавшиеся по середине улицы. По бокам их и впереди гарцевали на конях стражники и кавказские горцы с кинжалами и в гозырях. Зло сверкая своими черными глазами, они всматривались в народ. Из-за них было плохо видно, в какой машине едет царь. Но вот стал нарастать гул — «ура-ура!»

Городовые и шпики в черных котелках вытянулись, замерли плотной стеной, отгородившей народ от улицы.

Ванюша все же видел машины в щелки между локтями городских и шпииков. И вот наконец появилась царская машина. В ней стоял небольшого роста человек, с рыжей бородкой и усами, в мундире пехотного полковника, с каким-то грустным и абсолютно безразличным и безжизненным лицом, и вяло-вяло помахивал рукой приветствовавшим его верноподданным. Особенно ретиво и громко кричали «ура» городовые и шпики.

«Вон он какой, царь-то!» — Все надежды Ванюши на высокий рост и молодцеватость царя разом рухнули, и прямо по сердцу резануло что-то очень неприятное. В это время сзади навалился народ, Ванюшу сильно зажали, но он все же устоял, упрямо расправив плечи и растопырив локти. Рядом взвился женский голос:

— Матушки, задавили! Да тише же вы — ребенок под ногами!

— Ой, ой! — кричала другая женщина.

Городовые и шпики всполошились:

— Стой! Не напирать! Осади назад!

Они упирались руками в людей, выпячивали глаза и орали одно и то же:

— Не при! Осади!

Им помогали подвыпившие молодцы из «Союза русского народа» с трехцветными бантами на груди.

Крики о помощи, возгласы «ура!» и это «Не при! Осади!» — все смешалось в сплошной рев.

Царь проехал; дальше следовала августейшая семья и наследник на руках у могучего матроса. «Вот это да, вот бы ему быть царем! — подумал Ванюша о матросе. — Этот бы не уступил немецкому царю. А то, тьфу, какой-то христосик захудалый, разве с ним толк будет?» И только тут Ванюша понял, почему все эти дни у него было такое тревожное состояние: внутренне он уже чувствовал, что царь — дерьмо. Ванюша совсем забыл, что надо кричать «ура», и простоял все время молча, а когда толпа стала редеть, он понуря голову побрел домой.

С тех пор Ванюша стал больше прислушиваться к мастеровым и рабочим с канатной фабрики: они ведь правду говорили, что царь-то никудышный. Так оно и есть.

Вскоре к тете Матрене пришел городской. И тут же спросил Ванюшу:

— Ну, как тебе царь показался?

— Да так, дядя, ничего, только тихий очень.

— Ну, потому и тихий, что в нем божественный дух сидит.

— А лучше бы в нем боевой дух сидел, — не вытерпел Ванюша.

У городского даже глаза на лоб полезли:

— Ну, ты мне, мотри! Божественный — это и есть боевой.

— Может быть, — сказал Ванюша уклончиво.

А его так и подмывало сказать, что царь ему совсем не показался — так, слизняк какой-то. Невысокого мнения о царе была и тетя Матрена. И тогда городовому ничего не осталось, как согласиться с ней, и он чувствовал даже неловкость из-за болтавшейся у него на груди медали, выбитой в честь трехсотлетия дома Романовых, с двумя профилями царей — Михаила и Николая II над выпуклой цифрой — 300 лет. С какой гордостью он выпячивал грудь, когда ему ее прикалывал одесский полицмейстер. А к чему она теперь?..

Через пару дней, сразу же после отъезда царя, одесские газеты сообщили, сколько людей пострадало в давке при встрече «августейшего». Говорили, что в полицейских участках выдавали пособия родственникам пострадавших, а похороны брали на казенный счет, то есть хоронили втихую по ночам.

А вообще-то приезд царя был вскорости же и забыт. Одесситы — народ торговый, а торговле нужно отдаваться целиком, иначе дело — швах. Среди торговцев особенно много было евреев, они составляли, пожалуй, большинство населения Одессы, несмотря на периодические погромы, душой которых были черносотенцы из «Союза русского народа».

Погромная организация «Союз русского народа» образовалась в конце 1905 года, когда царизм искал своего спасения от революции, сна субсидировалась и поддерживалась царским правительством и крупными помещиками-крепостниками. По существу, «союз» был неофициальным органом полиции, охраны и православных церковников, то есть ярых приверженцев монархии, а кадры его вербовались из деклассированных элементов: из лавочников-ростовщиков и прочего сброда. Задачами «союза» были разгон рабочих демонстраций, убийство революционеров и либеральных деятелей и, наконец, организация еврейских погромов. В конце концов погромщики не укрепляли царский режим, а, сами того не ведая, разъедали тело монархии, уже и без того дряблкое. «Союз», несмотря на щедрую благотворительность, никак не мог увеличить число своих членов и кое-как перебивался, совершенно не пользуясь популярностью среди населения.

У Михаила Петровича торговые дела пошли лучше; перед пасхальными праздниками к нему в магазин даже приходили всей семьей Сидоровы —

помогать обслуживать покупателей. А их набивалось полным-полно. Золотые денечки были у купца второй гильдии! Ванюша тоже работал за продавца, помимо того, что убирал магазин после такого нашествия покупателей. Впрочем, остальные приказчики также работали много, оставаясь допоздна, и раньше одиннадцати часов вечера домой не уходили.

Степан Иванович, Вера Федоровна и Саша поговаривали между собой, что пора бы уже прибавить жалованье Ванюше, что очень бойко и умело он обслуживает покупателей. Ванюша даже заметил, как однажды аферистка ловко опустила за декольте черный лионский шарф, и сразу тихо сказал об этом Вере Федоровне. Она ее задержала разговорами, пока Михаил Петрович пригласил городского, и аферистка была поймана с поличным, когда пыталась освободиться от шарфа. А ведь он стоил двадцать пять рублей, это большие деньги — целый месячный заработок младшего приказчика Саши Савочкина. Правда, был риск, ведь аферистка могла ловко избавиться от шарфа и тогда подала бы в суд на хозяина за личное оскорбление или втихую потребовала материального удовлетворения, чтобы не поднимать скандала и не компрометировать магазин. Но Ванюша это знал и глаз не спускал с аферистки.

— Ну молодец, Ванюша, ловко поймал Соньку! — прямо-таки умилялся хозяин.

«Соньками», по примеру Соньки Золотой Ручки, звали всех крупных магазинных воровок. Они обычно одевались как барыни, появлялись в магазинах с шиком и, сбивая с толку молодых приказчиков, воровали дорогие вещи.

После этого случая авторитет Ванюши в магазине заметно вырос, а хозяин проникся к нему полным доверием, хотя парнишка продолжал понемногу пощипывать хозяйские карманы и около рубля в месяц выуживал из-под подкладки пальто: проклятые дырочки в карманах купец никак заштопать не мог. Теперь Ванюша не осуждал себя за этот поступок. За время работы в магазине он насмотрелся многого, увидел своими глазами, как купцы и приказчики обсчитывают и обманывают покупателей, пускают в ход десятки разных способов, чтобы поживиться чужим добром. И его хозяин, Михаил Петрович, не был в этом отношении исключением. Значит, и волноваться нечего.

Надвигалась осень. Одесские рынки ломались от всякой снеди, покупатели яростно торговались на привозе, перебивая друг друга, подставные покупатели прибавляли по копейке за фунт мяса, сала, колбасы, за меру картошки, лука, моркови. Чеснок, перец разный шел по счету — Десятками, и цена определялась в зависимости от качества и величины головок.

С раннего утра и до темноты кипела рыночная жизнь. Торговки овощами и зеленью появлялись на рынке на рассвете и сразу забирали лучший товар или поздно вечером — чтобы скупить по дешевке у крестьян нераспроданный товар перед их отъездом с базара.

Начал работать цирк Малевича. Больше всего одесситы любили борьбу и приветствовали прибытие известного арбитра дядю Ваню с группой борцов: открывался чемпионат французской борьбы с участием всемирно известных борцов — Поддубного, Заикина, Збышко и других... Ванюша с головой ушел в события чемпионата и все время торчал перед таблицей результатов встреч, вывешенной около цирка. Ходить каждый вечер в цирк не удавалось — все-таки пятнадцать копеек надо платить за вход на галерку. Иногда, правда, он ухитрялся проникнуть зайцем через конюшню или через слуховые окна на крыше, но это — иногда. Можно было и «по знакомству» попасть в цирк, но это стоило шкалика водки, за который надо платить двенадцать копеек...

И все же Ванюша старался не пропустить ни одной интересной встречи.

Он сам, бывало, с замиранием сердца следя за тем, что происходит на арене, незаметно для себя изгибался, повторял руками и ногами движения своих кумиров, когда те, поблескивая мокрыми от лота телами, схватывались на ковре. Особенно напрягался Ванюша, когда борец попадал в захват, именуемый двойным нельсоном, — даже пот на лбу выступал. Но какое было наслаждение, когда его любимец побеждал и припечатывал противника на обе лопатки. Следовал продолжительный свисток дяди Вани, фиксирующий победу, — победитель бодро раскланивался перед неистовствовавшей от восторга публикой, а побежденный неохотно подавал ему руку в знак признания поражения и понуря голову после одного поклона публике уходил с арены.

Терпеть не мог Ванюша подкладных борцов, которых, по рассуждениям знатоков, только и держат для того, чтобы их клали на лопатки любимцы публики. Да оно, собственно, так и было — попробуй, не послушай арбитра и на определенной минуте схватки не окажись на лопатках! Не дай бог не выдержать характер и припечатать фаворита лопатками к ковра — сразу ползаработка, а то и весь выход потеряешь. Так ли это на самом деле, Ванюша не знал, но многие уверяли, что так. Ванюшу терзали сомнения. О, сколько бы он отдал, чтобы узнать истину: по-настоящему борются атлеты или «для публики»?

Но тайна эта так и осталась неразгаданной. А полюбил Ванюша борьбу до упоения.

Осенью в Одессе появился Сергей. Как-то он пришел к Ванюше, передал поклон от мамы, как будто ничего и не произошло. Ванюша тоже не хотел вспоминать прошлого — пусть забудется. Сергей устроился полотером в коммерческое училище на Преображенской улице — десять рублей в месяц зарабатывал, натирая полы с утра и до ночи. Был он какой-то сухой, черный, и чувствовалось, что очень уставал. Это и понятно — с его-то силенкой! Поработал Сергей месяцев пять, кое-что заработал, но понял что дальше не выдюжит, и уехал опять в Клищов. Так его больше и не видел Ванюша.

Наступила зима, и надо было в магазине все время топить коксом чугунную печь. Главное было разжечь кокс — дело это хитрое и требовало сноровки, а уж когда он разгорится — так и пышет от печи, знай только смачивай уголек водой, да подбрасывай в дверцу.

Ванюша Продолжал бегать за выкупом векселей, но однажды случилось небывалое: Михаил Петрович снарядил Ванюшу в Азово-Черноморский банк, «Общество взаимного кредита» и в банк «Лионский кредит», вручив на выкуп векселей три тысячи рублей. Запрятав деньги во внутренние карманы тужурки уже подготовленными пачками, выслушав, как всегда, многочисленные напутствия об осторожности, Ванюша уселся в извозчичью пролетку и отправился в путь. Было как-то не по себе: никогда он не видел таких денег, а тем более не чувствовал их вот тут, на своей груди, ведь он теперь хозяин этих тысяч, хочет вернется к купцу, хочет — сбежит с деньгами... Сбежать? Но куда? Стражники все равно поймают. Разве что в Румынию махнуть? Переплыть через Дунайское гирло — и все. Но нет, это будет нечестно, как тогда возмутятся все в магазине, скажут: «Вот какая сволочь, вот какой мерзавец и подлец, этот Мухобой-Ванька». Не так было бы обидно, если б только хозяин так сказал: хозяин есть хозяин, у него свой интерес, а у Ванюши — свой, а то ведь и Степан Иванович, и Вера Федоровна, и Саша, и тетя Елена, и дядя Миша — все возмутятся, скажут: «Мы-то надеялись, думали у него совесть есть». Вадим и Шурик будут плакать от обиды, что их так подвел Ванюша. А там мама узнает... «Нет, — твердо решил Ванюша, — вором не буду».

Он остановил извозчика и слез. Твердым, уверенным шагом подошел к сверкающей начищенной медью массивной двери банка «Лионский кредит» и, войдя внутрь, направился к окошку с надписью: «Выкуп векселей». Ванюша достал подготовленную пачку денег в полторы тысячи рублей ассигнациями и сказал конторщику, что выкупает векселя купца второй гильдии Михаила Петровича Припускова. Конторщик достал векселя, проверил их и выписал ордер на уплату денег в кассу. Деньги внесены, векселя выкуплены. Слегка надорвав подпись, Ванюша сунул их в карман и

направился в Азово-Черноморский банк, где произвел ту же операцию на тысячу двести пятьдесят рублей и, наконец, едва успел выкупить остальные векселя в Одесском обществе взаимного кредита. Еще бы пятнадцать минут — и они были бы у нотариуса в протесте; значит, пришлось бы заплатить лишних пятнадцать рублей комиссионных.

Гордый от сознания, что сумел побороть соблазн, Ванюша вернулся в магазин и выложил перед хозяином пачку векселей на три тысячи рублей. На душе было легко, появилось чувство уважения к себе. Это был, собственно, переломный момент, определивший на всю жизнь — быть ли Ванюше честным человеком. Он одержал большую победу над собой — пожалуй, самую сложную из побед.

— А вскоре Ванюша окончательно удивил своих товарищей по работе. Он приобрел у букиниста самоучитель по французскому языку и каждую свободную минуту просиживал над ним. Вера Федоровна просто не могла наглядеться на Ванюшу и, конечно, охотно начала помогать ему. От этого его уважение к ней еще более увеличилось. К весне в изучении языка они довольно далеко продвинулись вперед.

Весной к Ванюше приехала погостить Варвара Николаевна вместе с сынишкой Сандриком, которому было около года (Нину она оставила в Клищове с бабушкой и отцом). Варвара Николаевна прямо не узнала Ванюшу — такой он стал большой, красивый да ученый: даже по-французски немного говорит. Как не гордиться матери! И еще радовалась Варвара Николаевна тому, что Ванюша полюбил Сандрика. А разве можно было его не любить? Такой славненький карапуз, все улыбается и тянет ручонки к брату. Счастью матери не было конца.

Варвара Николаевна целыми вечерами разговаривала с Ванюшей. Тетя Матрена тоже была рада собеседнице. Но случилась беда. Сандрик заболел и прямо-таки горел в огне. Варвара Николаевна вместе с Ванюшей как могли отхаживали ребенка, но за одной бедой пришла другая: сильно заболел Ванюша. Как и у Сандрика, у него оказалась скарлатина в самой тяжелой форме. Увезли их в городскую больницу, но помощи там не было никакой — только температуру мерили и давали розовую водичку горло полоскать.

Потом их разделили — Сандрика перевели к таким же малышам, как он. Приходила Варвара Николаевна в приемные дни — смотрела по очереди в окна на своих сыновей. Недели через три Сандрик поправился, и мама с

ним уехала в Клищов. Ванюша долго болел, уже все сверстники выпишывались из больницы, а его еще держали. Все что-то не ладилось с почками. Это так надоело Ванюше, что он даже чужую мочу сдавал на анализ, чтобы иметь хороший результат, а потом получить разрешение на общую диету — по крайней мере хоть борщ будут давать, а то кормят одним картофельным пюре. Но ничего не помогало. Болезнь Ванюши затянулась — выписался из больницы только в июне, пролежав два месяца с лишним. Вышел он страшно худой и шатался от слабости.

Явился к хозяину в магазин. Магазин открывал уже другой мальчуган, блондин с вихорком на лбу, звали его Костей. Хозяин встретил Ванюшу приветливо, но несколько смущенно.

— Здорово ты подался, измотала тебя болезнь. Тебе, брат, отдохнуть надо, силенок набраться. Приходи завтра, поговорим. А у тебя тут помощник появился — вот Костя работает...

Это глубоко задело и обидело Ванюшу. Он понял, что не нужен больше хозяину.

Приказчики обступили Ванюшу, чувствовалось, что они были рады ему.

— Мы так о тебе беспокоились! — говорила Вера Федоровна. — Худой какой стал, ужас.

Саша потрепал Ванюшу по спине:

— Да, Мухобой, отдыхай.

Ванюша разговаривал, а из головы у него не выходила беседа с хозяином. «Почему он так мало говорил со мной, почему откладывает на завтра, если мог бы все сказать и сегодня?»

Ушел вконец расстроенный. «Значит, я ему больше не нужен», — решил Ванюша и побрел к тете Елене. Что теперь делать? Опять надо просить дядю Мишу, чтобы помог куда-нибудь устроиться. Хорошо бы к машинам — смазчиком или кочегаром. Силы хватит, только поправиться бы побыстрей, да ведь и пятнадцать лет уже. А то в цирк попроситься, помогать борцам, ковры натягивать, а там, глядишь, и самому борцом стать.

Эта мысль Ванюше понравилась, и в голове проносились всякие картины. Взял бы хозяин да и назначил его схватку с Костей. Как бы взял этого Костю двойным нельсоном и припечатал на обе лопатки! Вот победитель пусть и остается в магазине. «А что, — уже не на шутку размышлялся Ванюша, — предложу Косте, а потом с Михаилом Петровичем договоримся». Но на душе было все-таки грустно.

Тетя Елена встретила Ванюшу ласково, поохала, что он похудел за время болезни, и хорошенько, досыта накормила его. Вечером пришел дядя Миша и тоже обрадовался. На другой день он взял Ванюшу с собой на

работу. Между делом поглядывал, как Ванюша ворочал ящики и тюки, помогал грузчикам. Потом ободрил:

— Молодец, Ванька, будешь человеком. Не унывай, найдем другую работу, а о Припускове жалеть нечего. Нашли дурака работать за пять рублей. «Шестерка» в трактире и тот получает шесть рублей, а чаевых сколько! Нужен нам твой купчишка — в трактир пойдешь, — авторитетно закончил дядя Миша.

Тетя Елена повеселела, когда дядя Миша пришел с работы трезвый. Он возвратился вместе с Ванюшей, а потому по дороге не заглянул в свои излюбленные места. У Ванюши тоже было легко на сердце. Они вместе поужинали. Ванюша, повозившись с Вадимом и Шуриком, улегся с ними спать на площадке лестницы — был такой удобный закуток, там у тети Елены хранились всякие ненужные в повседневном обиходе вещи и стояли раскладушки для детей. Поговорив немного, они заснули крепким сном.

Наутро Ванюша, приободренный поддержкой дяди Миши, твердо и уверенно шагал по Госпитальной улице. Пересек толчок с его значными местами, перед которыми висели красные фонари, затем прошел по Старопортофранковской и поднялся по Торговой. Путь шел через весь город, и времени для раздумий было достаточно. Ванюша решил разговаривать с Михаилом Петровичем уверенно и показать ему, что не особенно склонен вернуться на работу, готов даже получить расчет.

С этими мыслями Ванюша и вошел в магазин. Поздоровавшись с хозяином и приказчиками, он остановился перед кассой, за которой сидел Михаил Петрович, и приготовился к разговору. Кости не было — куда-то вышел по хозяйственным делам, которые очень ясно представлял себе Ванюша. Он бросил взгляд за прилавок: чисто ли подметено? Куда там! Вон и коробочки с цветными нитками расставлены не по порядку, после 804 номера стоит 812. Ванюшу задело за живое, ведь это совсем не подходящий оттенок — нарушает всю гамму цветов. Ванюша шагнул было за прилавок навести порядок, но, вспомнив, что еще неизвестно, будет ли он работать у хозяина, остановился. Хозяин это заметил и сказал:

— Входи, входи, Ваня. Что же ты стоишь, как покупатель? Ванюша замялся:

— Да я не знаю, останусь ли работать у вас. Дядя Миша говорит, что можно в товарную контору поступить.

И сам напугался своих слов. Как это у него вылетело? Ведь ничего подобного дядя Миша не говорил. У Ванюши даже краска прилила к лицу.

К счастью, купец, кажется, не заметил фальши в словах Ванюши. Он удивленно вскинул брови, подумал минутку и сказал:

— Вот что, брат, про контору забудь. Решил я учить тебя на приказчика. Будешь понемногу торговать, выполнять мои поручения по выкупу товаров и другие операции. Но тебе все-таки надо как следует отдохнуть. Теперь лето, в торговле наступило затишье, солидные покупатели разъехались за границу, на кавказские курорты. Так что вполне можешь пару месяцев отдохнуть и набраться сил.

«Так-то так, — думал Ванюша, — но на какие шиши я буду отдыхать, денег-то у меня нет». Действительно, содержание за последний месяц работы перед болезнью было получено и с приездом матери потрачено, Ванюша «сидел на декохте», как выражаются одесситы, когда у них нет ни копейки.

— Однако, — медленно продолжал хозяин, порывшись в кассе, — вот тебе пятнадцать рублей за два месяца, что ты пролежал в больнице. Это будет по семь с полтиной в месяц. А приступишь к работе, тогда видно будет, как дела пойдут. Парень ты неплохой, я тебя ценю и от чистого сердца хочу тебе добра. Авось дела наши осенью будут лучше, чем в прошлый год.

Этот неожиданный жест хозяина глубоко растрогал Ванюшу. Он даже растерялся и не брал деньги.

— Бери, бери, Ваня, чего ты, — дружелюбно продолжал купец.

— Большое вам спасибо, Михаил Петрович, — наконец вымолвил Ваня и смущенно сунул деньги в карман. — Мне не надо два месяца отдыхать, я и раньше могу...

— Отдыхай, Мухобой, чего тебе! — воскликнул крутившийся тут же Саша.

— Ну что вы, Саша, всегда так выражаетесь, — с укоризной проговорила Вера Федоровна и пригласила Ванюшку на обед. — Мама все время спрашивает, как ты поправляешься, и хочет тебя видеть, Ваня.

— Спасибо большое, *grand merci*, — проговорил Ванюша. — Я обязательно приду. А как здоровье бабушки? — спросил он в свою очередь.

Все приказчики были довольны, что хозяин справедливо обошелся с Ванюшей, наперебой советовали ему, как быстрее поправить здоровье.

— Побольше бывай на море, морской ветер — это, брат, штука!

Ванюша ушел очень довольный и все рассказал тете Елене. Она расчувствовалась и даже всплакнула от радости. А дядя Миша сказал:

— Вишь, бестия, твой хозяин. Видать, совесть мучила, что гроши тебе платил. Ты, Ваня, не сдавайся, если не будет платить по десятке, в трактир устрой, там одних чаевых вдвое больше будет.

Ничего не делая, имея пятнадцать рублей в кармане да еще около пяти на сберегательной карточке, Ванюша действительно отдыхал: ходил на море, грелся на солнышке, купался, посещал портовую столовую — ел

камбалу и бычки, а они, поджаренные на постном масле да еще в томатном соусе — просто объедение. Иногда брал с собой кусок хлеба и покупал по дешевке вспухшую банку консервов — все тех же любимых бычков в томатном соусе. Проколет ее ножиком, выпустит накопившийся воздух, откроет банку и так аппетитно съест на берегу. Да еще за копейку возьмет кружку кислого хлебного кваса на рундуке у квасника. А что еще человеку нужно?!

Ваня очень любил читать, особенно книжки про войну, про великих людей. Как-то попал ему в руки «Всеобщий русский календарь» за 1912 год в честь столетия Отечественной войны 1812 года. В календаре много говорилось о Наполеоне. Как блистательно взшел он на императорский трон! Сколько одержал разных побед! Чего еще не хватало? Нет, пошел на Россию, хотел побить нашего красавца императора Александра I. Да не тут-то было! Правильно сказал русский солдат на допросе у французов: «Знаем, у вас есть Бонапарт, он всех в мире побил, ну, да об нас другая статья...»

Читая журнал, Ванюша узнал, что русские войска в 1812 году были разделены на две армии: первая под начальством Барклая де Толли, тогдашнего военного министра, находилась в Виленской губернии, вторая — под командованием князя Багратиона — в Гродненской. Наполеон хотел помешать соединиться этим армиям и разбить каждую порознь. «Эх, какой быстрый!» — думал Ванюша и старался скорее дойти до развязки. Дальше он прочитал: «...Император Александр поручил обсуждение дела особому комитету, который нашел, что необходимо назначить одного общего главнокомандующего над всеми действующими армиями и, повинаясь голосу народа, выбрал 67-летнего старика, предводителя С.-Петербургского ополчения, Михаила Илларионовича Кутузова».

Новый вождь был встречен с восторгом в народе и в войске, к которому прибыл 17 августа в главную квартиру при Цареве-Займище. Прошел слух, что когда главнокомандующий перед боем объезжал лагерь, над головой его взвился громадный орел, символ победы. «Приехал Кутузов бить французов», — говорили солдаты. Все ликовало в лагере все ждали битвы — и наконец состоялась эта жестокая, неизгладимая из народной памяти битва на Бородинском поле, в 108 верстах от Москвы.

Ванюша прямо-таки благоговел перед мужицкой мудростью Кутузова. А еще он очень полюбил князя Багратиона — за его смелость и отвагу. Да как было не полюбить такого бесстрашного героя. Ведь в Бородинском

сражении русскими солдатами под его руководством не один раз были отражены сильные атаки французов. «Вот действительно генерал что надо!..»

Со слезами на глазах читал Ванюша о том, как могучий защитник отечества, любимец солдат князь Багратион, «генерал по образу и подобию Суворова», пал в сокрушительном бою. Багратион был сражен картечной пулей, которая раздробила ему ноги, и он свалился с лошади. Князя положили на носилки и унесли с поля битвы. Это была невозместимая потеря для русской армии. Весть о смерти храброго, неустрашимого полководца быстро разнеслась по войскам и отозвалась тяжелым горем в душе каждого воина.

«Кто же заменит Багратиона?» — заволновался Ванюша. И успокоился только тогда, когда прочитал, что Кутузов поручил командовать войсками на багратионовых флешах хладнокровному и такому же отважному, как Багратион, генералу Дохтурову.

Ванюша восторгался Кутузовым и такими русскими генералами, как Ермолов, Коновницын, Лихачев. Это не то, что немцы (вроде Ренненкампа), которые, поджавши хвост, давали тягу от японцев. Вот генерал Лихачев, сидя в углу укрепления на складном стуле, бледный, истощенный болезнью и ранами, слабым голосом закликает своих солдат: «Не выдавай, братцы, не выдавай!» Неприятель надвигается на укрепления, подобно морскому прибою, вводит в бой резервы. Русские солдаты отбиваются с львиным мужеством и один за другим падают на груды мертвых тел, сраженные пулями и штыками. Погасает последний луч надежды в сердце Лихачева. Он видит вокруг себя торжествующего неприятеля и воспламеняется отвагой. Генерал вскакивает на ноги и бросается на врага, размахивая шпагой: «Братцы, смелей! Не выдадим родной земли!» Ружейный приклад повергает его на землю. Блеснули штыки, готовые поразить Лихачева. Но французы узнают, что это генерал, и щадят его. Горсточка пехотинцев уже не может остановить неприятельской лавины и гибнет под штыками французов.

Ванюша зачитывался календарем. Издание было дешевое и весьма популярное. Позднее он прочитал гениальное творение Льва Толстого, и война 1812 года предстала перед ним во всей ее полноте, во всех ярких и трагических красках. Книга захватила Ванюшино воображение, и зревшая в нем сызмала гордость за свое отечество и за свой народ еще более окрепла. Через многие годы, через страдания и радости прошла она с ним, вдохновляя на добрые дела.

Ванюша восхищался не только храбростью и геройством русских воинов, его радовало и то, что на борьбу с ненавистным Наполеоном

поднялся весь народ; он с упоением читал, что, оставляя родные места, крестьяне поджигали свои избы, риги, мельницы. Неприятельские войска встречали на своем пути только безлюдные, обгорелые остатки селений, потоптанные хлеба, травы и бесконечные пожарища.

Многие из крестьян собирались в дружины и «охотились на захватчиков». Появились смельчаки, которые нарочно сдавались в плен неприятельским отрядам, чтобы заводили их в гиблые места. Ванюша узнал о том, что во время Отечественной войны были не только герои, но и героини. Можно ли было не восхититься крестьянкой Смоленской губернии старостихой Василисой, организовавшей дружину из местных крестьян и крестьянок, которая нападала на врага, уничтожала его или захватывала в плен. Крестьянка Прасковья из деревни Соколовой, Сычевского уезда, переодевшись во французский полковничий мундир с орденами и в каске, во главе своей дружины не раз навела страх на французов.

Ванюшу просто потряс эпизод, когда под Смоленском попал в плен к неприятелю русский крестьянин. Он был силен, здоров, ловок. Французы, по своему обыкновению, наложили на его руку клеймо «Н» — Наполеон. Означало это клеймо, что крестьянин зачислен на службу неприятеля. Когда мужику растолковали смысл клейма, он выхватил из-за пояса топор, размахнулся и отсек себе заклеянную руку...

А бесславное сидение Наполеона в Москве, пожар в столице, поспешное бегство неприятельских войск... Страшная дорога — жестокое возмездие за поругание земли русской. Из более чем 600 тысяч французских солдат осталось в живых только около 80 тысяч человек.

Все, что прочитал Ванюша об Отечественной войне 1812 года, он невольно связывал с событиями, которые потрясли мир сто лет спустя. Особенно волновали Ванюшу Балканы. Как же это болгары и сербы не сумели победить турок! Война славян против Турции окончилась впустую. Что это такое, на самом деле! Японцы надавали по шее нашим в 1905 году, а турки поколотили наших братушек болгар и сербов. Надо же доказать неприятелям России, что русские люди умеют постоять за себя и умеют воевать!

С такими мыслями Ванюша появился как-то у тети Елены, Разумеется, он заразил этими мыслями малышей — Вадима и Шурика, и они тайно решили, что пойдут воевать, если будет война. Дядя Миша хохотал, когда Шурик проговорился о принятом решении.

— Это от безделья у тебя, Ванька! Приходи-ка ко мне в пролет, ящики потаскаешь — вся дурь у тебя из головы вылетит.

«Дурь-то дурь, — думал Ванюша, — а все-таки нехорошо, что Россия проиграла войну Японии, да и на Балканах не повезло».

Позже, вспоминая те дни, Ванюша во многом разобрался и на многие вещи взглянул по-иному. Но юношеский патриотизм был прямым и, непосредственным, продиктованным не шовинизмом, не высокой политикой, а чисто ребяческим желанием того, чтобы «свои» были сильнее всех и всегда побеждали. Вряд ли Ванюша понимал, что означает слово «политика». Он просто любил Родину и, конечно же, верил всему, что напечатано в книгах, журналах и газетах. Раз напечатано, значит, правда, это не то, что от руки написано, мало ли что можно написать. Еще раньше он много читал про Степана Разина в копеечных выпусках, про Ермака — завоевателя Сибири, знал песню о нем, выучил наизусть «Полтаву» Пушкина и «Бородино» Лермонтова... Теперь перед его глазами предстала великая война с Наполеоном...

Все это складывалось в определенную систему, западало в чистую, неиспорченную детскую душу. И рождалась любовь, страстная, всепоглощающая любовь к России, к ее широким просторам, к ез чудесным дремучим лесам, к многоводным рекам и морям. Жизнь научила его любить людей, среди которых он родился и рос. Он был привязан к близким — к маме, к тете Наташе, к тете Елене, даже к дяде Мише, несмотря на его пьяные скандалы.

Своим детским сердцем он чувствовал, что люди в основе своей хорошие, добрые, мужественные, и если живется им часто не так, как нужно, то не они в том повинны.

Подсознательно росло в Ванюше тяготение к военной службе. Воспоминание о графском сынке-кадете не давало ему покоя. Высокомерие Дорика, его пренебрежительное отношение к нему, Ванюше, больно задело самолюбие. Думалось, что он ничуть не хуже графского сынка и мог бы потягаться с ним на военном поприще. А тут военные события подогревали фантазию Ванюши. Они настроили его, как музыкальный инструмент, на определенное звучание...

Как-то утром Ванюша увидел приклеенный к фонарному столбу высочайший манифест. Ванюша впился в него глазами: «Божью милостью мы, Николай второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая: объявляем всем верным Нашим подданным... мы повелели привести армию и флот на военное положение...»

Ниже царского манифеста Ванюша прочитал именной высочайший указ Правительствующему Сенату, в котором говорилось о призвании под ружье верноподданных.

Внизу стояло: 20 июля 1914 года. С.-Петербург.

Так, собственно, и отложилось в памяти Ванюши начало первой мировой войны. Как растревоженный улей, загудела Россия. По стране прокатилась волна шовинизма, выступления рабочих против войны были жестоко подавлены...

Немцы начали свое наступление на Францию по плану Шлиффена, разработанному еще Мольтке-старшим. Главный удар они наносили правым крылом своих армий через Бельгию на Париж. Французы терпели неудачу за неудачей и отступали. Франция обратилась к России за помощью. Россия начала спешное и неподготовленное наступление 2-й армии под командованием Самсонова в Восточной Пруссии. Немцы отступили, русские их преследовали...

Ванюша видел, как из Одессы войска отправлялись на фронт. Он слышал номера частей — 60-й пехотный полк, 15-я артиллерийская бригада, 14-я стрелковая бригада... Он был захвачен общим порывом и побежал записываться добровольцем. Ему ответили в воинском присутствии, что он еще сопляк и по возрасту не подходит: берут восемнадцатилетних, а ему только шестнадцатый год. «Ах, сопляк, — зло подумал Ванюша, — ну, погодите же!»

Все эти дни он помогал грузчикам в товарной конторе у дяди Миши. Но вот перестали подавать вагоны: все пути были заняты погрузкой войск. На фронт отправлялся 256-й пехотный Елисаветградский полк. Грузились повозки, лошади, фураж, кухни и люди, молодые и пожилые люди, оторванные от своих дел и семей; их дети и жены, матери и отцы плакали и причитали. «На кого ты нас покидаешь, наш родненький, наш кормилец!» — с этими словами женщины, среди которых было много молодежи, бросались на шею своим мужьям. Солдаты допивали последнюю бутылку водки, крепко целуясь, прощались и затягивали песню: «Последний нынешний денечек гуляю с вами я, друзья...»

Отовсюду слышались крики повозочных, подгонявших лошадей в вагоны. С возгласами: «Эй, взяли, разом взяли!» — солдаты вкатывали в вагоны тяжелые фуры. А рядом стояли плачущие бабы с детьми. Женщины рвали на себе волосы... Великая картина человеческого горя, прибой людских страстей, который то взвивался, доходя до клочкотания, то стихал, обессиленный. В общем гаме с трудом можно было различить отдельные голоса: покрякивания начальников на своих подчиненных и солдатские утешения женам:

— Перестань, Катя, будет, не реви, не отягощай душу!

Но что эти увещевания! Женские всхлипывания неслись со всех сторон, ни на минуту не утихая.

И снова слышалось:

— Не реви, Катя! Погоди, разобьем немцев — и вернусь. Бог помилует, черт не возьмет.

Ванюша наблюдал не один день эти картины. Солдаты показались ему добрыми и мужественными. Даже в тяжелые минуты, подавляя в себе горькие чувства, они могли шутить, смеяться. А потом вновь мрачнели, наполненные тяжелыми думами, горем расставания и, чтобы вырваться из тисков этого томительного переживания, затягивали песни. Пели, разбившись на группы: молдаване запевали свои дойны, в которых грусть перемежалась с буйным весельем; украинцы, закрыв глаза, слаженно, сердечно выводили свое. Вдруг все обрывалось и гремела разухабистая русская песня: «Соловей, соловей-пташечка, канареечка жалобно поет...»

«Поеду, — решил Ванюша, — заберусь в пустой вагон и поеду».

Стандартные составы воинских поездов не всегда заполнялись до отказа, в каждом эшелоне оставалось по два-три пустых вагона. На них-то и нацелился Ванюша. «Столько народу едет, — размышлял он вспоминая о полученном в присутствии отказе, — что и я не пропаду! Важно только, чтобы при отправке не заметили и не высадили».

Правда, он еще попытался «честно» уехать на фронт, подходил, просил солдат:

— Дяденьки, заберите меня с собой.

Те только смеялись:

— Куда тебе, дурень, ехать с нами? Ну, мы люди подневольные — забирают и везут ерманцев бить, вот мы и едем, а нам-то он што — пусть бы себе жил.

Оставался один выход — незаметно влезть в пустой вагон. Ванюша так и сделал. Заранее приметив два незагруженных вагона, он уже на ходу вскочил в один из них. Быстро закрыл за собой дверь теплушки, залез на верхнюю полку для вещей, сколоченную из досок, и затаился там с замершим сердцем.

Поезд набирал скорость, минуя выходные стрелки. Стук колес все учащался. И Ванюша облегченно прошептал:

— Еду-у-у!

Глава пятая

1

Нельзя сказать, чтобы Ванюша испытывал удобства в товарном вагоне на полке из досок, положенных на косые упоры. Но не беда. «Главное, что еду на фронт», — думал он. Каждый поворот колес приближал его к осуществлению давней мечты. На фронте он опять будет среди солдат, в доброту и отеческую ласку которых уверовал всем существом.

Вскоре Ванюша совсем освоился в вагоне, даже отодвигал дверь теплушки, чтобы образовалась щель, и смотрел на мелькавшие поля спелой пшеницы и ржи, на проплывавшие мимо деревеньки и полустанки. Когда поезд подходил к станции, приходилось задвигать дверь и закрывать вагон: ведь так важно уехать подальше от Одессы, тогда, если Ванюша и будет обнаружен, его не отправят этапом обратно.

Стало уже темнеть, когда эшелон подошел к станции Раздельная и остановился. Ванюша снова закрыл теплушку и забрался на полку. Послышался скрежет отодвигаемых дверей вагонов и говор высыпавших на перрон солдат.

Вдруг кто-то отодвинул дверь Ванюшиной теплушки и заглянул в вагон:

— Ребята, смотри, пусто, а нас набили два взвода с пулеметами в один вагон. Давай перегружайсь!

И солдаты дружно полезли в вагон, бросая вперед вещевые мешки и другие немудреные солдатские пожитки. В углу, в сторонке, поставили два пулемета. В вагон вошел взводный унтер-офицер, дядька лет тридцати пяти, с небольшими усами и добрым круглым лицом. Ему сразу уступили место:

— Вы ляжете на верхних нарах, у окна, господин взводный!

— Ну, у окна так у окна, — ответил низкий грудной голос.

Солдат с черной бородкой и усами, рослый и статный, быстро вскочил на нары, расстелил соломенный мат и покрыл его домашним рядном — прямо против Ванюши, что притаился, как перепел во ржи. Единственным его желанием было остаться незамеченным, по крайней мере до тех пор, пока не тронется поезд. А там будь что будет!

Наконец, поезд тронулся, лязгая буферами. Эшелон тяжелый — сорок набитых до отказа вагонов. Паровозу сразу взять его трудно, получают

рывки, да такие, что с полки можно слететь. В теплушке зажгли фонари. Кто-то, забрасывая вещевой мешок на полку, заметил беглеца.

— Ого, хлопцы, да тут зайчишка притаился. Ну-ка, вылазь, косою! — и стал стаскивать Ванюшу с полки.

Ваня смотрел на солдата умоляющими глазами.

— Ты, Бильченко, полегче, не пугай мальчика, — это был голос взводного. И, уже обращаясь к Ванюше, унтер-офицер спокойно сказал:

— Вылезай, милок, поглядим на тебя.

Солдаты обступили «зайца». Со всех сторон слышалось:

— Э-э, да это хлопец малый, сосунок.

— А мать-то, поди, ищет.

И опять вмешался взводный:

— Садись-ка, рассказывай, куда путь держишь? — Он усадил около себя смущенного и несколько растерявшегося Ванюшу.

— Рассказывай, рассказывай, не бойсь, мы тебя есть не будем, а так — штаны спустим и малость всыплем, чтобы в воинский эшелон не залазил, — пообещал кто-то из солдат.

— За что вы меня будете бить? — Ванюша оцетинился волчком. — Я на войну еду!

— На войну-у, — удивился взводный. — Вот оно что. Значит, ерманца бить будем... — И уже серьезно сказал: — А думаешь, сынок, на войне — это все равно что мед лизать да та пряники мазать?

— Нет, ничего такого я не думаю, знаю, что тяжело будет, да так уж решил.

— Значит, решил, а мы тут ведь можем перерешить, — добродушно улыбнулся взводный. — Вот ты нам расскажи, почему убежал из дому, а мы рассудим, правильно ты поступил или нет.

Ванюша, не таясь, все рассказал о себе, о маме, о тете Елене, о своей болезни scarлатиной и о том, что хозяин взял на его место другого «мальчика».

Долго взводный и солдаты судили да рядили, как быть с Ванюшей, и всем взводом решили: пусть едет, а там видно будет; начальству же о нем доложить при подъезде к фронту.

Так Ванюша оказался среди пулеметчиков, которые стали называть его «сынком».

Эшелон шел ходко. Миновали Жмеринку, Казатин, Киев, Чернигов Гомель. Всем стало ясно, что везут их на германский фронт, а не на австрийский. Значит, воевать будет тяжело. Вести с фронта шли плохие вроде как бы побии германцы наших, а «Солдатский вестник», как называли в шутку невесть откуда бравшуюся молву, сообщал, что наших

вообще разбили в Восточной Пруссии, а многих взяли в плен, что от армии генерала Самсонова ничего не осталось и о нем самом ни слуху ни духу.

Когда эшелон пришел в Вильно, о Ванюше доложили начальству. Так, мол, и так, обнаружили приставшего хлопца, как быть, что прикажете с ним делать? От начальства последовал приказ: приставшего подростка передать военному коменданту для отправки этапным порядком домой.

Ванюша уперся: даже слезы из глаз брызнули.

— Никуда я не пойду, и отправлять меня некуда. Я бездомный и от вас не отстану!

Взводный унтер-офицер, Митрофан Иванович Шаповалов, уже успевший за дорогу привыкнуть к Ванюше, потрепал его по плечу:

— Вот те раз! А слезы-то зачем? Солдату, сынок, плакать не полагается.

И решил взводный просить начальника пулеметной команды поручика Ржичицкого оставить парнишку во взводе. Пусть, мол, поглядит, что такое война. А там, коль не устоит, можно будет отправить назад.

Ванюша был представлен полковому начальству. И поступило новое решение — оставить его во втором взводе, под ответственность взводного старшего унтер-офицера Шаповалова. По прибытии на место сосредоточения обмундировать и зачислить подносчиком патронов.

Поезд отправился дальше. А ночью в районе крепости Ковно, в лесу, эшелон разгрузился. Огней и фонарей не зажигали, покуривали в рукав. Моросил дождик, низко над лесом висели густые облака, плотно закрывая все небо.

После разгрузки полк вышел на шоссе и, то растягиваясь, как гармошка, то сжимаясь, двинулся в сторону города Олита. Беспрерывно сыпал дождь, было холодно.

Ванюша, шагая всю ночь за двуколкой, промок до последней нитки и продрог. Уже на рассвете кто-то из солдат сжалился над парнишкой, дал ему свою палатку. Ванюша укрылся полотнищем, стало как будто теплее. А дождь усилился, шагать за двуколкой было тяжело — ноги в дырявых ботинках мокрые, то и дело в них похлупывает вода.

Пулеметчики шли понурые, обозленные. Хотя у солдат добротные юфтевые сапоги воды не пропускали, все были угрюмы — чувствовалась усталость. За ночь и полдня прошли, наверное, верст тридцать, а кое-кто, явно преувеличивая, говорил, что и все сорок. Вдали, в хмурой сетке дождя, показалась колокольня костела. Колонна сошла с дороги в лес и остановилась на ночлег. Люди садились прямо на раскисшую землю и засыпали.

Ноги гудели, как налитые свинцом, от спящих солдат поднималась испарина. Отдавало кислым запахом намокших шинелей и сапог. Ванюша

тоже уснул, пригревшись в тесном кругу пулеметчиков.

Подъехали походные кухни. Солдаты начали подниматься, загремели котелки. У кухонь выстроились длинные очереди. Получив обед, люди тут же на обочине дороги ели. Коновод принес и поставил перед унтер-офицером Шаповаловым котелок дымящегося жирного борща. В другом котелке была гречневая каша с подрумяненными шкварками. Ванюша сглотнул слюну. Взводный, видимо, заметил это.

— Ну, что ж, сынок, подсаживайся, отведаем солдатской пищи. — И он протянул Ванюше добрый ломоть хлеба.

Деревянной ложкой Ванюша уже обзавелся. Пообедав и выпив горячего чая, господин взводный, его коновод — седьмой номер рядовой Дратва — и Ванюша устроились на мокром сене под большой сосной, накрылись полотнищами палатки и крепко уснули.

Где-то в голове колонны горнист сыграл подъем, в батальонах его повторили. Кончился ночлег. Как прошла ночь, никто и не заметил. Наскоро позавтракали и двинулись дальше. Наконец после тяжелого перехода, длившегося двое суток, полк добрался до местечка Меречь и расположился на постой. Пулеметная команда разместилась в большом сарае с сеновалом. Шестнадцать двуколок в два ряда были установлены в обширном дворе, а лошади на коновязи за сараем.

Внизу за обрывом протекала речка, через нее был перекинут высокий деревянный мост. Оттуда начиналась дорога на Друскеники. Тем временем кончился дождь, появилось солнце. Солдаты обрадовались, сушили обмундирование и белье.

Такова была солдатская жизнь, как успел понять ее Ванюша в первые дни. Тяжела эта жизнь, тяжела оторванность от дома — спи на сырой земле: как говорится, шинель под себя, шинель на себя, шинель под голову; мокни под дождем и кляни судьбу свою, закинувшую тебя в незнакомый край. Может, завтра придется тебе идти под пули и неизвестно, что ждет впереди. Но вот наступила передышка, выглянуло солнце, обсушился солдат, пообедал как следует — и отошла душа его, и радуется он этой выпавшей на его долю минуте душевного покоя. Можно жить на белом свете, а что дальше будет — поглядим...

Ванюшу вызвали в канцелярию команды. Каптенармус оглядел его и повел к большому фургону, покрытому брезентом. Это был вещевой склад. Там каптенармус подобрал обмундирование Ванюше. Гимнастерка и шаровары подошли впору, а сапоги и шинель были великоваты. Шинель немного подрезали снизу и ушили в плечах в полковой швальне, а в сапоги пришлось положить стельку из соломы. И вот из паренька, в дырявых башмаках, в промокшем, изрядно поношенном сером костюмчике, вышел

солдат — подносчик патронов первого пулемета второго взвода. На вооружение он получил тесак — бибут и драгунскую винтовку без штыка. Радости Ванюши не было границ. Огорчало только одно — все пулеметчики были вооружены короткими карабинами, которые были легче и не выдавались выше плеча своими дулами, а у него — длинная и тяжелая драгунка.

— Что ж делать, пока поносишь драгунку, — сказал взводный, — а как заведется заручный карабин, так сразу получишь.

Стояли солнечные, теплые дни. Солдаты отдохнули, постирали в речке белье и портянки и, можно сказать, были готовы ко всему. Начальник пулеметной команды и младшие офицеры (их было в команде двое) провели с солдатами беседы. Так и так, мол, постигла наши войска неудача, и они отступили из Восточной Пруссии, но дела улучшаются, и мы скоро перейдем в наступление. Эти беседы вызвали оживленные солдатские толки. Теперь говорили уже в открытую, что 2-я армия генерала Самсонова окружена немцами и начисто уничтожена. Виноват во всем генерал Ренненкампф, потому что не помог 2-й армии, не пришел вовремя на поле сражения — и все потому, что он не русский, а немец... Толкуя об этом, пулеметчики озирались, боясь офицеров.

2

Осенним вечером полк подняли по боевой тревоге. В сумерках роты и батальоны вытянулись в походную колонну по шоссе, что шло на Друскеники. Совсем стало темно, по колонне передали — «не курить», и полк двинулся. Шли молча, ровный стук колес двуколок пулеметной команды сопровождал цокот копыт лошадей. Иногда из-под подков выскакивали и тут же гасли искры.

Тысячи людей, мерно покачиваясь, двигались плотной массой. Слышался тихий говор солдат: кто вспоминал жену, детей, кто сетовал, что по хозяйству дома управляться некому.

— Землю надо пахать, зябь поднимать.

— Опять же и буряк копать, вывозить на завод...

— А хлебушко-то молотить когда?! Что дети есть будут?

— Говорят, на столбе шпиёна поймали. Передавал по телефону про выход нашего полка. Конные ординарцы его тут же маханули и опроса не произвели.

— Так ему и надо!

— А может, это и не шпион, а линейный рабочий линию поправлял?

— Может, и так, да поминай как звали. Война, браток, всяко бывает: лес рубят — щепки летят.

— Принять вправо! — послышалась команда.

Люди колыхнулись вправо и пошли по обочине дороги. Через некоторое время мимо строя в голову колонны проехало несколько всадников.

— Это наш полковой командир поехал — полковник Мартынов, — объясняли Ванюше пулеметчики. — Говорят, был генералом в японскую войну, да разжаловали за хорошее обращение с солдатами. Будя, говорят, раз не умеешь шкуру спускать с солдатского хребта...

Где-то вдали послышались глухие раскаты орудийной стрельбы. Потом взрывы стали периодически то усиливаться, то стихать. Солдаты смолкли, прислушиваясь к стрельбе. И под орудийный гул каждому почему-то вновь вспоминались дом, семья, свое родное село. А кое-кому вспомнился завод либо фабрика, но таких было мало — полк состоял почти исключительно из крестьян Елисаветградского уезда, Херсонской губернии.

Вслед двигался 255-й Аккерманский пехотный полк. При его формировании в Одессе кто-то пустил слух, что он останется в городе нести караульную службу, поэтому все, кому не хотелось ехать на фронт, давали солидные взятки писарям воинского начальника, чтобы зачислиться в этот полк. Писарям только этого и надо было, они поддерживали слухи, брали взятки, действительно зачисляли дающих в Аккерманский полк, а потом, когда полк отгрузился и отправился на фронт, посмеивались над простаками. В дураках в основном оказались одесские торговцы, призванные по мобилизации.

Там, откуда слышалась артиллерийская канонада, появилось зарево пожара. Сразу дохнуло близостью войны, солдаты стали еще тревожнее и настороженнее.

На рассвете полк подошел к небольшому населенному пункту — показался обязательный в каждом селе в этих местах костел. Пулеметчики сошли с дороги в лес и расположились биваком: разбили коновязь, выпрягли лошадей из пулеметных двуколок, а сами двуколки поставили в два ровных ряда за коновязью; так же ровно, по шнуру, натянули палатки; карабины сложили в козлы. Заняли свои места дежурный по команде и дневальные во взводах. Господа офицеры — в сторонке, в своих офицерских палатках.

В глубине леса послышалась яростная артиллерийская стрельба.

— Вот это да! — раздались голоса. — Поддают немцам наши артиллеристы!

Оживленными замечаниями сопровождалась каждая артиллерийская очередь.

За лесом было большое поле, а за ним опять лес — темный и густой. На этом поле и взвились один за другим султаны земли от артиллерийских разрывов. Потом разорвались снаряды и прямо над биваком засвистела шрапнель, правда довольно высоко.

— Да ведь это немцы лупят, братцы!

— Вот те на...

Вмиг все пришло в движение. Солдаты, кто в чем был, высыпали на шоссе и устремились в направлении, обратном недавнему движению полка. Некоторые офицеры также повыскакивали из своих палаток в одном белье и присоединились к бегущим солдатам. Не отставали и пулеметчики... Паника, неразбериха. Наспех запряженная двуколка с пулеметом, повозка лишь с одной лошадью в упряжке, солдаты, одетые, но разутые, либо в сапогах, но без шинели, кто с оружием, кто без оружия, — все смешалось и несло в невероятной сутолоке назад, в местечко Меречь. В общем гаме и шуме прозвучал где-то в стороне бивака 255-го Аккерманского полка ружейный выстрел, а затем оттуда донесся душераздирающий крик:

— Уби-ли-и! Умира-а-ю!

Этот крик еще больше подстегнул людей, охваченных страхом.

Ванюша был дневальным по взводу. В первую минуту паники он растерялся — не от разрывов вражеских снарядов (он еще не понимал, что может быть убит), а именно от этой общей суматохи. Но он быстро оправился, ушел с бивака одним из последних и не забыл обменять свою драгунку на коротенький карабин. Когда Ванюша выбрался на шоссе, то увидел, как несколько верховых офицеров в полном снаряжении гарцевали среди бегущих солдат и работали плетками:

— Стой! Остановись!

Но это не действовало. Лавина обезумевших от страха людей готова была подмять и самих конников.

Появился командир полка полковник Мартынов. Его сухое строгое лицо с глубоко запавшими глазами и развевающейся большой седой бородой, расчесанной надвое, не выражало никакого страха. Он не кричал, не бранился, не угрожал. Вот за эту-то выдержку и уважали его в полку.

Придержав коня, Мартынов остановился, снял с головы фуражку и стал вытирать платком свой высокий лысеющий лоб. Потом поднял руку:

— Братцы! Елисаветградцы, куда вы?! Не позорьте мою седую бороду.

И — чудо! — полк остановился. Каждого будто осенило: в самом деле, куда они бегут? Послышались голоса:

— Стойте, братцы, надо дух перевести...

— Фу ты, проклятый немец, напужал, язви те!

— Пошли, хлопцы, обратно.

Понури́в головы́ и опу́стив глаза́, солдаты побрели по шоссе назад. Командир полка негромко заметил:

— Неудобно так в беспорядке идти. Постройтесь, братцы.

Солдаты разобрались по взводам, ротам, батальонам.

— Ну вот, — улыбнулся полковник Мартынов. — А теперь шагом марш за мной.

Полк вернулся на место. Все успокоились, и каждого жег стыд. К огорчению Ванюши, нашелся хозяин карабина, и хоть последовало мудрое решение господина взводного унтер-офицера Шаповалова: «Оставить карабин у подносчика патронов Гринько, а тот, кто бросил оружие, пусть носит драгунку», Ванюша все же вернул карабин владельцу. Это старые солдаты посоветовали Ванюше избавить провинившегося от вечного укора за сегодняшней позор.

Артиллерийский обстрел бивака прекратился так же внезапно, как и начался: противник не наблюдал цели, иначе он не успокоился бы — цель была редкой по выгодности.

Вскоре стала известна причина одиночного выстрела, прозвучавшего во время общей паники. Какой-то молодой солдат 255-го полка выстрелил себе в ногу... Какая судьба постигнет его? Солдата на носилках эвакуировали в полковой лазарет. Но видимо, расстреляют...

Бивачная жизнь вошла в норму. После сытного обеда, уже к вечеру, полк был построен и в сумерках двинулся дальше. Ночью, соблюдая все предосторожности, он вошел в курортный городок Друскеники. Накануне городок был обстрелян немецкой дальнобойной артиллерией. Трупы горожан еще валялись на улице. Повсюду — разбитые стекла, поломанная мебель, поваленные заборы.

— Смотри-ка, сила какая! — Наводчик пулемета ефрейтор Душенко показал на срезанную, как бритвой, медную ручку парадной двери дома, у которого стояли пулеметчики. Ручка была срезана осколком снаряда, она валялась тут же на крыльце. В массивной двери виднелись пробоины от мелких осколков, стекла выбиты.

Позже Ванюша узнал, что Германия хорошо подготовилась к войне с Россией, Францией и Англией. Она хитро обманула своих противников: перед войной немцы в военной литературе расхваливали всю легкую пушку-трехдюймовку, порицали гаубицу и вообще тяжелую и дальнобойную артиллерию как мало подходящую для современной маневренной войны. Такая артиллерия, мол, только утяжеляет армию и является ничем иным, как путами на ногах войск, сковывает маневр. В пример они приводили опыт русско-японской войны.

Французы и русские клюнули на эту удочку и насытили свои армии легкими 75– и 76-мм пушками с унитарным патроном, а немцы начали войну с мощной гаубичной и дальнобойной тяжелой артиллерией, имея, впрочем, и хорошую 77-мм пушку. Таким образом, они добились явного превосходства в артиллерии.

Вообще после победы над французами в 1871 году Германия невиданно усилила свою армию. Это была настоящая военная машина, где люди, прошедшие жестокую муштру, беспрекословно выполняли любой приказ. Военная служба сделалась как бы культом, причем милитаристские идеи вдальблизались в сознание немцев с детства, с первого класса школы. К началу новой войны Германия накопила огромный военный потенциал. Война отвечала давнему замыслу немецкой правящей верхушки: выйти на мировую арену, потеснить «владычицу мира» — Англию.

И вот теперь русские солдаты лицом к лицу встретились с этой силой. Все эти детали — срезанная осколком медная дверная ручка, разбитые стекла, выбитые двери, оконные рамы, глубокие воронки, разрушенные дома — слагались в страшный лик войны. Кое-кто угрюмо резюмировал:

— Да, германец, видать, силен...

После долгого блуждания по городку, уже утром, все расположились на окраине среди разбросанных по сосновому лесу аккуратненьких дач с цветниками и дорожками. Как водится, солдаты сразу заглянули внутрь дач и нашли кое-что из съестного. Даже достали из духовок еще теплые котлеты, булочки и прочую еду. И тут же лакомились.

Господа офицеры на это внимания не обращали, а некоторые так «породнились» с солдатами во вчерашней панике, что охотно ели котлеты, предложенные «их благородиям» подчиненными. На высоком берегу Немана начали рыть окопы и устраивать пулеметные площадки. Немцы были недалеко, за Неманом. Оттуда доносились выстрелы, на них отвечали стрельбой с этого берега. Солдатами овладело тревожное ожидание близких боев.

Когда из-за деревьев начало пробиваться солнце и туман наконец рассеялся, немцы открыли артиллерийский огонь. Всех так и бросило к передним стенкам окопов. Разрывы, запах гари, осыпающаяся с брустверов земля... Это была уже война.

Поступила команда: в окопах оставить дежурных, остальным уйти в укрытия. Взводный унтер-офицер Шаповалов отвел людей в глубь леса, поближе к дачам. Редкие разрывы снарядов продолжались. Откуда-то из-за леса открыла огонь и наша артиллерия. Началась артиллерийская дуэль. Солдаты стали набиваться в дачи — все-таки укрытие!

Взвод пулеметчиков очутился вместе с другими солдатами в длинной оранжерее — по полкам расставлены горшки с цветами, стекла покрыты матами. Все почувствовали себя как в настоящем прочном укрытии, тем более что здесь расположились и офицеры. А они-то знают, как укрывать солдат и себя от огня противника. Вон сидит командир третьего батальона, подполковник, пожилой человек, участник русско-японской войны. Кому-кому, а ему-то виднее, где укрываться во время артиллерийского обстрела.

Внезапно над оранжереей послышалось злое шипение, и в тот же миг раздался резкий треск разорвавшегося снаряда. Посыпались стекла, взметнулись комья земли, взлетели горшки с цветами. Все заволкло густым дымом. Крики и стоны людей потонули в непрерывном грохоте. Все ринулись кто куда. Падали убитые и раненые. Ванюша залез за печку; придавленный телами других солдат, он чувствовал над собой дыхание взводного унтер-офицера. Забегали санитары с носилками. Фельдшер расстегнул было санитарную сумку и вдруг упал навзничь, раскинув руки. По щеке из пробитого виска струилась кровь.

Наконец стрельба начала стихать. Пулеметчики бросились опять в свои окопы. Санитары пронесли на носилках убитого командира 3-го батальона. Ванюше запомнилось, как он вчера в одном белье бежал вместе с солдатами, а вдогонку за ним — его денщик с кителем и брюками... Но все-таки от смерти подполковник не убежал.

Очутившись в окопах, пулеметчики подсчитывали своих. Они отделились сравнительно благополучно. Только Лопухов — четвертый номер, дальномерщик-наблюдатель — был убит, и то уже тогда, когда возвращался в окоп. Он-то и был владельцем того карабина, который хотел взять себе Ванюша во время вчерашней паники в полку.

— Ну вот, Ванюша, бери теперь карабин себе, а драгунку сдай в обоз, — сказал Шаповалов, и голос у него задрожал.

Когда дым рассеялся, сразу стало ясно, что больше всего пострадали оранжереи. Остались только печи, с высокими трубами, а стены и рамы были совершенно исковерканы. Повсюду виднелись кучи разбитых горшков, кое-где торчали из-под мусора головки красных гвоздик, похожие на свежие пятна крови, и тут же валялись окровавленные бинты и подушечки от индивидуальных пакетов, чуть розоватые от сулемы. Кое-где лежали уткнувшиеся лицом в землю убитые солдаты: санитары что-то не особенно торопились их убирать. Глухие стоны раненых дополняли тягостную картину.

Под вечер приехала походная кухня, и пулеметчики по назначению унтер-офицеров потянулись с котелками за ужином. Принесли жирный кулеш и порции мяса. Все принялись за еду с какой-то особой жадностью.

Только похрустывал песок на зубах. Окопы были вырыты в песчаном грунте, и от песка невозможно было отделаться. Он набивался в волосы, в уши, в рот, за ворот гимнастерки, в сапоги, попадал в кулеш и на хлеб.

С наступлением темноты командиры отделений и начальники пулеметов повели людей вязать плоты и опускать их на воду — на утро было назначено форсирование Немана. Ночь прошла в тревоге. Офицеры учили солдат, как нужно действовать при переправе через реку. Малые лопаты, которыми придется грести, следовало привязать к себе, дабы случайно не утопить, а пулеметы на плотях закрепить так, чтобы можно было вести огонь без риска перевернуть плот.

К рассвету все приготовления были закончены. И вот 14 сентября, в день праздника крестовоздвижения, в медленно редющей мгле началась переправа. Артиллерийская бригада, поддерживавшая атаку, всеми своими восемью восьмиорудийными батареями ударила по противоположному берегу — знаменитые трехдюймовые пушки образца 1902 года залпами посылали гранаты в сторону немцев.

Солдаты, широко осенив себя крестным знаменем и прошептав: «С нами бог», оттолкнули плоты от берега. Ванюша тоже перекрестился и стал быстро грести лопаткой, сильно шлепая по воде.

— Ты тише, малый, не болтай воду! — подсказал ему кто-то из старых солдат.

На середине реки течение понесло плоты куда-то в рассветную дымку и туман, расстилавшийся по водной глади.

Вдруг застрекотали пулеметы с немецкого берега, раздались залпы. Пули со свистом и бульканьем врезались в воду. Солдаты так прижались к бревнам, что, казалось, плоты прогнулись, осели глубже. Лопатки заработали чаще. Рядом слышались стоны и проклятия тонувших в мутной воде Немана раненых солдат соседней роты. Именно по ним пришелся огонь немецких пулеметов.

— Давай, давай, Ванек, жми! — крикнул Душенко со своего плота.

Он лег за пулемет и дал по немецкому берегу длинную очередь. Оттуда ответили тем же. Ванюша, весь мокрый, с рукавами, полными воды, изо всех сил греб лопаткой. Плот, задев песчаное дно, зашуршал и остановился. Ваня схватил патронные коробки и выбрался на мокрый песчаный берег. Пулемет Душенко был уже здесь. Ванюша подполз к пулемету и подал коробку с патронами. Пулемет застрочил. Справа и слева слышалось

нестройное «ура», затем оно усилилось и понеслось на немцев. Только теперь Ванюша почему-то испугался, поняв, насколько беззащитным был он на воде во время переправы.

Душенко и бородатый Бильченко подхватили пулемет и быстро побежали вперед. За ними бросился Ванюша с коробками патронов. Слева бежал Козыря — третий номер; он тащил банки с водой и маслом, коробку запасных частей, болтавшуюся на ремне, переброшенном через плечо, и коробку патронов — в ней была аккуратно уложена лента, набитая патронами, — двести пятьдесят штук. Казимир Козыря, по национальности поляк, роста небольшого, но крепкий, юркий. Ванюша едва поспевал за ним. Достигли небольшого бугра, поросшего ельником и сосенками. Душенко и Бильченко установили пулемет. Слева прилег за кусточком Козыря, а справа — Ванюша.

Уже рассвело. Пулемет четко застрекотал, и было видно, как падают скошенные пулями немцы в серых касках и мышинового цвета мундирах. Бой откатывался к лесу. Пулеметчики под командой взводного унтер-офицера Шаповалова короткими перебежками продвигались все дальше вперед.

— Зря патроны не расходовать, — распорядился Шаповалов, — открывать огонь только по моему приказанию, когда немцы перейдут в контратаку.

Атакующие роты уже вошли в лес. На подступах к нему, в долине, валялись группами и поодиночке убитые немцы, стонали раненые... Провели пленных германцев — они покорно шли к реке. В лесу тоже убитые лошади, разбитые повозки — тяжелые длинные немецкие фургоны, груженные какими-то серыми ящиками, мешками и тюками сена. Они застряли по самую ступицу в рыхлом песке, и, кажется, сдвинуть их с места не было никакой возможности. Вдали, в зареве красного восходящего солнца, виднелись брошенные на позициях немецкие пушки и перевернутые передки. Пулеметчики остановились перевести дух, Группировалась пехота, подтягивались резервные роты.

Позиция немцев была прорвана. Уже стучали саперы на Немане, наводя мост. Прибыли переправленные на паромх пулеметные двуколки, на них погрузили пулеметы и патроны. Теперь будет легче. Началось преследование отступающего противника.

Так заканчивался первый бой для 256-го пехотного Елисаветградского полка. Все получили боевое крещение, и никто не хотел вспоминать то, что случилось накануне боя.

Полк шел в авангарде дивизии. Как ни стремился он нагнать отступавшего противника, это ему не удавалось. Поднажмут солдаты, войдут в какую-нибудь деревню — тут должен быть немец! А жители

говорят: «Ушел герман». Смотрят солдаты — действительно, только что ушел неприятель, еще бивачные костры не погасли. В следующем селе — та же история. Так, измученный походом, полк миновал Сейны и остановился биваком на подступах к Сувалкам.

В последние дни непрерывно шли холодные, пронизывающие дожди, и это еще более затрудняло поход. Да и на биваке было не сладко. Под ногами вязкая земля, покрытая стерней, которую тысячи сапог втоптали в землю... На этом голом поле и ставили солдаты палатки, чтобы хоть как-то укрыться от дождя. О сухой соломе можно было только мечтать.

Снабжение расстроилось, кухни отстали, к тому же они были пусты. Начальство разрешило съесть по кусочку сухарей и по полбанки мясных консервов из неприкосновенного запаса. Но что это за еда, разве этим будешь сыт? И пулеметчики отправились промышлять чего-нибудь съестного. Ванюша и Козыря в соседнем хуторе сумели достать гуся, живого гуся, — это был неожиданный успех. Засунув гогочущую птицу в мешок, они явились во взвод именинниками. Быстро развели огонь, и вот уже ведро с гусем висит над костром, вода начинает закипать. Все предвкушают сытный ужин.

И вдруг — сигнал тревоги. Вмиг свернули палатки. А как быть с ведром, в котором варится гусь? Козыря, недолго думая, схватил ведро и понес. Если переход будет невелик, то на новом месте можно доварить. Но, увы, пришлось гуся выбросить. Есть его, в сущности еще сырого, было нельзя, а команда на отдых долго не поступала.

Целую ночь проблуждали по окраинам Сувалок, лишь к утру кое-как пригрелись в брошенных воинских казармах. За Сувалками, в направлении Красное Багно, шел упорный бой. Там рокотала ружейно-пулеметная стрельба и грохали разрывы снарядов. Тяжелая дальнобойная артиллерия часто накрывала окраины Сувалок и особенно казарменный городок. Солдаты заполнили подвалы, укрывались за толстыми стенами казарм. Окна и двери в них уже давно повывлетали.

Поздно вечером полк построили и повели туда, где весь день гремел бой. Утром в предбоевых порядках поротно перевалили через какие-то холмы, миновали в густом тумане сгоревшие деревни, спустились в широкую долину, прошли речушку.

— Осторожно, телефонный провод, смотри не порви, — передавали по цепи.

Когда туман рассеялся, цепи полка попали под ружейно-пулеметный огонь противника. Снова покатались назад. Германская артиллерия подгоняла. Пулеметчикам было тяжелее всех: надо тащить за собой на катках пулеметы и нести тяжелые коробки с лентами. Ванюша катил на

лямке цилиндр, в который были вложены четыре коробки с полными патронными лентами. Видя, что Ванюша выбивается из сил, взводный Шаповалов приказал раскрыть цилиндр. Вынули коробки с патронами. Сам взводный взял две, а две другие, перевязав тренчиком, посоветовал Ванюше перекинуть через плечо — так будет легче.

Уже солнце поднялось, когда полк рассыпался по буграм и стал быстро окапываться. Пулеметчики нашли где-то дощатые двери от клуни, накрыли ими свой блиндаж, закидали его соломой, засыпали землей сантиметров на двадцать и спокойно расположились на отдых, убежденные в прочности блиндажа.

4

Тяжелая гаубичная артиллерия немцев начала обстрел наших позиций. Потом артиллерия усилила огонь и стала брать окопы в вилку. Пулеметчики заняли свои места у пулеметов. Взводный унтер-офицер Шаповалов наблюдал в бинокль за немецким расположением. Увидевдвигающиеся цепи неприятельской пехоты, а за ней в глубине взводные колонны, скомандовал:

— Прицел двенадцать, целик ноль, очередями...

Все ждали заключительного: огонь!

Роты второго батальона также изготовились к ведению залпового огня взводами. Взводные унтер-офицеры поднялись во весь рост на брустверы. Прозвучала команда:

— Взво-од, пли!

Загремели нестройные залпы.

Открыли огонь и пулеметчики. Немцы словно ожидали этого и начали более интенсивный обстрел русских окопов. Все чаще и ближе рвались шестидюймовые снаряды. Один снаряд попал в блиндаж пулеметчиков, и на его месте появилась глубокая дымящаяся воронка, Вот тебе и прочное укрытие! Хорошо, что в блиндаже никого не было — пулеметчики находились у площадок своих пулеметов; их только сильно засыпало землей и оглушило разрывом немецкого «чемодана». Унтер-офицеры также сообразили, что совсем не обязательно командовать, стоя на бруствере. Они спустились на дно окопов, и стрелки стали вести огонь самостоятельно.

Залповый огонь взводами оказался на редкость неэффективным, и немцы продолжали двигаться цепями как ни в чем не бывало. Они разбегались и залегали только от пулеметных очередей, но затем

поднимались и, поблескивая на солнце лакированными кожаными касками с медными шишаками, делали броски вперед.

И вот наконец германцы, что-то крича и насвистывая, перешли в атаку. Пулеметчики открыли непрерывный огонь, стрелки зачастили «пачками», а несколько правее и левее наша пехота выскочила из окопов и с криками «ура» побежала в штыки. Послышались разрывы ручных гранат. Кое-где произошли штыковые схватки, но немцы не приняли штыкового удара и залегли, а потом обратились в бегство. Началось было преследование, однако немецкие пулеметы остановили русскую пехоту.

Наши пулеметы, захлебываясь, вступили в огневое состязание с врагом. Постепенно стрельба стала затихать, русская пехота так и осталась лежать метрах в двухстах впереди своих окопов, быстро окапываясь и ведя редкий огонь. Замолкли и пулеметы, которых, нужно сказать, у германской пехоты было много. По качеству пулеметы были почти равноценны, но по количеству немцы имели большое превосходство.

Так прошел весь день. Германская пехота больше в атаку не поднималась. Под вечер стороны разошлись по своим окопам, их разделяло, по данным дальномерщиков, 1400 шагов. Вдали виднелись Сувалки — они были в дыму. Город горел, подожженный дальнобойной германской артиллерией. Временами сквозь дым появлялись большие языки пламени. С наступлением сумерек вид пожара как-то особенно действовал на солдат, и они угрюмо смотрели на полыхающее позади них зарево.

Ночь наступала тихая и темная. По сторонам горели окрестные села и деревни, ветер доносил запах гари и пороха. Изредка раздавались ружейные выстрелы. Слышался солдатский говор, шум построений санитарных команд и приказания, которые вполголоса отдавали унтер-офицеры. Принесли еду, на палатках разложили кучками сухари.

— Кому?

— Сидорову.

— Кому?

— Тетере.

Доносился приглушенный смех: даже здесь, на войне, солдаты не обходились без шуток.

«Тетеря» молча тянулся к своей кучке сухарей.

Все уселись за еду. Обед это был или ужин — все равно: важно, что это был жирный борщ из мясных консервов и гречневая каша. Первая еда за сутки, поэтому солдаты старательно работали ложками. Зевать некогда: котелок борща выдается на двоих.

Не успели закончить ужин, как последовала команда к построению. В окопах было оставлено по одному взводу от роты для прикрытия, а

остальные взводы и все пулеметы отводились куда-то в тыл. Этот отвод людей тянулся мучительно медленно, как всякое передвижение ночью. Часто останавливались. Солдаты сразу ложились на землю и тут же засыпали. Потом опять команда — шагом марш! И опять тянулись колонны по одному — солдат солдату в затылок. Блуждали, поворачивали в стороны, а то и возвращались назад, чтобы выправить движение по ориентирам. Так протолкались всю ночь и только на рассвете немного отдохнули на сухих пригорках в редком лесу.

Невдалеке расположился обоз первого разряда, состоящий из кухонь, патронных двуколок, санитарных линеек и продовольственных повозок. Тут же были двуколки пулеметной команды. Но это не обоз! Боже упаси назвать так боевую часть пулеметной команды, которая состояла из парных пулеметных двуколок системы Соколова и таких же патронных двуколок, — это шестнадцать боевых колесниц, в которые при необходимости впрягались уносные пары. В пулеметную двуколку впрягались верховые лошади взводного унтер-офицера и начальника пулемета, а в патронную — лошади седьмого и восьмого номеров тоже верховых. На пулеметную двуколку садились в установленные места наводчик пулемета, помощник наводчика и третий номер, а на патронную двуколку четвертый, пятый и шестой номера. Так пулеметная команда превращалась в конное подразделение, приобретая необходимую подвижность. Поэтому пулеметчики старались себя выделять из пехоты и держались как-то особо, гордились своей военной специальностью. Да и начальство, понимая, что это главная огневая сила полка, оберегало пулеметчиков и обычно не посылало их в наступление в цепях вместе с пехотой. Они находились немного позади, чтобы поддержать цепи пехоты огнем своего оружия.

Наступило новое утро. Последовала команда: пить чай. Солдаты нехотя шли к кухне за кипятком, чтобы выпить глоток-другой горячей воды, обжигая губы о железную кружку. Сахара, а тем более заварки ни у кого не было — все уже кончилось раньше. Кухни так и не дождались подвоза продуктов: где-то были подорваны железнодорожные мосты.

Под лучами скупого осеннего солнца полк взводными колоннами в расчлененных боевых порядках двинулся к покинутым накануне окопам, из которых, обманывая германцев, вели редкий огонь оставленные для прикрытия стрелки. Неприятель открыл артиллерийский огонь подвигающимся боевым порядкам полка. Чередовались команды «Ложись» и «Вперед». Часам к десяти достигли окопов. Все это должно было убедить немцев в том, что к русским якобы подошла поддержка. Снова начался бой. Немцы тоже зачем-то каждый день поднимались в атаку и каждый день, не имея успеха, опять занимали исходное положение...

Особенно упорные бои завязались левее, на участке гренадерских полков. Там часто дело доходило до рукопашных схваток, и все время гремела артиллерия. Наши восьмиорудийные батареи вели залповый огонь, помогая гренадерам отбивать атаки. Обычно эти батареи сами попадали под снаряды германских тяжелых гаубиц, но артиллеристы не останавливались, а еще злее и чаще вели залповый огонь батареями, разумеется неся неоправданные потери в людях да и в материальной части: то одна, то другая пушка замолкала, перевернутая разрывами немецких «чемоданов».

Со временем наши артиллеристы поняли, что нужно занимать закрытые позиции и управлять огнем артиллерии с наблюдательных пунктов, вынесенных вперед, а не сигналами, которые подавали клинками командиры батарей, стоявшие тут же на пригорке. Но не все дается сразу.

Вечером повторилось прежнее: полк, оставив прикрытие в окопах, отошел в тыл. Утром в боевых порядках под артиллерийским огнем противника солдаты вновь начали выдвигаться в свои окопы. Разница заключалась лишь в том, что кухни больше не привозили обед. Вообще ничего не привозили. Солдатам было объявлено официально, что мосты и железная дорога разрушены германцами при отступлении и раньше чем через неделю восстановлены не будут; пищу добывать на месте. Но на месте все было съедено. Деревни сгорели, а уцелевшие местные жители сами голодали и зло сверкали глазами, выглядывая из погребов и ям. Солдаты делились последним сухарем с голодными детьми, которые трясущимися ручонками с жадностью хватали эти крохи. «Все же надо дать дитяти», — думал каждый солдат, вспоминая своих детей, оставленных где-то на родной Украине.

Это несколько смягчило местных жителей, поляков и литовцев. Они хорошо относились к русским солдатам, грубоватым с виду, но на самом деле добрым и ласковым, даже помогали всем, чем могли. Смотришь, котелок картофеля дадут, брюкву или буряк, а ведь это большое дело для голодного человека. Уже неделя, как русских солдат совершенно не кормили. Все ходили угрюмые, чувства у людей притупились, даже опасность смерти не будоражила нервы. Но ночные марши из окопов, а потом возвращение обратно под артиллерийским огнем упорно повторялись.

Бывало, бегут солдаты к своим окопам, падают на землю по команде «Ложись» — и тут же засыпают.

— Впере-ед! — кричит унтер-офицер.

Солдаты не поднимаются. А если и поднимаются, то с отчаянной мыслью: скорее бы убило, что ли... Голод и усталость довели людей до крайнего перенапряжения сил. Солдатами владело отчаяние, они уже не видели выхода из этого ада — пусть лучше смерть! На войне бывает такое...

Эти бессмысленные бои так глубоко запали в память тех, кому посчастливилось уцелеть, что их не вытравить даже временем. Кусочки глины, отдаленно напоминавшие корки хлеба или втопанного в грязь сухаря, с жадностью поедались и, кажется, действительно, имели вкус хлеба.

Как-то под вечер неожиданно подъехали кухни.

— За ужином! — прозвучала команда, в которую уже перестали верить. В полотнищах палаток принесли много вареного мяса: оказывается, интенданты подобрали побитый германской артиллерией скот и вот сварили. А соли нет уже несколько дней, мясо пресное, невкусное. Но кто будет в этом разбираться? Все ели жадно, по-волчьи.

Что было потом! Солдаты, маявшиеся животами, выстраивались на корточках за окопами, часто под вражеским огнем, подолгу так сидели, не в силах подняться...

Бои не прекращались. Солдаты стали шарить по ранцам убитых германцев: авось попадет кусок хлеба, сухарь или какая-нибудь галета — ведь это целый праздник! Пустяк, если убьет кого-нибудь, когда он ползет обратно, сжимая в кулаке галету, — на это никто не обращал внимания. Ползали и искали, искали чего-нибудь съедобного. Поиски еды стали главной целью, а опасность, осколки и пули — на все это наплевать.

Вот ползет солдат и поочередно переворачивает трупы; своих минует, знает, что здесь искать нечего, они все съели, разве только остались деревяшки, болтающиеся вместо пуговиц на коротких крученых веревочках вещевых мешков, похожих на сумки нищих... Он задерживается лишь возле мертвых германских солдат и роется в желтых, покрытых телячьей шкурой ранцах. Там можно найти даже шоколад... А это что за диковина? Цикорий! Чудесная палка сливочного цикория! Солдат съедает эту палку вместе с оберткой (чтобы «ничего не пропало»), да и трудно отдирается от цикория бумага... Попадает маленький кирпичик в красивой упаковке. Съедается и это; лишь забившая весь рот пена наводит на мысль, что, очевидно, съедено мыло. Ерунда, в нем тоже есть жир.

Резкое шипение и брызги земли от рикошетирующих пуль напоминают, что идет война, что здесь убивают людей. Земля и песок осыпают солдата, и вот он уже ничего не видит и не слышит. Он мертв. Он убит в тот момент, когда его рука нащупала в ранце маленькую твердую плитку, наверное шоколад. А рядом ползет уже другой голодный, как зверь, солдат. Он отбрасывает еще теплый труп в сторону и сам вынимает маленькую плоскую плитку солдатского немецкого шоколада. Следующая очередь из пулемета прикончит и его.

Так продолжалось долго — целых девять дней. Почти полностью была уничтожена Кавказская гренадерская бригада, от 14-го Кавказского гренадерского полка остался один обезумевший пулеметчик, который ходил растрепанный, с приемником от пулемета. Он всем повторял одно и то же: «Я один остался...» — и был абсолютно безразличен к уханью снарядов, к свисту пуль, к раздирающим душу разрывам бризантных немецких гранат в воздухе. Санитары увели его на перевязочный пункт — больше ничего не оставалось делать с сумасшедшим...

Ночью место гренадеров заняли сибирские стрелки и Ирбитский пехотный полк. На рассвете, когда еще не рассеялся туман, вместе с елисаветградцами они перешли в наступление. Это напоминало первый день боя у Красного Багна, тем более что цепи спускались в ту же долину небольшой речушки; только теперь вся долина была покрыта трупами русских и германских солдат, — многим вороны уже выклевали глаза, у многих одичавшие свиньи отгрызли носы, уши, отъели конечности. В сгоревших деревнях пахло гарью и жареным человеческим мясом — этот сладковатый запах нельзя забыть никогда.

Немцы первое время молчали. Они открыли огонь лишь тогда, когда в рядах сибирских стрелков послышалось глухое «ур-р-а». Вот тогда-то зататакали немецкие пулеметы, засвистели пули. Огонь был не особенно точным, — видимо, противнику мешал туман. Душенко и Бильченко, словно птицы, перемахнули через речушку, и пулемет запрыгал за ними. Ванюша старался не отстать — еще заблудишься в тумане! — и быстро бежал с двумя коробками патронов, коротко связанными тренчиком за ручки и перекинутыми через плечо. Ремешок глубоко врезался в плечо, больно стягивал воротник на шее со вздувшимися жилами, по которой ручьями катился пот, но Ваня все бежал и бежал за пулеметом. Впереди мчался Козыря. Его щуплая фигура под тяжестью коробок с водой, маслом и патронами качалась из стороны в сторону.

Вдруг туман кончился, и Ванюша увидел шагах в трехстах от себя взводные колонны немецкой пехоты. Душенко бросился на землю, быстро повернул пулемет, мгновенно протянул поданную Бильченко ленту через приемник, два раза щелкнул рукояткой, и в тот же миг пулемет четко и ровно заработал. Для немцев это явилось полной неожиданностью, они попадали на землю. А русские набежали со штыками наперевес и стали забрасывать их ручными гранатами, некоторые кололи врагов штыками, и все это происходило тихо, без криков «ура». Наконец немцы опомнились, вскочили и побежали, кое-как отстреливаясь от наседавшей русской пехоты. Пулемет взял чуть левее и перенес огонь в глубину. Ванюша получил две пустые коробки взамен своих полных и кинулся к вьюкам за патронами.

Левее, у сибиряков, шли упорные штыковые схватки. Там германская пехота, окрыленная недавней победой над гренадерами, не сдавалась. Но, разобравшись, с кем имеет дело, потеряла устойчивость и отступила. Русская артиллерия лихо выезжала на открытые позиции и вела сильный огонь по бегущим. В ответ немецкие гаубицы накрывали черными султанами разрывов наши батареи. Тогда происходила заминка и огонь ослабевал. Но потом артиллерийские залпы с новой силой следовали один за другим.

Ванюше встретился выюк. Седьмой номер, солдат Машков, вел двух нагруженных патронами лошадей. Он предложил Ванюше взять одного коня, и они, ведя лошадей в поводу, понеслись догонять передвигавшихся вперед пулеметчиков. За ними спешил восьмой номер, тоже с двумя лошадьми — одной, завьюченной под пулемет, а второй — под патронным выюком. Бежать с лошадьми было тяжело: пот застилал глаза, дыхание спирало. Кругом рвались немецкие гаубичные бомбы — вот-вот накроют. Стало быть, надо быстрее выйти из-под огня. Наконец разрывы остались позади.

...Навстречу идут группами раненые в окровавленных бинтах, а дальше санитары на носилках несут тяжело раненного» офицера. Вот ведут перепуганных пленных немцев, они покорно бредут в наш тыл под конвоем легко раненных русских солдат.

На окраине небольшого хутора удалось догнать Душенко и Бильченко. Они поставили пулемет на выюк и плотно его закрепили. Подошел четвертый пулемет — тоже на выюке.

Взводный унтер-офицер Шаповалов, сняв картуз, вытер рукавом потный грязный лоб, его серые глаза светились добротой и грустью.

— Ну как, сынок, — обратился он к Ванюше, — знаешь теперь, почем фунт лиха?

— Я и раньше знал, господин взводный.

— Ну, ладно. Молодец, что не робеешь.

Передохнув немного и собрав свой взвод, унтер-офицер Шаповалов подсчитал людей. Недоставало двоих — начальника третьего пулемета младшего унтер-офицера Ковальчука и пятого номера четвертого пулемета солдата Смищука. Подождали, авось подойдут. Но они не появились. Шаповалов повел взвод вслед за наступавшим вторым батальоном. Так закончились девятидневные упорные бои западнее Сувалок. В этих боях по-настоящему закалился 256-й пехотный Елисаветградский полк. Правда, потери были огромные: полк потерял свыше двух тысяч убитыми и ранеными; теперь роты насчитывали не по двести пятьдесят человек, а по крайней мере вдвое меньше.

К вечеру перед фронтом полка появился полковой командир полковник Мартынов. Он разгладил свою пышную раздвоенную седую бороду и поздравил полк с победой. Солдаты нестройно ответили:

— Рады стараться, ваше ... скородие.

Каждому выдали по мешочку сухарей и по пять кусков сахара. В голове полка появились музыканты и полковое знамя. Полк двинулся вперед.

5

Верст через пятнадцать полк подошел к государственной границе. Она обозначалась на местности широкой и глубокой канавой, скаты которой поросли бурьяном и травой. Стали переходить через границу. Многие солдаты и офицеры широко крестились и произносили: «Господи благослови», а потом прыгали через канаву. Кое-кто, правда, скатывался на дно.

— Недобрая примета, — сказал ездовой Аким Кагла.

— А почему? — спросил Ванюша.

— Видно, вышибет нас ерманец обратно, вон как катятся все в канаву. Как в могилу!

Аким был старовером и во всем видел недобрый знак.

Ванюша решил, что надо постараться и перепрыгнуть канаву. Он отошел шагов на десять, незаметно перекрестился и, сильно разбежавшись, прыгнул. Но из-под левой ноги осыпалась мягкая земля. Ванюша пошатнулся и скатился на дно. Больно и досадно стало из-за этой неудачи. Он выбрался, причем опять на свою сторону границы, еще раз разбежался и прыгнул с предельным напряжением сил. Прыжок удался. Ванюша не упал и уверенно зашагал вперед.

— Второй раз не считается, — услышал он сзади голос сумрачного Акима Каглы.

«Говори, а сам-то небось не перемахнул!» — подумал Ванюша.

Граница осталась позади.

Вот она, Германия! Через некоторое время батальон вошел в лес, на ровную, как стрела, неширокую, профилированную с укатанной галькой дорогу, посыпанную желтым песком.

— Смотри, какие у ерманцев дороги, не то, что наши, — поговаривали меж собой солдаты, — все равно что шошэ.

Впереди слышались одиночные выстрелы, иногда вспыхивала перестрелка и опять затихала.

К утру прибыли наконец кухни. В первый раз за многие дни солдат покормили обедом, пусть и вчерашним. Котелки опустели мигом, и полк снова двинулся вперед. Верст через шесть стали окапываться, занимая оборонительные позиции.

К вечеру окопы были готовы, позволяли укрыться почти в рост. Солдаты приспособили места для стрельбы со дна рва, пулеметчики сделали открытые площадки для стрельбы из пулеметов, нанесли соломы в окопы. В задней стенке против каждой пулеметной площадки — сиденья, нечто вроде деревенских завалинок. Днем у пулемета дежурил наблюдатель, остальные же располагались в каменном сарае, набитом сеном, шагах в ста — ста двадцати за окопами; ночью все находились в окопах — двое дежурили, а остальные спали на соломе.

Теперь кухни регулярно привозили хлеб, сахар. Как-то привезли подарки, присланные из России. В основном это были вышитые заботливыми женскими руками кисеты с пачками махорки, домашними коржиками, конфетами, трубками, мундштуками. Ко всему этому обязательно прилагались письма, разъясняющие откуда и от кого подарок.

Подарки очень радовали. Опять вспоминались родные места, жены. Делили подарки самым справедливым способом: раскладывали по кучкам, один из солдат отворачивался, у него спрашивали: «Кому?» Солдат называл фамилию товарища. Ванюше достался кисет с пачкой махорки «Дунайская звезда». Махорка была злая, а Ванюша не курил. Но тут же нашлись наставники. Учили, как свертывать сигарку, как затягиваться и выпускать дым через нос. Поначалу Ванюша отказался от «урока», но его подняли на смех:

— Эх ты, желторотик! Да у тебя молоко-то на губах не обсохло.

— Будет вам, — вступился за Ванюшу взводный Шаповалов, — чего пристали к хлопцу? Он еще малый, и ему курить ни к чему.

Это возымело действие. Но ненадолго. Если взводного поблизости не было, солдаты опять приставали к Ванюше с насмешками. Наконец он не выдержал и закурил. Голова пошла кругом. Ванюша закашлялся, из глаз потекли слезы. Еще одна глубокая затяжка — к горлу подступила тошнота. Он закрыл глаза, кое-как подавил кашель и насилу выдавил:

— Не буду.

В этот вечер он действительно больше не пробовал курить.

В обороне полк простоял недели три. Почему — никто толком объяснить не мог. Одни говорили, что германец хочет «замануть».

— Ишь хитер! Нашел дураков в мешок лезть.

— Вон самсоновцев заманул да и съел. Мы не таковские!

Другие толковали о том, что железные дороги восстанавливают, подвоз налаживают. Делались предположения, что, мол, соседи отстали, начальство ждет, когда подойдут.

— Чего там соседи! — возражал кто-то. — Генералы-то наши из немцев, вот и ждут, пока ерманец штаны застирает да и всыплет нам по первое число.

Как бы там ни было, а полк, так же как и весь фронт, стоял. Немцы тоже активности не проявляли. Их передний край проходил верстах в двух от расположения русских войск. Ночи стояли осенние, темные, но небо было звездное, и смена дежурных происходила по положению Большой Медведицы. Как ручка «ковша» опустится книзу, так и буди себе смену — она будет стоять уже до утра. Перед окопами устроили своеобразную сигнализацию: собрали всякие пустые банки из-под консервов, старые кастрюли, ведра, все это связали веревками и растянули впереди, шагах в пятидесяти. Кто пойдет — заденет ногами веревку и поднимет шум. Так и прислушивались: не шумят ли банки? Часто ветер, а то крыса или другой зверек приводили в действие «сигнализацию». Наблюдатели сразу настораживались, а поняв, в чем дело, чертыхались. Однако это отгоняло сон — «сигнализация» приносила пользу.

В одну из таких ночей Ванюша дежурил у пулемета вместе с наводчиком Душенко. Не смыкали глаз до рассвета, а потом сон начал одолевать Ванюшу. Чтобы не заснуть, он встал с сиденья, где только что расположился для короткого отдыха, и подошел к пулемету. Вдруг послышался заунывный свист пули на излете. Пуля ударила прямо в сиденье, которое только что Ванюша покинул. По спине пробежали мурашки. Душенко тут же вырыл из земли еще теплый кусочек металла, покрутил пулю в руке.

— Ну, браток, считай, что ты в рубашке родился. Так бы брюхо и пропорол. Значит, пуля тебя не возьмет.

«Наверное, так и есть», — подумал Ванюша, подбрасывая пулю на ладони.

— Ты вот что, — серьезно посоветовал Душенко, — плюнь-ка на нее и закинь через левое плечо.

Но Ванюша опустил пулю в карман, чтобы показать ее Шаповалову и всем пулеметчикам.

— Гляди, браток, с этим не шутят, — сказал Душенко.

Они долго еще обсуждали случившееся, пока совсем не взошло солнце. Пора было будить смену. Отдыхать ушли в каменный сарай на сеновал. Там же разместились свободные от дежурства пулеметчики во главе с Шаповаловым. Все с интересом рассматривали пулю и пришли к

убеждению, что сам бог подтолкнул Ванюшу встать с сиденья, чтобы спасти его от верной смерти.

Неожиданно полк построили. Снова в поход! Поначалу противник сопротивления не оказывал. Лишь на второе утро, верст через 30–35, между озерами Габлик и Шонстаг, полку пришлось развернуться и вступить в бой. Довольно упорная схватка длилась часа три-четыре. Противника удалось сбить с двухверстного озерного перешейка. Полк двинулся на Сучавкен, а затем на Видминен — это был уже городок. После небольшой перестрелки железнодорожная станция, а затем и весь городок были заняты.

Населения в городе не было, но все говорило о том, что жители ушли совсем недавно: в домах и магазинах все осталось на месте. Вскоре можно было видеть, как обозники набивали фуры красным товаром, ботинками и готовым платьем, пряча все это под брезент. Кое-кто, хватив шнапса, обрядился во фраки и цилиндры. Солдаты рвали на портянки тонкое сукно и бархат, остатки запихивали в вещевые мешки. Некоторые старались унести целые штуки бархата, шерсти или сукна. Освободив штуки от досочек, солдаты складывали их вдвое, заталкивали в мешки, попутно прихватывали лаковые ботинки и всякую галантерейную мелочь, карманы набивали консервами и бутылками со шнапсом.

Ванюша хорошо знал цену всего этого товара и, глядя, как сукно шло на портянки, испытывал чувство неловкости. Вспоминалась его приказчиья жизнь в Одессе. Как все это было теперь далеко! Наконец начальство навело порядок, и полк двинулся дальше. Под вечер прошли Сухоляскен. Там встретили сильный организованный огонь, на пути было несколько рядов проволочных заграждений... Отскочили назад и закрепились на рубеже Круглиннен — Шадлискен. Здесь полку пришлось остановиться надолго. Пробовали прорвать оборонительную систему крепости Летцен, овладеть этой сильной цитаделью на Мазурских озерах, но так и не смогли.

Удача выпала лишь на долю второго батальона. Он со вторым взводом пулеметной команды после артиллерийской подготовки атаковал высоту 153, господствовавшую над всей прилегающей местностью, и после упорного боя в течение всего дня овладел ею. Последовал ряд сильных контратак немцев, но высота осталась за батальоном.

На высоте было, конечно, не сладко. Противник все время сильно обстреливал ее из крепостной артиллерии; подходили бронированные железнодорожные площадки и вели огонь прямой наводкой. Снаряды

сносили брустверы, сильно разрушали окопы. Пулеметы пришлось убрать за обратный скат.

Ударили морозы. В окопах на высоте было очень холодно. Солдаты натаскали соломы, устроили маленькие железные печки и топили их сухими тонкими лучинами, чтобы не было дыма. Саперы облили водой крутые берега канала, проходившего рядом, они обледенели, и преодолеть их противник не мог. К тому же были натянуты низкие препятствия типа «спотыкач» и спирали «Бруно», а железнодорожный мост и насыпь — подорваны. Высота 153 играла важную роль в обороне полка.

Как-то вечером Ванюшу вызвал к себе начальник пулеметной команды поручик Ржичицкий и приказал оставаться при нем для связи. Ванюша категорически отказался, заявив, что из взвода не уйдет и холуем быть не хочет. Начальник команды рассвирепел, обозвал его последними словами и прогнал во взвод. Ванюша вернулся на высоту и доложил все, как было, взводному Шаповалову. Тот внимательно выслушал и, поморщившись, сказал:

— Дело наше дрянь, сынок. Раз поручик обозлился, добра не будет. Ржичицкий злопамятен. — Он подумал немного. Добрые складки заиграли на лице: — Он ведь хотел тебе облегчения — забрать с этой проклятой высоты в связные, а ты, вишь, отказался да еще сказал, что холуем не хочешь быть. Так не годится выражаться — «холуем», это слово обидное, он же тебя не брал к себе в денщики.

— Все равно, Митрофан Иванович, связной должен топить печку, за обедом ходить, сапоги чистить... Денщик-то его сидит с чемоданами в обозе, оберегает там всякое добро и стирает белье начальнику. Так что я ни за что не пойду в связные!

Резкий, со свистом, разрыв снаряда оборвал этот разговор, и все плотно прижались к передней стенке окопа. Разрыв повторился, стали подрываться и ухать тяжелые немецкие снаряды — начался сильный артиллерийский обстрел высоты. Наша тяжелая артиллерия — шестидюймовые пушки и восьмидюймовые гаубицы — открыли ответный огонь; тяжело шипя и завывая, понеслись один за другим снаряды в сторону высоты 169, занятой противником.

Через несколько минут стрельба стихла. В сумерках стали уносить тяжело раненных стрелков седьмой роты, больше всех пострадавшей от обстрела. Пулеметчики поправляли свои разрушенные окопы и блиндажи на западной стороне высоты и выдвигали пулеметы на ночь. Настроение у всех было подавленное — уже десять дней, как второй батальон и пулеметчики второго взвода удерживали высоту; до каких пор здесь придется мерзнуть и вшей кормить, никто не знал.

Но через пять дней, наконец, привалило счастье. На смену прибыл первый батальон с пулеметным взводом — его привел подпоручик Степанов, полуротный старший офицер команды. Смена произошла тихо. Пехотинцы и пулеметчики, временами освещаемые мощными крепостными прожекторами немцев, двинулись змейками в тыл. Когда попадали под луч, останавливались и замирали в той позе, в какой были захвачены, а луч слепил, жутко было стоять под ним на голом месте. Коноводы при приближении луча должны были сделать так, чтобы не видно было головы лошади — встать под шею коня.

За дорогой, а тем более уже в Шедлискене, можно было не бояться прожектора. Но станция Шедлискен зато нет-нет да и обстреливалась артиллерией. Приходилось укрываться за каменными строениями. Дальше батальон собрался в колонну и спокойно двинулся в Сухоляскен для расположения на отдых в резерв. Проходили мимо огневых позиций артиллерии, расположенных в оврагах и перелесках между высотами и хуторами Сухоляскен. Для артиллеристов это — передовая, а для матушки-пехоты — место отдыха. Какая несправедливость! Пехота всегда завидовала артиллеристам, а те смотрели на нее свысока.

Среди ночи батальон разместился по хатам в селе Сухоляскен, предвкушая отдых и сон в добротных, жарко натопленных домах. И солдаты не ошиблись в своих нехитрых мечтаниях. На другой день повели всех в баню. Разумеется, это было особое наслаждение — помыться в теплой бане, смыть всю грязь, освободиться от зуда, донимавшего тело, потерять его жесткой рогожной мочалкой. Может ли быть на свете что-нибудь приятней! Немного пришлось посидеть в одном белье, пока обмундирование прожарили, но зато вшей не будет хоть несколько дней. А после бани был сытный, горячий обед, чем тоже редко балуют на войне солдата... Как мало, оказывается, надо человеку!

На следующий день Ванюшу вызвали в полковую канцелярию в город Видминен. Аким Кагла отвез его на розвальнях. Пока ожидали в сенях, подъехали еще два молоденьких солдатика-добровольца — высокий, худощавый, немного веснушчатый Анатолий Кривенко (он сбежал от родителей из Одессы, где работал в конторе завода писемоводителем, ему только недавно исполнилось семнадцать лет) и Михаил Величко — маленький блондин, с чистым красивым круглым лицом и голубыми глазами. В прошлом он был учеником портного, который загонял Мишу всякой работой и ничему путному не научил, кроме как пришивать пуговицы, метать петли и прогонять на машинке ровную строчку. Миша — круглый сирота, ростом тоже не вышел, но плечист и крепок; ему недавно исполнилось семнадцать лет.

Через писаря узнали, что всех троих собираются отправить домой. Попробовали, мол, малость войны — и хватит с вас, молокососы. Ванюша выяснил настроение Анатолия и Миши: как, мол, хотите домой? Миша не хотел ехать, если силком не отправят, а Анатолий раскис, по мамочке, видите ли, соскучился, маменькин сыночек, и не прочь был вернуться.

Ванюша твердо решил остаться в полку и стал горячо доказывать Анатолию, какой позор и стыд ожидает его, если он согласится уехать с фронта — это трусость, стремление спасти свою шкуру. Пусть, дескать, другие воюют, а он к мамочке поедет!

— А еще доброволец, — кипел Ванюша. — Где же твое мужество, храбрость? У-у, ты, жалкий трус, достойный презрения.

— Да я... Чего ты разошелся? Я... Я, пожалуй, не поеду домой.

Анатолий, кажется, не лукавил.

— Ну то-то же, — немного остыл Ванюша, — смотри веди себя твердо.

Вышел писарь и сказал, что их зовет к себе адъютант полка, их высокоблагородие штабс-капитан Наумов. Все трое быстро поднялись с лавки; Ванюша еще раз посмотрел на ребят и сказал:

— Ну, пошли, только позор на себя принимать не будем. Ясно?

Они стояли перед подтянутым адъютантом полка; на нем была кожаная защитная пара и новые такие же защитные ремни, на плечах поблескивали золотом погоны с одним просветом и четырьмя звездочками. Прохаживаясь из угла в угол, он сообщил ребятам:

— Командир полка считает, что вы уже повоевали, знаете, что такое война, и можете возвращаться домой.

— Мы, ваше высокородие, домой не поедем и все трое останемся в полку, будем дальше воевать, — отрезал за всех Ванюша.

Адъютант полка удивленно вскинул брови.

— А что скажут они? — кивнул он в сторону Анатолия и Миши.

— Я тоже хочу остаться в полку и буду воевать, — ответил Миша.

— Ну а ты? — Адъютант остановился перед Анатолием. Ванюша и Миша в упор смотрели в глаза Анатолию, ожидая, что он ответит.

— Я, ваше высокоблагородие, тоже останусь, — наконец произнес с некоторым волнением Анатолий.

Адъютант полка неожиданно улыбнулся:

— Значит, остаетесь, не напугались солдатских лишений и трудностей, не боитесь войны? Ну, похвально, похвально. Можете идти, молодцы, а старший писарь выпишет вам солдатские книжки. Теперь вы будете настоящими солдатами. Направить их всех троих в пулеметную команду к поручику Ржичицкому, — отдал распоряжение адъютант писарю.

Так получили все трое солдатские синие книжки с печатью и подписями, а Аким Кагла отвез их в Сухоляскен, в пулеметную команду.

Правда, при заполнении солдатских книжек произошло некоторое недоразумение.

— Ну, давайте ваши документы, — обратился к ним старший писарь, усатый и выхоленный, «господин старший унтер-офицер», как его называли младшие по чину.

Анатолий Кривенко, Михаил Величко и Иван Гринько подали ему свои метрические выписки.

— Так, так, — протянул старший писарь, просматривая метрики. — Ну а как тебя писать по отчеству? — спросил он у Ванюши. — Ты по метрикам незаконнорожденный, значит байстрюк. Отец у тебя не указан, а имя матери Варвара. Варваровичем, что ли, записать?! Лучше было бы, если бы твоя мать была... ну, там... Александра, Антонина, Клавдия — такие имена есть и мужские... — Старший писарь задумался на некоторое время. — А, пожалуй, можно и Варваровичем записать. Согласен? — спросил он.

— Согласен, — ответил Ванюша.

Вот так и стал Ванюша Иваном Варваровичем Гринько — рядовым пулеметной команды 256-го Елисаветградского пехотного полка 64-й пехотной дивизии, что и было удостоверено приложением гербовой полковой печати. Основной солдатский документ получен. А метрики, как гражданский вид на жительство несовершеннолетних, утонули в воинских папках и были навсегда подшиты к делу.

Ванюша представил Анатолия взводному Шаповалову:

— Митрофан Иванович, прошу Толю зачислить в наш взвод, а Мишу фельдфебель направил в третий взвод.

Ванюша знал, что Анатолия надо твердо держать в руках, не позволять ему раскисать. Этим и объяснялась его просьба.

— Ну, ладно, Ванюша, зачислим Анатолия Кривенко в третий пулемет, будете вместе.

Так хорошо все уладилось!

На другой день все трое, смастерив себе коньки, катались на льду Видминенского озера. Лед был прозрачный-прозрачный, все было видно на дне, а на большой глубине дно казалось синим-синим. Смеялись, резвились и бегали вперегонки, у всех было по одному коньку на правой ноге, а левой приходилось отталкиваться. Ванюша был счастлив, он запыхался, покраснелся, но легко обгонял своих новых друзей. Посмотреть со стороны — ребятишки. Им бы бегать на коньках по чистому и гулкому льду озера, барахтаться в камыше, играть в снежки... Но эти ребятишки уже заглядывали смерти в глаза.

Глава шестая

1

Прошло десять дней. Отдохнувший батальон снова получил приказ выдвинуться на передовую линию, на этот раз на смену третьему батальону, что располагался в районе Круглиннен.

Дорога шла заснеженным лесом, потом по голому полю севернее высоты с тригонометрической вышкой — ее называли «153 с половиной». Несколько раз попадали под луч прожектора и останавливались, замирали на месте, некоторые солдаты успевали лечь. Казалось, что прожектор очень близко, прямо под самым носом. Он тщательно облизывал все бугры, хутора, особо внимательно ощупывал дороги, старался достать до низин, но ему это удавалось плохо.

Артиллеристы послали по позиции прожектора несколько батарейных очередей. Прожектор сразу закрыл жалюзи, но где-то далеко зажегся второй, очевидно, для того чтобы отвлечь огонь на себя. Батальон двинулся дальше, озаряемый лишь светом бледной зимней луны. Миновали перелесок с двумя курганами и вступили в Круглиннен.

На западной окраине местечка, примыкающей к большому озеру, произошла смена. Пулеметчики выбрали небольшой холм, отрыли на нем траншею, устроили пулеметные гнезда. Тут же за холмом был вырыт глубокий блиндаж. Его покрыли двумя накатами бревен, примерно на метр засыпали землей, внутрь натаскали сена, и блиндаж превратился в укрытие от артиллерийского огня. Заняли пулеметчики и два крайних дома на берегу, в них они располагались днем, отогреваясь в тепле. Из одного дома в широкое окно хорошо была видна пулеметная площадка и широкая снежная гладь озера, западный берег которого занимали немцы. Весь восточный берег охранялся с нашей стороны казачьим полком, а кто занимал оборону в районе Круглянкен, Езеровскен — пулеметчикам не было ведомо.

Все дома в местечке были основательно обшарены солдатами сменившегося батальона, все здесь было уже съедено, лазить по чердакам, подвалам и сараям было бесполезно. Поэтому пулеметчики отсиживались в своем доме с широким окном. Из-за озера изредка постреливала артиллерия; огонь был малоприцельный и малоэффективный — на него почти никто не обращал внимания: лишь кое-кто слегка кланялся шипению пролетающих над головой снарядов.

Убивали время как могли. Все истории и небылицы были пересказаны, карты совсем истрепались, но в них продолжали играть. Играли в «двадцать одно» — на сахар, куски которого уже почернели, округлились от частого перехода из рук в руки. Тогда была изобретена игра «вшивые бега», вызывавшая большой интерес и веселье.

В центре чистого листа белой бумаги обводился кружочек, так сказать старт для «рысаков», затем с помощью иголки с ниткой и привязанного к ней карандаша на бумаге, как циркулем, наносился большой ровный круг — это финиш. Каждый участник игры ловил у себя самую бойкую вошь, клал ее одновременно с другими партнерами в центральное маленькое колечко и с волнением ждал, какая вошь раньше всех выползет за внешний круг, она считалась победительницей. Многие насекомые уже имели известность и специально откармливались владельцами собственной кровью, а вообще лучше «бегали» голодные вши, сытые были ленивы и малоподвижны. На каждую вошь ставилась определенная ставка, так что получался настоящий «тотализатор».

Игра оказалась на редкость азартной. Сколько было споров, если, положим, две или три вши одновременно достигали финиша. Поэтому из беспристрастных зрителей обычно назначалась судейская коллегия и главный судья: бега как бега — по всем правилам.

Однажды, когда над столом сгрудилась целая гурьба солдат, увлеченных этой игрой, с неприятельского берега внезапно выстрелила пушка, поставленная, очевидно, на прямую наводку. Немцы, должно быть, выследили, что в доме скапливаются люди. Снаряд попал в стену, чуть выше окна, с треском и грохотом разорвался. Стекла и рамы вылетели; сильно, как маятник, закачалась лампа, висевшая над столом; все обволокло дымом и пылью, послышались стоны и крики раненых. Больше пушка не стреляла.

Ванюша, дежуривший у пулемета и наблюдавший всю эту картину, бросился в дом. Оттуда уже выносили пострадавших.

Ванюша оцепенел от ужаса, вообразив, что убиты Митрофан Иванович, Душенко и Бильченко. Его даже стошнило. Но они, к счастью, были живы и здоровы, хлопотали об эвакуации раненых.

Пришлось переселиться из дома в блиндаж. Хотя там и холоднее было, но зато надежнее. От блиндажа к дому прорыли ход сообщения и по нему все-таки ходили туда греться. Комнату, в которую попал снаряд, забили и не заглядывали в нее — тяжело было вспоминать происшедшее.

За домом во дворе располагался прочный, выложенный из гранита свинарник. Свиной, конечно, давно не было, а ездовой Аким Кагла держал там своих вьючных лошадей. Кормил он их хорошо — свежим сеном, но

все-таки все время старался раздобыть овса (баловал Аким свою любимую пару гнедых...).

Однажды в поисках овса он забрел на ближайший хутор, расположенный на высотке недалеко от Круглянке. С ним увязался в этот раз Ванюша, который тоже очень любил лошадей и часто приносил им выигранный на «бегах» сахар. Аким и Ванюша, к своему удивлению, обнаружили, что хутор обитаем. В нем оказалась старая-престарая немка. Не эвакуировали ее, очевидно, потому, что она уже не могла ходить. Обычно немцы при своем отступлении оставляли пустые села и хутора, все население уходило, часто бросая имущество и живность: кур, гусей и даже свиней, которых солдаты быстро прибирали к рукам для своих потребностей. Со старухой оказалась девочка лет двенадцати — четырнадцати, ее внучка. Как выяснилось, она осталась, чтобы ухаживать за бабушкой. Девочку звали Эльзой. Вдвоем они заперлись в доме, никого не пускали, а тем, кто стучал и пытался войти, старуха грозила большой суковатой палкой с окованным концом и острым железным шпилем. Девочка в это время прижималась всем телом к бабушке и смотрела в окно большими испуганными голубыми глазами.

Также нелюбезно встретила старуха Акима и Ванюшу. Те, конечно, ни о чем дурном и не помышляли. Но как объяснить это старухе?

Подошли солдаты из шестой роты, остановились рядом.

— Чего вы с ними цацкаетесь? Это же немцы, мать их за ногу.

Аким, человек строгих правил, спокойный и степенный, не выдержал:

— Немцы! Вы что же, со старухами да детьми воевать пришли?! А ну-ка, давайте отсюда, чтобы духу вашего не было. Вояки! Хутор на участке пулеметчиков, и чтобы вы больше здесь не показывались.

— Ладно, ладно, — пробурчал один из солдат. — Жратвы здесь нет, провались ты со своей старухой.

И пехотинцы ушли восвояси.

Когда вернулись в батальон, дядя Аким сказал Ванюше:

— Голодные ведь немки-то. На-кась, снеси им хлеба и сахару. Если не впустят в дом, оставь на подоконнике — заберут.

Ванюша так и сделал. А наутро он отнес котелок каши, кусок хлеба и тоже оставил на подоконнике. Старуха приветливо помахала рукой, а Эльза даже улыбнулась.

Так пулеметчики взяли шефство над старухой и девочкой, оберегали их от всяких посягательств солдат из других рот. Толя и Ванюша все время носили на хутор пищу. В конце концов старуха стала впускать их к себе, а Эльза даже подружилась с ребятами.

Неожиданно наступила оттепель. В окопах на низких местах стала выступать вода. Неприятнее всего было то, что вода появилась в блиндаже. Пришлось сбить из досок пол, положив его на бревна. Но вода прибывала, и пол в конце концов всплыл. Вскоре он так поднялся, что до потолка оставалось каких-нибудь аршина полтора, не больше, — еле влезешь в блиндаж при артиллерийском обстреле.

Начальство надумало взять крепость Летцен и назначило наступление. Второй батальон с пулеметчиками должен был овладеть населенным пунктом Косухен, расположенным на высотах за болотом. Решили, что пулеметчики выдвинутся вперед и огнем своего оружия перережут колья в проволочных заграждениях за каналом, вслед за этим саперы проделают проходы, а пехота после артиллерийского обстрела при поддержке пулеметного огня на рассвете пойдет в атаку.

Так и было сделано. Но за каналом немцы встретили атакующих сильным пулеметным огнем и заставили залечь в болоте перед проволочными заграждениями. Было много убитых и раненых. Уцелевшие всеми силами старались вдавиться в оттаявшую землю, чтобы как-то спастись.

Так пришлось пролежать в болоте весь день. Было не до атаки. Грудь и живот у всех в болотной жиже, а спина притрушена снегом. Холодно, мокро, одиноко, и смерть витает вокруг. Вечером, пока не вошла луна, по приказу стали отползать назад за канал. Трудно было оторваться от болота: мороз стал крепчать и шинели вмерзли в грунт. Но все же удалось отползти. С горечью подсчитали потери. Из пятнадцати пулеметчиков — трое убиты и четверо ранены. Шестая рота потеряла почти половину состава.

Так закончилось декабрьское наступление на крепость. На смену елисаветградцам пришел 255-й Аккерманский пехотный полк, а елисаветградцев отвели в Видминен на отдых. Солдат оттирали денатуратом и давали пить пивные дрожжи, все же у многих пошли чирьи. Получили подарки, привезенные от благодарного населения Российской империи к рождеству. Опять — кисеты, махорка, пряники. Некоторым попали шерстяные, ручной вязки, носки и варежки. Всем выдали ватные брюки и телогрейки — снова готовили полк к наступлению.

Наступать учили на Масучовкен и на высоту 163.2 — через условный канал. Эти занятия наводили солдат на тяжелые думы. Никто не верил в успех будущего наступления на сильную оборону, состоящую из хорошо укрепленных обводов крепости Летцен. К тому же система Мазурских озер облегчала немцам оборону. Но начальство упорно стремилось взять крепость. В начале января 1915 года полк получил пополнение.

Пришли новобранцы недавнего призыва. Ванюша и Толя были этому очень рады. Они теперь почти совсем не отличались от молодых солдат и по праву бывалых даже учили их уму-разуму.

Полк выступил в район станции Шедлискен, сменил левый фланг аккерманцев и подготовился к наступлению вдоль железной дороги на Летцен. Во время атаки перешли через канал и, встретив несколько широких полос проволочных заграждений, сильный артиллерийский и пулеметный огонь, дальше не продвинулись. Понесся большие потери, ночью отошли в свои окопы, залезли в блиндажи, вырытые под насыпью железной дороги. Наступление больше не возобновлялось. На фронте наступило затишье, даже прожекторы по ночам не освещали расположение русских. Выпавший обильный снег навсегда похоронил следы нелепейшей операции.

2

«Солдатский вестник» не переставал разносить новости. Ходили слухи, что вот-вот начнется отступление. А все признаки того, что так и случится, были налицо: артиллерия вдруг снялась с позиций и по железной дороге отправилась в тыл, эвакуировались склады. И действительно, в конце января русские войска ни с того ни с сего начали отходить, причем без всякого нажима со стороны противника.

В одну из ночей тронулись в обратный путь и елисаветградцы. Поговаривали, что где-то далеко на правом фланге наши не выдержали натиска противника, вот и остальным приходится отступать. Полк свернулся в колонну и, прикрываемый четвертым батальоном с пулеметным взводом и батареей артбригады, теперь уже шестиорудийной (два орудия из каждой батареи взяли на Кавказский фронт, так как началась война против турок), пошел на знакомый уже Видминен. Лошади пулеметной команды хорошо отдохнули, поправились на немецком овсе и теперь резво несли пулеметные и патронные двуколки по глубокому снегу, обильно потев и покрываясь пеной. Пулеметчики еле поспевали за двуколками. Пехота тоже шагала ходко. Но все были хмурые и унылые: как-никак, а отступают...

* * *

Прошли Видминен, затем Масучовкен, Вронкен, Дунейкен, Маргграбово и Велишкен, Рачки. При переходе границы Аким не преминул свернуть:

— Я ведь говорил, что не будет пути, вот и топаем назад.

И в досаде «пошевелил» вожжами свою дружную пару гнедых.

В Рачках был большой продовольственный склад. Эвакуировать его по железной дороге не успели, поэтому начальство решило раздать продовольствие войскам. Всех солдат на пять суток вперед снабдили носимым запасом продовольствия. И все же на складе стояло еще много штабелей из ящиков с мясными консервами, много мешков муки, крупы и сахарного песка.

— Берите, — распоряжались интенданты. — Все равно, если что и останется, обольем керосином и подожжем. Пусть стгорит, а немцам не оставим.

Все нагрузились банками, как могли, насыпали сахара полные сухарные мешочки. Ванюша с Толей ели сахарный песок деревянными ложками прямо из полного котелка и, наевшись до отвала, запивали его холодной водой.

К вечеру оставили Рачки, в которых полыхали склады, и пошли на Яблоньске. Второй батальон с пулеметным взводом и четвертой батареей перед Яблоньске занял оборону, чтобы прикрыть отход полка на Августов.

Опять наступила оттепель, и в выбоинах разбитой дороги скопились лужи мутной воды, перемешанной со снегом и грязью. Наутро противник, преследуя наши отступающие войска, встретил сопротивление второго батальона. Заняв своими наблюдателями высоту у южной окраины Суха Весь, немцы открыли свирепый артиллерийский огонь по Яблоньске. Особенно сильно били по району костела, где как раз находились позиции пулеметного взвода. Но последовавшая за этим атака была отбита главным образом огнем пулеметов. Помогла в отражении атаки своим метким шрапнельным огнем и четвертая батарея.

Так весь день второй батальон успешно удерживал рубежи. Вечером, уже в темноте, ему на смену пришли сибирские стрелки, которые отходили со стороны Лык, а батальон двинулся вслед за своим полком на Августов. Ночь была темная, тучи низко нависли над землей. Тяжело было идти по разбитой дороге. Ничего не стоило провалиться выше колена в глубокие выбоины, наполненные холодной жижей... Измученные, усталые, то и дело останавливаясь и выжидая, когда идущие впереди снова двинутся, солдаты подошли к окраинам Августова.

Людей было всюду набито полно, и стоило огромных усилий втиснуться в хату, чтобы хоть чуточку обогреться; выбраться из хаты, чтобы не быть задавленным, было еще труднее. Ванюшу и Бильченко так давили и прессовали в доме, отведенном пулеметчикам на ночлег, что они удивлялись, как остались целы. Еще больше нагрелись и напарились, когда

надо было выбраться из этой спрессованной солдатской массы. Ванюша даже почувствовал боль в животе, очутившись на улице.

Уже рассвело, когда полк начал медленно перебираться через Августов в военный городок у железнодорожной станции. Настроение у всех было отвратительное. Со всех сторон слышалось:

- Окружил нас немец как пить дать.
- Верно, братцы, гибель нам всем.
- Может, обойдется...
- Куда там, и хоронить некому будет.

Особенный страх испытывали обозники. Они собирали в кучи трофейное барахло, сбрасывая его с повозок, обливали керосином и жгли на казарменном плацу.

Тревожные мысли обуревали и Ванюшу. «В плен попадать никак нельзя, — думал он, — немцы обязательно расстреляют как добровольца». И Ванюша твердо решил: если все будут сдаваться, то он заберется на самый верх какой-нибудь ели и там будет сидеть и отбиваться до последнего.

На казарменной площади скопилась вся 64-я пехотная дивизия — 253-й Перекопский, 254-й Николаевский, 255-й Аккерманский и 256-й Елисаветградский пехотные полки и 64-я артиллерийская бригада. Начальник дивизии генерал-майор Жданко со своим штабом оказался «проворнее» всех — их и след простыл. Среди солдат шли разговоры о том, что командиры полков спорят, кому вступать в командование дивизией. В конце концов эту обязанность возложили на командира 256-го Елисаветградского пехотного полка полковника Мартынова... К вечеру в окружении оказалось очень много войск: тут были 2-й Сибирский стрелковый корпус, 26-й армейский корпус, 20-й армейский корпус — так выходило по «Солдатскому вестнику».

Солдат покормили жирной и горячей вермишелью — все наелись и согрелись. Вечером двинулись через железнодорожную станцию на перешеек между озерами Студенично и Беле. В этом районе елисаветградцы сменили 109-й Волжский пехотный полк. Смена проходила под сильным пулеметным огнем наседавшего противника — все время слышался треск разрывных пуль. Мороз заметно крепчал, и в неглубоких окопах, вырытых в песчаном грунте, было очень холодно. Холодный песок попадал за воротник и ледяными струйками катился по спине.

Второй пулемет расположился в окопчике у самой шоссеной дороги — пулемет был точно наведен на шоссе. Пулеметчики знали, что там никаких препятствий нет и во тьме противник мог легко подойти к нашим позициям. Надо было быть особенно бдительными, и пулеметчики

напрягали зрение и слух, чтобы хоть что-нибудь увидеть и услышать в густой черной мгле.

Бильченко раздобыл у ксендза в Студенично большой тулуп, крытый серым солдатским сукном, надел его поверх шинели и уселся в окоп, посадив к себе между колен Ванюшу. Ванюша держал руки на спусковом рычаге затыльника пулемета — стоило только нажать, как сразу пулемет застрочит. Душенко, Козыря, Толя и Митрофан Иванович расположились тут же в окопе. Кутались в свои шинелишки, дрогли и, стараясь хоть немного согреться, плотнее прижимались один к другому.

Немцы действовали напористо, рассчитывая сломить сопротивление русских, пока те еще не организовались, пока в русском лагере — они это знали — царит нервозность, которая может легко перейти в панику. Но не тут-то было: русские оборонялись упорно, и сломить их не удалось, а сил у немцев, видимо, все же не хватало.

Среди ночи, ближе к рассвету, немцы открыли сильный артиллерийский и пулеметный огонь. В лесу грохот снарядов и характерный звук разрывных пуль увеличивались эхом. Гудел и гремел лес, наводя страх на людей. Затем по шоссе пошла в атаку немецкая кавалерия. Цоканье массы копыт, сыплющиеся из-под подков искры, шум, крики людей и храп лошадей... Когда немцы приблизились на верный выстрел, Ванюша инстинктивно, не отдавая отчета в своих действиях, нажал на спусковой рычаг, и пулемет ровно застрочил, обдавая надульник клубком пламени. Огонь был очень метким; слышно было, как тяжело, со ржанием, падают лошади, стонут люди. Некоторые скатывались в стороны с насыпи шоссе. А вот несколько коней со всадниками упали за траншею; кони в предсмертных судорогах дергали ногами и головами, били копытами своих всадников в высоких шапках и черных пелеринах «гусаров смерти».

Слева и справа трещали винтовочные выстрелы. Ударила четвертая батарея, поставленная на прямую наводку — она была вдоль шоссе картечью. Атака была отбита с тяжелыми для германской кавалерии потерями, раненых добивал крепкий мороз: они просто замерзали. Пулеметчики растерянно наблюдали эту страшную картину. И все это сделал пулемет, его меткий огонь, страшная косящая сила! Ванюшу обступили товарищи, наперебой жали руки, а Митрофан Иванович с заметным волнением произнес:

— Ну, молодец! Вовремя открыл огонь, прямо спас все дело.

— Молодец, молодец, Ванюша! — хором подтвердили пулеметчики, а Бильченко, еще крепче обняв Ванюшу, плотнее закутал его широкими полами тулупа.

Только теперь Ванюша начал немного понимать, что произошло и какую роль он сыграл в этом деле. У него на душе стало как-то теплее, сердце от радости стучало чаще, из-под шапки тонкими струйками скатывался пот. Мелькнула мысль: «Ну, теперь, конечно, меня немцы расстреляют, если возьмут в плен». Но Ванюша сразу же отогнал эту мысль, — вернее, она сама быстро растворилась в радостном ощущении победы. Ванюша смотрел на макушки высоких елей, покрытых густым инеем, и улыбался.

Днем немецкая пехота повторила атаку, но она также была отбита.

Солдаты сидели в неглубоких окопах, никто не хотел их углублять, тем более что нужно было долбить дно окопа кирками и ломami — а где их взять? Солдаты очень не любят носить кирки-мотыги, а предпочитают им маленькие лопаты. Было холодно и голодно, доедали последние консервы, уже двое суток ничего горячего во рту не было. От этого становилось еще холоднее, холод чувствовался даже где-то внутри, в животе.

Что будет дальше? Уже три дня идут бои, трещит и гремит лес. А выхода из окружения пока не видно. В ночь на пятые сутки поступил приказ: батальону ночью отойти через лес к перешейку озер Сайно и Езёрко и удерживать этот перешеек в течение целого дня. Шли, пробиваясь по лесным тропам и дорожкам. Остановились у топографической вышки с отметкой 127.2. Пулеметчики устроились в железнодорожной будке, приспособив подвал для стрельбы. Часам к десяти утра перед фронтом батальона появились немецкие дозоры. После редкой перестрелки они скрылись в лесу, и до вечера противника не было слышно. Вечером батальон двинулся на юго-запад, сначала по шоссе, а потом вдоль насыпи железной дороги.

Ночь была темная, курить запретили, только на привалах солдаты потихоньку потягивали сигарки, спрятав их в рукава шинелей. Куда шли — никто ничего не знал, кое-кто говорил, что немецкое окружение прорвано у той самой железной дороги, вдоль которой двигался батальон, другие утверждали, что немцы перерезали шоссе и заняли уже городок Липск, возвышавшийся, как крепость, над болотистой равниной.

Никто не мог точно сказать, где противник и сколько его. Знали только, что две наши колонны пытались выйти из окружения. Но удалось ли им это, было неизвестно. Шли всю ночь. Митрофан Иванович Шаповалов приказал седьмому номеру Мешкову посадить на свою лошадь Ванюшу, а сам уступил коня Анатолию. Ванюша испытывал блаженство, усевшись в драгунское седло и придерживаясь рукой за переднюю луку. Задремал, а потом и вовсе заснул, качаясь в седле как маятник. При крутых спусках он просыпался, потом снова его одолевал сон. Все устали неимоверно, почти

пять суток не спали, если не считать тех немногих случаев, когда удавалось вздремнуть часок-другой, сидя или лежа на хвое у костра. Многие так старательно грели ноги у огня, что потом при ходьбе у них выкрашивались перегоревшие подошвы сапог. Чем только ни приходилось обертывать дырявую обувь, защищая ноги от мороза.

Так унылая колонна людей подошла утром к местечку Домброво, которое до отказа было набито сибирскими стрелками. Начальство между собой договорилось, и сибиряки в своих кухнях приготовили для елисаветградцев борщ и кашу. Обед был на славу, все жадно поели и, до предела набившись в теплые хаты, прямо стоя засыпали — упасть было невозможно, так плотно друг к другу стояли люди. Все же пулеметчикам повезло, они зарылись в солому в сарае и спали лежа: кто под попонами, кто под брезентом, а Ванюша, Бильченко и Душенко под тулупом, который они теперь берегли как зеницу ока.

На другой день двинулись на Новый Двор. Там встретили свежив силы, подошедшие после разгрузки с эшелонов от крепости Гродно, и вместе с ними перешли в наступление на Липск — нужно было выручить окруженный где-то северо-западнее города 20-й армейский корпус. О величине этих свежих сил представления никто не имел. Поговаривали, что подошел корпус, специально подготовленный генералом Санлецким, известным живодером и мордобойцем. Ходили достоверные слухи, что бил он самолично не только солдат, а и господ офицеров, под которыми, конечно, понимались прапорщики и произведенные из них подпоручики.

Генерал знал, кого бил. Нарвись он на кадрового офицера — тот мог ему пулю в лоб пустить и избежать расстрела, ибо защищал он свою дворянскую, графскую, княжескую честь, а прапорщик — это разночинец, не намного лучше народного «навоза», как называли тогда в высших кругах солдатскую массу. «Солдатский вестник» твердо доказывал, что даже в приказах великого князя Николая Николаевича (граф С. Ю. Витте характеризует великого князя в своих воспоминаниях очень коротко, но ярко: «...он был тронут, как вся порода людей, занимающаяся и верующая в столоверчение и тому подобное шарлатанство. К тому же великий князь по натуре человек был довольно ограниченный и малокультурный...»), имевшего громадное влияние на Николая II, писалось: «Господа офицеры должны остерегаться выдвигаться в передовые цепи во избежание ненужных потерь среди офицерского корпуса, а российского навоза —

солдат — у нас хватает...» За достоверность сведений «Солдатского вестника» можно было поручиться — приказы составлялись солдатами-писарями по указанию господ адъютантов, князь лишь подписывал их. Писаря такого рода тайны не хранили.

Вот почему Сандецкий бил прапорщиков. Все они были в основном выходцами из простого народа. Достаточно было солдату иметь образование II разряда (а это значит четыре класса городского училища, гимназии или учительской семинарии), как его, хочет он того или не хочет, направляли в специальную школу и через четыре — шесть месяцев выпускали прапорщиком. Это был офицер, и неплохой офицер, часто знавший военное дело лучше, чем подпоручик юнкерского училища, в которые зачислялись дворяне. И все-таки прапорщики терпели всякие обиды. Отыгрывались они на унтер-офицерах, которых били так крепко, что зубы вылетали. Господа унтер-офицеры после отводили души на солдатах и били их уже по-своему, по-простому, голой рукой, без перчатки, но челюсти сворачивали. Мордобой в армии был обычным явлением...

«Солдатский вестник», как уже было сказано, утверждал, будто генерал Сандецкий подготовил из новобранцев ударные части и они в полном составе прибыли для предстоящего наступления. Считалось, что рассылать их по существующим дивизиям и полкам в качестве пополнения невыгодно, — мол, они могут заразиться упадочническим настроением от воевавших уже старых солдат и потеряют все те качества верноподданных защитников российского престола, которые так старательно воспитывали в них господа офицеры и унтер-офицеры в тыловых запасных полках. Кстати, туда-то, конечно, отбирали самых диких мордобойцев и живодеров: они были готовы на все, лишь бы не попасть на фронт.

Подошедшие части сплошь состояли из новобранцев призыва 1915 года. Их учили месяца два-три в тылу с палками вместо винтовок. Был допущен мобилизационный просчет: винтовок через полгода войны не хватало даже для фронта, не говоря уж о запасных полках. Полкам дали громкие названия: Алексеевский наследника цесаревича полк, Николаевский Императора всероссийского полк и т. п. Это возымело известное влияние на умы новобранцев, и они безропотно пошли в наступление от Гродно на Липск. Но самоотверженности было недостаточно для успеха дела, и солдаты массами полегли где-то на середине пути между Гродно и Липском. Лишь братские могилы да кладбища с простыми деревянными крестами остались на полях, как вечный памятник безропотному российскому солдату, не жалевшему своей жизни в бою.

Когда прибыла 64-я пехотная дивизия и пошла в предбоевых порядках вперед, поле уже было сплошь усеяно трупами русских солдат. Повсюду

виднелись новые зеленые вещевые мешки убитых, издали казавшиеся кочками на огромном болоте. Об этом побоище рассказывали чудом оставшиеся в живых, которых приняли в свои ряды елисаветградцы (они как раз наступали вслед за погибшим Алексеевским наследника цесаревича пехотным полком).

Солдаты 64-й пехотной дивизии были уже старые, выдавшие виды вояки. Их так безрассудно не погонишь на смерть. Но все же наступать надо — приказ. Где-то в районе Сопочкина и Липска немцы вторично окружили 20-й армейский корпус — следовало его выручить.

Наступали долго и упорно, прокладывая себе грудью путь вперед; артиллерия помогала очень слабо. Особенно трудно было преодолевать открытые болотистые пространства, хорошо простреливаемые немецкими пулеметами. Одно средство оставалось солдату, чтобы не быть скошенным огнем: искусно ползти вперед, а кое-где пользоваться короткими перебежками — бросок вперед — и камнем падай, пока враг не успел прошить тебя короткой пулеметной очередью.

Примерно через неделю Липск, господствовавший над всей окружающей местностью, был взят. Прилегающие высоты также оказались в руках русских. Но было уже поздно: остатки 20-го корпуса, доведенные до последней крайности изнеможения, сдались, и немцы поспешно уводили их в тыл, ибо сами вынуждены были отступать.

...Все чаще и чаще попадаются серые пепелища. Кучами лежат обгорелые винтовочные стволы со скрюченными штыками, а все деревянное — приклады и ствольные накладки — сгорело. Артиллерийские упряжки, вероятно, на полном скаку влетели в болото — виднеются только головы лошадей, их гривы, спины... В глазах мертвых животных застыл ужас. Из болота торчат верхушки лафетов и концы оружейных стволов. Металл покрыт инеем и припорошен снегом...

Было жутко смотреть на следы гибели 20-го русского армейского корпуса. Это производило на людей гнетущее впечатление. Жгла горечь поражения. Все шли угрюмые и молчаливые, шли вяло, в полном безразличии. Не тактические или стратегические просчеты командования огорчали солдат (в этом солдату трудно разобраться) — каждый по-человечески переживал гибель таких же, как он сам, безвестных сынов земли русской. А те, кто остался в живых и попал в плен, очевидно, шагают, подгоняемые палками конвоиров, шагают в неметчину, в неизвестность. Болит за них солдатская душа, и вина сверлит сердце каждого: дескать, не помог, не выручил товарища в беде...

С такими чувствами и думами шли в наступление солдаты 256-го Елисаветградского пехотного полка. Его ряды уже на две трети заполнили

новые люди, мало осталось тех, кто принимал первый бой на Немане перед Друскениками.

Преодолев небольшое сопротивление противника в лесу по обе стороны шоссе Липск — Августов, полк миновал речку Лебедзянка и подошел к озерам в районе Саенок перед Августовом. Здесь он встретил уже организованное сопротивление немцев и дальше вперед пробиться не мог. Фронт установился по Августовскому каналу.

Недели через две, когда установившиеся было оттепели снова сменились морозами, почему-то опять началось отступление. В дивизии стали распускать слухи, будто бы почти все городские ловкачи, что за взятки устраивались в 255-й Аккерманский полк, сдались при удобном случае в плен и начальство отвело этот полк в глубокий тыл на переформирование. А так как он вместе с елисаветградцами составлял одну бригаду, теперь солдатам 256-го полка приходилось отдуваться за двоих.

Ведя арьергардные бои, полк отошел к Липску и остановился на ночлег прямо на голом поле. Мороз крепчал, и люди, свернувшись клубками, закутавшись в шинелишки и втянув головы в поднятые воротники, как-то ухитрялись заснуть. Ванюша, правда, вскакивал через каждые четверть часа и прыгал, чтобы хоть как-нибудь согреться — тулуп потеряли во время отступления, укрыться было нечем. Так же прыгал, согреваясь, Бильченко. И другие пулеметчики нет-нет да отбивали гопака.

Скоротав кое-как ночь, батальон двинулся дальше. Теперь это были главные силы полка. В арьергарде шел третий батальон. Вскоре участок был передан сибирским стрелкам, и 256-й полк вместе со своей дивизией передвинулся на север и занял оборону по восточному берегу озера Вигры. Правый фланг полка упирался в озеро Перты. Второй батальон расположился на перешейке от озера Перты до местечка Червоний фольварк, что против монастыря Вигры. Установилось затишье, хотя для развлечения немцы часто обстреливали из артиллерии русские окопы, беспокоя солдат батальона и пулеметчиков — их окопы тянулись по буграм западной окраины Магдаленово и высоты 152.3. Наступила пасха — в том году она была ранняя. Солдатам привезли посылки. Каждому досталось по куску кулича, по два крашенных яйца, по куску сала и колбасы — как-никак, а все-таки лакомство.

Повеяло теплыми ветрами весны, ярко засветило солнце, снег растаял. Земля раскисла, и грязь была страшная. Но понемногу подсыхало. Пулеметчики натаскали соломы в окопы, устроили добротные площадки для пулеметов и отрыли под бруствером небольшие блиндажи.

В Магдаленово доставали картофель и днем готовили в котелках картофельный суп, чтобы поесть горячего между ранним завтраком и

поздним обедом. Кухня по утрам подвозила пищу еще затемно, а второй раз уже вечером (чтобы не попасть под вражеский огонь).

Наступила Ванюшина очередь готовить суп. Закипел котелок с картошкой. Ванюша поджарил на крышечке кусочки сала, опустил их в котелок — и суп готов. Но тут откуда ни возьмись появился полуротный восьмой роты и стал бить по лицу какого-то солдата. Ваня быстро затоптал огонь, прикрыл золу соломой, котелок спрятал под чехлом пулемета и вытянулся перед унтер-офицером.

— Ты что тут, размазня, торчишь?

— Дежурю у пулемета, вашескородие.

— Ну так смотри в оба, а не рот разевай, туды твою мать. — И их благородие покрутило кулаком у самого носа Ванюши.

Этот офицер недавно прибыл с маршевой ротой и еще не знал, что за такое обращение с солдатами он быстро заработает себе пулю в спину.

Все же Ванюше удалось накормить пулеметчиков супом, и они пошли отдыхать за сарай — там был глубокий погреб. Ванюша остался дежурить у пулемета вместе с Анатолием. Анатолий бодрствовал, а Ванюша вскоре крепко заснул. Вот и сон снится: все та же война, идет сильный бой, рвутся снаряды, рвутся прямо рядом.

Сильный взрыв — и Ванюша просыпается.

Озираясь кругом, он никого не видит в окопах. Рядом валяются окровавленные бинты, все засыпано землей. Ванюша сбрасывает комки земли со своей шинели, сгребает землю с пулемета, вытряхивает чехлы. Почему же никого нет? Только невдалеке, на тропинке, лежат два убитых солдата восьмой роты. Кругом тихо. Но вот идут, озираясь, пулеметчики. Душенко кричит:

— Жив, жив, Ванюшка!..

После пулеметчики рассказывали, что, когда Ванюша спал, внезапно начался сильный артиллерийский обстрел окопов. Все укрылись в погребе за сараем. Замешкались лишь двое наблюдателей из восьмой роты — они были убиты по дороге, когда бежали к погребу. Ну все решили, раз Ванюшка не поднялся, значит, тоже убит. А он, оказывается, жив!

— Что же с тобой случилось, почему ты не побежал в погреб?

— Да я крепко спал, — смущенно ответил Ванюша. — Только глаза продрал — смотрю: в окопе никого нет, а я весь в земле.

— Ну и ну, — удивились пулеметчики, — проспять такой артиллерийский обстрел! Да тут и мертвого поднимет...

— Что же делать, уснул, бой мне снился, — виновато оправдывался Ванюша.

Скоро батальон сменили, и весь полк собрался правее озера Перты. Готовились к прорыву немецкой обороны. Говорят, в Сувалках немцы собрали много русских пленных. Надо было их выручать. Между нашими и немецкими окопами проходил глубокий овраг с очень обрывистыми берегами. На дне оврага шумел ручей, а его скаты были заплетены колючей проволокой и забросаны колючими «ежами». Перебраться через овраг, чтобы овладеть позициями немцев, нечего было и думать. Но начальство отдало приказ: оборону немцев прорвать и овладеть Сувалками.

К операции готовились скрупулезно: прямо в передние окопы установили трехдюймовые пушки четвертой батареи, чтобы они буквально на воздух поднимали немецкие траншеи, каждая рота получила пополнение. Немцы вели наблюдение и тоже не сидели сложа руки: укрепляли оборону.

И вот наступил решительный день. Ранним утром в предрассветном тумане наши орудия открыли огонь. Под прикрытием пушек и пулеметов пехота по-муравьиному полезла через глубокий овраг.

И произошло почти невероятное: солдаты овладели-таки передними окопами противника, вернее тем, что осталось от этих окопов после обстрела прямой наводкой. Но дальше, к сожалению, не продвинулись ни на шаг.

Завязался тяжелый ближний бой. Когда Бильченко старался протянуть в приемник пулемета ленту, что-то резко звякнуло, он вскрикнул и отдернул руку — кровь потекла ручьем, а пальцы повисли: кисть была перебита. Бильченко эвакуировали в тыл. Ванюша стал вторым номером — помощником наводчика Душенко.

Прорвать оборону противника так и не удалось. Все же наша пехота зацепилась за противоположный берег оврага и, невзирая на потери и трудности, удерживала его.

Вскоре на смену пришел четвертый батальон и заступил на этот страшный участок. Второй батальон вывели в резерв. Поговаривали, что 255-й Аккерманский полк заново сформирован. Так в действительности и оказалось. Ни одного старого солдата не оставили в этом полку — всех, кто уцелел, распределили кого куда. А солдатам нового пополнения говорили на смотрах, что они попали в очень заслуженный прославленный полк и должны считать за великую честь служить в нем. Пронесли вдоль фронта старое знамя, увитое георгиевскими лентами. Впоследствии 255-й полк действительно дрался отменно.

Началась весна. 256-й Елисаветградский полк был сменен аккерманцами и вышел в корпусной резерв. Пулеметная команда расположилась на господском подворье где-то в районе Краснополя. Взводы разместились в большой клуне. Солдаты натаскали туда соломы, и пулеметчики не могли нарадоваться — тепло, сухо, хорошо. Господа офицеры поселились в отдельных комнатах господского дома с большим садом, начавшим уже распускаться. Двуколки с пулеметами и патронами расставили парком во дворе, а лошадей разместили в конюшне. Напротив парка был служебный флигель и кладовые. В них расположились фельдфебель и канцелярия команды, а поодаль, за погребом, поставили походную кухню. Все устроилось как нельзя лучше.

Штаб полка с первым батальоном находились в местечке Краснополь, другие батальоны разместились по прилегающим деревням. Дня через два начались строевые занятия. Команда четко маршировала, делала перестроения и всякие повороты. Это считалось главным, на муштре держалась вся боеспособность армии: надо вышколить солдат так, чтоб у них вошло в привычку исполнять команды, не задумываясь над их содержанием.

Небольшая пулеметная команда — всего человек семьдесят, не больше, — быстро освоила строевое дело, и начальство, как-то проведя смотр, осталось довольно результатами, разрешило заниматься строевой подготовкой только половину дня, а вторую половину использовать на изучение материальной части пулемета «максим», на тренировки к изготовлению для открытия и ведения огня и на тактические занятия. По вечерам разрешалось петь песни и развлекаться кто как умеет: играть в шашки, читать уставы и молитвенники.

Писарь команды и каптенармус как-то уселись за шашечную доску и начали передвигать фигуры, вылепленные из воска. Ванюша стоял рядом и старался понять, что это за игра такая. О шахматах он никогда не слышал.

— Как же играть-то в эту игру, господин каптенармус? — спросил Ванюша.

Писарь и каптенармус уставились на Гринько, удивляясь его смелости. Наконец писарь небрежно бросил:

— Где тебе понять, Ванюша, — это, браток, игра особенная, тут нужно соображение. Иди лучше навоз вывозить с Акимом.

— А то лучше сходи картошку почисть на кухне, — добавил, расхохотавшись, каптенармус.

— Ну что ж, не хотите рассказать, не надо, — с некоторым презрением, как полагалось боевику относиться к «тыловым крысам», произнес Ванюша.

И действительно пошел к Акиму, который кидал навоз на фуру. С погрузкой скоро было закончено. Они уселись вдвоем сверху на навоз и повезли его на поле. Остановились на косогоре, забрались под фуру, подперли ее спинами, поднатужились и перекинули воз. Быстро поставили повозку на колеса и поехали на конюшню.

Ванюша вспомнил свою работу на фольварке Шендерово и глубоко вздохнул.

— Чего вздыхаешь, Ваня? Плюнь ты на эту тыловую тилигенцию, подумаешь, умники какие! — сказал Аким и зло сплюнул. Он предполагал, что Ванюша все еще не может забыть обидные слова писаря и каптенармуса. Он слышал этот разговор. — Смиренного всегда бог милует, — добавил он и поднял в рысь свою любимую пару гнедых.

— Да я, дядя Аким, не про то, — тихо сказал Ванюша. — Вспомнилось, как работал на фольварке и зимой вывозил навоз на поле... А тут война, отступление.

Аким хмыкнул:

— А ты помнишь, Ванек, как я сказал, когда вступали в германскую землю, что путя не будет.

— Как же, помню. А может, и хорошо все пойдет?

— Дай бог, — ответил суеверный Аким.

Когда въехали во двор, Ванюша спрыгнул с воза. Около клуни уже собрались в кружок пулеметчики. Скрипка лихо выводила молдаванский танец, а пулеметчики пара за парой шли кругом, крепко притоптывая ногами.

— Становись на молитву, — послышалась команда дежурного.

— Тьфу! — озлился кто-то. — Как в мирную пору завели порядки.

Команда выстроилась. Спели «Боже, царя храни», а затем «Отче наш». После этого всех распустили. Пулеметчики потянулись в клуню на ночлег. Откуда-то доносилась песня:

Пишет, пишет царь германский,
Пишет русскому царю...

А вдаль были видны зарева пожаров, откуда-то глухо доносилась артиллерийская канонада. Солдаты улеглись в ряд на солому, покрытую палатками и подпертую бревном у ног. Укрылись шинелями, и пошли тут воспоминания о довоенной жизни...

Ванюша с Толей вспоминали Одессу, порт, Ланжерон, пологий берег Пересыпи. Вскоре заснули, но и во сне им чудилась Одесса.

Пулеметчики наслаждались заслуженным отдыхом. Вечерами команда выстраивалась и с песнями шла в соседний фольварк... Там солдат встречали батрачки, и начиналось общее веселье; ведь женщинам тоже было скучно — мужья ушли на войну. Тут же под скрипку начинались танцы, а после пара за парой расходились по укромным углам.

Потом команда опять выстраивалась, и кто-нибудь из унтер-офицеров вел ее обратно. Пулеметчики затягивали песню:

Ой там, ой там, за Дунаем,
та за тихим Дунаем, казаки гуляют,
казаки гуляют...

Песня широко разливалась в тихий вечер по лугам и полям, отдаваясь эхом в темном лесу за речкой. Пулеметчики пели эту песню очень хорошо. Слаженно вступали голоса за запевалями, могуче и сильно лились басы:

Ой там, за Дунаем, та за тихим Дунаем...

Господа офицеры гордились молодцами-пулеметчиками и выходили даже встречать команду, рассаживаясь на крылечке. В самом деле, приятно было слушать душевную песню и смотреть на стройное каре, медленно, в ритм песнедвигающееся по дороге.

Иногда перед ужином разрешалось сходить на речку покупаться. Кое-кто ухитрялся за это время сбегать на фольварк, стоявший на горе за речкой, повидаться с батрачками и условиться о будущей встрече. Ванюша, Толя и Миша любили купаться и прыгали с берега в самое глубокое место у домика лесника. Сам лесник, старый-старый поляк, любовался ребятами, вспоминая, очевидно, свою молодость. Обычно он посасывал большую, с длинным изогнутым мундштуком трубку.

Старый лесник жил со своей внучкой Ядвигой. Яде — славненькой, белокурой, с голубыми глазами девочке в короткой юбчонке в большую клетку — было лет четырнадцать. Ее лицо, руки и ноги успели уже загореть, а может быть, от природы были приятного смуглого цвета. Ребята быстро подружились с нею. Они помогали старику в кое-какой работе по дому. Это было истинным удовольствием для Ванюши, Толи и Миши; они даже радовались, когда команда задерживалась на фольварке: можно было подольше побыть около Ядвиги и ее доброго деда.

Однажды Ванюша и Миша заметили, что Толя смотрит на Ядю какими-то недобрыми глазами. Посоветовались между собой и предупредили: смотри, мол, не того, а то морду набьем. Толя понял и больше вообще не появлялся у домика лесника. А Ваня с Мишей продолжали навещать Ядю. Поляк был рад, что у детей сложились такие добрые отношения, он их так и называл — «дети» и был спокоен за свою любимую сироту-внучку.

Славные это были дни для пулеметчиков. В корпусном резерве находились уже около месяца. Время года стояло прекрасное: начало лета, май. Все вокруг цвело, и оттого на душе было еще светлее. Жизнь шла размеренно и просто. С утра строевые занятия, потом обед, тактическая подготовка, ужин и вечерняя прогулка с песнями. А потом танцы на фольварке с «паненками», как привыкли уже величать батрачек пулеметчики...

Но когда-то должен был настать конец такому житью. Не вечно же полку находиться на отдыхе. А, впрочем, почему бы и нет? Елисаветградцы долго были в боях без смены (пока переформировывался 255-й Аккерманский пехотный полк) и имели законное право на длительный отдых. Все догадывались, однако, что вот-вот придется выйти на передовую. От этого предчувствия рождалась грусть, нудная солдатская грусть с посасыванием под ложечкой...

Митрофан Иванович Шаповалов тоже водил в свой черед пулеметную команду после занятий на фольварк, но там ничего лишнего себе не позволял. А Казимир Козыря, так тот просто как в масле купался, попав в руки к своим полячкам.

Наводчик Душенко был отпущен на десять дней на побывку домой, вернулся сияющий, довольный. А тут еще вызвали некоторых пулеметчиков в штаб, где командир полка вручил им Георгиевские кресты. Получили награду Душенко и взводный унтер-офицер Шаповалов, Козыре была вручена Георгиевская медаль. Миша тоже получил Георгиевскую медаль. А на груди начальника команды поручика Ржичицкого пулеметчики увидели новенький крест — Владимир с мечами.

В честь награжденных был устроен вкусный и обильный общий обед, на который пришли господа офицеры и поздравили георгиевских кавалеров. Поручик Ржичицкий избегал Ваниного взгляда — он самолично вычеркнул его из списка, когда представлял вверенных ему пулеметчиков к наградам, хотя и знал, что Гринько вполне заслуживает награждения орденом. Не мог поручик простить Ванюше отказ быть у него ординарцем. А Ванюша ничего и не подозревал, он был на седьмом небе от радости, что дядя Душенко и Митрофан Иванович — добрый и бесстрашный взводный командир — получили орден Святого Георгия 4-й степени. Он даже и мысли не допускал,

что может когда-нибудь заслужить такую же награду. Широко открытыми детскими глазами смотрел Ванюша прямо в злое лицо поручика Ржичицкого. Не выдержав открытого взгляда Ванюши, тот покраснел и ушел.

После обеда у всех было приподнятое настроение. Начальство отменило послеобеденные занятия, и все разошлись кто купаться, кто на фольварк. Ванюша и Миша отправились в домик лесника, чтобы вместе с Ядвигой и дедом порадоваться Мишиной награде. Душенко обхаживал свой пулемет: обтирал ветошью, а то просто поглаживал его; видно было, что наводчик соскучился по своему пулемету, стрелял из которого мастерски. Недаром все пулеметчики даже по звуку узнавали его «максим» на передовой.

— Это пулемет Душенко работает, ровно строчит, красота!

Душенко знал, что его уважают, гордился своим искусством и ухаживал за оружием, как за малым ребенком. Другой раз, преодолевая усталость, не доспит, а сам лично подготовит и проверит пулемет, никому не перепоручая это важное дело.

Так вот и сейчас. Сам все протер, смазал, проверил на весах натяжение пружины, движение ствола и только тогда надел чехол на пулемет, крепко завязал сыромятные завязки и установил его на двуколку. После этого спокойно пошел в канцелярию команды, где писарь и каптенармус, склонясь над столиком, играли в свои самодельные шахматы, ни с кем не делись секретом этой мудрой игры.

Глава седьмая

1

Передышка кончилась. Завязались новые бои где-то правее Сувалок. Полк снялся с места и с ходу вступил в бой с наступающим противником.

Шрапнели немцев все чаще и чаще рвались над боевыми порядками полка, нанося большие потери. Как ни метались люди из стороны в сторону, все же попадали под разрывы. С той стороны заработали пулеметы, ведя дальний огонь — пули посвистывали где-то над головами (видно, взяли высоко). Артиллерия полка отвечала, встречая шрапнелью приближающиеся цепи германцев.

Солнце довольно высоко поднялось над горизонтом, а бой становился все ожесточеннее. В окопах появились солдаты 103-го полка. Вид у них был потрепанный, изнуренный. А вокруг свистел смертоносный металл. Тут и там валялись убитые, стонали раненые, зыкали кругом пули. Но что это? По полю бежит Миша Величко. Правая рука у него по локоть оторвана; кровь хлещет всюду.

— Миша, сюда! — кричит ему Ванюша, разрывая зубами бинт.

Он старается перевязать товарищу рану, скорее закрыть оголенную розовую кость.

— Выше, выше перехватывай, кровь останавливай! — кричит Душенко, быстро поворачивая пулемет и изготавливая его к стрельбе.

Мишу перевязали и увели санитары.

Ванюша быстро подал в приемник конец ленты, Душенко зарядил пулемет, оценивающим взглядом окинул наступающие цепи врага. Вот проклятые пруссаки, прут прямо во взводных колоннах. Ну, погодите, сейчас мы вас проучим! Душенко выбрал колонну, поднимавшуюся на бугорок. Пулемет вздрогнул всем телом, застрочил и задрожал, изрыгая смерть; надульник обволокло легким букетом пламени. Колонна противника мигом рассыпалась. Многие немцы упали и больше не поднимались.

Пулемет строчил ровно, без перебоев, как бы подтверждая: стреляет Душенко. И германцы, очевидно, оценили мастерство пулеметчика, стали вести по нему прицельный огонь. Пули зацелкали по щиту. Справа и слева легли близкие разрывы тяжелых «чемоданов» и обдали пулемет землей. В ответ пехотинцы батальона открыли огонь пачками. А Душенко перезарядил пулемет, сменил прицел и положил на землю другую цепь.

Вдалеке появились новые колонны немцев. Душенко снова дал длинную очередь. Пар из паротводной трубки кожуха сильной струей ударил в землю.

— Козыря, воды! — крикнул Душенко, и сейчас же Казимир подполз с банкой.

Ванюша быстро приладил банку, охладил раскалившийся ствол, вместо пара из трубки полилась тонкая струйка воды. Быстро закручена пробка — и снова пулемет строчит, косит, как траву, немецкие колонны и цепи. Еле успевают подносить патроны: уже четырнадцать лент выпущено, почти все поле рыжеет от ранцев убитых немцев, а противник все лезет и лезет.

Пулемет перекатали в подготовленный окоп. Стрелять стало удобней, да и вражеские пули не достают — шипят и зыкают немного выше, а то ведь невмочь было — прямо рядом, перед самым носом, взрывают землю, прошивают полы шинели. Вон у Душенко пуля пробила рукав у локтя и вырвала кусок сукна, а другая расколола каблук у левого сапога.

Но вот немцы вроде бы успокоились и перестали подниматься в атаку. Можно и пулеметчикам дух перевести. Подсчитали: выпущено двадцать семь лент. Можно сменить ствол, хоть это дело далеко не простое.

Солнце между тем перевалило за полдень. Немцы помалкивали; видно что-то замышляли. Ближе к вечеру в туманной дымке показались новые колонны. Стало ясно, что противник собрался с силами и решился на новую отчаянную попытку прорвать русскую оборону. Наша артиллерия открыла шрапнельный огонь. Ванюша давно уже заметил, что артиллеристы любят обстреливать врага шрапнелью, а немцы ее боятся.

Приготовились и пулеметчики: поднесены патроны, свежая вода и масло. Бой завязался страшный, изнурительный. Сколько уже людей погибло и сколько погибнет еще!..

Мучит жажда, на зубах скрипит песок.

Вот нарастает свист летящего снаряда. Свист переходит в сильный грохот — совсем близко взорвался немецкий «чемодан», султан земли поднялся в небо и заволок его бурой пеленой. Пулеметчиков обдало комьями земли и клубами дыма, остро пахнувшего пороховой гарью. Осколки сделали свое: начальник пулемета младший унтер-офицер Ковальчук дернулся и уткнулся головой в землю — убит.

Снаряды ложились один за другим. Особенно густо рвались они на позиции пулеметного взвода. Наши батарейцы в свою очередь осыпали врага шрапнелью. Сильную, хотя и беспорядочную стрельбу открыли пехотинцы. Все поле было в дыму и пыли.

Как всегда, четкую строчку вел пулемет Душенко. Пулеметчик медленно и старательно двигал из стороны в сторону дрожащие ручки

затыльника, все крепче сжимая их, а Ванюша слегка поддерживал ленту с патронами, помогая ей легче скользить в приемник. Лента все время вздрагивала и подскакивала в руках. Вот мелькнул медный наконечник, и пулемет умолк. Ванюша сразу же воткнул в приемник наконечник новой ленты. Душенко протянул ее левой рукой, а правой подал рукоятку пулемета положенное число раз, перезарядил пулемет и в это время увидел шагах в двухстах впереди бегущих прямо на позиции взвода немцев. Он быстро, но спокойно навел пулемет и открыл огонь с близкого расстояния. Немцев срезало, как бритвой. Одни совсем не шевелились, другие корчились в предсмертных судорогах, третьи пытались отползти назад, сверкая лакированными касками и медными шишаками. Справа и слева атакующие добежали до наших цепей. Пехотинцы поднялись им навстречу, послышался треск ручных гранат. Завязалась рукопашная.

Группе немцев удалось прорваться в тыл полка. Душенко быстро повернул пулемет и дал несколько коротких очередей. Многие немцы попадали замертво, остальных добили штыками подоспевшие пехотинцы.

На поле появились немецкие «черные гусары». Попад под огонь пулемета, они рассыпались, повернули назад, а некоторые, кувыркаясь, полетели на землю вместе со своими лошадьми. Запад уже начал розоветь, а бой все не утихал. Первый батальон подался назад шагов на пятьсот, но все остальные подразделения полка удерживали свои позиции.

В сумерках немцы пошли в новую атаку, введя в бой свежие силы.

Огонь артиллерии, винтовок и пулеметов вспыхнул с новой силой и закипел по всему фронту. Немецкие снаряды ложились все ближе к пулемету Душенко. Он теперь не вел непрерывного огня, а строчил короткими очередями по наиболее значительным скоплениям немецкой пехоты. Произошло какое-то замешательство, и немцы с винтовками наперевес оказались прямо перед русскими окопами. Пехота встретила их контратакой, кое-где прокатилось глуховатое «ура». Душенко дал сначала длинную очередь, а потом быстро перешел на короткие кинжальные удары, разбрасывая их по всему фронту. И на этот раз атака была отбита.

Наступила густая, темная ночь; всходила поздняя луна. Снова начали считать потери. Пулеметный взвод отделался сравнительно легко: двое убито, трое ранено; из четырнадцати человек осталось в строю девять. Совсем недавно были все вместе, разговаривали, читали облитые слезами письма жен... И вот нет уже этих людей. Каждый, очевидно, думал об этом, и к сердцу подкатывала тоска: а может, и меня завтра недосчитаются во взводе?..

Молча обступили подъехавшую кухню, молча пережевывали пищу. Стрельба стихла, лишь кое-где рвались снаряды и слышались винтовочные

выстрелы. Солдат одолевал сон, и они валялись на землю там, где стояли или сидели. Взводный Митрофан Иванович Шаповалов назначил дежурных, которым спать запрещалось. Сам он решил бодрствовать вместе с дежурными, чтобы дать возможность поспать начальнику четвертого пулемета младшему унтер-офицеру Моховому. Остальные уже спали тут же у пулеметов.

Санитары сновали по окопам и то и дело выносили на носилках тяжелораненых, полковые музыканты подбирали убитых и сносили их в кучи. На повозках подвозили патроны, а потом на этих же повозках отправляли убитых в тыл, где и хоронили. То же самое, наверное, делалось и на немецкой стороне.

Козыря, дежуривший у пулемета, пристально всматривался и вслушивался в темноту, готовый в любую минуту нажать на спусковой рычаг и открыть огонь.

Темнота помогает на войне солдату. Можно подняться, сходить куда надо, поднести боеприпасы и все необходимое, убрать поле боя.

Вот уже и луна, большая и скорбная, повисла над горизонтом, и, кажется, оттого печален ее вид, что глядит она на изрытое воронками и окопами, обильно политое кровью поле, где убивали друг друга обезумевшие люди. Тихий, будто бы тоже печальный ветерок уносит с поля брани запах крови и гари, устоявшийся в ложбинках пороховой дымок. А наутро овевая свежим ветром земля опять задрожит от разрывов, снова затянется дымом и пылью, будет разрываться в клочья снарядами, прошиваться пулями.

Действительно, как только рассеялся туман и показался краешек солнца, озаряя розовым светом немецкую сторону, оттуда началась сильная артиллерийская стрельба. Она разбудила съезжившихся от утренней прохлады, измученных солдат. Страшный треск близких разрывов тяжелых снарядов оглушил пулеметчиков. Разрывы все учащались, земля гудела. Все ошалело повскакивали со своих мест. Дальше оставаться на этой позиции было невозможно, и взводный распорядился переползти вперед шагов на сто — двести — лучший способ уйти из зоны поражения.

Душенко и Ванюша двигали пулемет перед собой, переползая за ним на животах и прикрываясь от осколков пулеметным щитом. Нужно сказать, что щит пулемета выдерживает прямое попадание пуль на близком расстоянии и, конечно, служит до известной степени защитой для первого и второго номеров, больше, разумеется, для первого, который располагается всегда за самым центром щита.

Кстати, насчет этого самого щита много было толков среди пулеметчиков: некоторые даже предлагали бросить его — как-никак, а весит

он тридцать два фунта, почти пуд. Без него куда было бы легче переносить на руках да и передвигать на катках пулемет. И хоть эта обязанность лежала на первом и втором номерах, Душенко твердо считал, что щит — это чуть ли не главная часть пулемета, все равно как тело его, и бросать эту часть нельзя ни при каких обстоятельствах. Ванюша находил это решение абсолютно правильным, тем более что и наставление Березовского говорит: пулемет «максим» состоит из трех основных частей — тела пулемета в собранном виде, станка и щита... Так как же бросать щит!

Так рассуждали Душенко с Ванюшей. Но отнюдь не наставление удерживало пулеметчиков. Они понюхали пороху вдоволь и могли бы пренебречь буквой устава ради своей солдатской пользы. Но в щите-то и была их солдатская польза. Он ведь действительно прикрывал наводчика пулемета и его помощника от фронтального огня. Потому-то и таскали они его за собой. И то сказать: первый и второй номера — главные в расчете, их жизнь особенно дорога в бою. Поэтому остальные пулеметчики не роптали, а ползли по сторонам, буквально вдавливаясь в землю, чтобы спастись от осколков и пуль.

Митрофан Иванович полз посредине — между пулеметами и немного позади, как бы составляя вершину тупого угла. Ему надо было видеть оба пулемета и всех номеров, а их было негусто: в третьем пулемете всего четыре — Душенко, Гринько, Козыря и Анатолий, в четвертом тоже четыре — начальник пулемета, наводчик, помощник наводчика и третий номер. Девятым человеком во взводе был сам Митрофан Иванович — душа и стержень всего пулеметного взвода. Правда, было еще шесть человек во взводном тылу: четыре ездовых пулеметных и патронных двуколок и два человека — седьмые номера. Это — верховые, но их лошади использовались под патронные вьюки, а сами они смотрели и ухаживали за верховыми лошадьми начальников пулеметов, лошади которых также не застаивались без дела — шли под пулеметный вьюк. Эти же солдаты ухаживали за верховой лошадью взводного... Словом, еще шесть человек. Но все они не в счет, воюют они как бы наполовину и не так часто попадают в смертельный переплет.

Увидев глубокую воронку, Душенко с Ванюшей нырнули в нее. Впереди как нельзя кстати оказался густой, но уже побитый пулями и осколками снарядов куст ивняка.

— Вот тут и устроимся, — сказал Душенко.

С жутким завыванием, с громом и треском сзади легла очередь тяжелых снарядов. «Вот и ладно, что продвинулись малость вперед, вишь, и вышли из поражения, — подумал Ванюша. — Митрофан Иванович башковитый начальник, с ним не пропадем».

Близкие разрывы снарядов опять оглушили и осыпали землей Душенко и Ванюшу.

— Ничего, Ваня, не дрейфь, никогда второй раз снаряд не попадает в воронку, это уж ясно. Значит, у нас тут полная надежность, — приободрил сам себя и Ванюшу Душенко. И тут же распорядился: — Козыря, Толька! Вон правее воронка, занимайте, будьте как дома!

Душеико был наводчиком, начальником пулемета и имел право распоряжаться.

Жаль было Ковальчука — он вчера ткнулся замертво головой в землю, а ведь они с Душенко из одного села.

— Славная осталась молодлица и двое парнишек. Хлопчики оба в отца пошли, да уж очень малы — старшему три, а меньшему год, — сокрушался Душенко.

Свист и шипение пуль прервали эти раздумья вслух и заставили каждого сжаться, съежиться, чтобы казаться меньше и неприметней для врага. Артиллерия полка наконец отозвалась и стала нащупывать позиции германских пулеметов. Видимо, найдя их, повела огонь на поражение. Пулеметы немцев действительно притихли, но ружейный огонь усилился, и пули с разных направлений продолжали свистеть над головами пулеметчиков.

Вдали появились немецкие цепи, которые вели перебежки по отделениям. «Приготовиться к отражению атаки!» — прокатилась команда. Огонь немцев по цепям нашей пехоты не прекращался, но та уже успела основательно окопаться и мало обращала внимания на ружейную пальбу. Немцы это учли и усилили артиллерийский огонь. Бомбы гаубиц ложились одна за другой, поднимая клубы черной земли. Но это было не так страшно, как разрывы бризантных гранат на низкой высоте над землей — от них действительно спасения не было.

Ванюша при каждом новом разрыве только еще больше съеживался и сжимал крепче зубы, уже давно готовый к тому, что осколки прошьют его тело насквозь и на этом все кончится. Но к его удивлению, он оставался цел.

В цепи слышались стоны тяжелораненых, а легкораненые бегом старались уйти из этого кромешного ада, чтобы скорее попасть на перевязочный пункт. Но многие из них падали на землю и больше не поднимались.

Наступали критические минуты боя. Открыл огонь и Душенко. Ванюша еле успевал подавать новые ленты с патронами и просовывать наконечники в приемник. Немецкое «хох» и русское «ура» смешались, потом гул боя медленно покатился в тыл полка. Стало ясно, что наши не

выдержали и отошли. Митрофан Иванович быстро оценил обстановку и скомандовал:

— Третьему пулемету отойти за старые окопы, четвертому пулемету прикрыть огнем отход!

Душенко и Ванюша стали быстро отползать назад, напрягая все свои силы, их лица были сплошь залиты потом, смешавшимся с грязью. Им удалось укрыться в какой-то канаве и в свою очередь прикрыть отход четвертого пулемета. Последним отползал Митрофан Иванович.

Тяжелый бой складывался невыгодно для елисаветградцев. Пришлось вот так отползать не раз, и они очутились версты за две позади тех позиций, которые занимали утром. А немцы все наседали. Вот и младший унтер-офицер Моховой упал, подкошенный осколком: левую ногу у него как бритвой срезало выше колена. Мохового подхватил третий номер, выволок с поля боя в овражек, наложил жгут и остановил кровь. Унтер-офицер был молод, отличался недюжинной силой, он напрягся из последнего и пополз сам, не дожидаясь санитаров. Пулеметчики не могли ему помочь — тогда пришлось бы бросить либо пулемет, либо патроны с коробками принадлежностей, которых осталось всего три. Этого пулеметчики сделать не могли, сам Моховой не одобрил бы их поступка. Он уползал, култышка ноги не была завязана, из зияющей открытой раны сочилась кровь, оставляя влажный след; к ране прилипали комья земли, и она скоро стала темно-красным пятном с чуть светлеющей костью в центре. Моховой, весь бледный, с крупными каплями пота на лбу, продолжал ползти, но все медленнее и медленнее. Его заметили полковые музыканты и унесли на палатке. Мужайся, борись со смертью, унтер-офицер Моховой, может, удастся тебе вырваться из ее цепких лап...

Бой все кипит. В редкие минуты затишья пулеметчики стараются подальше оторваться от немцев, чтобы занять поудобнее позиции и точнее выпустить по противнику оставшиеся ленты. В них пятьсот патронов, и они еще могут нанести большие потери врагу, остановить его. Но вот и последние две ленты пулеметчики выпустили — около сотни немцев полегло. Атака захлебнулась, но если германцы начнут ее вновь, то их некому будет остановить, ленты у пулеметчиков пусты.

Митрофан Иванович послал Анатолия и Козырю за патронами, не очень, впрочем, веря в то, что они найдут пулеметные двуколки — такая неразбериха творилась вокруг. А пулемет молчал. Уже солдаты отдают свои последние патроны и помогают Ванюше набивать их в ленту; из пулемета они вернее поразят противника, чем из винтовки, к тому же руки вконец устали и дрожат от нечеловеческого напряжения.

Новый шквал огня, все окуталось дымом и пылью. Душенко заряжает пулемет, в нем патронов сорок — пятьдесят. Немцы видят, что пулемет молчит, и бегут прямо на него. В дыму сверкают их широкие штыки. Осталось каких-нибудь пятьдесят шагов. Тогда Душенко резанул их очередью прямо в упор, и они повалились на землю и больше не встали. А если кто и остался в живых, притворился убитым, чтобы не вызвать на себя новый смертельный шквал огня.

В это время стали появляться перекопцы. Они прямо с ходу вступали в бой. 253-й Перекопский пехотный полк, подошедший на поддержку елисаветградцам, не останавливаясь пошел в контратаку. Немцы сдали, начали пятиться, а затем в беспорядке отступили. Оба полка — вернее, остатки их — стали преследовать врага. На поле боя лежало много убитых русских и немецких солдат. Валялись окровавленные бинты, брошенные немецкие ранцы из коричневой конской кожи шерстью вверх, котелки и фляжки, которые с жадностью подхватывали наши солдаты в надежде найти в них хотя бы каплю влаги, чтобы смочить пересохшее горло.

В надвигавшихся сумерках подошли к позициям, которые занимали утром, но сильный шквал пулеметного огня противника остановил контратаку. Душенко и Ванюша быстро повернули пулемет, готовясь открыть огонь, но, увы, патронов не было. Перекопцы быстро собрали патроны у стрелков и стали помогать пулеметчикам набивать их в ленту. Через несколько минут одна лента была набита, можно стрелять. Но тут близкий разрыв бризантной гранаты накрыл осколками пулемет. Не успел еще дым рассеяться, как Ванюша услышал стоны Душенко.

— Что с вами? — испуганно спросил Ванюша.

— Ничего, Ванек, помоги вот только перевязать левую ногу...

Ран было несколько: в бедре осколок, два осколочка выше колена, насквозь пробита ступня. Митрофан Иванович и Ванюша общими усилиями перевязали раненого.

— Я останусь у пулемета, — тихо сказал Душенко, — одному Ванюше не справиться.

Митрофан Иванович посмотрел на наводчика с благодарностью:

— Спасибо, друг. Как подойдут Козыря с Толей, мы тебя отправим, а может, и санитары найдутся.

Началась частая ружейная стрельба. Немцы пошли в контратаку уже в густых сумерках. Душенко налег на затыльник и открыл огонь короткими очередями, разбрасывая их по атакующим группам немецкой пехоты. Это была последняя в тот день вспышка боя. Душенко и в этот раз показал свое незаурядное мастерство.

В наступившей темноте бой стал утихать. Ко всеобщему удивлению, через некоторое время подошли Козыря и Анатолий, навьюченные коробками с лентами. Они принесли по четыре коробки.

— Ура! — не сдержал своей радости Ванюша. — Восемь лент, две тысячи патронов! Ну, держитесь, проклятые пруссаки... Как вы нас нашли? — обратился он к Козыре и Анатолию.

— Известно как, — Козыря ответил таким тоном, что, мол, иначе и не могло быть, — по пулемету.

Вот как стрелял Душенко! Даже в такой сумятице можно было отличить ровный звук его «максима».

— Мы были уверены, что это наш пулемет... И вот... А что это с дядей Душенко, он стонет? — вдруг испуганно спросил Анатолий.

— Да, он ранен, — ответил Ванюша. — Тяжело...

Елисаветградцы получили приказ на отход, их сменяли перекопцы.

— Взвод, собирайся! — скомандовал Митрофан Иванович вполголоса, и эта команда тихо передавалась по цепи.

Разыскали музыканта-санитара с носилками. Осторожно уложили Душенко, и Митрофан Иванович с санитаром понесли его. За ними Ванюша покатил на катках пулемет, а Козыря и Толя шли навьюченные коробками с принадлежностью и лентами. Во втором пулеметном взводе осталось всего восемь человек, считая и самого взводного Шаповалова.

К середине ночи второй батальон с пулеметным взводом прошел версты четыре и расположился на отдых в каком-то овраге, поросшем небольшим кустарником. Другие батальоны полка только подходили: они несколько позже были выведены из боя. Утром второй батальон подняли по боевой тревоге, и он выступил через Краснополь, Сейны, Лодзее, Красна. «Солдатский вестник» сообщал, что где-то в районе Кальвария немцы вырезали два спящих батальона Коротохоятского полка и прорвали оборону, — вот и перебрасывают спешно елисаветградцев, чтобы как-нибудь задержать врага.

После тридцативерстного броска и короткого отдыха батальон во второй половине дня вступил в бой. Пулеметный взвод быстро снял пулеметы с двуколок и занял позиции несколько впереди Сибирской батареи мортирного дивизиона. Пулемет Ванюши (теперь он был наводчиком третьего пулемета; помощником наводчика состоял Козыря, а единственным подносчиком патронов — Анатолий) занял позицию на скате высоты, где

разбросила ветви большая груша. Быстро окопались и изготовились к открытию огня. Митрофан Иванович пошел с четвертым пулеметом на соседнюю высоту, а внизу, в небольшом поселке, устроился Мешков со своим патронным вьюком. Двуколки, выложив восемь коробок с патронами, отошли версты на две в тыл за небольшой лесок. Там главенствовал Аким Кагла.

Через некоторое время по высоте с раскидистой грушей немцы открыли сильный артиллерийский огонь, видимо заметив, как туда выдвигался пулемет. Вслед за этим из-за кустов показалась и рассыпалась по зеленому пшеничному полю густая вражеская цепь, за ней вторая, третья... Знакомая до дурноты картина...

Безотчетная ярость охватила Ванюшу. Вместе с тем рассудок его работал с поразительной ясностью. Сказывалась душенковская школа. Ванюша твердо знал, что от него зависит очень многое, и решил принять этот первый бой в роли наводчика так, как принял бы его сам Душенко.

Все время стоял перед ним образ опытного пулеметчика, и Гринько как бы но нему мерил свои мысли и поступки. «Нужно ближе подпустить, — подумал Ванюша, — патронов не так много, значит, надо бить наверняка».

До немцев осталось не более трехсот шагов. Ванюша точно навел пулемет и застрочил ровно, по-душенковски. Передняя цепь бросилась врассыпную, но далеко не ушла, немало немцев полегло. В то же время несколько немецких пулеметов открыли меткий огонь по высоте, и сразу же Козыря, схватившись за бок и волоча перебитую ногу, пополз за горку. Ванюшу спасал щит, о который с треском ударялись пули.

Анатолий, по знаку Ванюши, подполз к пулемету с двумя коробками патронов. Ванюша повел огонь короткими очередями, сдерживая немецкие цепи. Враг, очевидно, заметил Сибирскую батарею на позиции и, осыпая ее пулеметным огнем, заставил замолчать. Теперь немцы стремились захватить ее.

Немецкие цепи все ближе подходили к батарее. Ванюша видел это и разрезал их метким огнем: часть немцев упала, часть побежала назад, а кое-кто продолжал подбираться к орудиям. Вот уже завязалась рукопашная схватка сибиряков с немецкой пехотой. Что произошло дальше, Ванюша не успел понять, но только видел, что немцы побежали от батареи назад, и стал добивать их. В это время батарея открыла картечный огонь, и все впереди нее смешалось в дыму и пламени.

Лента кончилась и выпала из приемника. Ванюша повернул голову к Анатолию и к ужасу своему увидел, что у того из-под левого уха струится кровь. Анатолий бессильно лежал на земле, с запекшихся губ его слетало еле слышное:

— Мама... Мама...

Слепило солнце. Но у Ванюши потемнело в глазах. Что же теперь будет!

На высоту стали выбегать стрелки восьмой роты. Быстро окопались и открыли ружейный огонь.

У самой груши появился командир роты, прапорщик Васильев. К нему бросился Ванюша:

— Ваше благородие, прикажите передать в поселок седьмому номеру Мешкову, чтобы доставил патроны!

Прапорщик кивнул головой, и тут же двое солдат побежали в поселок. Через полчаса с этими солдатами появился Мешков. Они принесли шесть коробок с набитыми патронами лентами.

Ванюшей владело возбуждение боя. Он быстро перезарядил пулемет, но все же успел крикнуть Мешкову:

— Тащи Анатолия на перевязочный пункт. Его ранило в голову, но, может, спасут!

А сам снова приник к пулемету.

К командиру восьмой роты подбежал посыльный от сибиряков-артиллеристов и передал просьбу командира батареи сообщить, чей пулемет ведет огонь и кто наводчик. Прапорщик сообщил: третий пулемет пулеметной команды 256-го Елисаветградского полка, наводчик Иван Варварович Гринько. Посыльный все это записал и, пригнувшись, побежал на батарею.

С высоты было видно, как по обе стороны шоссе расчлняются в боевые порядки остальные батальоны 256-го полка, рассыпаются в цепи и наступают. Стало легче на сердце у Ванюши, хотя он приободрился еще тогда, когда появилась рядом с ним восьмая рота. Он знал, что рота эта боевая и что ее командир прапорщик Васильев храбрый офицер, часто водивший роту в атаку и никогда не покидавший солдат на унтер-офицеров.

Подошедшие цепи полка перекатились через высоту с грушей и двинулись вперед восстанавливать положение.

Вечером второй батальон был отведен в поселок — в резерв полка. Ванюша все время хлопотал около Анатолия, сам отвез его на полковой перевязочный пункт и все просил доктора помочь чем-нибудь. Так больно было смотреть в страдальческие глаза друга. Но доктор твердо сказал, что Анатолий не выживет. Так оно и случилось: через два часа Анатолий умер. У Ванюши ручьем брызнули слезы. И, как всегда в тяжелую минуту, рядом оказался Митрофан Иванович. Он не стал уговаривать Ванюшу, только обнял его за плечи — знал, что парнишке нужно самому справиться со своим горем.

Утром Анатолия похоронили на кладбище, тут же около шоссеной дороги. Ванюша поставил крест на могиле, прибил кусок жести с надписью: «Здесь покоится прах пулеметчика 256-го Елисаветградского пехотного полка Анатолия Кривенко из города Одессы. Март, 1915 год».

Тяжко было на душе у Ванюши. Все время им владело смутное чувство какой-то вины перед Анатолием. Ведь это он, Ванюша, уговаривал Анатолия остаться в полку, когда его хотели отправить домой.

И после, пройдя через тысячи смертей, Иван Гринько еще долго испытывал это чувство...

Дня через два положение Коротохоятского полка было восстановлено, и 256-й полк собрался для пополнения в районе леса Гуделишки. Пришло пополнение и пулеметчикам: второй взвод получил семь человек — четверо попали в подчинение Ванюши, а трое были назначены в расчет четвертого пулемета. Ванюша теперь окончательно утвердился наводчиком; помощником у него был вольноопределяющийся Генрих Шимановский. Начальников пулеметов не назначали — их обязанности выполняли наводчики. Взводным по-прежнему был Шаповалов.

Полк сменил сибирских стрелков в Августовских лесах и занял заблаговременно подготовленные оборонительные позиции в районе Жилины, что южнее озера Сервы. Окопы строились саперами и сделаны были на славу: глубокие, во весь рост, со ступенькой, покрыты козырьками, крутости одеты жердями. Саперы оборудовали к тому же хорошие блиндажи с перекрытием в два наката. Впереди был густой хвойный лес, но сектора обстрела расчистили, и это, в сочетании с полянами, давало видимость до восьмисот шагов. Перед окопами, в особенности перед пулеметными гнездами, было установлено проволочное ограждение в два кола.

Противник вел себя тихо, и только изредка где-нибудь слышался одинокий выстрел. Артиллерия с обеих сторон огня также не вела. Пулеметчики сидели в окопах и коротали дни в воспоминаниях и рассказах.

Геня (Генрих Шимановский) прямо-таки обворожил Ванюшу своими рассказами про звезды, про землю и солнце. Какое оно, оказывается, огромное, наше светило, и как далеко от земли — только подумать, почти сто пятьдесят миллионов верст! А ведь как печет летом. Как-то Геня повел разговор о том, что бога нет, его, мол, выдумали богатые люди и пугают им бедных людей, чтобы те покорно слушались богатеев. А то, дескать, бог накажет и на том свете обязательно в ад пошлет, отдаст в руки чертей. Все

было очень интересно. Но все же эти беседы вызывали в душе Ванюши сомнение — правду ли говорит Генрих? Рассказывает он складно, но шут его знает, верно ли! Геня был студентом, зачем-то пошел рядовым на войну, хотя отец его — полковник в отставке. Видимо, у молодого поляка заговорила горячая кровь и задиристая натура... И все же, несмотря ни на что, Ванюша здорово полюбил Геню и готов был за него в огонь и в воду.

Окопная жизнь и рассказы Гени делали свое. Откровенно говоря, война осточертела Ванюше. В минуты редкого затишья, прикорнув у стенки окопа, он долго и напряженно думал над смыслом происходящих событий. Вспоминался ему раненный в японскую войну солдат, дядя Петя, с которым подружился в сутискинской больнице, вспоминались его крамольные речи... Постепенно война оборачивалась своей страшной стороной, своей жестокостью, а главное, несправедливостью. Ну, в самом деле, какой прок ему, Ванюше, от этой войны?

Но это были только робкие проблески сознания. Многого, очень много Ванюша не понимал, и теперь под впечатлением бесед с Геней думал, думал... Он был солдат, и ему казалось, что отступить от присяги царю и отечеству — самый тяжкий грех, позор. С другой стороны, слова бывшего студента бередили душу. Хоть бы ранило, что ли! Десятый месяц воюет Ванюша, скольких перебило, перекалечило, а его никакой черт не берет, — видно, пуля такая еще не отлита.

Как-то вызвали Ванюшу в штаб полка. Там уже собралось человек тридцать, вызванных из всех рот. Приказали построиться. Вынесли знамя, вышел командир полка полковник Мартынов, зачитал Указ его императорского величества о награждении отличившихся в боях. Адьютант полка стал называть фамилии, а командир полка прикалывал к гимнастеркам солдат Георгиевские кресты и медали.

— Рядовой пулеметной команды Иван Гринько, — зачитал адъютант, — награждается Георгиевским крестом четвертой степени и производится в ефрейторы.

Командир полка приколот Ванюше на грудь беленький крест. Ванюша так и обомлел. Весь зарделся от стеснения и радости, хрипло крикнул в ответ на поздравление:

— Покорнейше благодарю, ваше высокоблагородие!

Процесс награждения окончился. Солдаты прошли церемониальным маршем перед знаменем, их распустили по ротам. Ванюша вместе с другими пулеметчиками, тоже получившими награды, шел во взвод и нет-нет, да поглядывал на крестик. Сердце обволакивало каким-то теплом, и Ванюша невольно поднимал выше голову.

Встретили во взводе Ванюшу с радостью, горячо поздравили с первой наградой. Митрофан Иванович даже крепко поцеловал его три раза, по русскому обычаю, и тихонько добавил:

— Это тебя, Ванюша, представил к награде тот командир батареи, которую ты помог отстоять. А у нашего начальника команды ты не в милости. Так-то, сынок.

Ванюша теперь уже хорошенько рассмотрел серебряный крест, но все никак не мог успокоиться, ночь напролет пролежал на душистой хвое, а заснуть не смог. Через неделю все улеглось, стало на свое место, и жизнь Ванюши потекла прежним порядком.

Простояли в Августовских лесах больше месяца. Все было тихо, потом ни с того ни с сего приказ — отступить. Полк оставил позиции и стал отходить. Второй батальон шел в арьергарде. Первое время немцы не особенно настойчиво напирали, а когда русские вышли из лесов, то здорово насели. Особенно они теснили 253-й Перекопский полк, и командование, чтобы помочь оторваться от противника, бросило ему на помощь второй батальон елисаветградцев. Ночью батальон прикрыл отходящих и занял позицию среди чистого поля.

С утра немцы пошли в наступление. Елисаветградцы, выполняя свою задачу, стали скачками, поротно, отходить. Больше всего доставалось пулеметчикам (немцы всячески старались уничтожить «ужасные русские пулеметы», как они их называли). Ванюша с Генрихом совсем измотались, им трудно было тащить за собой на лямках тяжелый «максим». Особенно жутко стало, когда немцы выпустили для преследования свою кавалерию. Разве от нее уйдешь! Как ни спешили пулеметчики, а гусары в своих высоких черных шапках все же их настигали.

Бежать дальше не было сил, а до леса еще больше версты. Пришлось остановиться и изготовить пулемет для стрельбы. Вот уже до скачущих немцев шагов триста; видно, как в лучах заходящего солнца сверкают их клинки. Восьмая рота во главе с командиром (теперь уже подпоручиком) Васильевым тоже остановилась для залпового огня. Ванюша резанул длинной очередь по кавалерии. Кони стали валиться, кувыркаясь, падали на землю всадники. Раздались частые залпы восьмой роты. Часть гусаров бросилась назад. Воспользовавшись этим, Ванюша с Генрихом подхватили на лямки свой пулемет и пустились бегом к лесу, чтобы уйти подальше, пока враг опомнится и опять пустится в преследование. А пулемет переворачивается на неровностях и задерживает, не дает быстро бежать...

— Ваше благородие, прикажите стрелкам помочь нам, мы из сил выбились, — взмолился Ванюша, обратившись к подпоручику Васильеву.

Подпоручик улыбнулся Ванюше — видно, все еще помнил недавний бой, Ванюшину помощь — и крикнул солдатам:

— Братцы! Надо помочь пулеметчикам.

Стрелки подхватили пулемет. Ванюше стало совсем легко. Ему показалось, что он теперь добежит до леса не останавливаясь, а там... Там не страшно, в лесу кавалерия ничего не сделает, а пехота не догонит. Но кавалеристы перестроились и снова быстро приближались к елисаветградцам. Опять пришлось остановиться, повернуть и установить пулемет. Патронов — всего одна лента, подносчики с остальными двумя коробками куда-то запропастились. А тут еще Генрих подал ленту в приемник неправильно и произошел перекок патрона. Пока Ванюша трясущимися руками устранял перекок, немецкие кавалеристы очутились совсем рядом — вот-вот налетят на пулеметчиков и изрубят в куски. Кое-где они уже настигли пехоту и заработали клинками.

Ванюша наконец устранил задержку и зарядил пулемет. Немецкие кавалеристы были в какой-нибудь сотне шагов. Слышался натужный храп коней. И тут застучал пулемет. Немцы бросились врассыпную, оставив на месте немало убитых. Ванюша перенес огонь на отступающих.

Но лента кончилась. Патронов больше не было. Ванюша и Генрих впясть пустились во весь дух к лесу. Пулемет кувыркался, переворачивался, не давая быстро бежать. До леса уже рукой подать, так и манит его темная стена, а тут неизвестно откуда взявшийся гусар уже настигает Ванюшу и заносит саблю над его головой. Но что это? Сухой треск револьверного выстрела — и всадник падает с седла. Только теперь Ванюша увидел рядом с собой подпоручика Васильева с наганом в руке. Вот кто его спаситель! Волна еще более теплого чувства охватила Ванюшу. Но он только и смог сказать:

— Ваше благородие, спасибо. Вы спасли меня от смерти.

— Э-э, братец, ты меня первым спас. Да не только меня, всю батарею.

— И, будто спохватившись, добавил: — Ну, а теперь быстрее в лес.

Только пулеметчики вбежали на опушку, глядь, а у пня весь в крови лежит подносчик патронов с двумя полными коробками. Ванюша опять к подпоручику:

— У нас подносчика убило... А без патронов мы как без рук!

Васильев схватил сам эти две коробки и побежал вместе с Ванюшей и Генрихом в глубь леса.

— Спасены! — произнес он, когда стрельба сзади стала утихать. Густые сумерки ложились на лес. Вокруг своего командира стали собираться стрелки восьмой роты. Их набралось до полусотни. Все чувствовали невероятную усталость. Насквозь промокшие гимнастерки

прилипали к спинам, скатки казались чугунными, и требовалось большое усилие воли, чтобы их не бросить. А надо было идти дальше.

Подшли к железнодорожной будке. Тут должен был ждать пулеметчиков Аким Кагла со своими двуколками, но его не оказалось на месте.

Все остановились, еле переводя дух. Подшли пятая рота и четвертый пулемет вместе с Митрофаном Ивановичем. Через некоторое время показались и остальные роты второго батальона с командиром капитаном Шеловиным. Собрав солдат, он приказал отходить по полотну железной дороги, соблюдая тишину.

Очень неудобно идти впотьмах по шпалам. Балласт между ними не насыпан, дорога, видно, проложена только для вывозки леса. Но вправо или влево не сойдешь — насыпь идет по болоту. Пришлось пулемет разобрать для переноски на руках. Ванюша взял на плечо тело пулемета, а Шимановский — станок и щит (тоже нелегко!). Митрофан Иванович, хотя больше внимания уделял четвертому пулемету (там наводчик был из молодых), все же нес тело пулемета попеременно с Ванюшей. Так и шли в темноте, ежеминутно спотыкаясь о шпалы.

Пулеметчики были злы на ездовых двуколок, особенно на Акима Каглу, он был за старшего над двуколками второго взвода. Наверное, драпанул с перепугу.

— А может быть, и указание получили от фельдфебеля команды, — проговорил как бы про себя Митрофан Иванович.

Шли так всю ночь, наверное, добрых двадцать с лишним верст. Наконец на рассвете выбрались из болот. Теперь можно было идти по проселочной дороге рядом с железнодорожным полотном. Как сразу всем стало легче! Но не надолго, опять проклятый приемник «максима» резал плечо и шею Ванюше, а рассчитывать на помощь Шаповалова теперь не приходилось, он и так нес тело пулемета большую часть пути.

Показался разъезд. Там пулеметчики увидели кухни и двуколки пулеметной команды во главе с фельдфебелем. Как и предполагал взводный, ездовые были отведены от железнодорожной будки по команде фельдфебеля, и теперь у разъезда собрался весь обоз первого разряда полка. Дойдя до разъезда, пулеметчики буквально попадали на землю от усталости. Ведь им не то что пехотинцам! Те идут с одними винтовками да с вещевыми мешками, а пулеметчик тащит на себе пулемет или станок со щитом. Шимановский совсем изнемог и прямо упал на землю возле двуколки. Понятное дело: совершить такой бросок — это не в полковничьей пролетке ездить в гимназию!

Ездовые, как бы чувствуя свою вину за то, что не дождались пулеметчиков в условленном месте, ухаживали за ними, как няньки за детьми: принесли воды для умывания, расставили котелки, наполненные горячей, дымящейся вермишелью с консервами, нарезали хлеб и разложили на чистом полотенце. «Прямо садись и ешь вволю, как господ офицеры», — подумал Ванюша, поглядывая на Акима Каглу уже без всякой обиды. Сытно поели, всех разморило и потянуло ко сну. Сразу и заснули. Дежурство несли ездовые и фельдфебель. Расхаживая между двуколками, он инструктировал артельщика, поваров и писаря.

Лошади, как и люди, были измотаны и тоже свалились около коновязи. Стояли только офицерские верховые и пара Акима Каглы. Он им не давал покоя, переходил от одной к другой, растирал соломенными жгутами и чистил щетками. «Скотина, она тоже любит чистоту», — как бы оправдываясь, бормотал себе под нос Аким. Потом он старательно почистил станок к пулемету, а седьмой номер Мешков, который виноват был больше всех, вымыл щит. Действительно, мог же Мешков остаться у железнодорожной будки с верховыми лошадьми под выюк пулемета! Тогда бы никто и в ус не дул, шли бы себе пулеметчики возле выюков легко и свободно.

Мешков даже портянки постирал для Ванюши, Шимановского, Митрофана Ивановича и повесил сушить на солнышке — все легче в походе будет. «Это все-таки наши «старики», они с самого начала войны маются, — рассуждал про себя Мешков, — а остальные из пополнения, пускай сами стирают. Правда, Генрих тоже из пополнения, но он «башковитый», «грамотей». Так здорово и так складно обо всем рассказывает, что потом сам начинаешь над многим задумываться». Поэтому Мешков решил, что и Шимановскому будет не грех пособить в походе. Ведь как хорошо завернуть ногу в чистую свежую портянку! Тогда солдат не идет, а прямо-таки летит на своих двоих.

Вечером, после ужина, полк продолжал отступление. «Солдатский вестник» утверждал, что надо за ночь верст сорок отмахать, а то немец отрежет. Вон уже и крепость Ковно он взял, не удержали наши. Говорили, что генерал Ренненкампф нарочно оставил крепость без снарядов и гарнизона, вот и поминай как звать ее. «Солдатский вестник» всегда правду говорит. Что бы там начальство ни придумывало для оправдания, а солдат свое мнение имеет.

Выбиваясь из сил, за ночь прошли сорок верст. Но положение не изменилось. Солдаты поговаривали, что немцы продолжают обходить наши войска. Мы, мол, по фронту идем, а они наперерез. И правда, артиллерийская канонада гремела в той стороне, куда отходил полк.

Так отступали неделю, другую. Пулеметчикам теперь было легче, чем пехоте: они шли себе налегке возле двуколок, только с одними карабинами за спиной. Ванюша даже ехал верхом на лошади начальника пулемета, ведь он в бою выполнял его обязанности. Но Ванюша жалел Генриха и почти половину дороги давал ему ехать на своем коне. Как-никак, а все-таки — второй номер, да и уважал его Ванюша: тянет солдатскую ляжку, несмотря на то что полковничий сын. Остальные номера пулемета изредка чередовались с верховыми и с седьмым номером Мешковым, хотя он не особенно их этим баловал, держался начальственно, как и подобает старому вояке по отношению к новобранцам, еще мало нюхавшим пороху.

Так мотался 256-й полк из стороны в сторону, то брал южнее, то опять поднимался куда-то на север. В конце концов совсем все перепуталось. Теперь уже ничего нельзя было понять, а по «Солдатскому вестнику» получалось, что немецкая кавалерия где-то гуляет по нашим тылам. Значит, надо держаться плотнее, не то «черные гусары» дадут духу. Господа офицеры тоже пользовались сведениями «Солдатского вестника», их денщики уверяли своих дружков в ротах: командиры считают, мол, что немецкое начальство куда умнее ведет войну, раз немецкая кавалерия воюет у нас в тылу.

В один из жарких августовских дней 256-й полк остановился и занял оборону по берегу какой-то небольшой речки. Очень трудно было хорошо окопаться: грунт сыпучий, как ни старались, а песок опять все засыпал. Так и оставили это напрасное занятие, надеясь, что скоро начнется отход. Ведь так бывало не раз: начальство утверждает, что отступать больше не будем, а смотришь — к вечеру опять попятиться.

Пулеметчики нашли какие-то сараи у лесничества. На свой страх и риск разобрали их, досками укрепили крутости в окопах, сделали хорошие пулеметные площадки, правда открытые. Болтушкой из глины вымазали щит и кожух пулемета и, пока они были сырые, обсыпали их, как пудрой, мелким песком — маскировка получилась на славу. Площадки утыкали маленькими елочками, и заметить их с немецкой стороны было трудно.

Все бы ничего, но почти неделю не было подвоза продуктов из тыла. У солдат оставался только носимый неприкосновенный запас — мешочек сухарей, банка мясных консервов, немного сахара, щепотка чаю и чуточку соли, но его приказали не трогать без особого на то разрешения.

Как-то Ванюша и Генрих недалеко от лесничества встретили теленка.

— Давай пристрелим его, пусть взвод поужинает, — предложил Шимановский.

Ванюша немного подумал. Все же он начальство, ефрейтор. Но, посмотрев по сторонам, сказал:

— Вали, Геня! Стреляй, только поточнее.

А теленок доверчиво уставился на них своими большими глазами, ожидая, по-видимому, кусочка хлеба с солью. Генрих дослал патрон в патронник своего карабина и в упор выстрелил теленку прямо в беленькую звездочку, украшавшую его чистенькую коричневую голову. Теленок вздрогнул, из головы брызнула кровь, но он продолжал стоять на своих широко расставленных ногах. Шимановский выстрелил еще раз, теленок продолжал стоять с открытыми глазами. У Ванюши сердце екнуло, и он подумал: «Ну, так и есть, бог наказал за богохульство». У Шимановского выступил пот на лбу, он тоже растерялся. Но Ванюша-то знал убойную силу пули и не мог допустить мысли, чтобы животное устояло против нее. Он подошел, преодолевая растерянность, и толкнул теленка ногой. Теленок сразу упал и больше не шевелился. Ванюша с Генрихом унесли его в заросли молодых сосенок и там освеживали.

Мешков и Аким Кагла приготовили чудесный мясной суп, пулеметный взвод на славу поужинал и даже угостил стрелков из соседнего отделения пехоты. Никто не спрашивал, откуда появилось мясо, да еще такое вкусное и нежное, важно было поесть досыта после нескольких дней жизни впроголодь. Но Ванюшу мучило воспоминание о теленке. Он его даже во сне увидел: теленок стоял перед ним, и из глаз его, добрых и доверчивых, катились крупные, как сливы, слезы...

Ваня сразу проснулся, долго смотрел в звездное небо и все думал об этом непонятном происшествии. «Почему теленок не упал сразу от первой пули?» На душе у Ванюши скребли кошки, какое-то нехорошее предчувствие овладело им. Ему вспомнилось, как в Одессе, в цирке на Куликовском поле, полиция и солдаты убивали слона Ямбо. Слон перестал слушаться дрессировщика. Решили, что он взбесился. Вот его и расстреливали, поставив позади клетки броневые плиты для перехвата пуль. Много пуль выпустили в слона, а он стоит себе и стоит и даже хоботом помахивает, и только когда солдат выстрелил ему в колено, слон упал. Одесситы поговаривали, что понадобилось якобы шестьсот пуль, чтобы свалить этого гиганта. «Ну, то ведь слон был, а тут маленький теленочек», — думал Ванюша. Навязчивая мысль о том, что произошло около лесничества, долго преследовала его. Но он об этом никому не говорил, даже Генриху, тем более тот сам об этом не вспоминал. Больше того, заметно было, что он и не хочет вспоминать... Очевидно, Шимановский тоже мучился в душе.

К правому флангу полка подошел и встал где-то сзади корпусной 8-й Донской отдельный казачий полк. Казаки — все, как один, бородачи, с длинными пиками и с красными, похожими на генеральские, лампасами. Утром они рассыпались по полю и пошли лавой против немецких драгун, появившихся из-за небольшого леска на берегу речки. Драгуны не выдержали и поскакали назад. Их, для видимости больше, казаки преследовали, а потом вернулись под командой своих лихих сотников и есаулов на измученных и мокрых конях. Попробуй поскачи по сыпучему песку!

Вскоре германская артиллерия начала нащупывать наши позиции, ведя пристрелочный огонь по окопам. Артиллерия 256-го полка молчала. Артиллерийские наблюдатели, выдвинутые в окопы, сообщали, что они не видят целей, а так как снарядов на батарее было очень мало, то решили без толку не стрелять. По другую сторону речки появилась немецкая пехота и стала постреливать из винтовок и пулеметов. Елисаветградцы огня не открывали: нечего, мол, себя обнаруживать. Близко подходивших вражеских разведчиков отгоняли наши разведчики, выдвинутые вперед на временные позиции. Им удалось даже захватить пленных. Пленные говорили, будто бы подошла свежая немецкая дивизия, сформированная из студентов-добровольцев, что скоро она перейдет в наступление и покажет русским их «кузькину мать».

Действительно, на другой день на рассвете немцы внезапно открыли артиллерийский огонь и перешли в атаку. Весь день кипел бой. Елисаветградцы отбивали атаку за атакой. Но добровольческой дивизии германцев так и не удалось сбить с позиции 256-й полк. Пулеметчики каждый раз подпускали на близкое расстояние противника и срезали его своим убийственным огнем — пулемет «максим» страшная машина в умелых руках!

Осеклись германцы и двое суток вели себя спокойно. Убитые немцы лежали перед русскими окопами, и такой тяжелый трупный запах пошел от них, что не было никакого терпения. Да и ветерок еще тянул на нас. Немцы тоже страдали от вони, исходящей от распухших на жаре почерневших трупов, и стали прямо днем подбирать убитых. Наши им не мешали. Солдаты между собой договорились не стрелять — пусть подбирают убитых и хоронят, все вони не будет.

— Не то Бисмарк, не то Фридрих II сказал, что труп врага хорошо пахнет, но я в этом сомневаюсь, — засмеялся Генрих.

И стал Шимановский рассказывать пулеметчикам и случившимся тут пехотинцам, как живут и управляют цари, как против них происходят восстания, революции.

— Вот, к примеру, Франция, — воодушевляясь, говорил Геня. — Там нет короля, по нашему — царя. И ничего, народ живет куда лучше, чем мы живем.

— Ну, то ж французы, — вмешался Митрофан Иванович. — Они народ образованный, не потерпят несправедливости, а наш народ забитый, неграмотный, богобоязненный — вот и терпит все.

— Это правда, Митрофан Иванович, — согласился Генрих. — Но вот если взять Германию, у них есть свой царь Вильгельм II, «дружок» нашего царя Николая II. А ведь и немцы куда лучше живут, чем русские. Даже мы, поляки, и то хуже живем, чем немцы, хотя мы образованная и культурная нация...

— Ну, положим, это не совсем так, — перебил его Митрофан Иванович. — Был у нас пулеметчик Казимир Козыря, поляк, а сказать, чтобы он был образованный или там культурный, как ты выражаешься, нельзя. Такой же забитый и неграмотный, как и мы. Так что тут дело не в культуре. Все мы — украинцы, русские и поляки — одинаково страдаем, делиться нам не к чему.

— Правильно, Митрофан Иванович, делиться нам не к чему, но все же образование и культура имеют значение для прогресса нации, — разгорячился Генрих.

— Может, и так, да не об этом разговор, — сказал Шаповалов. — Надо сперва немцев разбить, а потом будем наводить порядки у себя дома.

— Это так говорят оборонцы, у немцев социалисты-шовинисты, а у нас даже социалисты-революционеры, — не унимался Генрих. — А вот есть социал-демократическая рабочая партия, так та призывает народ против войны, за превращение войны в гражданскую.

— Ну, а ты чего ж пошел на войну, раз тебя призывают против войны?

В это время со страшным грохотом разорвались рядом немецкие тяжелые снаряды, и вверх полетели доски, песок и глина. Попало прямо по окопам. Артиллерийская стрельба усилилась, затем застрочили немецкие пулеметы, и противник пошел в атаку. Все смешалось и покрылось дымом от разрывов. Ванюша тоже открыл огонь, хотя впереди ничего не видел. Немцы ворвались в окопы и стали забрасывать русских ручными гранатами. Наша пехота отступила.

— На запасную! — крикнул Шаповалов пулеметчикам.

Легко было скомандовать, но очень трудно исполнить. Прекратив огонь, Ванюша вместе с Генрихом схватили пулемет и побежали в тыл, осыпаемые пулями и осколками немецких гранат.

Наша артиллерия открыла огонь по своим окопам, уже занятым противником. Немцы заметались. Это замешательство помогло пулеметчикам добежать до запасной линии окопов. Там располагалась

резервная восьмая рота. Как только пулеметчики вскочили в окопы, восьмая рота ударила по противнику дружными залпами и отбила атаку. В этот день удалось удержать вторую линию окопов.

Ночь прошла напряженно. Обе стороны подтягивали резервы, а утром немцы опять начали атаки, поддержанные сильным огнем артиллерии. Опять с остервенением пошли вперед немецкие добровольцы. С не меньшей злостью отражал вражеские атаки 256-й Елисаветградский полк, хотя держал оборону против целой дивизии. Атаки противника отбивались главным образом огнем с места. Однако во второй половине дня немцы устроили сущий ад и выбили полк с позиций второй линии. Третья линия не была подготовлена, пришлось обеим сторонам вести тяжелый огневой бой прямо на песке. У немцев было численное превосходство, да и упорства, настойчивости у них было больше. 256-й полк сдавал одну позицию за другой. Потери были огромны, впрочем, у врага их было еще больше: ведь немцы наступали, шли напролом под ружейным и пулеметным огнем. Наша артиллерия редко вступала в бой, у нее не было снарядов.

Пришло известие, что из Эйшишки выступил на поддержку 256-му полку дивизионный резерв — батальон 254-го Николаевского полка.

— Держитесь, братцы! — передавали по цепи призыв командира полка полковника Мартынова.

Нужно сказать, что эти слова не оставались без ответа. Командира полка солдаты любили. Любили за его человечность, справедливость. Он не отдавал солдат под суд, если даже это и надо было сделать. Плетью «опояшет» несколько раз, на том дело и кончится. Солдаты отлично знали, что такое суд на фронте — у всех слово «суд» ассоциировалось со словом «смерть». Несколько ударов плетью — это больно, но не столько физически, сколько морально. Человек надолго запоминает свой позор и старается искупить его, но это все-таки жизнь, а уж если умереть доведется, так в честном бою. Поэтому и сходили с рук полковнику Мартынову его назидательные уроки — другому бы несдобровать. К тому же и подход к солдату имел полковник: встретит, поговорит ласково, спросит о семье... Заботился, чтобы кормили солдат хорошо, чтобы помыли вовремя, дали отдохнуть и, что самое главное — строго-настрога запрещал мордобой в полку. Да и солдаты ему в этом помогали. Попробуй кто из офицеров ударь солдата, через день уже нет того мордобойца: «шальная» пуля унесла его «в мир иной». Это твердо усвоили господа офицеры, и о рукоприкладстве в полку не было слышно.

В необходимом месте и в необходимое время полковник Мартынов появлялся на белом коне в боевых порядках полка. Его седая развевающаяся

борода была далеко видна. «Смотрите, смотрите, поскакал наш полковой командир! Ну, вылитый Скобелев!» — восхищались им солдаты.

Так и на этот раз. Кто-то увидел, как он проскакал на белом коне к батальону, что шел на помощь 256-му полку. И этого было достаточно, чтобы в солдатах возродился боевой дух. Бой разгорелся с новой силой. Ружейная трескотня и пулеметные очереди смешались в один нескончаемый шум. Слух о том, что полковой командир самолично ведет на поддержку николаевцев, утраивал силы солдат. А упорство на войне — великая вещь!

Наконец батальон достиг позиций полка, и елисаветградцы вместе с николаевцами перешли в контратаку. Пулеметчики старательно поддерживали свою пехоту. Ванюша непрерывно вел огонь по немецким боевым порядкам; ползком, а где и короткими перебежками выдвигался с пулеметом вперед. Немцы выследили его, сосредоточили на нем огонь по меньшей мере трех своих пулеметов. Звук их стрельбы несколько напоминал «таканье» уток, огонь был более редким, чем у нашего «максима». Но и под этим огнем гибло немало русских пехотинцев и пулеметчиков.

Ванюша старался подавить немецкие пулеметы — он их ясно видел. «Вот бы наша артиллерия накрыла гадов», — пронеслось у него в голове. Но артиллерия упорно молчала. «Нет больше снарядов, не то что подвоза нет, а вообще нет снарядов — все уже выстрелили», — сообщал «Солдатский вестник».

Это было похоже на правду. Артиллеристы всегда ощущали нехватку снарядов. Заготовили их мало, считали, что, если иметь по тысяче выстрелов на орудие, хватит на всю войну с избытком, но вот прошел год войны — а снарядов уже нет.

— Да как же могли просчитаться генералы, ведь это меньше чем по три снаряда в день на орудие, если взять все на круг! — возмущались солдаты.

— Ничего, — успокаивали их офицеры, — скоро нам французы снарядов подбросят, вот тогда и начнем колотить немцев почем зря.

— Поколотишь их! А они нас, ваше благородие, не перебьют, пока мы от французов подмоги ждем?..

В разговор вмешался Генрих Шимановский.

— Начальство рассчитывало, что война скоро окончится. Считать-то считай, да не плошай. Немцы вот тоже рассчитывали закончить войну в три месяца, да сорвалось...

Теперь Ванюша на собственной шкуре испытывал плоды арифметических просчетов русских генералов. Батарейцы молчали. А немецкие пулеметы «такали» совершенно безнаказанно. Студенты-

добровольцы шли смело, почти без маскировки, даже бравировали под огнем, расплачиваясь, впрочем, за это тяжелыми потерями.

Ванюша старался поточней нащупать немецкие пулеметы короткими очередями. Вот одна очередь легла выше — перелет, другая дала недолет, значит, можно переходить на поражение. Но тут, как на грех, кончилась лента. Немецкие пулеметы воспользовались этой заминкой и открыли шквальный огонь. Ванюша видел, как ложились немецкие пули, поднимая фонтанчики песка. Эти фонтанчики приближались к пулемету, еще миг — и Ванюша с Генрихом будут буквально перерезаны пополам. Ванюша даже глаза закрыл, съежился... Но что это? Стрельба прекратилась в тот самый миг, когда пули ложились всего в двух-трех шагах от пулемета. Раздалась новая очередь — пули вздыбили песок перед пулеметом. Потом очередь легла позади пулемета, потом слева, потом — справа. «Эх вы, пулеметчики!» — злорадно подумал Ванюша.

Тем временем Генрих, с перекошенным ртом, с забитыми песком зубами, подал трясущимися руками ленту в приемник, и Ванюша открыл огонь по немецким пулеметам всей лентой с небольшим рассеиванием. Немцы замолчали. Ванюша посмотрел на прицел, поправляя наводку, на стойке барабанчик показывал цифру «16», — значит, расстояние тысяча шестьсот шагов.

«Вот почему немецкие пули ложились так отвесно», — понял Ванюша. Надо уходить из поля поражения. Подхватив пулемет, он и Генрих понеслись во всю прыть вперед. Остановились шагов через сто — сто двадцать и заняли в сосновых посадках новую позицию.

На правом фланге снова появилась немецкая кавалерия. В дело вступили казаки. На этот раз они ринулись на немцев полным наметом и настигли-таки повернувших назад вражеских драгун, покололи их пиками как следует. Правда, не нанизывали их по нескольку на пику, как Кузьма Крючков на папиросных этикетках, но все же покололи, и из седел их пиками вынули немало. Пехотинцы были очень довольны успехом казаков и уже больше не посмеивались над бородачами, как раньше. Бывало, кричали им:

— Эй, вы, снохачи, за курами поскакали да молочко попивать из-под коров!

— Ну, ты, не пыли, пехтура вонючая! — огрызались казаки.

Бой кончился поздно вечером. Подошли остальные батальоны николаевцев и сменили сильно поредевший 256-й полк. Отойдя в лес за Эйшишки, елисаветградцы подсчитывали потери. На другой день отслужили благодарственный молебен, а затем весь полк отправился к подготовленным братским могилам. Глубокие ямы были вырыты в ряд, на

батальон одна могила, а пятая яма, немного поменьше, — для пулеметной команды, команды связи и других полковых специальных подразделений. Убитых укладывали в один ряд поперек ямы, потом перекладывали хвоей и укладывали второй, а затем и третий ряды. Потом трупы плотно закрыли хвоей и засыпали песком. Полковой священник прочитал молитву, а несколько солдат, составлявших хор, пропели «Святой боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас». Все солдаты и офицеры полка во главе с полковым командиром стояли с обнаженными головами.

Полк похоронил более трехсот пятидесяти павших в бою. Одна пулеметная команда из своего небольшого состава потеряла шестнадцать человек убитыми, кроме того, двадцать три пулеметчика были ранены — это добрая половина команды, а всего полк потерял ранеными больше тысячи человек. Таких потерь не помнили со времени боев под Красным Багно осенью 1914 года.

Все были удручены этими событиями и в последующие дни молчаливо продолжали отступление, отходя все дальше на север. А немцы продолжали охватывать своими войсками отходящие колонны русских.

Отступали весь сентябрь. Сначала шли по направлению на Тургели, потом на Ошмяны, на Крево.

Затем 64-я дивизия получила пополнение и пошла в наступление на Сморгонь. От Заскевичей наступала на Сморгонь гвардейская дивизия. Когда впоследствии елисаветградцам пришлось сменять под Сморгонью лейб-гвардии Преображенский полк, то с преображенцами им удалось познакомиться поближе. Гвардейцы были все как на подбор, чуть ли не вдвое выше ростом, чем елисаветградцы, — приходилось смотреть на них как-то снизу. Наступление удалось и не удалось. Во всяком случае, юго-западная окраина Сморгони была захвачена русскими, а часть города, расположенную по северному берегу небольшой речушки, занимали немцы.

На южной окраине, недалеко от железнодорожной станции, были расположены винокуренный и пивоваренный заводы. В емкостях винокуренного завода было еще немного спирта — примерно до аршина глубиной. В этом спирте уже плавало несколько немцев и русских, они свалились туда в разное время, пытаясь достать желанной влаги, и вот теперь плавали, как лягушки, заспиртованные в банках. Но это никого не пугало, солдаты опускали на веревках котелки, черпали спирт, и около емкостей царило пьяное оживление. Кое-кто в свою очередь сваливался на

дно хранилища, пополняя ряды погибших от коварного Бахуса. Начальство пыталось пресечь этот разгул, но выставленные для охраны часовые сами напивались, и виночерпие продолжалось. Появился спирт и у пулеметчиков, они лакомились им перед ужином. Правда, Ванюша, Генрих и Митрофан Иванович не пили. Ванюша по своей молодости, а Шимановский и Митрофан Иванович брезговали.

С наступлением произошла заминка, поэтому обе стороны начали усердно окапываться и перешли к обороне. У немцев появились меткие стрелки, которые «ловили» головы русских солдат не только над окопами, но даже в бойницах, и неосторожные падали на дно окопа с простреленными лбами. Пулеметчики выслеживали немецких снайперов, поднимая над окопами папахи на палках или выставляя их в бойницах, — папахи сразу обстреливались. Высмотрев, откуда стреляют, пулеметчики снимали немцев короткими очередями. Так развлекались помаленьку солдаты в окопах, пока не пришло указание подготовиться к наступлению, с тем чтобы отрезать Сморгонь с запада и наступать на Солы.

Немцы занимали окраину леса, а окопы русских располагались в кустарнике у оврага. Между ними было ровное поле, хорошо простреливаемое обеими сторонами и плохо приспособленное для наступления. Правда, на поле оставался неубранный горох, и тут можно было укрыться, но такое ненадежное укрытие, конечно, от пуль не спасет... Рассчитывать, что оборону немцев подавит артиллерия, не приходилось, потому что снарядов она по-прежнему не имела. Значит, надо было надеяться на свои силы. Матушка-пехота будет своей грудью прокладывать себе дорогу.

Рано утром началось наступление. Едва удалось продвинуться до середины поля, как атака захлебнулась. Сильный пулеметный и артиллерийский огонь немцев парализовал всякое продвижение, и русские стали усиленно окапываться, а на открытых местах лежали, не шевелясь, чтобы не вызывать на себя огонь.

Ванюша впоследствии вспоминал: шевелился он или нет? Может быть, кто-то рядом пошевелился? Он не помнил, как это было, но над гороховым полем, над тем местом, где стоял его пулемет, с оглушительным треском разорвалась бризантная граната. Ванюша почувствовал сильный удар по спине. В глазах сверкнула молния и тут же погасла. Дальше Ванюша ничего не помнил...

Генрих доложил по цепи Митрофану Ивановичу, что Ванюша убит. Шаповалов быстро подполз и обнаружил, что пулеметчик жив, дышит, но потерял сознание. Надо как-то оттащить его немного в тыл, в долинку, и там перевязать...

Вечером Ванюшу доставили на перевязочный пункт. Два осколка ударили его в спину: один — правее позвоночного столба, ниже лопаток, другой — левее, у самого позвонка, и там застряли, глубже не пошли. Третий осколок пробил насквозь ногу выше колена, но как будто кость не задел. На носилках понесли Ванюшу на станцию Залесье. Там был передовой полевой госпиталь.

Ванюша пришел в себя еще на перевязочном пункте. Он чувствовал, что у самого позвоночника нестерпимо жжет спину и горит нога, но он кусал губы и молчал. На станции Залесье его осмотрел доктор и сказал санитарам:

— На стол.

Санитары уложили Ванюшу на окованную цинковым железом багажную стойку и навалились на него всей своей силой. Доктор чем-то холодным протер спину и начал резать ее ножом. Как ни старался Ваня вдавиться животом в окованную жестью стойку, чтобы уйти от ножа, это не удавалось. Ванюша стал кричать и ругаться, но доктор делал свое дело. Он зацепил щипцами один осколок и вытащил его, а потом вытащил и второй. У Ванюши потемнело в глазах, и он очнулся только на носилках на платформе перрона.

Накрапывал дождь. Ванюша лежал неподвижно на животе и мог смотреть только в одну сторону. Потом тихо, без всяких огней подошел санитарный поезд. Ванюшу внесли в тепло натопленный санитарный вагон и подвесили его носилки на специальных крюках. Затем дали выпить порошок, и он заснул крепким сном.

Пока шел поезд, Ванюша все время спал. Вот он теперь выспится за все время, что не доспал в окопах на холоде! Слышал Ваня сквозь дремоту, что проехали Минск, Оршу. Прибыли в Витебск. Но здесь все госпитали оказались переполненными. Поезд пошел дальше. Так привезли Ванюшу в Москву и поместили в Ермаковский госпиталь. Там Ванюше сделали большую перевязку, забинтовали всего и положили на правый бок. Левая нога тоже была вся в бинтах. Через сквозное отверстие ему, как протиркой, прочистили рану. Было безумно больно. Но Ваня все вытерпел и даже не вскрикнул, хоть слезы катились по щекам.

Но вот все это позади, и теперь можно спокойно осмотреться. В огромной палате размещалось много раненых — наверное, человек шестьдесят, не меньше. Между кроватями ходили санитары, ожидая врачей. Вот пришли студенты в белых халатах и стали переписывать раненых. Госпиталь был пересыльным, и студенты спрашивали, кто куда хочет получить направление. Направления были в Казань и Симбирск. Дошла очередь до Ванюши.

— Ну, куда хочешь ехать? — спросил студент.

— Пишите в Казань, — сказал Ванюша.

«Посмотрю хоть на татарскую столицу, которую брал Иван Грозный», — подумал он. Ванюша где-то читал о том, как горячую смолу лили татары со своих крепостных стен.

Пришел доктор, пощупал пульс, посмотрел в историю болезни, спросил:

— Что болит?

— Нога.

— А спина не болит?

— Никак нет, не болит.

— Надо отвечать, как полагается отвечать офицеру, — сердито отрезал доктор и отошел к другому раненому. — Можно отправить в Казань, — сказал он студенту.

Глава восьмая

1

Было сыро, когда к санитарной рампе казанского вокзала подошел поезд. Раненых выносили из вагонов и укладывали на носилках в ряды. Потом ходили сестры с санитарями, просматривали списки и уносили раненых на подводы. Почти уже всех разобрали, а Ванюша все лежал на своих носилках. Мимо пробежала славненькая, юркая сестра милосердия и неожиданно вернулась.

— А вас почему не забирают? — спросила она и нагнулась, чтобы посмотреть раненого поближе в лицо. — О, да такой молоденький!

Она спросила фамилию, посмотрела в списки.

— Забирайте и вот этого солдатика, — распорядилась она, когда подошли санитары и дружинники.

Ванюшу подхватили и понесли.

Так Ванюша был доставлен в 46-й городской госпиталь Всероссийского земского союза. Осмотр, перевязки, обмывание, измерение температуры — все шло своим чередом. Скоро Ванюша стал поправляться. Ему разрешили подниматься и ходить, правда сперва понемножку, на костылях и только по палате. Раны заживали хорошо.

Впечатление о госпитале у Ванюши сложилось самое благоприятное. «Кабы не война, тут лежать можно!» — не раз думал он. И в самом деле, няни, в основном пожилые, ухаживали за ранеными очень заботливо. К Ванюше особенно внимательна была Валентина Павловна — сестра милосердия, которая нашла его на санитарной рампе. Она прямо не отходила от него, не забывая, впрочем, и о других больных. Всю душу вкладывала в свою работу и вторая сестра — Вера Николаевна. Ей было лет тридцать. Мужа ее, офицера, убили на фронте еще прошлой осенью, и она жила одна с маленьким сынишкой. Муж Веры Николаевны был начальником пулеметной команды, и это сразу как-то расположило к ней Ванюшу, да и она не оставалась в долгу. В ее отношениях к нему чувствовалась материнская ласка и чуткость.

Госпиталь был небольшой, на шестьдесят раненых, размещавшихся на двух этажах по четыре — шесть человек в палате. Внизу был большой вестибюль. Тут были расставлены столы, и раненые играли в шашки, домино, а также помогали няням наматывать в рулончики стиранные бинты

— на фронте не хватало не только снарядов, но и марли на бинты. Рядом с вестибюлем была обширная столовая для ходячих раненых. На второй этаж вела лестница в два марша. Там находилась перевязочная, комната дежурных сестер и восемь палат. Начальницей госпиталя была высокая злая старуха, которую никто в госпитале не любил. Напротив, врачей — их было двое, пожилых и вежливых — все уважали, можно сказать, даже любили. Кухня и бельевая располагались внизу за столовой, а нижние палаты выходили окнами на главную улицу города, в конце которой была старая крепость, обнесенная высокой кирпичной стеной с бойницами и зубцами, та самая, которую некогда брали стрельцы Ивана Грозного.

Наступила зима с настоящими морозами и обильными снегопадами. По вечерам раненые вместе с сестрами собирались в вестибюле и коротали время как могли: читали книги, журналы, рассказывали всякие фронтовые истории или крутили бинты. Ванюша уже был в числе ходячих и также появлялся иногда в вестибюле, но больше сидел в своей палате, читал или просто размышлял о том, как он вернется в полк и кого застанет в живых. Ему очень нравилась Валентина Павловна. Может быть, поэтому он ее избегал, очень стеснялся и, наоборот, подолгу оставался в обществе Веры Николаевны. Ванюша любил слушать ее рассказы и сам много рассказывал про себя и про войну. Он считался опытным воякой, как-никак, а провоявал больше года. Было что вспомнить!

Так сложилась между ними крепкая дружба. Особенно любил Ванюша, когда приходил сынишка Веры Николаевны — Игорек. Мама называла его — «мой Горик», и это звучало так, будто она хотела сказать — мое горе. Но это только казалось. Вера Николаевна очень любила сынишку — наверное, перенесла на него всю нежность, которую питала к мужу, и жалела, что Игорь похож на нее, а не на отца.

— Говорят, когда сын похож на маму, то будет счастлив в жизни, — утешал Ванюша Веру Николаевну.

— Дай-то бог, — вздыхала она.

Верхний этаж был под наблюдением Веры Николаевны, а нижний — Валентины Павловны. Вера Николаевна перевела Ванюшу в палату на верхний этаж. Валентина Павловна отнеслась к этому с полным безразличием. Это так глубоко задело Ванюшу, что он несколько дней ходил темнее ночи и не показывался в вестибюле. Ему все больше и больше нравилась Валентина Павловна, и он думал, что она тоже испытывает симпатию к нему; но она ничего не замечала и, казалось, проявляла полное равнодушие к Ванюше. Это лишь усилило его чувство. Появилась настойчивая потребность видеть ее чаще. Ему в ней нравилось все: ее рост, походка, манера держать голову, шея, руки...

Как-то Ванюша был в вестибюле вместе с другими ранеными и помогал Вере Николаевне наматывать бинты. Валентина Павловна, быстро сбегая по лестнице, задела каблук о ступеньку. Каблук отскочил, она запрыгала на одной ноге и, прислонившись к шкафу с перевязочным материалом, стала прикладывать к туфельке поданный ей кем-то из раненых каблук. Ванюша с ненавистью посмотрел на этого раненого, а на Валентину Павловну устремил взгляд, полный нежности и участия. Бинт выскользнул из его рук.

— Что это с вами? — произнесла Вера Николаевна и, быстро нагнувшись, подняла упавший бинт.

Ванюша понял, что выдал себя, и совсем расстроился.

Няня принесла тапочки, какие дают раненым. Валентина Павловна сняла вторую туфлю и надела тапочки, сразу став как-то ниже. Но Ванюше она показалась еще красивей, а главное — родней, ближе.

Валентина Павловна всегда казалась Ванюше недосягаемой. Да и как же могло быть иначе! Он — простой, необразованный солдат! А она? Шутка сказать, сестра милосердия. Наверное, гимназию окончила. Брат у нее офицер. Он как-то заходил навестить сестру со своим товарищем, тоже прапорщиком, и этот прощельга (именно так окрестил его в душе Ванюша) даже ручку поцеловал Валентине Павловне и ухаживать стал за ней. А потом вечером они втроем ушли из госпиталя, и, говорят, видели в городском саду, как она гуляла с этим стервой-прапорщиком.

Подумаешь, офицер! «Курица не птица, прапорщик — не офицер», — вспомнил старую солдатскую поговорку Ванюша.

— Не может быть, чтобы Валентина Павловна пошла с ним гулять, — возразил Ванюша рассказывавшему об этом раненому, стараясь сделать вид, что совершенно безразличен к этой истории.

— Ей-богу, ходила, вот те крест святой, — и раненый перекрестился. — Сам видел, когда ходил помогать няне белье нести.

Сомнений больше не было. А почему бы ей, собственно, не гулять? Ведь она не знает, что Ванюша ее любит. «И никогда не узнает об этом», — подумал он, а у самого так и заныло сердце.

В воскресенье из госпиталя группа раненых шла в городской театр на спектакль. Вела эту группу Вера Николаевна.

Ванюша не захотел идти в театр, он решил, что оставшихся раненых соберут в вестибюле и Валентина Павловна организует какое-нибудь развлечение. Так оно, собственно, и получилось. Оставшихся раненых собрали в вестибюле, и Валентина Павловна завела разговор о том, как уберечься от заразных болезней.

Ванюша был на седьмом небе от счастья, не спуская с сестры глаз. Она казалась ему самой прекрасной женщиной на свете. Какие у нее глубокие светло-серые глаза! А как идет ей белая косынка с маленьким красным крестиком! Ванюша жадно ловил каждое ее слово.

Вбежала няня и что-то тихо сказала Валентине Павловне. Та сразу засуетилась и быстро закончила беседу. Пошла наверх к начальнице госпиталя, оттуда быстро сбежала вниз, уже одетая в пальто, высокие ботинки, и ушла.

Солдаты занялись кто чем, а Ванюша пошел в соседнюю палату к своему товарищу Саше и незаметно стал смотреть в окно — хотелось еще раз взглянуть на Валентину Павловну. Но то, что он увидел, привело его в крайнее возбуждение: напротив по тротуару прогуливался тот самый прапорщик, который приходил в госпиталь с ее братом. Лихо заломив папаху, весь обтянутый ремнями офицерской портупей, он гордо ступал и все поглядывал в сторону госпиталя. Вдруг лицо его расплылось в улыбке — к нему через улицу мелкими шажками бежала Валентина Павловна. Он взял ее под руку, и они пошли в сторону городского сада.

В глазах Ванюши потемнело. Сердце часто-часто застучало, лоб повлажнел. Ванюша нахмурился и быстро ушел в свою палату на второй этаж. Там, оказывается, его госпитальные друзья тоже наблюдали за встречей Валентины Павловны с прапорщиком. Не обошлось и без соответствующих шуток. Раненые строили всякие предположения относительно того, чем закончится встреча.

— Чем? Ясно чем, — недобро ухмыльнулся пожилой раненый. — Намедни нянечка Степанида рассказывала, как начальница эту самую Валю-краслю распекала. Выгону, говорит, а не потерплю нравственного упадка в госпитале. А все за то, что во время дежурства этой самой крали у ней ночевал какой-то офицерик в дежурке. Начальница-то обход делает, он и спрятался под койку. А шпоры торчат из-под полога! Ну, начальница, разумеется, аж побелела, но виду не подала — не хотела скандалом позорить вверенный ей госпиталь. А потом вызвала ее к себе в кабинет и дала ей духу, как полагается, а та вся в слезах упала ей в ноги и ну умолять: ваше превосходительство, мол, простите, это был мой брат и по своему дурачеству допустил такую глупость. Начальница не хотела выносить сор из избы и простила. Только говорит: «Чтобы это было последний раз, а то я вас вместе с братом к вашему отцу свожу, тогда пеняйте на себя».

Раненые покатывались со смеху. Кто-то сквозь хохот крикнул:

— Офицерик-то сдуру не разобрал, что у Валечки левый глаз вставной, а то на кой она ему нужна — слепушка!

Ванюша еле сдерживался, чтобы не броситься с кулаками на гогочущих солдат. В душе его поднялась волна сомнений, горечи, глубокий обиды и за себя и за Валентину Павловну. «Не может быть, — думал он, — это все выдумки, наговоры. Она красавица, а няни — старухи, вот и завидуют ей».

Но как узнать правду, у кого спросить? У Веры Николаевны! — было первое решение Ванюши. Но он сразу же благоразумно отказался от него. Ведь Вера Николаевна обязательно спросит, почему его это заинтересовало. Ванюша знал, что ему не сыграть роль человека, безразличного ко всей этой истории. И тогда откроется его тайна. Все узнают правду и поднимут Ванюшу на смех: эго, мол, полез не в свои сани!

Ванюша всю ночь проворочался на койке, тяжело вздыхая. Вера Николаевна, вернувшись из театра, обходила свои палаты и обратила внимание на его измученное лицо:

— Что с вами, Ваня? Почему вы не спите? — Она прислонила ладонь к Ванюшину лбу: — Вам надо температуру измерить, — и поставила Ванюше под мышку термометр.

— Ну да, так и есть, тридцать семь и две.

Вера Николаевна посчитала пульс и сказала, что он учащен. Она дала Ванюше выпить какой-то порошок, накапала в мензурку валерьяновых капель.

— Успокойтесь и спите.

Ваня поблагодарил за заботу, но до сна ли ему было!

Целую неделю он избегал встречи с Валентиной Павловной. Он пытался взять себя в руки, выбросить мысли о ней из головы. Но этой решимости хватало не более как на день, а потом его чувство давало знать о себе с новой силой. «Ну и пусть, пусть даже глаз вставной, разве это может поколебать настоящую чистую любовь!» — думал Ванюша. Он был готов на любое самопожертвование ради Валентины Павловны, ради защиты ее чести, ее непорочности, даже ее необдуманных поступков, вроде этих прогулок с прапорщиком...

Можно понять его состояние, когда сама Валентина Павловна обратилась к нему с вопросом:

— А вас записать в театр на субботу?

Ваня покраснел и пролепетал:

— Спасибо, Валентина Павловна, я пошел бы с удовольствием.

— Ну и хорошо, я вас записываю. Пойдет драма «Две сиротки».

В субботу, после вечернего чая, человек пятнадцать раненых собрались во дворе госпиталя и единогласно договорились, что строй поведет Ванюша. Тебе, мол, полагается, ты ефрейтор и имеешь Георгия. Вышла Валентина Павловна, спросила:

— Кто строй поведет?

И, узнав, что Ванюша, улыбнулась ему:

— Ну и прелестно. Ведите, только ближе к тротуару.

Раненые построились в колонну по два и пошли. Самое стеснительное было для Ванюши подавать при Валентине Павловне команды для приветствия встречавшихся офицеров: «Смирно! Равнение направо — налево!» А минуя их — «Вольно!».

Когда пришли в театр и стали раздеваться у вешалки, Валентина Павловна увидела на груди Ванюши Георгиевский крест. Удивлению ее не было конца:

— Ах, какой плут, никогда даже не говорили, что вы георгиевский кавалер!

Ванюша покраснел и ничего не ответил, а в душе был рад, что все-таки Валентина Павловна заинтересовалась им. Еще большая гордость охватила Ванюшу, когда Валентина Павловна посадила его в ложу рядом с собой.

Раненые заняли три ложи в третьем ярусе. Началось представление, Ваня мало смотрел на сцену, хотя показывал вид, будто сосредоточенно следит за всем, что там происходит. На самом деле, он не сводил глаз с лица Валентины Павловны, находя в нем все новые и новые дорогие черты. Чуть она поворачивала голову в его сторону, как Ваня моментально переводил взор на сцену. Но все-таки искоса следил за ее лицом, и ему было приятно, когда Валентина Павловна подолгу задерживала свой взгляд на нем, рассматривая внимательно его лицо и орден Святого Георгия. В антракте они остались в ложе и также украдкой посматривали друг на друга. Иногда их глаза нечаянно встречались. Тогда краска заливала лицо Валентины Павловны, и Ванюша тоже краснел.

— Как вам нравится спектакль? — спросила она.

— Очень нравится, — ответил он, и опять они сидели молча, пока в зрительном зале не погасили свет и не началось представление. Ваня облегченно вздохнул; теперь можно молчать и разговаривать даже не полагается.

Вернулись из театра. Валентина Павловна поблагодарила Ванюшу за то, что он хорошо вел команду, и протянула ему руку. Он ликовал, а она многозначительно задержала его руку в своей.

Все сомнения его рассеялись как дым — все-таки Валентина Павловна тоже обратила на него внимание. Ванюша не выдержал и поделился своим счастьем с другом по госпиталю Сашей, а тот в свою очередь открылся ему, что безумно влюблен в Веру Николаевну. Оба дали клятву друг другу, что это останется их тайной.

После этого признания пошли у них задушевные беседы. Им было о чем говорить, причем Саша рассказал, что Ванюша очень нравится Вере Николаевне.

— Понимаешь, она сама призналась, что даже любит тебя. Так приятно, говорит, что Горик привязался к Ванюше, дети, мол, всегда чувствуют доброе сердце.

По голосу Саши было видно, что он отнюдь не в восторге от этого. Впрочем, Саша и не скрывал, что Вера Николаевна относится к нему безразлично. Даже не перевела его к себе на второй этаж.

Ванюша задумался: как помочь другу в таком щекотливом деле? Он стал больше разговаривать с Верой Николаевной, что называется лезть ей в душу. Она повеселела и часами просиживала за беседой с ним. По утрам Ванюша иногда прикидывался спящим, когда приходила в палату Вера Николаевна, а сам в незаметные щелочки между густыми ресницами следил за ней. Она подолгу задерживалась у его постели и, когда других раненых не было в палате, тихо шептала: «Милый мой друг». А раз, уходя из палаты, задержалась у двери, как-то рванулась к Ванюше, но остановилась, схватила себя за голову обеими руками и выбежала в коридор. После этого Ванюша пришел к окончательному выводу, что дела у Саши совсем плохи.

Ему жаль было товарища, он такой красивый, крепкий, и разница в годах у них с Верой Николаевной небольшая: она всего на три-четыре года старше его. Они могли бы быть счастливы. И война была бы им нипочем. А она, видите ли, избрала юнца, моложе себя на добрый десяток лет...

Время шло, раны заживали, уже последние корочки слетали с рубцов на теле Ванюши. Доктор сказал, что деньков через пять можно будет вернуться в строй. Как ни старалась Вера Николаевна задержать Ванюшу в госпитале, все же день выписки наступил, и, что досаднее всего, в этот день не было в госпитале Валентины Павловны. Ванюша подозревал, что об этом постаралась Вера Николаевна.

Чуть ли не все выздоравливающие провожали Ванюшу в крепость, где был пересыльный пункт госпиталя. Желали ему уцелеть на фронте, а он, по традиции, желал провожающим подольше полежать в госпитале. Вера Николаевна на прощание крепко поцеловала Ванюшу прямо в губы жарким поцелуем. Это очень смутило его: столь явный признак внимания был оказан ему при всем честном народе. А она, кажется, даже гордилась своим поступком...

В крепости дежурный унтер-офицер проверил документы и повел Ванюшу для размещения в казарму. Под казармы были приспособлены тесные казематы со сводчатыми потолками, в которых стояли грубо сколоченные трехэтажные нары. В казематах было сыро, холодно и стояла какая-то нестерпимая вонь. А когда в казарму набивалось полно солдат, то ко всему прочему прибавлялась еще и страшная духота. Не хватало воздуха, в помещениях стоял сплошной галдеж.

Что ж, пересыльный пункт как пересыльный пункт. «Как и полагается», здесь царили невероятный беспорядок и произвол, кормили отвратительно. Занятий никаких не было, только без конца формировали команды для отправления в запасные полки. Подбирали команду пулеметчиков, а их было мало, и отправка Ванюши затягивалась.

Выпало много снега, и начальство приказало очистить внутренний двор. Солдаты нагружали снегом большие короба и на санях вывозили за стены крепости. Там сбрасывали снег в овраг. Но возвращались в крепость не все — некоторые уходили в город. Так один из солдат улизнул в госпиталь. Он предлагал это сделать и Ванюше. Но как можно? Ванюша был старшим группы по вывозке снега. Однако уходу солдата он не воспротивился, а, наоборот, попросил его передать привет товарищам, особенно дружку Саше и сестрам милосердия.

Когда кончили вывозить снег, после ужина проверки, Ваня забрался на нары. Он долго не мог уснуть, и все мысли его были в госпитале. Ванюша вспоминал, как однажды все-таки рассказал Вере Николаевне о Саше, о его любви к ней. Помнится, она, немного подумав, ответила:

— Очень жаль, что мы любим, а нас не любят.

Ванюша не сразу понял ее ответ и даже сейчас раздумывал над ним. Пожалуй, она была права, если считать, что любила его, Ванюшу. Но ведь и он глубоко уважал Веру Николаевну, даже как-то по-особенному, по-человечески любил ее. Просто любил, как любят друга, как любит он Митрофана Ивановича, Мишу и Геню. Особенно Ванюша был привязан к ее малышу Горику, да и тот в свою очередь всегда смотрел на Ванюшу влюбленными глазами. Особенно его привлекал Ванюшин Георгиевский крест. Так почему же тогда «нас не любят»?

Потом опять мысли завертелись вокруг Валентины Павловны. Он вспомнил один разговор с ней. Она сказала:

— Почему бы вам, Ваня, не держать экстерном экзамен на право вольноопределяющегося второго разряда. Вы такой развитой и начитанный, наверняка выдержали бы. Я попрошу папу помочь вам в этом, он попечитель народного просвещения губернии и сможет это сделать. Тем более вы георгиевский кавалер, воевали на фронте больше года и получили

ранение. И, главное, вы доброволец. Это дает вам предпочтение и, безусловно, некоторые льготы в сравнении с другими кандидатами. Я прошу вас, попытайтесь! Получите право быть зачисленным в школу прапорщиков, а там сможете стать офицером.

— Что вы, я не выдержу, — отвечал Ванюша. — Моя мечта — как можно скорее вернуться в полк, на фронт и драться с врагом, как полагается...

А сам проклинал войну, надоевшую до чертиков.

С этими мыслями и заснул Ванюша. Ему снилось, что он встретился с Валентиной Павловной. Они пошли по широким ступеням в какой-то красивый дом, и там его экзаменовал ее отец, строгий на вид старик. Он был добр к Ванюше, но кто-то другой его срезал на вопросе, когда произошло крещение Руси. Ванюша полетел куда-то в пропасть, но, к своему удивлению, стал летать по воздуху, как птица, и поднимался все выше и выше до каких-то острых скал, на которых было очень холодно. Ваня проснулся. Действительно он замерз. От толстой наледи на стекле окна несло холодом, а шинель сползла с ног.

Вскоре последовала команда: «Подъем! Поднимайсь!» И набитый солдатами большой каземат зашевелился, как муравейник. Все толкались, ругались и, быстро одевшись, выскакивали в холодный умывальник, наскоро протирали мокрыми кулаками глаза и выстраивались на утреннюю молитву и поверку. Опять начинались пересыльная суতোлка, бесконечные переклички, выстраивания и отправление команд. Потом оставшимся последовало приказание — строиться на вывозку снега.

Когда Ванюша с солдатами опять очутился за воротами крепости, у оврага к ним присоединился вчерашний беглец и также незаметно, как исчез вчера, вернулся в казарму.

— Ванек, вот тебе два письма. Одно от Веры Николаевны, а другое от Валентины Павловны. — И солдат подал ему два красивых, необычно узких конверта — серо-голубой и розовый. Розовый он сразу осторожно разорвал и стал читать. Это было письмо от Валентины Павловны:

«Дорогой Ваня! После вашего ухода из госпиталя, я сразу же пришла, но, к моему огромному огорчению, вас уже не было. Мне было очень жаль, что я не пожала вам руку и не смогла сказать «до свидания». Вечером мне все рассказал Саша. Как безумно жаль, что я так поздно об этом узнала, но я глубоко верю, что ваши чувства никогда не угаснут. Ведь они сильны?! Правда?! Я этому очень и очень рада и верю в нашу будущую встречу. Целую вас, мой дорогой. Обязательно пишите, давайте знать о себе. Валя».

Ванюша прочел это письмо второй раз и, остановившись глазами на большом ржавом костыле, вбитом в свод потолка, видимо для подвешивания

фонаря, надолго задумался. Развернутый розовый лист письма дрожал в его руке. Он представлял себе госпиталь и почему-то Валентину Павловну именно в тот момент, когда она прилаживала к туфле сломанный каблук.

— Подвинься! — толкнул его пожилой бородатый солдат. — Ишь усталился в кряк, вроде повеситься хочешь.

Ваня от этого толчка и ядовитого замечания сразу пришел в себя и, отодвигаясь, посмотрел вокруг, на темные, сырые стены крепостной казармы. Но сейчас они как будто стали светлее! Очевидно, оттого, что светло было на душе Ванюши. Быстро спрятав в нагрудный карман розовое письмо, он неторопливо стал вскрывать письмо от Веры Николаевны. Медленно разрывал серо-голубой конверт, все равно как вареник залепливал, потом заглянул внутрь конверта и наконец достал такого же цвета лист бумаги, развернул его и стал читать:

«Добрый вечер, Ванюша! Пользуюсь оказией, чтобы послать вам слова искреннего и сердечного привета, надеюсь, что они дойдут до вас и это придаст мне силы и облегчение. Вы должны меня понять, как мне грустно, что я не могу вас видеть. Мне только остается закрыть глаза, и я отчетливо представляю вас таким, каким видела все последнее время в госпитале. Вот такую дремлющую меня и застала в сестринской В. П. Ей открыл ваш секрет Саша, и она поинтересовалась вами несколько больше обычного. Она тоже посылает вам письмо. Знаю, что вы прочтете его первым, но я мало огорчена этим; ведь мои письма вы будете читать значительно дольше. Мы с вами будем переписываться долго, не правда ли?! Вот видите, вы с этим согласны, поэтому я жду вашего доброго письма. Самый искренний привет вам от чистой детской души — Горика, он очень скучает о своем герое. Я тоже. Пишите мне хотя бы два раза в неделю. Желаем вам счастья, а главное, целым встретить конец войны. Целую вас без вашего разрешения. В. Н.»

Ванюша прочел и это письмо второй раз. Оно ему было приятно. Приятно главным образом потому, что кто-то скучает по нему, что он кому-то нужен.

— Становись! — скомандовал дежурный, и началась — уже которая в этот день! — перекличка.

Но на этот раз после переклички было объявлено, что в пять часов утра все пулеметчики отправляются на погрузку для отправки в 1-й пулеметный запасный полк. В списке отправляемых был и Ванюша.

Еще не рассвело, когда колонна двинулась на погрузку. Было морозное декабрьское утро. Несмотря на ранний час, по городу прошли с песнями, но пели не особенно громко и без подъема: никто не хотел драть глотку по морозу. К семи часам погрузились в холодные вагоны и сразу затопили

железные печки. Когда эшелон отправился, они уже накалились докрасна. Вагон громко постукивал на стрелках. Паровоз тянул состав на выходной путь в сторону Москвы. Было еще темно, и последние огни Казани скрылись в морозном тумане.

В вагоне стало жарко, солдаты снимали шинели, оставаясь в ватных брюках и желтых грубошерстных гимнастерках. Ванюша радовался, что опять едет на фронт, в то же время грустил, что уехал из города, в котором у него было столько переживаний и где впервые он испытал глубокое чувство любви.

Эшелон шел быстро. По сторонам мелькали телеграфные столбы в белых снеговых шапочках. Красивые, белые от снега ели как будто кланялись поезду и отступали назад в своей сказочной прелести. Вперемежку с ними тянулись к солнцу кудрявые верхушки сосен на ровных оранжевых стволах, а кое-где грустно стояли белые березы с заснеженными ветвями, застывшими в тонком, по-ювелирному затейливом рисунке.

Волшебный лес пропускал через себя пыхтевший паровоз, за которым тянулось добрых четыре десятка красных солдатских теплушек.

В сумерки эшелон подошел к станции Ораниенбаум. Пулеметчики быстро выгрузились и построились — всего человек триста. На больших узловых станциях вагоны сортировались: часть отцеплялась, часть прицеплялась, и до Ораниенбаума дошло вагонов десять с пулеметчиками из разных мест, где они лечились в госпиталях.

Колонна двинулась под командой встречавшего людей дежурного офицера и кадровых унтер-офицеров 1-го запасного пулеметного полка. Уже совсем стемнело, когда выстроились на плацу перед трехэтажными кирпичными казармами. После команды фельдфебеля «Смирно» офицер прошел вдоль фронта, внимательно присматриваясь, соблюден ли ранжир, и поделил строй на группы, человек по тридцать. Группа, в которой оказался Ванюша, попала во второй батальон, в 6-ю роту. Роты были очень большие по численности. Например, в роте Ванюши насчитывалось четыре взвода по сто двадцать человек; взводы делились на шесть отделений по двадцать человек. Шестая рота разместилась на втором этаже, на трехъярусных нарах.

Ванюша был назначен командиром шестого отделения второго взвода. В отделении собрались солдаты разных возрастов — много было немолодых людей, лег тридцати пяти — сорока. В других отделениях командирами

были кадровые унтер-офицеры и ефрейторы. Они все время служили в запасном полку, на фронте еще не были и, так как очень боялись попасть туда, выслуживались, с подчиненных драли три шкуры, а перед взводами и прапорщиками роты тянулись в струнку. За малейшую провинность били солдат, били изо всех сил — иногда зубы вылетали от метких и сильных ударов этих «шкур». Солдаты были озлоблены, запуганы и почти всегда угрюмо смотрели в землю.

— Ешь начальство глазами! — покрикивали отделенные и грозили кулаками.

Приходилось поднимать голову и смотреть на начальство, никому не хотелось получить в зубы.

День начинался подъемом в пять часов утра. В шесть рота выстраивалась на утреннюю молитву и цела хором «Отче наш». Затем следовала команда «Выходи на прогулку!» Взводы выходили на плац перед казармами и под командой очередного командира отделения старательно маршировали. Если начальник был не в духе, то гонял взвод бегом до упаду.

Так проходил час и к семи возвращались в роту, раздевались и, забрав бачки, направлялись в столовую на первый, полуподвальный этаж. Получали завтрак, обычно какой-нибудь суп-кандёр, съедали его в невероятной тесноте, стоя — для скамеек места не хватало. Через сорок пять минут рота выстраивалась в казарме между нарами, подпрапорщик проходил по фронту, строго осматривая ряды, и здоровался, предварительно указывая:

— Отвечать как командиру батальона!

Тут же следовало:

— Здравствуйте, пулеметчики!

— Здра жела, ваш выскродь! — следовал четкий ответ роты.

Рамы и двери дрожали от грома голосов. Подпрапорщик, довольно покручивая усы, важно шагал перед фронтом. Высмотрев где-нибудь незастегнутую пуговицу гимнастерки или слабо подтянутый пояс, устраивал разнос командиру отделения, а солдат получал удар по лицу увесистым кулаком. Редко какой день проходил без этой экзекуции.

В восемь часов рота шла на занятия. Больше всего изучали материальную часть пулемета «максим» по наставлению Березовского. В двенадцать — опять строевые занятия или «прогулка», а в час дня, после молитвы, обед. От каждого десятка два человека направлялись за едой. Получали один бачок щей и бачок каши с десятью порциями вареного мяса: каждая порция должна была весить не менее восемнадцати золотников. Если порция мяса была неполновесная, солдат имел право подать жалобу. Порция тут же взвешивалась в присутствии дежурного по полку офицера, и

не дай бог, если подтверждалось, что порция не тянет 18 золотников. Тогда дежурный по кухне отправлялся на гауптвахту и весь наряд по кухне строго наказывался. Если жалоба была неосновательна, жалобщика били все начальники — от прапорщика роты и ниже, а дежурный по полку обычно хлестал его по лицу перчатками, но так крепко, что оно все покрывалось синяками. Так что обычно никто не жаловался, даже если заметно было, что порция неполновесная. «Брюхо пусто, да морда цела», — невесело шутили те, кому вообще не доставалось мяса.

После обеда полагался час отдыха, а в три часа опять начинались занятия. Продолжались они до шести часов вечера, затем все шли на ужин и с семи часов на «прогулку» с песнями. С восьми до девяти часов сорока пяти минут было «свободное» время в казарме, после чего следовало построение на вечернюю поверку. А там — молитва и в десять часов вечера — отход ко сну. Так работала раз и навсегда заведенная солдатская машина. И работала безотказно.

Когда Гринько попал в шестое отделение второго взвода, то отделением временно командовал ефрейтор Николай Манасюк, выпущенный из учебной команды после трехмесячного обучения (срок обучения везде был сокращен). Ввиду общей слабой успеваемости в учебных командах солдатам, отлично заканчивавшим курс обучения, присваивали звание младшего унтер-офицера, а совсем плохо оканчивавшим — ничего не присваивали. Но последние все же были на примете у начальства, на всякий случай их числили в списках роты вице-ефрейторами, и если они показывали прилежность по службе, то есть были аккуратными доносчиками, то их вскоре производили в ефрейторы. Николай Манасюк был вице-ефрейтором, и уже по этому можно было судить о его «уровне».

Назначение Ванюши командиром отделения Манасюк воспринял с неприязнью — пропала надежда на скорое назначение отделенным командиром. Но он оставался помощником Ванюши. А Гринько вовсе и не радовался своей должности, все просился, чтобы его поскорее зачислили в маршевую роту и направили на фронт. Однако командиру роты приятно было иметь среди отделенных командиров фронтовика, да еще георгиевского кавалера. К тому же он сразу заметил, что Ванюша отлично знает материальную часть пулемета «максим», и всегда подолгу задерживался в шестом отделении, восхищаясь тем, как Ванюша проводит занятия. И действительно, Гринько умел подойти к солдатам. А то в свою очередь старались не подводить своего отделенного командира. Манасюк быстро смирился со своим положением, тем более что Ванюша давал ему возможность показать себя перед отделением — разрешал ему проводить всякие построения, делить сахар и махорку.

Пришла очередь Ванюши вести на прогулку взвод. Он построил солдат и вывел на плац. Манасюк попросил у Ванюши разрешения покомандовать взводом — а во взводе 120 человек — это целая рота. Командовать такой массой людей было заветной мечтой ефрейтора Манасюка, привыкшего еще дома в крепком зажиточном хозяйстве своего отца покрикивать на батраков. Ванюша разрешил, и тут Манасюк показал свои «способности». Вдруг он скомандовал:

— Бегом... марш!

Взвод побежал.

— Ты не очень-то гоняй, — сказал Ванюша.

Но взвод бежал и бежал. Пожилые солдаты стали отставать, нарушая строй.

— Скомандуй шагом! — крикнул Ванюша.

Но Манасюк словно не слышал. Тогда Ванюша сам скомандовал:

— Ша-а-гом марш!

Ефрейтор Манасюк сконфузился и зло сверкнул глазами в сторону отделенного. Больше Ванюша не разрешал Манасюку командовать взводом и отделением, а все построения производил сам. Сам же стал делить сахар, махорку, иногда только поручал Манасюку проследить, чтоб бачки после еды хорошо промыли кипятком и протерли досуха да чтоб чисто было под нарами и в пирамиде. Вот как раздосадовало Ивана Гринько несправедливое отношение Манасюка к солдатам! Разумеется, Ванюша, который и пальцем никого не трогал в своем отделении, строго-настрого запретил Манасюку кого-либо обижать.

Все солдаты (не только шестого отделения, а и всего взвода) скоро полюбили отделенного Ивана Гринько. Был случай, когда один из солдат нечаянно толкнул командира соседнего отделения младшего унтер-офицера Витрюка. Тот сразу окрысился и хотел было ударить солдата, но увидевший все это Ванюша вскочил с нар и крикнул:

— Витрюк, не смей!

И не дал ударить.

— Своих подчиненных я сам наказываю, — заявил Ванюша.

Он никогда никого не наказывал, а сказал так для того, чтобы выбить из рук Витрюка, известного мордобойца, а стало быть любимца подпрапорщика роты, всякое право на жалобу.

Унтер-офицеры взвода не любили Ванюшу и договорились подложить ему свинью. Гринько это почувствовал и решил опять проситься в маршевую роту. С разрешения подпрапорщика и командира взвода он обратился к командиру роты капитану Царенко. Тот его внимательно выслушал и заметил:

— Я сам был на фронте и люблю боевых пулеметчиков, но почему бы тебе не пойти в школу прапорщиков?

— У меня нет образования, ваше высокоблагородие! — отрезал, вытянувшись, Ванюша.

— Это пустяки, я походатайствую, и ты пройдешь экзамены, сдашь экстерном на права вольноопределяющегося второго разряда. Ты воевал, ранен и георгиевский кавалер — это учтут экзаменаторы. Вот Николай Манасюк мне подал докладную записку, просит допустить его к таким экзаменам, а он ведь только и всего, что доброволец, а на фронте не был. Я направляю его записку с ходатайством о допуске, и, наверное, его допустят. А ты ведь намного больше развит, чем он. — И капитан заключил таким тоном, будто они с Иваном Гринько пришли к единодушному решению: — Нет, ты обязательно пиши мне докладную, и все будет в порядке.

— Слушаю, ваше высокоблагородие, подумаю.

— Ну, подумай, подумай хорошенько.

Во взводе унтер-офицеры состязались в разборке и сборке замка пулемета. Ванюша много раз пробовал самостоятельно заняться этим, но большой скорости не достиг. Все же и он решил включиться в состязание. Внимательно присмотрелся, как работают выколоткой, а когда дошла до него очередь — по команде «Раз!» начал быстро разбирать и собирать замок и, закончив сборку, крикнул: «Два!» В это мгновение эксперты засекали время на секундомере. Получилось 34 секунды.

Это неплохо: старые мастера, давнишние участники этого состязания, показывали тоже 34 секунды, а рекорд был — 32 секунды. «Ну, ничего, — подумал Ванюша, — обязательно дойду до рекорда».

Другая группа унтер-офицеров соревновалась в стрельбе дробинкой из стволика по спичке. Самые лучшие стрелки попадали в спичку, а некоторые ставили самовозгорающуюся серную спичку и ухитрялись попадать прямо в головку, так, что спичка загоралась. Зрители неизменно приветствовали этот успех гулом одобрения.

— Ну, это что, — заметил как-то старый усатый подпрапорщик роты, — рази это стрельба? Вот я помню в мирное время, так мы иголки дробинкой сбивали, а в спичку попасть — плевое дело.

Ему никто не возразил, хотя знали, что прапорщик привирает.

Тем временем послышалось:

— Дежурный! Давай команду на построение.

Началась каждодневная вечерняя процедура с приветствием начальства и ответами «по заказу», затем молитва, перекличка, распоряжения на наряд, на работу, на кухню, в караул и отход ко сну.

Серые солдатские тыловые будни... «Скорее бы отделаться от всего этого, — думал Ванюша. — На фронт, только на фронт. Никакую докладную, ваше высокоблагородие, я подавать не буду».

В тот вечер Ванюша был назначен дежурным по кухне, а Манасюк — его помощником. Почти все шестое отделение попало рабочими по кухне. Работы на кухне много: довольствовались около двух тысяч человек. Смена происходила после того, как выдавался ужин, хотя развод караулов всегда назначался на двенадцать часов дня, а в тринадцать заступал новый караул и наряд по ротам.

На другой день после развода Ванюша инструктировал свое отделение, а с трех часов дня получал со склада продукты на следующий день для закладки в котел. Подошел к нему старый солдат-фронтовик и тихо сказал:

— Мне бы, господин ефрейтор, надоть вам доложить малость кое-что. Все же вам, фронтовику, глядишь, и полезность была бы.

Они отошли в сторону, а старый служака передал свой опыт дежурства по кухне еще с мирного времени.

— Спасибо, дядя, — сказал Ванюша и крепко пожал руку старому солдату.

Так уж было заведено: фронтовики друг другу помогали, чем могли. Вот и этот солдат — хоть и из чужого взвода, но уже понаслышал о Ванюше, и ему захотелось помочь повоевавшему парнишке. Солдат даже почувствовал облегчение, какую-то душевную легкость от того, что доброе дело сделал, и с удовольствием разглаживал усы, а в голове его, может быть, ворочалась мысль: «Предупредил мальчика, чтобы он, того, легче на поворотах был. А то проявит строгость к поварам, те его и «засыпят», обязательно до губы доведут, как миленького. А жалко молодого отделенного — душевный он парень».

Ванюша со своими людьми и артельщиком получал со склада продукты и грузил на сани: одного мяса почти девятнадцать пудов, крупы на кашу, картофеля, капусты квашеной, муки подболточной, соли, перцу, жиров — и за все отвечай, а артельщик и повара — не они будут, если не украдут. Да и как не украсть! Ведь и командиру полка, и командиру батальона, и ротному надо послать на квартиру хорошие куски мяса от черкасской туши, маслица, да ведь надо и своим знакомым по куску послать. А откуда взять? Все из солдатского пайка. Не пошлешь — недолго наповаришь: враз в маршевую загремишь. А кому охота на фронт? Так что некуда деваться. Денщики начальствующих лиц, те свое дело знают, они вертятся возле кухни с мешками, чтоб сразу добычу в мешок схватить и — айда на квартиру. Тут и тетки знакомые около судомойки крутятся — им тоже надо дать, а то ведь

они не приголубят повара, не приласкают. Всем, выходит, надо дать. Где же взять? У солдата — бедняги сердечного, он все стерпит и смолчит.

Собственно, отсюда и шел «опыт» старого солдата. Главное было не замечать, как повара будут мясо или там что другое тащить. Тогда все будет в аккурат: и порция полновесная, и щей и каши всем хватит. А хоть и будешь препятствовать, повара все равно украдут, не уследишь. Они тебе мясо переварят в котлах, — оно разлезется, как мочало, и порции не выйдет. Дежурный же обязательно придет проверять на вес — вот морду тебе и побьет и на гауптвахту посадит под строгий арест. А не будешь ничего замечать за поварами, они тебя, голубчик, поджаркой накормят и порцию полновесную сделают. Они знают как: мясо немного не доварят, а как вынут из котла, отделят от костей, сложат в мясные бочки и залиют густым рассолом, что по весу раза в два больше украденного мяса, рассол впитается в порцию — вот тебе и порция, более чем полновесная, и просоленная хорошо. Солдат благодарен будет, и дежурный по полку похвалит за усердие. Только надо как следует отдать дежурному рапорт. Он длинен, не забыть бы чего...

Ванюша все это усвоил: «не замечал» воровства продуктов с солдатской кухни, смотрел больше за чистотой. Вот уже и обед готов. Пришли холуи с котелками от фельдфебелей рот, от взводных унтер-офицеров, им тоже надо дать обед получше да пожирней. Идет дежурный офицер по полку снять пробу, надо встречать.

— Смирно! — подал команду Ванюша и твердым шагом пошел навстречу офицеру. Как полагается, остановился в четырех шагах, пристукнув резко каблуком, и отчеканил: — Ваше высокоблагородие, на кухне второго батальона первого пулеметного запасного полка на довольствии состоит одна тысяча девятьсот девяносто семь человек. На завтрак готовился суп пшенный, который и роздан всем довольствующимся. На обед приготовлены щи с мясом из квашеной капусты, на второе — каша гречневая с салом, мясная порция — вес восемнадцать золотников. На ужин будет приготовлен суп перловый и кипяток для чая. Во время моего дежурства происшествий не случилось. Дежурный по кухне ефрейтор Гринько! — и сделал четкий шаг в сторону с поворотом лицом к начальству.

От такого длинного рапорта у Ванюши выступил пот на лбу и часто застучало сердце. Их высокоблагородие поздоровался, все рабочие и повара дружно гаркнули:

— Здра желаем, ваш выскродь!

Дежурный офицер был доволен четким ответом и направился к приготовленному для него, накрытому чистой скатертью столу. Старший товар в чистом белом переднике и колпаке принес пробу — миску жирных

щей, порцию мяса и миску гречневой каши, обильно политой салом со шкварками. Их благородие с аппетитом все съел и, пройдя между котлами, довольный, ушел. Ванюша и все рабочие легко и шумно вздохнули, а повара, потирая руки, заняли свои места для раздачи обеда.

Обед и ужин прошли с обычным шумом и гамом, но благополучно и без жалоб. Кухню убрали, а вечером дежурство было сдано новому наряду из шестой же роты: она была довольствующей. Отделение вернулось в роту и имело право отдыхать до отбоя. Это, по крайней мере, три свободных часа — таким временем не всегда располагаешь.

Пришли в казарму: каждый занялся чем хотел. Ванюша с Николаем Манасюком постепенно сблизились: все время вместе, и горести и радости пополам. Было, конечно, непонятно Манасюку, почему отделенный командир, кадра, которым был Ванюша, не бьет солдат по морде. Невдомек было ефрейтору, сколько горя успел натерпеться Ванюша за свою короткую жизнь, сколько обид перевидел и что любая чужая боль — физическая ли, моральная ли — отдавалась в его сердце собственной болью. Да и на фронте парень побывал, а там мордобой не в чести, немало мордобойцев получило пулю в затылок... Да и как ему, семнадцатилетнему юнцу, ударить по лицу солдата заведомо старше его, а подчас и основательно старше, лет тридцати, сорока? Конечно, Ванюше это все не только сошло бы с рук, но, наоборот, засчиталось бы в плюс как твердому командиру и было бы поощрено начальством, тем более таким, как фельдфебель роты подпрапорщик Шкурин. Но как ударить, если Ванюше хотелось по фронтовой привычке называть дяденьками людей намного старше себя. Он не только не мог ударить кого-либо из солдат своего отделения, но и твердо решил, что не позволит этого никому из унтер-шкуродеров взвода и роты. Ну, а если это позволит старший над ним начальник, Ванюша доложит тогда командиру роты капитану Царенко, который, как он заметил, благоволит к нему, иначе не затеял бы разговор о школе прапорщиков.

Так вот эти унтерьяки-шкуродеры все же подстроили Ванюше подвох в самом начале его службы в запасном полку. При осмотре бачков взвода подпрапорщиком Шкуриным вдруг обнаружилось, что бачки шестого отделения ржавые, а в одном из них даже пакля скомканная лежит. Подпрапорщик разошелся и очень ругал Ванюшу, заставил нюхать ржавые и немывтые бачки перед всем взводом, тыкал носом Ванюшу в каждый бачок, как тычут кошку, нагадившую в углу.

Ванюша покорно нюхал, и подпрапорщик был доволен, что «хронтовик» нюхает, хотя знал, что это подстроил младший унтер-офицер Витрюк. Ванюша понимал не хуже него, в чем тут дело, он тоже был не

льком шит. Но выхода не было, ничего никому не докажешь. Дело кончилось выговором.

Но все же доброе отношение к людям — черт его знает откуда оно взялось у командира отделения! — покорило и Манасюка, он стал с уважением относиться к Ванюше. Вот и дежурство по кухне прошло благополучно, а ведь было оно очень тяжелым.

Как-то разговорились по душам. Манасюк советовал Ванюше готовиться к сдаче экстерном на второй разряд, но Ванюша упорно отказывался: он очень хотел вернуться в полк, увидеть Митрофана Ивановича, которого полюбил, как отца, Геню Шимановского, так интересно объяснявшего отношения между бедными и богатыми и горячо восстававшего против несправедливости в жизни. И Ванюша верил Генриху Шимановскому, выходцу из польских инсургентов. Хотя Генрих и был сыном полковника, а все же говорил правду. Ванюша многое, очень многое узнал от этого вольноопределяющегося первого разряда и сделал свои выводы.

Ванюша решил написать Валентине Павловне письмо и, устроившись на нижних нарах у окна, где было определено место для командира отделения, стал сочинять послание. Он осторожно отвечал на вопросы Валентины Павловны, даже намекал, что любит ее, но вместе с тем сообщал, что твердо решил не хлопотать о поступлении в школу прапорщиков, а уехать на фронт и сражаться с врагом так, чтобы добиться производства в прапорщики на фронте: он еще завоюет право получить три Георгия, а с ними и звание прапорщика. Тогда наступит счастливая минута их встречи, и он скажет ей все-все...

Это чистое, нежное, наполненное благородными чувствами письмо все от начала до конца прочел Манасюк, лежа на верхних нарах. Оказывается, он все это время подглядывал за Ванюшей, а когда Гринько написал адрес на конверте, то и адрес запомнил. После этого Манасюк часто заводил разговор с Ванюшей о сердечных делах, но Ванюша все отнекивался и уходил от этой темы.

Вскоре взвод отправился из Ораниенбаума в Петроград на погрузку мяса для продсклада. Взвод четко промаршировал с песней по столичным улицам, хорошо поработал, швыряя в вагоны из холодильника жирные туши черкасских быков. Командир взвода, подтянутый, аккуратный офицер, поблагодарил взвод за службу. Манасюк сказал Ванюше:

— Неужели ты не хочешь быть таким же офицером? Как красиво он одет! Снаряжение какое! А сапоги...

Офицер выглядел действительно как на картинке: в лаковых сапогах, в лайковых перчатках, туго обтягивавших руки, в лихо закинута башлыке, в

золотых погонах.

— Нет, не хочу! — зло ответил Ванюша, очевидно, потому, что хотел быть именно таким подтянутым и красивым, да чтобы грудь его к тому же была украшена четырьмя Георгиями.

— А знаешь, Ванюша, тогда бы не устояла перед тобой Валентина Павловна Снегирева, — вдруг как бы между прочим проговорил Манасюк.

Ванюша как ужаленный встрепенулся:

— Откуда ты знаешь это?

— Я прочел твое письмо, когда ты его писал. Ведь ты писал на нижних нарах, а я над тобой лежал, — как ни в чем не бывало ответил Манасюк.

— Это бессовестно, нечестно! Ты — свинья!

— Ну, пусть так, Ваня, пусть я свинья. Но я не мог не прочесть письмо, раз ты его писал на моих глазах. Я и адрес Валентины Павловны запомнил, и если ты не станешь прапорщиком раньше меня, то я поеду к ней и расскажу, как ты ее любишь.

— Она это знает, — огрызнулся Ванюша. — Ей об этом постарались сказать другие.

— Ну, прости меня, я не хотел причинить тебе зла.

Ванюша постепенно приходил в себя. Обида на Манасюка пропала. Ведь он честно сознался во всем, а из слов его выходило, что он поступал так с благими намерениями.

— Ну ладно, — пробурчал в конце концов Ванюша.

И они пожали друг другу руки.

Поезд подошел к станции Ораниенбаум, и началась выгрузка мяса. Затем взвод направился с песнями по улицам этого маленького захолустного городка. Наскоро одетые девицы выбегали полюбоваться военными, больше всего, конечно, молодым офицером, который явно рисовался перед ними. Девушки улыбались ему и шушукались между собой. Солдаты все это замечали и еще злее подхватывали: «Дуня я, Дуня я, Дуня ягодка моя».

Ванюша шел злой и угрюмый. Он не пел, а только шевелил губами и широко открывал рот, где полагалось петь громко. А дума у него была одна: «Все равно не буду сдавать экстерном на второй разряд, а пойду на фронт». К тому же Ванюша не был уверен, что выдержит экзамены. Ведь он так мало знал...

Опять потекла обычная казарменная жизнь. Ванюша налег на тренировки в разборке и сборке пулеметного замка, часто состязался с

кадровыми унтер-офицерами. Теперь он во всем их опережал. Ванюша слово в слово, как в наставлении, знал взаимодействие частей пулемета «максим» во время зарядания и стрельбы, даже изложил это в стихах:

Выстрел только лишь раздался,
Пуля двинулась вперед,
Ствол с замком назад подался,
И зарядка уж пойдет.

Вдруг пружина растянулась
У колена мотыля,
С шатуном все вниз согнулось,
По пазам замок ведя.

Боевая же личина
Моментально вниз упала,
И возвратная пружина
Патрон новый в ствол послала:

Это сделать все не трудно,
Лишь мгновение — и вот
Гильзы падают так чудно,
Косит немцев пулемет!

Ванюша понимал, что стихи не бог весть какие, плохие стихи, но, главное, они точно передавали взаимодействие деталей. И даже солдаты его отделения порой откладывали в сторону наставление и повторяли в полголоса Ванюшины вирши:

Ствол с замком назад подался,
И зарядка уж пойдет...

По вечерам не прекращались состязания по разборке и сборке пулеметного замка. Как-то раз гудела вся столпившаяся шестая рота: состязания были в разгаре. Чемпион полка младший унтер-офицер Витрюк был побит — он показал 32 секунды, а Ванюша — 31 секунду и занял первенство в полку.

Перешли к разборке и сборке с завязанными глазами. И здесь первенство было за Ванюшей. Шестое отделение качало своего командира и ходило гоголем.

Так пошла слава о Ванюше Гринько как о лучшем пулеметчике. Командир роты капитан Царенко явно гордился его успехами и представил Ванюшу лично командиру полка полковнику Жерве. Однажды во время пулеметных стрельб прибыл на стрельбище «бог стрелкового дела» начальник Высших стрелково-тактических офицерских курсов, расположенных тоже в городе Ораниенбауме, генерал-лейтенант Филатов, он же и начальник Ораниенбаумского гарнизона. Тут же на стрельбище оказался и знаменитый пулеметчик капитан Глазатов. Стреляла шестая рота, и стреляла хорошо. Особенно старалось шестое отделение — никому не хотелось подводить своего командира.

Генералу представили ефрейтора Ивана Гринько.

— А ну-ка, молодец, за пулемет!

Ванюша опрометью кинулся к пулемету.

— Показать цель номер двадцать, — приказал генерал.

На гребне появилось тридцать шесть головных мишеней на одном валу.

Ванюша знал, что до цели около двухсот метров. Он быстро навел пулемет, и пулемет застрочил целой лентой — все мишени были поражены.

— Молодец! Молодец! — восхищался генерал, разглаживая свою пышную седую бороду.

— Рад стараться, ваше высокопревосходительство! — отчеканил Ванюша.

— Ну, и молодец!

Генерал Филатов подошел к Ванюше и собственноручно дал ему серебряный целковый.

Ванюша поблагодарил, весь сияя от радости. Он сам не знал, как ему удалось поразить все тридцать шесть маленьких головных мишеней.

В роты пошел слух о том, что будут отбирать пулеметчиков в особые пулеметные команды. Вскоре слух подтвердился. Отобрала и шестая рота один расчет для пулемета: начальника пулемета и восемь номеров Долго их переписывали, водили на медицинский осмотр в полковой околоток. Наконец, всем был назначен экзамен.

Пулеметчиков собрали на лестничной площадке. Экзаменовала полковая комиссия. Ванюша занимался с отделением у самых дверей. Вдруг дверь распахнулась, и на площадку лестницы буквально влетел раскрасневшийся командир роты капитан Царенко. Он выхватил из рук Ванюши ствол с рамой и вытолкнул его на площадку.

Все сразу объяснилось: начальник пулемета, выделенный от шестой роты, не сумел ответить на вопросы экзаменаторов, и вот командир роты быстро произвел замену: вместо провалившегося на экзамене младшего унтер-офицера Гавриленко он назначил ефрейтора Гринько. Перед Ванюшей сразу возник вопрос: как отвечать? Может быть, и ему следует «провалиться» и таким образом не попасть в эту «особую пулеметную команду». Но, получив вопрос от экзаменующих — объяснить стрельбу пулемета по закрытой цели, — почувствовал, что не может симулировать незнание. Да и самолюбие в нем сразу проснулось, и он толково объяснил правила ведения стрельбы по закрытой цели. Комиссия задала еще несколько вопросов по материальной части и, получив четкие ответы, утвердила его в особую пулеметную команду. Выл утвержден и весь расчет.

Так Ванюша нежданно-негаданно попал в отборную команду. На сердце у него была какая-то смутная тревога, он никак не мог освоиться с быстрой и неожиданной переменой, происшедшей в его жизни. Он мечтал поскорее вернуться в свой Елисаветградский полк к Митрофану Ивановичу, а тут вдруг куда-то отправляют.

Все думали-гадали: куда? Одни завидовали отобранным, другие, наоборот, жалели, что так случилось.

Через несколько дней всех выделенных собрали в две хорошо укомплектованные пулеметные команды и отправили: первую команду — в Москву, где формировался для отправки куда-то в важную командировку 1-й Особый пехотный полк, а вторую пулеметную команду, в которую был зачислен и Ванюша со своим пулеметным расчетом, в Самару, где должен был формироваться 2-й Особый пехотный полк.

Несколько дней потолкались вагоны по сортировочным станциям, и вот команда миновала Сызрань и прибыла в Самару. На окраине города, в казарменном городке против трубного завода собирались команды со всех концов России — шло формирование 2-го Особого пехотного полка. Привезли полковое знамя, пулеметчики приняли перед ним присягу, держа вверх два пальца правой руки и повторяя за полковым попом слова присяги: «...не жалеть своего живота в борьбе за веру, царя и Отечество... против врагов внутренних и внешних...» Пошли упорные слухи, что полк отправят во Францию. Многим это показалось страшным: ехать куда-то на чужбину, пусть бы лучше умереть на своей родной земле.

Ванюша все лелеял надежду видеть Валентину Павловну, а тут на тебе — приходится уезжать в неведомую страну. Значит, он никогда не увидит Валентину. Но как сделать, чтобы отчислили из полка и в маршевую — на фронт? По рекомендации своего нового дружка наводчика Прокопия

Лапшина он обратился к фельдшеру и дал полтинник, чтобы тот помог ему по болезни получить откомандирование.

— Ты кури чай, тогда хрипота появится в легких и положат в госпиталь, — посоветовал фельдшер.

Но курить чай вместо махорки было очень противно. Да и опасно. Солдаты поговаривали, можно чахотку получить.

Тогда фельдшер сделал Ванюше какой-то укол в шею, и вся шея опухла, стала, как у жирного купца. Но опять неудача: в полковом околотке, куда обратился со своей «болезнью» Ванюша, доктор пощупал, пощупал опухоль и твердо сказал:

— Пустое. Через пять дней опадет.

И приказал наложить компресс, дав освобождение от занятий.

На ротном смотре, когда команда была выстроена, по фронту проходил начальник пулеметной команды штабс-капитан Сагатовский. Внимательно ко всем присматриваясь, он остановился перед Иваном Гринько и спросил, за что тот получил Георгиевский крест. Выслушав ответ, остался доволен.

В команде было человек десять георгиевских кавалеров, и штабс-капитан их берег. Значит, тем более у Ванюши не оставалось надежды получить откомандирование из полка. А опухоль на шее действительно скоро совсем прошла.

На душе у Ванюши было все тяжелее и тяжелее. Желание увидеть Валентину Павловну стало неодолимым, об этом он только и думал. Осталась единственная надежда задержаться в России — как-нибудь отстать при отправке эшелона.

Шли дни. Уже полностью закончили подгонку обмундирования. В носке была одна пара суконной одежды и хорошие драгунские юфтевые сапоги. Выдали всем и вторую пару суконного обмундирования, которая считалась парадной, к ней полагались мягкие сапоги с пряжкой.

Все было готово. Со дня на день ждали погрузки в вагоны.

Часть вторая

Глава первая

1

Много дней тащился эшелон. Длинный состав из красных теплушек, с одним классным офицерским вагоном посредине, громыхал по рельсам среди заснеженных равнин, холмов и перелесков. Миновали Бугуруслан, Белебей, Уфу, Златоуст, Челябинск, Курган, Петропавловск. Пронзительно свистя, паровоз потянул эшелон по бесконечному, в самом деле великому Сибирскому пути. Все уже знали, что поезд идет на восток, к морю, там посадка на пароход — и во Францию.

Франция! Ванюша много слышал, но мало знал о ней и теперь, подпрыгивая на жестких нарах, старался представить себе: что же это все-таки за страна такая — Франция? А в Сибири трещали морозы. Железную печку в вагоне накаливали докрасна, лица солдат, сидевших возле нее, обдавало нестерпимым жаром, зато немного поодаль уже гуляли сквозняки и пробирало холодом.

Ванюша расположился на верхних нарах у окна, из которого сильно дуло, несмотря на то что окно было двойное, причем обе рамы крепко задвинуты и все щели заткнуты ватой, на что пошел не один индивидуальный пакет. Все же от тряски рамы отходили, и их все время приходилось хорошенько закреплять щепками. И на душе было неуютно, холодно.

Не хотелось ехать в эту самую «Хранцию», как называли ее солдаты. То и дело слышались разговоры:

— Хрен его знает, еще как доедем, а може, отправимся на дно морское раков кормить.

— В море-то, говорят, немецких подводных лодок полно.

— То-то и оно...

Но не опасности морского путешествия беспокоили Ванюшу. У него не выходила из головы Валентина Павловна, она теперь казалась ему совсем недостижимой... Будто в каком-то облаке рисовалась ее милая головка в сестринской косынке с маленьким красным крестиком... И даже то, что один глаз немного отличался от другого (все-таки глаз был вставной, вернее, не вставной, а покрытый тоненькой стеклянной оболочкой), — даже это было ее прелестью, и Ванюша еще крепче любил ее. Он любил бескорыстно, по-прежнему считал Валентину Павловну недостижимой из-за ее красоты,

образованности, высокой общей культуры, хотя последняя, как он уже тогда понял, мало зависит от образования.

Но как сделать, чтобы остаться в России, не ехать в эту самую Францию за тридевять земель, через моря и океаны? Вот вопрос, который надо было решить. Как он ни советовался с Проней Лапшиным, с которым успел подружиться, а к чему-нибудь определенному прийти не смог. Отстать от эшелона — комендант подберет и посадит в следующий эшелон, а их много идет сейчас один другому в затылок, отбиться снова — значит вызвать явное подозрение у начальства — упекут под суд за дезертирство... Так ничего и не придумал.

Прибыли в Омск. Здесь всех вымыли в бане на пересыльном пункте и отправили дальше. Теперь тем более невысказано было отставать: на одном пути смешались эшелоны обоих полков — всей бригады, а эшелон, в котором ехала пулеметная команда 2-го Особого пехотного полка, по всей видимости, двигался где-то в середине потока.

— Вчера отправили одного солдата в госпиталь с воспалением легких, — услышал он как-то обрывок разговора.

— Вот если бы удалось заболеть, — вслух подумал Ванюша.

— А ты попробуй, — порекомендовал ему пожилой солдат-сибиряк, который тоже подумывал над тем, как бы остаться в России и махнуть к себе в тайгу на заимку...

— Да боязно, найдут, поймут и отправят на тот свет.

Солдат тихонько посоветовал Ванюше:

— Ты разденьсь до spodней рубашки, разогрейся до большого пота у печки, а потом сразу раздвинь дверь и выставь голую потную грудь на мороз, да супротив ветра. Оно, глядишь, паря, и заложит грудь. А там жар появится, ну и в лазарет на лечение отправят. Там проваляешься, пока все эшелоны пройдут, — вот и останешься в России.

Ваня, недолго думая, все точно выполнил, даже капельки пота у него сразу замерзли, когда он выставил грудь на мороз. Но прошло три дня, а никакого жара не появлялось... И грудь не заложило, и дышалось легко.

Под Иркутском на станции Батарейная — опять баня и дезинфекция обмундирования... Потом эшелон медленно потянулся вокруг Байкала.

— Не берет ничего, дядя, — пожаловался Ванюша солдату-сибиряку. Тот докурил самокрутку, втер ее сапогом в пол теплушки и серьезно ответил:

— Ну, што ж, не взяло с первого раза, возьмет со второго — ты дюже крепкий, однако. Вот попробуй ишо: нагрей у печки голые ноги, а потом — на нары и выставь их в открытое окошко и терпи, сколько сможешь. Сперва

их схватит морозом и как иголками заколет, а ты терпи и терпи. Ну, может, это возьмет, тогда сразу сопля потечет и жар должен быть непременно.

Ванюша и эту рекомендацию выполнил в точности: держал ноги в окне на морозе, сколько хватило сил. Уж, казалось, совсем отмерзнут. Но опять прошло три дня, и ничего: ни насморка, ни жара.

Переехали границу и остановились на станции Маньчжурия. Тут надежда Ванюши остаться в России почти совсем пропала.

— Ты, паря, не унывай, однако, — успокаивал его сибиряк. — Если залихорадит, то японцы положат в лазарет, а там и возвратят в Россию.

На станции Маньчжурия японцы подали свои вагоны, так как колея была другая. Перегрузились в их составы. По вагонам ходил какой-то японский генерал и с чем-то поздравлял русских солдат. Было приказано кричать ему в ответ «ура» и качать генерала на руках, но не ударять о потолок вагона, а все делать с умом.

Всю эту процедуру выполнили точно в том вагоне, где разместился Ванюша. Потом от имени этого японского генерала солдатам раздали пакеты, в которых было по белой булке и по хорошему куску колбасы, чем все остались очень довольны. Но как только тронулись дальше, то сразу замерзли, так как печек в вагонах не было. Не было и нар, а пол был застлан тонкими циновками. Все сбивались в кучу, как овцы в отаре, чтобы хоть как-нибудь согреться, а мороз был градусов около тридцати. Но зато как только эшелон останавливался на какой-либо станции, вдоль всего состава перед каждым вагоном уже горели по два больших костра из старых шпал, и солдаты грелись у огня, вытанцовывая, как на шабаше ведьм. Потом поезд двигался дальше до следующей остановки. Так добрались до Дайрена (бывший порт Дальний).

Светило солнышко, но все же было морозно. Эшелон подали прямо на причал — оставалось перегрузиться из вагонов на пароход. Везде стоят шеренгами японские солдаты: их желтые лица почти сливаются с желтыми околышами круглых фуражек. На шинелях японцев много всяких ремней, а сами солдаты, как статуи, стоят молча, лишь глазами моргают, — пожалуй, только это и отличает их от изваяний. А вообще-то русские солдаты казались против японцев богатырями.

Наконец настал час отправления парохода. На причале построились русские войска. Тут же два оркестра — наш и японский. Сначала исполнили японский гимн, а потом «Боже царя храни». На высокой палубе в парадной форме появился командир 1-го Особого полка полковник Ничволодов. Вокруг него — группа японских офицеров и генералов. Всюду сверкали золотом эполеты и сияли ордена.

— Братцы! Русские солдаты, богатыри земли русской! — начал свою речь полковник Ничволодов. — Вы должны знать, что город Дальний построен русскими людьми, они принесли сюда, на азиатские берега, русский дух, русский нрав, гуманность и культуру, чего, кстати, не скажешь о новоявленных «аборигенах» этой земли.

По рядам прошел гул.

— Вот те на! — зашептались солдаты. — Крепко он японцев-то обозвал: аборигены. Хы-хы-хы.

— Держит русскую марку, точно.

— Пусть знают нашего брата, а то ишь напыжились.

Японские генералы, очевидно, не понимали смысла слов русского полковника и покровительственно скалили зубы. А тот продолжал:

— Мы сейчас покидаем эти берега. Перед нами дальний путь, но мы никогда не забудем, что здесь каждый камень положен руками русских людей, и рано или поздно захватчики уберутся отсюда. Да здравствует наша победа! Ура, братцы!

Загремело громогласное «ура», перекатываясь над толпой русских солдат, сгрудившихся на пристани, на палубах и корме парохода. Все кричали «ура» что есть мочи, одобряя тем самым короткую речь русского полковника. Оркестры исполняли «Боже царя храни». Господа генералы и японские офицеры вытянулись в струнку и держали под козырек, а японские солдаты замерли по команде «Смирно» и держали «на краул». Многие из японцев, не понимая, что происходит, по команде офицеров кричали «банзай», троекратно повторяя этот клич.

Такова была прощальная речь полковника Ничволодова перед отплытием парохода в дальний и неведомый путь. Вскоре пароход отдал концы и отчалил. Можно было вообразить гнев японских генералов и офицеров, когда они получают перевод речи русского полковника.

— Ну и пусть, — поговаривали офицеры. — Пусть знают, что мы вернемся сюда как победители.

— Полковник Ничволодов не сдержался. Ведь он воевал здесь в 1904–1905 году.

— Разумеется, не выдержало русское сердце, вот он и высказался, как и полагается офицеру российской императорской армии.

Не унимались и солдаты:

— Ну и дал же японцам их высокоблагородие!

Гринько и все пулеметчики 2-го Особого полка весьма одобряли командира 1-го полка за его речь и, конечно, были огорчены, когда слушали речь командира своего полка полковника Генерального штаба Дьяконова. Он вежливо и корректно благодарил японское командование за оказанное

гостеприимство, за высокое выражение союзнического долга и заверил, что Россия и ее славная армия выполнят свой союзнический долг и будут драться против германского нашествия до полной победы «нашего с вами, дорогие союзники, оружия».

— Да здравствует наша победа! Пусть нескончаемо гремит слава наших великих монархов! Ура!

Но «ура» кричали солдаты без всякого подъема, сухо, по-казенному. Мол, мели, Емеля, — твоя неделя.

Русских вез старый торговый грузовой пароход «Гималаи», «утюжок», как сразу прозвали его солдаты. В трюмах этой развалины было холодно, на стенах виднелся пушистый иней, особенно густо осевший на головках болтов. Солдаты сильно мерзли, на двойных нарах были постелены лишь тонкие японские циновки. Не прибавили тепла и соломенные солдатские маты.

Ванюша устроился на нижних нарах, у самой железной стенки парохода. Он смел с нее иней, но под ним оказался тонкий слой льда.

— Что они, заморозить нас хотят? — возмутились солдаты. — Хоть бы печки установили!

— Печки! А куда трубу выводить? За стенкой-то вода.

— Да, жисть наша... Не жисть, а жестянка! Вон в каютах их благородий тепло, им хоть бы што!

— Унтера говорят: потерпите, мол, в теплых морях будет жарко. А где енти теплые моря?

Берег медленно таял в дымке, пока наконец не исчез. Вместе с ним исчезла у Ванюши всякая надежда увидеть когда-либо Валентину Павловну. От этого было так тяжело на сердце. «Ну, что ж, прощай, моя любовь. Может, это и к лучшему: вырвать тебя сразу из сердца с корнем — и станет легче». Долго томился этими мыслями Ванюша и даже не замечал холода.

Наутро вышли в Желтое море. Стало немного теплее. Но солдат настигла другая неприятная неожиданность. Начался шторм, и корабль стало бросать с борта на борт. Многие из солдат заболели «морской болезнью». По команде «За завтраком!» никто не поднялся — и так тошнота мучит, выворачивает все нутро. Ванюша крепился и все сосал лимоны и апельсины, выданные японцами русским солдатам. Каждому досталось также по большой коробке сигарет, приторно и сладковато пахнувших, но из-за морской болезни никто в трюме не курил. Эти подарки были выданы

от имени японского императора, за долголетнее царствование которого предлагали молиться вложенные в коробки открытки с русскими надписями.

— А ну его к хренам, у них бог не наш, значит, молитвы нашей не поймет, — шутили солдаты еще до того, как началась качка, а теперь, конечно, было не до молитвы. Все обращались к святому угоднику Николаю, спасителю и заступнику на морях, за помощью, чтоб облегчил солдатские мучения в разбушевавшемся море.

Только через восемь суток пароход «Гималаи» добрался до Гонконга и пристал к стенке. Измученные, шатающиеся солдаты первый раз за весь рейс поели как полагается и вылезли на носовую и кормовую палубы, на яркое и теплое солнышко. Впрочем, все уже давно отогрелись — в трюмах теперь стало душно и жарко. На самую верхнюю палубу вход был запрещен, там располагалось офицерство, хотя сейчас никого не было — почти все господа убыли на берег и на рикшах разъехались по значным местам позабавиться с гейшами — китайками и японками.

Двое суток пароход брал уголь, провизию и пресную воду. Солдаты толпились на палубах и глазели на красивый город, располагавшийся террасами по высокому берегу и подступившей к морю горе. Ночью вся эта гора светилась рядами огней и отражалась в бухте. Солдаты уже знали, что Гонконг — это захваченный англичанами кусок китайской земли, на которой они построили крепость и утвердились весьма основательно. Китайцы только обслуживали англичан и составляли рабочую силу для города и порта. Вот и сейчас в корзинах на бамбуковых коромыслах они таскают уголь. По трапу тянется нескончаемая вереница носильщиков. Они мечутся как угорелые: ссыпают уголь в угольные ямы, получают за пару корзин бирку, суют ее в рот за щеку: больше положить некуда. Носильщики совсем голые, и только рваная мешковина или что-то вроде рогожки прикрывает пояс. За двадцать корзин угля китайцы получают один цент — приблизительно две копейки. Скучно оплачивается этот адский труд...

Вот к пароходу подкатывает одна коляска за другой. Измученные рикши, обливаясь потом, с трудом переводят дух и протягивают руки к господам офицерам, чтобы получить гроши за свою тоже нелегкую, к тому же и унижительную работу.

Рикши почти голые, только в одних трусах и широких шляпах, защищающих их от нестерпимого солнца. Все они поджарые и худые, с широкими разбитыми ступнями. Высадив пассажиров, они выстраиваются в ряд со своими колясками, над которыми натянуты легкие тенты для защиты от солнца. Тонкие оглобли с тонкой тесьмой, чтобы закидывать ее на шею, а то и без тесьмы опущены на землю. Присев на корточки, рикши ждут очередных седоков, которых надо отвезти в город. Они будут напрягать

последние силы, обливаться потом и тащить, тащить коляски с усевшимися в них жирными и тяжелыми пассажирами по улицам города, который круто поднимается от гавани вверх.

Господа офицеры уже съехались на корабль. Раздался последний гудок. Пароход снова уходит в море — теперь в Южно-Китайское. Впрочем, курс и следующий порт остановки никому не известны. Об этом знает лишь капитан, и тайна не разглашается. В море гуляют немецкие подводные лодки, и, чем меньше людей будет знать о маршруте корабля, тем лучше, спокойнее.

Всем солдатам выдали пробковые и капковые спасательные пояса, каждому указали место в шлюпке или на плоту, которое он должен занять по тревоге в случае гибели корабля. Такие тревоги частенько проводились для тренировки. Но кто его знает, тренировка это или действительная тревога. Каждый раз солдаты беспокойно усаживались на спасательные средства, осеняли себя крестным знаменем. Многие шептали про себя: «Господи, милостивый и всемогущий, спаси! Святой угодник Николай, помилуй и сохрани раба божия...» — и называли свое имя.

— Ну вот и добро, раб божий Иван. Помолился богу, теперь акула не сожрет, а целиком проглотит! — смеялись наиболее отпетые зубоскалы, которые ни во что не верили — ни в бога ни в черта.

Ванюшу это как-то даже коробило, ведь угодник Николай первый заступник на морях.

Между тем установилась чуть ли не тропическая жара. Люди обливали друг друга на палубе морской водой из шлангов и сидели раздетые. В трюме, где размещалась пулеметная команда, открыли грузовой люк — стало немного свежей. Особенно хорошо было ночью: наступала прохлада, и море красиво искрилось огоньками-светлячками у самой стенки корабля, тихо скользившего по волнам.

Море было спокойное. Обогнули Индокитайский полуостров и двинулись прямо на юг. Становилось все жарче и жарче. Особенно это почувствовал Ванюша, когда они вдвоем с Прохором Лапшиным были назначены махальщиками. В их обязанность входило на верхней, офицерской палубе ритмично дергать за веревку и раскачивать подвешенные к потолку в кают-компании длинные, во всю каюту, широкие полотнища. Эти полотнища, подобно огромным веерам, опахивали млеющих от жары господ офицеров, все время потягивавших через соломинку зельтерскую воду из запотевших бокалов, в которых плавали кусочки льда.

С Ванюши и Прохора обильно стекал пот, сохло во рту, а губы слипались, как будто их кто клеем смазал. С каким наслаждением они

выпили бы по бокалу свежей воды с кусочками льда! Но об этом и думать было нечего — такое удовольствие доступно только господам, их благородиям. После двух часов работы мокрые от пота Ванюша и Проня Лапшин были сменены другой парой солдат и сразу же направились на нижнюю палубу обливаться водой из шлангов.

Хорошо еще, что море спокойное. Если б к такой жаре добавилась еще качка, так можно было с ума сойти. Какой-то солдат в карцере умер от теплового удара — его зашили в мешковину, подвязали тяжесть к ногам и по наклонной доске спустили за борт. Товарищи по роте стояли у борта по стойке «смирно» с обнаженными головами.

— Царство тебе небесное, — прошептал кто-то.

А кое-кто подумал: где он будет это царство искать в пучине морской? Говорили даже, что труп и до дна не дойдет, а повиснет в воде столбиком, достигнув точки равновесия, а может быть, давлением воды будет совсем раздавлен.

Подошли к южной оконечности узкого Малаккского полуострова. Перед столпившимися на борту солдатами открылась английская крепость Сингапур. Это почти на нулевой параллели, тут уж экватор. Жара нестерпимая, солдаты места не находили, особенно теперь, на стоянке, когда знойный воздух неподвижен. Порт, расположенный на северной части острова Сингапур, отделен от материка узким, около двух километров, Джохорским проливом, через который насыпана широкая дамба, а по ней проложены шоссейная и железная дороги.

Сингапур... И здесь правили англичане, хотя основную массу населения составляли китайцы. Было немного малайцев и индейцев, а европейцев вообще горстка...

Город красив и, так же как Гонконг, расположен террасами на морском побережье. Особенно большое впечатление он производит ночью, при огнях.

Пароход «Гималаи» не причалил прямо к стенке, а стал в бухте на якорь. Вокруг него мигом столпилось множество всевозможных лодок. Люди в них оживленно жестикулировали, предлагали бананы, ананасы, кокосовые орехи, всякие безделушки и украшения, а некоторые многозначительно зазывали посетить их лодки и скрыться в затянутой полотнами корме. Тут же плавали, как лягушки, загорелые до предела, а может быть, такие черные от природы, местные жители и ловили в воде брошенные монеты. Это были чудесные пловцы и ныряльщики, и все их движения на огромной глубине просматривались довольно отчетливо.

Солдаты столпились у перил палубы, гоготали и бросали монеты, пловцы ловко их ловили и, показав, что монета поймана, прятали за щеку. У

некоторых по выпуклой щеке было видно, что монет поймано много. Вот с верхнего мостика какой-то офицер бросил в море полтинник. Монета быстро погружалась, за ней кинулась целая стая ныряльчиков — мальчиков и стариков. Все они ушли так глубоко, что скрылись из глаз, потом стали появляться на поверхности, но никто не показывал полтинника. Но вот почти через минуту появляется малыш лет десяти — двенадцати и с победным выражением на лице показывает на раскрытой ладони полтинник под общее одобрение солдат. Он прячет монету за щеку и опять плавает, широко раскинув руки и ноги и едва шевеля ими. Кто-то из солдат бросил в воду белую луженую пуговицу. Ныряльщик бросился за ней, достал, но, увидев, что его обманули, сердито помахал кулаком и отшвырнул пуговицу подальше.

На палубах дружно засмеялись.

— Нехорошо так обманывать бедняг, — сурово сказал пожилой солдат.

Все замолчали. Больше никто пуговиц не бросал.

Подходили баржи с провизией, которая перегружалась на корабль, водолеи перекачивали пресную воду. По обоим бортам расположились баржи с углем, с них перебросили на пароход широкие помосты в виде ступеней. Голые, почерневшие от угольной пыли, люди поднимали большие корзины, полные угля, сначала на одну ступеньку. Здесь корзину подхватывала другая пара и передавала на следующую ступеньку. Так работал живой конвейер — и корзины с углем взлетали на палубу. Содержимое их высыпалось в угольные ямы, а пустые корзины летели на баржу; там их вновь наполняли, и опять они совершали тот же путь на корабль, подбрасываемые руками грузчиков.

Смыв с себя угольную пыль и грязь, пароход тронулся в путь по Малаккскому проливу. На небе ни облачка, солнце палит во всю свою силу, в полдень оно здесь прямо над головой, в зените, от человека нет даже малейшей тени, воздух насыщен зноем. Тяжело непривычному человеку в этих краях, да никуда не денешься. Море даже не колыхнется — лежит спокойно, как зеркало, и, как в зеркале, отражается в нем огромное знойное небо. Вокруг множество островов и островков, а слева по борту проходит большой остров Суматра. Все острова покрыты богатой, прямо-таки райской зеленью. Словом, сказочная страна... Но солдаты вспоминают почерневших от угольной пыли грузчиков и понимают, что рай здесь только для колонизаторов, а для коренного населения родная земля — суций ад.

Между островами снуют лодки и лодчонки. Корма каждой из них прикрыта какой-то будкой; тут и очаг, тут и жилье, тут и семья, а сам хозяин за веслом — он главная движущая сила. Он двигает по воде свой дом и добывает, как умеет, пропитание для своей семьи, поддерживая ее скудное

полуголодное существование. И сам он родился тоже в этой лодке, в ней он вырос, женился и теперь обзавелся целой кучей детей; самый маленький болтает головкой в пологе у матери за спиной. Когда она становится за весло вместо мужа, головка спящего ребенка так сильно болтается, что кажется, вот-вот оторвется. Другой постарше, голопузик, копается в корме лодки, а третий, уже побольше, хлопочет у очага, что-то подкладывая в огонь. Четвертый промышляет морскую добычу, подбирая все живое и съедобное, — он уже помощник. Вот так и живет эта малайская — индонезийская семья, ютясь всю жизнь в лодке.

Остров богат, чего только не произрастает на нем: табак, чай, кофе, хинное дерево, тропические фрукты, масличные пальмы, перец и, конечно, рис — основной продукт питания населения, хотя его не хватает. Здесь производится каучук, к тому же остров богат ископаемыми, но добывается не все. Крупное значение имеет лишь нефть, имеется уголь, золото и серебро. А люди живут очень бедно и терпят издевательства своих поработителей, которые бьют их хлыстами, резиновыми палками и просто чем попало. Не раз поднимались на борьбу люди этого острова, было время, когда они изгоняли своих притеснителей, но феодальные распри помешали им расправиться с колонизаторами — португальцами, французами, англичанами. Потом им прочно сели на шею голландцы.

Никто об этом солдатам не рассказывал, и они так ничего и не узнали бы, если б не оказавшийся на пароходе самарский слесарь, оружейник пулеметной команды, пожилой уже человек Иван Плетнев. Он-то и поведал об истории острова, о страданиях его народа. Пулеметчики заслушивались его, сидя на нарах трюма в темные вечера, когда не хотелось спать, и каждый думал: «Видать, не только в России народ стонет от горя и несправедливости».

Рассказывал Иван Плетнев и о себе. Что посещал в Самаре кружок, учился грамоте, а учительница, молодая женщина, объясняла, почему трудно живет рабочему люду и как надо сплачиваться всем вместе для борьбы с хозяевами и заводчиками за лучшую жизнь. Постепенно участники кружка начали приобщаться к подпольной революционной работе, вдохновителем которой была молодая учительница. Сам Иван Плетнев по ее поручению даже распространял листовки, тайно разбрасывал их по Трубному заводу, где работал.

— Да, прямо глаза нам открыла та учительница, — вспоминал он.

Это Иван Плетнев в Сингапуре постыдил солдата за то, что тот бросил пуговицу вместо монеты и заставил нырять попусту трудиться. Теперь он как-то незаметно, но быстро завоевывал уважение к себе не только среди пулеметчиков, но и среди солдат других рот.

Старый пароходшко маневрировал между островами, часто менял курс и, наконец, вышел в Индийский океан, который был тих и величествен. Кругом чистая вода, ни островка, лишь попадались встречные корабли, ритмично и монотонно нырявшие носами в воду — все же зыбь вызывала небольшую килевую качку. Пароход «Гималаи» также нырял, но как-то никто этого не замечал, видимо, уже привыкли. Только тревоги вызывали некоторую суматоху на корабле, нарушая его размеренную жизнь, да стан летучих рыб привлекали внимание солдат и служили своеобразным развлечением.

Показались на горизонте огни, и темной ночью корабль подошел к острову Цейлон. Плавание уже осточертело, солдаты изнывали от жары и безделья, потеряв счет времени. Некоторые спали, а большинство следило с палубы, как пароход медленно входил в порт Коломбо и еще медленнее причаливал к стенке. Наконец машины остановлены. Постепенно небо начало светлеть и розоветь, показалось солнце. И тут солдат начал «просвещать» писарь пулеметной команды вольноопределяющийся Гагарин:

— Видите гору, вон ее верхушка светится на солнце... Это самая высокая гора на острове.

Писаря, с легкой руки Ивана Плетнева, нарекли князем Гагариным. А кто его знает, может, и князь, всяко бывает. У него образование первого разряда, значит, студент, грамотей — ничего не скажешь. По-французски говорит, и за милую душу объясняется с матросами-французами, и даже с капитаном парохода свободно разговаривает, куда лучше, чем господа офицеры, которые только и знают, что «мерси мусью».

— Ну вот, — продолжает писарь, — гора эта называется Пидуруталагала, и высота ее почти две с половиной версты.

— Ну и название — язык сломаешь, — бросает кто-то реплику.

— Остров этот принадлежит англичанам, — писарь не обращает внимания на шутку, — он богат чаем, каучуконосами и кокосовой пальмой. От Индии отделяется мелким проливом, который имеет много островков, рифов и всяких отмелей. Говорят, что их еще Адам разбросал здесь, поэтому и называют их Адамов мост.

Все внимательно слушают господина писаря, не часто вот так просто вступавшего в разговор с солдатами. Что-то его толкнуло на сближение с ними в этот раз: не то качка, не то частые тревоги и беготня со спасательными поясами по шлюпкам и плотам. А может, просто при виде изумительной красоты острова в лучах восходящего солнца разомлела душа человека, и ему захотелось сказать солдатам несколько слов о нем.

Вдруг покатила команда:

— По трюмам и твиндекам! Одеть первосрочное обмундирование и приготовиться к прогулке.

Коротко и ясно. Все побежали, громыхая ногами по трапам. Тут же было разъяснено, что полковой командир получил приглашение союзного английского командования. По сему случаю солдаты пройдут по городу с песнями и музыкой.

Все переоделись в обмундирование первого срока — в светло-защитного цвета гимнастерки из тонкого сукна, такие же шаровары и мягкие выходные сапоги с пряжками сбоку у коленок, чтобы можно было потуже затянуть голенища, если они осядут во время ходьбы. Пока строились, выравнивались на пирсе, начальство, начиная от ротных командиров, вплоть до командиров батальонов, подходило и здоровалось. Но вот показался сам полковник Дьяконов. Оркестр заиграл встречный марш, и адъютант полка с шашкой наголо провел по фронту полковое знамя на правый фланг.

— Направо! Отделениями стройся, влево марш, равнение на-право, шагом... марш!

Оркестр заиграл «Под двуглавым орлом», и полк двинулся по улицам Коломбо.

Было десять часов утра, начиналась нестерпимая жара. Народ высыпал на улицы, облепил балконы. Все аплодировали проходившей «доблестной императорской» русской армии. Музыку сменили песни. «Соловей, соловей, пташечка, — канареечка жалобно поет», — раздавалось под знойным небом Коломбо.

Пот градом выступал на солдатских лицах. Гимнастерки стали влажными, а исподники — хоть выкручивай. Песни сменил «Преображенский марш». Полк шагал, четко отбивая ногу, по брусчатке улиц аристократической части города. Вот наконец вышли на окраину, но не на ту, где нагромождены один на другой легкие шалаши из пальмовых веток — жилища бедноты, где безраздельно господствуют вонь, грязь, болезни и все другие горькие спутники нищеты. Вышли на аристократическую окраину — с благоухающими обширными парками, клумбами чудесных цветов, орошаемых брызгами роскошных фонтанов. Длинными рядами выстроились здесь высокие ровные пальмы с макушками из широких листьев, а лужайки ярко зеленели травой, подстриженной под ежик машинками, которые катили перед собой темные, почти дочерна загорелые люди в шляпах из пальмовых веток-листьев. Совсем голые, с небольшим передничком-мешочком, они напрягали свои силы, чтобы справиться с неповоротливыми машинами. Их жены и дети подмотали дорожки, посыпали их красным кирпичным песком и поливали водой. Люди бросили работу и удивленно смотрели на изнемогающих от нестерпимой жары

заморских солдат-чудаков, вырядившихся в суконное обмундирование и кожаные высокие сапоги.

Полк остановился на привал. Тут же его окружили местные жители, и солдаты жестами начали просить напиться. Они с жадностью бросились на принесенные ведра воды. А кое-кому достались большие, как арбузы, кокосовые орехи. Жители показали, как пить из них кокосовое молоко, при этом они гладили себя по животу и выражали блаженство на лицах, — словом, давали понять, что кокосовое молоко очень хорошо утоляет жажду. Солдаты быстро сошлись с ними, угощали их махоркой и сахаром.

— Полегче, не сходить с мостовой, — подал голос фельдфебель пулеметной команды Карпо Ковш.

Ковша пулеметчики прозвали «шашнадцатый неполный». Именно так он и выражался. Ковш был большой служака. Вот и сейчас, хоть и сам обливался потом и вся гимнастерка на нем была мокрая, он все же следил за порядком и не давал пулеметчикам разбредаться в стороны.

А жара делала свое дело. Вот уже от солнечного удара упало несколько человек. Подкатили белые автомобили с красными крестами, из них выскочили английские солдаты — санитары, в белых трусиках, в сандалиях на босу ногу, в белых с открытым воротом и короткими рукавами рубашках с погончиками и в высоких пробковых шлемах. Они быстро подобрали свалившихся от жары русских солдат на носилки, задвинули носилки в фургоны машин и увезли бедняг в госпиталь.

— Становись! — послышалась команда.

Солдаты построились и под музыку зашагали дальше по намеченному начальством маршруту.

Опять марш полкового оркестра, а затем хорошая солдатская песня «Бородино».

Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная, Москва, спаленная пожаром,
Французу, французу отдана...

Вперед вырвались тенора, а им вдогонку катились басы. Песня всех захватила, в нее включались рота за ротой, пока не запел весь полк. Полковой оркестр тоже загремел, и пошла гулять над строем могучая русская песня, заливая улицы экзотического города. Знай наших!

На перекрестках напирали огромные толпы народа — весть о русских солдатах прокатилась по всему городу. Полисмены вовсю работали резиновыми палками, чтобы сдерживать напор толпы, набежавшей посмотреть

на русских богатырей. Песня развеяла усталость, и как-то даже жара меньше чувствовалась, хотя гимнастерки у всех были мокрым-мокры. Так с песней полк вернулся на пристань. Фельдфебели повели свои роты на пароход. С океана повеяло свежестью, и стало легче. На пароходе все быстро разделись, стали обливаться друг друга водой. Еле-еле отошли от этой прогулки по городу.

Порт был оборудован хорошо, много было порталных кранов, ими и поднимали на пароход всякие грузы. Высокие, на металлических опорах дебаркадеры, построенные в несколько этажей, использовались для подачи вагонеток с углем, которые ловко переворачивались, и уголь высыпался из них в широкие металлические желоба, по которым с грохотом катился угольные ямы парохода. К вечеру погрузка была закончена, и ночью пароход «Гималаи» вышел в открытый Индийский океан, оставив позади себя древнюю Индию — страну чудес.

Масса впечатлений, длительность плавания как-то притупили у Ванюши тоску по Валентине Павловне. Немного стало легче, но все же сердце ныло, хотя и не так сильно, как в первое время разлуки, когда еще теплилась какая-то надежда на встречу. Самая острая боль была пережита тогда, когда Ванюша ступил ногой на пароход. Значит, отрезано все. С этой мыслью он уже освоился и теперь вспоминал о Валентине Павловне, как о чем-то далеком и почти нереальном. Зато, странное дело, ему казалось, что где-то тут, близко, среди едущих на пароходе, находится Вера Николаевна, что он вот-вот встретит ее с Игорьком, сразу поднимет на руки этого славного карапуза и покажет ему летающих рыбок. Ему действительно приятно было бы встретиться с Верой Николаевной. Он скучал по ней просто как по хорошей, умной женщине, которую всегда уважал и уважает сейчас.

Поглядывая в открытый люк трюма, Ванюша замечтался, сидя на ящике из-под апельсинов. Ночь была темная. Небо чистое, усыпанное звездами. Но где же Большая Медведица? Так и не удалось Ванюше найти ее по «хвосту», как там, в Восточной Пруссии, когда он сменялся, сдавая или принимая дежурство у пулемета. Ванюша понял, что расположение звезд здесь иное.

Машины монотонно гудели, и пароход чуть вздрагивал, упорно скользя по упругой спине океана. Вода искрилась, поблескивая светлячками у самой

стенки борта, и шипела, будто от злости, что не может остановить упрямый пароход.

— Ложись, Ванька, спать, довольно тебе нюни разводить, — позвал его Лапшин, который тоже не спал, вспоминая родное село и бескрайнюю сибирскую степь, покрытую ковылем.

— Ну что же, Проня, будем спать, — согласился Ванюша, и они улеглись рядом на циновку, скатав под головы свои уже изрядно потрепанные маты.

На корабле было тихо и темно. Огней не зажигали, чтобы не напороться на немецкие подводные лодки, которые все же погуливали по океану; даже не гремела рулевая цепь от штурвала.

Пароход все шел и шел по заданному курсу, который знали только капитан и штурман, прокладывавший курс по морской карте. Пройдя Аденским заливом, бросили якорь на рейде порта Джибути, являвшегося центром французского Сомали. Французы проложили от Джибути до Аддис-Абебы железную дорогу и вывозят из Эфиопии кофе, кожу, скот, соль и ароматические смолы. В районе Джибути ловят жемчуг и добывают соль.

Как и в других портах, к пароходу причалили со всех сторон баржи и стали загружать его всем необходимым. Работали главным образом стройные, высокие и красивые сомалийцы, их чернота немного отдавала цветом кофе: они так же, как и грузчики Сингапура и Гонконга, за бесценок грузили уголь, и угольная пыль стекала с них вместе с потом.

Заправившись всем необходимым, пароход двинулся дальше через Бабель-Мандебский пролив по Красному морю, которое, видимо, и называется так потому, что его волны действительно отливают красным цветом. Море встретило «Гималаи» бурной волной, и старику пароходу здорово доставалось. Он со скрипом ворочался с борта на борт. Правда, морской болезнью солдаты страдали немного меньше, но все же их основательно мучила качка. Море узкое, и сманеврировать кораблю на выгодный курс было нельзя, он держал направление прямо на Суэц.

Небольшая остановка в Суэце. Приняли на борт лоцмана, он повел пароход по каналу, который пересекает Суэцкий перешеек, связывающий Африку с Азией. Солдаты сразу заметили особенность канала: он не имел шлюзов и к тому же включал в себя ряд естественных озер. Управление каналом, судя по всему, было довольно мудреным. И всюду по берегам — люди в белых пробковых шлемах. Это англичане. «Князь Гагарин» снова блеснул своей осведомленностью в географии. Он сообщил, что главное достоинство канала в том, что он пропускает корабли с осадкой до десяти метров; не будь его, пришлось бы обходить с юга всю Африку.

Вошли в большое соленое озеро. Пароход стал рядом с огромным новым лайнером «Лютеция», перекрашенным в защитный серый цвет и превращенным во вспомогательный крейсер французского флота. Началась перегрузка на «Лютецию».

На «Лютеции», имевшей много кают, был довольно большой военный экипаж. Русские солдаты быстро сдружились с французскими матросами и, пуская в ход жестикуляцию и самые, как им казалось, доходчивые и понятные слова, кое-как объяснялись с ними. Частенько можно было увидеть, как французские матросы угощали русских солдат красным вином.

Стояли на якоре около десяти суток, чего-то выжидая. За это время солдаты подробно обследовали корабль.

— Кают-то сколько, батюшки мои! — удивлялись они.

— Не меньше тыщи будет.

— Тыща не тыща, а все же тьма!

— А ты молчи. «Не ты-ща!»! Потом будем говорить: вон, мол, на каком корабле плавали!

Впрочем, корабль действительно был великолепен. Правда, его палубы и обширные залы сейчас были застланы толстым матросским сукном и наглухо затянуты брезентом. Даже колонны и стены были задрапированы брезентом или суровой парусиной. Но солдаты все же доковырялись «до истины» и обнаружили, что пол покрыт ореховым паркетом, колонны мраморные, а стены лакированные.

Так комфортабельный лайнер, построенный незадолго перед войной и предназначенный для плавания на линии Брест — Нью-Йорк, превратился в военный транспорт. На нем установили несколько пушек разного калибра и глубинные бомбы против подводных лодок. Корабль обладал к тому же приличной скоростью — около тридцати узлов, — это примерно пятьдесят пять километров в час.

Солдаты разместились вповалку на полу, по всем залам и палубам. Солдат было много, и их нужно было кормить. Командование «Лютеции», прослышав, очевидно, о неприхотливости русского солдата, решило сбить залежалые продукты. И вот пошли в пищу испорченные рис и горох. Подали суп, в котором плавали черви. Солдаты загудели, да еще французские матросы поддержали их. Поднялся бунт. От пищи отказались. Офицеры бегали и уговаривали солдат. Но это не помогло, и обед был выброшен за борт. Ушло двое суток, чтобы утихомирить солдат. Пришлось срочно подать на «Лютецию» доброкачественные продукты. Выделенные от солдат представители обследовали их, и только после этого они пошли в котел.

Наконец в один из вечеров «Лютеция» подняла пары и снялась с якорей. Это было величественное зрелище, когда лайнер проходил по узкому

каналу, катя перед собой большой вал воды и высоко возвышаясь над берегами. По палубам корабля перекачивался раскаленный в египетской пустыне воздух и, словно баннным сухим паром, обдавал русских солдат. Все истекали потом, хорошо, что «Лютеция» быстро прошла канал и вошла в Порт-Саид.

Высадив лоцмана, «Лютеция» ночью взяла курс в Средиземное море. Было свежо. Ветер усиливался с каждым часом. Громадный корпус «Лютеции», стремительно разрезая волны, глубоко зарывался своим высоким носом в бушующую воду. Корабль шел полным ходом. Солдаты понимали, что в шторм меньше вероятности попасть под атаку подводной лодки, и поэтому не роптали.

Бушует море... Конвойные миноносцы, идущие параллельным курсом, совсем пропадают в волнах, а потом выскакивают на высокие гребни. Глядя на патрульные корабли, можно оценить силу шторма. Вот один из миноносцев приближается к «Лютеции». Рядом с ней он кажется совсем маленьким. Капитанский мостик весь в брызгах и пене, с него офицер что-то кричит в рупор по-английски, переговариваясь с капитаном «Лютеции», а затем миноносец сворачивает и уходит в сторону, оставляя за кормой белую пенящуюся полосу.

Грозное, грозное Средиземное море...

Русские солдаты, хоть и втянулись в морской поход, сбились в плотные кучки и, прижавшись друг к другу, молча наблюдали за тем, как борется «Лютеция» со штормующим морем. Конечно, не обошлось без «морской болезни». Ванюша, Прохор Лапшин и другие пулеметчики сидели тесным кружком на полу концертного зала на носу корабля, где особенно явственно чувствовалось, как пароход поднимается вверх, а потом зарывается в волну. Никто из пулеметчиков не ходил за пищей, хотя аккуратно раздавались звонки, извещающие о завтраках и обедах. Изредка проходили французские матросы. Их, конечно, тоже укачивало, но они скалили зубы и покрикивали:

— Коман са ва?

— Ничего себе са ва, — отвечали русские солдаты с невеселым смехом.

У орудий дежурили расчеты. Их обдавало брызгами, а иногда и целыми потоками воды, но они продолжали стоять по своим местам в брезентовых куртках с капюшонами, с которых все время стекали водяные струйки. Отстояв положенное время, французские матросы сменялись и направлялись в кубрики просушиться и отдохнуть. Вот тогда-то они и проходили мимо русских солдат. Обе «стороны» подбадривали друг друга, обмениваясь остротами.

К утру четвертых суток море утихомирилось. Впереди показался какой-то большой город. Было это 20 апреля 1916 года.

— Марсель! — закричали французские матросы.

Ясное солнце озаряло голубую воду и корабль. Последовало приказание: надеть выходное обмундирование и прифрантиться, уложить вещевые мешки и приготовиться к получению оружия. Все зашевелились. Фельдфебель «шашнадцатый неполный» проверял готовность команды. На носовой палубе, поблескивая начищенными трубами, построился оркестр полка.

Город приближался. Видна была пестрая толпа людей, запрудившая весь порт. Вскоре можно было уже различить радостные лица женщин, приветствовавших корабль; впереди них, у канатов, сдерживающих толпу, стояли цепи французских солдат в синих мундирах и красных шароварах. Много флагов и флажков, русских и французских, — оба флага одинаковых цветов: белый, синий и красный — пестрели на набережной. Только на одних эти цвета располагались вертикально, а на других — горизонтально.

«Лютеция» входила в гавань. Гремела музыка на корабле и на берегу. Наступал конец длительному, почти двухмесячному, морскому путешествию русских солдат. И вот теперь они ступят на французскую землю. Корабль медленно подходил к стенке. Все солдаты, уже одетые в выходное обмундирование, заполнили палубы корабля и приветствовали взмахами рук встречавший их Марсель. На пирсе толпа ликовала — размахивала флагами и флажками, платочками и букетами цветов, кричала:

— Вив ля Рюси!

— Да здравствует Франция! — неслось в ответ с корабля. Наконец «Лютеция» ошвартовалась и спустила трапы. Последовал ряд указаний и распоряжений: роты выстраивались по порядку номеров, а пулеметная команда за 4-й ротой — в строю по два. С корабля шли прямо в пакгаузы, где получали винтовки и подсумки, затем строились на просторной площади поротно и побатальонно уже с оружием. Французское снаряжение было хорошо подогнано — черные подсумки, совсем не похожие на русские, а какие-то квадратные, два спереди, а один сзади на плечевых ремнях, поддетые на поясной черный ремень, сидели хорошо на стройных фигурах отборных русских солдат. Пулеметной команде выдали короткие карабины, которые носились на ремне, за плечами, чем пулеметчики были очень довольны. Стрелковые роты подтянули плотно ремни на винтовках Ля-Бея, примкнули штыки, довольно тонкие и острые, чем тоже солдаты рот были довольны: все же «пуля дура, а штык молодец» — это суворовское изречение им хорошо было известно. Хотя они были хорошими стрелками, но уж больно любили штыковой бой — тут уж наверняка никто не устоит против русского. Лишь бы добраться до рукопашной, а там пойдет гулять бесшабашная русская головушка, да могучая богатырская силушка, да

сметка, да русская удаль, а напор и смелость увенчают дело. Держись, супостат!

2-й Особый пехотный полк выстроился стройными шеренгами. Раздалась команда:

— Направо равняйся! Полк, смир-н-н-но! Для встречи справа под знамя «на кра...ул»!

Давно истосковавшиеся по оружию солдатские руки четко исполнили команду, взяли оружие «на краул», и с третьим счетом солдаты одновременно четко повернули головы направо, чтобы правое ухо было чуть выше левого, а подбородок гордо подкинут чуть кверху. И — замри, чтобы слышно было, как муха пролетит. С корабля вынесли полковое знамя при двух ассистентах в сопровождении знаменного взвода, вооруженного русскими винтовками. Впереди четко шагал адъютант полка с клинком, взятым под высь. Полковой оркестр заиграл встречный марш.

Знамя пронесли по всему фронту полка. Солдаты сопровождали святыню торжественным взглядом. В этот момент они испытывали искреннее чувство преданности своему знамени. Знаменщик полка, могучий, самый высокий в полку солдат, тяжело и твердо ступал своими огромными сапогами по камням набережной, чуть подрагивая головой в такт шагу. Белое с узором полотнище шелка, обрамленное золотой бахромой и кистями, тяжело колыхалось на древке.

Обойдя фронт полка, знамя вынесли на середину строя. Оркестр замолк. Наступила немая тишина. Толпа французов и француженок также замерла, наблюдая этот необычный церемониал.

— Полк, к но...о...ге! Вольно!

Как хлопок, оборвалась команда командира полка полковника Генерального штаба Дьяконова.

— Господа офицеры!

Все вложили клинки в ножны, а полк взял оружие к ноге, но без стука прикладом о камни: оружие надо беречь, чтобы сохранить точность боя.

Глава вторая

1

Полк тронулся по улицам Марселя. Чем-то необъяснимым этот город напоминал Ванюше родную Одессу. Правда, внешне различий было немало, зато море там и тут — теплое, солнечное. Именно море окрашивало оба города в какие-то одинаковые тона. И Одесса, и Марсель — первоклассные порты, с их бурной, напряженной жизнью, с удалью портовых рабочих-грузчиков, с толпами иностранных матросов и вообще людей неопределенных занятий. И у Одессы, и у Марселя — живой, бунтарский, революционный дух. Достаточно вспомнить мятежный броненосец «Потемкин», чтобы проникнуться уважением к красавице Одессе. А Марсель... Это тоже город богатых революционных традиций. Батальон марсельских волонтеров во время Французской революции принес в Париж революционный гимн «Марсельезу», который поют французы.

Вот и сейчас, при встрече русских солдат, здесь звучит «Марсельеза». Как не похож этот гимн на русское «Боже, царя храни» — нудное и тягучее...

Словом, шел Ванюша в первой шеренге пулеметной команды (она вся состояла из георгиевских кавалеров, начальник команды любил этим блеснуть), шел, и ему казалось, что идет он по знакомым каменным мостовым Одессы. И старался шагать бодрее, держать голову выше. И гордый бунтарский дух наполнял его юное сердце... Да, ему еще многое, многое надо было понять, «це дило треба разжуваты», как говорят на Украине, но в нем уже жила потребность, горячее желание узнать правду. Может быть, поможет в этом слесарь команды Плетнев. Он вроде бы мужик с головой, надо только получше узнать его...

Вот уже полк выходит из района порта и вступает в центральную часть города. Все балконы и окна домов украшены гирляндами разноцветных флажков союзных Франции стран, но больше гирлянд из русских и французских флажков, так похожих друг на друга. Много, очень много цветов, зелеными кружевами спускающихся с балконов; на балконах и окнах висят роскошные ковры. На тротуарах сплошь народ. Люди рванулись бы к русским солдатам, но их сдерживают канаты, а впереди стоят шпалерами французские «пуалю», призванные в армию ратники, уже пожилые, с бородками и усами. И тут же вместе с ними зеленая молодежь с

детскими, мальчишескими лицами. На французских ратниках синеют мундиры, пестреют разноцветными красками цветные кепи времен войны 1870–1871 годов и красные брюки, которые, как напоказ, выставлены, даже полы шинелей специально загибаются.

— Чего это они нарядились такими петухами? — недоумевают русские солдаты, одетые в скромное защитное обмундирование.

— А шут их знает, шагай своей дорогой...

В марширующие колонны летят цветы, зелень, флажки, слышны возгласы: «Вив ля Рюси!» Приказано отвечать криками «За здравствует Франция!». После этого возгласы марсельцев учащаются: «Вив ля Рюси!», «Вив ля Рюси!» А в ответ, по команде офицеров, гремит русское раскатистое «ура».

Полк вступает на городскую площадь перед ратушей. Над входом г. ратушу висят два огромных флага — один русский, другой французский, а между ними с балкона спущен большой цветастый ковер. Так братается русская монархия и французская республика.

— Приведет ли это к добру? — косясь по сторонам, перешептываются между собой господа офицеры.

Французский оркестр заиграл «Марсельезу». Мотив напоминал русским солдатам какую-то революционную песню, будил воспоминание о первой русской революции, вырвавшей у перепуганного царя пресловутый манифест, который затем был растоптан пришедшим в себя русским самодержцем.

— Это по мотиву похоже на нашу песню «Отречемся от старого мира», — тихо проговорил слесарь команды Иван Плетнев.

— Цыц! — шикнул на него стоявший впереди старший унтер-офицер Пантелеймон Федиин.

Это был кадровый служака, к тому же фронтовик, о чем свидетельствовали два Георгия на груди и большой глубокий шрам над правой бровью, где вынесло пулей кусочек черепной кости. В этом месте голова Федиин дышала розовой кожей, под которой не было кости.

— Ткни иголкой — и в мозг попадешь, — говорили солдаты.

— Откуда он у него, мозг-то! — язвили наиболее смелые.

Гринько, стоявший рядом с Фединым, покосился на него и подумал: «Строг ты, братец, да зря». В это время русский полковой оркестр затянул «Боже царя храни», и потекли медленные, безвольные звуки навстречу браваурной и ритмичной «Марсельезе».

— Какой парадокс, — проговорил, сморщившись, штабс-капитан Сагатовский, стоявший на правом фланге пулеметной команды. Сагатовский

был убежденным монархистом, и ему казалось нелепым сочетание республиканского гимна с монархическим.

Младший офицер поручик Савич-Заблоцкий ничего ему не ответил, а лишь что-то гмыкнул себе под нос.

Генерал-майор Лохвицкий, начальник 1-й Особой пехотной бригады, между тем обменивался приветствиями и рукопожатиями с французским генералом и мэром города. И вот полк уже двинулся дальше, проходя церемониальным маршем перед властями города. Раздались песни в колоннах рот и батальонов. «Взвейтесь, соколы, орлами», — понеслось над 1-м батальоном. Где-то сзади затянули «Шумел, горел пожар московский». Но сразу же раздалась команда «Отставить». Солдаты поняли: не то же напоминать французам о злополучной для них войне с Россией 1812 года.

Французский и русский оркестры наперебой играли марши. Встречающие восторженно выкрикивали приветствия русским солдатам и буквально засыпали колонну цветами. Знатные француженки сияющими глазами провожали проходивших мимо твердым, размеренным шагом статных, молодых русских солдат. До этого они представляли их себе с большими бородами и усами, какими видели на картинках в своих школьных учебниках. А тут такой приятный сюрприз — стройные, молодые, краснощечие, красивые. Ах, какие они милые и славные, а идут, идут как! — широким, бодрым шагом, с развернутой грудью, у некоторых видны хорошо подбритые и закрученные кончиками кверху усы. Солдаты уже успели украсить свои винтовки цветами, а у всех господ офицеров букеты цветов в руках. Марсельцы встречали русских солдат с открытым сердцем, выражая свой бурный восторг в приветствиях, в воздушных поцелуях. То и дело было слышно: «Ке бель сольда Рюсь!»

Короткая остановка.

— Стоять вольно, но с места не сходить. Можно закурить, — распорядились фельдфебели по указанию начальства, которое буквально потонуло в разноцветной толпе марсельских женщин. Их очень много, мужчин значительно меньше — они на фронте.

Через минуту толпа смешалась с русскими солдатами: кто угощает сигаретами, кто дарит шоколад, печенье. Появились ведра, кувшины свином, сидром, и вот уже солдаты утоляют жажду. А кое-где француженки уже обвивают нежными руками крепкие шеи русских солдат и раздаются звуки поцелуев. Солдаты теряются, но все же отвечают полной взаимностью.

— Становись! — прогремели голоса ротных командиров.

С трудом удалось восстановить строй, и полк под бравурный марш двинулся дальше по запруженной народом улице. Опять возгласы «Вив ля

Рюси!». В ответ солдаты отвечали (уже наспигованные господами фельдфебелями) : «Вив ля Франция!» На это приветствие марсельцы бурно отвечали восторженными возгласами и рукоплесканиями. Так, провожаемый ликующим населением, полк прибыл в расположенный рядом с Марселем лагерь Мирабо, обнесенный каменной стеной с массивными железными воротами.

Быстро был произведен расчет рот по палаткам — по десять человек на каждую. Палатки белели аккуратными рядами, утопали в яркой зелени деревьев. Оружие сложили в козлы. Вещевые мешки разместили в палатках. Солдаты сняли свои гимнастерки и пошли к умывальникам. Кто не знает лагерных умывальников, стоящих длинными рядами за палатками! И все же заботливые французы прикрепили к ним белые дощечки с надписью по-русски: «Умывальник». Вскоре накормили всех солдат хорошим, сытным обедом. Так первый раз за пятьдесят пять суток морского путешествия они поели на твердой земле. После обеда — отдых и свободное время. Господа офицеры вскоре покинули лагерь и уехали в город на всякие приемы или просто кутнуть с дороги. Остался дежурный офицер. Но отпускать солдат в город начальство запретило.

Вокруг лагеря собралось много всякого народу, от простого люда до богатых мосье. Со стороны города стены лагеря были высокими, метров пять и больше, а со стороны лагеря — в рост человека. Верхушка стены была зацементирована, утыкана битым стеклом, но это никого не остановило: солдаты покрыли верх стены мешками, травой, шинелями и живо вступили в разговор с француженками, используя все приемы для объяснений. Появились и доморощенные переводчики. Один пулеметчик, Станислав Лапицкий, немножко умел говорить по-английски — он до солдатчины служил в торговом флоте матросом и плавал по всему миру, — а какой матрос не «говорит» по-английски? Вот он и служил за переводчика между солдатами и горожанами. Вскоре у марсельцев появились легкие лесенки и просто веревки. Они забрасывали их солдатам, а те не заставляли себя долго ждать: проворно спускались по ту сторону стены и растворялись в толпе. Так почти добрая треть полка ушла в город, а у оставшихся появились бутылки вина и даже коньяк. Вскоре солдаты «повеселели».

Ушли в город и многие пулеметчики вместе с «переводчиком» Лапицким. Вернулись они уже на рассвете. Столько было рассказов! Кое-кто

принес подарки, главным образом шоколад, вино, печенье и всякие сладости, а кое-кто побывал в гостях у любезных француженок.

— Так вот, спустились мы с Лапицким со стены, — плутовато подмигивая, исповедовался пулеметчик Петр Фролов, — тут Славик сразу «загугал» что-то, а потом «захавал», мол, «Ну за ду ю ту кал» — и все дело ясно. Одна дамочка, этакая в шляпочке и под зонтиком, хоп меня под ручку и повела, а другая, должно быть ейная подружка, подхватила Славика. Выпили мы на дороге, усадили нас дамочки на извозчиков, и покатали мы в город. Подъезжаем к хорошему дому с садиком. Тут нас встречают лысые старички с бакенбардами и открывают калитку и двери, в одну пошел Славик, а в другую я с дамочкой, а старички давай нам кланяться. Эге, думаю, куда это нас угораздило! Подскочила к нам девушка, как пампушка, беленькая, и тоже низко поклонилась. Моя дамочка отдала ей зонтик и шляпу. Тут я увидел, что у нее пробивается седина в голове, но вся она такая пышная и красивая и, видимо, живет в достатке, — отчего бы это у ней седина появилась? Что-то она сказала этой девушке по-своему, та расшаркалась передо мной и говорит: «Але, мусью». Ну, разумеется, я пошел за ней. Проводит это она меня в умывальник, а он весь белый, прямо как лебедь. Пускает в ванну воды, меряет градусником. Приносит мне чистое исподнее белье, да такое тонкое...

— Да будет врать-то! — перебили его.

— Эх ты, врать! — Тут Петька расстегнул гимнастерку и действительно показал тонкое батистовое белье со множеством мелких складочек на манишке.

Солдаты пощупали белье:

— А ведь верно, шут его дери!

— Ну вот, — продолжал Петька, — девушка и говорит: купайся, мол, а сама ушла. Я, конечно, в ванну, помылся хорошенько с пахучим мылом, аж потом меня прошибло. Разумеется, одел вот эфтовое исподнее, что на мне, и форму. Выхожу в коридор. Тут меня опять встречает эта пампушечка, я даже щипнул ее, а она мне пальчиком погрозила и опять говорит: «Але, мусью». И привела она меня, видно, в столовую, потому что на столе стояли бутылки с вином и коньяком, тут же были тарелки с ложками и вилками, но хлеба не было, и почему-то на столе валялись цветы. Тут входит в столовую моя дамочка с проседью и так приятно и радостно мне улыбается. Усадила меня рядом с собой и говорит: «Буле ву»... Ну, в общем, наливает мне вина. Видит, я кошусь на коньяк, наливает коньяку. А себе какую-то малюсенькую чарочку чего-то красненького. Пампушечка принесла и положила мне на тарелку мяса, колбасы, отдельно, на тарелочке, как на смех, маленький кусочек белого хлеба, дамочка говорит: «Сивупле». Пей, мол. Выпили,

потом дамочка еще налила а потом еще. Ну во мне, ясное дело, кровь заговорила, и в голове шумок пошел. Потом пампушечка кофе принесла, а дамочка опять нашла коньяку. В общем, выпил я ничего себе, а поесть, как полагается, было нечего. Потом дамочка привела меня в другую комнату, показывает на кровать и начинает мне расстегивать гимнастерку, смеется и заигрывает...

Слушатели заржали:

— Держись, Петька! «Шашнадцатый неполный» покажет тебе мадамочку!

Дневальный подал команду: всем отсутствовавшим на вечерней поверке выстроиться перед палаткой господина фельдфебеля.

— Вот оно, Петька, начинается! — гоготали пулеметчики.

Фролов сразу скис, Славик тоже почесал затылок.

— Дамочки вас расстегивали, а фельдфебель застегнет! — продолжали смеяться солдаты.

Когда все проштрафившиеся построились (таких из пулеметной команды оказалось двадцать три человека), Ванюша, дежуривший по команде, скомандовал им «Смирно» и пошел докладывать фельдфебелю. Фельдфебель вышел из палатки, обвел выстроившихся безразличным, мутным после крепкой выпивки взглядом и поздоровался.

— Здра желаем, г-дин фельдфебель! — бодро ответили ночные гуляки.

— Гм... гм... Ну, что же вы подводите команду перед всем полком — в самоволку пошли, — тянул фельдфебель. — Что ж, их высокоблагородию начальнику команды докладывать? Аль никто не попался?

И фельдфебель вопросительно посмотрел на провинившихся. Все молчали. Ванюша воспользовался паузой:

— Как вы приказывали, господин фельдфебель, я дежурному по полку доложил, что на вечерней поверке присутствовали все налицо.

— Ну и правильно! На поверке все были налицо, и отсутствовавших в пулеметной команде не было. Понятно? — Фельдфебель строго посмотрел на солдат.

— Так точно, понятно, господин фельдфебель, — ответили все вместе.

— Ну то-то ж, мотри мне. — И он помахал увесистым кулаком.

Этим внушением и закончилось дело. «Во всех ротях полка отсутствовавших на поверке не было», — сообщили начальству, хотя почти половина солдат да и господ унтер-офицеров уходила в город без разрешения. Дежурный офицер, опорожнив хорошую бутылку коньяка, безмятежно проспал все дежурство в палатке. За порядком в полку следил дежурный фельдфебель первой роты, старый слуга царю и отечеству

подпрапорщик Уваров. Ему и докладывали дежурные по ротам и командам о полном благополучии в их подразделениях.

День в лагере прошел спокойно. Все отсыпались после длительного плавания, а многие и после самовольной и на редкость приятной ночи. Господ офицеров весь день в лагере не было — они находились в городе на всяких приемах, а то просто повторяли историю Петьки Фролова. Большой город с многотысячным населением легко проглотил в свое чрево русских гостей, прибывших спасать Францию в тяжелой войне.

На другой день прибыли французские железнодорожные агенты со схемами воинских эшелонов для расчета людей. Русских приятно поразило, что железнодорожные составы были сформированы из классных вагонов (пусть и третьего класса), а не из товарных. Французские власти решили похорошему встретить русских спасителей, хотя бригадное начальство считало это излишним: как бы не разнежить солдат, привыкших ездить в телячьих вагонах — «8 лошадей или 40 нижних чинов».

После расчета по эшелонам полк двинулся на станцию для погрузки. Благодарное население Марселя, с которым солдаты были уже на короткой ноге, с еще большей восторженностью сопровождало их до вокзала. У многих дамочек были влажные от слез глаза: они дарили своим «ангелам» и «ами» всякие сувениры и самое важное — адреса, с настойчивой просьбой писать.

С шумом и весельем размещались солдаты по вагонам — по десять человек на купе. Таких купе солдаты отродясь не видели: не соединяющиеся друг с другом, выходящие прямо на обе стороны вагона. Поэтому снаружи — сплошные ступеньки и у каждого купе поручни. Внутри — жесткие скамейки для сидения, по пять человек на сторону, над ними — полки из сеток для ручного багажа. Вагоны были явно рассчитаны на пригородное сообщение.

— Ну и что, рази это Расея, тут можно всю Хранцию и пешком отшлепать за неделю. Доедем как-нибудь, по десять человек даже удобнее, — делились между собой солдаты первыми впечатлениями.

Но дальнейшие события показали, что удобства купе оценены были ими весьма поверхностно...

Играла музыка — живая французская и тяжелая, размеренная русская полковая музыка. Шумные крики провожающей толпы, цветы, сладости, белое и красное вино — все это предназначалось русским солдатам. Они набивали карманы подарками и несли в свои вагоны. Тут были всякие баночки — и с вареньем, и с паштетом, с сардинами и даже устрицы.

— Все неси, на войне пригодится.

— Это уж точно.

— А что ж, бесплатно!

Под восторженные приветствия поезд тронулся. Путь был — на Лион, Дижон, Париж.

Каждая маленькая станция, на которой и поезд-то не останавливался, была запружена народом. Люди толпились даже на переездах, аккуратно закрытых шлагбаумами. И все кричали, махали цветами, бросали их в вагоны. На больших станциях, где поезд останавливался на несколько минут, вообще было столпотворение. Солдат качали, одаривали вином, фруктами, дети бросались им на шею. Девушки, в белых халатах, с маленькими красными крестиками на косынках, развозили в чистеньких тележках кофе, какао и угощали солдат. Те не отказывались, подставляли свои кружки:

— Ха, господское питье, какава какая-то. А вкусная!

Чем дальше ехали, тем все больше начинали понимать солдаты, что вагоны не так-то удобны, как это показалось на первый взгляд. А спать где? А до ветру куда? Вопрос решался по-солдатски: раз невтерпеж, раз всякие яства довели до поноса — тут некогда рассуждать. Открывай двери купе и спускай штаны. Ты, Славка, держи за руки Петьку, чтоб не выпал из вагона, а ты, Петька, того, не прохлаждайся... Ахти, черт побери! Как на зло, переезд, и люди машут цветами, а у них перед носом Петька голым задом проезжает. Вот те и купе!

— Ха-ха-ха, го-го-го, — заливаются солдаты.

А Ванька и Славка, захлебываясь от смеха, чуть не упустили из рук Петьку, так что тот даже побледнел с перепугу.

Наконец втащили в вагон опроставшегося Фролова. Солдаты еле успокоились после этой истории.

— Вы, ребята, поменьше ешьте, — распорядился старший по купе Гринько. — Видите, какие неудобства с туалетом.

Начало вечереть. Потянуло на сон, и солдаты стали размещаться — укладывали головы на плечи соседей, а те их без стеснения спихивали. Ванюша устроил нечто вроде совета: каким образом все же выспаться? Посыпались всякие предложения. Наконец порешили: двое лягут на сетках вместо ручного багажа, одного можно подвесить на полотенцах между сетками («Как в гамаке», — смеялись солдаты), четверо устроятся на полу, двое — под сиденьями, а остальные трое на скамейках. Так и сделали. Купе приобрело вид ноева ковчега. Но все заснули, не испытывая особых неудобств.

На следующий день администрация железной дороги учла бытовые неудобства вагонов, остановки стали чаще и продолжительней, и это намного облегчило участь солдат.

На одной из больших остановок, под Дижоном, накормили горячим обедом. Правда, борща или щей не было, а разливали по котелкам какую-то сизую водичку с редкими блестками жира.

— Тю-ю-тю, рази это еда, — переговаривались между собой солдаты и незаметно выливали бульон под вагоны. Подходили за вторым. Тут ничего не скажешь, давали по хорошему куску поджаренной колбасы с тушеной картошкой и богатой подливкой. Порции были подходящие, на опять беда: хлеб белый и уже за два месяца приелся, хотелось своего, черного, с аппетитной хрустящей коркой. После опять дали какао.

— Ну чем не житуха!

— Прямо как графья — какаву пьем и добавку дают по кружке.

Поехали дальше. Ночь опять поспали со всеми «удобствами», а рано утром поезд замедлил ход, подъезжая к лагерю Майи. Мимо проплывал двухэтажный белый дом. И вдруг в нем почти сразу распахнулись все, окна. Высунулись заспанные женские головы, затрепетали белые платочки. Солдаты сразу повеселели и в ответ замахали фуражками. По вагонам послышался смех, пошли рассуждения и предположения. Поезд вскоре остановился.

Последовала команда: «Выходи для построения». Полк построился во всю платформу. Французский оркестр со смешным капельмейстером с длинной палкой-булавой, которую он подбрасывал в воздух и ловил, заиграл встречный марш. Лагерное командование направилось к русскому начальству и представилось — оно было в меньших чинах, чем русское. Затем вынесли знамя полка, пронесли его по всему фронту замерших по команде «Смирно» солдат, и полк тронулся в лагерь.

Знаменитый военный лагерь Майи расположен на возвышении, примерно в ста пятидесяти километрах на восток от Парижа. Никакой реки близко нет, если не считать небольшого ручья Люитрель. Непосредственно к лагерю с востока примыкает большое стрельбище *champ de tir de Maily*.

Это стрельбище даже можно назвать маленьким полигоном, ибо простиралось оно километров на четырнадцать как с юга на север, так и с запада на восток. Стрельбище имело форму круга, несколько поджатого деревнями Пуавр, Труан ле Гранд, Достон и Гранвиль с запада, и довольно большим населенным пунктом Сомпюи с северо-востока. Это почти ровное, открытое поле, правда, с небольшими перелесками.

Много это поле видело учений, парадов и стрельб, но русские войска на нем появились впервые за последние сто лет. Ведь они могли проходить по нему только в 1814 году, направляясь в Париж... Но зато теперь полю предстояло хорошенько послужить русским войскам, прибывшим во Францию.

Весь лагерь, за исключением четырех кирпичных казарм, каменных офицерских домиков и добротных кирпичных конюшен, состоял из легких сборных барачков, покрытых толем; даже легкие, длинные и низкие рамы окон были затянуты промасленной бумагой вместо стекол. Все легкое, перевозимое и небьющееся. Пол земляной. Каждый барачок рассчитан человек на восемьдесят при кроватях в один ярус. Барачки стояли рядами, как солдаты в строю. Между ними были проложены дороги, по-лагерному — линейки. Несколько на отшибе, на горке, виднелась отдельная группа барачков. В них и расположились пулеметчики.

Из одной пулеметной команды на полк предстояло развернуть три команды — по одной на батальон. О таком обилии пулеметов в полку на русско-германском фронте никто, конечно, даже мечтать не мог. Для реорганизации была принята французская, смешанная организационная система, то есть четыре стрелковые роты — батальон, три батальона — полк. А, как известно, 1-й и 2-й полки составляли 1-ю Особую пехотную бригаду русских войск во Франции.

Две пулеметные команды разместились в этом барачном городке на отшибе, и сразу каждая выделила по два взвода из четырех на формирование еще двух команд. Так все шесть команд и разместились в этом городке — здесь как раз и оказалось шесть барачков. Основная пулеметная команда 2-го Особого пехотного полка получила наименование четвертой пулеметной команды, нумерация была дана единая на бригаду.

Вскоре пулеметную команду пополнили новыми людьми за счет стрелковых рот. Команда получила пулеметы «гочкиса», легкие пулеметные повозки под одну лошадь, которую повозочный должен был водить в поводу, и такие же легкие патронные двуколки. Это, конечно, ущемляло самолюбие пулеметчиков. Теперь никто не ездил на двуколке, никто, кроме начальника команды, не имел верховых лошадей.

— В пехтуру превращаемся, — поговаривали пулеметчики, чувствуя, что теряют свои привилегии.

Большим событием было получение лошадей. Четвертая пулеметная команда, в которой оказался Иван Гринько, как более укомплектованная и организационно устоявшаяся, должна была получить лошадей на все три пулеметные команды полка, собственно на весь полк. Лошади поступали из Канады, молодые, дикие, людей к себе они не подпускали. Принимали их по

таврам и по номерам, выжженным на правом переднем копыте под венчиком. Чтобы посмотреть этот номер, требовалось несколько человек — они изо всех сил держали лошадь, с трудом поднимали ей ногу, обмывали копыто, и только тогда можно было разглядеть на нем пяти-шестизначное число. Особо дикие лошади вырывались, выбегали из конюшен и сломя голову носились по конюшенному двору, а то и по всему лагерю. Дневальные не зевали — старались поймать любую лошадь и загнать к себе в конюшню, не считаясь ни с какими номерами, лишь бы лошади по счету были налицо. Так что скоро все лошади были перепутаны между полками, и претензии по номерам не признавались. А лошадей по счету все же не хватало: нескольких упустили, и где они носились, никто не знал.

После полкового развода Гринько в качестве дежурного прибыл с дневальными на конюшни и стал принимать лошадей. Дневальным он строго-настрого приказал приглядывать за лошадьми, так как увидел, что рядом крутятся солдаты 1-го полка — у них лошадей явно не хватало. Об этом по секрету сказал Ванюше младший унтер-офицер Ковалев, сдававший ему дежурство. У него сбежали две лошади, их долго искали, но безрезультатно. Тогда ночью увели двух лошадей из конюшни 1-го полка. Как там дежурные будут отчитываться, когда утром спохватятся, — одному богу известно. Скорее всего, «постараются достать» коней у соседей.

— В общем лошади у меня по счету все налицо — вот и принимай, — решительно сказал Ковалев, понимая, что влез в излишние подробности. — И сам постарайся так же сдать дежурство. А там, смотришь, и дело с лошадьми прояснится: ведь скоро их будут делить по командам.

Ванюша согласился: не подводить же команду. Тем более что он уважал этого невысокого унтер-офицера за его храбрость, о чем говорили два ранения на фронте и два Георгия, болтавшихся на его узкой, впалой груди. Ковалев до службы работал на кожевенном заводе и так надышался всякой дрянью, что прибаливал легкими и вообще был некрепкого здоровья.

Но несмотря на это, на войну его забрали, и службу он нес аккуратно. Звание младшего унтер-офицера Ковалев получил по статуту, вместе с Георгиями. Он любил как следует выпить и поскандалить с начальством, разумеется не с господами офицерами, а со взводными унтер-офицерами и с фельдфебелем, которого он считал «шкурой». За все это Ковалев уже успел побывать на лагерной гауптвахте, а Ковш по этому поводу целый час читал команде нотацию, что, мол, лицом в грязь ударили «перед хранцузом». В общем, Петр Ковалев стал одиозной фигурой, которую начальство любило склонять на все лады, и авторитет его от этого в глазах Ванюши, да и других пулеметчиков, значительно поднялся.

Новый наряд по конюшне вступил в свои права. Неподалеку от ручья, обильно поросшего молодым ивняком, располагались французские конюшни, даже не конюшни, а целое конное «депо», готовившее ремонтных лошадей для французских пехотных полков. Там даже мулы были. Лошади туда поступали раненые и больные, которых кое-как подлечили в ветеринарных лечебницах, а также те, что шли по выбраковке из кавалерийских частей. Французские солдаты, обслуживавшие это «депо дешваль», были все пожилые, добродушные, бывшие крестьяне. Они хорошо, по-приятельски относились к русским и охотно с ними общались, а за своими конюшнями смотрели сквозь пальцы. У них легко можно было увести пару-другую лошадей, но на это пулеметчики пойти не могли — не позволяла солдатская честь. Как обидеть этих добрых французских солдат! К тому же обнаружится такая подлость — свои заедят, позора не оберешься. А лошади у французов старые, спокойные, любой дурак отличит их от строптивых диких канадок.

Часа через два в гости к Ванюше пришли французские солдаты из конного депо во главе с сержантом, бывшим кавалеристом, потерявшим в бою глаз.

— Маршаль де Льожи Мишель, — отрекомендовался сержант.

— Трез-агреабль, капораль Жан, — ответил Ванюша и протянул руку французу.

Он представил своих дневальных, находившихся в амуничнике, и познакомился еще с двумя французскими солдатами, пришедшими с сержантом. Уселись поудобнее на тюках спрессованного сена и стали «вести» душевный, солдатский разговор:

— Муа туа уважаю, понимаешь? — твердил Хольнов, второй номер первого пулемета.

— Уй, уй, — же компри, — отвечал ему француз.

Они стали обниматься и хлопать друг друга по спине.

Фролов принес котелки с обедом и нарезал хлеб, приспособив один тюк, застланный мешком из-под овса, под стол. Французы, что-то смекнув, сбегали к себе в конюшни и принесли фляжки с вином, а один даже вынул из своего кармана бутылку кирша — дешевого, но крепкого коньяка.

Выпили и вместе стали обедать. Французы нахваливали борщ и кашу с салом, а русские смаковали вино и особо нахваливали кирш, сразу усвоив его название.

— А крепко берет, сразу, как наш самогон, — заметил Фролов.

Беседа между союзниками протекала при полном взаимопонимании. Когда все вино и кирш были выпиты, французы, обвешанные фляжками, бидонами и снабженные деньгами за счет русской стороны, направились в

городок за дополнительным источником веселья. Появились открытые банки консервов из носимого неприкосновенного запаса, прибыли французы с полной посудой, и пир пошел горой. В амуничнике гремели голоса, смешалась русская и французская речь. Петька Фролов на радостях, что познакомился с французом Пьером, стал с ним обниматься и целоваться. Ванюша, как дежурный, сидел посередине амуничника на одном тюке с Мишелем и тоже обнимался. В это время в дверях появился дежурный по полку капитан Юрьев-Пековец.

Сержант Мишель вскочил и испуганно уставился на капитана. В нетрезвом мозгу Ванюши молнией пронеслась мысль: надо отдать рапорт.

— Смирно! — заорал он во всю свою пьяную глотку.

Все вскочили, а Ванюша, вытянувшись, отчеканил:

— Ваше высокоблагородие, во время моего дежурства по полковым конюшням происшествий не случилось, по списку лошади все налицо, дежурный по конюшням ефрейтор Гринько!

Он ждал, что их высокоблагородие сейчас начнет морду бить.

Но командир 1-й роты капитан Юрьев-Пековец слыл в полку добрым офицером. Он смотрел, ухмыляясь, на всю эту картину и покачивал головой. Потом он расправил свои пышные украинские усы:

— Значит, происшествий не случилось, господин ефрейтор?

— Так точно, вашескородь! — отрубил Ванюша.

— Ну, пойдем, малец, посмотрим на твои порядки в конюшне, — проговорил капитан и с деланной строгостью погрозил Ванюше пальцем.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие!

Капитан пошел вразвалку, за ним Ванюша. Следом несмело шли Фролов и Хольнов, решившие в случае чего не давать в обиду своего командира. Жорка Юрков, наводчик пулемета, больше всех охмелевший, остался в амуничнике, а французы, не находя ничего предосудительного в том, что произошло, спокойно двинулись к своим конюшням.

Капитан Юрьев-Пековец только что отобедал в офицерском собрании и, видать, тоже хватил коньяку, поэтому был в добром расположении духа.

— Ну, что, дежурный, рассказать об этом штабс-капитану Сагатовскому или помиловать вас? Ну, как думаешь, господин ефрейтор? — говорил капитан.

— Помилуйте, ваше высокоблагородие, — взмолился Гринько.

— Никогда не забудем вашей милости, вашескородь, — вторил Ванюше Петька Фролов.

— Ну, а ты не вмешивайся, когда два начальника ведут между собой речь, понятно? — прикрикнул капитан и, ухмыляясь, посмотрел на Фролова и Хольнова.

— Марш отсюда!

Те быстро повернулись, но Фролов покачнулся и чуть не упал. Его поддержал Хольнов, и они не очень твердыми шагами пошли в сторону амуничника.

— Вот что, ефрейтор Гринько, так уж и быть, я ничего не скажу вашему Сагатовскому, а то он по твоей спине розгами погуляет. Но ты мне в услугу подбери хорошего верхового коня.

— Так точно, ваше высокоблагородие, подберем самого лучшего, разрешите вывести и показать?

— Ну, давай, показывай.

Гринько позвал Фролова, самого отчаянного наездника, и все вместе пошли в конюшню. У Ванюши был на примете красивый и сравнительно спокойный гнедой конь.

Капитан вышел на площадку между конюшнями и, подбоченясь, наблюдал, как Фролов и Ванюша вдвоем выводили на растяжке мерина.

— Да, похоже, что это хороший конь, — проговорил капитан, прикусывая кончик своего пышного уса.

— Прикажете седло надеть? — спросил Ванюша.

— Ну, попробуй, малец, надень.

Фролов быстро вынес из амуничника новенькое седло с уздечкой. Кое-как с большим трудом удалось надеть на коня оголовье и взнуздать его. С седлом дело было хуже. Как только накинули седло, конь покосился и захрапел, а когда прихватили его подпругой, начал бить задом. Седло все больше сползало к хвосту, пока не свалилось на задние ноги лошади. Конь испуганно озирался налитыми кровью глазами, храпел, далеко и высоко отбрасывая задние ноги. Хольнов и Фролов крепко держали его, а Фролов норовил поймать верхнюю губу мерина в закрутку. Наконец это ему удалось, и лошадь жалобно заржала. Ее ноги запутались в подпругах — вот-вот подломятся. Но подпруга не выдержала и лопнула у пряжки, седло отлетело в сторону. Конь отскочил и перестал бить задом, только весь дрожал, мокрые бока его ходили ходуном.

— Тихо, тихо, голубчик, — приговаривал Петька и отпускал закрутку, а когда совсем отпустил, погладил и похлопал коня по шее. Тот стал успокаиваться.

Пока шла вся эта канитель, Ванюша и его дневальные Фролов и Андрей Хольнов совсем протрезвели и уже крепко держались на ногах.

— Разрешите, вашвысокородь, я его без седла под верхом покажу, — предложил совсем расхрабренный Фролов.

— Валяй, — согласился капитан.

Петька мигом очутился на коне и стал его прибирать к рукам. Конь норовил скинуть седока, но вскоре успокоился и пошел галопом между конюшнями.

— Держись, Петька, не пускай его в конюшню, а то он тебя о дверь треснет, — крикнул Андрей.

Петька накрутил на кисти рук поводья и почти подтянул коню голову к груди. Конь перешел на рысь, а затем на шаг. Так Петька все-таки поборол коня, уже покрывшегося пеной.

— Ну, вот и хорошо, — запишите этого коня за мной, — распорядился капитан Юрьев-Пековец.

— Слушаюсь, будет сделано, — отчеканил Ванюша и пристукнул каблуками, держа руку под козырек.

— И смотри мне, ефрейтор, чтобы больше не того, понятно?

— Так точно, понятно, ваше высокоблагородие.

Капитан своим неторопливым шагом, вразвалку пошел в сторону барачков.

— Ух ты, хрен ты побери, — перевел дух Андрей и погладил свои небольшие стриженные усы.

Вес трое глядели вслед капитану, еще не веря, что беда прошла мимо.

— Пронесло, слава богу, — сказал Фролов.

— Кто его знает, пронесло ли, — усомнился Ванюша, — возьмет да расскажет все Сагатовскому под пьяную руку в офицерском собрании. Им что, они там хлебают одной семьей. Сагатовский, говорят, на днях нашего толстопузого попа гонял вокруг собрания и даже палец ему на руке сломал.

— То-то он забинтованной рукой благословение божье раздает, — хихикнул Андрей Хольнов.

Вечером за ужином было решено Жорку Юркова на дневальство не ставить и дать ему проспать, а то, чего доброго, заснет и проворонит коней. Ночь на конюшне прошла спокойно, хотя Фролова пришлось два раза будить: привалится к стенке и стоя спит, стервец. Сам Ванюша всю ночь ходил по конюшням и подбадривал дневальных. Все сошло благополучно. Как ни вертелись пулеметчики 1-го полка вокруг конюшни, а увести коней, которых не доставало по списку, им не удалось.

Наступило утро. Засыпали коням корму, еще и еще раз пересчитали всех лошадей по крупам и приготовились к сдаче. И вдруг на конюшне появились крестьяне из деревни Пуавр с помощником дежурного по полку подпрапорщиком Уваровым — фельдфебелем 1-й роты. Крестьяне вели... двух сбежавших накануне лошадей. У подпрапорщика имелась справка полковой канцелярии, что по описи и номерам это лошади второго полка. Пришлось их принять, а пулеметчикам 1-го полка вернуть двух похищенных

у них коней. Конфликт был исчерпан, к обоюдному удовлетворению сторон. В двенадцать часов дежурство по конюшням благополучно сдали новому наряду.

Общение с французскими солдатами становилось все более тесным. Простым мужикам из Смоленщины, Черниговщины, Тамбовщины была по душе сердечность и доброта вчерашних пахарей и виноградарей. С ними можно было сговориться, не зная языка, — мысли одни, интересы одни, кругозор один, поэтому «туа муа, камарад» — и все ясно. Русские были удивлены демократическими отношениями французских офицеров и солдат. Их можно было встретить в кафе вместе за одним столиком, они запросто подавали руку друг другу, что абсолютно не допускалось в русской армейской среде. Французы-солдаты просто обращались к своим офицерам: «господин капитан», даже «господин генерал», а непосредственно к своему командиру роты или командиру дивизии еще более располагающе, с оттенком некоей интимности: «мой капитан», «мой генерал», без всяких там «высокоблагородий» и «высокопревосходительств». Ни о каких телесных наказаниях не могло быть и речи; любой французский офицер, позволивший себе ударить солдата, сполна, а то еще и с лихвой получал сдачи — на том дело и кончалось. А ведь в русской армии били направо и налево, а в последнее время, чтобы укрепить пошатнувшуюся в русских войсках во Франции дисциплину, были введены на законном основании, то есть по указу его императорского величества, телесные наказания розгами. Сразу повеяло духом экзекуций времен Павла Первого...

Не могли также не видеть русские солдаты, что французы в массе своей живут лучше, чем крестьяне и рабочие России, что у французов нет царя, что у них существует хотя бы подобие свободы. Во Франции почти не встретишь неграмотного, дома в деревнях каменные, дороги почти все вымощены камнем или шоссированы. Русский человек от природы наблюдателен и всегда немного философ. Все увиденное вызывало среди солдат много оживленных толков. Над всем этим не могло не задуматься и командование.

Решено было усилить в полках «воспитательную» работу. Все чаще и чаще в ротах стали появляться офицеры. Они прикидывались этакими добряками и старались ответить на возникавшие у солдат вопросы, как-то сгладить у них остроту восприятия окружающей действительности.

Вот и фельдфебель Ковш собрал четвертую пулеметную роту для беседы, которую проводил штабс-капитан Сагатовский. Причина для беседы была веская: в полку стали процветать выпивки, нередко переходившие в пьянство и кончавшиеся дебошами. Сагатовский расхаживал перед строем пулеметчиков и все убеждал их, что во всем надо знать меру. Он знал, что абсолютно запретить пить вино нельзя, это будет бессмысленная затея, к тому же метод запрета был уже испробован в других ротах и дал только отрицательные результаты. Требовались какие-то другие меры. К тому же о его пьяной баталии с полковым священником было известно всему полку... Вот он и проповедовал идею: пей, мол, да меру знай.

— Вот, например, фельдфебель Ковш, — вкрадчиво говорил штабс-капитан, — вы можете выпить одну рюмку, ну что ж, пейте. Только не пейте второй. Или, к примеру, старший унтер-офицер Федин...

— Есть, вашкородь! — гаркнул взводный унтер-офицер.

— Нет, нет, ничего, я так, к примеру... Допустим, в вас влазит один стакан — хорошо, выпивайте этот стакан, но не пейте второй. Или... — он посмотрел на строй, ища глазами кого-либо, — или возьмем рядового Хольнова и предположим, он может выпить бутылку водки — пусть пьет бутылку, но пусть не пьет вторую. Или рядовой Фролов, — и он ткнул пальцем Петьку в грудь, — в него влазит четверть...

— Го-го-го! — не удержалась рота.

Сагатовский был доволен, что нашел общий язык с солдатами, сумел, так сказать, подобрать ключик к солдатской душе.

— Ну, так вот, пусть пьет четверть вина, но пусть не пьет больше. Знать меру — это главный закон в поведении солдата, тем более среди культурного французского народа. Нужно высоко держать честь воина российской императорской армии и не позорить высочайший престол его императорского величества, помазанника божия, нашего отца и заступника всех верноподданных Российской империи.

Капитан немного помедлил, очевидно, с тем чтобы перейти от высоких материй к будничной действительности, и уже обычным голосом продолжал развивать свою идею о соблюдении нормы:

— А вот, например, георгиевский кавалер младший унтер-офицер Петр Ковалев, кровь проливший в боях за веру, царя и отечество, может выпить ведро вина...

Рота давилась от смеха, но под укоризненным взглядом фельдфебеля Ковша все же сдерживалась, чтобы не разорваться оглушительным хохотом.

— Пусть пьет ведро, — воскликнул штабс-капитан.

Рота не выдержала и грохнула. Ковалев был узкогруд и неказист. Трудно было представить его выпивающим ведро водки! И вдруг в

солдатском гоготе послышался голос Сагатовского:

— Но пусть не пьет второго!

Штабс-капитан стоял, и с лица его медленно сходило выражение отцовской мудрости. Он понял, что переборщил. Ну, ничего, это, пожалуй, только расположило к нему пулеметчиков и вызвало здоровый, бодрый смех, а хорошее настроение — важнее всего, недаром Наполеон придавал такое большое значение моральному фактору, когда говорил о воспитании солдатской доблести и стойкости. Ну, да шут с ним, с этим Наполеоном, надо кончать.

— Так вот, братцы пулеметчики, я надеюсь, вы не посрамите честь русского мундира и во всем будете соблюдать меру.

Он принял стойку «смирно», небрежно приложил палец к козырьку и, посмотрев на фельдфебеля, сказал:

— Можете распустить команду, Карп Мефодьевич, — и, повернувшись перед строем, зазвякал шпорами по направлению к лагерю. «Шашнадцатый неполный» несколько раз с фланга до фланга обвел деланно строгим взглядом строй пулеметчиков, остановился на середине и, погрозив пальцем (так он поступал всегда в минуты доброго душевного расположения), сказал:

— Мотри мне, чтобы усе было в аккурат, не зря их высокородие все вам толком изъяснили...

Он вздохнул и скомандовал:

— Разойдись!

Смеху было не на один день! Особенно когда на глаза солдатам попадался полковой поп с перевязанной рукой.

— Сагатовский меру знает! Только палец сломал, а так живого оставил, — прыскали пулеметчики.

Разумеется, после такой беседы выпивки среди пулеметчиков не прекратились. Благо вино было. Да и обстановка к этому располагала. Война где-то далеко — пользуйся моментом. И пользовались. Причем были особые мастера на этот счет. Например, Женя Богдан, признанный в роте пижон.

До армии Женя Богдан жил в Екатеринославе. Где только он не работал: и билетером в кинотеатре, и конторщиком в заводууправлении «Шадуар и К°», и писарем в городской управе и даже коммивояжером торговой фирмы «Морозов и сын». Ванюша да и пулеметчики подолгу слушали рассказы Богдана о его похождениях, особенно когда он посвящал их в свои амурные дела. И получалось так, что такие дела были у Женьки-пижона в основном с пожилыми женщинами.

— С ними, братцы, выгодней, — хитро подмигивал Женька, — напоят и еще денег на расходы дадут.

Сам Женька — стройный, довольно смазливый — носил красивую прическу на пробор и маленькие подстриженные черные усики. В общем, парень франтоватый и в обращении обходительный, такие женщинам нравятся.

Преуспевал Женька и на новом месте. Недалеко от барачков пулеметчиков, примерно в километре, стоял около шоссе одинокий дом. Это — кафе. Хозяйке лет сорок, недурна собой, вино у нее не переводилось, а стало быть, в посетителях недостатка не было. Кафе стало вотчиной пулеметчиков. Французы из конного депо туда тоже приходили.

Начали солдаты замечать, что Женька так и увивается вокруг хозяйки. Все «маман» да «маман». А она ему — «мон фис». Иногда он после закрытия кафе поднимался наверх к своей «маман», возвращался домой веселый, убаженный. Но это случалось не так уж часто, своей компании Женька покидать не любил. И вообще помалкивал о своих отношениях с «маман».

— Детям о родителях не положено судить, — уклонялся он от домогательств друзей и переводил разговор на прошлое:

— Вот, помнится, заезжал я в Кривой Рог, так там...

Почему Женька так ревностно оберегал честь своей «маман» — так никто и не понимал. Да особенно и не старались понять.

В очередное воскресенье пулеметчики подались, как обычно, в кафе. Пришли туда и французы из депо. Пили вино, кофе с ликером... Правда, чего больше было в кружках — кофе или ликера, о том знали только пьющие. Что касается пулеметчиков, то они не делали из этого секретов — мешали ликер с вином, так получалось забористойей.

Загулялись почти до вечера. Хозяйка спустила шторы на окнах и зажгла свет. В кафе было шумно и весело. И вдруг в дверях появился штабс-капитан Сагатовский. Он с ходу начал наводить порядок. Раскричался, подскочил к кому-то:

— Пьешь, негодяй!

Тот не то в шутку, не то всерьез, ответил:

— Так мы же по норме, ваш скородь.

— По норме! — рассвирепел Сагатовский. — А вот я тебе по морде! — И ударил солдата наотмашь.

Французы возмутились, бросились к Сагатовскому. Кто-то потушил свет — и началась потасовка. Кто бил Сагатовского — установить было невозможно: он еле вырвался с разорванным кителем и синяком под левым глазом. Выбежав из кафе, подался к баракам. Пулеметчики, воспользовавшись суматохой, покинули кафе и побежали к баракам напрямиком, по пшенице. Они, конечно, опередили Сагатовского. Тот

прибежал, запыхавшийся, красный, и сейчас же приказал фельдфебелю выстроить команду. Пулеметчики как ни в чем не бывало выскакивали из барака и вскоре строй стоял, как на смотру. Фельдфебель Ковш, явно перетрусивший, выкликал по списку пулеметчиков. Штабс-капитан Сагатовский топтался в нетерпении в стороне и прикладывал смоченный одеколоном носовой платок к подбитому глазу. И тут из-за угла барака появился еле державшийся на ногах младший унтер-офицер Петр Ковалев. Сагатовский смотрел на него изумленными глазами, а Ковалев остановился перед ним, шатаясь из стороны в сторону, и пытался что-то сказать, очевидно просил разрешения стать в строй.

— В-в-ваше вскр... вскр... вскродие, разрешите...

— Я тебе разрешу, собачья морда! — вскричал взбешенный Сагатовский, давясь от злобы, и, подскочив к Ковалеву, ударил его по лицу.

Тот сразу свалился с ног, но все же пытался подняться.

— Ишь нализался, свинья! — кричал Сагатовский.

Ковалев все же поднялся, из носа на гимнастерку и ленты Георгиевских крестов капала кровь.

— Ваш-ше скородь, вы из-из-изволили ука... указать, что в ме... меня влазит ведро вина, так... так я решил проверить, — закончил заплетающимся языком Ковалев и выпучил глаза на Сагатовского, подчиняясь правилу: ешь начальство глазами.

Сагатовский невольно рассмеялся, но быстро опомнился и, взяв себя в руки, распорядился:

— Фельдфебель! Петру Ковалеву по вытрезвлению всыпать двадцать пять розог!

— Шлушаюсь, — ответил Ковш, — разрешите доложить, вашскородь, што остальные все налицо.

— Утром сам буду присутствовать при наказании младшего унтер-офицера Ковалева, — небрежно козырнул Сагатовский и направился в лагерь.

Ковш замер в стойке «смирно» и, держа дрожащую руку у козырька, провожал помутившимися от волнения глазами своего командира, бога и повелителя. Наконец фельдфебель опустил руку, как-то размяв и медленно повернулся к строю пулеметчиков. Он обвел строй глазами, вздохнул глубоко и произнес свое привычное:

— Мотри-ка, дела-то какие — срам один, — и погрозил кулаком. — Дежурный! Завтра рано послать дневального с Ковалевым нарезать сорок прутьев лозы, штоб к перекличке были готовы. Разойдись, срамники!

Пулеметчики молча разошлись, и сразу же пошли обсуждения события.

— А я-то прямо в окно сиганул.

— А я за прилавок и через запасной выход — шмыг в поле.

— Вы помалкивайте, не трепитесь, — обрезал рассказчиков Женька-пижон. — Нигде мы не были и ничего не видали, понятно?

— Правильно, — подтвердил Ванюша, — кто бы ни допытывался — нигде мы не были, а сидели за баракком и играли в бабки.

Все одобрительно засмеялись.

Утром пулеметная команда построилась на переключку. В стороне перед строем на палатке лежал россыпью снопик прутьев лозы и рядом стоял, понуриив голову, Петр Ковалев. На нем не было пояса, головного убора и Георгиевских крестов — фельдфебель приказал все это снять и оставить в канцелярии. Ожидали Сагатовского.

Фельдфебелю не удалось назначить кого-либо одного в розговые.

— Будете бить усе каждый по разу, — распорядился он и отсчитал двадцать пять человек с левого фланга, чтобы до первого взвода, из которого был Ковалев, не дошло. Первый взвод и его взводный унтер-офицер Федин, потупившись в землю, стояли как на похоронах. К фельдфебелю подошел денщик Сагатовского и доложил, что их высокоблагородие нездоровы и в команду не придут.

— Так, значит... — что-то соображал. Ковш, — мотри-ка, дела-то какие. Ну что ж, будем начинать. Ковалев, спускай штаны, ложись...

Ковалев дрожащими руками расстегнул брюки и, озираясь по сторонам, спустил их; закрыв лицо руками от стыда, лег на разостланную перед ним палатку. Началась позорная экзекуция. Поочередно подходили назначенные для ее исполнения солдаты, брали лозу и, отворачиваясь, нехотя и несильно били по обнаженному заду Ковалева, после чего бросали лозу в сторону и проходили дальше.

— Следующий... следующий, — тихо подавал команду дежурный.

Ковалев рыдал, тяжело всхлипывая. Не от боли, разумеется, — от стыда, хотя на теле его и появились красные полосы. Чувство тяжелой тоски овладело пулеметчиками. Они угрюмо стояли в строю, а выполнившие свою позорную роль пристраивались на левом фланге. У некоторых капали из глаз слезы. Не выдержал долго крепившийся фельдфебель Ковш, но все же заплакал молча, по-мужски, вынул носовой платок и вытер мокрые от слез усы.

— Ну, будя, — скомандовал он, когда осталось еще нанести пять-шесть ударов.

Все остальные стали в строй. Дежурный с дневальным с растерянным видом поднимали плачущего Петра Ковалева. Взяв его под руки, помогли застегнуть брюки и повели в канцелярию. Ковш подал знак рукой команде — разойтись. И сам пошел за Ковалевым. А за ним, тоже помрачневший,

писарь вольноопределяющийся первого разряда Гагарин. Ему, окончившему университет, была, очевидно, особенно противна эта средневековая процедура.

Поодаль кучкой стояли французские солдаты из конного депо, пораженные увиденным. Наверное, они щипали себя, чтобы убедиться, что это было не во сне, а наяву.

Чувство стыда и гадливости не покидало пулеметчиков, когда пришла новая неприятность — несчастье в одиночку не приходит! До Сагатовского каким-то образом дошел слух о том, что произошло на конюшне во время дежурства Ванюши. Сагатовский, у которого синяк под левым глазом упорно не сходил, прислал фельдфебелю записку: ефрейтора Гринько за пьянство во время дежурства на конюшне выпороть — двадцать пять ударов розгами.

Опять началась подготовка к экзекуции. Бледный и осунувшийся, Ванюша с дневальным по команде пошел в ивняк у ручья нарезать для себя розги и там, дав волю своему горю, расплакался. Но, заметив у дневального слезы на глазах, сразу взял себя в руки и еще ожесточеннее начал резать лозу. Резал подряд, какая попадалась, даже узловатую и толстую...

Опять разостлана палатка на траве перед баракком, опять одинокий, без пояса, без фуражки и без Георгия, понутив голову, стоит бедный русский солдат. Опять назначено двадцать пять человек для порки. Сейчас начнется позор твой, Россия... А фельдфебель Ковш соображал про себя: «Что-то взялся их благородие пороть георгиевских кавалеров, а ведь по статуту их телесно наказывать не положено...» Он медлил с распоряжением. И тут все опять увидели приближавшегося денщика от Сагатовского. Денщик передал фельдфебелю записку. Ковш с облегчением на душе прочел: «Телесное наказание ефрейтору Гринько отменяю».

— Отставить! — заметно ободрившись, скомандовал фельдфебель. — Команде разойтись, ефрейтору Гринько получить в канцелярии свое имущество и вернуться во взвод. Их высокоблагородие отменил наказание — пороть не будем.

Глубокий вздох облегчения вырвался у пулеметчиков, и они, повеселевшие, разошлись.

После поведаль денщик, что к штабс-капитану Сагатовскому приходил командир 1-й роты капитан Юрьев-Пековец и заявил, что проступок ефрейтора Гринько имел место во время его дежурства по полку и он во всем разобрался, не нашел в этом проступке ничего такого, чтобы сообщать о нем по команде, сам принял необходимые меры и посему просит отменить наказание ефрейтора Гринько. Долго, мол, громко разговаривали. Их высокоблагородие капитан Юрьев-Пековец говорил что-то об офицерской

чести, а потом приказали подать выпить и закусить, и их высокоблагородие штабс-капитан Сагатовский уже в первом часу ночи написал записку и приказал отнести господину фельдфебелю. Но денщик не хотел будить фельдфебеля ночью и принес записку утром.

— Дура ты стоекосовая, ведь ты чуть не опоздал, а то начали бы пороть Ваньку, — возмущались пулеметчики. — Бывают же на свете такие раззявы!

Формирование пулеметных команд полностью закончилось: каждая команда состояла из четырех взводов по два пулемета в каждом. В четвертой пулеметной команде было два основных взвода — первый и второй, сформированные еще в Ораниенбауме, и два новых — они были сформированы уже в лагере Майи и усилены немного за счет основных взводов. Начальником четвертой пулеметной команды так и остался штабс-капитан Сагатовский, младшим офицером — поручик Савич-Заблоцкий, а вторым младшим офицером был назначен лейтенант французской службы Кошуба, выходец из русской семьи, эмигрировавшей из России еще в революцию 1905 года, а потому хорошо владевший французским и русским языками. Взводным командиром 1-го взвода остался старший унтер-офицер Федин, дважды георгиевский кавалер, большой службист, а начальником первого пулемета — ефрейтор Иван Гринько. Наводчиком у Ванюши был Георгий Юрков, вторым номером — Андрей Хольнов, подносчиками патронов Евгений Богдан, Петр Фролов, Станислав Лапицкий, Антон Корсаков. Повозочным, в обязанность которого входило ухаживать за обеими лошадьми пулемета, назначили выдавшего виды Степана Кондратова. Второй пулемет взвода тоже был укомплектован полностью. Начальник его младший унтер-офицер Петр Ковалев после порки розгами как-то ушел в себя, будто задумался над чем-то... Кстати, после позорной экзекуции он ни разу не напивался.

Наконец генерал Лохвицкий особыми депешами донес русскому представителю при французском верховном командовании и главнокомандующему генералу Жоффру, что 1-я Особая пехотная бригада русских войск во Франции в полной боевой готовности и может выступить на фронт. В ответ последовало поздравление и приказ о включении бригады в 10-й армейский корпус 4-й армии. Разумеется, каждый командир корпуса, принимая бригаду, должен ее посмотреть. Вот и начались смотры, парады, а к ним надо как следует готовиться, поэтому пошли непрерывные, утомительные репетиции... Каждый день командиры полков тренировали

свои полки, а потом взялся за это дело и сам командир бригады со всем своим штабом. Бригаду выводили на специально облюбованный плац на лагерном стрельбище, выстраивали в парадном расчете, производили смотр и пропускали церемониальным маршем раза по два, а то и по три в день. Это была какая-то парадная лихорадка. Начальство из кожи лезло, чтобы не ударить перед французами в грязь лицом.

Первым, кто произвел смотр бригаде, был представитель русского командования при французском верховном командовании генерал Палицын. Он, проходя по фронту, внимательно присматривался: не пошевелится ли кто после команды «Смирно», бодрый ли вид у солдат, туго ли затянуты поясные ремни. Это он изобрел правило, регламентировавшее солдатскую выправку: только один палец мог быть с усилием подсунут под ремень, если же два — то солдат получал два наряда вне очереди на работу, если три — то, соответственно, три наряда, если четыре — то два часа под ружье с полной выкладкой, а если, не дай бог, целый кулак залезет под ремень, то этот же кулак, туго затянутый в лайковую перчатку, чтобы генеральская рука не касалась солдатского рыла или при повторном ударе не выпачкалась в мужицкой крови, хорошенько погуляет по лицу того, кто не научился положенным образом затягивать ремень. Генерал признавал один закон: чем туже затянуто брюхо, тем круче и крепче будет грудь.

Подходя к фронту пулеметчиков, генерал уже был раздражен: где-то в первом полку он сумел все-таки засунуть всю руку под ремень солдата и этот случай закончился мордобитием. Но у пулеметчиков он ни к чему придраться так и не смог, и все обошлось благополучно. И не удивительно: ведь тут орудовал фельдфебель Ковш!

Церемониальным маршем пулеметчики шли изумительно ровными шеренгами по двадцать человек — это также было заслугой фельдфебеля Ковша, усердно гонявшего команду парадным строем. При одновременном повороте головы, когда клинок штабс-капитана Сагатовского, верхом на коне ведущего команду на параде, из положения подвысь срывался вниз, пулеметчики переставали махать руками и схватывались мизинцами... Проходили, как одна ровная, монолитная стенка, никто не мог ни вырваться вперед, ни отстать.

Генерал расчувствовался, крикнул:

— Спасибо, пулеметчики! Идете отлично!

— Рады стараться, ваше высокопревосходительство!

Команда отвечала дружно, четко, с особым шиком, с ударением на «дительство», а это последнее «ство» будто таяло и еле слышно отдавалось эхом над лесом.

Сагатовский был вне себя от радости и после парада приказал фельдфебелю к следующему смотру команду не тренировать, чтобы не испортить тот лад, на который напала команда.

— Шлушаюсь, вашскородь! — ответил растерявшийся от такой неожиданности «шашнадцатый неполный» и распустил команду.

Впрочем, это приказание даже расстроило усердного фельдфебеля, кажется больше всего в жизни любившего занятия строевой подготовкой. Как отработывал он повороты по элементам: делай раз, делай два, делай три! Сам Ковш даже ложился на живот и снизу всматривался в движение: одновременно ли ложились подошвы на землю... И вдруг его лишили этого удовольствия.

Да, это был строевик до мозга костей. Хотя и откуда бы?

Фельдфебель был мал ростом, имел уже брюшко и в обычное время отнюдь не отличался особой бодростью. А поди ж ты, на строевых занятиях прямо преображался. Готовясь к выходу на парад, Ковш накручивал на себя длинный молдаванский шерстяной пояс — аршинов шесть, чтобы убрать брюшко и выправить грудь. Этот его секрет знали все пулеметчики и подшучивали, что Ковш только перед Гагариным вертится веретеном, когда писарь держит конец молдаванского пояса, а фельдфебель накручивает его на себя, предельно подобрав живот. Кое-кто так его и называл — «веретено», «волчок», но все же старое прозвище «шашнадцатый неполный» держалось крепче. Так это «шашнадцатый неполный» к нему подходило, что всякий, знавший Карпа Ковша, услышав кличку, сразу представлял себе фельдфебеля, производившего расчет строя. Знал это хорошо и Ковш и даже смирился с прозвищем — все равно, мол, ничего не поделаешь да и все-таки связано оно с его любимым делом — строевой подготовкой. Трудно судить, действительно ли строевые занятия были потребностью самого существа Ковша или он понимал их истинное назначение: муштра вырабатывала у солдат привычку исполнять команду механически, без рассуждений. А эта привычка давала возможность заставить солдата стрелять по команде в своего брата, отца, мать и не только пороть розгами своего товарища Петра Ковалева, а и выпустить в него пулю в упор, если будет такая команда...

И вот теперь фельдфебель Ковш просто не находил себе места из-за того, что начальник команды дал такую опрометчивую льготу пулеметчикам. Все же каждое утро, когда другие начинали готовиться к очередному параду, Ковш отдавал команду дежурному построить пулеметчиков. Он выходил на середину строя со списком и лишней раз производил перекличку. Потом старательно выравнивал строй и, выходя на правый фланг, прижмуривал левый глаз, чтобы лучше проверить равенство.

Потом приседал и проверял равенство носков: «Фролов! Подай правый носок вперед и немного разверни его влево»; «Иванов! Чего выпер свои носки, как татарские чувяки, ты колотушкой их побей, чтоб не задирались кверху». После этого фельдфебель медленно поднимался и принимался разъяснять солдатскую премудрость: «Мотри строго грудь четвертого человека, сшитая свою первой. А уши, мотри уши, чтобы правое было чуть выше левого. А подбородки повыше, но не задирай, а вбирай в себя, шток гордость выходила и вид был молодцеватый...» Если фельдфебель замечал какой-либо непорядок, он морщился, как от зубной боли, и заклинал тонким плаксивым голосом: «Петров, подбери ты свое рязанское косопузое брюхо. И всем животы подобрать, грудь поднять!» И начиналось: «Смирно! Отставить! Смирно! Отставить! Смирно! И замри, чтоб слышать, как муха пролетит в бараке!» Выдержав пулеметчиков минуты три в стойке «смирно», Ковш проходил по фронту раза два-три, всматриваясь в глаза пулеметчиков, и, только заметив в них блеск гнева, выходил на середину и подавал команду:

— Воль-но-о! — Затем, выждав еще некоторое время: — Разойдись!

— Не мытьем, так катаньем берет проклятый Ковш. Нейметса дураку! — перекидывались между собой пулеметчики.

— Разговорчики! — прикрикивал фельдфебель, который, может, и не слышал ничего, но знал, что пулеметчики клянут его.

Главным развлечением в то время было слушать игру известного на весь полк гармониста Жорки Юркова. Он вмиг выучил «Марсельезу», как только услышал ее при высадке с корабля, и теперь часто играл, старательно отчеканивая темп. Гармонь звучала особенно громко, когда Юрков доходил до куплета «О-з-армеситуайен, формеве-батайон». Невольно все ему подпевали: в казарму заходи и песню заводи... Пулеметчики любили Жорку, это был действительно талант, схватывал мелодию прямо на лету. Каких только песен он не знал! Все танцы играл, все вальсы и гопакки, даже какой-то падекатр. А однажды услышал вступление к опере «Кармен» и сразу же заиграл, да так звонко, так ритмично, что видавшие виды пулеметчики сразу подхватили: «Тореадор, смелее в бой, там ждет тебя любовь».

Гармонь у Жорки была хроматического строя. Сам он похвалялся:

— Она у меня рояльная, единственная на всем Поморье была, сто сот стоит. Давай больше, и то не отдам.

Гармонь была небольшая, темно-красного цвета. И хоть лак кое-где уже облупился, все же вид у нее был неплохой, особенно, как развернет Жорка мехи с черными краями, а в середине откроются ярко-красные разводы с оранжевым отливом, — ну, прямо огонь! Жорка играл самозабвенно: глаза закрывает и только в такт ударяет легонько носком о пол. Юркова иногда даже приглашали играть в офицерское собрание. Но оттуда он возвращался всегда

пьяный. Тогда бросал свою любимую гармонь в угол барака, как какую-нибудь рухлядь. Пулеметчики бережно ее поднимали, вытирали мягкой фланелью и укладывали в деревянный ящик, который сами смастерили для сохранения инструмента. Проспится Юрков, схватится руками за голову:

— Братцы, друзья мои, а гармонь цела?

Он не надеялся на себя, спьяну мог всякого натворить. Жорка принадлежал к тому разряду людей, которые всегда буйствуют во хмелю, теряя рассудок. Такие любят оправдываться народным изречением «пьяному море по колено». Есть ведь такая мерзкая порода людей...

Наконец была назначена генеральная репетиция парада — ожидался командир армейского корпуса. Прибыл французский генерал, который, как полагается, провел смотр бригады, прежде чем принять ее в состав своего корпуса. В ясный солнечный день он прошел по фронту бригады и стал на невысокий помост, чтобы принять парадный марш. Плотно сбитый, уже седой, в голубовато-сером мундире, генерал спокойно оперся на саблю и ждал начала церемониального марша. Несколько позади стояла небольшая свита прибывших с ним французских офицеров.

Генерал Лохвицкий подал команду:

— Бригада, смирн-но! — Голос был слабый, будто надтреснутый. — Церемониальным маршем, поротно, дистанция на одного линейного, на пле...чо!

Командиры полков, батальонов и рот нестройным хором повторили команду. А первая рота со знаменем между тем выходила правым плечом вперед и занимала положение для движения прямо.

Генерал закончил:

— ...равнение направо, ш...ша...го...м марш!

Сводный бригадный оркестр заиграл марш «Под двуглавым орлом», четко отбивая такт под левую ногу. Церемониальный марш — это самая сердцевинная часть всего смотра, здесь бригада (да и команда) показали, на что они способны. Правда, не все обошлось гладко. Вот уже близко принимающий парад, а штабс-капитан Сагатовский почему-то сидит себе боком на коне, смотрит в левую сторону, а в правой руке у него болтается обнаженный клинок. Уже поравнялись с принимающим парад, а Сагатовский себе и в ус не дует. Что с ним творится? Может, еще хмель не прошел после вчерашнего кутежа?

— Поручик Сагатовский! — послышался резкий возглас генерала Лохвицкого. Пулеметчики по его голосу, как один, перестали махать руками, четко повернули голову направо и, приветствуя принимающего парад, прошли ровными, чистыми шеренгами.

— Манифик! — произнес французский генерал.

— Отлично идете, пулеметчики! — перевел Лохвицкий.

Команда отрезала:

— Рады стараться, ваше высококочительство!

Штабс-капитан Сагатовский, совершенно обескураженный, быстро свернул в сторону, соскочил с коня и пошел к генералу Лохвицкому с извинениями. Генерал произнес — «поручик». Это было печальным предзнаменованием, ведь генерал Лохвицкий прекрасно знал, что Сагатовский — штабс-капитан. В связи с этим у многих офицеров мелькнула мысль: не представит ли Лохвицкий Сагатовского к снижению в чине? Что же было говорить о самочувствии Сагатовского, самовлюбленного, гордого офицера! Он и сам не мог взять в толк, почему так опростоволосился.

Савич-Заблоцкий вышел вперед и повел пулеметчиков.

Все последующие дни Сагатовский не появлялся в команде, говорили, будто он отсиживал домашний арест.

Через два дня опять был парад. На этот раз смотр производил командующий 4-й армией генерал Гуро. Несмотря на то что у него не хватало одной руки и пустой рукав был приколот, он стройно стоял на помосте в своем черно-синем мундире. Генерал любил форму альпийских стрелков, которая очень шла ему, сухому, бородатому старику. На этот раз пулеметчиков вел поручик Савич-Заблоцкий, красиво сидевший на коне. Он очень эффектно и четко салютовал принимающему парад. Пулеметчики уважали и любили этого офицера за простоту обращения, за человечность и старались изо всех сил, чтобы пройти лучше прежнего. И это им удалось. У такого скупого на похвалу генерала, каким был Гуро, и то невольно вырвалось:

— Он марш тре бьен — мерси!

— Спасибо, пулеметчики! — крикнул генерал Лохвицкий, и опять четкий ответ с шиком:

— Рады стараться, ваше высоко-ди... во.

Слава о пулеметчиках полетела по всей бригаде. А тут и новая удача. На боевых стрельбах, которые провел генерал Гуро, четвертая пулеметная также отстрелялась лучше всех. Француз был доволен и долго жал руку поручику Савич-Заблоцкому. Пулеметчики были действительно отлично подготовлены, и это была заслуга взводных унтер-офицеров.

От парадов голова пошла кругом. За генералом Гуро произвел смотр генерал Жоффри, затем — президент Пуанкаре, потом — король Черногории Николай Первый, король Сербский, король бельгийский Альберт, пожаловал король Великобритании, затем генерал Жилинский, сменивший старика Палицына, английский главнокомандующий фельдмаршал Френч, а потом пошли

высокопоставленные персоны, вплоть до принца Монако и всяких герцогинь и принцесс. Всего отшагала бригада за один месяц восемнадцать парадов. Уж стало неважно солдатам, да и господам офицерам.

Жоффри, Пуанкаре и король Великобритании осчастливили участников парада подарками: кому досталась трубка, кому пачка сигарет, кому плитка шоколада, ножик, бритва, портсигар, зажигалка, а то просто нательный крестик или какой-нибудь образок, но все-таки это радовало солдат, и они шумно делились впечатлениями о полученном.

В редкие выходные дни начальство отпускало в увольнение. Тогда все кафе городка Майи заполнялись солдатами, а у лагерного дома терпимости выстраивалась длинная очередь.

Полковник Ничволодов, командир 1-го полка, «рубаха-парень», как прозвали его солдаты, часто прогуливался верхом и вот увидел очередь. Ординарец ему доложил, что это, мол, вашскородь, солдаты до девок стоят.

— А-а, — протянул полковник. — Подъедем.

И направился к очереди. Из нее выскочил унтер-офицер и подал команду «Смирно». Полковник Ничволодов остановил коня, взял под козырек своей мягкой, с измятой тульей фуражки, хитро прищурился:

— Здорово, лихие... любовники!

Последовал громкий ответ:

— Здра желаем, вашскородь!

— Желаю вам успеха!

— Рады стараться, вашскородь!

И верно — «рубаха-парень»!

Ничволодов усмехнулся и поехал дальше, а в очереди пошли веселые толки и шутки. Вспоминали нашумевшую речь полковника в порту Дайрен. И снова хохотали от удовольствия.

В кафе городка приходили солдаты из всех вблизи расположенных гарнизонов, госпиталей и учреждений. И кого только здесь не было: сербы, итальянцы, бельгийцы, англичане, черные как смоль африканцы, желтые алжирцы и марокканцы, чистые французы и посланцы далекой России.

Пили, гуляли и веселились. Шло бойкое объяснение на всех языках. Обнимались, целовались и опять пили. Дело часто кончалось дракой. Но самое забавное: в таких случаях все дружно били французов, — видимо, всегда влетает чересчур гостеприимным хозяевам. Драка обычно назревала так: сперва возникал спор. Как будто из-за самых добрых побуждений. Потом следовал удар кулаком по столу, затем начинались соответствующие приготовления — англичанин занимал стойку для бокса, француз снимал мундир и закатывал рукава у рубахи. А русский удивленно наблюдал за всем этим и приходил к выводу, что надо тоже драться. И вот, случалось, он

выхватывал из-под себя стул и, взяв его за спинку, бил первого попавшегося. Пострадавший, обливаясь кровью, падал. Кафе вмиг пустело. Улепетывали прочь англичане, французы, итальянцы, алжирцы... Удивленные горожане замирали на тротуарах, наблюдая этот катящийся по мостовой вихрь.

Больше всех русские дружили с бельгийцами. Те тоже были разудалые головы: им ничего не стоило бросить лимонку в окно дома терпимости, если надо было припугнуть скупую, несговорчивую содержательницу. Со стороны русских солдат следовал, конечно, гул одобрения:

— Вот это молодец! Дай, дай им духу, пусть узнают кузькину мать!

— Браво, камарад, ты им еще бутылку запусти, от нее больше осколков и грому.

Подзадоривали бельгийцев обычно те, у кого были свои счета с этим «богоугодным» заведением.

А чаще всего вечерами гремели и широко разливались вокруг русские и украинские песни, наполняя выдавший виды лагерь грустной и горькой солдатской радостью.

Глава третья

1

В конце июня от военного лагеря Майи потянулась длинная походная колонна отправлявшейся на фронт русской бригады. На предложение французского командования перевезти бригаду автотранспортом генерал Лохвицкий ответил отказом: русские не привыкли ездить в автомобилях, у них голова кружится от скорости движения, русский солдат любит ходить пешком. И потянулись походные колонны по шоссе на Соммсу, Витри, Шалон, Ля Вёв, Мурмелон ле-Гран.

Выступали каждый раз рано на рассвете и, смотришь, к полудню заканчивали переход. Дороги хорошие, в основном гладко укатанные щебенчатые шоссе. Главное, прямые, без всяких поворотов и крюков. В России эти «повороты» и «крюки» всегда заставляли офицеров пользоваться картой, чтобы не сбиться с направления, а карта зачастую была неточной. Тогда-то, как правило, и возникали пресловутые «гаки» в добавление к обычным переходам, например: «тридцать с гаком», «сто с гаком» и т. д.

— Да, культура! — восхищались дорогами солдаты. — До того все ясно, что даже заблудиться невозможно.

Очередной переход был завершён к полудню, и солдаты расположились на ночлег в тенистом лесу вдоль ручья на подступах к Шалону-сюр-Марн. Говорили о том о сем. Вспомнили про Мишку, прирученного медведя, которого привезли с собой во Францию. Когда тронулись в поход, он шел за повозкой. С непривычки сразу натер о щебенку лапы. Сел и сидит, поглядывает на вздувшиеся подошвы. Его так и смяк, а он ни с места. Тронут лошади повозку, а Мишка хватать лапами за колеса и назад ее. А сам ревет. Долго маялись с ним, пока не догадались надеть ему на ноги специально сшитые ботинки. Да только медведь разъярился и порвал их в клочья. Пришлось санитарный автомобиль подавать.

— Во, наш Мишка не хочет топтать французские дороги, подавай ему автомобиль! — засмеялся Петька Фролов.

— Правильно, — поддакнул кто-то из пулеметчиков, — он умнее нашего генерала.

Плотно пообедав, солдаты крепко уснули. Быстро пролетела короткая летняя ночь, и рано-рано утром горнисты заиграли подъем. Бивак зашевелился, как муравейник, готовясь к походу.

Утром прошли через городок Шалон, разбудив его жителей озорной солдатской песней. В городе свернули налево, пошли на Ля Вёв и вскоре расположились в бараках Мурмелона. Там переночевали, связались с французами, занимавшими окопы на передовой позиции, и ночью выступили им на смену, проделав километров шесть по ходам сообщения, носившим громкие названия: «Центральный бульвар», «Бульвар святого Мартина», «Бульвар Сен-Жермен». Наконец стрелка указала: «Аванпост № 2». Туда, соблюдая особую тишину и маскировку, и направились пулеметчики.

«Ну, вот и опять на фронте», — подумал Ванюша. Бывшие фронтовики быстро осваивались, а необстрелянные солдаты ко всему приглядывались, прислушивались. День прошел в изучении местности и расположения траншей противника, которые проходили по господствовавшему холму. Оттуда, должно быть, хорошо просматривались французские позиции.

Французский капрал все старательно пояснил, указал расстояния до целей. Сдал по описи инвентарь поста: бочки с водой, дрова, провода, телефоны, матрацы, убежища. Кстати, убежища были оборудованы глубоко под землей. Вниз вели тридцать восемь ступенек, а там — крепкое дубовое крепление, как в шахте, по бокам деревянные клетки, обтянутые железной сеткой, а на них солдатские матрацы. Это — койки. Для начальника пулемета даже отдельная комната с одной койкой, столом, сбитым из досок, запасом ручных гранат и патронов в лентах. Из убежища два выхода — один от начальника пулемета прямо в траншею к стрелкам и другой — из общего помещения к пулеметному, крытому, хорошо замаскированному гнезду.

— Ну, тут можно воевать! Это тебе не русский фронт, там, бывало, все на живую нитку, — поговаривали пулеметчики.

Аванпост № 2 представлял собой небольшой, хорошо укрепленный узел, выдвинутый от передовых траншей в сторону противника метров на триста — четыреста. С траншеями он соединялся отдельным крытым ходом сообщения. На аванпосту располагался пулемет под начальством Ивана Гринько и стрелковое отделение шестой роты. Ответственным за пост как начальник более мощного огневого средства — пулемета — был назначен Ванюша. Со всех сторон аванпост прикрывали проволочные заграждения в несколько рядов.

Впереди метров через восемьдесят — сто начинались широкие полосы проволочного заграждения противника в пятнадцать — восемнадцать рядов кольев, а сзади пролегла густая полоса французских заграждений. Ее ширину было даже трудно определить. Всю местность, изрытую воронками и траншеями, перекрывали широкие ржавые полосы колючей проволоки. К тому же там были установлены всякие сюрпризы и натяжки. Заденешь

такую штуку — и сразу взлетит сигнальная ракета. А между окопами полно спиралей Бруно из колючки.

И так по всему западному фронту. Обе стороны зарылись в землю. Господствовали позиционные формы войны. И немцы, и французы сделали все, чтобы как-то сдвинуть фронт с места. Но не тут-то было! Ничего не помогало: ни сапы, ни подкопы, ни вылазки, ни набеги. Фронт окаменел, словно отлитый из цемента. Стороны привыкли к этому и спокойно отсиживались в окопах. Был спокоен и так называемый участок Оберив, который заняла русская бригада.

Пулеметчики изнывали от безделья. Все истории, правдоподобные и выдуманные, были пересказаны, все фокусы, кто какие знал, показаны.

Один фокус особенно запомнился. Антон Корсаков посадил перед собой Андрея Хольнова, не верившего ни в какие чудеса, подкрутил свои рыжие усы, сосредоточился, попросил Андрея сложить руки, туго переплетя пальцы, и потом долго их держал в своих руках, что-то нашептывая, чуть шевеля губами. Затем отпустил и говорит:

— А теперь, Андрюша, разведи руки.

Хольнов, как ни пытался разъединить пальцы, сделать этого не мог, хотя видно было, что он напрягал все силы — на лбу даже пот выступил. Но вот Антон опять взял его руки, накрыл своими ладонями, затем быстро их отнял:

— А ну-ка, попробуй теперь...

Руки Хольнова свободно разошлись. Все легко вздохнули, но продолжали соблюдать тишину — единственное условие, которое поставил Корсаков, прежде чем начать свой опыт.

— Можете разговаривать, — сказал Антон.

Но пулеметчики, потрясенные увиденным, не могли вымолвить ни слова. А Корсаков поднялся и вышел из пулеметного гнезда, ухмыляясь в усы.

— Андрей, что с тобой было, почему ты не разъединил руки? — допытывались пулеметчики.

— А я и не пытался их разъединять, — с напускной небрежностью ответил Хольнов. — Думаю, пусть Антон потешится.

Но никто в это не поверил, все видели, что Хольнов лукавит, и проникались к Антону каким-то суеверным чувством. Ванюша слышал о прошлом Корсакова: говорили, что он работал в цирке и прислуживал гипнотизеру. Теперь Антон доказал, что не зря всегда носит с собой книжки по черной и белой магии. Книжки были засаленные и обтрепанные, но Антон бережно обертывал их в бумагу, подшивал и подклеивал пожелтевшие от времени оторвавшиеся листы...

Много было странностей у этого солдата. Он не пил и не курил. Очень старательно записывал в свою самодельную записную книжку все услышанные им французские слова, записывал так, как они ему слышались, то есть чаще всего довольно неправильно, заучивал их и с грехом пополам разговаривал с французскими солдатами. Он был не очень опрятен: гимнастерка у него быстро засалилась, сапоги никогда не чистил, белье не любил стирать, но любил выворачивать свою грязную нижнюю рубаху и с удовольствием бил вшей, сидя где-нибудь на солнце, так что даже слышался треск. Товарищи его сторонились. Это обижало Антона.

— Хороший солдат должен иметь вшей, — твердил Корсаков. — Что это за солдат без вшей, это просто интеллигентик, а не солдат.

Но чаще всего, слыша упреки товарищей, Корсаков отмалчивался и все о чем-то думал. Только когда пулеметчики очень уж его донимали, он озлоблялся и начинал огрызаться.

Ванюша не сторонился Антона: чувствовал в нем что-то необыкновенное, какое-то превосходство над собой и другими солдатами, а после опыта с Андреем Хольновым окончательно проникся к Корсакову чувством уважения. Они часто беседовали, и Антон рассказал Ванюше о «чудесах» цирковых фокусников. Он говорил, что если человек очень сосредоточится на одной мысли и глубоко поверит в то, чего хочет достигнуть, то он добьется своего: его желание обязательно передастся другому, и тот вольно или невольно сделает все, что ему мысленно прикажешь. В этом весь секрет гипноза. Только надо очень верить, верить до самозабвения в силу гипноза и в свою силу — тогда опыт удастся. Если же этой глубокой веры не будет, то ничего не получится. Так объяснял тайну гипноза литовец Антанас Корсакас, записанный в канцелярии для простоты Антоном Корсаковым.

Жизнь пока шла безмятежно и тихо. Гринько давно освоился с ролью командира, да, впрочем, ему не трудно было освоиться с нею: он повоевал, отлично знал свое дело. А главное, его любили солдаты за добрую, отзывчивую душу, за независимый от начальства нрав, за то, что он порой смело и прямо отвечал на поставленные им же самим вопросы: «Почему французы живут без царя? Значит, и мы так можем жить». «Почему французы не называют своих офицеров всякими благородиями и превосходительствами? Значит, и нам надо ввести такой порядок». «Почему

французы не бьют по морде и не порют розгами своих солдат? Значит, и у нас нужно так сделать».

— Дисциплина у французов неплохая, — говорил Ванюша. — вон как дерутся под Верденом. А у нас розгами хотят укрепить дисциплину.

Много возникало вопросов, которые требовали своего разрешения, — пулеметчики задумывались над ними. Франция благоустроена — дороги прекрасные, дома в деревнях каменные, под черепицей. Рабочие по восемь часов в день работают. А урожай какой собирают — по сто и сто пятьдесят пудов пшеницы с десятины. Разве на родине сохой наковыряешь столько? Даже помещики такого урожая не собирают. Много, много было всего, что бросалось в глаза русскому человеку. Было над чем задуматься. И солдаты, в массе своей далекие от политики, задумывались. А Ванюша высказывал свои мысли безбоязненно, вслух. До начальства доходили сведения о вольнодумстве Гринько, оно присматривалось к Ванюше, но придрататься не могло — службу он нес исправно. К тому же он был истинный патриот России — это знали все.

Вообще пулеметчики в расчете Ванюши подобрались дружные. Наводчик Жора Юрков — слесарь архангельских портовых мастерских, чудесный гармонист, артельный, веселый парень. Любил он, правда, выпить лишнего, но Ванюша оберегал его от нападков начальства, как только мог, считая, что такого солдата следовало оберегать: Юрков отлично стрелял из пулемета и хорошо знал материальную часть. Андрей Хольнов — высокий статный шатен с небольшими, коротко подстриженными усиками и карими задумчивыми глазами. Наверное, его очень любили ткачихи с Трехгорки. Работал он там наладчиком. Скромный, непьющий, он так охотно устранял всякую неисправность в станке, что кажется, не для хозяина старался, а из-за любви и уважения именно к ней, ткачихе. Таким же скромным и отзывчивым остался он и на фронте. Женька Богдан — прирожденный ловелас, но все же хороший боевой товарищ, он друг Ванюши и его житейский наставник. Петр Фролов — здоровенный псковский крестьянин, хаживавший в Питер на отхожий промысел (канавы в городе копал), сейчас он исправный солдат. Не промах парень и по женской линии, хотя женат и имеет двух детей. Слава Лапицкий — поляк, матрос торгового флота. Он грубоват, любит выпить и приврать о заграничных плаваниях, немного говорит по-английски; лицо у него в прыщах, но приятное. Где-то в тылу, за лесочком, недалеко от артиллерийских позиций, находится с лошадьми Степан Кондратов. Но он тоже навевывается на аванпост № 2 — каждый день приносит обед пулеметчикам. Это сумрачный, молчаливый забайкалец, старатель, лет тридцати пяти. Имеет где-то семью: жену и много детей. Очень храбрый, солдат он называет «паря», и его все уважают.

Словом, это было чудесное товарищество, проникнутое глубокой дружбой: никто никогда не выдаст, и все готовы крепко постоять друг за друга. Каждый день они тесным кружком сидели у пулемета и по очереди рассказывали о своей жизни. Все очень скучали по дому. У Ванюши не было дома — он очень тосковал просто о родине, о России, о своей славной Украине. Часто вспоминал Казань, госпиталь, Валентину Павловну, Веру Николаевну и, конечно, свою маму. Антон помимо того, что показывал фокусы, делал из гипса всякие фигурки. Грунт был меловой — почти чистый гипс, и из целого куска действительно можно было сделать любую вещь: подсвечник, пепельницу, статуэтку... Этим и любил заниматься Антон, а между делом все думал о своей черной и белой магии.

Траншею давно обжили. По глубокому дну ее были проложены деревянные решетки, а под решетками проходила канавка, по которой стекала во время дождя вода; правда, в низинах сток был плохой, и вода туда собиралась из всех окопов и траншей. Ее приходилось вычерпывать, а она снова натекала, и траншея наполнялась белой и тягучей, похожей на сметану, жидкой грязью. Приходилось ходить по этой жиже, пока она не загустеет, тогда ее выбрасывали лопатами за бруствер. По стенкам траншей прикреплены планки с роликами, на которые натянуты телефонные провода. По решеткам на дне траншеи проложена миниатюрная узкоколейка для подвоза боеприпасов, пищи, дров, воды. Все уже знакомо, все изучено до тонкости... Чем заняться?

Как-то неожиданно для себя пристрастились к картам. Как-никак, а солдат получал двенадцать рублей, младший унтер-офицер — пятнадцать, старший унтер-офицер — восемнадцать... Да за каждый Георгиевский крест по три рубля дополнительно. Это были заграничные повышенные оклады, не то что на русском фронте — семьдесят пять копеек в месяц. В общем, в переводе на франки получалось неплохо — рядовой получал тридцать два франка пятьдесят сантимов. На эти деньги можно было щегольские ботинки купить или литров двадцать простого виноградного вина...

И начали пулеметчики играть в очко. Ванюша не проявлял интереса к этой игре, но все же за компанию играл и, странное дело, обыгрывал всех. Через день или два все деньги солдат пулеметного расчета оказались у Ванюши. Потом он обыграл стрелковое отделение, и у него скопилось около шестисот франков.

Вскоре появились азартные игроки и в других взводах пулеметной команды. Самым удобным местом для картежной игры оказался аванпост № 2 — начальство сюда не заглядывало, а добраться до него легко.

Ванюша был совсем неопытный игрок, а деньги все же плыли к нему. Ударит по банку — и снимает. Иногда так, шутя, откроет десятку и говорит:

«Давай туза бубей». И бубновый туз на самом деле приходит.

Денег у Ванюши скопилось много: Хольнов складывал их прямо в вещевой мешок — Андрей был за казначея, как самый положительный из пулеметчиков. Впрочем, сам Гринько не дорожил деньгами. К чему они ему? От войны ими не откупиться, хоть она уже и встала поперек горла. Андрей с Жоркой сходили на ночь в Мурмелон, накупили целый мешок разного шоколада, даже ванильного с орехами, принесли несколько бутылок бенедиктину, а также фотоаппарат «Кодак», пленки к нему и другие принадлежности. Жорка, конечно, вернулся пьяный, как его ни оберегал от этого Андрюша. Этот поход предприняли тайно от Федина и от всего начальства. Весь день после похода ребята отсыпались.

Совершенно неожиданно для пулеметчиков пришла смена: 1-й полк сменил части 2-го полка, и последний отошел в район Мурмелона в резерв корпуса. Один батальон был направлен на парад в Париж в честь французского национального праздника 14 июля — дня падения Бастилии, а остальные два батальона вели по ночам окопные работы — строили тыловые позиции. Но пулеметчикам было некоторое послабление: они учились стрелять из пулеметов на мурмелонском стрельбище.

Опять пошла беззаботная тыловая жизнь. Пулеметчики все подговаривали Ванюшу сыграть в карты с отборными полковыми шулерами. Он нехотя согласился. И вот ночью собрались в землянке под строгой охраной товарищей. Началась игра. Колоды карт новые, только что распечатанные перед игрой; на столике, освещенном двумя свечками, горка франков — ну чем не Монте-Карло! Банк держит завзятый картежник, обыгравший весь 3-й батальон. Он раздает карты и колоду кладет на стол. Все сосредоточены и серьезны, лишь раздуваются ноздри от горячего дыхания, как у скаковых лошадей. Но Ванюша спокоен, даже легкомыслен. Он беззаботно следит за картами, но как бы между прочим запоминает порядок движения карт в колоде, их последовательность...

Рядом с ним Петька Фролов — он в роли телохранителя, да и деньги все у него. Через плечо у Петьки брезентовая сумка, а в ней — франки. Он отсчитывает и выкладывает тоненькие, хрустящие стофранковки.

Вот очередь Ванюши. На кону семьсот франков. Можно сразу вылететь в трубу или выиграть кучу денег. Ванюша даже не посмотрел свою карту и бьет по банку. Петька отсчитывает семь сотен и выкладывает на стол. Ванюша поднимает верхнюю карту из колоды и переворачивает ее — туз. Переворачивает свою карту — десятка червей. Очко!

Петька Фролов нервно вздыхает и жадными руками загребает деньги в сумку.

Потом еще один выигрыш Ванюши. Игра кончается — у партнеров денег больше нет. Ванюша и Фролов с сумкой тихо выходят из землянки. Их уже поджидают Евгений Богдан, Андрей Хольнов и Жорка Юрков. Все, довольные, направляются в свой барак.

Потом 2-й полк снова вышел на передовую линию на смену 1-му полку. Поступила команда: батальонам и ротам занять прежние места. Что ж, начальство рассудило верно: люди уже знают местность, ориентиры, цели, расстояние до них — зачем ставить их на новые участки? Ванюша со своим пулеметом и отделение из шестой роты направились на аванпост № 2.

Пулеметчики даже рады такому случаю: хотя и опасности больше, приходится сидеть прямо под носом у противника, но зато и от начальства подальше. Так по привычке заняли свои места. Но по всему чувствовалось: здесь многое изменилось. И действительно, 1-й батальон 1-го полка, занимавший позиции на аванпосту, так раздражил немцев, что они в ночь на 17 июля после недолгой, но сильной артиллерийской подготовки пошли на этот батальон в атаку. Завязался короткий бой силовой разведки: 2-я рота батальона перешла накоротке в контратаку и отбросила немецких егерей, захватив четырех пленных, но зато дорого заплатила за это, потеряв тринадцать человек убитыми и тридцать шесть ранеными. Попало от артиллерийского огня и самому аванпосту. Было разрушено убежище. И сейчас еще видны следы ремонта. Приходится держать ухо востро.

Теперь участок, занимаемый русскими войсками, стал довольно беспокойным. Ночные разведывательные поиски участились с обеих сторон, и редкий день проходил, чтобы русская бригада не несла потерь. А начальство все стремилось к активности и организовывало одну разведку за другой. Этот *сoup de main* (разведывательный поиск) стал обычным явлением. А ведь у французов до этого здесь была тишь да благодать...

Но пулеметчики все же приспособились к опасности. Ванюша увлекся своим фотоаппаратом, снимал товарищей и снимки отпечатывал на солнце. Андрюша Хольнов был у него подручным — готовил проявитель, закрепитель и проявлял пленку, а карточки делал Ванюша. Фотобумага была только для печати на солнце, о ночной, как ее называли, наши «фотографы» и понятия не имели.

На аванпост потянулись со всего полка желающие сняться. Они пробирались по ходу сообщения и искали Гринько. А он никому не отказывал: ведь как приятно солдату послать домой из далекой Франции

фотографию, да еще такую, где он запечатлен прямо в траншее, под самым носом у немца! Ванюша был бескорыстен и брал деньги за карточки только для того, чтобы восполнить расходы на пленку и бумагу. Словом, работал по себестоимости. А вот Жорка Юрков — тот озорничал. Возьмет аппарат, когда все отдыхают, и давай пустым щелкать посетителей. И задаток с них берет, а потом на батарее у французов вина накупит. Французским солдатам выдавали на фронте по три четверти литра в день виноградного вина и по одной шестнадцатой литра кирша. Этого зелья можно было всегда купить у артиллеристов, вот Жорка и пользовался такой возможностью. Смотришь, он уже во хмелю, а Ванюше приходилось рассчитывать за его проделки, когда «клиенты» являлись за карточками.

— Ты, Жорка, хоть записывай, кого снимал пустым аппаратом, чтобы я знал, что их действительно надо снять, — просил его Ванюша.

— А вы мне давайте денег на вино, тогда я и снимать никого не буду, — парировал Жорка.

Пришлось пойти на такую сделку.

Как-то писарь команды Гагарин, в обязанность которого входило доставлять почту в окопы, принес письма. Пришли долгожданные весточки из родных мест! Радости солдат не было конца.

Получил и Ванюша два письма из Казани: одно от Веры Николаевны (Ванюша с ней переписывался, но с единственной целью — узнать что-либо о Валентине Павловне, с которой связи не имел), а второе — от самой Валентины Павловны. Трудно передать ту радость, которую он испытал. Но виду не подал, только в глазах засветился огонек счастья.

Рядом с пулеметным гнездом грохнула немецкая мина, всех обдало пылью и белыми крошками гипса. Пулеметчики инстинктивно пригнулись, притихли, а Гагарин покатился по крутым ступенькам в убежище. Переждав очередной обстрел, все принялись читать свои письма.

Вера Николаевна — Ванюша распечатал ее письмо первым — писала, что по нему очень скучает Игорек и все собирается ехать во Францию. Как бы между прочим Вера Николаевна сообщила: к Валентине Павловне неожиданно приехал в гости прапорщик Манасюк, отрекомендовался, сказал, что знает ее по словам Ванюши. Время у них пролетело весело, и он, кажется, женился на Валентине Павловне. Собирается устроиться — вернее, его собираются устроить — где-нибудь в запасном полку в кадрах.

Это известие словно громом поразило Ванюшу. Ему сразу стало жарко, на лбу выступил пот, и он спустился за Гагариным в убежище, чтобы товарищи не заметили его растерянности. Перед глазами сразу встала казарма с трехъярусными нарами в 1-м пулеметном Ораниенбаумском запасном полку и тот вечер, когда он писал на тумбочке письмо Валентине

Павловне, сидя на нижних нарах. Только под конец он заметил, что его письмо прочитал ефрейтор Манасюк... Но ведь когда Ванюша выругал его за это, Манасюк дал слово, что поедет к Валентине Павловне только для того, чтобы рассказать ей, как Ванюша Гринько крепко ее любит. Вот и рассказал... Какой подлец!

Всю ночь не спал Ванюша. Он дежурил у пулемета, а мысли его были далеко-далеко, около Валентины Павловны. Он сжимал ее письмо в своем нагрудном кармане, но еще не читал его. Ему хотелось, чтобы все, о чем сообщала Вера Николаевна, было неправдой.

Наступило утро, небо над немецкими позициями начало розоветь, и наконец показался краешек красного солнца. Ванюша решил прочесть письмо. Разрезав осторожно конверт острым перочинным ножичком, которым обрезал края фотобумаги, когда она не вмещалась в рамку, Ванюша осторожно достал письмо.

«Доброе утро, дорогой друг Ваня! Я только что встала и нежусь на солнышке за папиным письменным столом. Вот пишу Вам письмо...»

Ванюша на минуту оторвался от письма. «Дорогой друг Ваня!» Не может быть, чтобы женщина, вышедшая замуж, писала такие нежные слова. И он продолжал читать:

«...На днях совершенно неожиданно явился ко мне прапорщик Манасюк и отрекомендовался, что он меня хорошо знает по Вашим словам. Меня это очень озадачило, и было больно и грустно за Вас: он многое рассказал мне с Ваших слов о наших отношениях и... рассказал о том, чего не было. Ну, бог с Вами, пусть он простит Вас. Мне теперь все равно. Он пробыл у нас неделю — она пролетела как чудесный миг. Кончилось тем, что я вышла за него замуж...»

Внутри Ванюши что-то оборвалось, горький комок подкатил к горлу. Но он заставил себя дочитать письмо до конца:

«...С большим огорчением проводила его в Симбирский запасной полк, куда он получил назначение по нашей протекции. Жаль, что Вы мне не писали эти полгода. Неужели все чувства угасли и все прошло и развеялось, как дым? Я видела Ваше фото у В. Н. Вы выглядите таким молодцом, возмужали. Желаю Вам счастья.

Крепко Вас обнимаю.

Вал. Снегирева.

P. S. Фамилию я оставила свою, его фамилия мне не нравится.

В».

Какое-то время Ванюша сидел, тупо упершись взглядом в доску, которая закрывала бойницу пулеметного гнезда, потом глубоко вздохнул. Ему было нестерпимо обидно и больно, что Манасюк ради достижения

своей цели пошел на подлость, оклеветал его, Ванюшу, в глазах Валентины Павловны, выставил его лгуном, вызвав у нее озлобление и ненависть к нему.

Но сама-то Валентина Павловна! Как она могла поверить Манасюку, от которого за версту пахнет подлостью?

— Ну и черт с вами! — вырвалось у Ванюши.

Проснувшийся от этого возгласа дежуривший с ним у пулемета Андрей Хольнов удивленно посмотрел на своего друга.

И странно, будто что-то тяжелое свалилось с Ванюшиной души, и она, облегченная, просветлела. Больше Ванюша не получал писем от Валентины Павловны, да и не хотел их получать, но зато аккуратно переписывался с Верой Николаевной. Теперь она предстала перед ним в каком-то новом свете. Ванюша понял, что это настоящий, преданный друг.

4

«Солдатский вестник» сообщил, что какой-то разведчик слышал в тылу немцев русскую речь. И вот пошли приготовления к разведке. Нужно было захватить пленных и узнать, в чем дело. Может быть, немцы используют русских пленных на окопных работах на передовых позициях, нарушая международную конвенцию по обращению с военнопленными? Тогда, мол, надо задуматься над тем, как их выволить из плена.

Команда охотников четвертой роты под начальством прапорщика Гука, выследив немцев, ворвалась в их окопы, захватила двух немецких солдат и благополучно отошла с ними в свои траншеи. Это вызвало сильную перестрелку и артиллерийский огонь с обеих сторон. К удивлению пулеметчиков, аванпост № 2 остался вне обстрела. Но передовая траншея и вторая линия были под сильным огнем и понесли потери.

Французское начальство восхищалось храбростью русских солдат и их боевой работой. Командир французского корпуса генерал Дюма писал по этому поводу в своем донесении «*Ils prouvent leur solide et sérieuse valeur et leur ardent désir de faire*» ⁹, а русское начальство с достоинством принимало похвалы, а вместе с похвалами и французские ордена. Это побуждало его к организации новых и новых вылазок во вражеский тыл.

— Проклятые «кудемены», когда они только кончатся! — возмущались солдаты.

«Кудемены» — от французского «*coup de main*» ¹⁰ — разведывательный поиск. Переложение весьма вольное, но «кудемены» эти действительно засели в печенках.

— Кому на грудь кресты, а у кого голова в кусты, — невесело шутили русские солдаты.

Немцы начали вести себя очень осторожно и при каждом шорохе открывали беспорядочный огонь по всему фронту русских войск, тщательно заплетали проволокой все подступы к своим траншеям, в общем делали все, чтобы наши разведчики не могли проникнуть в их тыл. По показаниям захваченных вражеских солдат, они действительно использовали русских военнопленных на работах по укреплению своих тыловых позиций.

Русское начальство тоже приняло ответные меры. Чаще стали появляться в траншеях господа офицеры — проверяли дежурство и наблюдательные посты. Наведывался и командир 2-го батальона подполковник Готуа.

Это был очень требовательный к себе и к подчиненным офицер. Ходил он по траншеям один, без сопровождающих, в своих мягких кавказских сапогах и, как кошка, подкрадывался к постовому наблюдателю. И горе тому, кто задремал на посту — Готуа бил свою жертву обухом клинка или плашмя.

Но и тут не обошлось без солдатской хитрости. Вот подкрадетс Готуа к дремлющему наблюдателю — хлоп его шашкой что есть силы. А это — чучело! Аж завизжит Готуа от злости.

Как ни храбр был командир батальона, но бить солдата на фронте опасно — можно пулю в затылок схлопотать. На это отнюдь не двусмысленно намекали ему солдаты в анонимных письмах. Однако подполковника пронять было трудно. Получив очередное письмо, он при первой возможности собирал солдат своего батальона, выходил на середину круга, высокий, сухой, в черной черкеске с гозырями, почти на целую голову возвышающийся над общей массой, и зачитывал письмо. После этого он вызывал к себе автора — если тот не трус. Разумеется, никто не выходил. Тогда Готуа объявлял, что письмо написано трусом, а он трусов презирает, рвал письмо на мелкие кусочки и пускал их по ветру. Тем не менее никаких покушений на подполковника Готуа не было — его побаивались.

Однажды в конце дня в пулеметном гнезде собрались пулеметчики и тихонько запели «Вечерний звон». Рядом в небольшом усике траншеи стоял дежурным наблюдателем Петька Фролов. Его тоже привлекла песня, и он, подойдя поближе, стал подтягивать. А голос у него был хороший, недаром Петр числился в запевалах команды. Да и песня была такая чистая, душевная, русская, что действительно вызывала «так много дум». Ваня поднял голову и посмотрел на вход — видит Петьку с карабином и рядом с его головой лицо подполковника Готуа. Командир батальона тихо подкрался сзади к Фролову и теперь внимательно вслушивался в песню. Ванюша

вскочил как ужаленный и начал рапортовать, а Петр, воспользовавшись заминкой, незаметно улизнул на свой пост. Все были уверены, что Готуа в сумерках не заметил этого.

Командир батальона задал несколько вопросов Ванюше, а потом наводчику и его помощнику, как бы нарочно давал время Фролову запясть свое место. Потом в сопровождении Ванюши направился к Петькиному усику.

— Что видишь, что слышишь, душа лубэзный? — обратился он к Фролову.

Тот растерянно что-то ответил.

— А почему ты бросаешь пост и уходишь песни петь?

— Никак нет, вашевысокородие, я был на месте и все время наблюдал за противником.

— Зачэм врешь, мэрзавец?! — повысил голос подполковник.

Кричать он не мог, понимал, что находится на аванпосту, под самым носом у немцев, поэтому только весь дрожал от злости и шипел, как змея.

— Он не виноват, я виноват, ваше высокоблагородие! — прошептал Ванюша.

Подполковник удивленно посмотрел на него, поблескивая своими черными, как уголь, глубоко посаженными глазами на худом старческом лице, — Готуа было, наверное, далеко за пятьдесят.

— А ты за чем смотришь, начальник пулемета?! — зашипел он, водя кулаком около носа Ванюши.

И Ванюша сообразил, что нужно делать: он приблизил свое лицо к кулаку Готуа: вот, мол, тебе моя морда, бей! Этот «маневр» подполковник понял. Но он заметил также Георгиевский крест на груди Ванюши.

— Сажаю тебя на чэтверо суток под строгий арэст за плохое несэние служба на пэрэдовом посту. Доложи об этом начальнику пулеметной команды! — И, мягко ступая, подполковник, как рысь, пошел дальше по траншее в сторону стрелков. Там, где замыкался круг траншеи аванпоста, имелся крытый ход сообщения; и когда Готуа (судя по времени) спустился в него, пулеметчики с облегчением перевели дух.

— Вот тебе и «Вечерний звон», — переговаривались они между собой.

— И черт тебя принес к гнезду, — нападали товарищи на Фролова, — вот теперь Иван будет отдуваться за тебя!

— Тише ребята, — примирительно сказал Ванюша. — Теперь дело не исправишь, а вот какой черт принес Готуа на аванпост? Ведь он никогда сюда не заходил.

Наутро о случае на аванпосту было доложено по команде. Сагатовский не находил себе места и безудержно ругался.

Было приказано высылать ефрейтора Ивана Гринько два раза в день с полной выкладкой под ружье к землянке командира 2-го батальона подполковника Готуа. Обычно эта процедура заключалась в следующем: к десяти часам утра провинившийся, навьюченный вещевым мешком и прочим снаряжением, так, что общий вес, включая винтовку и скатку, составлял семьдесят два фунта, являлся к землянке командира батальона, где дежурный фельдфебель ставил его под ружье по команде «На плечо». С этого момента отсчитывалось время. Нужно было стоять «смирно» два часа не шелохнувшись. Сзади был столик, Готуа выходил и садился за него, перебирая какие-то бумаги. Если солдат чуть шевельнется под ружьем, следовала немедленно команда — «К но-ге». А потом вновь — «На плечо». И время уже вновь отсчитывалось с этого момента. Так нужно было два часа под ружьем с полной выкладкой отстоять до обеда и два часа после обеда: это равнялось одним суткам строгого ареста.

Нестерпимо обидно было стоять под ружьем на солнцепеке, да и тяжело. Некоторые солдаты не выдерживали и теряли сознание. Их обливали водой, приводили в чувство, давали понюхать нашатыря и опять ставили у землянки.

Ванюша героически переносил это наказание и три дня подряд отстоял по четыре часа под ружьем и ни разу не был замечен в нарушении стойки. Хотя все же он сжульничал: к ружейному ремню незаметно прикрепил большой шинельный крючок и с помощью его цеплял винтовку к ремню снаряжения. Рука только чуть поддерживала приклад и почти не ощущала тяжесть винтовки. Иначе рука могла занеметь, винтовка весила все-таки около двенадцати фунтов. И тогда, независимо от воли солдата, винтовка выпала бы из руки. Ванюша этого избежал. Что делать, сама жизнь толкала солдата на хитрости, облегчающие ему нелегкую службу.

На третьи сутки, к концу дня, пришло прощение: подполковник Готуа смилостивился и отменил дальнейшее наказание. Видимо, он нашел в Ванюше какие-то солдатские достоинства, смягчившие его жестокое сердце. Эту весть все пулеметчики команды восприняли с радостью.

Наказание, нужно сказать, не понизило авторитета Ванюши в команде, даже в глазах Сагатовского и «шашнадцатого неполного». Напротив, Ивана Гринько стали еще больше уважать товарищи и старшие, его озарял ореол мученика, человека, явно пострадавшего за своего подчиненного. А Петька Фролов готов был отдать жизнь за Ванюшу, он любил его всем сердцем.

— Посылай, начальник, в разведку — немца притащу, вот увидишь, — предложил Петька, чтобы хоть как-то искупить свою вину. — Был я намерен у разведчиков шестой роты, они почти каждую ночь выходят в разведку, вот я с ними и пойду. Но действовать буду один и один захвачу немца.

Этому никто не удивлялся, все знали отчаянную храбрость, ловкость и бесшабашность Фролова.

А разведчики шестой роты действительно творили чудеса. Однажды они во главе с рядовым Ющенко, добродушным и тихим украинцем из Таврии, выследили немецких разведчиков и молча напали на них. Ющенко бросился первым и заколол штыком двоих — те не успели и ахнуть. Его товарищи еще троих закололи, а одного с пробитой штыком грудью приволокли на палатке в траншею аванпоста, но он тут же испустил дух. Наши разведчики отделались двумя легкими ранениями (тоже штыковыми). Командир корпуса генерал Дюма в восхищении писал в своем донесении: «Le Russe est encore le soldat du combat à la baïonnette» [11](#).

Глядя на приземистого, усатого Ющенко, медлительного и неловкого в обычное время, совершенно нельзя было предположить в нем такого мужества и сноровки. Но на его груди уже красовался Георгиевский крест. А теперь, наверное, получит французский военный крест...

Был у разведчиков офицер, подпоручик Блофельд — из прибалтийских немцев. Ничего не скажешь: храбрый, смелый в боевом деле. Но первый мордобоец, сволочь — иначе его и не называли солдаты. И подумывали разведчики: как бы отправить Блофельда на тот свет. Все как-то не удавалось. Начали подговаривать рядового Ющенко взять на себя это дело, но он категорически отказался.

В начале августа пошли разведчики на поиск, а уходили они обычно с аванпоста № 2, поэтому пулеметчики всегда были в курсе дела. Повел их подпоручик Блофельд. Пошли и пропали. Все забеспокоились, даже подполковник Готуа. Начали готовить на поиск знаменитого Кошку — разведчика, любившего действовать в одиночку, только под прикрытием.

Но вдруг разведчики дали о себе знать — с вражеской стороны донеслись звуки сильного боя. Оказывается, русские солдаты четыре дня лежали среди немецкой проволоки, высматривали и только после этого ворвались в немецкие окопы. Тогда-то и завязался бой. Кое-как удалось русским выбраться из окопов. Все разведчики видели, как отошел и Блофельд. Еще сутки просидели они в старых воронках от снарядов, держа с собой двух немецких пленных с кляпами во рту. В последнюю ночь перед отходом попала неизвестно чья ручная граната в воронку подпоручика, разорвала ему живот, осколком пробила голову. Подпоручик Блофельд был убит. С трудом дотянули разведчики пленных немцев до аванпоста. Ющенко, весь измазанный кровью, притащил труп Блофельда и, когда опустил его в траншею, облегченно вздохнул.

— Ух и тяжелы же вы, вашеблагородь. — Ющенко широко перекрестился: — Царство вам небесное...

Повели связанных немцев, от которых дурно пахло. Санитары уложили на носилки мертвого подпоручика, накрыли его палаткой и понесли. За ним пошел понуриив голову рядовой Юценко, у которого рядом с Георгиевским крестом красовался французский военный крест.

Сколь терпелив же ты, русский солдат, сколь добра и отходчива душа твоя...

Взводный старший унтер-офицер Федин принес пулеметчикам жалование. Обычно он редко заходил на аванпост № 2, не чаще одного раза в неделю, а все остальное время находился со вторым пулеметом на основной линии первой траншеи. Пулеметчики, конечно, обрадовались — можно будет сходить к французам на батарею за веселительным. К тому же получился как бы двойной праздник. Вместе с Фединым на аванпост пожаловал Гагарин с почтой.

Ванюша получил письмо на французском языке.

— А это тебе еще *mandat de poste*. — И Гагарин протянул Ванюше бланк.

— А что это за «менда-де-пост», объясни-ка, — зубоскалил Петька Фролов.

Гагарин недовольно поморщился:

— Это денежный почтовый перевод. На пятьдесят франков.

— Тьфу, — сплюнул Фролов, — богатому черт дитя колышет. Зачем ему деньги? Вон у него в убежище висит полная гранатная сумка этих франков, да и сейчас, поди, будет прибыль — ведь Федин принес получку...

Ванюша попросил Гагарина прочесть письмо, тот нехотя стал читать и переводить:

— «Дорогой крестник! Не удивляйтесь, что я так вас называю. У нас принято брать себе крестников из заслуженных солдат-иностранцев, сражающихся за нашу святую Францию.

Вот мне и вручили ваш адрес через комитет французских женщин Красного Креста, чтобы проявлять о вас материнскую заботу. Посылаю вам немножко денег, чтобы облегчить вашу солдатскую участь и жизнь в окопах. Прошу выслать мне вашу фотографию и написать немного о себе. Кто вы, откуда родом, кто ваши родители?»

— Ну, в общем, опишешь ей свою автобиографию, — сказал Гагарин. — Вот и все. Подпись — «уважающая вас ваша марен де ля гер».

Было заметно, что Гагарин торопится: он не любил задерживаться на аванпосту.

Все уже расписались в ведомости на раздачу жалованья, получили деньги, и Федин тоже освободился, но не ушел, а стал проверять чистоту в убежище и в траншее. Гагарин торопил его:

— Пантелеймон Денисович, пора двигаться обратно, а то скоро понесут обед и будет трудно проходить ходом сообщения.

Но Федин пошел на наблюдательный пункт взглянуть, как Антон Корсаков несет службу, да и заодно посмотреть в самодельный перископ на немецкие окопы.

— Пойдемте же, Пантелеймон Денисович, — не отставал Гагарин.

Наконец они ушли, чему пулеметчики были рады. Они не любили посторонних в своей траншее: шум лишний и глаз чужой.

— Ну, давай хвастайся, Ванюша, письмом и фотокарточкой своей крестной, — окружили Гринько пулеметчики.

Жорка Юрков долго рассматривал карточку, на которой стояла во весь рост женщина лет за пятьдесят и с ней мальчишка лет четырнадцати-пятнадцати.

— Жаль, что она уже в возрасте, — заключил Жорка, — а то можно было бы попросить ее приехать к нам в траншеи... В гости.

Евгений Богдан с укоризной посмотрел на Юркова и нравоучительно сказал:

— Старших уважать надо, а не зубоскалить, тем более — она крестная мать.

Юрков махнул рукой и направился на смену Антону Корсакову.

Ванюша долго вчитывался в письмо, и у него появилось подозрение, что Гагарин перевел написанное далеко не точно. В письме написано: «Mon cher filleul». Это он перевел: «Дорогой крестник», в то время как следовало: «Мой дорогой крестник».

— Правильно, — подтвердил Антон, тоже немного разбиравшийся в языке.

Наутро неожиданно-негаданно появился на аванпосту лейтенант Кошуба вместе со Степаном Кондратовым, который принес хлеб, сахар и термос горячего чая.

— Вот и добрались, ваше благородие.

— Вы меня, господин Кондратов, не называйте «ваше благородие», а называйте «мон льетнан», сколько я вам говорил.

— Никак не можно, ваше благородие, нарушать порядок, он у нас царем-батюшкой заведен. А то унтера так намолотят по морде, что будь здоров! Да еще и розог всыпят...

Ванюша воспользовался хорошим настроением лейтенанта и попросил перевести ему злополучное письмо. Кошуба охотно взялся переводить. Он прочитал:

— «Мой дорогой крестник, я вас очень прошу простить меня, что я вас так называю. Я очень хотела проявить заботу о вас, так далеко оторванного от вашей родины, и обратилась в Париж, в Комитет французских дам, состоящий при Красном Кресте...»

В общем, по смыслу получалось то же, только окраска была иная. Лейтенант Кошуба, не торопясь, закончил перевод, вернул письмо и сразу же предложил написать ответ француженке.

— Покорнейше благодарю, мон лъетнан, — ответил Ванюша, — я ей сам напишу.

— Очень хорошо, — похвалил Кошуба Ванюшу, — первый раз будет трудно, а потом куда легче, и вы познаете французский язык.

— Оно всегда первый раз трудновато, вашблагородь, а потим иде, як по маслу, — высказался рядом стоявший Кондратов.

Пулеметчики заушмылялись, но смех сдержали.

Осмотрев пулеметное гнездо и убежище, Кошуба пожелал всем успеха в службе, а Ванюше подал на прощание руку.

— До свидания, господин Гринько. Это очень хорошо, что вы будете изучать французский язык — это хороший, богатый язык.

Ванюша с Антоном действительно взялись изучать французский язык, причем довольно упорно: днями и ночами сидели над словарями, разговорниками и письмовниками. Самое главное для Ванюши было написать своей *marraïne de la guerre* ответное письмо. Они кое-как с Антоном подобрали немудреный текст, и Ваня написал. Он так теперь увлекся французским языком, что даже не хотел играть в очко. Но не смог устоять под общим напором пулеметчиков и снова обыграл весь аванпост.

В это время поступило известие, что Румыния объявила войну Австро-Венгрии и Германии. Смысла этого события солдаты не понимали, а он заключался в том, что Румыния решила кое-чем поживиться, пользуясь успешным наступлением русских войск на Юго-Западном фронте летом 1916 года. Таким образом, успех генерала Брусилова дал России нового союзника. Было приказано прокричать три раза «ура» во всех траншеях и выставить плакаты с надписью: «Немцы, Румыния вам объявила войну, теперь вам скоро наступит конец». Немцы обозлились и открыли по плакатам сильный артиллерийский огонь. Пришлось скорее убрать их. Обстрел прекратился.

Спустя некоторое время разведчик 2-го батальона подпоручик Тихомиров, которого все уважали за добрый нрав, не побоялся после смерти

Блофельда, о которой ходило много разных толков, пойти в разведку с группой солдат. Они удачно выследили немцев, и ночной поиск увенчался полным успехом: разведчики приволокли двух пьяных немцев. Оказывается, немцы не зря пьянствовали — они наголову разгромили румын и в свою очередь подняли над траншеями плакаты с короткой надписью на русском языке: «Капут вашим румынам». Пришлось теперь французской артиллерии открыть «тир де бараж» и заставить немцев убрать эти раздражающие плакаты.

— Выходит, мы теперь квиты с немцами, — сказал кто-то из пулеметчиков.

— Э-э! — ответили ему. — Кто тут разберется. Нам бы скорее война кончалась да в Россию...

6

Тяжелая солдатская служба текла своим чередом. Обе стороны сидели, глубоко зарывшись в землю, забрасывали друг друга минами, которые неожиданно рвались в окопах и наносили тяжкий урон. Но и отвести душу надо солдату. Пулеметчики опять стали обладателями крупных сумм франков и как-то по разрешению начальства Женька Богдан, Андрей Хольнов и Жорка Юрков получили увольнение в Мурмелон ле-Гран на целый день. Когда вернулись, первые двое были навеселе, а Жорка совсем пьяный. В передовых траншеях он хватил своей гармоникой по ежам из колючей проволоки и порвал в клочья мехи. Теперь пулеметчики с горечью рассматривали разбитую гармонь. Починить ее почти не было никакой возможности — где такого мастера найдешь! Проспавшийся к утру Жорка как увидел, что сделалось с его любимицей, так сразу и разревелся, приговаривая и причитая над гармонью, как над живой: и моя милая, и моя ясная, и моя золотая северянка, как я без тебя буду, на чем я успокою свою бедную голову и свое сердце... И опять ревел белугой.

Действительно, потеря была большая. Андрюша с Жоркой собрали гармонь, уложили в ящик. Но Антон стал серьезно обдумывать, как ез починить.

— Не сдали бы голоса и лады, а мехи я как-нибудь склею и подлатаю, — уверял он пулеметчиков.

Антон стал добывать необходимый материал: клей, картон, перкаль, выправил угольники, смастерил новые из латуни. Все ему помогали и суетились, охваченные этой неотложной заботой.

Несколько мин неожиданно разорвались над самым пулеметным гнездом. Земля вздрогнула, всех обдало гарью и меловой пылью. Следующая очередь легла по стрелкам. И пошла артиллерийская подготовка: немцы что-то задумали.

Пулеметчики кинулись в убежище. Гринько и Фролов остались у пулемета, откинули наблюдательный щиток и стали следить за противником. Огонь артиллерии и минометов все усиливался, немцы били главным образом по аванпостам № 1 и № 2 и по передовой основной траншее. Все заволочло дымом и пылью, трудно стало наблюдать за проволочными заграждениями, а мины все рвутся и рвутся, да с таким треском, что дрожит пулеметное гнездо. Сколько продолжался обстрел — трудно сказать, в это время каждая минута тянется мучительно долго.

Вот по сигналу командира стрелкового отделения солдаты выбежали из убежища и заняли ячейки в передней стенке траншеи. Ванюша увидел какие-то фигуры в дыму у проволочных заграждений и открыл огонь. Подоспели остальные пулеметчики. Юрков сел за пулемет, а Ванюша занял наблюдательный пост между пулеметом и стрелковым отделением.

Артиллерийский обстрел аванпоста № 2 усилился, а пехота стала обходить его по флангам, но, попав под огонь пулеметов, залегла и притихла. С новой силой вспыхнула артиллерийская стрельба с обеих сторон, особенно старалась французская пушечная артиллерия. С трудом различались желтые, белые, синие и красные ракеты, вызывавшие огонь на соответствующий сектор и корректировавшие его в зависимости от действий наступающих. Потом стало все затихать, а через некоторое время перестрелка возобновилась. Затрещали выстрелы уже сзади аванпоста. Ванюша распорядился забросать проходы в траверсах колючими ежами и занять круговую оборону. Пули летели с тыла и трудно было сказать, чьи они. Завязался упорный бой по круговой защите аванпоста.

Немцы стали забрасывать траншеи русских ручными гранатами, стрелки и пулеметчики им отвечали. Вот двое стрелков свалились замертво, а вот и Фролов упал на дно траншеи, к нему подскочил Богдан и стал его перевязывать.

Наступили густые сумерки, потом ночь, а бой продолжал бушевать. Везде взвивались ракеты, и пулеметный огонь при этом вспыхивал с особой силой. Потом все неожиданно стихло. Связь была порвана, и не было известно, где кто находится и что творится вокруг. Стали осматриваться и подсчитывать потери. Пулеметчики оказались все целы, только Петру Фролову вырвало осколком кусок мышцы левой ноги. Перевязанный, он лежал в убежище. А у стрелков один был убит наповал осколком в голову, а другой тяжело ранен в грудь.

После полуночи опять загрохотала немецкая артиллерия, разрывы стали покрывать весь район аванпоста № 2. Несколько мин попали в траншею и разворотили ее, завалили ящиками с опилками, которые были установлены на бруствере на случай отражения газовой атаки. Хорошо, что стрелки и пулеметчики укрылись в индивидуальных ячейках и не пострадали.

Вот взметнулись несколько красных ракет. Гринько тоже выпустил три красные ракеты, вызывая артиллерийскую подмогу. Барражный огонь окаймил аванпост. При вспышке разрывов Ванюша увидел в тылу поста немцев, которые пытались вытянуть из-за траверса ежи и колючие рогатки.

— Корсаков, Богдан, за мной! — Они втроем кинулись к траверсу и стали забрасывать немцев ручными гранатами. Кто-то со стоном свалился в траншею, а пулеметчики все бросали и бросали гранаты. Пулемет вел огонь короткими очередями. Справа стрелки тоже защищали свой тыловой траверс от немцев, пытавшихся проникнуть с тыла в траншею аванпоста. На миг появилась связь, но только и услышали пулеметчики в трубку: держитесь, переходим в контратаку, — и опять связь пропала.

Ствол пулемета уже стал багрово-красным; Юрков и Хольнов быстро сменили его и вновь открыли огонь.

Ванюша одну за другой пустил белые ракеты и увидел, что немцы убегают. Где-то слева послышалось прерывистое «ур-р-ра». Наверное, стрелковые роты контратакуют.

Стало легче на душе. Гринько оставил у траверса Корсакова, а сам занял место на своем наблюдательном пункте, расположенном рядом с пулеметным гнездом. Неожиданно в траншее за ячейкой, в которой находился Ванюша, что-то ухнуло. Должно быть, разорвалась мина. Он только на миг увидел ослепительный блеск, а потом почувствовал сильную колющую боль в ушах... Все поплыло в желтом затухающем свете, и Ванюша, свалившись, как мешок с песком, на дно своей ячейки, погрузился в кромешную тьму.

Андрей Хольнов бросился к Ивану, но поднять и вытянуть его из узкой ячейки не смог.

— Гринько убит! — вырвалось у него.

Подбежал Юрков, и они с трудом положили бесчувственное тело на дно траншеи. Хольнов снял каску и опустил голову... И тут из груди Ванюши вырвался тяжелый вздох.

— Жив, жив! — закричал Андрей.

— Кто жив? — тихо спросил Ванюша и ощутил на своем лбу приложенное Андреем холодное, мокрое полотенце.

Через некоторое время Ванюша с трудом встал на ноги и сразу же как подкошенный опустился на землю: к горлу подкатывал неприятный комок, а в голове был страшный шум и звон.

Богдан осветил фонариком тяжело раненного немца, свалившегося в траншею у траверса, и подтянул его к убежищу. А при выходе из убежища лежал на ступеньках солдат, около него стоял ящик с ручными гранатами. Богдан чуть было не запустил в неизвестного гранату, да вовремя увидел, что это Петька Фролов.

Контратака шестой роты оказалась успешной. Корсаков, услышав русскую речь по ту сторону траверса, стал выбрасывать из траншеи колючие рогатки и ежи, чтобы пропустить пришедшее на помощь еще одно отделение. Небо стало сереть, наступал рассвет. Все стихло.

Долго пулеметчики приводили в чувство тяжело раненного немца. Дали ему горячего кофе. Немец назвал адрес и попросил написать маме, что ее сын честно умер за Германию. Потом простонал и на все вопросы лишь отрицательно покачивал головой. Так и умер, ничего не сказав...

Ванюше уже утром помогли спуститься в убежище, и он лег на свою койку.

Бой явился тяжелым испытанием для двух русских аванпостов.

Начальник 1-й Особой русской бригады генерал Лохвицкий вскоре получил письмо командующего 4-й армией генерала Гуро и решил объявить это письмо в приказе по бригаде. В письме говорилось: «Во время усиленных разведывательных атак, произведенных немцами против наших линий в ночь на 19 сентября, русские солдаты проявили беспримерную храбрость. Два передовых поста 1-й Особой русской бригады были совершенно окружены неприятелем. Тем не менее бойцы этих постов продолжали упорно сражаться и облегчили этим выполнение контратаки, их освободившей. Ставлю в пример поведение этих храбрецов всем войскам армии».

Письмо было справедливым. В результате этой схватки немцы оставили убитыми свыше полусотни и, очевидно, вдвое-втрое больше потеряли ранеными. Долгое время после этого они вели себя спокойно.

Пулеметчики поправили траншею, пополнили боеприпасы и продолжали удерживать свой уже прославленный аванпост. Не хватало только Петьки Фролова, который был эвакуирован в русский госпиталь в Эперне. У Ванюши звон в ушах через неделю прошел, и он полностью восстановил свои силы.

Немцы применили газы. Несмотря на то что со стороны их позиций местность в сторону русских и французов спускалась пологим скатом, опыт применения газов успеха не принес: случилось так, что ветер внезапно

переменил направление, и газовая волна покати́лась на немецкие позиции. На той стороне поднялся переполох: слышались звуки рожков и клаксонов, удары в гильзы, предупреждающие об опасности; названивали колокола; по всей линии окопов загорелись костры. Сразу вмешалась французская артиллерия и своим ураганным огнем подняла у немцев еще большую сумятицу и переполох. Очевидно, эта газовая атака «обратного действия» принесла много жертв самим же немцам.

Как только утихла «газовая» суматоха, в середине октября 1-ю Особую пехотную бригаду сменила 3-я Особая пехотная бригада под командованием генерала Марушевского, прибывшая из России через Архангельск и готовившаяся в течение полутора месяцев в лагере Майи. 1-я бригада, на этот раз уже автотранспортом, отправлялась в лагерь Майи на отдых.

Глава четвертая

1

Длинная колонна «камионов» привезла части 1-й Особой пехотной бригады в лагерь Майи. Все здесь было знакомо и по-своему близко. Только теперь пулеметчики разместились в той части лагеря, которая примыкала к самому городу, так что ходить в свою корчму, стоящую на дороге по направлению на Малый Труан, стало подальше, нужно было шагать почти через весь лагерь.

Первое время бригаде был дан отдых. Солдаты написали письма на родину и отогревались на скупом осеннем солнышке перед своими бараками. Никто не сидел днем в казармах: изголодавшиеся лагерные блохи тучами наваливались на солдат и причиняли много беспокойства. Никакая дезинфекция не помогала: после нее в бараках стояла невообразимая, трудно выветриваемая вонь, а блохи не пропадали и насакивали на солдат с еще большим ожесточением.

Гринько по-прежнему увлекался фотографией. Желающих сфотографироваться опять было вдоволь. Так что самодеятельная походная фотография Ванюши работала с полной нагрузкой.

Неожиданно возникло еще одно прибыльное дело. Как-то подсмотрели солдаты, что Антон Корсаков и Ванюша сами читают письма на французском языке, которые они получают от своих «марен де ля гор», и сами им пишут ответы. Вот пулеметчики и нагрянули с просьбами: «Переведи, пожалуйста, мое письмо», «Ответь, пожалуйста, моей марене». Мы, мол, не постоим, заплатим.

Пришлось «пойти навстречу». Мзду за это дело Ваня и Антон, вернее, их товарищи по пулеметному расчету, брали натурой: за письмо и ответ — одна фляга вина; за вежливое письмо, требующее более изысканного текста, — подороже, тут уж пол-литра коньяку, киршу или рому. В составлении этих писем Антон и Ванюша поднаторели. А для облегчения заготовили несколько постоянных, текстов: один для простого ответа — обычно эти письма направлялись в деревни; другой для изысканного — городским интеллигентным женщинам.

Ванюша с Антоном были вынуждены распределить обязанности: так как Ванюша лучше знал французский язык, писал разборчиво и красиво, на него легли «изысканные» письма. Антон же штамповал «деревенские». У

Ванюши была более обширная клиентура. Каждому хотелось, чтобы его письмо было написано на хорошей бумаге, красивым почерком и произвело впечатление на адресата. Ведь вместе с письмами от «марен» поступали зачастую и денежные переводы...

Женька-пижон первым делом навестил свою «маман». По настоянию пулеметчиков, он упросил ее угостить товарищей, и «маман» устроила нечто вроде приема у себя наверху, в личных покоях. Весь расчет первого пулемета во главе с Ванюшей она угостила белым бочоночным вином. Правда, это вино дешевле красного, но пулеметчики были не в обиде. Они понимали, что у «маман» каждый сантим на учете, иначе не проживешь, вылетишь в трубу. Закуска была тоже простая — в основном винегрет и отварная картошка. Хлеб был по карточкам, поэтому пулеметчики принесли свой. И хотя все было очень скромно, пир удался на славу!

Вскоре начальство забеспокоилось: опасно, когда солдаты бездельничают. Надо их чем-нибудь занять. И вот, к удовольствию «шашнадцатого неполного», были назначены строевые занятия — основа основ военной подготовки солдат. Тут уж Карпо Ковш отвел свою душу!

Вернулся из госпиталя Петр Фролов. Весь расчет первого пулемета четвертой пулеметной команды теперь опять был налицо. А вслед за этим — новое событие: пришли награды.

Выстроили весь полк. Полковник Дьяконов зачитал приказ и стал торжественно прикалывать вызванным из строя награды. Была названа фамилия и ефрейтора Ивана Гринько. Ванюша вышел и пристроился к небольшой шеренге награжденных. Командир полка подошел к нему и, по французскому обычаю, как бы обнял и поцеловал три раза (но это был только жест), а затем приколот к его груди бронзовый крест с мечами. На зеленой полосатой ленточке ордена была прикреплена небольшая золоченая звездочка — «декорасион де кор», как говорили французы. Это означало, что награждение военным крестом произведено приказом по корпусу ¹². Военная медаль была высшей солдатской французской наградой, и ее получил только один человек в полку — рядовой Ющенко, чему были от души рады все солдаты.

Между прочим, писаря, хорошо осведомленные обо всем, поговаривали что в полковой канцелярии шел немалый спор, чем наградить Ивана Гринько. По заслугам надо было наградить военной медалью. Да уж больно неровный характер у этого ефрейтора: службу он знает и любит, дисциплинирован, но читает пулеметчикам французские газеты, задает сомнительные вопросы и сам же отвечает на них в непредусмотренном уставом духе... Нет, уж лучше не спешить с медалью...

Так судило да рядило начальство. И наконец решило: чтобы овцы были целы и волки сыты — представить Гринько к награде военным крестом корпусной степени.

Впрочем, все это мало волновало Ванюшу. Он был доволен полученной наградой. К тому же орден ему нравился больше медали: крест был с мечами и отдаленно напоминал офицерского Владимира с мечами.

Ванюша ловил себя на мысли, что стремление стать офицером у него не пропало, а глубоко затаилось где-то в сердце. Он невольно вспоминал Николая Манасюка. Тот теперь прапорщик. Прапорщик! А ведь Ванюша чувствовал свое превосходство над Манасюком во всех отношениях. Взять хотя бы его пусть небольшие, но твердые военные знания... Да их хватило бы и для младшего офицера. Ко всему прочему Ванюша знал людей, уважал их, будь то солдат, крестьянин или рабочий. А ведь Манасюк предаст любого, из-за своей личной выгоды не остановится ни перед какой подлостью и гадостью.

Ванюша подумал: «Может быть, это ревность?» Может быть, действительно это чувство усилило неприязнь к Манасюку? Но ведь он его не любил и даже презирал, когда встретился с ним впервые в Ораниенбауме в пулеметном запасном полку. Ну что ж, теперь презрение усилилось и, пожалуй, достигло наибольшей остроты.

Надо бы разобраться в своих чувствах к Валентине Павловне. Но Ванюша боялся этого. Ведь это все равно что сорвать только что окрепшую корку с засохшей, но еще не зажившей раны. «Дай ей бог счастья», — думал Ванюша о Валентине Павловне. И тут же душевные мучения вновь охватывали его: «А сможет ли она быть счастливой с этим подлецом?»

Из писем Веры Николаевны он мало что узнавал о жизни Валентины Павловны; она, видимо, умышленно не касалась этой темы. Дальновидная, умная женщина, Вера Николаевна не хотела поддерживать угасающий огонек в сердце Ванюши. С другой стороны, ей самой очень не понравилась вся эта история с Манасюком. Она писала Ванюше: когда Валентина Павловна знакомила ее с Манасюком, ей показалось, что его влажная рука покрыта какой-то противной слизью. После этого рукопожатия Вера Николаевна даже помыла руки и протерла их спиртом. Было видно, что и ей жаль Валентину Павловну, эту чувственную, быстро загорающуюся девушку.

Мысли Ванюши все чаще улетали в Казань. Это были счастливые, хотя и грустные минуты. А все остальное время он вынужден был заниматься тем, что давно уже надоело. Военные занятия, главным образом строевые, проводились каждый день. За ними следовала словесность с перечислением

августейшей семьи, служившая также средством внедрения в солдатское сознание долга перед богом, царем и отечеством.

Разумеется, эти проповеди никто не слушал, каждый думал о своем: о семье, о родных, о делах по дому. Пора, мол, навоз вывозить на поле, хлеб молотить, на мельницу ездить и ходить на заработки к помещику.

А Ванюша продолжал думать о Валентине Павловне, хотя уже давно решил раз и навсегда вырвать ее из сердца. Однажды после нудных занятий Ванюша написал большое письмо Вере Николаевне. Он даже давал ей повод надеяться на что-то и особенно тепло вспоминал маленького Игорьька, зная, что это будет очень приятно его матери. От этого письма, как от высказанной обиды, у Ванюши стало легче на сердце, и он повеселел: бодро писал любому обратившемуся к нему солдату ответы «маренам», фотографировал, обрабатывал карточки и успевал с Женькой-пизоном бегать по вечерам к его «маман», чтобы выпить стакан-другой красного вина и немножко охмелеть.

Как-то неожиданно быстро — на отдыхе всегда время летит быстрее, чем на фронте, — наступил декабрь, и бригада прибыла в район Силери, это совсем близко от Реймса. Здесь сменили французов, и опять потянулись нудные окопные дни. А тут еще погода отвратительная: то слякотный дождик моросит; то мокрый снег перепадает, добавляя грязи в окопы, располагавшиеся в низине; то вдруг мороз ударит градусов до десяти.

Частые смены и перегруппировки по ночам совсем измучили пулеметчиков. Солдаты стали роптать. А тут еще начальство задумало новые разведывательные поиски и набеги, которые нарушали спокойствие фронта, и опять, как под Оберивом, начались частые артиллерийские налеты, минометные обстрелы, а за всем этим — потери. Словом, полная картина войны, где грязь смешивается с кровью, трупы выбрасываются за бруствер, чтобы очистить проходы в мелких окопах и дать живому укрыться понадежнее — авось удастся спастись и пожить еще некоторое время в надежде на лучшие времена...

А дома тоже плохо. Идут солдатам неутешительные письма: матери не могут достать хлеба детям, все дорого, денег же нет и заработать негде... У пустых булочных в Москве, Петрограде, Киеве и в других городах стоят длинные очереди... Пулеметчики читают эти письма с глубокими вздохами и болью в сердце.

«Что-то будет?» — эта мысль назойливо сверлит солдатские умы. Все уже чувствуют: над Россией собираются грозовые тучи. Это понимают и солдаты, и младшие офицеры, и высокое начальство. Только реагируют по-разному.

Гринько — в центре солдатских дум и толков. Он читает товарищам газеты, которые при встречах на флангах и стыках достает у французов. А подчас они сами — то артиллеристы, то саперы, то связисты — даже нарочно приносят газеты в окопы, занятые русскими. В газетах тоже пишется о нехватке продовольствия в тылу и снарядов на фронте, о непрерывных отступлениях на русско-германском фронте, особенно в Прибалтике, о бунтах и стачках в российских городах.

Все это наводит на тяжелые раздумья. А французские солдаты подливают масла в огонь: сообщают все новые и новые вести, одна тревожнее другой. Они и сами возмущаются: зачем французская буржуазия положила под Верденом свыше 350 тысяч французских солдат, зачем» пролито так много крови, что им до Вердена? Их решительно поддерживают русские солдаты, изнемогающие в своих болотистых окопах.

Злые, как волки, пулеметчики с завистью вспоминали аванпост № 2. Правда, то было летом! А тут и зима не зима, сплошная промозглая сырость. Холодно, неудобно. Хороших убежищ нет, вместо них какие-то сырые ямы с проржавленными железными сетками и рванными мешками с землей. На брустверах ящики с опилками, политыми мазутом, которые нужно зажигать во время газовой атаки, чтобы газ в окопы не опускался, а поднимался вверх и как бы перекачивался через траншеи.

Французское командование, очевидно проведав о настроении русских солдат, вскоре сменило их и отвело в тыл, разместив биваком на постой по деревьям. Ух, как пулеметчики были довольны, когда оказались в теплом коровнике зажиточного крестьянина!

Коровник был на попечении слепого на один глаз молодого батрака, веселого и хорошего парня. Он быстро сошелся с русскими пулеметчиками. Камарад Пьер был молодец — то вино приносил, то газеты. И обедал вместе с пулеметчиками. От него приятно пахло навозом, что напоминало далекую и милую родину — Россию, русские деревни. Недаром сказано, что «дым отечества нам сладок и приятен». Камарада Пьера все считали своим, и в сарае было тепло и весело.

Однажды невесть как к пулеметчикам попала маленькая листовка. В ней говорилось: «Мы не желаем класть свои головы и проливать свою кровь на защиту Шампанских виноградников, служащих целям удовольствия и утехы для генералов, банкиров и прочих богатеев. Долой войну! Требуйте возвращения в Россию!»

Листовку эту жадно читали поодиночке и, перечитав ее не один раз, передали во второй взвод.

Пьер принес газету «Юманите». В ней сообщалось, что высшее французское командование расстреливает своих солдат, требуя крепкой дисциплины и беспрекословного подчинения, что разбухают военные тюрьмы Франции.

Газету читал Ванюша. Если попадались незнакомые слова, то переводил по смыслу так, как находил нужным. Пулеметчики настороженно слушали: «Брусиловское наступление прославило русское оружие, спасло от разгрома итальянскую армию, толкнуло наконец долго выжидавшую удобного момента Румынию вступить в войну на стороне держав Согласия. Но румыны не умели считаться с реальными силами и общей обстановкой и были наголову разгромлены Фалькенгайном. Вся Румыния оказалась занятой германо-австрийскими войсками. На русскую армию легла новая забота и бремя — нужно было растянуть русско-румынский фронт до самого устья Дуная — вот результаты Брусиловского наступления, которое окончательно заглохло...»

— Да, довоевались, нечего сказать, — вставил реплику Андрей Хольнов.

— Стоп! — тихо вскрикнул дневальный, — «шашнадцатый неполный» идет!

Все смолкли. Газету спрятали и начали играть в шашки.

— Завтра с восьми утра на занятия в поле, — передал Ковш. — Приготовить двуколки и пулеметы!

— Слушаюсь, приготовиться к полевым занятиям, — четко ответил Гринько.

Фельдфебель обвел коровник взглядом, потом посмотрел на пулеметчиков, на коров, повернулся и ушел.

Километрах в двадцати юго-западнее Реймса, в районе Виль ан Тарденуа, был оборудован учебный городок, напоминавший своим устройством и подобием будущий район действий бригады. Вот на этом учебном поле солдаты и отрабатывали атаку вражеских укреплений — там и канал был обозначен, и укрепленный форт на лесистом холме, и многое другое. Тренировались всю вторую половину февраля и начало марта. Пулеметчики тоже выходили сюда на учение, возвращались в коровник усталые и спали как убитые. Вот и сейчас нужно было выходить на учебное поле...

До бригады дошла весть, что немцы в конце января 1917 года в ответ на французскую газовую атаку пустили три волны газа на 3-ю бригаду в районе Оберива и атаковали ее. Атака эта была отбита, а от газов погибло

около пятисот человек наших солдат, а французов, говорят, раза в три больше. Это передавалось из уст в уста по всей бригаде и еще больше возбуждало недовольство солдат.

— А маски-то никуда не годятся! — возмутился Фролов. — Как вдохнешь поглубже, так сразу и с копыток долой.

— Да ну, не может быть!

— Ей-богу, хрест святой. — И тут же Петька трижды перекрестился.

— Говорят, зато погибли все крысы в окопах, — вставил Жорка Юрков.

— Брось зубоскалить, — вмешался Андрей Хольнов, — дело серьезное. Противогазы придется таскать с собой.

— Ну, разумеется, — подтвердили пулеметчики.

Пьер слушал, не понимая разговора. Фролов решил его просветить:

— Понимаешь, Пьер, Мурмелон ле-Гран знаешь?

— Уй, уй...

— Так там атака, газ — понимаешь? И вот наш, ну, нотр камарад рюс боку — капут, понимаешь? Вот, брат, оно как, а ты смеешься. Хаханьки тебе! — закончил Петр серьезно.

3

Пулеметчики упросили штабс-капитана Сагатовского разрешить направить в город Эперне небольшую группу — человека три, чтобы закупить всяких необходимых солдату мелочей. Выделили по одному человеку от взвода. Возглавил группу Гринько, от второго взвода пошел Сотников — «Красная девица», как его прозвали за исключительную застенчивость и скромность; от третьего взвода — старый друг Ванюши Лапшин, а четвертый взвод выделил парную повозку и ездового.

Рано на рассвете группа отправилась в путь и часам к десяти утра добралась до города. Пулеметчики присмотрели глухую площадку, на которой оставили повозку с ездовым, а сами направились за покупками.

Решили сначала закупить всякие мелочи: носки, перчатки, носовые платки, бритвы, кисточки, мыло, одеколон, крючки, пуговицы, нитки, иголки и другую чепуху, а потом вино, на которое тоже были заказы. Его следовало хорошо запаковать в ящики, чтобы в дороге не побить.

Таких мелочей, как крючки, пуговицы и иголки, так и не смогли найти. Пришлось перейти к основному — к закупке спиртного. Бутылки запаковали в ящики, погрузили в повозку, подмостив под ящики сена и укрыв их сверху попонами. В винном магазине Ванюша спросил адрес, где бы можно было купить иголки и нитки. Его никак не могли понять. Ванюша

уж и на пальцах показывал — вот так, мол, колоть и протягивать нитку... А нитку называл «ле фий» вместо «дю филь». Наконец его поняли, добродушно рассмеялись и вручили бумажку с написанным адресом. Лапшин и Сотников во главе с Ванюшей направились в указанное место. Долго пришлось искать, спрашивать у постовых полицейских и просто у прохожих. Они внимательно прочитывали адрес и все с ухмылкой направляли дальше, в какие-то глухие кварталы, где и магазинов-то не было.

— Куда это мы двигаем, братцы? — недоумевал Лапшин. — Что-то не видать тут никаких лавок.

— Ну, может быть, к какому-либо портному или в мастерские швейные нас направили, — предположил Сотников.

— Стоп, ребята! — сказал Ванюша, сличая адрес с номером дома. — Вроде как здесь, — и, подняв голову, увидел красный фонарь, висевший над сумрачной глухой дверью.

— Ну, чего же тут раздумывать, — Лапшин дернул ручку звонка.

Послышался стук отодвигаемого засова, и дверь открылась.

— Сильвупле, шер сольда рюс, — приветливо улыбаясь, сказала пожилая нафуфыренная женщина.

Солдаты вошли и, пройдя по темному коридору, попали в небольшую, слабо освещенный зал. Зал был пустой, вдоль стен, как в фойе, стояли рядами стулья. Ванюша и Сотников были в недоумении, а Лапшин слегка ухмылялся себе в ус.

— Атанде эн пё, мез ами, — сказала встретившая солдат дама.

Через какое-то мгновение раздвинулся занавес, и в зал вошла вереница почти совершенно обнаженных девушек. Кокетливо улыбаясь, они выстроились в одну шеренгу перед солдатами.

— Ясно, — тихо проговорил Ванюша.

Сотников стоял красный как рак, а Лапшин, напротив, был весел и улыбался.

Пулеметчики уже успели приглядеться к обстановке зала. За внешним уютом и даже некоторой помпезностью всюду проглядывало убожество. Плюш на стульях был потерт, на стенах, оклеенных дорогими некогда обоями, виднелись грязные пятна, очевидно следы шампанского, а нижняя часть стен, над стульями, лоснилась — их основательно протерли спины посетителей...

Больно было глядеть на вереницу девушек... Многие из них оказались не так уж и молоды. У одной дряблая шея и вислые мешки под глазами, покрытые толстым слоем пудры, у второй — неимоверно развитые плечи, большие красные руки, третья худа, измождена, глаза лихорадочно блестят... Были и действительно молоденькие девушки, вернее, девочки, не успевшие

еще подавить в себе чувство стыда, — они неловко прикрывали свою наготу и боязливо поглядывали на содержательницу. А та, вся в буклях, оборках, рюшках, с выкрашенными редкими волосами, вся в пудре и помаде, сладко улыбалась, безумолку тараторила, очевидно расхваливая свой «товар». В зале стоял затхлый, противный запах — смесь духов, пудры, старого тряпья и человеческого пота... О страшной трагедии, о попорченной чести и нищете кричали стены зала, кричали глаза женщин, старавшихся понравиться солдатам.

«Вот это попали! — подумал Ванюша. — Вот почему все, у кого я спрашивал дорогу, хитро улыбались; хорошо еще, что я спрашивал у мужчин, а не у женщин».

Видя нерешительность посетителей, кокетки окружили их, и каждая старалась завлечь гостя к себе...

С трудом Ванюша с Сотниковым отбились от наседавших женщин, дали им по несколько франков «откупного» и ушли. Лапшин остался на некоторое время.

Так и не удалось купить иголок и пуговиц. Когда вернулись к повозке, решили все четверо поужинать в ресторане, который находился тут же рядом. Официант спросил, будут ли камарады что-нибудь пить. Ему ответили, что будут пить ром. Он принес маленькие рюмочки величиной с наперсток, наполненные ромом. Солдаты недоуменно переглянулись и попросили официанта принести целую бутылку рому и затем стали наливать его в большие бокалы, аккуратно размерив бутылку — всем поровну. Все, кто был в ресторане, как по команде, повернули свои изумленные лица к русским солдатам, наблюдая за ними.

— Ну, ребята, не ронять чести, вишь уставились, как в цирке, — сказал Ванюша.

Все согласились, что национальную гордость посрамить никак невозможно. Выпив залпом свои бокалы, солдаты принялись за еду. Через некоторое время процедура была повторена, и, хорошо поужинав, пулеметчики ушли, щедро расплатившись: надо было показать, что русские солдаты за деньгами не стоят. Все, кто был в ресторане, разинув рты смотрели вслед русским.

Прибыли в пулеметную команду около одиннадцати часов вечера и сразу же раздали пулеметчикам покупки. В коровнике царило оживление. Жаль только, что не были куплены крючки, пуговицы и иголки с нитками, которые были так необходимы солдатам. Но что поделаешь! Впрочем, в эту ночь не многие о них вспомнили.

В ночь на 10 марта пулеметчиков, как и всю бригаду, подняли по тревоге и повели походным порядком по проселочным дорогам в сторону Реймса. В России такие дороги с полным основанием считали бы шоссейными, так как они были с твердым покрытием. Все их отличие от действительно прекрасных французских магистральных шоссейных дорог заключалось в том, что они были узкие — метра в три ширины, ну, может быть, немножко шире, и не такие прямые.

После одного перехода бригада сменила северо-западнее Реймса французские части, которые срочно выводились в тыл для оздоровления: среди французских солдат началось брожение.

Опять окопы... Они располагались на высоком косогоре перед каналом, соединяющим Марну с рекой Эн. Участок был беспокойным — он то и дело подвергался сильному артиллерийскому обстрелу почти без всякого на то повода. Ночи стояли темные, дождливые и холодные, а главное, тревожные: любой шум в проволочном заграждении перед окопами казался опасным и сразу же вызывал огонь.

Гринько не любил стоять на посту у пулемета в эти длинные и абсолютно темные ночи: таращишь глаза изо всех сил — и все равно ничего не видно. Приходилось подниматься почти по грудь над окопами, подмащивая под ноги ящики с ручными гранатами, но и это не помогало. Одна надежда была на слух — следовало внимательно прислушиваться и самому соблюдать полную тишину. Это было выгодно по двум соображениям: во-первых, тебя никто не заметит, если и пройдет мимо, а, во-вторых, на малейший шорох можно пустить одну за другой несколько гранат. Соседний наблюдатель подумает, что уже «началось», и тоже запустит перед собой несколько гранат, а там и сигнальная ракета взлетит и вызовет на этот сектор артиллерийский «тир де бараж» — и пошла писать губерния! Вот час-другой и будет бушевать огонь с обеих сторон — так оно веселей. Когда же все утихнет — пора и наблюдателям сменяться.

Обычно такой ночной шум большого вреда не приносил — весь огонь как одной, так и другой стороной велся перед окопами, для отражения противника. Отдыхающие смены солдат на это никакого внимания не обращали и продолжали крепко спать в своих глубоких убежищах. Такие «развлечения» обычно вспыхивали несколько раз за ночь. Зато день наступал спокойный: днем все-таки видно, и никто из дежурных наблюдателей не начнет случайной стрельбы. Жаль только, что дни были намного короче ночей.

...Бегом по окопу несется прямо к пулеметчикам старый французский солдат, пуалю, торопливо сует в руки Ванюше французскую газету и кричит:

— Тсар абдике, тсар абдике!

Гринько перевел заголовок статьи:

— «Царь отрекся от престола!»

Солдаты растерянно смотрят друг на друга. Никто не может отдать себе ясного отчета в том, что произошло, но все понимают: случилось что-то значительное. Все, о чем доходили слухи из далекой России — голод, стачки, забастовки, — вылилось теперь в это потрясшее всех событие. Царь отрекся от престола. Радостные мысли роились в головах солдат, надежды одна светлее другой распирала сердца. А Ванюша взволнованно читал, пропуская непонятные слова, прыгал глазами главным образом по заголовкам. Власть перешла в руки Временного правительства. И перечислял состав этого правительства.

Фамилии новых министров пулеметчикам ничего не говорили: их никто не знал.

— Ну, теперь будет жить Россия без царя! — воскликнул Ванюша.

— Оно, может быть, и лучше будет, — рассудительно заметил Андрей Хольнов, — но, видимо, это не все. Солдаты на фронте еще подумают, а потом вмешаются в это дело.

— Землю, землю надо дать нашему брату крестьянину, — вставил Петька Фролов.

Прибежали свободные пулеметчики из расчета второго пулемета во главе с Ковалевым:

— Что тут у вас? Что пишут?

Ванюша быстро передал им смысл происшедших событий.

— Н-да, хрен редьки не слаще, — заметил Ковалев. — А пороть теперь будут нашего брата?

Он никак не мог забыть позорной экзекуции над собой.

— Будут, да еще покрепче, и свинцовыми розгами, — ответил Жорка Юрков, направляясь с Петькой Фроловым на дежурство.

Жорка ничего не мог понять и поэтому злился.

— Нам бы землю, а розгами, шут с ними, пусть порют, — твердил свое Фролов, входя вслед за Жоркой в траншею.

Послышалось шипение, и около самого бруствера раздался резкий раскатистый взрыв. Вход в траншею обдало землей и дымом. Новое шипение — и второй взрыв. Корсакова отбросило в сторону, и он обеими руками схватился за грудь. К нему кинулись пулеметчики и втащили в убежище. Антон был сильно ранен в грудь. Фролов втащил за собой в

траншею Жорку Юркова, также рухнувшего на землю и не подававшего признаков жизни.

— Воды, ребята, поскорей! — крикнул Петька.

Он облил лицо Юркову, и тот глубоко вздохнул, а затем открыл глаза. Голова и ноги его были залиты кровью.

Перевязали раненых, а в сумерки эвакуировали их на полковой пункт. Там сразу — в санитарную линейку и дальше — в госпиталь.

Острая обида жгла сердце солдат.

— Вот тебе и революция без крови! А нашего брата убивают как ни в чем не бывало. — высказался Женька Богдан.

— Что солдат! Солдат — скотина. — Кто-то с досадой выругался.

Второй батальон и приданную ему четвертую пулеметную команду после смены отвели в резерв, расположив в балке недалеко от деревни Тиль. Сюда заглядывало солнце, и можно было просушиться, немного отогреться.

А толки о революции в России не прекращались. Появилась солдатская газета «Русский солдат-гражданин во Франции». Она, захлебываясь, расхваливала Временное правительство и ратовала за продолжение войны до победного конца: теперь, мол, есть за что воевать свободному русскому народу — за свободную Русь!

Тут же новое событие: вышел приказ № 1. По этому приказу отменялись всякие «превосходительства» и «высокие благородия», при обращении и ответах командиров предлагалось называть «господин генерал», «господин полковник» и т. д.

— Во! — оживился Петька Фролов. — Иду это я, а навстречу подполковник Готуа. Ну, разумеется, я вытянулся, он со мной поздоровался: здравствуйте, говорит, господин солдат. Так и сказал — господии солдат. А я ему как полагаю: «Здравия желаю, ваше высококородие!» А он мне в ответ: «Сутки ареста». Был, говорит, приказ называть «господин подполковник», а вы его нарушаете. Опять-таки на «вы» назвал, — заключил Фролов под общий смех пулеметчиков.

— И все ж сутки отсидишь, господин солдат, — подтрунивали над Петькой.

Разрешалось выбрать солдатские комитеты в ротах, батальонах, полках и в бригаде, которые, выражая волю солдат, должны будут помогать своим командирам в сплочении войск под знаменем свободной России. Свободный русский солдат должен защищать свободную родину со всем упорством и настойчивостью, твердо держа оружие в своих руках, он не имеет права положить оружие даже по приказу офицера, — гласил приказ № 1.

Бурлил и 1-й полк. Сведения оттуда приносил и передавал Ванюше Иван Плетнев, находившийся, кстати сказать, под подозрением начальства и

переведенный в команду разведчиков полка.

— В Россию вернулся Ленин и выступил в Петрограде перед рабочими, — рассказывал Иван Плетнев при очередной встрече. — Прямо на Финляндском вокзале выступил с военного броневика, значит, и солдаты за большевиков. Ленин призывает рабочих бороться за социалистическую революцию, значит, за немедленное окончание войны, за передачу помещичьей земли крестьянам, а фабрик и заводов — под рабочий контроль. Одним словом, пролетарии всех стран, соединяйтесь! Расскажи-ка, браток, об этом пулеметчикам.

На другой день весть о возвращении Ленина в Россию быстро распространилась по всему второму батальону.

Кое-что рассказывал пулеметчикам лейтенант Кошуба, главным образом то, что писали французские газеты. На специально проведенной беседе лейтенант упорно расхваливал партию социалистов-революционеров. Это, мол, истинно русская революционная партия.

Потом лицо его перекошилось от злобы:

— А то вот в России есть социал-демократическая рабочая партия большевиков. Это же всякий сброд, жида и немецкие шпионы. Они только мутят народ и хотят отдать Россию немцам. Так что надо, господа солдаты, хорошо разбираться в сложившейся революционной ситуации, тесно спланиваться вокруг революционных офицеров и пресекать всякую деятельность агитаторов и провокаторов, немедленно докладывая о них начальству.

Он остановился и, вытирая пот со лба, оглядел солдат. Но, к его удивлению, солдаты сидели насупившись, опустив глаза. Смысл «беседы» лейтенанта до них что-то доходил туго.

— А как насчет землицы, господин лейтенант? — подал голос кто-то из пулеметчиков. — Крестьянин землицу-то получит?

— Господа, господа! — в досаде поднял руку лейтенант. — Надо проявить терпение. Не можем же мы допустить анархию и произвол. Вот выберем представителей народа в Учредительное собрание, и оно решит все как полагается.

— Да, жди! Глядишь там в России и землю всю разделят, а мы будем тут во Франции прохлаждаться, — неожиданно смело сказал Петька Фролов под гул одобрения пулеметчиков.

— Правда, надо бы в Россию возвращаться, война тут нам ни к чему, — поддерживали его из толпы. — Французская земля здесь, пусть французы за нее и воюют.

Кошуба хотел увидеть того, кто это сказал, но не смог найти его и в упор остановился взглядом на Андрее Хольнове.

— Правду, правду он говорит, господин лейтенант, — не смутился Андрей. — Надо бы нам домой возвращаться, ведь свободная Россия нуждается в надежных защитниках, вот мы там и начнем опять бить немца на своей земле.

— А когда начнем исполнять, господин лейтенант, приказ номер первый и свои солдатские комитеты выбирать? — послышался новый голос.

— Это точно, надо комитет выбрать, — заявил унтер-офицер Ковалев, — а то, глядишь, опять пороть розгами начнут.

— Господа, не беспокойтесь, телесные наказания отменены, — растерянно ответил Кошуба, видя, как против него восстанавливается все собрание. — Прошу успокоиться, господа пулеметчики. Я сейчас пойду и выясню, когда будет назначено выборное собрание команды.

И лейтенант поспешно удалился.

— А чего нам ждать, давайте сразу и выберем комитет, — предложил Ванюша.

— Вон в первом полку уже и ротные комитеты есть, а делегаты из рот скоро будут батальонные и полковые комитеты выбирать.

— Давай, давай! — послышались голоса.

— Тогда, ребята, нам надо председателя собрания избрать, — предложил Евгений Богдан.

— Ну, вот, давай тебя и изберем, — послышались голоса со всех сторон. — Председательствуй!

Стали называть фамилии, кого следовало бы выбрать в комитет. Со всех сторон слышалось:

— Иван Гринько!

К полной неожиданности Ванюши, его тут же выбрали.

— Андрей Хольнов!

— Петр Ковалев!

— Константин Сотников!

— Станислав Лапицкий!

Ванюшу избрали председателем комитета. Членами комитета стали Андрей Хольнов и Петр Ковалев, а запасными — Константин Сотников и Станислав Лапицкий.

Дали наказ комитету — проводить защиту солдатских интересов и обо всем докладывать пулеметной команде.

Вскоре был избран солдатский комитет второго батальона. Делегаты батальонов с передней линии выбрали свои комитеты, был избран и полковой комитет. Поступило распоряжение, чтобы всем председателям комитетов через день собраться при штабе бригады и выбрать бригадный солдатский комитет.

Бригадный комитет избрали в составе двенадцати человек: семь действительных членов и пять запасных. Председателем выбрали солдата первого полка Яна Болтайтиса. Присутствовавший на собрании генерал Лохвицкий объявил, что бригада должна будет принять участие в наступлении. Начались дебаты: идти бригаде в наступление или нет?

Восемь делегатов высказались за то, чтобы не идти, а просить французское командование отвести бригаду в тыл и вернуть ее в Россию. Человек двадцать выразили мнение идти в наступление: нельзя, мол, сейчас отказываться от наступления. Не для того получили свободу, чтобы оставить ее беззащитной.

— Свобода не только дала нам права, но и наложила гражданский долг и обязанность! — распинался какой-то унтер-офицер. — Надо защищать свободу, иначе мы станем изменниками своего народа, свободной родины, посраим себя, как трусы, перед памятью погибших сынов России!

В результате большинством голосов была принята резолюция бригадного делегатского собрания, гласившая:

«Мы, сознательные воины свободной России, являясь ее верными сынами, состоящими на военной службе в 1-й Особой пехотной бригаде, принимаем на себя обязательство беспрекословно выполнять приказ командования бригады и принять участие в предстоящем наступлении».

Все присутствовавшие на собрании председатели солдатских комитетов обязаны были довести резолюцию до всех солдат рот и команд.

На собрании пулеметной команды Иван Гринько полностью зачитал резолюцию. На вопрос пулеметчиков, за что он голосовал, ответил, что голосовал за то, чтобы идти в наступление. Ванюша тут же разъяснил свою точку зрения:

— Мы были подневольными солдатами у царя и ходили в бой безоговорочно. Как же теперь нам не отстаивать свою, — Ванюша повторил с ударением, — свою свободу с оружием в руках!

Резолюция и ответ Ванюши не внесли воодушевления в настроение пулеметчиков, но и не встретили какого-либо осуждения. Все чувствовали себя как-то обреченно, понимали, что хотят они этого или не хотят, а в наступление идти придется.

В это время земля заходила ходуном, и через мгновение солнце заслонило тучей земли и дыма. Раздался какой-то протяжный, страшной силы взрыв. Оказалось, взорвался склад артиллерийских снарядов и мин, расположенный на перекрестке дорог в перелеске, всего в полукилометре от пулеметчиков. Через их головы летели бревна и неразорвавшиеся снаряды.

Противнику удалось вызвать этот взрыв во время сильного артиллерийского обстрела. Располагавшиеся недалеко солдаты, наряженные

для работ на складе, погибли все до одного. Сразу стали называть цифру — две сотни убитых. Наверное, это так и было: солдаты редко ошибаются в определении своих потерь. Второй батальон и пулеметчики сразу же были направлены на помощь пострадавшим. Они собирали останки убитых, разбросанные взрывом, восстанавливали склад...

Накануне дня наступления второй батальон с четвертой пулеметной командой с утра двинулся по глубокому ходу сообщения на передовую позицию. Выяснилось, что от второго полка будет наступать только этот батальон, а другие два составят корпусной резерв.

Утро было сумрачное. Небо затянули густые низкие тучи. Сумрачны были и лица солдат, идущих один за другим по глубокой канаве. Откуда ни возьмись, появился немецкий самолет и стал кружиться над колонной. Было видно, как летчик в шлеме на виражах перегибается за край фюзеляжа, наверное, подсчитывает количество солдат. Немец так увлекся этой арифметикой, что не заметил, как появился французский истребитель. Завязался воздушный бой. Одна, другая очередь из пулеметов — и немецкий самолет загорелся, начал падать, оставляя за собой шлейф огня и дыма. Летчик вывалился из машины и, раскинув в стороны руки и ноги, как брошенная кукла, полетел вниз.

Французский летчик торжествовал победу. Он опустился немного ниже и пролетел раза два вдоль заполненного солдатами хода сообщения. Все приветствовали победителя поднятыми руками и касками. Наступило оживление, усталость исчезла. Солдаты пошли энергичнее, даже пулеметчики почувствовали меньше неудобств от резавших плечо треноги и тела пулемета и от оттягивавших руки ящиков с набитыми лентами.

К вечеру было занято исходное положение для наступления, уточнены направления для каждого пулемета, определены ориентирные предметы, сверены часы и как следует изучен сигнал начала движения. Артиллерия готовила это наступление десять дней, обстреливая интенсивным огнем немецкие позиции и укрепления, но уверенности, что все разрушено и уничтожено, не было. В связи с этим давались подробные указания частям пехоты по согласованию движения и огня.

Все было рассчитано по минутам. Условились о переносе огня артиллерии вперед, в сторону противника. Эти переносы огня должны были следовать один за другим, создавая катящийся впереди пехоты вал

заградительного огня, так называемый «barrage roulant», который должен был прокладывать дорогу пехоте.

Такая математическая точность может показаться кое-кому надуманной. Это, мол, сплошная теория, далекая от практики. Но было именно так. На Западе считалось, что движение пехоты в сфере неприятельского огня возможно и допустимо лишь в том случае, если атакующая пехота будет надежно прикрыта барражным огнем своей артиллерии. Это являлось последним словом в области военной тактики в отличие от ранее применявшегося метода, при котором предусматривалось полное разрушение укреплений и средств обороны противника огнем всех видов, главным образом тяжелой гаубичной артиллерии. Пехоте оставалось только занимать разрушенные участки обороны противника. Так действовали немцы под Верденом. Однако там же, под Верденом, французы в своих контратаках блестяще доказали преимущество движения пехоты вплотную за подвижным заградительным огнем своей артиллерии. Это, разумеется, не исключало и предварительной артиллерийской подготовки, которая велась уже десятки сутки с целью разрушить все, что только возможно.

Заградительный огонь артиллерии настойчиво внедрялся новым главнокомандующим генералом Нивелем, который считался наиболее талантливым последователем новой школы. Во исполнение его приказа и давались такие подробные и точные указания.

Все молча принимали инструкции как должное, не задумываясь над их сутью. Раз надо, значит, надо. Каждого больше всего занимали думы: как бы уцелеть в этом наступлении.

Начальник команды штабс-капитан Сагатовский, боясь, как бы пулеметчики не угостили его пулей в затылок, под видом болезни удрал в парижский офицерский госпиталь.

— Наверно, триппер поймал, — поговаривали солдаты, зная его беспутство.

Примеру Сагатовского последовали многие другие офицеры, боявшиеся возмездия за свою свирепость по отношению к солдатам, так что в некоторых ротах не оказалось ни одного офицера.

Командир второго батальона подполковник Готуа остался. В пулеметной команде остались поручик Савич-Заблоцкий и лейтенант Кошуба.

И вот оно, утро наступления.

— Приготовиться! — передали команду по передней траншее.

Артиллерия усилила огонь до предела. На шесть часов назначен первый перенос артиллерийского огня. В это время пехота должна выскочить из траншей и двинуться бегом вперед. Минутная стрелка часов неумолимо

движется вперед, приближаясь к цифре «12». Ванюша тревожным взглядом следит за ней, на сердце нудно и тяжело, подкатывает какая-то тошнота. Стрелка проползла цифру «12». Надо подавать команду и самому выпрыгивать из окопа. А как не хочется!..

— Вперед, за мной! — крикнул Гринько и побежал по изрытому воронками полю и обрывкам колючей проволоки.

Надо догнать огневой вал. Остро пахнет пороховой гарью и дымом. Вокруг — топот солдатских сапог. Опять двинулся вперед «бараж рулан» (огневой вал), надо за ним поспевать. Стали рваться немецкие снаряды, заставляя все чаще ложиться. После разрывов пулеметчики опять поднимались и бежали вперед.

Вот уже и немецкие проволочные заграждения — вернее, остатки от них; вырванные из земли железные колья и болтающиеся вокруг них концы колючей проволоки. Под ногами путаются куски спиралей Бруно.

Заговорили немецкие пулеметы, и во всех направлениях стали с шипением прорезать воздух пули.

— Скорей, скорей, вперед! — крикнул Ванюша, и пулеметчики изо всех сил кинулись в немецкие окопы. Рядом солдаты пятой роты забрасывали немцев ручными гранатами.

Пулеметчики спрыгивают в сильно разрушенные артиллерией окопы: в них много убитых немецких солдат. Живых немцев пехотинцы берут в плен.

— Вперед, вперед, к каналу! — кричит Ванюша.

Сильный пулеметный огонь с Носа «Фердинанда» и «Куртины де ля Повет» полыхнул по пулеметчикам. Ванюша почувствовал сильный удар по кисти левой руки, будто его кто-то ударил увесистой палкой. Он свалился в воронку от снаряда, из рукава лилась теплая, яркая кровь, пальцы и ладонь онемели. Он сполз в какой-то окоп, а за ним — Хольнов, Фролов и Богдан. Ванюша поднял рукав шинели, и кровь фонтанчиком ударила из артерии вверх. Он быстро опустил руку и, заложив складкой рукав, прижал его к колену. Стал отрывать бинт и быстро закручивать руку поверх рукава шинели.

— Хольнов, скорее открывай огонь по Куртине!

Но тот уже соединил тело пулемета с треногой и заряжал пулемет. Пулемет затрещал, вздрагивая в руках Андрея: через некоторое время Куртина замолчала.

— Вступай в командование пулеметом, — приказал Ванюша Хольнову.

— Хорошо, — ответил Андрей, — но ты скорее уходи на перевязочный пункт, пока жив.

— Ладно, не беспокойся, вот огляжусь немного и пойду.

И Ванюша стал высматривать менее обстреливаемый путь в свои окопы, а потом из воронки в воронку начал пробираться в тыл. Рукав наполнился кровью и стал похож на бурдюк с вином. Навстречу попался подполковник Готуа. Он прыгал, как кошка, длинными прыжками, а за ним связисты тянули телефонный провод.

Как ни отгонял от себя Ванюша пленных немцев, они все жались к нему, как овцы. Их обстреливали свои же — не могли удержаться от мести.

Наконец Гринько добрался до русских траншей, где уже разместился передовой перевязочный пункт полка. Ванюше развязали рукав, и оттуда хлынула кровь — наверное, больше котелка. Пошли круги перед глазами. Замелькали желтые полосы, и наступила тьма. Он потерял сознание.

Очнувшись, Ванюша увидел, что рукав разрезан и рука забинтована. Через белый бинт пробивается ярко-красное пятно крови. Санитар поднес ему в медицинском стаканчике разведенного спирта.

— Выпей, легче станет...

Эвакуированный в бригадный лазарет, Ванюша крепко заснул и долго проспал. Проснулся он от сильного грохота, качались стены сборного барака. Стреляла французская железнодорожная батарея особой мощности. После каждого выстрела большое орудие далеко откатывалось по железнодорожному полотну вместе с железнодорожной платформой, сильно скрипя и визжа тормозами. Некоторые раненые рассматривали стрелявшую батарею через высоко прорезанные в стенах барака окна и восхищались ею. Ванюша попробовал встать и почувствовал боль в левом колене. Он невольно на него посмотрел, ясно была видна опухоль и засохший рубец ранки. «Наверное, во время перебежки сильно накололся коленом на колючую проволоку».

Глава пятая

1

В русском госпитале врачи внимательно осмотрели рану Ванюши и пришли к единодушному решению: если немедленно не ампутировать руку — начнется гангрена.

— Ну-с, молодой человек, руку надо отрезать, а то будет заражение крови, антонов огонь, и умрете, — твердо заключил пожилой военный хирург.

Ванюшу это ошеломило, в мозгу пронеслось: лучше умереть, чем жить без руки. «Что я буду делать? Какую найду работу? Быть калекой? Не хочу!»

— Не дам отнимать руку! — почти выкрикнул Ванюша. — Вам бы все резать и резать. Не дам!

Врачи переглянулись между собой и заговорили по-латыни. Пожилой хирург, передернув плечами, сказал:

— Я снимаю с себя всякую ответственность, — и решительно удалился.

— Может быть, молодой человек, вы все же подумаете. Хороший протез вам заменит кисть, теперь очень удобные протезы делают. Зато останетесь живы и на войну вас больше не пошлют, — ласково заговорил молодой врач.

— Нет, нет, не дам ампутировать руку, — решительно воспротивился Ванюша.

— Жаль, очень жаль. Вы так молоды, у вас все впереди, а вот последствий своего упрямства не понимаете, — сказал врач и тоже вышел.

Ванюша остался один. Тысячи мыслей проносились в голове. Может быть, все-таки согласиться? Ведь правая рука останется, а левой все равно почти ничего не делаешь. Да к тому же и военные есть без руки, — взять хотя бы генерала Гуро. Ничего, что правый рукав болтается, а он все-таки армией командует.

Но тут же закипала горькая обида. Генералу Гуро что — он генерал. Адьютанты его и одевают, и обувают. А тут надо самому зарабатывать на хлеб. Без руки какой работник! Да и какая девушка на тебя посмотрит? Кто полюбит, кто решится замуж выйти за калеку? Разве так, из жалости. Но зачем это унижение — жить без любви и никогда не быть любимым! Лучше умереть.

Подошла сестра милосердия и спросила:

— Как вы себя чувствуете?

Ванюша ничего не ответил.

— Почему вы так боитесь лишиться руки? — продолжала ласково сестра, поглаживая Ванюшу по голове. — Ведь на этом жизнь не кончается, вы такой молодой и красивый. Зачем вам умирать?

— А кому я нужен без руки? — отрезал Ванюша.

— Ну, к чему такой пессимизм! Вы смотрите на жизнь с надеждой, вот тогда вас полюбит красивая девушка и вы будете счастливы. — И она внимательно посмотрела в серые с голубинкой глаза Ванюши.

Она была молода, миловидна: светлые волосы, большие голубые глаза, окаймленные тонкими ровными бровями, маленький, слегка вздернутый носик. Она потупилась и от смущения часто и взволнованно задыхалась.

— А вы полюбите меня, калеку, без руки? — выпалил Ванюша и вопросительно уставился на нее. — А? Полюбите?

Сестра от неожиданности растерялась и не знала, что ответить.

— Ну, я... я... уже замужем, — солгала она, — но я бы полюбила вас.

— Врешь! — зло выкрикнул Ванюша, чутко уловив ложь в ее ответе.

Она совсем растерялась и покраснела. В это время подошел молодой врач.

— Ну как, молодой человек, решили?

— Решил руку не отрезать. И умирать не буду.

— Ну так, батенька, может не выйти, — сказал врач и пощупал пульс здоровой руки.

— Не выйдет, так помру, а калекой жить не хочу.

— Ну, тогда собирайтесь, — сказал врач.

— Я вам сказал, доктор, что не пойду на операцию и руку отрезать не дам, — упорствовал Ванюша.

— Я вас, голубчик, отправляю в английский госпиталь в Эперне, пусть там вас посмотрят. Это госпиталь большой, в нем много хороших хирургов, может быть, вам и сохранят руку, как знать. Есть там замечательный, смелый хирург, который избрал себе специальность бороться с заражением крови. Авось он сумеет одолеть антонов огонь, тогда вы будете жить с обеими руками и не станете набрасываться на сестер милосердия, как набросились сегодня на нашу Машеньку. Ведь я все слышал.

— Извините, доктор, я не хотел ее обидеть. Мне просто страшно остаться без руки, — сказал Ванюша, и в его глазах засветилась надежда.

— Я так и знал, — сказал врач. — Ну, собирайтесь.

Через пятнадцать минут специально наряженная амбулансия повезла Ванюшу в Эперне.

На окраине города в казармах военного городка разместился английский госпиталь. Ванюша попал в палату, где не было ни одного русского или хотя бы француза. Приняла его молодая, рыжая, вся в веснушках, сестра милосердия и указала на койку у окна. Таким одиноким почувствовал себя здесь Ванюша! По-английски он не знал ни слова. Вокруг стонали тяжелораненные; одних приносили после операции на носилках и осторожно перекладывали на койку два здоровенных, неуклюжих санитаря; других укладывали на носилки и уносили на операцию. Кому тут нужен русский солдат!

К Ванюше никто не подходил. Прошел час, показавшийся мучительно долгим. Многое передумал за этот час Ванюша. Его угнетала чувство одиночества, заброшенности. Он хорошо знал всю горечь тою состояния, когда никому, решительно никому нет дела до твоих страданий. Хотелось заплакать, и на глаза уже навернулись слезы, но Ванюша быстро смахнул их здоровой рукой — не дай бог кто-нибудь увидит: солдат — и плачет!

Но вот вошла сестра, которая его принимала. Бережно поправила на голове сильно стонавшего соседа Вани по койке пузырь со льдом и сделала это так нежно, что у Ванюши стало легче на сердце. Сестра показалась ему даже приятной и очень доброй, и лицо стало казаться симпатичным, и веснушки уже как-то не бросались в глаза. Она посмотрела на Ванюшу своими добрыми голубыми глазами и улыбнулась. Ванюша совсем осмелел и улыбнулся ей в ответ.

— Soon there will come the physician; he will inspect you. He is finishing an operation. He has performed so many operations to-day. ¹³

Ванюша ничего не понял, что сказала сестра. Но надо что-то ответить, и он сказал по-французски: мол, ничего не понял.

— Кель домаж, — сказала она.

Но тут же ее позвал другой раненый, и она стала поправлять его ногу, большую и неуклюжую, — нога была в гипсовой повязке. Когда сестра освободилась, Ванюша начал правой рукой как бы пилить левую руку и спросил:

— Купе?

Он думал, что она поймет по-французски скорее, чем по-русски. На она недоуменно смотрела на Ванюшу и ничего не отвечала, потом улыбнулась и утвердительно кивнула головой.

У Ванюши все внутри оборвалось. «Так и есть — ампутируют».

— Неужели отрежут? — спросил он по-русски. — Не дам! — и отрицательно качал головой. — Ни-ни... Ни за что.

Она тоже решительно покачала головой и сказала:

— Ни-ни... Ни за что.

Это Ванюшу озадачило, и он спросил:

— Вы понимаете по-русски? Ведь вы так чисто сказали «ни за что».

В это время в палату вошел высокий врач с маленькими подстриженными усиками на усталом бледном лице. Сестра сразу перед ним вытянулась, как солдат. Он что-то спросил ее по-английски, она ему ответила:

— Иес, сэр.

Врач подошел к Ванюше. Молча взял его здоровую руку и стал по часам сверять пульс, потом взял раненую руку и что-то сказал сестре.

Она быстро разрешила повязку и легко сняла ее. Доктор внимательно осмотрел наружную сторону запястья, где на вздутой опухоли засох струп, закрывая входное отверстие пули, потом повернул руку, посмотрел на внутреннюю сторону, где зияла большая засыхающая рана, и слегка нажал на рану. Ваня почувствовал резкую боль. В глазах потемнело, он заскрипел зубами, но не вскрикнул.

— Карашо, солдат, — сказал доктор, улыбнулся и похлопал Ванюшу по здоровому плечу.

На лбу у Ванюши появились капельки пота, а врач, что-то сказав сестре, ушел. Она наложила сухую повязку. Когда Ванюша немного успокоился и сидел, обнимая здоровой рукой раненую, сестра показала жестом, что надо встать. Ванюша встал, она набросила ему на плечи халат и, взяв его за здоровую руку, повела к выходу из палаты. Так они вошли в операционную.

Ванюша никак не мог понять, что с ним будут делать. Отрежут руку или нет? Хотя сестра и доктор отрицательно качали головой, Ванюша все же не был уверен, что все будет так, как решил он. Надо требовать переводчика. А санитары, рослые, сильные, уже укладывают его на операционный стол и привязывают ремнями. Ванюша, к удивлению врачей, стал сопротивляться изо всех сил и требовать переводчика.

— Позовите интерпрета! — кричал он.

Санитары засуетились и куда-то побежали. Операционная Сестра в волнении не знала, что делать: скоро придет хирург, а раненый еще на ногах. Наконец пришли двое: доктор, который осматривал Ванюшу, и с ним какой-то английский офицер. Офицер на ломаном русском языке спросил:

— Что вам угодно спрашивать доктор?

— Я не согласен на ампутацию. Не дам отрезать руку, пусть лучше умру.

Ванюше пришлось эту фразу повторить, чтобы офицер ее понял. Он перевел ее хирургу, тот засмеялся и ответил, что руку отрезать не собирается, а произведет операцию по очистке раны от осколков

раздробленной кости, сошьет кровеносную артерию и все сделает для сохранения руки. Если и возникнет необходимость ампутировать руку, выяснится это дня через два — три после операции, но он уверен, что этого не случится.

У Ванюши сразу отлегло от сердца, и он разрешил санитарам привязать себя ремнями к столу. Санитары крепко затянули ремни, так, что и не пошевелишься. Молодой врач надел на его лицо маску и сказал, чтобы Ванюша громко считал — раз, два, три и т. д.

— ...сорок... шестьдесят один... восемьдесят... — считал Ванюша.

Уже насчитал сотню и начал вторую. Надоело. «Надо отдохнуть», — решил он и притих. Застучали инструментом, кто-то взял больную руку. Ванюша отдернул ее и вновь стал считать. Врач снял с него маску и надел вторую, какая-то жидкость потекла с маски на подбородок, и вот уже снится Ванюше бой: он стреляет из пулемета, перебегает вперед по красивой лужайке, она вся в цветах, трава такая приятная, ярко-зеленая, а цветы сами сбегаются в букеты; вот вдали показалась сестра Маша с букетом в руках, улыбается и идет прямо к Ванюше... Ох, как холодно! Ванюша пришел в себя и открыл глаза — он лежал совершенно голый на кровати, а по палате ходила сестра-англичанка.

Он быстро сел, достал простыню, сложенную в ногах, натянул ее на себя. Но в то же мгновение почувствовал адскую боль в левой руке: кто-то невидимый втыкал в руку раскаленную щетку из иголок. Втыкал и вынимал... И так без конца. Что же делать, чтобы не кричать? И вот Ванюша, как маятник, закачался вперед-назад. Боль стала как-то тупее. Подошла сестра и дала ему высокую конусную кружку, полную молока. Ванюша, поддерживая ее здоровой рукой, всю, не отрываясь, выпил.

— Карашо, — сказала сестра и накрыла его ноги до пояса одеялом.

Боль стала понемногу утихать. Принесли в палату другого раненого — с раздробленной пяткой. Ванюша видел, как его осматривал хирург, как около раненого засуетилась сестра. Ванюше ничего не оставалось, как только лечь. Он лег, и сон сразу же сразил его.

Ванюша проспал вечер и всю ночь. Наутро он проснулся. Всю палату заливал солнечный свет. Ванюша легонько пощупал левую руку и кончики пальцев на ней — рука на месте. Славу богу!

Спокойно прошли два дня. Гринько не вставал, чтобы не беречь больную руку, и она совсем успокоилась. На третий день пришел доктор, который оперировал Ванюшу, потрепал его по плечу, как старый знакомый. Пощупал лоб, посчитал пульс и сказал:

— Карашо.

Сестра что-то доложила и показала температурный лист. Хирург внимательно посмотрел, опять сказал:

— Карашо, — добавил что-то по-английски и пошел обходить остальных раненых.

Все они были оперированы им. У некоторых нехватало руки или ноги. Долго хирург разговаривал с сестрой около постели раненого, у которого была раздроблена пятка. Затем санитары унесли его в операционную. Когда после перевязки его опять принесли в палату, сестра увела в операционную Ванюшу. Осторожно была снята повязка, и Ванюша увидел открытую рану. Насквозь через мякоть руки были протянуты резиновые трубочки. Врач, промывая рану, лил в них какую-то жидкость, которая растекалась во все стороны, потому что стенки трубочек тоже были в отверстиях. Врач пинцетом протягивал взад и вперед эти резиновые трубки — было больно, но Ваня терпел. Сверху на руке виднелись продольные разрезы, врач их внимательно рассматривал и даже нагибался и нюхал.

— Карашо, — сказал он в заключение, и другой молодой врач стал накладывать марлю, запихивать ее в рану, а потом крепко забинтовал руку.

2

Гринько сам без сестры пришел в палату, но не лег на койку, а стал просматривать газеты, лежавшие на столе. Попалась ему газета «Русский солдат-гражданин во Франции». Ванюша невольно пробежал глазами несколько заметок. Газета описывала наступление русских войск на форт Бримон, приводила подробности этого наступления: как оно готовилось, началось и протекало.

«...Утром 16 апреля низко нависли густые тучи, через которые еле пробивался свет. Стоял густой туман, затруднявший наблюдение. Дул сильный, пронизывающий ветер. Он очень мешал боевой работе авиации, которая все же вела свою деятельность весьма активно. Шли боевые столкновения в воздухе.

Части изготовились к атаке заблаговременно и ровно в шесть часов утра смело бросились вперед. Слабый огонь противника не мог их остановить, ибо французская артиллерия хорошо подготовила атаку и обеспечивала огнем пехоту. Несмотря на двойные и тройные полосы проволочных заграждений противника, пехота нашла в них широкие проходы, достигавшие нескольких десятков метров в ширину, проделанные артиллерией. Почва от непрерывных дождей раскисла, была вязкой и тяжелой для движения, но это не смогло сдержать русских богатырей — они

наступали с большим воодушевлением, да иначе и не могли действовать доблестные воины свободной России...»

Ванюша поморщился от этих высокопарных выражений, но продолжал читать.

«Наши славные воины ворвались в первые линии противника, но здесь были встречены ужасающим огнем пулеметов неприятеля. Люди были буквально пригвождены к земле и своим метким огнем вступили в тяжелое единоборство с пулеметами коварного противника, которые укрылись в прочных гнездах Носа Фердинанда, в укреплениях де Ля Кувет и на обратных скатах высот, которые оказались уцелевшими от всеуничтожающего огня французской артиллерии. В несколько минут наступающие части понесли огромные потери. После небольшой паузы наши богатыри опять ринулись вперед и форсировали канал...»

Все это так ясно представлялось Ванюше по свежей памяти. Он вспомнил своих товарищей: Андрюшу Хольнова, Петра Фролова, Женю Богдана. Что с ними, где они, дорогие друзья?

Ванюша читал дальше.

«...К полудню обозначился серьезный успех, доблестные русские солдаты славной 1-й бригады овладели селом Курси. Введенные в бой два батальона 2-го полка из корпусного резерва успешно завершили атаку бригады, к вечеру атаковали и овладели рядом укрепленных пунктов противника, включая редуты Свиной головы. Так блестяще закончился для доблестной русской бригады день 16 апреля, в течение которого она выдержала, и с успехом, очень тяжелое боевое испытание. Частями бригады было взято в плен около 700 немецких солдат, и в их числе 11 офицеров. Слава доблестной первой бригаде русских войск!»

Ванюша просмотрел «Пти паризьен» ¹⁴. Там описанию успешных атак русских войск на форт Бримон была отведена вся первая страница, отпечатанная красным цветом, а это для французских газет — редкость. Потом Ванюша взял следующий номер «Русского солдата-гражданина во Франции». Захлебываясь от восторга, газета описывала бои за укрепленную группу к востоку от Курси, за стекольный завод. Тут же сообщалось о тяжелых схватках при отражении контратак немцев, особенно на участке второго полка, и, наконец, о завершении успеха русской бригады установлением связи с флангом французской дивизии, чем, собственно, и была полностью выполнена задача, поставленная 1-й Особой бригаде. В ночь с 19 на 20 апреля русские части были сменены вновь подошедшей французской дивизией. 1-ю Особую пехотную бригаду вывели в ближайший тыл армии и расположили в районе Pargny к юго-западу от Реймса.

Части 3-й Особой пехотной бригады, как выяснилось впоследствии, были введены в бой 16 и 17 апреля на разных направлениях сначала побатальонно, а затем полками. Они вели очень тяжелые и упорные бои, показав при этом великолепные боевые качества и высокий наступательный порыв. Однако из-за плохого взаимодействия с французскими частями 3-я бригада понесла очень большие потери. Она вырвалась вперед, была охвачена артиллерийским огнем и подверглась жестоким контратакам. С упорными боями бригада отошла. И все же мужество русских не вызывало у французского командования никакого сомнения. Разумеется, не из-за слабости русской бригады, а из-за того, что она была обескровлена в тяжелейших боях, ее части были к исходу 20 апреля отведены в район Пруйи (Prouilly), северо-западнее Реймса, а затем в Нёвшато (Neufchâteau) километров 50–60 юго-западнее Нанси.

Гринько задавал себе вопрос: почему французское командование высоко оценило боевые действия русских бригад в районе Бримонского массива в апрельском наступлении? Длительное пребывание на фронте научило его оценивать события, выходящие далеко за рамки действий пулеметного расчета. Легко представив себе всю картину сражения, Ванюша понял, что по сути дела только русские войска имели наибольший успех в этом злополучном наступлении. Французские армии, наносившие главный удар, так и не достигли желаемых результатов. И действительно, в конце апреля это наступление, получившее название «бойня Нивеля», окончательно заглохло. Было признано, что действия французских армий в этой операции совершенно не соответствовали военно-политической обстановке, продолжать их не стали, а вместо генерала Нивеля главнокомандующим стал Петэн.

Еще тогда, в госпитале, Ванюша подумал: «Сколько крови пролито напрасно». Потом стали известны точные цифры потерь. Свыше пяти тысяч русских солдат либо сложили свои головы, либо были искалечены, либо пропали без вести. Наскоро вырытые могилы усеяли поля Шампани, ранеными были забиты французские госпитали.

Да и сами французы дорого заплатили за участие в этом наступлении. Ходили различные слухи, называли большое количество потерь... Во всяком случае, ста двадцати тысяч человек французское командование недосчиталось.

Неудачная операция и напрасные потери всегда создают благоприятную почву для недовольства и раздражения. В войсках усилилось брожение. Обвиняли командный состав в неумелом руководстве. «Нас вели на бойню», — говорили французские солдаты. Масла в огонь подливали пацифисты, причем их пропаганда находила самую благодатную почву: в войсках

царили разочарование, утомление. На армию и народ полилась волна брошюр, газет и листовок, выступавших против войны, за заключение мира. Отмечено было много случаев подстрекательства к забастовкам на оборонных заводах, крестьяне отказывались обрабатывать и засеивать земельные участки.

Волнения, в общем-то, начались давно. Но с провалом широко разрекламированной апрельской наступательной операции они значительно усилились. Даже обнаруживались разногласия в верхах армии. Это разлагало и низы. В частях начались открытые выступления за прекращение войны. Делались попытки перейти к выборному командованию, раздавались призывы идти на Париж, где якобы все готово для революционного взрыва. Были зафиксированы случаи неповиновения и открытого бунта. Словом, признаки разложения французской армии были налицо.

Неудивительно, что генерал Петэн начал принимать решительные меры по наведению порядка. Рука об руку с ним действовал Клемансо. И вот тюрьмы Франции заполнились французскими солдатами. Пошли крайние репрессии, даже расстрелы. Французская армия постепенно приходила в повиновение. Притих народ, затаились пацифисты. Жандармская дубинка действовала повсюду...

Лечение Ванюшиной руки шло благополучно. Струпик на колене засох и отпал. Оказалось, что Ванюша вовсе не накололся о проволоку — в колено ударил небольшой осколок снаряда, он и теперь чувствовался под пальцами, если пощупаешь ниже чашечки.

Вскоре Ванюшу направили в один эвакогоспиталь, затем в другой, и он очутился наконец в Бордо. Здесь госпиталь располагался в монастыре, за высокой каменной стеной, в нем были только русские раненые. Так, Ванюша очутился среди своих, и у него сразу появились новые друзья. Соседом по койке оказался солдат пятого полка Степан Пронин, причем ранение у него было примерно такое же, как и у Ванюши, тоже в левую руку. Разница была лишь в том, что пальцы на раненой руке у него не шевелились, а у Ванюши действовали, он их хорошо чувствовал. Разница, конечно, очень существенная.

Было в палате еще четверо раненых. Постепенно все сжились и сдружились.

По французским порядкам перевязки делались в палате, прямо на койках, только, если требовалось, подстилалась клеенка. Тут же в палате

стоял остекленный с трех сторон высокий шкафчик с инструментом, лекарствами и перевязочным материалом. Обслуживали палату пожилая няня (ее так и звали «тетя Няня») и две сестры: Dorothee, или просто Даша, как ее называли раненые, женщина лет тридцати пяти — сорока, одинокая, некрасивая, но добрая по натуре, и Agrippine, прозванная Груней, чернявая, с тонким лицом восточного типа, приветливая, ласковая, но, однако, весьма строгих правил. Муж у нее воевал, а на руках у Груни был сынишка лет шести, который иногда навещал ее.

Перевязки Ванюше, Степану Пронину и солдату, раненному в плечо, делала сестрица Даша. Со временем стало заметно, что больше других внимания и ласки она уделяла Степану. Сестрица Груня делала перевязки «своим» раненым на противоположной стороне палаты. Больше всего она возилась с унтер-офицером, раненым в промежность. Он от стыда закрывал лицо руками, пока она возилась с раной, выбирая пинцетом клочки ваты. А сестрица Груня была невозмутима. При этих процедурах остальные раненые обычно дипломатично уходили в коридор.

Тетя Няня и сестры сжились с ранеными и каждого называли по имени, так же как и раненые привыкли к ним и относились, как к родным. В палатах царила спокойная, какая-то семейная обстановка.

Раненые всего госпиталя, а их было около двухсот, решили выбрать госпитальный комитет, чтобы была «своя русская власть». Да и французская администрация госпиталя об этом просила, рассчитывая, что солдатский комитет сумеет призвать к порядку раненых, допускающих нарушения установленного режима, и станет выполнять другие административные функции, касающиеся русских.

И вот как-то после обеда все раненые, за исключением тех, кто не мог передвигаться и лежал в палатах, остались в столовой. Приступили к выборам солдатского комитета. Многие уже знали, что Гринько был председателем комитета в пулеметной команде. Его и выдвинули в председатели. Проголосовали дружно. Так Ванюша возглавил комитет. Потом выбрали еще трех членов и двух запасных. «Власть» была сформирована.

Пошли теперь у Ванюши новые заботы. К нему часто заходил дежурный врач, а то и сам «шеф дюпиталь» со всякого рода житейскими делами. Главной темой разговоров были, конечно, самовольные отлучки раненых. Чуть начал ходить, глядишь, уже сбежал в город. Нарушители возвращались обычно поздно и всегда навеселе. Что мог сделать Ванюша! Только созвать заседание комитета и пристыдить очередного провинившегося. Каждый обычно каялся и клялся, что больше этого не будет. Мол, и в рот не возьмет проклятого зелья. А через два-три дня того же

солдата опять приглашали на заседание комитета и снова выслушивали клятвенные обещания. Правда, во второй раз, что называется, добирались до совести: беседовали долго и нудно, даже самим надоедало. Хорошо еще, если самовольные отлучки проходили мирно и «благопристойно». Но были случаи, когда прибегали за «президентом», как французы, а с их легкой руки и русские называли председателя комитета, и просили привести к успокоению какого-нибудь буйствовавшего пьяницу. Когда появлялся Ванюша, дебошир обычно успокаивался и засыпал. По вытрезвлении его разбирали на комитете. Но иногда буйство пьяного имело тяжелые последствия. Дебошир пускал в ход костыли: звенели разбитые стекла, летели на пол пузырьки, и палата наполнялась запахами лекарств. Случалось, что пьяный врывается в соседнюю палату, расшвыривал удерживавших его раненых и учинял настоящий погром. Весь состав комитета и французская администрация старались успокоить буяна, навалившись на него со всех сторон.

В общем, хлопот был полон рот. При рассмотрении дел дебоширов на заседании комитета те клялись, что ничего не помнят, искренне жалеют о случившемся и готовы уплатить за побитые стекла. И опять-таки заверяли, что этого больше не будет. Однако Ванюша имел собственный взгляд на «ничего не помнящих»: им было просто стыдно сознаться в содеянном. Правда, многие с ним не соглашались.

— Ему что, — говорили такие, — сам не пьет, поэтому и понять не может.

Но Ванюша стоял на своем:

— Если бы я и был пьян, то все равно помнил бы, что делал.

Однажды по этому поводу разгорелся спор. Мнения сторон разделились. Одни поддерживали Ванюшу, другие возражали ему. В итоге была достигнута договоренность: назначили комиссию, которая обязана была напоить Ванюшу допьяна, а на другой день, по вытрезвлении, потребовать от него полного отчета о своих действиях и даже высказываниях. Ванюше только предоставили право выбора напитков и места, где должно было свершиться возлияние. А пить он должен был до тех пор, пока комиссия определит, что достаточно. Правда, сами члены комиссии, назначенные, разумеется, из людей, понимающих толк в вине, обрекали себя прямо-таки на мученичество — смотреть, как пьет Ванюша, и ни капли не брать в рот самим. Но что поделаешь — долг!

Ванюша упорно боролся против этой затеи, но, чтобы доказать свою правоту, вынужден был пойти на все. Поехали в город. Ванюша выбрал хорошее кафе — ведь все расходы несло общество. Пил белое вино как самое слабое. За первым кафе последовали второе, третье. Ванюша выбирал

их с таким расчетом, чтобы быть поближе к госпиталю. Самым любимым вином у Ванюши было красное «Бирн» — оно вкусное, немного сладковатое и даже как будто слегка густое, но его он оставил напоследок. Попробовал Ванюша усыпить бдительность членов комиссии и в каком-то кафе представился предельно пьяным, начал качаться, молоть какую-то чепуху. Но не зря в комиссию попали знающие люди. Ванюшу сразу разоблачили, и виночерпие продолжалось. Вместе с комиссией в качестве, так сказать, общественного контроля за ее действиями следила группа раненых. Тут был и Степа Пронин. На него-то как на друга и рассчитывал Ванюша. Ведь он постепенно хмелел. День был солнечный, жаркий, обычный для района Бордо, это тоже усугубляло тяжесть Ванюшиного состояния.

Процессия приближалась к госпиталю. Ванюша выбрал хорошее кафе «Жиронда» и здесь начал пить свое любимое красное вино, причем к бокалам приложились и раненые, не входившие в комиссию, — не выдержали такого испытания!

В «Жиронде» и опьянел Ванюша окончательно, как это зафиксировала комиссия. Когда он вышел из кафе, улица перед его глазами качалась... На лбу выступил пот, его мутило, лица товарищей плыли в какой-то бешеной карусели. Когда проходили мимо последнего кафе, находившегося совсем рядом с госпиталем, комиссия решила поставить точку над «i», порекомендовав зайти и выпить «посошок». Но Ванюша сел на скамейку бульвара и наотрез отказался. К удовольствию комиссии, его совсем развезло. Когда Гринько с помощью Степана поднялся со скамейки и направился к воротам госпиталя, он вынужден был прислониться к монастырской стене. А стена, казалось, ходила ходуном: то наклонялась набок, то своим дальним концом поднималась вверх и стремительно падала вниз. Когда наконец Ванюша добрался до ворот, он пожаловался Пронину, что совсем занемог. Тот взял его крепко под руку, и Ванюша совсем повис на своем друге.

Так, сопровождаемый комиссией, Гринько ввалился в палату. Степан проводил его до умывальника. Ванюшу вырвало, и ему как будто стало легче. С помощью Пронина он снова добрался до палаты, разделся и улегся в постель. Палата ходила кругом, а когда он закрыл глаза, то все под ним закачалось, как на корабле во время шторма. Через некоторое время он заснул тяжелым пьяным сном.

Утром Степан рассказал, что Ванюша выходил ночью на улицу, а потом долго искал свою кровать. Вот этого Ванюша действительно не помнил и, как ни старался, вспомнить не мог, поэтому свои ночные блуждания решил скрыть от комиссии.

А комиссия между тем приступила к исполнению своих обязанностей. Она установила над «пациентом» строгое наблюдение. Ванюше был свет не мил: так трещала голова, что хоть волком вой. Сколько ни лил он холодной воды на голову, подолгу держа ее под открытым краном, ничего не помогало. Так с больной головой и дрожью во всем теле, с полным отвращением к пище, он пришел в столовую на завтрак. С большим трудом заставил себя съесть немного жареной картошки и кусочек солонины, с жадностью выпил большую кружку чая, а на вино и смотреть не мог.

После завтрака комиссия в полном составе, в присутствии большого числа любопытных, заслушала полный отчет Ванюши за прошедший день: где были, что пили, как возвращались в госпиталь, кто какую помощь оказывал, какие вопросы задавал в воротах госпиталя дежурный вахтер, что ему отвечал Ванюша? Это был пристрастный допрос. Чтобы сбить Гринько с толку, ему задавали каверзные вопросы относительно событий, которых на самом деле не было. Времени на раздумья почти не отводилось. Вопросами его засыпали и те, кто вообще не входил в комиссию: многие были заинтересованы, чтобы посрамить Ванюшу, так как им в свое время приходилось каяться в грехах перед комитетом.

Но Ванюша выдержал с честью испытание, и спор был решен в его пользу: пьяный всегда помнит, что делает. Сторонники Ванюши поздравляли его, а противники досадовали. Ведь теперь комитет не поверит тому, что, мол, ничего не помню, ничего не знаю. Нет, голубчик, врешь, все помнишь, пожалуй-ка в изолятор на трое суток. А это преотвратительное дело — просидеть несколько суток в полном одиночестве в маленькой конуре, насквозь пропитанной карболкой.

Правда, самому Ванюше пришлось иметь объяснение с администрацией госпиталя. Когда «шеф д'опиталь» понял, какова истинная подоплека Ванюшиного проступка, он хохотал до слез: черт побери этих русских, до чего принципиальные люди! И потом, никогда не знаешь наперед, что может прийти им в голову. Однако этот довольно странный «опыт» пошел на пользу делу и заметно укрепил авторитет Ванюши. Теперь часто было достаточно одного появления «президента», чтобы вернувшийся из самоволки пьяный моментально утихомиривался. Комитет же получил возможность заняться другими делами. Примерно раз в неделю он собирался для решения неотложных вопросов с администрацией госпиталя — о выдаче и хранении нового обмундирования, поступившего в госпиталь в результате настойчивых ходатайств комитета перед военным представительством русских войск во Франции, о создании в госпитале русской библиотеки и т. п.

Слухи о революции в России доходили до госпиталя медленно. Это не на фронте, где окопная жизнь сближает солдат до братства, где любая весть распространяется с быстротой молнии, где исправно работает «Солдатский вестник». Поэтому раненые, основательно уже подлечившиеся, находили развлечение по своему уму-разуму. Основной утехой продолжали оставаться самовольные либо с разрешения начальства прогулки в город.

Самым интересным местом в городе считался район, где в дешевых кафе гремела заводная музыка и полно было солдат всяких национальностей — от черных африканцев до чопорных англичан. Солдаты толпой ходили прямо по середине улицы. По тротуарам ходить было сложнее, так как до предела обнаженные девицы разных возрастов и комплекций задевали военных, зазывая в свои каморки. Эти каморки отделялись от тротуара лишь занавесью и очень редко легкой дверью. Разумеется, некоторые из солдат не особенно заставляли себя упрашивать. Ведь скоро придется опять ехать на фронт. А там война. Кто из прогуливающихся сейчас по этой улице уцелеет — неведомо. Во всяком случае, надежды на то, что останешься жив, слабые. Вот солдаты и старались взять от жизни то, что им доступно. Да и стоит ли вообще задумываться над этим? Убивают ведь на войне без разбора, чист ты, как ангел божий, или грешник превеликий. Такова была грубая мораль, выработанная всем укладом безобразной армейской жизни тех лет: «сегодня и пьяны и сыты, а завтра — что бог пошлет...»

Ванюша уже давно не получал писем из России. На последнее письмо Веры Николаевны, которое получил накануне наступления, он не ответил: не до этого было. Давно не было письма и от «марен». И неудивительно: тут была, так сказать, политическая подоплека. В официальных французских кругах быстро иссяк прилив добрых чувств к русским солдатам, усилившийся было после их героического наступления под Бримоном.

Общественное мнение Франции как бы расколосось надвое. Простой народ понимал чаяния русских солдат. А в салонах знатных домов Парижа, в обширных приемных министров, за конторками банковских чиновников шли пересуды другого толка. Там поутихли восторги, лишь недавно расточавшиеся в адрес русских героев. Напротив, теперь этих самых героев обливали грязью. Коротка оказалась память у французских буржуа.

Французская буржуазия давала волю своему оскорбленному чувству. Россия охвачена хаосом, а здесь, во Франции, русские солдаты не только отказываются идти в бой за французскую цивилизацию, но и смущают души

французов, воскрешают в них мятежные чувства. Прокатились волнения среди французских солдат. Неслыханно! И все из-за этих русских!

В прессе появились статьи, осуждавшие русских и Россию и содержавшие весьма недружелюбные выпады против русских солдат во Франции. Дело доходило до того, что их называли изменниками.

Вот откуда шла направлявшаяся умелой, коварной рукой холодность французских «матерей» к своим крестникам! Впрочем, и у русских солдат было много поводов для обиды. Они пролили свою кровь на полях Франции, и оказалось, что их жертвы были напрасными.

Все чаще стали собираться раненые и обсуждать свое довольно драматическое положение. Судили и рядили, но выхода из этого положения не видели.

В госпиталь зачастили местные русские эмигранты. Приносили кое-какие мелкие подарки, в основном книги, и, как ни странно, искали у солдат сочувствия к своей неустроенной судьбе. А судьба их была в самом деле печальна. Это были главным образом представители либеральной русской интеллигенции, которые когда-то строили из себя революционеров и в годы столыпинской реакции вынуждены были эмигрировать. Скоро они поняли, что на самом деле стояли далеко от подлинных революционных идей — можно было бы и не бежать на чужбину. Теперь они тосковали по своему чудосочному дворянскому происхождению, которое в России давало им какие-никакие преимущества. Во Франции их происхождение не имело никакой ценности, вот они и пытались найти сочувствие среди русских раненых, «солдатиков», как они любили их называть.

Завязывались долгие душеспасительные беседы. Но единства мнений не было: эмигранты ратовали за Временное правительство, за продолжение войны до победного конца, прославляли партию социалистов-революционеров и резко поносили большевиков. Раненые, почти все поголовно, занимали противоположную позицию: они были против войны и за немедленное заключение мира, следовательно, против Временного правительства. Солдаты довольно резко отзывались о социалистах-революционерах, хотя название этой партии, казалось, должно было притягивать дерзкие умы. Солдаты быстро разобрались, что это одно название! Социалисты-революционеры не спешили с земельным вопросом и тоже ратовали за войну. Все больше и больше люди начинали понимать правоту большевиков, правоту Ленина...

В госпиталь понемногу просачивались правдивые вести из России. Керенский все сильнее закручивает гайки в армии, ввел смертную казнь. Но что толку! Задуманное и начатое им наступление провалилось, превратилось в отступление. Армия разлагается. Временному правительству не на кого

опереться, и вот оно формирует ударные батальоны смерти, женские добровольные батальоны.

— Вон до чего дошел, — поговаривали солдаты о Керенском. — Бабами хочет войну выиграть.

Не было недостатка в соленых солдатских шутках:

— Нам бы сюда один женский батальончик. Француженкам далеко до наших русских баб.

При каждой новой вести раненые осаждали госпитальный комитет: что да как? А что мог сказать комитет? Он сам пользовался слухами и не решался полностью доверяться им. Правда, о событиях в России много писала пресса, но данные были очень противоречивы. Самыми достоверными были вести из родных частей, доходившие с письмами. Они сразу становились предметом оживленных пересудов.

— Эх, братцы, сидим мы тут, а в бригадах комитеты послали господ офицеров к чертовой матери и взяли власть в свои руки.

— У-у! А как наладили этого изверга, командира третьей бригады генерала Марушевского! Еле ноги унес, стерва.

— А какой митинг был первого мая! Собрались обе бригады, вроде как на парад, а потом пошли требовать: подай нам сюда полковника Иванова, пусть расскажет, почему осудил восемь человек нашего брата к расстрелу. Ну и пошло такое, что и словами не расскажешь.

— Кого расстреляли-то?

— Да ты что, с неба свалился?! Восемь человек, говорю тебе, нашего брата, из тех, которые на салоникский фронт направлялись. Они на «Екатеринославе» прибыли. Так вот, был у них офицер такой — Краузе. Всю дорогу измывался. И дурак к тому же — из-за него чуть на немецкие подводные лодки не напоролись. А в лагере, под Марселем, еще пуще дурь свою начал выказывать. Ну, его под шумок и стукнули. А кто — неведомо. Только начальство долго искать не стало: арестовало боле двадцати человек нашего брата, восемь человек из них — к расстрелу... Так-то.

— Да, дела-а.

— Вот те и дела. Так что первого мая наши вроде как демонстрацию устроили. Ходили по лагерю с красными флагами, это теперь вроде как знамя боевое, и пели «Долго в цепях нас держали, долго нас голод томил...».

— Хорошая песня, наша, трудовая, не то что «Соловей, соловей, пташечка...».

— Теперь, брат, всякого «соловья» к ядерной матери...

— Это што! Вот когда до кладбища дошли — тут главное и началось. Могил-то расстрелянных нет, и никто не знает, где они! А солдаты требуют: подай нам их сюда, покажи. Все озверели. Нам, говорят, надо почесть отдать

павшим героям за наше святое солдатское дело. Подумаешь, убили какого-то Краузе, мало ли их, немцев, издевалось над нами. Их бить и бить. Царь и тот был ерманских кровей и под ихнюю дудку вел войну...

— Нам бы скорее войну кончать да поспешать домой, а то там уже начали землю делить.

— Ну, это само собой, недаром послали в Россию выборных от усех полков прямо к Временному правительству с заявкой: «Кончай войну, и никаких, и давай делить землю, а опосля будем собирать учредилку».

— Эх, с заявкой... Не с того краю начали! Русское-то начальство себе на уме, узнало обо всем этом и пожаловалось хранцузским енералам: помогите, мол, к порядку призвать русских солдат. Вот приехал хранцузский енерал Кастельнов. Ну, разумеется, его встрели хорошо, как полагается, а он и говорит русским енералам: чаво вы панику поднимаете — у солдат порядок как порядок, они, говорит, молодцы и пердюсавалёр ¹⁵, то есть похвалил нашего брата по-хранцузски. Вы, говорит, увозите их поскорее в Россию.

— Приезжали, это верно, мне тоже пишут. Пожаловал господин комиссар Рапп и какой-то затрапезный старикашка, Морозик, что ли, звать его, и выступали на собрании бригад. Мы, говорит, приветствуем ваших солдатских представителей — солдатские комитеты. Они должны повести вас вместе с революционным офицерством на фронт для завоевания окончательной победы. Тут солдаты как подняли свист, как загалдели — долой войну! Хотим в Россию. Нечего здесь кровь проливать за французских фабрикантов и всякую там буржуазию. Во как их отделали!

— А што, в самом деле, нечего нам голову забивать войной. Хватит, отвоевались.

— Сколько кровушки нашей солдатской пролилось! А за что? На кой хрен она нам нужна, война-то!

И так без конца. Все разговоры сводились к тому, чтобы покончить с войной — и по домам.

* * *

Сведения из русских бригад были верными. События, происходившие там, носили яркий революционный характер. Комитеты все крепче и крепче забирали власть в свои руки. Встал на очередь вопрос о выборности командиров. В некоторых ротах и батальонах из офицеров некого было и выбирать, так как под видом отпусков они ударились в повальное бегство. Из «отпусков» господа офицеры предпочитали не возвращаться. Многие

симулировали болезни, чтобы угодить в госпиталь. Это удавалось довольно легко. Врачи ведь тоже офицеры и своему брату помогали, как могли, — ставили любые диагнозы, лишь бы эвакуировать. В этих ротах, командах и батальонах вся полнота власти переходила в руки председателя комитета: подписанные им документы, скрепленные казенной печатью, имели полную и законную силу. Они принимались французской администрацией, главным образом интендантской службой, наравне с документами, подписанными командирами-офицерами.

Рука у Ванюши заживала, боли теперь уже не мучили его, и он все больше вдумывался в смысл происходивших событий — благо времени для этого хватало. Ночами, когда за окнами палаты сгущалась южная темень, образы прошлого, причудливо переплетаясь с современностью, вставали перед ним. Он вспоминал раненых, которые прибывали когда-то с японского фронта в такие далекие теперь Сутиски. Ведь и те пожилые усатые солдаты ненавидели войну, а вынуждены были проливать свою кровь за Россию-матушку. Но за Россию ли? Не за ее ли монархическую верхушку? А теперь и он, Ванюша, понюхал пороху, и тоже покалечила его война. И он чувствовал, как рушились его недавние иллюзии. Он не мог обвинить себя в трусости, он не кланялся пулям на фронте... Но сейчас он задумывался: что бы получил русский народ, те тысячи и тысячи не жалевших жизни своей героев, если бы, положим, Антанта выиграла войну? Ровным счетом ничего! Зато мировая буржуазия, несомненно, была бы в выгоде! Ведь почему он, Иван Гринько, и подобные ему оказались здесь, во Франции? Они были пушечным мясом, обмененным на оружие... Так стоит ли воевать?

То же самое думало подавляющее большинство русских солдат, заброшенных на чужбину. Происходившие здесь события все больше и больше волновали Ванюшу.

Что же происходило?

Командующий восточной группой армий французский генерал Кастельно, которого раненые переименовали на русский лад — Кастельновым, действительно выдвинул предложение вернуть русские бригады в Россию. Пока на этот счет шли переговоры с Временным правительством, он счел желательным направить обе бригады в один из внутренних округов. Главнокомандующий французскими войсками генерал Петэн согласился с этим. Так русские бригады оказались в лагере Ля-Куртин в районе Лиможа и были сведены в дивизию под командованием генерала Лохвицкого.

А переговоры в верхах все шли и шли.

Весь июнь месяц продолжалась энергичная переписка начальника французского генерального штаба генерала Фоша с различными

ведомствами о необходимости начать отправку русских бригад в Россию не позднее 15 августа 1917 года. Но это оказалось делом трудно осуществимым. Англичане отказались от перевозки бригад, мотивируя это отсутствием необходимого тоннажа. Русские также не нашли транспорта. Не ладилось дело и с американцами. Временное правительство России, чтобы избавиться от своих злополучных бригад, предложило французам перебросить их в Салоники — оно полагало, что русские войска еще могли бы быть использованы на этом изолированном театре военных действий. Но французы отказались. Они никак не могли навести порядок в собственных войсках, поэтому старались поскорее избавиться от русских, охваченных глубокими революционными настроениями.

Да и сами русские выставляли требование о возвращении на Родину. Там, мол, мы готовы идти на фронт. А между собой солдаты поговаривали: в России видно будет. Разберемся с обстановкой и решим, как быть дальше. Об этих разговорах, безусловно, хорошо было известно русскому командованию во Франции. Оно доносило о них в Петроград, и у Временного правительства не было желания возвращать бунтарские бригады из Франции. Бунтарей хватало и на русском фронте. Надо привести в повиновение русские части на месте, во Франции. Министр иностранных дел Временного правительства Терещенко сообщал французскому правительству, что генералу Занкевичу, занявшему пост главноначальствующего русскими войсками во Франции, даны указания о применении к мятежным элементам русских бригад смертной казни и о необходимости всеми мерами восстановить в них полный порядок.

Со своей стороны французское командование было обеспокоено распространившимися слухами за границей, и особенно в России, что якобы репрессии по отношению к русским войскам применяют и французы. Это, естественно, возбуждало умы просвещенной части общества не в пользу Франции. Было дано указание французскому военному атташе в России категорически опровергнуть перед русским командованием подобные слухи. Рекомендовалось официально засвидетельствовать, что русские бригады на французском фронте, особенно в апрельском наступлении, проявили высокую воинскую доблесть, в связи с чем бригады понесли большие потери, что и заставило французское командование оттянуть их с фронта в тыл для пополнения. А «некоторое возбуждение» в рядах русских приписывалось революционной пропаганде и переходу бригад на новое положение, установленное статутами, введенными Временным правительством. В этих условиях французское военное командование, дескать, и сочло своим долгом сосредоточить русские бригады в одном из

внутренних лагерей, дабы дать им возможность прийти в спокойное состояние.

Соединение бригад в лагере Ля-Куртин вылилось в бурную манифестацию. Наконец-то вместе! Начались вылазки агитаторов 1-й бригады, занимавшей центральную часть лагеря, в расположение 3-й бригады, которая была не без умысла размещена несколько на отшибе. 3-я бригада рассматривалась русским командованием как соединение, где сохранилось гораздо больше «здоровых элементов». Эти элементы пытались даже вступить в борьбу с царившими кругом бунтарскими настроениями.

Действительно, 3-я бригада была менее подвержена революционному брожению. И неудивительно: она состояла в основном из крестьян Уфимской губернии, людей политически неразвитых, и легче пошла на обманные посулы офицерства. Это прекрасно видел солдатский комитет 1-й бригады. И он решил: пусть солдаты обеих бригад встретятся да потолкуют друг с другом — солдат всегда поймет солдата. Такая встреча состоялась. Но слишком глубоко удалось заронить реакционным офицерам дурман верноподданничества в души бывших крестьян Уфимской губернии. Единства достигнуто не было. Каждая бригада оставалась на своей политической позиции. Представитель французского командования, находившийся при русской дивизии (теперь она уже так называлась) доносил своему командованию: «В русской дивизии произошел полный раскол. 1-я бригада добивается любой ценой возвращения в Россию и согласна сражаться только на русском фронте. 3-я бригада также добивается, если возможно, возвращения в Россию, но допускает боевую деятельность и на французском фронте, если таково будет приказание Временного правительства России».

После этого генерал Занкевич отдал приказ о разделении бригад, чтобы спасти, как он сам выразался, здоровые элементы русских войск во Франции.

Ля-Куртин бушевал. В 1-й бригаде происходили непрерывные манифестации под лозунгами: долой войну, да здравствует подлинная свобода. Люди в бригаде подобрались крепкие, политически активные. Ее 1-й полк формировался в Москве из фабричных рабочих, которые давно были затронуты революционной пропагандой и охотно откликались на большевистские лозунги. Под стать 1-му был и 2-й полк, формировавшийся в Самаре и имевший значительную рабочую прослойку. Бригада заняла правильную по тому времени политическую позицию. Конечно, она не могла спокойно относиться к заблуждениям солдат 3-й бригады, и вновь была предпринята попытка к сближению взглядов.

Однажды, сытно отобедав в офицерском собрании, которое как бы разделяло бригады, располагаясь на горке между ними, группа офицеров наблюдала, как длинная колонна солдат 1-й бригады двигалась с красными знаменами и революционными песнями в расположение 3-й бригады. Один из офицеров капитан Разумов бросил реплику:

— Дикая толпа дураков с какими-то тряпками идет, сама не зная куда.

.Кто-то из солдат услышал эту фразу, передал другому. Раздался крик:

— Бей его!

И толпа солдат бросилась на офицеров. Капитана Разумова схватили и основательно поколотили. Остальные офицеры разбежались. Остался на месте лишь один подполковник Готуа. О его личной храбрости знали все солдаты: он их водил в атаку под Бримоном. Готуа спокойно свертывал папироску из легкого табака. Вставил ее в мундштук и закурил.

— Бей его! Чего смотришь?! — кричали сзади.

— Бей! Бей!

Толпа напирала. Но когда крикуны добрались до подполковника, у них опустели руки: Готуа спокойно курил, играя наборным кавказским пояском.

Его так и не тронули.

А капитана Разумова, еле живого, эвакуировали в госпиталь, и больше о его судьбе никто ничего не слышал. Результатом этого инцидента было избрание подполковника Готуа командиром 2-го Особого пехотного полка.

Для всех офицеров такое назначение явилось полной неожиданностью. Это после анонимных-то писем солдат, которые угрожали ему смертью! Невероятно, но факт.

Генерал Занкевич отдал приказ:

«Все, кто готов беспрекословно подчиниться Временному правительству России и его представителям за границей, должны с оружием в руках и в полном порядке выступить из лагеря Ля-Куртин в район Клерво и расположиться до особого распоряжения биваком».

3-я бригада отделилась от 1-й и выступила. Из ее состава осталось в лагере Ля-Куртин человек 700–800, главным образом пулеметные команды и небольшая группа солдат 5-го полка. Зато от 1-й бригады на следующий день вышли на присоединение к 3-й бригаде все офицеры, их денщики, фельдфебели и часть унтер-офицеров. Ушло немного солдат. Всего в район Клерво вышло около семи тысяч человек, а в лагере Ля-Куртин осталось тысяч девять-десять. Оставшиеся в Ля-Куртине солдаты 1-й бригады «проводжали» уходивших гиканьем, улюлюканьем, свистом, барабанным боем в котелки. Некоторые размахивали портянками, прикрепленными к палкам. Эти «торжественные» проводы продолжались до тех пор, пока

колонна уходящих не скрылась на повороте дороги, ведущей из Ля-Куртина в район бивака Клерво. Стало известно, что на следующий день этот объединенный отряд сделал новый переход к северу и расположился в районе селения Фельтэн, где находился и штаб дивизии.

Абсолютное большинство солдат 1-й бригады и небольшая часть 3-й бригады остались в лагере Ля-Куртин. Они были объявлены бунтовщиками, изменниками, к которым надлежит применить самые строгие меры для приведения их к повиновению.

Так образовались два враждующих лагеря: фельтэнцы и куртинцы. Их разделяло не только расстояние в двадцать пять километров, но и большие политические разногласия.

Наступила середина июля 1917 года. Сведения о событиях в Ля-Куртине проникли во все уголки Франции, где были русские раненые солдаты. Дошли они и до госпиталей города Бордо. Это вызвало расслоение среди раненых — одни, те, кто был из полков 3-й бригады, сочувствовали своим сослуживцам, другие целиком стали на сторону 1-й бригады. Госпитальный комитет вынес решение в поддержку 1-й бригады и рекомендовал всем, кто уже считает себя вылечившимся, отправиться в лагерь Ля-Куртин.

Ванюша тоже собирался в путь — не мог больше находиться в стороне от таких бурных дел. Он снял уже гипсовую повязку с руки. Правда, врачи рекомендовали остаться еще дней на пятнадцать — двадцать. Надо было эту маленькую (в сравнении с правой) руку массировать, делать соленую ванночку, разрабатывать гимнастикой и носить в корсетике (своего рода лубок). Но Ванюше было не до ванночек.

Степан Пронин тоже принимал разные процедуры и не торопился с выпиской. Да и не знал, куда ему подаваться; пальцы на руке у него не действовали. К тому же он был из 5-го полка, поэтому решил остаться в госпитале и выждать решительного поворота событий в ту или иную сторону. А тут еще у него с сестрицей Дашей завязался роман.

— Ну, ты, Степа, оставайся, а я больше не могу. Так соскучился по своим пулеметчикам, что дальше некуда. Поеду к ним, — сказал Ванюша, — а тебе напишу, как обстоят дела, и ты тогда наверняка приедешь к нам в первую бригаду.

Через несколько дней Гринько оформил документы и уехал.

Глава шестая

1

Миновав Тюль, поезд, постукивая на стыках, поднимался по нагорью Центрального массива Франции, где берут начало и расходятся по всей стране многочисленные реки и речушки, вливающиеся в Гаронну и Луару. Поезд шел в северо-западном направлении. Вот уже позади Иссель. Скоро и Ля-Куртин. Ванюша уже знал, что это небольшой городок, расположенный в долине речушки Лиеж. Здесь-то и располагался лагерь, в котором взбунтовались русские части.

Сидя на жесткой скамейке, Ванюша мерно покачивался и подрёмывал. Но вот поезд остановился. Вокруг зашумели:

— Ля-Куртин, Ля-Куртин!

«Ну, что день грядущий мне готовит?» — подумал Ванюша, отгоняя остатки сна. Он быстро поднялся, взял с полки вещевой мешок, привычным движением закинул его за спину и вышел на платформу. Небо розовело на востоке, предвещая хороший солнечный день. На платформе Ванюша увидел патрулей и подошел к ним.

— Как попасть во второй полк?

Патрули придирчиво оглядели Ванюшу, но, очевидно, не нашли в нем ничего подозрительного.

— А вот прямо поднимайся на горку.

Он зашагал в указанном направлении и вскоре увидел лагерь. Ровными рядами стояли двухэтажные каменные казармы. В стороне от них были разбросаны сборно-щитовые бараки. «Казарм-то, видать, не хватает», — подумал Ванюша.

Он немало поболтался по лагерям, поэтому безошибочно определял назначение каждого здания. Вон там штаб, а на горке, поближе к железной дороге, — офицерское собрание. За ним, возле лесочка, — склады и конюшни. С севера к лагерю примыкает большое стрельбище. Оно называется — *champ de tir de la Courtine*, на нем расположены тригонометрические пункты: в северной части — 895, а в юго-восточной — 904 метра.

Но все эти подробности Ванюша узнал позже, а сейчас сгорал от нетерпения побыстрее увидаться с друзьями. Когда он спросил, где

размещается четвертая пулеметная команда, ему указали на барак перед казармами. И вот...

— Здравствуй, Ваня!

— Здравствуй, Проня!

И друзья кинулись друг другу в объятия.

Лапшин дежурил по команде, и поэтому встретил Ванюшу прямо на пороге барака. Остальные пулеметчики в этот ранний час еще крепко спали.

— Ну заходи, заходи, дружище, — тянул Лапшин Ванюшу в барак. — Вот тебе и койка. Унтер-офицер смылся к фельтэнцам, занимай его кровать.

— Да подожди ты, Проня, устроиться я еще успею. — Ванюша бросил вещевой мешок на койку. — Ты мне выкладывай, как тут у вас дела.

Они вышли из барака, чтобы не разбудить пулеметчиков, и Лапшин начал рассказывать:

— Такое тут, брат, было! Все офицерство наше со своими денщиками и холуями ушло в Фельтэн. Ну, с ними многие унтер-офицеры и даже некоторые солдаты — все больше из писарей и каптенармусов — подались. Наш «шашнадцатый неполный» долго мучился и все же на третий день ушел, а унтер-офицер Федин только прошлой ночью драпанул. Правда, некоторые вертаются обратно, но мало; говорят, их там всякие гадюки кусают в палатках и комары заедают. Ну, ясно, живут в лесу, прямо на земле, мох собирают на подстилку. Да так им и надо, дуракам, — пусть знают, как за начальством тянуться. А они еще приходят к нам агитировать! К себе приглашают. Как бы не так!

— Ну, а тут какая у вас жизнь?

— А тут все в порядке. В ротах, батальонах — комитеты. Вчера выбрали новый комитет полка — старый наполовину ушел в Фельтэн. А всем лагерем командует отрядный комитет во главе с Болтайтисом, а секретарем Волков. Располагается отрядный комитет в здании штаба бригады. Болтайтис — вроде как начальник бригады, иной раз выезжает на автомобиле, на котором ездил генерал Лохвицкий. Вот как! Болтайтис этот, видать, парень башковитый.

Между тем пулеметчики стали просыпаться — дело шло к подъему. Все радостно здоровались с Ванюшей, расспрашивали его: как там в остальной Франции? Революция еще не началась? Что слышно о России?

Ванюша еле успевал отвечать на вопросы, рассказывал все, о чем слышал. Говорят, в начале июля была демонстрация рабочих в Петрограде, с ними вместе вышли солдаты и матросы, требовали: «Вся власть Советам!» А юнкера и казаки полоснули их огнем из пулеметов, а потом с фронта вызвали верные Временному правительству войска и давай разгонять рабочие организации и разоружать участвовавшие в демонстрации полки.

— Аресты, говорят, пошли повальные. И все Ленина искали, как бы его арестовать, а то и расстрелять на месте. Но не тут-то было — большевики Ленина спрятали как следует. Особенно, говорят, свирепствует новый верховный главнокомандующий, какой-то косоглазый казачий генерал Корнилов.

— Вот, брат, тебе и революция!

— Эх, дождались свободы, а какая она, свобода, не ведаем.

А Ванюша продолжал рассказывать. Кое-что он прочитал во французских газетах. Правда, разные газеты толковали события в России по-разному — в зависимости от партийной принадлежности. Однако, сопоставив факты, можно было сравнительно точно представить всю картину в целом.

— В общем, буржуи вместе с меньшевиками выступают против требований рабочих и революционных солдат, стараются укрепиться у власти. Керенский смертную казнь ввел на фронте. А в тылу просто стреляют по народу.

— Бескровная революция, мать иху так, этих буржуев.

— Надо скорей ехать в Россию, а то тут в Ля-Куртине все провороним.

— Давай поторапливайся, за тобой только и дело стало...

Петя Фролов сбегал в кафе, принес пару фляжек вина. За скромным завтраком пулеметчики отпраздновали прибытие Ванюши. Все наперебой рассказывали ля-куртинские новости, разговор вертелся вокруг раздела бригад.

— Жизнь у нас теперь — малина: занятий нет, знай себе отдыхай да на митинги ходи, — зубоскалил Женька-пижон.

— Брось врать-то, скучно небось без маман? — подзадорил его кто-то.

Женька действительно все время вспоминал лагерь Майи.

После завтрака дежурный передал, что в десять часов на плацу бригадный комитет будет проводить собрание. Ванюша обрадовался — своими глазами увидит, чем живут люди, что думают.

Живое море голов колыхалось перед домиком отрядного комитета. На простом помосте у небольшого столика стояли председатель комитета Ян Болтайтис, Волков и другие члены комитета. Вопрос стоял: как быть? В лагерь должны приехать представители Временного правительства во главе с профессором Сватиковым; среди представителей — военный комиссар русских войск во Франции Рапп, генералы Занкевич и Лохвицкий. Принимать их или нет?

Начали выступать ораторы. Одни предлагали не принимать делегацию, и вся бригада шумно одобрила это предложение; другие говорили, что представителей надо принять и выслушать, тем более что Сватиков только

что прибыл из России и, наверное, скажет что-нибудь новое... И опять слышался гул одобрения всей бригады.

Выступил секретарь отрядного комитета Волков. Он был как бы начальником штаба бригады, — по крайней мере, ездил в экипаже, который раньше возил начальника штаба бригады полковника Генерального штаба Щелокова. Волков высказался за то, чтобы показать 1-ю бригаду организованной силой и встретить делегацию, соблюдая полный воинский порядок: выстроиться всем, как полагается, с оружием, с красным революционным знаменем, с оркестром. Поручить председателю отрядного комитета Болтайтису встретить делегацию. И чтобы оркестр играл встречный марш. Ну, словом, чтобы прибывшим было ясно: они имеют дело с дисциплинированной революционной бригадой.

Все участники митинга одобрительно загудели:

— Правильно!

— Показать им, генералам, что нас голой рукой не возьмешь.

Некоторые свистели и кричали:

— Долой делегацию!

Другие их успокаивали и кричали:

— Цыц, вы, басурманы!

Масса колыхалась и напирала на возвышающийся помост.

— Стой, не дави! — кричали передние.

А задние все напирали. Оркестр заиграл «Марсельезу», все успокоились и застыли в стойке «смирно»: «Марсельеза» — это гимн. Когда оркестр стих, Болтайтис поднял руку:

— Я думаю, дело ясное. Мы должны показать представителям Временного правительства, что здесь не какой-нибудь сброд, а настоящие революционные солдаты, что мы умеем соблюдать порядок и революционную дисциплину.

— Давай, давай, пролезай в генералы, — послышался среди общей тишины громкий голос.

И тут же — взрыв общего смеха.

— Не в генералы я лезу, — спокойно продолжал Болтайтис, — а выполняю волю солдат бригады, избравших меня председателем отрядного комитета.

— А ну их, горлохватов, ты их не слушай, делай свое дело.

Болтайтис продолжал:

— Так вот, товарищи: мы будем принимать делегацию Сватикова по всем правилам. О порядке и времени построения бригады будет отдано распоряжение. Собрание считается закрытым.

Солдаты облегченно вздохнули. Все были оживлены, разговорам не было конца. Оркестр заиграл марш. Подразделения начали строиться в колонны, потом двинулись под музыку, в ногу, по местам своего расквартирования. Пулеметчики не построились, но и разбредаться не стали: все вместе, дружной группой пошли в свой барак.

По распоряжению, поступившему из отрядного комитета, батальоны и полки бригады с утра 19 июля выстраивались перед своими казармами и готовились к движению на лагерный строевой плац. Их вели председатели комитетов команд, рот, батальонов и полков. Четвертую пулеметную команду вел председатель комитета унтер-офицер Спиваков, прибывший с пополнением уже после наступления.

И вот идут полки и выстраиваются на плацу фронтом к шоссе дороге. Правый фланг — у офицерского собрания, которое теперь используется как солдатский клуб. Соблюдается парадный расчет: справа 1-й полк, затем 2-й полк, а потом отряды 5-го и 6-го полков — это небольшие части, каждая в хорошую роту. На левом фланге — траншейная батарея. Каждая часть имеет свое красное знамя на правом фланге. Бригадный оркестр во главе с фельдфебелем — старым музыкантом — занимает место на самом правом фланге — там и руководящая головка отрядного комитета. Все подтянуты, в боевом снаряжении и при оружии. Выстроились со строгим соблюдением равнения. День выдался ясный, солнечный, слабый ветерок легко колышет полотнища знамен. Установилась строгая, торжественная тишина — как перед парадом.

В 10 часов со стороны северной части лагеря появляются два экипажа. Около офицерского собрания делегация вышла из экипажей и направилась к выстроившимся частям. Возглавлял процессию плотный барин в черном фраке. «Наверное, Сватиков и есть», — решил Ванюша. За ним шли генералы Занкевич и Лохвицкий, комиссар Рапп.

Раздалась команда:

— Бригада, смирно! Равнение направо!

Болтайтис, сопровождаемый Волковым, пошел навстречу приехавшим. Оркестр заиграл встречный марш. Когда Болтайтис остановился перед делегацией, оркестр замолк, и было слышно, как председатель комитета докладывал:

— Господин представитель Временного правительства, первая бригада русских войск во Франции для вашей встречи построена!

Оркестр заиграл «Марсельезу». Все, стоя, выслушали революционный гимн. Затем группа двинулась к середине плаца, где стояла высокая коляска, которая служила трибуной. Раздалась команда «Стоять вольно».

Барин, в черном фраке, с солидным брюшком, туго обтянутым жилетом, поднялся на коляску, снял шляпу и помахал ею, приветствуя строй. Генералы и комиссар Рапп стояли около коляски. Тут же были Болтайтис и Волков.

— Дорогие соотечественники, русские солдаты свободной родины! — начал свое выступление Сватиков. — Я привез вам сердечный поклон от русского народа, от Временного правительства России и его главы Александра Федоровича Керенского.

Тут он сделал паузу, рассчитывая, видимо, на дружное «ура», но солдаты молчали.

Профессор откашлялся и продолжал:

— Вместе с тем, дорогие соотечественники, я должен сообщить вам, что Россия наряду со свободой получила в наследство от самодержавия совершенно расстроенное хозяйство и переживает сейчас большие трудности. Народ России голодает, а вас, как я убедился, хорошо обеспечивают. Там, в Питере, вместо хлеба едят глину, а вам дают белый хлеб.

По рядам пошел глухой гул, строй заколыхался, слышались выкрики:

— Ишь какое брюхо наел на глине!

— Долой его, царского проповедника!

— Господа, господа солдаты! — кричал Сватиков, понявший, что допустил грубую дипломатическую ошибку.

Но шум в рядах не утихал. Болтайтис повернулся к строю и поднял руку. Волнение понемногу улеглось.

— Продолжайте, господин Сватиков.

— Господа, господа, вы не так меня поняли. Я хотел показать всю остроту тяжелого положения России и армии на фронте под неумолимыми ударами врага. Надо, дорогие соотечественники, напрячь все усилия, чтобы остановить немцев, заставить их отступить, надо довести войну до победного конца. А вы, вместо того чтобы постоять грудью за нашу мать-Россию и пойти на фронт, хотите одного: штык в землю — и по домам...

Ряды снова заколыхались. Ванюша чувствовал, как и его наполняет ярость. Проклятый барин, заставить бы тебя мерзнуть и мокнуть в окопах, землю брюхом утюжить и каждую минуту ждать пули в лоб! Как бы ты запел после этого, господин полномочный представитель Временного правительства!

А рядом уже раздавались выкрики:

— Долой, долой буржуя, што он там болтает про войну. Видел он ее, войну-то, во сне, на пуховой перине!

И вдруг спокойный, твердый голос из первых рядов:

— Господин Сватиков, вы за Временное правительство?

Тот даже руками развел, глаза воздел к небу:

— Конечно! Как может быть иначе? Это законное правительство, уполномоченное русским народом решать судьбы нашей многострадальной родины...

И опять тот же голос:

— А почему в нем буржуи да помещики верховодят? Почему Ленин не поддерживает это правительство, а призывает передать всю власть Советам?

Сватиков побагровел:

— И до вас дошла большевистская пропаганда! Это позор, господа! Большевики предали Россию, а вы... а вы...

Договорить ему так и не дали.

— Буржуи предали Россию, а не большевики!

— И нас предали. За что воюем?!

— Тащи его с брички, пузатого!

Строй начал терять форму, ломаясь и приближаясь к оратору. Разгневанные солдаты потрясли оружием. Сватиков присел в коляске. Кто-то из приехавших дал сигнал. Подкатили закрытые экипажи, и делегация торопливо скрылась в них. Болтайтис и Волков уже не могли утихомирить солдат. Экипажи рванули с места, увозя представителей Временного правительства. Солдаты свистели, улюлюкали. Под этот аккомпанемент процокали копыта лошадей, и экипажи скрылись за поворотом.

Так окончилась эта встреча.

Шум на плацу постепенно стал утихать. Усилиями председателей солдатских комитетов был установлен порядок. Последовала команда — следовать в казармы. Оркестр заиграл марш, и полки двинулись по своим местам.

Только успели солдаты отобедать, как опять команда: на общее собрание бригады — на плац к отрядному комитету!

И снова море солдат на плацу перед небольшим полуторазэтажным зданием бывшего штаба бригады. Здесь теперь — центр всего лякуртинского отряда русских войск во Франции.

Да, это был настоящий центр, который выражал думы, мысли и стремления русских солдат, оставшихся в лагере. Свой, солдатский центр, избранный свободным голосованием. И такой центр был необходим: солдатская масса рыхла, неорганизована и еще не осознала самое себя. Желание в основном было у всех одно: не воевать. А что делать дальше —

об этом никто не знал. Многих мучил вопрос: как же так, получить свободу и не защищать ее? Если стоять на такой позиции, то свободу отберут и опять попадешь в кабалу, опять тебе будут бить морду, пороть розгами, грозить расстрелом. В общем, опять начнется старая тяжкая и бесправная солдатская служба. А кто этого хотел? Никто, если не считать всяких шкуродеров, холуйничавших перед офицерством, которое всеми способами защищало свое право господства, право власти, право издеваться над солдатами.

Так что же делать?

И снова трещали солдатские головы от напряженных раздумий. Воевать? Это значило идти на смерть. А хотелось жить. Кому не хочется жить? !

Нет, это были не трусость и не страх. Жить — это значило трудиться, отдыхать, веселиться, любить жену, детей, родных, просто людей. Жить в добром согласии со всеми. Видеть ясное солнце, нежиться под его лучами, под его теплом, возделывать землю и собирать плоды своего труда. Разве это не законное желание? А тут, как бы глубоко ни забирался человек в историю, — все войны да войны! И сейчас война. Зачем она?

Вот это все и сверлит бедную солдатскую голову. Попробуй разберись! Ох, как это трудно! Такие мысли мучили Ванюшу, Андрея, Петра, Женю, Антона, Жорку, всех солдат, собравшихся перед отрядным комитетом и жаждавших ответа на этот жгучий вопрос.

На помосте перед штабом появилась руководящая группа членов отрядного комитета. Болтайтис поднял руку, и шум толпы стих.

— Товарищи солдаты! Собрание считаю открытым. Слово для разъяснения положения имеет секретарь отрядного комитета Волков.

— Товарищи! — начал Волков. — Мы сегодня встречали представителя Временного правительства господина Сватикова. Мы шли на эту встречу в надежде услышать правду о том, что происходит на нашей родине. Мы хотели узнать: что думает правительство о нашей судьбе, о русских солдатах, волею царя брошенных во Францию, в чужую для нас страну. Мы и без Сватикова знаем, что у нас на родине тяжелые времена. Хозяйство разрушено, народ голодает. Все правильно. Так зачем же нас держат здесь во Франции? Сколько мы могли бы сделать у себя в России! Вот этими рабочими руками, — Волков протянул перед собой и потряс большими натруженными ладонями. — На черта нам нужен белый хлеб, которым нас попрекает Сватиков! На чужбине он, хлебушек-то, горький, хоть и белый. Мы готовы есть наш русский черный хлеб, а не будет его — и глину будем есть, но в России!

И сразу же загудел, заволновался плац:

— Верно!

— В Россию!

— По домам!

— А что нам предлагает Сватиков? — Продолжал Волков. — Войну до победного конца. Но это еще не все. Я должен сообщить вам, что Сватиков поставил перед нами, членами отрядного комитета, требование: сдать оружие в знак полного подчинения Временному правительству и его военным представителям за границей. Мол, после выражения этой покорности мы получим оружие обратно. Нашел дураков!

И снова гудят, волнуются солдатские ряды, и кулаки вздымаются над толпой. Волков посоветовался о чем-то с Болтайтисом и обратился к солдатам:

— Мы собрались сюда, чтобы подтвердить нашу позицию и свое решение послать Сватикову для передачи Временному правительству.

Вслед за Волковым выступили другие члены отрядного комитета. Призывали стойко держаться, требовать отправления в Россию. Говорили о том, что солдаты революции должны точно выполнять приказ № 1, а в нем ясно сказано: ни один солдат, защищающий революцию, не имеет права положить оружие даже по приказу своего командира. Оружие потребуется в России, ибо война еще не закончена.

В конце собрания выступил Болтайтис. Ванюше показалось, что в голосе его уже не было той уверенности, которая сквозила до этого.

— Мы отрицаем всякое обвинение в том, что мы мятежники. Мы требуем только отправки в Россию... А там мы готовы выступить на фронт по приказу Временного правительства. Вот наше требование.

Ванюшу эти слова насторожили. Как, и Болтайтис за войну? Но ведь все думают совершенно о другом. О возвращении на родину, к своим семьям, к труду, по которому истосковались руки. Вот и пулеметчики говорят о том же.

— Мели, Емеля, нам бы только в Россию, а насчет того, чтобы воевать, еще посмотрим.

— Пускай воюет, кому охота, а я подамся домой, — твердо сказал Жорка Юрков.

— Вот это верно, — хлопнул его по плечу Андрей Хольнов.

Но так думали, оказывается, не все. Унтер-офицер Спиваков, который все больше отмалчивался, вдруг сказал:

— Ну нет, я с этим не согласен. Свободу надо защищать.

Пулеметчики так и опешили от этих слов. Жорка зло повернулся к нему, глаза его горели:

— Ты бы попробовал наступать под Бримоном, тогда другое бы запел!

— Если я здесь не воевал, это еще ничего не значит, — упорствовал Спиваков. — Я воевал в Карпатах, участвовал в Брусиловском наступлении и знаю почему фунт лиха.

— А какого же хрена опять в мясорубку захотел? — вмешался Фролов.

— Бросьте спорить. По-моему, можно и на фронт пойти, если привезут в Россию, — высказался Женька-пижон и лихо подмигнул Ванюше: дескать, там видно будет.

«Да. — подумалось Ванюше, — борьба мнений далеко еще не окончена». Но даже не это отдавалось в его душе острой тревогой. Он видел, что согласия нет и среди членов бригадного комитета. А это уже посерьезнее. Простые солдаты всегда столкнутся друг с другом, хуже, когда руководство подвержено сомнениям. Ему хотелось крикнуть: братцы, к чему же мы пришли? За что же мы стоим? Как понимать слова Болтайтиса?

Но пулеметчики уже направились в казарму, беззлобно переругиваясь и подшучивая друг над другом. «А бес его знает, может, я что-нибудь не понимаю», — подумал Ванюша.

Когда вернулись в казарму, Жорка Юрков напомнил:

— Хлопцы, а мы ведь как полагается не отметили возвращение из госпиталя ефрейтора Гринько. Как-никак он начальник пулемета, а теперь... а теперь, пожалуй, и командир взвода — ведь наш унтер-офицер Федин махнул к фельтэнцам.

— Верно, — подхватил Хольнов, — теперь Гринько тоже младший унтер-офицер, раз он награжден Георгием третьей степени.

— Обмыть надо Георгия, а то ржа его съест, — добавил Петька Фролов.

— Ну, уж если на то пошло, то надо отметить и то, что мы выбрали Ванюшу кандидатом для производства его в офицеры, — с серьезным видом произнес Жорка Юрков. — В общем, тут столько причин! Поэтому ближе к делу: гони, братва, монету на кон, я вмиг сбегаю. — И, сняв фуражку, Жорка пошел по кругу собирать деньги.

Пулеметчики стали бросать всякую мелочь — денег у всех было мало, последнюю получку по распоряжению Занкевича не выдали.

— Ну, раз уж выбрали меня кандидатом в офицеры, придется доказать, что у офицеров денег куры не клюют.

С этими словами Ванюша бросил в фуражку Жорке пятифранковик — он успел получить последнее жалованье перед отправкой из госпиталя.

Юрков вмиг помчался за вином. Пулеметчики стали доставать консервы и готовить закуску.

— Если бы не раскол бригады, то давно пришел бы приказ о присвоении тебе прапорщика, — сказал, обращаясь к Ванюше, еще не оправившийся после ранения Антон.

Ванюша грустно улыбнулся:

— Нет, Антоша, теперь мне не нужен офицерский чин. Когда-то действительно была такая тайная мыслишка. Но была да испарилась. Теперь на кой черт он мне, этот чин? А вот за то, что вы не забыли меня, — Ванюша обратился уже ко всем, — я благодарен вам, друзья.

— А знаешь, — сказал Андрей, — мы сразу назвали тебя, как только предложили выбрать кандидата в офицеры. Это ведь в наши солдатские офицеры! И мнение у нас было единодушным.

Ванюша был еще больше тронут.

В дверях казармы появился Жорка, обвешанный флягами.

— Ну вот и я, братцы, налицо, — заявил он, тяжело дыша и чуть прихрамывая после ранения.

— Ты, должно, хватил чарку кирша: раскраснелся, хоть спичкой чиркай о морду, — сказал Фролов. — А тебе запрещено пить крепкое.

— Что ты, что ты, Петя, ей-богу, не пил, только стаканчик понюхал, а больше Луиза не позволила.

Быстро разлили вино по кружкам. Юрков, не дожидаясь тоста, сразу выпил свою кружку и налил вторую. На него с укоризной уставился Андрей Хольнов. Жорка извинительно ухмыльнулся:

— Ей-богу, Андрюша, за доставку полагается лишняя. Да и подбитую голову надо прояснить, чтоб лучше соображала. — И Жорка опять хватил кружку вина вне очереди.

— Да ты что, сдурел? — не выдержал Петька и отобрал у него флягу с вином.

Андрей встал с кружкой и сказал:

— Я пью за возвращение к нам в строй нашего боевого друга и товарища Ивана Гринько. И чтобы он не зазнался, когда мы его произведем в прапорщики!

— Правильно! — дружно подхватили пулеметчики.

За столом было весело, шумно, и говор долго не умолкал. Жорка Юрков быстро опьянел и стал опять собирать деньги на вино, но ему ничего не дали. Да, с деньгами у куртинцев было туго. «Винные» из оставшихся экономических сумм полка были уже израсходованы, а новых денег на вино начальство не выдавало. Теперь, когда карманы были у всех пусты, прошлая жизнь вызывала лишь приятные воспоминания.

— Эх, знать бы, что наступит безденежье, порасчетливее бы расходовали «винные», — сетовали пулеметчики. — Все же это были деньги!..

Действительно, теперь приходилось туго. Надо было изворачиваться, прибегать к различным ухищрениям, чтобы раздобыть пару-другую

франков. И разумеется, не на вино: напряженность обстановки в Ля-Куртине отнюдь не располагала к солдатской чарке. Думы людей были куда более серьезными. К тому же, как шутили солдаты, нечем было закусывать: начальство здорово урезало куртинцам паек. Поэтому каждый лишний франк был дорог — все добавок к голодному пайку.

Неопределенность положения порождала среди солдат уныние и растерянность. Стали появляться всякие слухи: лагерь окружают, хотят взять людей измором и голодом, скоро и воду отключат... Частью подброшенные из Фельтэна, частью родившиеся в самом Куртине, слухи эти росли, как снежный ком.

Впрочем, и враждебная солдатам русская военная верхушка во Франции чувствовала себя беспокойно. Сватикова мучил вопрос: как все же быть с куртинцами? Привести их к полному повиновению невозможно, принять крутые меры — тем более. Это приведет к революционному взрыву. «Поэтому, — писал он в Петроград, — представляю военному начальству право решения всех возникших вопросов; со своей же стороны считаю долгом привлечь внимание правительства к забытым русским войскам во Франции».

«Так оно будет лучше, — очевидно, думал Сватиков, — пусть в верхах сами решают». И один из самых реакционных представителей Временного правительства поставил в своем донесении точку.

Военное начальство не заставило себя ждать и разрешило применить новые меры воздействия к непокорным ля-куртинцам. Генерал Занкевич, осуществляя самую высокую военную власть — главнокомандующего русскими войсками во Франции, приказал снова убавить и без того жестоко урезанный продовольственный рацион для солдат Ля-Куртина, полностью лишить их денежного довольствия, полагавшегося в связи с заграничной командировкой. А чтобы это резче подчеркнуть, Занкевич решил прибавить к обычному продовольственному рациону солдат, выведенных в район Фельтэна, 50 граммов сливочного масла, 100 граммов голландского сыра, пол-литра виноградного вина и дополнительные суточные деньги.

Ничего не скажешь, хитрый, коварный ход. Но не тут-то было! Солдаты 1-й бригады твердо стояли на своем. «Мы оружия не сдадим» — гласила надпись на красных полотнищах, опоясывавших казармы Ля-Куртина.

Лагерь жил тревожной, настороженной жизнью. Днем это как-то не было заметно. Будничные солдатские дела отвлекали куртинцев от

происходивших вокруг событий, хотя у каждого в глубине души копошились все те же мысли: что делать?

Но вот наступала ночь, крупные южные звезды высыпали над лагерем, все вокруг затихало, и неосознанная тревога охватывала людей. Долгие вечера просиживали они, стараясь держаться вместе, и все говорили, говорили о своем, наболевшем.

Пулеметчики тоже вели бесконечные беседы. Настроение у всех было неважное.

— Сволочь, — ругал Жорка Юрков Занкевича. — У нас в Архангельске тоже был такой кровопивец — управляющий мастерскими. Довел он нашего брата, рабочего, штрафами да налогами до последнего. Получишь деньги, а их и всего-то — раз в кабак сходить. А у всех дети, голодные, раздетые. Ну, и поднялись мастера: мол, до каких пор пояса затягивать — пока поясница не пересохнет? А он, живоглот, жандармов. Пополосовали нас тогда крепко. А наутро зачинщиков — за ворота, ищите работы в другом месте.

— Оно так, — сосредоточенно вторил ему Петя Фролов. — И рабочему человеку не сладко, и крестьянину — труба. Хлеб-то, он горбом да потом дается. А Занкевич этим самым хлебом хочет повернуть на свое, как собак голодом морит.

Все, о чем говорили пулеметчики, было хорошо знакомо Ванюше. И несправедливость, царящая в мире, и борьба за кусок хлеба... Этого он насмотрелся вдоволь за свои молодые годы. Но в разговорах часто отмалчивался. Все казалось ему, что другие натерпелись больше, да и молодость не давала впадать в уныние.

В один из таких долгих вечеров до пулеметчиков дошла весть о конференции военных организаций большевиков. Ее призывы были понятны всем. И не только тем, что отвечали самым сокровенным мыслям куртинцев, — большевики призывали ни в коем случае не поддаваться на попытки контрреволюции разоружить революционных рабочих и раскассировать революционные полки... Призывы свидетельствовали, что есть сила, твердо стоящая на стороне простого народа, на страже его интересов. Есть люди, которые думают о судьбе революционного солдата, думают и борются за правду не на жизнь, а на смерть. Эти люди — Ленин, большевики...

Невесть какими путями проникли их призывы в Ля-Куртин. Но солдаты почувствовали в себе новые силы: слово большевиков точно выражало их собственные мысли. Большевики-то, значит, за них. А они еще думали, что делать? Бороться — вот что! Держаться, не сдавать оружия ни при каких обстоятельствах!

В лагере воцарился порядок. Повысилась бдительность патрулей и дежурных подразделений. На ночь усиливались посты и караулы. Это был боевой революционный лагерь.

Что еще крепко поддерживало куртинцев — так это дружеское расположение простых французских тружеников. Часто после работы в поле к лагерю подходили группы мужчин, женщин, подростков. И тут перемешивались в одно и французское «мсье» и русское «друг». Французы приносили с собой немудреную крестьянскую снедь, угощали солдат — да и не в самом угощении было дело, важно, что и на чужбине находились добрые, сердечные люди. А солдаты, глядя на них, вспоминали своих близких. Возьмет какой-нибудь куртинец на руки ребенка, гладит его, прижимает к себе, а у самого глаза влажнеют: как-то там, в России, его Ванятка или Дуняшка, как живется бедным детям? Неужто в самом деле глину едят?

Как-то крестьяне принесли с собой газеты. Тыкают в них пальцами: читайте, мол. Случились при этом деле пулеметчики, ну, все к Ванюше, конечно:

— Переводи, браток, ты у нас главный грамотей.

Гринько охотно согласился. Пулеметчики, затаив дыхание, выжидательно смотрели на него:

— Да ты читай, не тяни, что пишут-то?

— Что пишут! — усмехнулся Ванюша. — Пишут, что ты, Жора, и ты, Петя, никто иные, как грабители и насильники.

— Будя врать-то, отродясь такими делами не занимались.

— Известное дело, да вот находятся такие писаки: утверждают, что в окрестностях Ля-Куртина бродят одичавшие русские солдаты, устраивают стрельбу, грабят население.

— Эхма! — Жорку аж передернуло. Он непонимающе уставился на французов. А те только покачивали головами и пытались что-то объяснить пулеметчикам:

— Камарад, камарад!

И ничего не могли больше сказать.

И стало ясно куртинцам, к чему это зачастили к ним в лагерь и в окрестные села представители французских властей. Оказывается, чтобы убедиться в обоснованности выдвинутых против русских солдат обвинений! И даже не убедиться, а подыскать, подтасовать факты для подобных обвинений. И невдомек было этим представителям официальной Франции, что не будет простой труженик клеветать на героев Бримона и Курси, что живет в нем дух Бастилии и тянется его сердце к тем, кто в трудную годину пришел ему на помощь.

В Ля-Куртин вернулся из госпиталя солдат Петр Кидяев. Его знали хорошо. Храбрый боец, добрый товарищ, один из тех, кто крепко связан с революцией. Еще на первом собрании Совета солдатских депутатов бригады горячо отстаивал он требование — снять русские части с фронта и отправить в революционную Россию. При штурме деревни Курси осколками снаряда разбило ему ногу, контузило. Пришлось отлеживаться во французском госпитале.

Много солдат пришло на встречу с Кидяевым: что расскажет боевой товарищ? Каждая весть из-за пределов лагеря волнует, будоражит.

Кидяев бледен, хмур, по лицу то и дело пробегает болезненная судорога, — видно, сказывается контузия. Голос глуховат, не то от волнения, не то от той же контузии.

— Попал я в Париж, в госпиталь Мишле, в восемнадцатую палату для тяжелораненых. Узнаю — в госпитале больше шестисот человек нашего брата. Встретился с Алешиним-Савиним. Стойкий товарищ, наш. Все бы ничего, да порядки в госпитале были старые. По стенам трехцветные флаги и даже портреты Николая развешаны. А солдатский комитет начальству подпеваает. Повадились тут к нам в садик эмигранты заглядывать, и каждый по-своему толкует. Треплются насчет Милюкова и Гучкова, о войне до победного конца. Ну, мы тоже не дураки, знаем, кого слушать. Профессор Покровский, Лозовский, Вишняк, Антонов-Овсеенко тоже заходили — эти нашу линию гнут, революционную, и раненые все больше около них сидели. Ну, а в мае флаги и портреты царя скинули. Администрация, конечно, в пузырь полезла: как же, Николашка-то русских солдат послал на бойню ради спасения ихнего капитала... После этого врачи, сестры на нас, как на врагов, смотрели. Лечение, пища — ни к черту, эмигрантов в сад уже не пускают. А в июне как-то, смотрим, во двор катят автомобили с красными крестами, а госпиталь уже оцеплен французскими солдатами, и штыки на винтовки надеты. В чем дело? Говорят, будет чистка госпиталя. Раненые протестуют. Но тут команда — выходи с вещами. Кто сопротивляется — стаскивают с постелей, кладут на носилки — ив автомобиль. Я тоже такой «чести» удостоился. Во дворе уже узнаю: Алешина-Савина — а он у нас вроде как главный был, все к нему тянулись. — так вот его прямо на асфальтовый пол бросили с костылями. А у него нога была ампутирована, рана не успела зажить, кровь хлещет.

При этих словах Кидяева гул пошел по барраку, где собрались солдаты. Каждый понимал, что такое бросить безногого человека на пол.

Опять судорога пробежала по лицу Кидяева.

— Рвались к нему многие, и французы некоторые хотели помочь.

А тут солдаты со штыками!

— А дальше-то что же?

— Ну, дальше нас под конвоем, в закрытых автомобилях повезли кого куда. Половину раненых «вычистили» и разбросали в разные стороны по всей стране. Но то не беда. Теперь наш революционный дух будет жить во всех концах Франции... Нас, к примеру, семьдесят шесть человек привезли в город Ланнион. Ну, мы быстро организовали госпитальный комитет, наладили связь с бригадой. Там я получил письмо от товарища Болтайтиса: приезжай, ты в отряде необходим, будешь лечиться при бригаде. Ну, начальство радо сбывать меня с рук, быстро выдало документы.

— И правильно сделал!

— А главное, вовремя, а то у нас тут некоторые назад пятками ходят.

— Да, — продолжал в задумчивости Кидяев, — что верно, то верно, шатаний никаких быть не должно... А насчет тех, кто откололся, тоже скажу. В Ля-Куртин я через Фельтэн ехал. И что же вижу там. На станции толпа наших солдат. Пьяные почти все поголовно. Увидели меня: «Куда едешь?» В Ля-Куртин, говорю, к своим боевым товарищам, революционным солдатам. «Дурак ты, — орут во всю глотку, — товарищи твои предатели, германские шпионы, их полковник Лисовский заарестует и в расход пустит в двадцать четыре часа. Куртинцы с голодудохнут, а у нас вина, сколь твоей душе угодно. И комиссар Рапп с нами, и все генералы, они нас в Россию увезут!» В общем, задурманивают головы нашему же брату, солдату.

— Так, у них в ротных, не говоря уже о полковых комитетах, офицеры сидят.

— У нас не офицеры, а тоже некоторые норовят тикать из лагеря. Кидяев резко повернулся к Болтайтису:

— Я не понимаю тебя. В чем дело? Ты сам вызвал меня в Ля-Куртин для укрепления единства. А почему его нет, этого единства?

Болтайтис промолчал. Он знал, на что намекает Кидяев, ведь никто иной, как сам Болтайтис заявил ему по приезде: в сложившейся обстановке комитет решил переменить тактику. Люди стихийно идут на обострение, могут быть жертвы. Нужно ли доводить до этого?

События показали, что напрасно солдаты 3-й бригады доверились офицерским посулам. В один из дней на них неожиданно обрушилась новость: бригада будет отправлена на Салоникский фронт. Что творилось в Фельтэне! Как на фронт, почему на фронт? А как же с отправкой в Россию? Значит, обман! Обма-а-ан, братцы!

Появились дезертиры, поодиночке и группами они стали перебегать в Ля-Куртин.

Вот тут-то и забеспокоились Занкевич с Лохвицким. Ничего себе, «верные» Временному правительству войска!

Надо было спасти «честь мундира», и Лохвицкий обратился к генералу Комби с довольно оригинальным письмом. Нет, это не из Фельтэна бегут солдаты, а из Ля-Куртина! Бегут с оружием, скрываются в окрестных деревнях, а потому, мол, представляют опасность для спокойствия французского населения. А посему, не может ли генерал Комби выделить несколько рот для поимки дезертиров...

И такая просьба была удовлетворена: девять пехотных, три пулеметные роты и три батареи были брошены против своевольных русских мужиков. Их быстро переловили и водворили в Фельтэн. А там офицеры из комитетов снова вдальбливали им: никто вас в Салоники не собирается отправлять, все зло идет из Ля-Куртина. Вот если бы вы помогли законному русскому правительству привести к повиновению бунтовщиков, тогда Россия приняла бы вас, сыновей своих, в свое священное лоно.

И фельтэнцы пошли на поводу у обманщиков. Подавляющая часть их проголосовала за резолюцию, требующую решительных мер против куртинцев, и особенно суровой расправы — над вожаками.

Так исподтишка, правдами и неправдами готовилась кровавая расправа над солдатами 1-й Особой пехотной бригады.

А в Ля-Куртине в ротах и командах шли бурные собрания. Люди негодовали, видя, как жестоко расправляется с ними военное начальство.

Как раз в это время генерал Занкевич получил приказ Временного правительства: солдатских собраний не допускать, а виновников, вносящих разложение и смуту, изъять и передать военно-революционному суду, не останавливаясь перед применением силы оружия и расстрела непокорных.

Наконец-то у генерала Занкевича были развязаны руки. Он спешил действовать. Было экстренно проведено совещание старших офицеров, в нем участвовал и генерал Лохвицкий. Но тут произошло такое, чего никак не ожидал Занкевич: большинство офицеров высказались против привлечения французов к карательным операциям. Доводы были вескими: где дерутся двое — третий не лезь, а то оба поколотят этого третьего. Поэтому нужно рассчитывать на собственные силы...

Утром 1 августа представитель Занкевича вручил отрядному комитету 1-й бригады ультиматум верховного командования русских войск во Франции. В нем предлагалось сдать оружие, беспрекословно подчиниться военным представителям Временного правительства.

«Во исполнение сего, — говорилось в приказе, — даю срок 48 часов с тем, чтобы солдаты лагеря Ля-Куртин сознательно изъявили полностью свою покорность и подчинились всем приказам Временного правительства и его военным представителям. Требую, чтобы в знак изъявления этой покорности и полного подчинения солдаты в полном походном снаряжении,

оставив огнестрельное оружие на месте, выступили из лагеря Ля-Куртин на место бывшего бивуака 3-й бригады при станции Клерво.

Данный мною срок кончается в 10 часов утра в пятницу, 21 июля.

К этому сроку все вышедшие из лагеря Ля-Куртин должны построиться на указанном выше бивуаке в полном порядке по полкам и поротно. Все те, которые останутся в лагере Ля-Куртин, будут рассматриваться мною как бунтовщики и изменники родины; в отношении их я приму все предоставленные мне решительные меры...

Предупреждаю, что только указанный выход из лагеря Ля-Куртин я буду считать единственным доказательством изъявления покорности и подчинения... Никакие условия, просьбы и заявления мною не принимаются...

Подлинный подписал — генерал-майор Занкевич».

В Ля-Куртине шли непрерывные собрания — ротные, батальонные, полковые... Неужели нас расстреляют? Неужели по лагерю будет открыт огонь? Неужели французы вмешаются и направят оружие против нас, своих боевых друзей?! Вот вопросы, которые сверлили мозг каждого солдата 1-й бригады.

Ванюша находился в центре событий. Без колебаний он отстаивал решение комитета — не сдаваться!

— Возможно даже, что нас никто не поддержит и по лагерю будет открыт огонь, — говорил он, выступая на собрании пулеметной команды. — Но это не значит, что мы обязаны сложить оружие и идти с повинной к Занкевичу. Мы должны твердо стоять, доказывая этим свою правоту. Нам ли бояться борьбы! Не страшно умереть за свое кровное, солдатское дело, как не страшно было умирать под Мурмелоном и Бримоном. Хуже будет, если мы окажемся трусами. Вот чего надо бояться!

— Правильно! — дружно, в один голос поддержали его пулеметчики, и этим, собственно, определилось решение четвертой пулеметной команды.

А на душе у Ванюши было все-таки тревожно. Он прекрасно знал, что куртинцы не выдержат удара по лагерю и будут смяты. Неминуемы жертвы. Может быть, не стоит упорствовать? Но где выход? Другого выхода нет. Бывают положения, когда надо идти смело в бой лишь только для того, чтобы доказать, что ты прав.

...На высоком плацу перед отрядным комитетом шло бурное собрание бригады. Один за другим выступали представители рот и команд. Вот на трибуне немолодой, но крепкий, подвижный солдат.

— Наша рота, — рубит он кулаком, — решила: крепко держать оружие, ничего не бояться. На удар изменников фельтэнцев мы ответим таким же

ударом, на огонь — ответим огнем. Мы предлагаем начать боевые занятия и показать, что мы готовы к бою.

По требованию пулеметчиков выступил Гринько. Он сказал коротко:

— Наша пулеметная команда после обсуждения ультиматума отказывается его выполнить.

— Мы считаем бесполезным продолжать войну здесь, во Франции, или в каких-то там Салониках, мы отказываемся подчиниться приказу и сложить оружие, а требуем отправить нас в Россию, чтобы стать в ряды защитников революции и родины, — говорил третий оратор.

Вдруг поднялся неведь откуда появившийся моряк торгового флота и начал громким басом:

— Товарищи! Братишки! Правильно требуете отправки в Расею. И дело это пустяковое: нам бы только перебраться в Англию, через эфтог Ла-Манш, а там кати в Расею по железной дороге.

— Эко, хватил! — взрыв смеха потряс плац. — Вали, вали, братишка, по железной дороге будет сручней.

— Что она, железка-то, по морю идет? Видать, поплавал, повидал чудеса! — И веселье колыхало море голов.

Это было короткое веселье, но все-таки хоть какая-то отдушина: уж больно чудно говорил торговый моряк!

А на трибуну поднимались новые ораторы.

— Товарищи! Наша третья пулеметная команда решила: приказа не выполнять. Мы требуем, чтобы Временное правительство немедленно созвало Учредительное собрание и в качестве гарантии революционных завоеваний прекратило войну, вернуло нас в Россию.

— Насчет земли чтобы приняло решение и землю помещичью да удельную передало бы нам, крестьянам! — раздался чей-то громкий, высокий голос.

— Правильно! И насчет земли чтобы Учредительное собрание определило, — подхватили другие.

— К едреной матери Учредительное собрание, чаво там ждате, надо ехать в Расею и забирать самим землю, а то тут проваландаемся, пока всю землю расейскую поделют, а нам кукиш достанется, — кричал обросший, пожилой солдат, поднимаясь на помост. — Чаво мы, братцы, будем здесь рядить насчет приказу енерала Занкевича, на хрена он нам сдался, пушай его сам енерал и выполняет, а нам эфто ни к чаму, не с руки — вот и вся тут ясность, братцы, а в Расею ежели не повезут, сами поедем — и все тут, и нечаво нам зубы заговаривать и пужать льтиматумами! — И солдат сошел с помоста под веселый гул одобрения.

— Товарищи! — начал поднявшийся на трибуну член комитета Волков. В его голове, очевидно, молниеносно пронеслась картина бурного заседания отрядного комитета в присутствии представителей рот и команд. Эти представители решительно отклоняли приказ-ультиматум Занкевича, хотя руководящая головка отрядного комитета — он сам, Волков, Болтайтис, Грахно, Валявка и некоторые другие — высказались за выполнение требований военного начальства. Ванюша тоже был на заседании, и настороженность, возникшая у него еще тогда, на митинге, когда Болтайтис говорил о возвращении в Россию только для того, чтобы продолжать войну, теперь еще больше укрепилась в нем. «Не туда гнет наш отрядный комитет, ох, не туда. Не поймет его простой солдат, не пойдет за ним...»

— Товарищи, — повторил Волков. — Общее собрание бригады должно с особой серьезностью отнестись к решению вопроса о выполнении приказа генерала Занкевича, срок исполнения которого истекает завтра в 10 часов утра. Я вижу, что здесь некоторые ораторы стараются недобросовестно отвести вас в сторону от решения этого острого вопроса всякими баснями о поездке в Россию по железной дороге, о том, что, если нас и не повезут, мы сами поедем. Нам надо, товарищи, понять, что мы вели настойчивую и упорную борьбу за свои требования и твердо стояли на своих позициях до тех пор, пока Временное правительство не дало нам ответа. Теперь мы получили ответ и должны решить, как быть дальше, какую позицию занимать. Если мы будем упорствовать в своих требованиях и отвергать указания Временного правительства, изложенные в приказе генерала Занкевича, то мы действительно станем мятежниками и дадим полное право Занкевичу открыть огонь по лагерю. Что из этого получится? Будут напрасные жертвы, и мы ничего не добьемся. Отрядный комитет не может взять на себя ответственность за эти жертвы и повести вас по неправильному пути.

Собрание притихло, солдаты недоуменно глядели на Волкова, речь которого лилась спокойно, убеждающе. Волков понял это как одобрение и продолжал:

— Чтобы избежать напрасного кровопролития, напрасных жертв, отрядный комитет призывает вас подчиниться приказу генерала Занкевича и выполнить его.

И тут на трибуну поднялся член комитета младший унтер-офицер Глоба.

Ванюша уже знал его и успел полюбить за прямоту суждений, за честность и неподкупность. Вся фигура Глобы, кряжистая, угловатая, будто вытесанная из камня, выражала скрытую энергию.

— Товарищи! — Лицо Глобы побледнело, но он был спокоен, собран. — Во-первых, не весь комитет призывает вас подчиниться приказу Занкевича, а только руководящая его часть в лице Болтайтиса, Волкова, Грахно, Валявки и некоторых других плохо определившихся товарищей, которые потеряли веру в правоту нашей борьбы, испугались угроз. И угроз прежде всего в свой адрес, ибо генерал Занкевич в первую очередь угрожает расправиться с членами комитета как с руководителями бригады. Мы знали их как хороших и волевых товарищей, их авторитет многое для нас значил. Но теперь мы презираем их как трусов, которые спасовали перед первыми тяжелыми трудностями. Мы их отвергаем как руководителей. Мы будем твердо держаться своих позиций, не отступим от революционных завоеваний. Мы, группа членов отрядного комитета, призываем вас единодушно отвергнуть приказ-ультиматум генерала Занкевича, не складывать оружие. Наше дело правое, и пусть знает об этом вся Россия, вся Франция.

Глоба повернулся к переминавшимся с ноги на ногу Волкову, Болтайтису и их последователям:

— Ваша позиция предательски опасна. Это не «перемена тактики», как вы пытаетесь представить. Это постыдная капитуляция. Позорно оставлять людей в столь критический момент одних на произвол судьбы или вести их, если они пойдут за вами, в руки царских палачей. В обоих случаях это будет великое предательство, и вам никто не позволит идти в роты и выводить безоружных людей. Мы уверены, что твердо определившие свою позицию представители рот и команд не дадут вам сделать это позорное дело.

Младший унтер-офицер Глоба сошел с трибуны такой же спокойный, и только легкий румянец, покрывший скулы, выдавал его волнение. Тишина воцарилась над плацем. Солдаты стояли, понутив головы, ничем не выказывая своего одобрения или осуждения того, о чем говорил Глоба.

В этой тишине на трибуну поднялся Болтайтис — председатель отрядного комитета. Посверкивая глазами в сторону Глобы, он заявил, что комитет отвергает старую тактику. Нельзя углублять раскол. Напротив, необходимо объединиться с 3-й бригадой.

— Нас втрое больше, — доказывал он, — революционное сознание у нас куда выше. Фельтэнцы растворятся в наших рядах, и мы вырвем третью бригаду из рук Занкевича. Неужели это не ясно?!

Снова поднялся Глоба:

— Нет, не ясно. Ваша уступка — это политическая капитуляция. Одна уступка поведет за собой другую. Вы знаете, кто возглавляет комитеты третьей бригады? Офицеры. Они не допустят вас к руководству солдатами и

повернут ход событий в нужное им русло. Это называется предательством, товарищ Болтайтис.

Болтайтис резко ответил:

— Если вы с нами не согласны, мы складываем с себя полномочия членов комитета и уйдем одни.

Так и разошлись с отрядного собрания, не приняв никакого решения. Шли группами, сумрачные, в свои казармы и бараки. А до конца указанного в ультиматуме срока оставалось несколько часов — одна ночь, и тогда Занкевич начнет действовать по своему усмотрению.

Пулеметчики, даже не заходя в свой барак, приступили к «развязыванию узла своих дум». Председатель комитета четвертой пулеметной команды Спиваков высказался за выполнение приказа Занкевича. Ванюша возражал ему: стоять насмерть — вот единственно верная, революционная позиция. Он не обзывал Спивакова ни изменником, ни капитулянтом, а просто презирал его. Он вообще не любил людей, у которых расходится слово с делом.

Совершенно стихийно здесь же, у барака, началось общее собрание пулеметчиков. Его открыл Андрей Хольнов. Вопрос один: переизбрание председателя комитета. Председателем был избран Иван Гринько.

Всю ночь среди солдат Ля-Куртина шли толки и рассуждения: как быть? Надо решать самим, раз подвели комитетчики. Члены ротных и командных комитетов в подавляющем большинстве твердо держались прежней линии: никаких приказов не выполнять и требовать возвращения в Россию. Если будет применено оружие — будем защищаться.

В некоторых ротах и командах перетрусившие члены комитетов сделали попытку подбить людей к капитуляции, но их действия были решительно пресечены большинством солдат. Капитулянтов изгоняли из рот и команд.

А утром 3 августа стало известно: выполняя приказ Занкевича, бывшее руководство отрядного комитета во главе с Яном Болтайтисом и Волковым, человек двадцать из состава ротных комитетов и около сотни солдат ушли из лагеря. Ушли они в 7 часов, и многие были свидетелями этого позорного акта. Потупив взгляд, двигалась «похоронная» процессия по шоссе на Клерво, провожаемая презрительными выкриками солдат:

— Предатели!

— Изменники!

— Куда идете? Добровольно лезете в волчью пасть.

Никто из солдат, оставшихся в Ля-Куртине, не сказал им доброго слова, не пожал руки и не обронил даже «до свидания», хотя многих из них раньше уважали и к голосу их прислушивались.

Время приближалось к десяти часам — наступал установленный Занкевичем срок. С волнением ожидали его ля-куртинцы — лагерь гудел, как бурлящее море, могучие людские валы катились на площадь к отрядному комитету. А комитета фактически не существовало. Солдаты остались без руководителей; это была, как ни странно, грозная и в то же время беспомощная масса, предоставленная сама себе. И от этого тревога охватывала людей, они нервничали, настороженно озирались по сторонам: откуда грянут залпы? — и искали, искали выхода. Солдаты привыкли полагаться на готовое решение руководителей, а этого решения никто не предлагает — надо думать самим, а думать трудно, тем более что на это нет времени. Не руководимая никем, масса робка, готова подчиниться любому руководству, мало-мальски ей импонирующему, но она и страшна, опасна своей стихийностью; она может победить кого угодно, но она может быть охвачена жуткой паникой и побежать, сама не зная куда, лишь бы спастись. Паника — это страшный и неукротимый зверь. Хорошо, что он еще не проснулся и дремал где-то в глубине солдатских душ.

Тревога чувствовалась во всем: и в лихорадочном блеске глаз, и в том, с какой взвинченностью пели солдаты революционные песни, в отрывистых звуках «Марсельезы». Но было уже видно, тревога переходила в твердую решимость: будь что будет, а от своего не отступим. Да и поздно было отступать. Ровно в десять часов грянут залпы.

Затаив дыхание ждали этого момента. И он... не наступил. В этот раз не наступил. Стрелки на часах медленно переползли роковую цифру, а огня по лагерю никто не открывал.

Солдаты обнимались, целовались.

— Победа!

— Кишка тонка, у генерала-то!

— Сам струсил!

— Оно так, братцы, стоять на своем — всего добьемся!

Стихийно возникшая демонстрация приобрела новую силу. Три оркестра слились в один, и по всему лагерю понеслись звуки «Марсельезы». Тысячи солдат дружно пели эту революционную песню, а охранявшие лагерь французские солдаты в стойке «смирно» слушали свой национальный гимн.

Почему же Занкевич не открыл огонь по лагерю? Почему не применил оружие?

Ларчик просто открывался — генерал не имел в руках послушных солдат: на солдат 3-й бригады положиться было нельзя, их еще не успели до конца одурманить, а переговоры с командующим 12-м Лиможским округом генералом Комби ни к чему не привели.

Лагерь Ля-Куртин охраняли старики-пуалю и новобранцы, едва достигшие девятнадцати лет. Французский генерал не особенно на них надеялся и запросил надежные войска с фронта и из других департаментов Франции. А Занкевичу было заявлено, что усмирение ля-куртинцев — дело огромной ответственности, престижа Франции, и на это нет особого приказа военного министра. Солдаты 3-й бригады, воспользовавшись этим, заявили, что только вместе с французами могли бы участвовать в подавлении мятежа. Французы же, видя, что 3-я русская бригада отказалась действовать против соотечественников, не только не решились сделать это самостоятельно, но снялись с места и ушли в пункты своего расквартирования. Вот почему приказ-ультиматум генерала Занкевича не был выполнен.

Тем временем ля-куртинцы взялись за наведение порядка в руководстве. Было собрано экстренное совещание представителей ротных, батальонных и полковых комитетов обновленного состава и оставшихся верными революционному делу членов отрядного комитета. Разговор был коротким. В состав нового отрядного комитета были избраны младший унтер-офицер Глоба — председателем, Ткаченко — заместителем, а членами Смирнов, Фролов, Баранов, Симченко, Иванченко, Варначев и Лисовенко. В состав членов отрядного комитета было решено ввести также всех председателей ротных комитетов и комитетов пулеметных команд. Председатели полковых и батальонных солдатских комитетов в составе отрядного солдатского комитета находились ранее.

Тут же постановили усилить охрану лагеря, соблюдать строгий порядок, начать занятия в ротах и командах по стрелковому делу, изучению оружия и строевой подготовке — всего по три часа в день, с 9 до 12 часов.

Шли главным образом строевые занятия, чтобы показать французскому и русскому начальству: перед ним не бунтовщики и деморализованные «бывшие» солдаты, а настоящие организованные военные части.

Вот они стройно маршируют, четко выполняют приемы с оружием, соблюдают равнение в шеренгах и образцово выполняют команду: «Круг...ом — марш!», поданную под левую ногу: еще шаг и правая нога выносится на уровень левой, четкий поворот, и вновь левая нога твердым шагом начинает движение в обратном направлении, и этот первый шаг, как хлопок, раздаётся о сухую каменистую землю лагерного строевого плаца. Сходились шеренга на шеренгу, четко выполнялась команда «На-а-а ру-ку», и с треском ложились ружья на левую ладонь, и шеренги шли,

ощетинившиеся штыками, вперед и с криком «ур-ра» бросались вперед друг на друга, демонстрируя сквозную атаку...

Смотрите, господа генералы, смотрите! Весь лагерь, свыше двенадцати тысяч солдат, на строевых плацах и площадках проводит строевые учения. Это внушительно, и еще как внушительно! Это без слов говорит о том, что в бригаде существует организованный воинский порядок, крепкая воинская дисциплина и повиновение комитетам — они здесь верховная власть и больше никто! Смотрите, господа генералы: такая сквозная атака может обрушиться на тех, кого вы пошлете в качестве усмирителей. Смотрите...

И вот новая весть: поступило предложение от комитета 3-й бригады и генерала Занкевича о мирном воссоединении бригад. Снова идут оживленные толки в ротах и командах: как быть, что ответить?

В обращении комитета 3-й бригады говорилось:

«Что вы делаете, куда вы идете? Пожалейте себя и свои семьи! Вы не выполнили приказа Временного правительства, вы нарушили законы. Знайте же, что ожидает тех, кто идет против законов. Временное правительство уже высказало мнение — наказать смертью изменников, ибо те, кто идут против установленных законов, мешают работе правительства. Сердце вашей матери-родины будет обливаться кровью, когда она узнает, что сыны ее, посланные ею, нарушили ее волю и законы. Мы даем вам последнюю возможность вернуться к нам... Мы примем в наши ряды тех, кто неосознанно заблудился, но не тех, кто вывел вас на преступный путь. Ваши вожак ушли от вас, они пришли, чтобы иметь возможность вернуться в Россию. Идите и вы; сейчас или никогда!

Комитет 3-й бригады».

Предложение генерала Занкевича было куда мягче, чем обращение комитета 3-й бригады: в нем не чувствовалось угроз и упреков, лишь настойчиво подчеркивалось, что «к старому возврата быть не должно». Но фактически он предлагал то же самое: соединиться с 3-й бригадой.

Председатели ротных комитетов после обсуждения этого предложения на собраниях рот и пулеметных команд собрались в отрядном комитете, чтобы принять окончательное решение. После горячих споров решили собрать общий митинг бригады, на котором призвать солдат довериться обещанию командования и выйти на мирное соединение бригад без оружия. Митинг прошел, как всегда, бурно. После горячих споров пришли к общему мнению — принять предложение Занкевича.

Что руководило действиями нового состава отрядного комитета, в частности унтер-офицера Глобы, который лишь накануне был ярым противником компромисса? Да, это было похоже на компромисс. Но только похоже. Глоба был уверен, что Занкевич затевает ловушку. Тем лучше.

Нужно умело выйти из этой ловушки. Тогда солдаты воочию увидят, чего стоят генеральские слова, тогда никакие обещания уже не смутят солдатскую душу. Это был настоящий политический маневр.

Действовать решили так: идти к назначенному месту поротно, в походном порядке. Вещи и оружие оставить в лагере, а чтобы лагерь не оказался беззащитным, для его охраны от каждой роты и пулеметной команды нарядить по взводу во главе с членом ротного и командного солдатского комитета. Им дали наказ: быть в полной боевой готовности, пулеметчикам дежурить у пулеметов. Из лагеря должно было уйти около семи тысяч человек, в Ля-Куртине оставалось более трех тысяч надежных солдат.

5

С утра 4 августа начались сборы. А долго ли собраться солдату! Подутьюжил гимнастерку, начистил сапоги, подогнал снаряжение — и готов в путь. Пусть видят генералы, что Ля-Куртин, маленький очажок русской революции на французской земле, — это не сборище «бунтовщиков», как их живописует буржуазная пресса, а боевая, организованная, дисциплинированная сила. Каждый как-то подобрался внутренне, напрягся в ожидании предстоящей встречи. К полудню построились в колонны и двинулись по дороге на Клерво. Во главе — отрядный комитет, полки и батальоны тоже ведут свои вожаки. И звучит оркестр, будоража солдатские сердца, и взлетают над строем боевые, с соленой солдатской шуткой песни.

Сразу же по выходе из лагеря — толпы французов. Они явно удивлены: куда это вдруг направились русские солдаты? И когда узнают цель похода, стараются предостеречь: дескать, не попадите в лапы своему начальству. Приветственно машут, жмут руки. А впереди, меж холмов и деревень, вьется дорога. Что ожидает солдат там, за этими холмами и деревеньками?

Не прошли и четырех километров, как показалась группа конных офицеров. Среди них — генерал Лохвицкий, его сразу узнали. Глоба по всей форме доложил ему: так и так, мол, бригада, согласно приказу генерала Занкевича, идет на соединение со своими соотечественниками.

Расчувствовался генерал Лохвицкий, глаза увлажнились. Спешился. Подошел к членам отрядного комитета:

— Хвалю, хвалю, братцы, за послушание. Всегда был уверен, что русский человек никогда не посрамит своей матушки-Родины.

Ему отвечали сдержанно, немногословно.

— Наше желание прежнее — отправка в Россию.

— Солдаты ждут от вас удовлетворения своих требований.

— Ну, об этом после, после, — оживился генерал. — А сейчас построиться в парадный порядок. Не ударим лицом в грязь перед генералом Занкевичем и комиссаром Раппом. Они давно ожидают вас... Да, кстати, почему вы без вещей и палаток?

— А зачем нам они? — вопросом на вопрос ответил за всех Глоба. — Обе бригады должны вернуться в Ля-Куртин. Мы достаточно наслышаны о бедствиях солдат в Фельтэне, а в нашем лагере их ждут вполне приличные условия. Ведь таковы и планы командования?

— Да, это так, — генерал был в явном замешательстве. — Да, да, вы правы. Отдайте команду скатать шинели.

— Скатать шинели-и-и! — понеслось над строем.

На какую-то минуту колонна сломалась, зашевелилась. И снова двинулись солдаты.

Но что это?

То здесь, то там, по обеим сторонам дороги, в кустах за обочинами, виднеются группы вооруженных людей. Вон у реденьких деревьев залег пулеметчик, а в стороне показался конный отряд. Позади колонны на дорогу уже выходят солдаты с винтовками, с сумками, полными гранат. Ясно — бригаду пытаются отрезать от Ля-Куртина.

— В чем дело, господин генерал, — обратился к Лохвицкому Глоба. — Вы не выполняете ваших условий и встречаете нас во всеоружии.

— Что вы, что вы! — В голосе генерала чувствовались уже торжествующие нотки. Невдалеке виднелись белые палатки фельтэнцев, бунтовщики отрезаны от своего лагеря. — Не извольте беспокоиться, все идет так, как и предполагалось.

— Рановато играете отбой, господин генерал. Еще ничего не окончено. А ответственность за все, что произойдет в дальнейшем, ляжет только на вас.

— О, вы слишком самоуверенны. И наконец, существует субординация! Я бы на вашем месте не стал разговаривать с генералом в таком тоне.

— Это наш, революционный тон, господин генерал. Смеею вас заверить, что вы услышите еще не то.

Но вот и место встречи бригад. Тут комиссар Рапп, полковник Сперанский. Из только что подъехавшего автомобиля выходит генерал Занкевич. К нему направляется Лохвицкий, не без рисовки козыряет, с почтительной улыбкой склоняется к генеральскому уху. Лицо Занкевича тоже расплывается в довольной улыбке. Он подходит к колонне, громко говорит:

— Спасибо, братцы, спасибо за послушание. Так и должны поступать русские воины. Я донесу Временному правительству об этом — не побоюсь такого выражения — историческом событии. Своим приходом вы доказали преданность родине, своему солдатскому долгу...

Глоба перебил его:

— А вы, господин генерал, доказали, что способны на обман.

Генерал пропустил слова Глобы мимо ушей — будто того и не было рядом. Он обращается непосредственно к солдатам, явно заискивая, стараясь сбить их с толку. А те стоят молчаливые, хмурые. Они уже успели осмотреться и заметили — в придорожном бурьяне торчат вехи. Конечно же, они обозначают места разбивки палаток. Стало быть здесь и предполагается раскинуть лагерь.

— Сейчас подадут кухни, вас хорошо накормят — не так, как кормили в Ля-Куртине. — Злорадная улыбка заиграла на лице Занкевича. — Тогда и разговаривать будет веселее. Правду я говорю, братцы?

Настороженная тишина по-прежнему стояла над строем. Генерал обернулся к кучке офицеров:

— Господа, прошу вступить в командование ротами и командами.

Офицеры неуверенно подошли к своим бывшим подразделениям. Появились и начальник четвертой пулеметной команды штабс-капитан Сагатовский и лейтенант французской службы Кошуба. Они встали перед командой пулеметчиков — их встретили молча, не отвергли, но и не приветствовали.

А полковник Сперанский уже подавал команду:

— Первый полк, направо, второй — налево...

И тут напряженная тишина будто переломилась.

— Отставить! — Голос Глобы прозвучал резко, как выстрел.

Офицеры недоуменно повернулись в его сторону.

— Что это значит?! — Гнев мгновенно обескровил лицо генерала Занкевича. — По какому праву?!

— По праву революции, господин генерал!

И тут все смешалось. Солдаты сломали строй, придвинулись к генералу и окружавшим его офицерам.

— Позор!

— Кровопийцы!

— Обман!

— В лагерь!

— Нас не возьмешь!

Среди незаметно сгустившихся туч ослепительно блеснула молния, и тут же ударил гром. Крупные капли дождя полоснули по людям, лошадям,

по бурьяну, по захлопавшим крыльями белым палаткам... Это был полетному короткий, пронсящийся вихрем дождь. У кого-то из офицеров сорвало фуражку, и она покатила в бурьян, денщик бросился за ней.

Глоба посмотрел в глаза Лохвицкому:

— Вы не хотели слушать меня, теперь с вами говорят обманутые вами солдаты. Слушайте же!

— Молчать! — неистовствовал Занкевич.

Глоба поднял руку, солдаты приутихли.

— Шутки в сторону, господин генерал. Вы решили заманить нас в ловушку. Но мы не дадим себя в обиду. Вы отрезали нас от лагеря. Уберите ваших солдат, иначе кровопролития не миновать, мы прорвем заграждение.

В это время к генералу Занкевичу подлетел конный офицер. Все узнали в нем генеральского адъютанта. Он подал своему начальнику пакет. Генерал нервно разорвал его, достал бумагу, быстро пробежал ее глазами, поморщился, передал Лохвицкому.

— И здесь неудача, — процедил он сквозь зубы.

Глоба моментально сообразил, в чем дело. Ну конечно, план Занкевича не ограничивался тем, чтобы выманить бригаду из Ля-Куртина, предполагалось, видимо, и захватить опустевший лагерь... Не зря, значит, оставили там крепкое охранение.

Так оно и было. Адъютант доставил генералу донесение командира отряда, посланного для захвата лагеря, складов оружия и боеприпасов. Если бы Глоба мог прочитать тогда это донесение, он узнал бы, что все случилось так, как он и предполагал. Командир отряда сообщал: «Головная рота под командованием капитана Шмидта, наступавшая на лагерь с севера, и рота капитана Жукова, наступавшая с северо-запада на центральную часть лагеря, где расположены склады с огнеприпасами, были встречены засадами пулеметных команд и под угрозой пулеметного огня, избежав пленения и разоружения, спешно отошли. Действия отряда приостановил. Имею данные, что лагерь надежно охраняется большими силами 1-й бригады и выделенными в мое распоряжение силами четырех рот захвачен быть не может. Жду ваших указаний».

Какие уж тут могли быть указания! Хитро задуманный план рухнул. Генерал лихорадочно соображал, что же предпринять. Силой задержать бунтовщиков? Но кто знает, что из этого получится. Глоба-то открыто говорит, что будет кровопролитие. А за такое по головке не поглядят, можно и генеральских погон лишиться. Выход единственный — отпустить бригаду подброду-поздорову. Вся надежда на офицеров: пусть следуют со своими подразделениями в Ля-Куртин. Может быть, сумеют взять в руки солдат. Он

о чем-то быстро переговорил с Лохвицким, тот понимающе кивнул, подошел к колонне.

— Приказ о вашем разоружении отменен...

— А что вам остается делать? — ответил Глоба.

По рядам солдат пробежал смешок.

— Под командованием офицеров вы вернетесь в лагерь, приступите к планомерным занятиям. Дальнейшие указания последуют.

По лицам офицеров было видно, что такой оборот дела им не по душе. А куртинцам это было даже выгодно. Офицеры как бы служили заложниками. Теперь путь в лагерь открыт: колонна не будет обстреляна — такую возможность нельзя было сбрасывать со счетов.

Подгоняемые дождем, солдаты двинулись обратно. По пути руководство отрядного комитета было оповещено о том, что специальные роты 3-й бригады совершили попытку захватить оружие и лагерь Ля-Куртин, но благодаря заблаговременно принятым мерам удалось отразить эти попытки, и налетчики спаслись бегством, причем несколько солдат добровольно остались в Ля-Куртине.

— Ускорить движение, — распорядился Глоба.

К вечеру 1-я бригада благополучно вернулась в лагерь. Господам офицерам вновь отвели их помещения, а в офицерском собрании был устроен хороший ужин. Но офицерам явно было не по себе. Они слонялись по лагерю, провожаемые насмешливыми взглядами солдат. Никаких прав у них не было, все роты и полки по-прежнему выполняли только распоряжения председателей солдатских комитетов. «Бывшие» понимали, что изменить это положение невозможно.

Наутро господ офицеров в лагере не оказалось. Они удрали. А после стало известно: чтобы реабилитировать себя перед Занкевичем, офицеры заявили, что куртинцы под руководством своих вожаков из комитетов готовили над ними расправу. Занкевич с Лохвицким, разумеется, не верили им, но использовали это заявление как повод для дальнейшего нажима на отрядный комитет 1-й бригады.

Пулеметчики умылись и готовились к скудному завтраку, а Ванюша уже успел сбегать в отрядный комитет. Он-то и принес в команду новость о побеге из лагеря офицеров.

— Ну, это уж как положено быть, — протянул со своей крестьянской рассудительностью Фролов.

Женя Богдан, никогда не падавший духом, в это утро был хмурым и злым.

— Брюхо подводит, жрать охота... Ну их к едреной матери, офицеров этих. Мне Сагатовский и без того осточертел, чтобы я еще цацкаться с ним стал!

— Да не цацкаться, дурья башка! — Андрей Хольнов медленно застегивал гимнастерку. — Тут дипломатия нужна, соображаешь! Ди-плом-а-ти-я! Запкевич-то снова будет валить с больной головы на здоровую.

— Дьявол с ним, с твоим Занкевичем!

Андрей исподлобья взглянул на Жорку, но комментировать его последнюю фразу не стал. Столько уж в последнее время было передумано, переговорено, что спорить никому не хотелось.

Сбежавшие из лагеря офицеры, очевидно, уже достигли Клерво, потому что около полудня в лагерь прикатили генерал Лохвицкий и комиссар Рапп. Вместе с ними приехали несколько французских офицеров. «Ну, опять пошла волынка!» — думали солдаты, встречая гостей хмурыми взглядами. Гринько побрел в отрядный комитет — снова должны были состояться осточертевшие ему переговоры.

Так и есть! Но французские офицеры приехали с Лохвицким и Раппом неспроста. Теперь они пели несколько иные песни: вы находитесь на территории Франции, и французское правительство не может дальше терпеть на своей территории беспорядков, вносимых вами. А потому, если не хотите добром сложить оружие по требованию русского командования, французское правительство будет вынуждено применить к вам свои санкции. Вот, дескать, до чего докатились вы, бунтовщики!

Комитету была хорошо ясна подоплека этих песен. Дело в том, что у генерала Занкевича все больше и больше угасала надежда на солдат 3-й бригады. Его посулы и подачки не могли иметь продолжительного действия. И среди этих «преданных» Временному правительству войск начиналось настоящее брожение. Кстати, вчера к колонне куртинцев, возвратившихся в свой лагерь, присоединилось немало солдат 3-й бригады. Где гарантии, что вся бригада, над которой по-прежнему висела угроза отправки на Салоникский фронт, не переметнется во враждебный стан?

Особенно воинственно был настроен комиссар Рапп. Спокойствие на этот раз совсем ему изменило.

— Большевики! Ваше дело проиграно! — кричал он Глобе.

Глоба усмехнулся:

— Да, мы верим большевикам, Ленину, и нам с вами не по пути, вы это отлично знаете. Ведь вы меньшевик, социал-предатель. Где ваши убеждения? В свое время вы эмигрировали во Францию. Трудно сказать

почему. Началась война — и вы идете добровольцем во французскую армию. Наконец, Временное правительство назначает вас своим комиссаром. О, этот выбор оправдан: вы удовлетворяете все вкусы — и теперешнего правительства, и меныневистско-эсеровского руководства Петроградского совета, и французского правительства...

Комиссар Рапп зло прищурил глаза:

— Вы хорошо знаете мою биографию.

— Каждый солдат должен знать своего противника, правильно его оценивать.

— Вот как, противника?

— А разве мы друзья? Тогда давайте и разговаривать, как друзья, единомышленники.

— Генерал, — комиссар легким кивком повернул разгневанное лицо к Лохвицкому, — я считаю наше дальнейшее пребывание здесь бесполезным.

Французы молча наблюдали эту сцену. По всему было видно, что они не желали ввязываться в спор. Пусть русские сами решают свои проблемы. Взгляды французского правительства на этот счет известны: пока русские войска послушно шли в бой, французы отдавали им всяческие почести. Но терпеть на своей территории беспорядки они не намерены. Теперь о солдатах русского экспедиционного корпуса нельзя судить как о военной силе, теперь они просто нежелательны во Франции. Об этом Временное правительство поставлено в известность и рассмотрело «возбужденный французским правительством вопрос». Известно также, что русский министр иностранных дел Терещенко и военный министр Керенский сошлись на необходимости убрать из Франции свои войска, предварительно «восстановив в них порядок». Но отправить не в Россию, а на Салоникский фронт. Этот вопрос обсуждался и в Ставке. Верховный главнокомандующий Брусилов и другие генералы поддержали мнение Керенского и Терещенко. Совсем недавно Терещенко телеграфировал сменившему Извольского поверенному в делах Франции Севастопуло, что эвакуация 1-й Особой дивизии в Россию «чрезвычайно нежелательна как с общей точки зрения, так и, в частности, ввиду недостатка тоннажа, ибо перевозка войск пойдет в ущерб доставке в Россию закупленных в Англии и Франции военных материалов». Терещенко настаивал на подавлении волнений и отправке дивизии на Салоникский фронт. «Перевозка эта, — телеграфировал он, — могла бы производиться эшелонами, что позволит выяснять в пути и устранить остальных нарушителей порядка и, таким образом, окончательно оздоровить войска».

Обо всем этом были прекрасно осведомлены французские военные представители, а потому молчаливо следили за ходом переговоров. Они,

конечно, хорошо понимали дипломатичность слов о «недостатке тоннажа». Франция охотно предоставляла тоннаж для перевозки из России новых контингентов войск в связи с их убылью после тяжелых боев. Ларчик открывался просто: пусть русские войска убираются из Франции на Салоникский фронт и вливаются в состав все той же французской армии, действующей там.

Но если не в подробностях, то в сути своей создавшееся положение знали и в отрядном комитете Ля-Куртина. Поэтому никаких уступок Занкевичу, никаких компромиссов! Об этом и было заявлено со всей определенностью генералу Лохвицкому.

Лохвицкий слегка дотронулся пальцами до козырька своей фуражки и стал тихо что-то говорить по-французски представителям союзной державы. Унтер-офицер Глоба с остальными членами комитета спокойно ждали. Наконец генерал расстегнул портфель и вынул оттуда лист бумаги. Протянул его Глобе:

— Это ультиматум. Потрудитесь прочитать и довести его содержание до всех солдат.

Глоба пробежал глазами документ, усмехнулся: ничего нового. Сдать оружие, выдать вожаков, возобновить учения... В случае неподчинения... и т. д.

— Все то же, господин генерал. Снова приказы, угрозы... Печально. Разумеется, мы огласим этот ультиматум, но не обольщайтесь: ничего у вас не выйдет.

Предсказания генерала Лохвицкого относительно того, что в действия вступят французские войска, начало осуществляться. Сам генерал Комби посетил лагерь. Короткие переговоры с французским военным комендантом лагеря подполковником Фариним. Честный человек, достаточно насмотревшийся на мытарства русских солдат, он говорил правду. Как ведут себя солдаты? О, мой генерал, это хорошие люди. Но они доведены до крайней меры страданий. Их можно понять. Есть ли жалобы от граждан окрестных сел и мэров общин? Что вы, мой генерал, русские — порядочные люди.

Но все-таки французские войска были стянуты к Ля-Куртину. Окружение лагеря прошло по всем правилам военного искусства. И, как бы в насмешку, войска эти именовались «войсками защиты».

Наступили еще более тревожные времена. Связь с внешним миром прервана. Зловещее затишье. Голод. Кое-кто предлагает пустить в расход неприкосновенный запас. Отрядный комитет на это не идет: впереди тяжелые испытания. Отдельные группы солдат совершают вылазки за

пищей — французские крестьяне помогут. Но мало кто вернулся назад — почти все попали в лапы французских патрулей.

Голод. Нескончаемая тоска по России, по семьям, по родной земле.

У Петра Кидяева вскрылась рана на ноге. Он снова отправлен в госпиталь... Что будет с ним?

В лагерь опять прибыли представители французского командования и по разрешению отрядного комитета созвали собрание всех поляков, которые служили в 1-й бригаде. Им было сообщено, что французское правительство разрешило полякам сформировать свою национальную армию. В нее войдут граждане польской национальности, проживающие во Франции. Задача этой армии — бороться за независимую Польшу.

Из четвертой пулеметной команды записались в формируемую армию все поляки — их оказалось пять человек во главе с наводчиком 6-го пулемета Яном Гуйским — белообрый парнем из-под Варшавы.

Жорка Юрков начал было, конечно, хлопотать над проводами товарищей. Однако денег ни у кого не было. Оставалась надежда на Антона Корсакова, прижимистого парня, у которого — Юрков это знал — еще были франки. Жорка уговаривал его раскошелиться, но Антон не поддавался. Тогда Юрков намекнул Антону, что тот тоже вроде поляк. Почему, мол, не записываешься в польскую армию? Антона, истинного литовца, это задело за живое, и он послал Жорку ко всем чертям.

Так и пришлось проводить поляков «насухую». Но провожали тепло, сердечно.

Всего их набралось в 1-й бригаде около сотни.

Вдруг еще одна новость: вернулся из России старший унтер-офицер Второв, один из членов делегации, посланной еще в мае, чтобы известить Временное правительство о бедственном положении русских солдат во Франции. Ну, прибыл человек из России — как не послушать своего посланца! Да и встретить надо по всем правилам. Полки и батальоны выстроились на плацу, принесли с собой знамена, лозунги... Говори, дорогой товарищ, о родине, о революции, готовы слушать хоть десять часов кряду.

Да только не услышали солдаты долгожданного доброго слова о России. Битых два часа говорил Второв по бумажке, да все про тот же голод, разруху, наподобие Сватикова. У солдат аж гуд пошел по ногам — сели. Кто-то не выдержал:

— Брось, паря, вольты эту!

— Ты лучше скажи, почему один объявился. Вас два десятка было, посланцев. Где же остальные?

Второв сначала замялся, — видать, трудно без бумажки-то. Потом понемногу разговорился:

— Ну, как где? Стало быть, приняли нас как полагается, обсказали мы все честь по чести. Надо обратно возвращаться. А на что ехать? Денег от вас нет. Ну, мы к военному министру, Керенскому: так и так, отправьте нас во Францию обратно. Никакого ответа нет. Мы — в Генеральный штаб. Тоже виляют. Ничего, мол, не можем сделать ввиду недоразумения, которое произошло среди русских войск во Франции...

При этих словах Второва загудели солдаты.

— Ничего себе, недоразумение!

— Нам в Россию надо. Недоразумение!

— Ишь какие разумные там сидят!..

— А вы-то что же слушали, как бараны?

Второв совсем смешался:

— Что скажешь, братцы. Конечно, кто посмелее, начали добиваться. А им говорят: куда вы поедете, скоро войска из Франции будут отозваны, мы вас пошлем в действующую армию по усмотрению главного управления войсками. Вот так. Нет, говорим, не согласны. Вот одного меня и пустили, остальных всех — в действующую армию русского фронта.

— Уберегся, значит?

— Чем же ты ко двору-то им пришелся? Почему одного пустили?

Второв развел руками:

— Это уж мне неведомо.

Помолчал немного, и вдруг — как петушок, как тот Сватиков:

— Россия в беде, братцы! Порядка нет, народ бунтует. А большевики эти, шпионы немецкие, затевают какую-то социалистическую революцию!

Теперь куртинцам стало окончательно ясно, кто стоит перед ними. Трус. Предатель солдатских интересов. Видать, крепко обработали его меньшевики да эсеры.

— Ты большевиков не касайся, ты о нашей беде скажи!

— Долой такого делегата!

— Ён за буржуев, долой ево!

— Небось других делегатов не направили — тебя одного. Значит, понравился ты дюже со своим кулацким нутром!

— Скажи, сколько тебе заплатили за эти песни!

— Долой его, тyani с трибуны!

— Потрясти его как полагается, может, что путное выпадет!

— Ха-ха! Держи карман шире, акромья дерьма, ничего не получишь!

Дальнейшее выступление Второва было невозможным, и он поспешил убраться с трибуны. Ему, старшему унтер-офицеру, сынку известного иркутского купца, было не по пути с куртинцами. Кстати, вскоре он сбежал в Фельтэн.

Солдаты толпами расходились по своим казармам, ругая на чем свет стоит купеческого отпрыска. Как-то так всегда получалось, что бригада организованно выходила на встречу и хорошо проводила построение, но кончалось дело всегда стихийно, и никому не хотелось наводить порядок. Так случилось и на этот раз. Пулеметчики шли гурьбой, обсуждая сказанное делегатом.

— Слышал я, братцы, про этого иркутского купца Второва, — говорил Степан Кондратов. — Матерый, сказывают, купец, настоящий живодер. Ну, и сынок такой: яблоко от яблони недалеко падает...

Не одного Второва стянули с трибуны куртинцы. Зачастили к солдатам разные представители — то французы, то русские. Побывали эмигранты-оборонцы: Смирнов, Русанов, Иванов, Туманов. Потом пришли какие-то «уполномоченные» Совета рабочих и солдатских депутатов — Эрлих, Гольденберг... Кто уполномочивал этих людей и какое отношение имеют они к солдатам и рабочим, было неизвестно. И все считали своим долгом образумить заблудших солдатиков 1-й бригады, наставить их на правильный, революционный путь...

А однажды лагерь посетили социалисты-революционеры — Морозов и Зензинов. И вот Морозов, надрывая свой старческий голос, доказывает, что мать-Россия, только что освободившаяся от рабских цепей неволи, нуждается в сыновней защите.

— Кто ее защитит, если не вы?! Надо подчиниться своим начальникам и кончить это печальное дело. Поверьте нам, старым революционерам, мы всю свою жизнь посвятили борьбе за ваше освобождение от цепей царизма, и мы теперь вправе сказать вам правду: заблуждаетесь вы, сыны наши! Перестаньте слушать своих большевистствующих вожаков и станьте на честный путь, откликнитесь на зов своей матери-родины.

Солдаты молча выслушали старика, но, когда на трибуну поднялся журналист Туманов, пожаловавший с Морозовым, и стал доказывать, что дальнейшее сопротивление бесполезно, что требования куртинцев противоречат интересам революции и народа и поэтому народ отвернулся от куртинцев, солдаты загудели:

— Долой!

— Стягивай с трибуны чернильницу, чтобы не ляпал грязью!

— Правильно, души его, чтоб не брехал!

Тем обычно и кончалась контрреволюционная агитация эсеров среди куртинцев.

...А взбудораженная 3-я бригада продолжала тревожить командование русских войск во Франции. Вдруг она присоединится к 1-й бригаде или найдет контакт с ля-куртинскими бунтовщиками? Это опасение разделяло и

французское командование. К обоюдному удовлетворению, было решено 3-ю бригаду отправить куда-нибудь подальше. В районе Бордо, на юго-западном побережье Франции, был подобран лагерь Курно, который строился для размещения африканских черных частей. Сюда-то и решили направить 3-ю бригаду.

Спешно запросили согласие военного министерства Франции. Там согласились. И вот 3-я бригада, погруженная в эшелоны, двинулась к новому месту. Теперь от Ля-Куртина ее отделяло большое расстояние.

В Курно переехало и все русское военное начальство со своим штабом. Так-то оно безопаснее!

Глава седьмая

1

До приезда Второва многие в Ля-Куртине еще наивно полагали: Временное правительство просто не знает о бедственном положении русских солдат во Франции. Это, дескать, все Занкевич мутит воду, а с ним Лохвицкий и Рапп...

Но наконец глаза у солдат раскрылись. И дело было не только во Второве — целая цепь событий заставила заброшенных на чужбину людей раскусить волчью сущность новых правителей России. Что, собственно, изменилось после свержения Николашки? Опять война, опять льется кровь народная. Да за что же такое проклятие! Июльскую демонстрацию расстреляли, большевиков преследуют, Ленин, говорят, скрывается от расправы.

И звучат уже над Ля-Куртином боевые революционные лозунги:

— Долой войну!

— Долой Керенского!

— На борьбу с контрреволюцией!

Приходили в Ля-Куртин вести, что только большевики — единственная партия, которая требует возвращения из Франции русских солдат. Еще тогда, когда тысячи сынов России легли под Бримонном и Курси, а Временное правительство переживало кризис, сюда, за многие версты от России, каким-то чудом проникла газета «Социал-демократ». Ванюша помнит эту газету и статью в ней. Да что помнит — носит ее в кармане, уже потрепанную на сгибах, зачитанную до дыр. Статья так и озаглавлена — «Друзья Николая Кровавого». А в ней — режущие душу слова: «Может ли русский народ считать себя народом, окончательно свободным от царского ига и от владычества империалистической буржуазии, когда верные друзья Николая... распоряжаются русскими солдатами, завезенными во Францию, когда остаются в силе неизвестные народу тайные договоры, заключенные Николаем с его верными друзьями».

Вот уж правда, истинная правда... Стало быть, хрен редьки не слаще — что Николай, что Временное правительство.

Узнали солдаты, что из Бреста в Россию скоро отправятся два парохода с инвалидами. Стали писать письма, — может, удастся передать на родину. Да пусть прямо в большевистскую газету передадут, в «Социал-демократ».

И по вечерам пишут солдаты, пишут корявыми буквами, мусоля огрызки карандашей... Вот выводит солдат горестные слова:

«...С 3 по 6 апреля мы взяли у немцев форт Курси, который едва ли взяли бы другие войска Франции (под этим фортом уже легло три дивизии чернокожих), но мы, как союзники, показали свою доблесть и сделали то, что нам было приказано. Но с 6 апреля и до теперешнего дня мы уже не на фронте и, может быть, больше туда не попадем... Мы сейчас находимся на военном положении, так как около нас стоят французские патрули; жалование и суточные нам не дают... Верно, за боевой подвиг, за взятие Курси... Почему нас не отправляют в Россию?.. Офицеры желают вернуть старый режим, но наша бригада не такова. Мы ждем, когда наши братья солдаты заберут нас отсюда. Давно, давно не видали родимых полей...»

И другой склонился над бумагой, медленно пишет, старательно, почесывая затылок, подолгу глядя на оплывающую свечу:

«...Мы, солдаты революционной России, в настоящее время находимся во Франции не как представители русской революционной армии, а как пленные, и пользуемся таким же положением... Наш генерал Занкевич выдает нам на довольствие на каждого человека 1 франк 60 сантимов, или русскими 55 копеек. Что хочешь, то и готовь на эти жалкие гроши себе для суточного пропитания. Жалование с июля месяца совсем не дают... Мы в настоящее время арестованы и окружены французскими войсками, и нет выхода. Поэтому я от имени всех солдат прошу и умоляю вас, товарищи великой революционной России, услышьте этот мой вопль, вопль всех нас, солдат, во Франции. Мы жаждем и с открытой душой протягиваем вам руки — возьмите нас туда, где вы...»

Долгий путь предстоит этим письмам. Лишь спустя полтора месяца попадут они в Россию и будут напечатаны в «Социал-демократе», К этому времени суровая расправа настигнет их авторов и всех, кто борется сейчас в Ля-Куртине за свои права. Но письма сыграют свою роль. Уже надвигается гроза над головами временных правителей, качается под их ногами земля...

...А пока Временное правительство руками своих русских приспешников и французских союзников готовило над ля-куртинцами жестокую расправу.

Проездом в Салоники во Франции оказалась 2-я Особая артиллерийская бригада. Ее-то Временное правительство и решило использовать в качестве усмирительной силы. Для этой цели им подходил и начальник бригады генерал Беляев. Это был брат царского военного министра, арестованного восставшим народом в февральские дни 1917 года. Теперь Беляев пользовался полной поддержкой Временного правительства, которое, кстати, и произвело его в генерал-майоры...

В середине августа делегация, избранная артиллеристами, прибыла в Ля-Куртин.

Встретили ее, как и полагается встречать земляков, тепло, дружески, с воинскими почестями. Разумеется, состоялся митинг. Послушали артиллеристы солдат, посмотрели на их житье-бытье и в один голос заявили: правильно действуете, требования ваши справедливы и законны.

Опростоволосился Занкевич. Но отступить был не намерен.

Дело в том, что бригада прибывала во Францию эшелонами. Из первого же эшелона и была направлена в Ля-Куртин делегация. Занкевич торопился, у него не было времени утруждать себя подбором подходящих людей. И «случайные» делегаты не оправдали его надежд — не согласились с генеральскими домогательствами о вооруженном подавлении революционного лагеря.

Но вслед за первым во Францию прибыл второй эшелон бригады. Теперь Занкевич и Рапп действовали уже умнее. Артиллеристов соответствующим образом «обработали», сыграли на патриотических чувствах — вы, мол, идете сражаться за матушку-Русь, а бунтовщики отсиживаются в тылу. И вот новая делегация артиллеристов явилась в лагерь. Снова состоялся митинг. Артиллеристы сразу же обрушились на куртинцев. Но обливать себя грязью солдаты не дали. Глоба быстро прервал руководителя делегации:

— Мы поняли, с чьего голоса вы поете. Здорово же вас нашпиговал генерал Занкевич контрреволюционными идейками. Что же делать? Как говорится, вот вам бог, а вот порог. Передайте вашим хозяевам: оружия мы не сдадим, а в Россию вернемся.

— Правильно! — поддержали Глобу остальные члены отрядного комитета.

— Очень жаль, — сконфуженно пожал плечами глава делегации.

Ля-Куртин сразу же почувствовал результаты переговоров с артиллеристами. Снова был снижен и без того голодный паек. Теперь солдаты должны были довольствоваться 300 граммами хлеба и 75 граммами мяса в сутки... Совершенно лишались фуража лошади. Теперь по ночам лагерь оглашался жутким ржанием животных — тоскливым, голодным...

Отрядный комитет принял решение вскрыть неприкосновенный запас. Остатки фуража пошли на то, чтобы поддержать наиболее упитанных лошадей — это был живой запас мяса. Остальные лошади гибли от бескормицы.

А в «верхах» шла оживленная переписка. Комиссар Рапп просил у французского военного министра Пенлеве разрешения использовать часть войск 2-й Особой артиллерийской бригады для подавления восставших.

Такое разрешение тотчас же поступило. Пенлеве торопил с проведением карательной операции, явно подталкивая события. И ставленники Временного правительства благословясь принялись за дело. Занкевич уведомил Пенлеве, что из состава 2-й Особой артиллерийской бригады сформирован отряд, состоящий из одной батареи и батальона пехоты. Генерал просил военного министра принять меры для быстрейшей переброски отряда из Оранжа, где располагались артиллеристы, в Обюссон, и для обеспечения карателей винтовками, высказывал свои соображения об усилении французских войск, оцепивших Ля-Куртин...

Командующий XII военным округом генерал Комби получил от генерала Фоша задачу обеспечить размещение прибывающего в Обюссон из лагеря Оранж отряда 2-й артиллерийской бригады русских войск, выделить оружие и огнеприпасы для формирующегося батальона пехоты с двумя пулеметными ротами по двенадцати пулеметов в каждой и двух артиллерийских батарей 75-мм пушек. Предлагалось провести с этими формированиями пяти-, шестидневный курс обучения и практические стрельбы. Этот срок был определен генерал-майором Занкевичем, с которым генерал Комби должен был уточнить все другие вопросы.

На всякий случай в распоряжение генерала Комби выделялись: 19-й пехотный полк, 21-й драгунский полк и 75-мм пушечная батарея. Эти силы следовало использовать против мятежных русских солдат в лагере Ля-Куртин, но только в случае, если карательные действия русских войск постигнет неудача, и не иначе как по письменной мотивированной просьбе генерала Занкевича.

После разгрома мятежного лагеря Занкевич предполагал предать суду военного трибунала всю его революционную верхушку — восемьдесят человек, изолировать наиболее активных солдат — около тысячи, а потому заранее просил подготовить помещения, где бы он смог разместить этих солдат под охраной французов... Проще говоря, ему нужны были тюрьмы. И на эти просьбы генерал Занкевич получил положительный ответ.

Наконец Пенлеве запросил от Занкевича конкретный план действий. И таковой был представлен. С утра 27 августа должна была начаться жесткая блокада лагеря, полное прекращение снабжения. Все войска — и русские и французские — поступали в распоряжение Занкевича. Начальником сводного отряда русских войск был назначен генерал Беляев, общее командование французскими частями осуществлял генерал Комби.

Последовало новое сокращение продовольственного пайка — 150 граммов хлеба, 40 граммов мяса, никакого приварка... Начали забивать лошадей...

А лагерь жил. Больше того, строго соблюдался воинский порядок. Пулеметчики регулярно занимались по три часа в сутки. Они исправно несли службу по охране лагеря, хотя стали сумрачнее и злее. Иван Гринько по-прежнему выполнял обязанности председателя комитета, а стало быть, и старшего начальника в пулеметной команде. Спуску никому не давал: требовал строгого порядка и дисциплины, а главное — приказал держать в полной исправности и готовности пулеметы с необходимым запасом патронов. Нужно сказать, что пулеметные команды были надежным костяком мятежной бригады, показывали пример стойкости и революционности.

Ванюша теперь стал «товарищ председатель». Он своевременно и точно информировал пулеметную команду о всех заседаниях и решениях, которые принимал отрядный комитет, строго проводил их в жизнь. Опираясь на крепкое единодушие всего солдатского комитета команды, Ванюша не допускал никаких колебаний среди пулеметчиков. Правда, четвертая пулеметная команда значительно уменьшилась. Некоторая часть куртинцев, сломленная тяготами блокады, покинула лагерь. Ушел кое-кто и из пулеметчиков. Теперь команда насчитывала в своем составе около шестидесяти человек, но имела строгий расчет на восемь пулеметов. Блокада сказалась только на общем настроении пулеметчиков: они были молчаливы, редко-редко раздавался смех, да и он был полон горечи и негодования.

Появился во Франции и новый военный представитель Временного правительства — полковник Бобриков. Он счел своим долгом лично посетить и Курно и Ля-Куртин. Донес о своих впечатлениях Керенскому. Тон донесения был довольно оптимистичным. Дескать, не извольте беспокоиться — наведем порядки. Для начала ввел военно-революционные суды.

Приезжал в Ля-Куртин и сам Занкевич, а за ним пожаловал даже посол Севастополю. Оба они всячески увещевали куртинцев, но получили решительный отпор.

В этот день возвращения Гринько из отрядного комитета пулеметчики ждали с особым нетерпением. Все видели кавалькаду автомобилей, въезжавших в лагерь и покинувших его, все знали, что в отрядный комитет вместе с уже намозолившими глаза генералами прибыл новый посол.

— Какой-то грек, — заметил Фролов.

— Хрен редьки не слаще, — резонно ответил на это Жорка Юрков. Ванюша вошел в барак. Его сразу обступили пулеметчики. Что скажет он нового?

— Вот что, товарищи, — угрюмо сказал Гринько. — Видимо, это уже последний приезд начальства к нам в лагерь. Занкевич сказал, что теперь будет разговаривать с нами языком оружия и, как он выразился, в другой обстановке. Наверное, думает нас покорить, а потом... допрашивать на следствии, если, конечно, снизойдет до этой «вежливости».

— Ну и черт с ним! — сказал Андрей Хольнов.

— Какой привет, такой и ответ, будем драться, а так, за здорово живешь, не сдадимся, — твердо заявил Степан Кондратов.

Женька Богдан крикнул:

— А может, нам самим применить к нему оружие? Чего он раскатывает по лагерю!

— И то дело, резануть по нему из пулемета, и пускай летит в преисподнюю ко всем чертям, — добавил Жорка Юрков, — хуже нам не будет.

— Что правда, то правда, хуже не будет, — раздумчиво сказал Ванюша. — Мы стоим на самой грани отчаяния: голодны, обмануты и оклеветаны даже перед простыми французами, которые все же верят нам. Войска все плотней и плотней окружают лагерь, у нас нет другого выхода, как только твердо стоять и драться, драться до последнего и победить. Победа никогда не дается легко.

Угрюмое и серьезное лицо Ванюши, в сущности еще юнца — ему шел только девятнадцатый год — казалось значительно старше. Упрямые складки на лбу и над подбородком, который двоился неглубокой канавкой, обозначались резче, тверже. Молодость выдавал только темный пушок на верхней, слегка выпуклой губе.

— Вот, товарищи, и кончился, кажется, мирный период переговоров, — продолжал Ванюша. — Теперь надо хорошенько подготовить пулеметы, чтобы они не отказали в бою, а бой, видимо, будет упорный. Принято решение отрядного комитета усилить охрану лагеря и наблюдение, особенно в ночное время, углубить окопы.

Ванюша помолчал, потом, понизив голос, доверительно сообщил:

— А нам особое задание. Сегодня ночью выходим на разведку. Прощупаем, что творится вокруг лагеря.

— Вот это дело! — оживился Женька Богдан.

По настроению пулеметчиков чувствовалось, что они стосковались по настоящему боевому делу, готовы идти хоть в пекло, томительное ожидание выматывало им душу.

Андрей Хольнов, правда, заметил:

— Чего там разведывать? Вон из верхних этажей в бинокль все видно: роют окопы, батареи устанавливают.

— Ну, всего не увидишь, — возразил Гринько. — Надо своими руками пощупать. А ты что, не пойдешь, что ли?

— Как не пойду! — Андрей как бы обиделся даже. — Куда все, туда и я.

Когда плотная темнота окутала лагерь — вышли. Мрак скрывал пулеметчиков — они хорошо подогнули снаряжение, ничего не скрипнет и не брякнет, курить было запрещено вовсе. Шли молча. Договорились, что в случае встречи с русскими или французами будут выдавать себя за отбившихся от своей роты солдат.

Наконец до слуха пулеметчиков ясно донесся характерный лязг вонзаемых в землю лопат, шуршание отбрасываемой в сторону земли.

— Роят, сволочи, — прошептал Женька Богдан.

— Тише ты! — огрызнулся Петр Фролов. — Не напороться бы на офицера — того не проведешь.

— Офицери-и-ка! — передразнил его Женька. — Офицерики сейчас за твое здоровье вино пьют с бабами. Будут они тебе здесь в земле копать.

Гринько только хотел осадить разболтавшегося Богдана, как тот неожиданно крикнул:

— Эй, кто здесь, братцы! Курева, случаем, не найдется?

Ванюша только вздохнул сдавленно и больно сжал Женькину руку. В темноте копать перестали. Минуту длилось молчание. Потом донесся сиплый бас:

— А хто вы такие, шляетесь тут по ночам?

Послышался отчетливый стук затвора.

— Да вот отбились, понимаешь... Случаем, не слыхали, где здесь рота штабс-капитана Милованова?

Приближающиеся шаги. К пулеметчикам подошли солдаты — их было человек пять. Остановились, помялись.

Гринько подошел к ним, представился:

— Унтер-офицер Поливаев.

Солдаты заметно подтянулись.

— Так вы не в курсе дела, где располагается рота штабс-капитана Милованова? Мы только что прибыли с эшеленом, и нас направили в этот район.

— Да нет, не слыхали, — ответил за всех обладатель сиплого баса, видно старший среди солдат. — Тут сквозь все наши, артиллеристы. А за нами, — он ткнул рукой в темноту, — там французы окопались с

пулеметами. А дальше, на горе, опять же французы, батарея четырехдюймовая.

— А вас что же, в пехоту превратили?

— Да уж как есть.

Гринько сказал:

— Ну, что ж, продолжайте окапываться. Дело будет горячее. Бунтовщики при оружии, окажут жестокое сопротивление.

— Оно так. Взводный сказывал: против правительства, значит, поперли, против закону... А оно бы по-мирному лучше. Чего нам делить, смертоубийством заниматься?..

Гринько перебил его:

— Соображай, борода, соображай. Где взводный-то ваш?

— А кто его знает. С вечера-то был, а сейчас, поди, отдыхает.

— Отдыха-а-ет! — не выдержал Женька. — Где-нибудь в кафе вино жрет, а ты здесь, дурак, против своего же брата штык точишь! Врезать бы тебе по морде...

Чувствуя, что дело принимает нежелательный оборот, Ванюша прикрикнул на Женьку, и пулеметчики поспешили удалиться. По дороге Богдану крепко влетело от Гринько.

Облазили все, что можно было облазить до наступления рассвета. Возвратились в лагерь, когда уже начала рассеиваться предутренняя дымка. Остальные группы разведчиков, посланные в другие секторы, тоже были на месте.

Доложили добытые сведения отрядному комитету.

Обстановка вырисовывалась серьезная.

В подавлении лагеря должны были принять участие русские и французские войска. Очевидно, не полагаясь на тыловые части, французское командование стягивало к Ля-Куртину войска с фронта. Лагерь оказался в тесном кольце. Огневые средства карателей были размещены так, чтобы простреливались все дороги, лощины, овраги и тропы, ведущие из лагеря. В первой линии находились русские войска в составе сводного полка под командованием теперь уже полковника Готуа — две с половиной тысячи штыков, тридцать два пулемета, шесть орудий; во второй линии — пятитысячный французский отряд. Располагали французы и резервом — пехотным и кавалерийским полками с приданными батареями. Французская артиллерия заняла позиции на горных склонах, господствовавших над Ля-Куртином.

«Двухъярусное» расположение союзных войск было не случайным.

Занкевич в своих донесениях в Петроград жаловался, что в первый же день прибытия русских войск под Ля-Куртин в батальонах 5-го и 6-го

полков замечались большие колебания. Кое-кто открыто заявлял, что не пустит в ход оружие против солдат-земляков... Таких, разумеется, немедленно арестовали, но можно ли было поручиться за благонадежность остальных, не дрогнут ли они в последнюю минуту и, больше того, не начнут ли перебежать на сторону восставших?

Такого рода попытки и должны были пресечь французские войска. Они выполняли двойную функцию: были направлены против мятежников и создавали угрозу удара в спину для тех, кто вздумает поколебаться.

Отрядный комитет давно предвидел: схватка будет жестокая. Теперь это стало понятно всем. Были срочно приняты ответные меры. Прежде всего ввели боевое дежурство подразделений. Они должны были находиться в полной готовности к открытию огня, постоянно поддерживать связь с отрядным комитетом. Ночью эти подразделения усиливались, выставлялись караулы и секреты, в стан карателей посылалась разведка. Внутри лагеря все время ходили патрульные наряды, Казармы и бараки охранялись усиленным внутренним нарядом.

Напряжение передалось солдатам, они вели себя беспокойно, нервы были напряжены ожиданием неотвратимого. Всех тянуло курить, но курить было нечего. Табак давно кончился, уже забыли, когда последний раз получали, а если кое-что доставали через жителей, то делили каждую сигарету на пять-шесть частей.

Каратели тоже несли службу по-боевому: днем усиленное наблюдение, ночью — патрулирование. Разведка доносила: у французов появились чернокожие солдаты, которые считались более надежными.

Ночью наступала зловещая тишина и полная темнота: лагерь Ля-Куртин был лишен электрического освещения. Лишь среди окружавших лагерь войск вспыхивали по ночам какие-то световые сигналы. Далеко за лагерьем, там, где располагалось стрельбище, иногда слышны были отдельные выстрелы или короткие пулеметные очереди. Наверное, проводились учебные или пробные стрельбы.

Пулеметчики не сидели без дела: проверяли готовность своих пулеметов, просматривали набивку патронов в ленты. В последний августовский вечер Иван Гринько, Андрей Хольнов, Петр Фролов долго сидели на крыльце барака и смотрели на звездное небо. Отыскивали Большую Медведицу, по ней искали Полярную звезду, а по Полярной звезде — направление на Россию.

Далеко ты, Россия, придется ли свидеться с тобой?

Пренеприятнейшая весть дошла до генерала Занкевича. Из французских источников он узнал, что Временное правительство выражает резкое недовольство его неспособностью восстановить порядок во вверенных ему войсках. Больше того, оно решило заменить его лицом, могущим действовать более решительно. Генерал выходил из себя, трясся от злости, то вызывал, то прогонял от себя пожимавшего плечами (что стряслось с генералом!) адъютанта.

«Генерал, наверное, сходит с ума», — думал адъютант, в который раз просматривая сообщение генерала Лохвицкого, которое надо было доложить начальнику. Но как доложить, как?! Донесение вызовет бурю генеральского гнева...

Действительно, документик был не из приятных. «Французское правительство, — говорилось в нем, — предубежденное против русских войск, не пошло навстречу горячему желанию отряда стать на сектор передовой линии и отказалось послать 3-ю бригаду на фронт. Таким образом, солдаты лагеря Курно обречены на полное бездействие в глубоком тылу под губительным влиянием куртинских идей. Кроме того, солдаты 3-й бригады чувствуют к себе недоверчивое отношение, чтобы не сказать больше, со стороны местного населения — французов, окружающих лагерь Курно. Симпатии населения и здесь на стороне куртинцев, слухи о которых расходятся по всей Франции и докатились и до этих мест.

Все это, вместе взятое, вызывает беспорядочное брожение умов среди солдат 3-й бригады и толкает их на пьянство и в связи с этим на неизбежные эксцессы с населением. Эти бесчинства не имеют границ, особенно в публичных заведениях Ля-Тест-дэ-Бюш и Казо, которые в свою очередь укрепляют в окружающем населении убеждение в окончательном падении дисциплины в 3-й бригаде и дискредитируют самую идею организации армии на революционно-демократических началах у французского командования. Создается безвыходный заколдованный круг. Офицерство в большинстве случаев очень слабо участвует в солдатских комитетах, а других форм влияния на солдатские массы до сих пор найти не может и катастрофически теряет всякое на них воздействие. До солдат дошли отзвуки корниловского движения сквозь призму французской прессы, придающей ему настолько неправильное и уродливое освещение, что даже многие офицеры не могут его понять, не говоря о солдатах, среди которых растут симпатии к левым, большевистским силам.

В отряде, как в капле воды, полностью отражается, только в малом масштабе, все то, что переживает вся наша многострадальная Россия».

Генерал Занкевич все ходил и ходил по кабинету, пил валерьянку, но успокоиться не мог.

Вдруг в приемной резко затрещал звонок — вызов в кабинет. Адъютант схватился и опрометью побежал к генералу.

— Слушаю, ваше высокопревосходительство!

Генерал стоял посредине комнаты и смотрел на адъютанта невидящими глазами. Наконец он пришел в себя:

— Записывайте!

И начал резко, с раздражением диктовать:

— Петроград. Господину премьер-министру Керенскому.

Последняя моя поездка в лагерь Ля-Куртин положительных результатов не дала. Для приведения солдат Ля-Куртина к повиновению решил... использовать 2-ю артиллерийскую бригаду, находящуюся во Франции проездом в Салоники... Активную роль при усмирении Ля-Куртина возложил на наши части, чем рассчитываю избежать вооруженного столкновения французов с солдатами Ля-Куртина. Положение в 3-й бригаде улучшается...

Адъютант невольно остановился и открыл рот, силясь что-то доложить, но слова застряли у него в горле. А генерал продолжал диктовать, не переставая ходить по кабинету, заложив руки назад.

— Быть может, удастся использовать несколько рот этой бригады для усмирения солдат Ля-Куртина. С этой целью отдаю приказ генералу Беляеву и генералу Лохвицкому...

Наступила тишина. Адъютант даже обрадовался, что несколько рот, а не всю 3-ю бригаду намерен генерал использовать против куртинцев.

— Отправляйте! — резко сказал Занкевич.

— Э... э... разрешите доложить, ваше высокопревосходительство! — и адъютант протянул генералу донесение Лохвицкого.

Занкевич пробежал взглядом бумагу. Лицо его перекосила злобная усмешка. Он прошел в угол кабинета, вернулся и встал перед вытянувшимся адъютантом.

— А вы, господин адъютант, понимаете спасительный смысл корниловского движения в России?! — Генерал уперся в него пронизывающим взглядом.

— Т... т... так точно, ваше высокопревосходительство!

— И полностью разделяете его?!

— Так точно, р... р... разделяю, ваше высокопревосходительство!

— Идите и отправляйте телеграмму, — отдельно, почти по слогам, произнес генерал.

Адъютант помчался исполнять поручение, радуясь, что буря, кажется, миновала. А генерал подумал: «Вот бы так подчинялись куртинцы, эти скоты, комитетчики...» Его бросило в дрожь от одного воспоминания о

последней встрече с унтер-офицером Глобой. «Но нет, — продолжал раздумывать генерал, — адъютант ничтожество против Глобы, тот — умная голова. Может быть, даже большевик... Как сумел прибрать к рукам бригаду! И держит как! Правда, исключительное положение и нависшая опасность принудили весь отряд сплотиться и прибегнуть, как к средству самозащиты, к строгому порядку и безукоризненному соблюдению воинской дисциплины... Ничего не скажешь, порядок и дисциплина у них образцовые, не то что у этого сброда в Курно...»

Но как все-таки заставить солдат 3-й бригады пойти против бунтовщиков?

И генерал Занкевич — в который раз! — решил пойти на обман: объявить этим твердолобым мужикам, что они поедут в Россию лишь после усмирения Ля-Куртина. Поэтому, мол, торопитесь!

Хоть и не на всех, но этот подлый обман подействовал: пять батальонов пехоты и две пулеметные роты были сформированы из состава 3-й бригады для подавления мятежа.

Остальные три батальона под командованием полковников Сперанского, Стравинского и Котовича должны были действовать самостоятельно. Начальниками пулеметных команд генералом Занкевичем были назначены самые реакционные офицеры — капитан Шмидт и поручик Урвачев.

Когда весть об этих зловещих приготовлениях дошла до отрядного комитета 1-й бригады, она никого здесь не удивила. Все знали, что кровавой борьбы не миновать. Комитет решил в свою очередь принять оборонительные меры. Были усилены военные занятия, еще и еще раз просматривалось и готовилось оружие, огнеприпасы. 1-я бригада проверила свою боевую организацию. Она была готова действовать в составе 1-го и 2-го пехотных полков, по три батальона и по три пулеметных команды в каждом, двух отдельных батальонов, сформированных главным образом из состава 5-го полка 3-й бригады, и одной траншейной батареи.

В ротах и командах были проведены общие собрания под лозунгами: «Настал час и нам братья за оружие!», «Мы за себя постоим!»

Над Лагерем Ля-Куртин сгущались темные тучи, надвигалась гроза. Куртинцы с тревогой, но уверенные в правоте своего дела, ждали ее.

А в это время в Париже, в своем роскошном кабинете в Елисейском дворце, президент Французской республики Пуанкаре принимал полковника Бобрикова и вручал ему орден Почетного Легиона за выдающиеся заслуги перед Французской республикой в деле беззаветного и самоотверженного исполнения союзнического долга.

Оба — хозяин и слуга — расчувствовались после шампанского и завязали дружественную беседу. Темой беседы было положение в лагере Ля-Куртин. Подробно рассказав о куртинском мятеже, Бобриков подчеркнул, что мятежники хорошо организованы, соблюдают воинскую дисциплину и порядок, проявляют исключительную сплоченность и, как ни странно, выказывают беспрекословное повиновение своим вожакам. Стало быть, придется иметь дело с сильным противником. Можно ли надеяться на моральную и материальную поддержку президента?

— Неповинующиеся повинуются! — произнес президент вместо прямого ответа. — Забавная история, но настолько же и опасная. Французские власти полностью отдают себе отчет в событиях и заинтересованы в том, чтобы вы скорее справились с мятежниками. Мы надеемся, что вы это сделаете, и сделаете хорошо, чтобы не втянуть французские силы в столкновение. Вообразите себе, дорогой мой полковник, как реагировало бы общественное мнение Франции, если бы нам не удалось избежать вооруженного столкновения между французами и русскими. Это было бы использовано нашими противниками и врагами нашего союза в целях его ослабления и разрушения. Прошу вас, мой полковник, передать эту нашу мысль вашему представительству и военному командованию.

Бобриков учтиво поклонился:

— Я сделаю все от меня зависящее, чтобы не поколебать высокого доверия между союзниками и не нанести ущерба престижу великой Франции.

Беседа закончилась. Полковник Бобриков, сопровождаемый адъютантом президента, тихо ступая по мягким коврам, покинул Елисейский дворец.

Доставка пищевых продуктов в лагерь была полностью прекращена.

Генерал Занкевич продолжал собирать экстренные совещания. На одном из них присутствовал комендант лагеря подполковник Фарин. Он огласил просьбу отрядного комитета, адресованную высшим французским властям. Он читал медленно, с расстановкой, чтобы генерал и его окружение смогли в точности понять смысл документа. А в нем говорилось: «Учитывая, что русское командование совершенно отказалось от нас и совершенно не способно найти с солдатами 1-й бригады какой-либо деловой контакт, оно потеряло всякое наше доверие. Мы, солдаты 1-й бригады,

единодушно даем согласие идти на фронт и готовы продолжать войну, будем беспрекословно подчиняться всем распоряжениям и приказам французского военного командования при условии назначения к нам в 1-ю Особую пехотную бригаду на все командные посты французских офицеров. Просим рассмотреть нашу просьбу и решить ее положительно».

Будто бомба разорвалась в зале, где проводилось совещание. Подложить такую свинью своему русскому командованию!

— Это, конечно, метод борьбы, — продолжал Фарин среди общего гула, — это — тактика отрядного комитета, это — умная тактика. — Фарин язвительно посмотрел на генерала и обвел насмешливым взглядом весь зал.

— Я, разумеется, перешлю эту просьбу генералу Фошу и надеюсь, что скоро смогу передать ответ руководству лагеря Ля-Куртин.

Участники совещания сконфуженно опустили головы, понимая, что французский комендант положил на обе лопатки русского генерала. Фарин торжествовал, улыбка все время пробегала по его лицу.

«Сволочь! — подумал полковник Готуа. — Как он издевается над нашим пусть неумным, но все же генералом Российской импер...р... то бишь, революционной армии». И Готуа, зло смерив француза своими глубоко посаженными, черными, как уголь, глазами, сказал:

— Это глупейший обман, неуклюжая уловка куртинских вожаков, направленная на выигрыш времени. — Готуа волновался, поэтому говорил с сильным акцентом. — Мы их раздавим, как лягушек.

Генерал Занкевич облегченно вздохнул и посмотрел с благодарностью в сторону полковника Готуа.

— Прошу разрешения, господин генерал, — сказал генерал Беляев и поднялся.

Занкевич кивнул головой.

— Господа! — начал Беляев. — Мы собрались здесь не для рассмотрения идиотского предложения куртинских вожаков, а для того чтобы заявить твердо его превосходительству генералу Занкевичу, что возложенная на нас задача по приведению в повиновение мятежников будет нами выполнена в намеченный срок, в чем мы, ваше превосходительство, вас заверяем.

— Благодарю вас, — расчувствовался генерал Занкевич.

На этом совещание закрылось, и все, довольные тем, что удалось спасти реноме генерала, разошлись.

Генерал Занкевич предписал генералу Беляеву 12 сентября 1917 года вступить в командование выделенными войсками для приведения к повиновению мятежных солдат и приказал занять позиции для полной блокады лагеря к вечеру 14 сентября.

Начальник 2-й Особой артиллерийской бригады генерал Беляев в городе Обюссон 13 сентября 1917 года отдал следующий приказ:

«1. Предписанием представителя Временного правительства при французских армиях от 12 сентября с. г. я назначен начальником сводного отряда. Вверенный мне отряд получил приказание занять позиции для полной блокады лагеря Ля-Куртин к вечеру 14 сентября и быть готовым к действию оружием с целью привести к повиновению мятежных солдат лагеря.

2. Для сего предписываю:

Всем начальникам секторов при расположении на позиции обратить особое внимание на возможность хорошего обстрела всех дорог, лощин, оврагов и тропинок из лагеря Ля-Куртин.

Начальнику восточного сектора обратить особое внимание на подготовку обороны деревни Ля-Куртин с тем, чтобы совершенно не допустить проникновения в нее мятежных солдат из лагеря Ля-Куртин.

Внушить всем членам, что открытие ружейного и пулеметного огня обязательно по всем вооруженным солдатам, выходящим из лагеря Ля-Куртин.

Стрельба по безоружным солдатам в секторах западном и северном ни в коем случае не допустима, а в восточном секторе на всем протяжении, кроме деревни Ля-Куртин, следует отдельных людей и небольшие группы задерживать, а по большим массам, хотя бы и безоружным, открывать огонь.

За нами во второй линии стоят французские войска, назначенные для оказания поддержки в крайнем случае.

Задержанных на пропускных постах передавать в тыл французским войскам для дальнейшего направления.

При расположении на позиции соблюдать полную боевую готовность, имея при всех пулеметах дежурные номера. Ночью вдоль расположения установить сеть непрерывных дозоров.

Для отличия чинов отряда от солдат лагеря Ля-Куртин всем частям иметь на левом рукаве отличие в виде желто-синей повязки. Для проверки дозорной службы будет назначаться пароль.

Генерал-майор Беляев».

Одна интересная деталь.

Господин Бобриков к этому времени уже стал генерал-майором и являлся главнокомандующим правительственными войсками по усмирению солдат 1-й бригады. Видимо, это и было то «лицо, которое могло действовать более решительно»; Вне всякого сомнения, это «лицо» всплыло на поверхность не без чьего-то высокого покровительства. Дерзкие умы по этому поводу вспоминали известное стихотворение «Хвостик». «Зверей

владыка, лев могучий» велел зверям собраться «в лес дремучий». В страшной тесноте и суете пробирался со всеми вместе и поросенок. Все этому очень удивились, а когда спросили: «Да он-то как вперед пробрался?», то сам собой напросился ответ: «За хвостик тетенькин держался. Попробуй-ка другой пройти!» Не иначе как и Бобриков держался за чей-то надежный хвостик.

Но общее руководство операцией по подавлению куртинцев оставалось за генералом Занкевичем, а непосредственное командование всеми войсками, как указывалось выше, было поручено начальнику 2-й Особой артиллерийской бригады генерал-майору Беляеву. Бюрократическая иерархия командных ступеней, присущая царскому командованию, была сохранена под лагерем Ля-Куртин полностью.

Готовился к сражению и мятежный лагерь. Всем было ясно, что вот-вот разразится кровавая гроза, что наступает последний этап борьбы солдат 1-й Особой пехотной бригады русских войск во Франции против контрреволюционного военного командования, представляющего здесь Временное правительство. И сентября над лагерем уже просвистели пули. Значит, русское командование не остановится ни перед чем, чтобы подавить куртинцев.

14 сентября отрядный комитет собрался на свое пленарное заседание. Оно было посвящено выработке дальнейших мер по обеспечению безопасности гарнизона. Первым выступил Глоба. Открывая заседание, он сказал:

— Мы пережили не один тяжелый день, не один ультиматум генерала Занкевича, которыми испытывала нашу стойкость русская реакция. Нас не сломали ни тяжелая блокада лагеря, ни голод. Но сможем ли мы выдержать последнее испытание, когда враги пойдут на нас в открытый бой? Генерал Занкевич, толкаемый русской и французской буржуазией, воздвиг эшафот, на который предлагает нам добровольно взойти и надеть себе петлю на шею. Если мы откажемся это сделать, он грозит надеть нам петлю на шею силой. Вот такова обстановка. Прошу высказаться членов комитета.

Одним из первых выступил Иван Гринько.

— Самое важное сейчас, — горячо говорил он, — разъяснить солдатам, что дело пахнет порохом, что нужно стойко держаться — другого выхода у нас нет. Мы не должны идти на капитуляцию перед Занкевичем или скрываться из лагеря втихую, по ночам, как это сделали уже многие. Нам надо прямо поставить перед всеми вопрос: коль останешься в Куртине — держись насмерть, до последнего. Нет у тебя таких сил — уходи! И не мути нам голову!

— Может быть, так резко и не следует ставить вопрос, — улыбнулся Глоба, — но разъяснить свою позицию необходимо, это верно. Причем, не только среди солдат нашего лагеря. Надо обратиться ко всем курновцам, к артиллеристам. Через коменданта лагеря подполковника Фарина мы снесемся с французскими властями.

Все согласились с этим, и было принято два обращения: к французскому командованию и к солдатам 3-й бригады. Комитет принял также предложение Ивана Гринько усилить тактические занятия во всех подразделениях и проводить их в лесу, чтобы затруднить наблюдение за ними со стороны окружавших лагерь курновцев и французов, а строевые занятия проводить по-прежнему на лагерном плацу — пусть смотрят на их выправку и организованность.

В своем обращении к французским властям куртинцы писали:

«Находясь на земле Франции более шестнадцати месяцев и немало пролив своей русской крови на полях Шампани, а также под Курси, мы, солдаты 1-й Особой пехотной бригады, доведены нашим русским начальством до такого положения, что мы не знаем, кто мы — пленные или арестованные?.. Мы окружены со всех сторон французскими патрулями, и нам не дают никакого выхода из лагеря. Кроме того, нам не дают хлеба и других продуктов, и мы остаемся голодными. От кого это зависит? Нам говорят, что здесь французские власти ни при чем, а это все распоряжения от генерала Занкевича. Кто же тогда хозяином во Франции над войсками? Главнокомандующий всеми французскими армиями или же генерал Занкевич? У нас в России, как известно, более трех миллионов пленных: немцев, австрийцев и турок, и они все там сыты, а мы, вольные граждане свободной России, находясь в союзной нам стране, остаемся голодные! Нас здесь морят голодом, и никто не хочет слышать наши крики! Этого мало, что герои 1-й Особой пехотной бригады голодают в Куртине по милости генерала Занкевича за то, что они не послушались приказа и не сдали своих винтовок, но при чем же здесь лошади, которым тоже не дают сена и овса и они остаются голодные? Для них такого приказа не было, и у них нет винтовок, а потому им нет расчета нести голодовку!

Да, теперь солдаты 1-й бригады голодают. Тогда как вчера по всем газетам их восхваляли за храбрость, а сегодня по всем войскам громят нас как бунтовщиков. Но что мы плохого сделали для Франции?.. Если нас хотят уморить голодом и мы умрем здесь голодной смертью, то пусть знает весь свет, что русские герои 1-й Особой пехотной бригады умерли голодной смертью во Франции по милости генерала Занкевича...»

Ответ французского правительства был лицемерен: оно не вмешивается в дела русского отряда и русского командования. Куртинцы поняли: власти

страны умывали руки.

Отрядный комитет решил пойти на последнее средство — обратиться к солдатам 3-й бригады. Это был крик русской души, истерзанной, но еще живой, больше того — жаждавшей правды, справедливости. Обращение гласило:

«Товарищи и братья 3-й бригады!

Настал желанный день для наших буржуев и кровопийцев-офицеров. Они хотят упиться кровью славных защитников родины и свободы.

Товарищи! Вспомните, как мы клали на алтарь свои жертвы, много оставили своих дорогих братьев на бранном поле под Курси и Шампани. Мы знаем, что клали жизнь за свободу родины.

Товарищи, а теперь за что будем убивать брат брата? Неужели за то, чтобы помочь проклятым буржуазам вернуть старую династию? Нет, товарищи, этого никогда не будет. Мы еще не забыли прошлого их тиранства, их розг и кулаков!

Товарищи, наши братья, обдумайте этот шаг, идите к нам, и заживем чистой братской любовью. Мы примем вас с открытым сердцем братской любви, подумайте! Ведь они все силы кладут, чтобы стравить нас, чтобы потекла невинная благородная кровь обеих сторон, сынов свободной России и храбрых защитников родины! Поверьте, они только этого и добиваются, чтобы выйти им из этого положения, которое им грозит карательной экспедицией.

Товарищи, не верьте их приказам! Все ложь! Они послали в Россию телеграмму, что русские войска сложили оружие, не хотят воевать, и вот теперь все время требуют, чтобы сложить оружие. Но, товарищи, пусть содохнем с голоду, а оружие не сдадим. Пусть они ответят, как они тиранят 1-ю и 3-ю бригады. Товарищи, не бойтесь, мы не дадим ни одного выстрела по вас до тех пор, пока вы не пойдете на нас, тогда уже польется с обеих сторон невинная кровь братьев!

Товарищи, теперь подумайте хорошенько, как мы скажем своим родителям, когда они спросят нас про это, все случившееся, — что мы должны ответить им? Не заклоочет ли в нас совесть, ведь мы братоубийцы, и что нам скажут родители в ответ; вернее, скажут нам: проклятый сын, слышал ли ты наш вопль, и стоны, и голод, до которого довели нас буржуазы? Мы, твои родители, отец и мать, братья и сестры, боремся за свободу, а ты проклятый каин, убивал своего брата и давал помощь проклятым буржуазам... Уйди от нас, ты не сын нам, на которого возлагали с твоего детства все надежды, а ты оказался убийца братьев и отца-матери! Так вот, друзья, нам не дают хлеба, пищи для того, чтобы мы сделались врагами вам, но нет, это им не поможет! А вас поят допьяна, чтобы вы

упились до безумия и, как разъяренные львы, бросились на нас! Но, друзья, держитесь, не поддавайтесь ихней ловушке, а старайтесь также передать это письмо многим, чтобы его поняли! Это письмо написано от всей бригады, и одно не забывайте — братство, пойдемте рука об руку! Привет вам! У нас уже два ранено и один убит...» ¹⁶

Ванюша был рад, что обращение к солдатам 3-й бригады, окружившим Куртин, было принято единогласно. Ведь и он работал в комиссии, которая составляла письмо. Члены комиссии вложили в это обращение всю свою грамотность, которой у них было явно маловато, но они вложили в него и сердце, а оно было большим и добрым, это простое солдатское сердце. И недаром комитет утвердил обращение без поправок, хотя там были люди, куда грамотнее тех, кто его писал. В обращении были подлинные человеческие чувства, и их не заменят никакие словесные ухищрения.

Заработала вся множительная система куртинцев, чтобы можно было разослать побольше экземпляров этого обращения солдатам 3-й бригады. Было отобрано три десятка самых смекалистых и отважных солдат, хорошо разбиравшихся в политике. Снабдив желто-синими повязками, их послали в расположение отрядов курновцев для распространения обращения и ведения разъяснительной работы среди солдат 3-й бригады и артиллеристов. Пусть поймут, какая позорная миссия выпала на их долю. Одно слово «каратели» должно их вразумить; действуя заодно с реакционным офицерством, они предают своих братьев солдат и помогают врагам революции и свободы. Действуя таким образом, они идут против себя же, потому что монархическое офицерство считает ничтожеством, серой скотинкой любого солдата, будь то куртинец или курновец.

— А попутно, — наказывал Глоба, — присматривайтесь к боевому расположению карателей: где пулеметные гнезда, где артиллерия, где группируются большие силы, чтобы нам знать, откуда ждать удара по лагерю, и лучше подготовиться к отражению атак.

— Правильно, — подтвердили другие члены отрядного комитета, часть которых также шла распространять обращение — кто в отряды Готуа, кто в отряд Сперанского, кто к Стравинскому, а кто к артиллеристам.

Все понимали, на какой риск шли эти смельчаки, и смотрели на них с уважением и завистью; всем хотелось пойти с этим заданием. Как рвался на это дело Ванюша! Но отбор был строг и утверждался отрядным комитетом, а пулеметчики считались дефицитными специалистами и на эту операцию не посылались.

Ночь и день 15 сентября были тягостными для куртинцев. Хотя срок ультиматума еще не истек, над лагерем нет-нет да и проносились пули: очевидно, таким образом Занкевич хотел подкрепить силу своего

ультиматума. Что ж, кое-чего он добился. Полное прекращение выдачи продовольствия и этот гнетущий обстрел возымели действие на слабые натуры: в ночь на 15 сентября ушло из лагеря свыше сотни людей. Пришлось усилить ночной наряд в ротах и батальонах.

А отрядный комитет решил все-таки еще раз обратиться к французским властям. Он понимал, что вряд ли уже чего-нибудь добьется. Но пусть в истории останутся хотя бы документы, которые пронесут сквозь годы, новым поколениям трагедию Ля-Куртина... Вот оно, это обращение:

«Согласно полученному нами ответу из французской главной квартиры на нашу телеграмму, в которой французское правительство категорически ответило, что оно не вмешивается в наши дела. Хорошо! Но что же французское правительство смотрит, когда на глазах, в его стране идет насилие и траншейная война? Лагерь Ля-Куртин окружен войсками генерала Занкевича, где много попадается солдат во французской форме. Это недопустимо! Неужели французское правительство не знает, что в стране происходит такое гнусное преступление? Это позор для страны! Неужели ваше правительство думает, что все пройдет тайно? Это узнает весь свет, и позор для Франции, что она допустила у себя в стране делать гнусное преступление генералу Занкевичу! Что для него нужно? Крови? Уже есть, и вам отправлены уже раненые нашего лагеря, так дайте же ему, пусть он пьет кровь из ран больного, если для него мало вина, которым он поит до безумия наших русских солдат, позорящих свое имя русского гражданина, которые ведут стрельбу по нашему лагерю, не прекращая с 1 сентября 1917 г. с 3 часов вечера...

Просим довести вашему правительству до сведения, что если не будет прекращена и убрана эта пьяная шайка русских хулиганов и если не вмешаются французские власти для разбора нашего дела, а русские не прекратят своей стрельбы, то мы завтра, с четырех часов вечера, решим судьбу своего отряда! Знайте, что человек не железо, чтобы он подышал с голоду, а на него со злорадством смотрели бы хищные птицы! А потому терпение должно лопнуть, и если они пойдут на нас в наступление, то от 3-й бригады не останется и основания. Мы пустим в ход около 300 пулеметов и ружей-пулеметов и 7 траншейных орудий, а за всю эту пролитую кровь придется отвечать французскому правительству. Дабы избежать этой кровопролитной схватки, мы, солдаты, просим и умоляем вас, господин комендант, предотвратить это кровопролитие. Что вам нужно от нас — говорите! Пусть ваше правительство делает свои распоряжения, мы охотно будем говорить с вашим правительством, но не с Занкевичем, так как он на каждом шагу обманывает нас. И теперь что же выходит? Вместо соединения они начинают по нас стрелять, но теперь... если французское правительство

считается только с генералом Занкевичем, который только ведет смуту и возмущение, — то знайте, что нас в Куртине около 9 тысяч, и если нас они выведут из терпения, мы с голоду не подохнем, у нас на 20 дней хватит лошадей, и мы подыдем свое красное знамя и пойдем на дорогу или же ляжем костями на Куртинских ущельях, но не подчинимся генералу Занкевичу, который пьет нашу кровь вот уже три месяца» [17](#).

Это обращение было сразу же доставлено французскому коменданту лагеря Ля-Куртин подполковнику Фарину. Надо было торопиться, сейчас каждая минута имела большое значение.

И снова куртинцы ждали.

Надеяться на милость начальства, они понимали, бессмысленно. Нужно было ждать иного — грозного испытания огнем.

Но генерал Занкевич медлил. Он полагал, очевидно, что сама грозная атмосфера, сгустившаяся над лагерем, заставит мятежников сломиться. Должен же быть предел страшному психическому напряжению людей!

И Занкевич еще пытался вести переговоры с куртинцами. Встречался с отрядным комитетом и комиссар Рапп. Он передал очередной ультиматум Временного правительства. В нем — прежние требования, ни малейшего намека на какие бы то ни было уступки... Теперь ультиматум устанавливал точный срок, по истечении которого, если лагерь не сдастся, будет открыт огонь, — 16 сентября...

Ультиматум был отвергнут.

К ультиматумам так привыкли, что они уже не вносили каких-либо перемен в лагерную жизнь... Так же получали солдаты скудные порции конины и сухих галет, так же стояли на постах часовые. Со всем старанием и четкостью проводились строевые занятия на плацах, а часть рот и пулеметных команд занималась тактикой по перелескам и оврагам лагеря.

15 сентября в лагерь явилась новая группа представителей генерала Занкевича, наполовину состоявшая из артиллеристов. Новый приказ генерала. Последний... И снова делегация получила «от ворот поворот». В отрядном комитете поняли: это — все.

Мало кто смог уснуть этой ночью. Солдаты собирались группами, вспоминали Россию, обменивались адресами: кому удастся попасть на родину — пусть сообщит о тех, кто уже никогда не увидит полей Тамбовщины, дубрав Украины...

На лагерной площади, при свете факелов многотысячная толпа смотрела спектакль, поставленный самодеятельными артистами. Действующие лица — генералы и «социалисты», пытающиеся поколебать революционный дух куртинцев. Конечно, им это не удалось, и солдаты дружно хохотали над незадачливым начальством...

Допоздна заседал отрядный комитет. Наутро решено было собрать общелагерный митинг, чтобы продемонстрировать свою готовность бороться — в 10 часов истекает срок, указанный в приказе-ультиматуме, смотрите, господа генералы, мы собрались на митинг, мы тверды в своем единодушном решении.

После бессонной ночи на площадь шли с красными знаменами, с музыкой, с революционными песнями. Впереди колонн — члены солдатских комитетов...

Ванюша тоже возглавил небольшую колонну пулеметчиков.

Стрелки часов неумолимо приближались к десяти. Вот осталась минута, полминуты, несколько секунд...

5

Резкий залп нескольких батарей прогремел вместо звона часов. Разрывы накрыли замершую в ожидании толпу солдат.

Загудел барабан, упавший вместе с убитым барабанщиком. Рядом валялась сверкающая медная «тарелка», а в руке солдата еще подрагивала войлочная барабанная колотушка, будто силился он еще раз ударить в свой инструмент. Но вот рука с зажатой в ней колотушкой замерла совсем, а по виску барабанщика потекла тонкая струйка крови, темнея и сгущаясь около усов. Нет, не греметь больше твоему барабану, безвестный русский солдат!

За первым залпом последовал второй, третий. Крики отчаяния и стоны раненых покрыли плац. Солдаты бросились во все стороны. На площади остались груды трупов, множество раненых и небольшие группы санитаров. Санитары работали с полным напряжением, но не могли оказать помощь всем нуждающимся. Короткими перебежками спешили к ним солдаты, чтобы вынести раненых, оказать первую помощь и укрыть в каменных зданиях.

Несмотря на решение отрядного комитета — не отвечать на огонь огнем, куртинцы не выдержали. Когда каратели открыли массовый ружейно-пулеметный огонь, в их сторону тоже полетели ливни пулеметных пуль. Четко строчили пулеметы, отбивая попытки карателей взять штурмом лагерь. А те шли пьяные, дикой, озверевшей толпой — знало начальство, что трезвый русский человек не пойдет убивать своих же братьев солдат.

Атака курновцев была отбита.

Группа куртинцев с вещевыми мешками потянулась в сторону шоссе на Клерво — пошли сдаваться... Жорка Юрков смотрел на эту процессию и бессильно скрежетал зубами. В отчаянии он дал

несколько очередей по своим. Те бросились врассыпную. Несколько убитых и раненых остались лежать на плацу перед офицерским собранием.

— Ты с ума сошел! — крикнул Гринько. — Зачем ты обстрелял своих?

— Пусть не сдаются! При первых разрывах сыграли в труса. А говорили — насмерть, — с перекошенным от злости лицом огрызнулся Юрков.

— Пойми, дурная голова, в семье не без урода. Пусть сдаются, нам без трусов будет легче. А бить их нельзя, они еще станут бойцами за наше дело.

— Как же, жди, будут! — Юрков повернул пулемет в сторону полигона, откуда была отбита атака курновцев.

Андрюша Хольнов, Женька Богдан, Петр Фролов и другие молча соблюдали «нейтралитет», но чувствовалось, что они не особенно осуждают Жорку: так, мол, им и надо; только треплются на собрании, а чуть что — сдаваться...

Ванюша сбегал в отрядный комитет. Сообщил друзьям: к курновцам и артиллеристам будут посланы наши товарищи.

— Смотри, — пригрозил он Жорке Юркову, — не полосни по ним! Это — наши солдатские парламентареры.

— Ладно! — сумрачно процедил Жорка.

Вскоре же стало известно, что куртинских пропагандистов арестовали и под французским контролем отправили в тыл. Но кое-что они успели сделать. Позднее в отчете о действиях отряда восточного сектора полковник Готуа свидетельствовал, что некоторые солдаты отказывались стрелять по мятежникам и возбуждали других к отказу от применения оружия. Рапп также докладывал генералу Занкевичу: замечены попытки отказа от участия в карательных действиях.

Поколебалась часть французов. Солдаты одной из батарей вообще отказались выполнить приказ своего командира и не открыли огонь по Ля-Куртину. Никакие увещевания не подействовали, пришлось поставить у орудий офицеров.

Эти события озадачили Занкевича и Раппа. Они поняли, что длительная операция может расшатать дух войск. Надо торопиться. Они решили усилить обстрел лагеря. По распоряжению Занкевича перекрыли водопровод, снабжавший лагерь водой...

К вечеру, когда артиллерийский обстрел наконец утих, собрался отрядный комитет. Все были сумрачны, подавлены. Выступил обычно молчаливый представитель пятого полка Фролов. Голос его дрожал, а смысл выступления был таков: выхода нет, надо сдаваться. Его поддержал член комитета Смирнов: выхода нет.

Глоба был взбешен. Но взял себя в руки, заставил трезво оценить обстановку. Он понимал, что держаться, конечно, трудно, но сдаваться — это значит добровольно отдать себя в руки контрреволюции. Нужно выждать, нужно показать свою решимость биться до конца... Ну, а кто уходит... Что ж, сердцем они на нашей стороне, жестокости к ним допускать не следует.

С этими словами Глоба укоризненно посмотрел в сторону Ивана Гринько. Ванюша хотел что-то сказать, но Глоба уже продолжал:

— Мы убедились, что от врага можно ожидать лишь расправы. Но наши требования справедливы, и наша борьба справедлива. Мы должны бороться.

— Правильно, — подтвердили члены комитета.

Фролов молча поднялся и обвел всех присутствовавших долгим и тяжелым взглядом. Его лицо было бледно, как полотно. Он хотел что-то сказать, но, махнув рукой и безнадежно опустив голову, вышел из комитета. Вслед за ним вышел и Смирнов.

После заседания отрядного комитета они с группой солдат своих рот пошли сдаваться по дороге на Орад.

Генерал Занкевич, возлагавший так много надежд на артиллерийский огонь, вынужден был донести Временному правительству, что обстрел лагеря Ля-Куртин артиллерией существенных результатов не дал. В своей телеграмме военному министру Верховскому генерал Занкевич жаловался, что мятежники, укрываясь в каменных зданиях, отбивают попытки овладеть лагерем. Рассчитывать взять мятежников голодом нельзя: у них 900 лошадей, картофеля на огородах до 100 тонн, в их распоряжении, по видимому, имеется довольно значительный запас консервов. Между тем в карательных войсках заметны колебания. «Эти соображения, — доносил Занкевич, — заставляют меня и комиссара принять решение завтра, 17 сентября, обстрелять лагерь сильным артиллерийским огнем и атаковать мятежников. За 16 сентября к нам перебежало только около 160 солдат».

В ночь на 17 сентября отрядный комитет вновь собрался на свое пленарное заседание. В прокуренной комнате было тесно. Выступил Ткаченко и... предложил план удара по врагу. Он так ясно и четко обрисовал его, что многие удивились. Ткаченко был рядовым солдатом, а с военной точки зрения его план отличался основательной тактической грамотностью. Этот план понравился многим членам комитета. Понравился и сам Ткаченко своей отвагой и смелостью. Это был действительно волевой, храбрый человек. И многим припомнилось, что Ткаченко в прошлом шахтер макеевских рудников. Рабочая закваска чувствовалась.

Весть о предполагающемся ударе по карателям быстро разнеслась по лагерю. Люди приободрились, ждали приказа комитета. Чувствовалось по всему, что удар будет сильным и решительным. Настроение у всех поднялось.

Но приказа так и не последовало.

Да и не везде царил дух бодрости и подъема. Были роты, где господствовала атмосфера уныния и пессимизма. Кое-где солдаты колебались, колебались и члены ротных комитетов. Такие подумывали о другом: как спастись от смерти.

Наутро опять куртинцы недосчитались пары сотен бойцов.

Вскоре вновь начался обстрел лагеря. И опять были жертвы. Раненые, не получая помощи, истекали кровью. Убитые лошади были съедены. Но к голоду теперь прибавилась еще и жажда. Каждая капля воды была на вес золота.

А пьяные каратели пошли в атаку. Вот они прорвались к крайней казарме, которую защищали пулеметчики во главе с Гринько. Завязался сильный бой. Пулемет захлебывался непрерывным огнем, в карателей одна за другой полетели ручные гранаты.

Но с тыла, с другого конца, в казарму все-таки ворвались курновцы. Они забросали пулеметчиков гранатами. В дыму и грохоте упал как подкошенный Ванюша. С трудом приподнявшись, он в упор выстрелил в белобрысого пьяного поручика и убил его. Но тут же получил пулю в грудь и снова упал.

Артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь все усиливался. Стоны раненых, жалобное ржание лошадей, взвизги пуль и осколков, взрывы снарядов... Это была страшная картина расправы... Быстрыми перебежками сновали санитары, а раненых и убитых становилось все больше и больше. Люди стали уходить в подвалы, но что это могло дать? Они лишились возможности обороняться...

В отрядном комитете поняли, что дальнейшее сопротивление бесполезно — оно привело бы к новым потерям. Теперь нужно было предпринимать иные шаги — сохранить людей, которые в дальнейшем, в более подходящих условиях, могли бы продолжить борьбу...

Над зданием отрядного комитета и над крайней к местечку казармой были подняты большие белые флаги. Артиллерия карателей замолчала,

постепенно затих и ружейно-пулеметный огонь. Дым и гарь над лагерем медленно рассеивались...

Глоба от имени отрядного комитета обратился к генералу Занкевичу:

«...Жертвы уже слишком большие. Раненые истекают кровью, помощи никакой нет. Умирают от отсутствия медицинской помощи. Сколько вы еще хотите? Прекратите стрельбу. Винтовки приходите заберите или укажите, где их сложить. Просим оставить нас в лагере: не выступать никуда. Дайте ответ. Вышлите для переговоров делегатов или приезжайте кто из вас. Бросьте стрельбу и жертвы! Глоба» [18](#).

Вскоре делегация куртинцев направилась в гостиницу «Сайон», где располагался штаб Занкевича и где по его требованию должны были состояться переговоры. В делегацию вошли Ткаченко, Разумов, Демченко и Домашенко.

В «Сайоне» их уже поджидали. Куртинцы вышли в холл и — как на стену наткнулись: в упор, ненавидящими глазами смотрели на них Занкевич, Беляев, Лохвицкий, Рапп... Ткаченко, возглавлявший делегацию, сразу, конечно, понял, что от них ничего не добиться, примирения быть не может. Но требования свои выложил четко: прекратить расстрел людей, выделить медицинский персонал для оказания немедленной помощи раненым... После этого можно будет продолжить переговоры...

Высокомерно и пренебрежительно генерал Занкевич изложил свои требования: в течение двух часов сдаться и сложить оружие, вожакам явиться с повинной. В случае отказа обстрел лагеря возобновляется.

Да, примирения не может быть...

Ровно через два часа по лагерю снова ударили пушки.

И как бы в ответ вместо белых флагов над лагерем взвились красные знамена.

И куртинцы пошли на врага. Пошли, не открывая огня, молча, сосредоточенно, угрюмо. Они имели при себе оружие, но ни один затвор не клацнул, ни один ствол не окутался сереньким дымком. Они хотели показать: мы идем, но не сдаваться. С нами оружие, и, если вы начнете бой, мы примем его. Но вся ответственность будет лежать на вас.

Вдруг со стороны вражеских позиций раздались крики «ура» и послышалась частая ружейно-пулеметная трескотня. Артиллерия открыла огонь по выходам из лагеря. Роты карателей стали огибать и охватывать куртинцев с флангов. Завязалась упорная борьба. Не открывавшие до этого огня подразделения куртинцев ударили по карателям в упор с близких дистанций. Во многих местах начались рукопашные схватки.

Бой, однако, продолжался недолго. Большая часть солдат 1-й бригады была окружена, схвачена и принуждена к сдаче. Другая часть, упорно

отбиваясь, стала отходить в лагерь. Пулеметчики огнем прикрывали отход своих и сумели остановить озверевших карателей.

Поле боя было усеяно трупами, кругом валялись раненые. Видя эту страшную картину, Занкевич и его приближенные думали об одном: как скрыть или хотя бы уменьшить количество жертв? Как выяснилось после, в своих донесениях они или вовсе не показывали потери куртинцев, или утверждали, что эти потери ничтожно малы и исчисляются единицами.

...В лагерь отошло около тысячи куртинцев. Остальные были либо убиты, либо ранены, либо захвачены карателями. Попавшие в руки врагов подверглись унижительнейшим оскорблениям — их раздевали до последней рубашки, стягивали сапоги, срывали обручальные кольца. А потом отправляли в тыл под конвоем...

Наиболее стойкими оказались пулеметчики. Возвратись в лагерь, они рассеялись по всей территории и поливали наседавшего врага ливнями пуль. Этот факт привлек пристальное внимание Занкевича и Раппа, они даже зафиксировали его, так сказать, документально. Они доносили верховному главнокомандующему в Россию, что фанатично настроенные восставшие «засели в различных каменных зданиях обширного лагеря с пулеметами и упорно не желают сдаваться и открывают пулеметный и ружейный огонь по нашим цепям и по всем пытающимся приблизиться к лагерю» ¹⁹.

В ночь на 18 сентября еще многие солдаты ушли из лагеря.

А наутро в течение одного часа по восставшим было выпущено сто снарядов. Каратели били шрапнелью, гранатами, чтобы нанести наибольшие потери людям.

Но били курновцы по пустому месту. Отрядный комитет понимал, что удержать весь лагерь оставшимися силами невозможно, и решил занять здание офицерского собрания, как наиболее подходящее к обороне.

Окна заложили мешками с песком, оставив только бойницы для пулеметов.

С большой осторожностью каратели начали занимать оставленный лагерь, предварительно очищая чердаки и подвалы казарм. Кое-где там еще оставались люди, главным образом из второго полка. Они храбро сопротивлялись. Каратели кололи куртинцев штыками, добивали раненых... Особенно зверствовал поручик из 3-й бригады Урвачев. А к вечеру обрушился артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь на зеленую рощу, окружавшую офицерское собрание. Сотни снарядов рвались среди деревьев. Но атака на самое здание офицерского собрания была отбита, и каратели отошли в глубь лагеря.

Наступила ночь. Небольшая группа смельчаков из числа защитников лагеря сумела пробраться в расположение войск карателей, разведать их

огневые силы и, главное, смогла узнать пропуск и отзыв. Куртинцы расхаживали по расположению карателей как патрули, с желто-синими повязками на рукавах, и к рассвету благополучно вернулись.

С утра началась сильная атака карателей на последние очаги сопротивления куртинцев. Сильный обстрел офицерского собрания — в здании и около него разорвалось свыше шестисот снарядов — не принес успеха курновцам. Во второй половине дня они начали атаковать штурмовыми отрядами, сформированными из самых «надежных», преданных начальству солдат. Каждый такой отряд из двух-трех взводов находился под командой офицера или отменного шкуродера унтер-офицера. Во главе нескольких отрядов стояли наиболее реакционные офицеры — тот же поручик Урвачев, известный садист и палач, поручик Балбашевский, адъютант Занкевича, который своей особой жестокостью в расправе с куртинцами привел в умиление генерала Комби.

Куртинцы дошли до крайнего отчаяния. Всюду царила обреченность. И только мыслями уносились солдаты на далекую родину.

— С ума можно сойти, братцы, как хороша наша Россия! — воскликнул Жорка Юрков. Волосы у него были светлые, как спелая рожь, а глаза синие, как васильки, и сам он как бы олицетворял образ родины.

К Жорке присоединились остальные пулеметчики. Каждый начал вспоминать самое дорогое и близкое. Всегда в трудную минуту жизни русский человек вспоминает свою родину, ее величие, ее красоту, ее могучую силу, он испытывает страстное желание постоять за нее, бороться до последнего предела, жертвуя своей жизнью за то, что искони дорого для него.

Вот и сейчас защитники Ля-Куртина решили: пассивно отбиваться и сидеть — это удел обреченных. Хочешь победить — активно действуй и в обороне.

Под таким девизом дрались куртинцы с карателями. Группа солдат, укрепившаяся в казарме второго полка, упорно отбивалась от штурмового отряда поручика Балбашевского и нанесла ему большие потери. Она решила выйти навстречу и вступить в открытый бой.

— Вперед, куртинцы, за родину, за революцию! — крикнул Андрей Хольнов, и защитники казармы бросились наседавших карателей.

Завязалась рукопашная схватка. Куртинцы дрались с большим ожесточением и упорством, дрались прикладами, штыками, тесаками. Курновцы шли в атаку пьяные, одурманенные ненавистью. Схватка достигла крайнего напряжения. Оставшийся в казарме пулемет строчил по пьяным штурмовикам Балбашевского, отсекая их от солдат, завязавших рукопашную

схватку. Пулемет бил с короткой дистанции, каратели несли огромные потери.

Куртинцы в этой неравной борьбе вышли победителями. Они отбросили карателей от казармы, прорвали кольцо штурмового отряда, вышли в близлежащую рощу, а в сумерки покинули лагерь.

Дважды повторилась остервенелая атака на офицерское собрание, но и она не принесла карательным штурмовым отрядам успеха. Понесся большие потери, курновцы в сумерки отошли от последнего бастиона Ля-Куртина.

На лагерь опустилась ночь, но темноту пронизывали трассирующие пули. Нет-нет да и взлетали осветительные ракеты, заливая прилегающий к зданию офицерского собрания плац и изуродованную снарядами рощу бледным, мерцающим светом.

Не смыкали глаз члены отрядного комитета; решался все тот же вопрос: что делать дальше?!

— Надо прорываться в прилегающий с севера лес, — предложил Глоба. — Там видно будет, что делать, а ближайшая цель — это скрыться от карателей в лесу.

Кто-то предложил добраться до местечка и там попробовать укрыться среди французского населения, которое сочувствовало куртинцам. После можно будет переодеться в гражданскую одежду и пробраться в Швейцарию.

— Все это дело будущего, — сказал Варначев. — Давайте не будем терять времени на пустые мечтания, займемся делом.

— Надо прорваться в лес, — снова повторил Глоба. — Конечно, я не думаю, что он пустой. Пробираться надо скрытно. Пройти незамеченными заставы карательных войск и ускользнуть от них. Это главная задача.

— Мы все пойдем с вами, — сказал кто-то из солдат.

— Разумеется, пойдем все вместе, — подтвердил Глоба.

Через час весь отряд, покинув здание офицерского собрания, по поросшему оврагу тронулся на север. Все шли тихо, соблюдая осторожность. Кто-то споткнулся и упал — загремела винтовка, ударившись о камни. И вдруг куртинцы оказались лицом к лицу с врагом.

Почти одновременно обе стороны открыли огонь в упор. Завязалась короткая, ожесточенная схватка. Куртинцы бросились в штыки, врукопашную. Пьяные каратели не выдержали такого напора и разбежались в стороны. Куртинцы их не преследовали, а кинулись по направлению к лесу. Взвилось несколько ракет, но кустарник и овраг позволили куртинцам укрыться. Не заметили их и соседние заставы карателей.

В ответ на желтую ракету, выпущенную курновцами, прилетело несколько снарядов с дальней батареи и разорвалось около офицерского

собрания.

— Скорее, скорее, не растягиваться, — послышалась приглушенная команда Глобы, и отряд ускорил движение.

Сзади слышалась ругань поручика Урвачева, истязавшего очередную жертву: он добивал тяжело раненного куртинца ударом шашки по голове. Зараженные его жестокостью, и другие каратели истязали захваченных защитников Ля-Куртина. Далеко разносились крики: «Изменники! Бунтовщики!» Среди пьяного шума выделялся пропитой, сиплый с надрывом, голос главного палача поручика Урвачева: «А, ленинцы, большевики!» — и вновь раздавались выстрелы...

Чем могли помочь своим товарищам куртинцы? Они только скрежетали зубами от бессилия.

Наконец достигли леса. Опушка его была пуста, но всюду виднелись следы недавнего пребывания курновцев: брошенные и никому не нужные здесь, под Куртином, противогазы в круглых гофрированных железных коробках, банки из-под консервов. Тут же валялись изношенные дотла портянки, «шосет рюс», как их называли французы, пустые железные ленты от пулемета «гочкис»...

Сквозь деревья уже пробивался рассвет.

И тут, в лесной гуще, замелькали фигуры карателей. Защелкали винтовочные затворы, послышались крики:

— Вот они где!

— Бей их!

Выскочившая вперед группа курновцев, возглавляемая офицером, командиром штурмового отряда, окружила головную группу куртинцев, среди которых был и Глоба.

— Жаль, ночь коротка, — с горечью и досадой проговорил оказавшийся тут же Варначев. — Не успели уйти.

Куртинцы оцетинились штыками и решили сопротивляться до последнего. Но курновцев было много, очень много. Они просто задавили куртинцев своим численным превосходством, силой обезоружили их, убив при этом несколько человек.

Здесь, в лесу, и был схвачен председатель отрядного комитета Глоба со своими товарищами.

На перекрестках военных дорог случаются удивительные встречи. Отрядом, пленившим возглавляемую Глобой группу куртинцев, командовал капитан Жуков, с которым Глоба воевал и в России и во Франции... Жуков представлял Глобу к Георгиевскому кресту, очень уважал своего бывшего подчиненного за храбрость, острый прозорливый ум... Теперь он должен был передать его русским военным властям. Это означало, что Глобу ждет смерть. И капитан поступил иначе: передал унтер-офицера начальнику французского сортировочного поста.

Так вожаки отрядного комитета революционного лагеря избежали расправы.

А в лагере весь день шли разрозненные стычки и бои. Они вспыхивали в разных местах, сопровождаясь ружейной стрельбой, очередями пулеметного огня и разрывами ручных гранат. И везде повторялось одно и то же: захваченные и обезоруженные группы куртинцев под сильным конвоем карателей, подталкиваемые ударами прикладов, следовали в плен. Многие из них были до предела измучены, многие были ранены — их руки, ноги, головы были кое-как перевязаны разорванными рубахами, уже пропитавшимися кровью. Многие шли с открытыми, сочившимися кровью ранами.

К концу дня лагерь Ля-Куртин был разгромлен. Всех уцелевших от расправы куртинцев обезоружили и отправили на приемно-сортировочные пункты. Они шли непобежденными. Они твердо стояли против реакции и умирали со словами: «Мы простые люди, но твердо знаем, что погибает за народ, за правду, за Россию!»

Слава им!

Часть третья

Глава первая

1

К полудню 20 сентября все было кончено. Весь лагерь был занят курновцами и артиллеристами 2-й Особой бригады. Следы жестокого погрома лежали на всем: стены казарм были исклеваны пулями, хрустело под ногами битое стекло, тут и там валялись убитые лошади, и сладковатый запах праха и тлена поднимался над опустевшими строениями...

Военное начальство подводило итоги карательной операции. По официальным данным, число захваченных солдат 1-й бригады и отдельных отрядов 3-й бригады в Куртине составило 8515 человек ²⁰. Сколько было убитых и раненых — точно никто не знал, но, по всем данным, — много. Во всяком случае, убитых больше двухсот, а раненых — не менее четырех сотен... Цифры эти, разумеется, держались в строгой тайне. «Победители» тщательно заматали следы своего преступления: трупы убитых по ночам увозили в поле и там наспех закапывали.

Революционный Куртин держался пять суток, причем наиболее упорное сопротивление он оказал в конце этой кровавой эпопеи, когда никаких надежд на спасение уже не было. 18 сентября карателям удалось захватить всего 49 куртинцев. Большим генерал Занкевич похвастаться не мог, хотя за этот день по оборонявшимся в доме офицерского собрания было выпущено свыше 600 артиллерийских снарядов.

Только под тяжестью голода, при полном отсутствии воды и под ударами во много раз превосходящих сил карателей пал революционный Куртин. Но упорство и стойкость русских солдат, вставших на борьбу за свое правое дело, не были сломлены, борьба еще не кончилась.

После расстрела лагеря куртинцев разделили на три категории. К первой отнесли всех членов отрядного комитета, полковых и батальонных комитетов и председателей ротных комитетов; во вторую вошли члены ротных комитетов и пулеметных команд, солдаты, выступавшие на митингах против Временного правительства и его военных представителей во Франции; все остальные солдаты составили третью категорию. Первая и вторая категории куртинцев были арестованы и посажены в тюрьмы. Наиболее опасных из них заточили в темные казематы острова Экс, знаменитого «Иль д'Экс», расположенного в проливе Антиош Бискайского залива. Там люди заживо гнили в темных и сырых камерах древнего замка

Генриха IV, а когда мест не хватало, то в закрытых баржах, поставленных на якорь у самого берега. Куртинцев третьей категории, голодных и изнуренных, все время держали в поле под усиленной охраной. Холодные ночи были для них сущим адом.

После того как лагерь очистили от трупов и увезли все оружие, военное начальство превратило Ля-Куртин в концентрационный лагерь. Сюда были вновь помещены куртинцы, сведенные в двадцать шесть особых рот. Им не давали жалованья. Пищу отпускали скудную, равную, быть может, лишь половинному размеру солдатского пайка. Совсем не выдавали табака. Только окружающее население оказывало куртинцам, теперь пленникам, внимание и помощь. Простые французы приносили им тайком табак, хлеб, иногда сыр и даже вино. Как ни старалась правительственная комиссия собрать среди местных жителей обличительные показания о поведении куртинцев, ни к чему это не привело. И по сей день хранится акт, составленный комиссией, в котором записаны результаты опроса людей, живущих в Ля-Куртине и прилегающих населенных пунктах, принадлежащих к различным социальным классам. Перед этими людьми ставился один вопрос: могут ли они пожаловаться на русских солдат-мятежников? И всюду на это следовал отрицательный ответ. Наоборот, жители утверждали, что они от русских солдат видели только хорошее, предупредительное отношение, они вели себя как образцовые солдаты и достойные люди. Они добрые, сердечные. А как они любят детей и играют с ними! Они сами как большие дети! Русские очень трудолюбивые, любят помогать в работе по хозяйству. Они добрые друзья...

Французская реакция вынуждена была прекратить «сбор» жалоб на «мятежников». Она боялась, тех глубоких симпатий, которые питал простой французский народ к русским солдатам, особенно к солдатам 1-й Особой пехотной бригады, оставшейся в лагере Ля-Куртин. Французское население было возмущено кровавым произволом русского военного командования и своих властей, проявляло большое сочувствие к приведенным к «повиновению» куртинцам, открыто оказывало им посильную помощь. Сказывалось пролетарское братство, сломить которое реакция была не в состоянии...

А в душах русских солдат росли уже новые чувства. Пережив всю тяжесть борьбы, а затем унижений и издевательств со стороны карателей, герои Ля-Куртина постепенно отходили от состояния обреченности, подавленности. Они начинали вновь сознавать себя бойцами, стали понемногу организовываться. Появились новые вожаки, а вскоре был организован подпольный тайный солдатский комитет. В основу своей

деятельности он положил прежние цели: борьба против империалистической войны, требование возвращения в Россию!

Несмотря на настойчивые просьбы русского командования отправить подвластные ему войска на фронт, несмотря на многочисленные заверения, что дисциплина и порядок будут обеспечены, французская военная администрация на это не шла. Генерал Петэн, напуганный революционным брожением во французской армии, вызванным революцией в России, категорически отказывался от предложений направить недавних мятежников на фронт. О, эти страшные комитеты... А что, если французские солдаты тоже потребуют выборов таких комитетов! Нет, он настаивает на отправлении русских войск в Россию или хотя бы на худой конец на Салоникский фронт.

Занкевич обещал значительно сузить функции комитетов, но Петэн продолжал упорствовать.

— Я могу согласиться оставить русские войска на французском фронте только при условии полного упразднения всяких комитетов, — ответил генерал Петэн на настойчивые просьбы Занкевича. — И то, если не сводить их сразу в бригаду, а использовать отдельными батальонами во французских дивизиях.

Не так просто было послать русских солдат и на работы в тылу. Требовалось добиться «добровольного» желания самих солдат. Кое-что в этом направлении делалось. Прежде всего проводился опрос о желании куртинцев пойти на такого рода работы. Но администрация наткнулась на организованное сопротивление солдат. А подпольный комитет не сидел без дела. В лагере стали появляться его воззвания. Одно из них гласило:

«Товарищи! Категорически отказывайтесь от всякой работы, также как идти на фронт. Нас обманывают: говорят, что нет транспорта отправить нас в Россию. Это ложь! Они не хотят отправить нас в Россию на помощь нашим отцам и братьям. Командование старается обмануть нас разными способами и отправить на фронт, чтобы защищать французскую буржуазию.

Товарищи! Знайте, что близок час нашего столь ожидаемого возвращения в Россию. Ура! Долой тиранов!

Подпольный солдатский комитет» [21](#).

Эти листовки зачитывались до дыр и делали свое дело. Как птицы, перелетали они из рук в руки, будоражили солдатские умы, поднимали угасший было революционный дух.

Голод и продолжающийся террор создавали благоприятную почву для работы подпольного солдатского комитета. Борьба продолжалась, несмотря на то что куртинцы были обезоружены и подавлены. У солдат вновь возродилась мечта о свободе, о возвращении в Россию. Но теперь они были

умудрены опытом. «Куртин» больше не повторится. Они добьются победы, во что бы то ни стало добьются!

В ночь на 22 сентября к станции Ля-Куртин подошел небольшой поезд. Зарешеченные окна вагонов недвусмысленно говорили об их назначении. В вагоны быстро погрузили арестованных куртинцев — это были члены отрядного, полковых, батальонных и ротных комитетов. Руководящую верхушку комитетов поместили в добротные арестантские вагоны, а остальных — в десять переоборудованных товарных вагонов, двери и окна которых были наскоро заплетены колючей проволокой. На рассвете арестантский поезд тихо тронулся на запад, к побережью Атлантического океана.

Ритмичный перестук колес и легкое покачивание вагонов располагали к раздумьям. Да и было о чем подумать. Оказавшись вместе, члены комитетов, в том числе Глоба и Варначев, оживленно обменивались мнениями. Шел строгий анализ ошибок в руководстве борьбой. Упрекать друг друга было не в чем, хотя Варначев и порывался это делать. По характеру он походил на Ткаченко, которого среди арестованных не было: его, наверное, тайком похоронили где-нибудь на куртинском полигоне, как и многих, кто пал в этой неравной борьбе. Какие могли быть упреки? Все понимали, что борьба была необычной и сложной, настоящего революционного опыта ни у кого не имелось, и не удивительно поэтому, что куртинский комитет допустил немало промахов. Но и ошибки многому научили: только борьба обогащает бойцов и руководителей опытом.

Каковы же были выводы? Прежде всего следовало с самого начала четче определить цели борьбы. А в действительности эти цели сложились как-то сами собой, стихийно. Лишь требование о возвращении в Россию было ясно, изначально понятно каждому, выношено, так сказать, в сердце. Но мотивы этого требования опять-таки были не ясны. Официально все объяснялось желанием драться на родной земле, а не на французской. Но, собственно, какая разница? Только между собой, а не с трибуны, солдаты говорили, что в России они не пойдут на фронт, ибо они против затеянной буржуями войны вообще. Конечно, обо всем этом знало командование. Потому-то оно и добивалось беспрекословного повиновения от солдат 1-й бригады Временному правительству и его военным представителям во Франции. Такое повиновение в принципе означало бы, что солдаты

одобряют политику Временного правительства, ратующего за продолжение войны до победного конца.

Вот и нужно было заявить открыто: долой империалистическую войну, долой министров-капиталистов!

И еще одна ошибка — длительное «непротивление злу и насилию». Надо было действовать решительно, подкреплять свои требования, опираясь на силу 1-й бригады и ее монолитность.

— Ошибки, к сожалению, всегда бывают виднее после... — заключил Глоба.

Он сидел с забинтованной головой: даже под высоким попечением французских властей ему не удалось избежать истязаний. Жандармы умеют наказывать «квалифицированно», а не так примитивно, как курновские каратели-палачи. Основательно был побит и Варначев: на его лице, шее и обнаженной груди, прикрытой лоскутами разорванной гимнастерки, виднелись синяки и кровоподтеки. Хватало их и у других арестованных...

Поезд останавливался редко, и то на глухих станциях. Жандармы из кожи вон лезли, чтобы вызвать среди населения неприязнь к арестованным. По всей линии они распространяли слух, что везут изменников и предателей, «бошей», немецких агентов. Но не так-то легко извратить правду. Простые французы знали о событиях в Ля-Куртине гораздо больше, чем о том подозревали жандармы, и относились к русским по-своему. На остановках, даже на глухих станциях, местные жители (и особенно семьи железнодорожников) приносили сигареты, вино, хлеб и незаметно передавали в вагоны арестованным. Они не собирались менять своих симпатий к русским героям. Видя это, даже жандармы как-то размякли, подобрели, стали по-человечески обращаться с заключенными.

При подъезде к Бордо, на глухой станции, были отцеплены вагоны с наиболее опасными «преступниками». Их пересадили в арестантские автобусы и долго везли, пока не выгрузили во дворе тюрьмы. Куртинцы скоро поняли, что тюрьма эта с особо строгим режимом. Разместили их в небольших камерах. Держали в чрезвычайной тесноте и, разумеется, на голодном пайке и в полной изоляции от внешнего мира. Сюда попали все члены отрядного комитета и причисленные к ним члены полковых, батальонных комитетов, председатели ротных солдатских комитетов. Остальных, «злостно выступавших против Временного правительства», как они именовались в протоколах следствия, повезли дальше.

И снова в вагонах горестные суды-пересуды. Который уже раз слышался все тот же вопрос:

— Куда нас везут?

— А вот привезут к Атлантическому океану, выбросят на съедение акулам — и делу конец!

— Не может быть!

— Почему же не может быть?! А расстрелять целый лагерь — это может быть?!

А поезд все постукивал и постукивал на стыках рельсов. Наконец он остановился. Послышалась команда:

— Але ву сортир!

Это значило — выходи.

Все вышли и построились на пустой платформе. Куртинцы поняли, что они на берегу океана. Неподалеку была видна широкая полоса воды. После переклички их повели в порт (как оказалось, Рошфор). Там посадили на самоходную баржу. Пока плыли, один из конвоиров, взявший на себя обязанности переводчика (он, оказывается, будучи раненным, лежал вместе с русскими в одном госпитале и научился там немного разговорному русскому языку), пустился в объяснения. К тому же конвоир был из Рошфора (как не рассказать о родных местах!).

— Вот видите остров, — указывал он на сереющую вдали полосу земли. — Туда вас и везут. Называется он Иль д'Экс. Это знаменитый остров: на него ссылали всех дезертиров французской армии. Здесь когда-то сидел и Наполеон Первый — великий император Франции.

Последние слова конвоир «камарад Жак» (как он представился куртинцам) произнес не без гордости.

Кое-кто из солдат ухмыльнулся. Жак понял смысл этих ухмылок и со вздохом произнес:

— Да, потом императора увезли на остров Святой Елены — так говорят старики, — куда-то далеко-далеко в океан, и там ему наступил конец.

Он снова вздохнул.

Но «камарад Жак», очевидно, не любил предаваться грусти. Уже через минуту он оживленно объяснял:

— По размерам остров невелик, но весь окружен крепостными береговыми фортами: Льедо, Жамбле, Триду, Ля Фор, Ля Рад, Кудпон. Есть на нем деревня Буа-Жоли, это значит — красивый лес. Вот вы и будете сидеть в казематах этого красивого леса! Понятно, камарады? — И Жак широко улыбнулся.

— Как не понять! — вздохнул кто-то. — А вот что там с нами будет? Расскажи, камарад Жак...

— Что с вами будет, я и сам не знаю. Наверное, закуют в каторжные цепи и вы будете работать.

— Н-да, внятно разъяснил...

Между тем остров приближался. Баржа сбавила ход, подошла к пирсу, отдала концы. Вся администрация острова была уже здесь. Куртинцы поняли, что их ждут. Так оно и оказалось. Для них заблаговременно приготовили в тюремных казематах триста мест.

Арестованных выгрузили и развели по казематам. Каменные камеры были построены на самом берегу, причем значительно ниже уровня моря, от этого всегда в них стояла затхлая сырость, с потолка падали капли...

Казематы были обнесены колючей изгородью на крепких, ввинченных в землю железных кольях. Внутри этой изгороди располагались небольшие дворiki для прогулок арестантов...

И начались унылые тюремные будни.

Все время куртинцы дрогли в камерах. Единственным спасением от промозглой сырости были прогулки. Но они так коротки — не более получаса в сутки. Паек мизерный — двести граммов отвратительного хлеба и чашка черного кофе в день... А самое тяжелое: совсем не давали табаку, и курящие страдали вдвойне. Умывальников с пресной водой в тюрьме не было, а в ушатах — морская вода. Все ходили грязные, а вскоре и завшивели. Санитарная часть имела приказ не оказывать «русским мятежникам» никакой медицинской помощи. Даже тюремная администрация удивлялась строгому режиму, установленному для русских. Но он был предписан свыше...

Выдержав арестованных некоторое время в порядке карантина на таком режиме, администрация каторжного острова получила указание привлекать куртинцев на работы. Для них это было целое событие: теперь они получили возможность как-то общаться между собой. Да и дополнительная миска похлебки с двумя-тремя квадратиками сухарей (несчастливая миска похлебки, на которую расщедрилась администрация в награду за арестантский труд!) тоже была благом в их положении.

Собственно, работы как таковой на острове было мало, и комендант Иль д'Экса, как ни изоцрялся, полностью загрузить арестантов не мог. И вот он начал придумывать эту работу: заставлял переносить мешки с цементом с одного места на другое, а потом возвращать их назад. На жалобы заключенных комендант отвечал бранью и угрозами посадить; в карцер. А карцер размещался на плавучей закрытой барже. Она стояла на якорях и все время испытывала на себе удары волн, которые подбрасывали ее и раскачивали, вызывая у посаженных в карцер мучительные приступы морской болезни. Чтобы не угодить в карцер, приходилось терпеть все издевательства. Но положение было невыносимым, и куртинцы все чаще обращались к коменданту Иль д'Экса с протестами. Переводчиком обычно служил «камарад Жак». Он симпатизировал русским и ухитрялся кое-что

передавать куртинцам: то сигареты, то немного табака, а иногда даже и газету. Из газет солдаты и узнали, что Россия бурлит и что там вот-вот наступит революционный взрыв. Это вселяло надежду на то, что, может быть, изменится к лучшему и их положение.

В устье Ранс расположились четыре города: на правом берегу — Сен-Мало, Параме и Сен-Серван; на левом — Динан. В Сен-Серване было несколько французских госпиталей. Сюда-то французская служба эвакуации и направила русских раненых, пострадавших во время подавления мятежного лагеря Ля-Куртин. Причем попали сюда и куртинцы и курновцы. Французы не стали утруждать себя определением их политической принадлежности, и вчерашние враги оказались под одной крышей.

Поначалу все было тихо. И вдруг забежали сестры в поисках дежурных врачей. Творилось что-то необычное: раненые затеяли драку.

А дело было так. Солдаты спокойно лежали и разговаривали между собой.

Чем дальше длилась беседа, тем явственнее становились различия в их взглядах. И началось:

— Постой, браток, да ты откуда попал-то сюда?

— Из Ля-Куртина. А ты?

— Я курновец!

— А-а-а! Значит, ты каратель, продажная душа, ты бил нас!

И тут же в ход пошли костыли и вообще все, что попало под руки. Били друг друга по головам, спинам, рукам, ногам, били по свежим ранам. Госпиталь наполнился душераздирающими криками, по палатам из угла в угол летели табуреты, кувшины, даже судна...

В схватку вступали новые и новые раненые, шли по старому русскому обычаю стенка на стенку. Дежурным врачам стоило огромных трудов вместе с сестрами, санитарями и вспомогательным персоналом кое-как разнять и успокоить дерущихся.

В конце концов «воюющие стороны» были разведены по разным палатам.

Тут же на «место происшествия» явилась вся администрация госпиталя. Начали выяснять обстоятельства дела... Так вот оно что! Оказывается, русских нельзя лечить вместе. Они, оказывается, враги: дрались друг против друга в лагере Ля-Куртин. Значит, у них началась гражданская война, как было в свое время во Франции...

Стали сортировать раненых. Курновцев оказалось значительно меньше, и их перевезли в госпиталь Сен-Мало. В Сен-Серване остались одни куртинцы. Так установился порядок.

В палатах, где лежали тяжелораненые, было тихо: больные здесь были почти все время без сознания. Но их администрация тоже поделила. А вдруг придут в сознание, определят, к каким лагерям принадлежат, и начнут драку. Тут дело чревато смертельным исходом: раненые находятся в столь тяжелом состоянии, что один удар может лишить человека жизни.

Среди тяжелораненых был и Гринько. Он лежал в третьей палате. Голова его, грудь и рука были забинтованы. Он только что перенес операцию, кровь еще просачивалась сквозь повязку на правой стороне груди.

...Тихо, спокойно лежит Ванюша. Дыхание ровное. Изредка он шевелит сухими губами.

Вот Ванюша с трудом открывает глаза, обводит палату недоуменным взглядом, пытаясь понять, где находится.

— Пить... — тихо просит он.

Санитар-аннамит склоняется к нему, но не понимает, что нужно раненому.

— Буар, — по-французски говорит Ванюша.

И тогда санитар прислоняет к его губам чашку с водой.

Ванюша не знает, что рядом с ним с проткнутой штыком грудью лежит Андрей Хольнов. Его тоже оперировали, но он еще не пришел в себя.

Андрей, так же как и Иван Гринько, был подобран французскими санитарями в Ля-Куртине в бессознательном состоянии, попал с Ванюшей в один вагон и вот теперь в госпитале оказался в одной с ним палате.

Так, между жизнью и смертью, провели они не одну неделю. Но молодость побеждала, и тяжелые раны стали заживать. У Ванюши организм был крепче, чем у Андрея, да и рана у него в груди была чистая, пулевая, не то что у Хольнова — грязная, рваная. Ванюша первый пришел в сознание и первым узнал своего друга. А когда опамятовался и Андрей Хольнов, радости их не было предела.

Они без конца вспоминали последнюю схватку в лагере. Ванюша ясно видел лицо офицера с голубыми, слегка помутневшими глазами, которого убил в упор, попав ему в левую половину груди — очевидно, в сердце. Он помнил, как затем его самого что-то сильно и коротко ударило в грудь и обожгло... Хольнов также живо представлял картину боя. Сперва дрались в казарме, а потом выбежали на улицу... Замахнувшегося на него прикладом курновца Андрей заколол штыком прямо в грудь. Штык вошел с хрустом по самую бронзовую рукоятку и больше не подавался. Андрей выдернул его

обратно, когда противник уже валился на землю, и побежал вперед. Помнил он и то, как перед его глазами блеснул чужой штык. Удар в грудь — и что-то холодное вошло в тело. Потом все сразу оборвалось...

Друзья сперва могли лишь сидеть в кроватях, позже научились вставать и даже ходить по палате. Правда, они были пока очень слабы, но французы лечили их хорошо, с большим вниманием и заботой.

Как-то раз санитар-аннамит не вошел, а вбежал в палату и весь сияющий сунул Ванюше газету. Ванюша стал читать то место, куда аннамит тыкал пальцем. «Победа социалистической революции в России. Ленин захватил власть. Временное правительство России арестовано. Керенский бежал, переодевшись в платье сестры милосердия! II съезд Советов поручил формирование Советского правительства Ленину». Ленин, Ленин, Ленин — пестрела газета. «Ленин предлагает заключить немедленный мир без аннексий и контрибуций. Рабочие и крестьяне России приветствуют социалистическую революцию и выражают полное доверие и поддержку Рабоче-крестьянскому правительству Советской России, возглавляемому Лениным...» II съезд Советов 26 октября 1917 года принял декрет о мире. Съезд декларировал полный отказ Советского правительства от всяких захватнических договоров и предложил всем воюющим народам и их правительствам немедленно приступить к переговорам о заключении всеобщего и справедливого мира. Съезд принял декрет о земле, по которому вся помещичья земля конфискуется без выкупа и переходит в руки народа.

Делегаты съезда Советов разъехались по стране проводить в жизнь принятые декреты... Наконец-то партия большевиков взяла власть в России в свои руки!

Сердце Ванюши колотилось так, что готово было вот-вот вылететь из груди. «Свершилось!» — пронеслось в голове. И это слово как бы разом вобрало в себя все, о чем столько думалось.

— Свершилось! — кричал Ванюша Андрею, и они еще и еще раз перечитывали газету.

Не все было понятно им, но внутренний голос говорил, что события произошли великие и жизнь теперь начнется другая. Сама палата, казалось, была озарена радостью и надеждой.

— А недаром мы пролили кровь в Ля-Куртине, — сказал Андрей Хольнов.

— Не зря, не зря, Андрюша!

Третьим, кто присутствовал в палате и тоже светился счастьем, был санитар-аннамит. Он плохо понимал по-русски, но поддался радостному настроению друзей и старательно произнес:

— Караша Русь!

— О, брат мой, как еще хороша! — воскликнул Ванюша, обняв санитаря. — Спасибо тебе, что ты принес нам эту радостную весть.

А санитар вдруг загрустил, уставясь в одну точку. Наверное, вспомнил свою солнечную страну — он был родом из-под Ханоя, работал там грузчиком в порту.

Ванюша заметил перемену в настроении санитаря и еще крепче прижал его к себе.

— Не грусти, друг, будет праздник и на твоей улице.

— Да, да, будет, обязательно будет... — кивал головой санитар.

Ванюша и Андрей поспешили поделиться радостью с другими ранеными. Они пошли по палатам, и, когда все собрались в столовой, Ванюша опять стал читать французскую газету и разъяснять, как мог, то, что произошло 25 октября 1917 года в России, в Петрограде — городе, на который обращены теперь взоры всей России, да и всего мира. И сразу завязалась оживленная беседа.

— Смотри, как здорово палила «Аврора» по Зимнему дворцу. Моряки не подвели, молодцы, братишки! — восхищался раненый, когда-то служивший во флоте. Ванюша знал, что он был списан с корабля из-за неблагонадежности — отказался в холуи пойти. А теперь вот, во время лякуртинского побоища, потерял ногу...

— Да и гвардейцы не подкачали, — подхватил курносый блондин с рыжиной — он раньше служил в лейб-гвардии Павловском полку.

— Да не твой ведь полк был за революцию, а главным образом Семеновский, — возразил ему сосед. — В Семеновском мой братан и сейчас служит за веру... — и он запнулся. — Ну, там и за... отечество.

Все громко захохотали.

— Ну и ну, чуть не выпалил — за веру, царя и отечество.

— Ну, а что ж, — огрызнулся солдат, — мы еще не привыкли ко всяким там новым словам.

— Правильно, правильно, друг. Не за царя, конечно, а вот за веру — это точно, за нашу народную веру.

— И за отечество тоже наше, народное...

Вскоре весь Сен-Серванский военный госпиталь, заполненный русскими ранеными, был возбужден вестью об Октябрьской социалистической революции в России. Все раненые наперебой рассуждали о том, что их ждет впереди.

— Теперича ко всем чертям всякие следствия и прокуроров, всяких там Занкевичей, Раппов и Лохвицких! — кричал пожилой солдат.

— В Россию, братцы, в Россию отправят, — радовался совсем еще безусый юнец.

Пришел дядя Жак, как все называли старого военного фельдшера, и принес газету «Юманите». Газета горячо приветствовала социалистическую революцию в России. Полное лицо дяди Жака расплывалось в улыбке. Он, старый социалист, полюбил русских и всегда старался облегчить их страдания. Внимательно ухаживал за тяжелоранеными, заботливо накладывал повязки. Теперь, когда раненые подлечились и начали понемногу ходить, дядя Жак организовал кружок по изучению французского языка. Он в молодости был учителем в начальной школе и сохранил способность и тягу к преподаванию.

Дядя Жак тоже говорил, что теперь положение русских раненых должно улучшиться. Наверное, им дадут полноценный госпитальный рацион питания, что, конечно, ускорит выздоровление. А там, глядишь, отправят на родину...

Только санитар-аннамит не разделял этих надежд дяди Жака и отрицательно покачивал головой. Видимо, он имел на этот счет свое мнение, основанное на его личном опыте: что-что, а «доброту» французских военных властей он хорошо знал и не верил им. Да и русские не все верили в скорые перемены.

— Да, улучшится, — иронически заметил один из раненых. — Поживем — увидим, сказал слепой.

— Что слепой! И зрячие испытали, что такое доброта французских буржуев, — добавил другой солдат, у которого не хватало левой ноги; он опирался на бамбуковый костыль, привезенный с родины санитар-аннамита.

Санитара все звали «Карант-ун» — так было написано в его солдатской книжке.

«Карант-ун» — не имя, не фамилия, даже не кличка. «Карант-ун» всего-навсего номер — сорок первый. Французские военные власти не удосужились записать в солдатскую книжку санитару его подлинную фамилию, а записали номер. Так за санитаром он и укрепился вместо имени. Что ж, для французских офицеров аннамит был просто солдатом под номером — скажем, как лошадь.

Похоже, санитар оказался прав...

Администрация госпиталя собрала всех ходячих раненых в столовой и зачитала приказ военного министра Франции:

«С сего числа все русские войска, находящиеся во Франции, поступают под заботу и попечение французского правительства и обязаны беспрекословно подчиняться всем французским законам, положениям и военным уставам, а равно и всем распоряжениям военного командования. В случае неповиновения и неподчинения военным властям и его командованию на местах виновные в совершении этого будут привлекаться к ответственности и караться по французским законам военного времени».

— Вот тебе и облегчение! — загудели куртинцы.

— Это объявление во всех газетах напечатано, — сказал Ванюша. — Французское и английское правительства отвергли предложение Советского правительства о немедленном заключении справедливого мира и отказались даже признать наше правительство. Оно, мол, не выражает волю русского народа и является незаконным. Вон куда гнут! Советы, дескать, насильно захватили власть и не вправе выступать от имени народа, представлять волю всех слоев населения Российской империи. Опять поют старую песню: в Советах — немецкие агенты.

— Да какое им дело до наших Советов?! — возмутился кто-то из раненых.

— Черт с ними, пускай не признают, пускай в Россию отправляют!

А Ванюша все больше воодушевлялся. Он знал немного историю Франции, и теперь сами собой напрашивались аналогии:

— А ведь когда-то и французы, самые бедные, конечно, голытьба, «санкюлоты», как их называли, тоже, как мы в лагере, восстали против власти короля и феодалов. Поджигали замки и поместья, отбирали землю у этих самых феодалов, отрубили голову королю. Эти самые голоштанники Парижа, говорят, даже разбили королевскую армию и взяли Бастилию, ну, словом, тюрьму для особо важных преступников, вроде Иль д'Экса, и уничтожили ее. Теперь на площади Бастилии только след этой крепости выложен белым камнем. Революцию эту называют Великой Французской революцией, и она действительно была великой, настоящей народной революцией. Да вот дядя Жак говорит, что не сумел тогда народ удержать власть в своих руках, и буржуи перехитрили простых людей и взяли власть в свои руки, а народу сказали, что тебе, мол, мы установим великий праздник — 14 июля, — день твоего освобождения, и на деньгах, которых у тебя нет, мы выьем девиз: «Свобода, равенство и братство».

Раненые внимательно слушали. Ванюша продолжал:

— Вот как околпачили народ Франции. Он, конечно, это понял, да поздновато. Попробовал было после франко-прусской войны, после позорной капитуляции под Седаном и после других поражений выступить против императора и буржуазии, поднялся опять штурмовать врага на

баррикадах, да не удалось свалить богачей, не удалось удержаться у власти. Только два месяца продержалась Парижская коммуна...

— Да ты, браток, грамотей! Откуда это тебе известно?

Но на отпустившего эту реплику зацыкали, он стушевался и замолчал.

— Это всему миру известно, — продолжал Ванюша. — Нас в темноте держали, нам и не известно. Так вот теперь французские власти, так же как и наши узурпаторы в Ля-Куртине, требуют беспрекословного подчинения французским буржуазным законам, положениям и воинским уставам. И грозятся в случае чего карать по законам военного времени. Мы против этого! В России организовалась наша кровная рабоче-крестьянская власть во главе с Лениным. Теперь надо защищать Советскую Россию и беспощадно бить ее врагов...

Раненые расходились, комментируя Ванюшины слова.

— Что же это такое? — развел руками Андрей. — Опять война, опять защищать, опять врага бить. Здорово ты закончил, нечего сказать...

— Не тебе говорить это, Андрей. Ты все время дрался и здесь очутился после тяжкого боя. Так что ж, за нашу родину, за нашу рабоче-крестьянскую власть не постоишь?! Разве мы останемся в стороне, если понадобится защищать Советскую власть?

— Да я-то, Ваня, знаю, что не смогу остаться в стороне. Как это в стороне? Об этом и разговору не может быть. Но что нам делать здесь, во Франции?

— А этого, Андрюша, наверное, никто не знает. Пока что нам надо лечиться, набираться сил, а за это время прояснится обстановка, вот тогда и решим.

Проходили дни, недели. Лечение шло успешно, раненые поправлялись и часто грелись под неярким осенним солнцем. Некоторые ходили в город и даже в Сен-Мало, где лечились курновцы, с которыми отношения стали более или менее налаживаться: роднила одна судьба. Но случались, конечно, и ссоры, переходившие в стычки.

Сен-Серван и Сен-Мало разделяла бухта. Во время прилива туда заходили даже океанские корабли. От океана бухту отрезала длинная дугообразная дамба со шлюзом. В часы прилива шлюз закрывался и удерживал в гавани нужный уровень воды. Корабли спокойно оставались у причалов или ждали очереди в бухте, на бочках. Когда вода уходила, дно обнажалось; кое-где оставались небольшие мелкие лагуны, где копались ребяташки и женщины с корзинами; они собирали все съедобное, что оставлял океан.

Сен-Серван и Сен-Мало сообщались между собой чаще всего посредством дамбы. На этой дамбе и происходили баталии между

непримиримыми куртинцами и курновцами. Прихватят на дамбе куртинцы одного-двух курновцев, а то и небольшую группу, разумеется значительно уступающую им по численности, и начнут вбивать «сознание» бывшим карателям кулаками и свинчатками: знай, мол, как усмирять своего брата. Побоища часто кончались печально: смотришь, кому-нибудь зубы повышибут, а то и глаз выбьют. Поэтому куртинцы да и курновцы избегали ходить в одиночку. Иногда в эти столкновения вмешивалось гражданское население, и тогда потасовка кончалась тем, что обе стороны — и куртинцы и курновцы — объединялись и давали сдачи непрошеным заступникам, повинаясь правилу: две собаки грызутся — третья не лезь.

Дядя Жак на каждом уроке кружка по изучению французского языка давал Ванюше Гринько свежую газету «Юманите», и тот читал ее раненым. Она подробно и правдиво освещала события в России. Материалы «Юманите», как небо от земли, отличались от содержания «Русского солдата-гражданина во Франции» и «Общего дела» ²², которыми русских раненых усиленно снабжала администрация госпиталя. Обе газеты были контрреволюционного толка. В них перепевались на все лады призывы: «За войну до победного конца», «За восстановление великой России при помощи союзников». Все это сопровождалось злобной руганью в адрес большевистской революции в России. Не гнушались эти газетенки и самыми вздорными выдумками, которые выдавались за точные факты. Так, например, сообщалось, что красногвардейские отряды якобы уничтожают честных людей России, а детей, мол, эти изверги рода человеческого берут за ножки и раздирают пополам.

Этим злопыхательским басням и непостижимому вранью, разумеется, никто из раненых не верил, да попросту и не читали этих газет: благо бумага, на которой они печатались, была тонкой и мягкой, и газеты использовались «по прямому назначению».

Зато «Юманите» зачитывалась до дыр. Все раненые замучили Ванюшу: прочитай да прочитай, «что делается в Расее». Гринько читал безотказно и тут же, как мог, давал необходимые разъяснения, поэтому раненые были более или менее в курсе событий, происходивших на далекой родине. Они знали, что немцы отвергли мирные предложения Советов, что генерал Духонин отказался выполнить требования Советского правительства о заключении перемирия и смещен со своего поста, а затем убит восставшими солдатами. 9 ноября 1917 года назначен первый советский Верховный Главнокомандующий — прапорщик Н. В. Крыленко, а начальником штаба ставки — генерал М. Д. Бонч-Бруевич... Советская власть с воодушевлением принята народом и успешно устанавливается во всех городах России. Для борьбы с саботажниками и зялыми контрреволюционерами учреждена

Всероссийская чрезвычайная комиссия — ВЧК — и во главе ее поставлен Ф. Э. Дзержинский.

Одно известие было радостнее другого. Советское правительство через нейтральные страны обратилось к Германии и Австро-Венгрии, Болгарии и Турции с предложением начать переговоры о немедленном перемирии. 27 ноября 1917 года германское правительство заявило, что оно уполномочило главнокомандующего войсками восточного фронта Леопольда Баварского начать переговоры. Советское правительство, получив ответ германского правительства, попросило отсрочить переговоры на пять дней — до 2 декабря 1917 года — в надежде привлечь к мирным переговорам страны Антанты. Но союзники отказались от мирных переговоров и настаивали на продолжении войны до победного конца.

Наконец 3 декабря 1917 года в Брест-Литовске начались переговоры о заключении перемирия. Со стороны Германии вел переговоры начальник штаба фронта генерал Гофман. Германия от имени своих союзников отклонила все разумные предложения советской делегации и поставила жесткие условия. Но тяжелое положение в тылу австро-германцев заставило их все же пойти на уступки: 5 декабря 1917 года было заключено соглашение о перемирии на десять дней...

То и дело собирались раненые в кружок и говорили, говорили. И все надеялись, что уж теперь-то увидят родную Россию.

Узнали об Октябрьской революции в России и заключенные тюрьмы с особо строгим режимом в городе Бордо. И перед ними забрезжила надежда на спасение. С восторгом слушали они вести о первых шагах Совета Народных Комиссаров, о твердых и настойчивых действиях Ленина.

Первое известие о великих событиях в России принес в тюрьму дядя Мишель (так звали старика-надзирателя). Оно было короткое. Старик, напустив на лицо строгость, проговорил тихо, так, чтобы не слышал чернокожий часовой:

— Русские рабочие и крестьяне под руководством большевиков взяли власть в свои руки, создали Советское правительство и премьером назначили Ленина. Наша буржуазия и все газеты очень ругают русских большевиков, значит, власть в России действительно взяли в свои руки бедные люди...

Это известие с быстротой молнии облетело все камеры. А дядя Мишель как ни в чем не бывало скрылся в своей служебной комнатке. Этот человек

многого насмотрелся за три года войны и из преданного властям тюремного надзирателя превратился в доброго товарища арестантов, который всегда окажет какую-нибудь услугу: то от карцера спасет, то записочку передаст с воли, а то и «расскажет что-нибудь утешительное. Меняются люди.

Как-то среди ночи по коридорам застучали кованые сапоги надзирателей. Тюремщики открывали камеры, по списку вызывали русских и приказывали собираться в дорогу.

Все были в недоумении: куда, что ждет их впереди? Однако быстро оделись в свои донельзя изношенные шинели и построились во дворе тюрьмы. В стороне появился конвой: значит, куда-то поведут. Глоба призвал всех к выдержке, спокойствию и тут же высказал предположение, что дело движется к лучшему: ведь недаром же взяли власть в России мозолистые руки рабочих и крестьян.

— Да и мы, стало быть, недаром боролись в Ля-Куртине, — отозвался Варначев.

Послышалась команда:

— Становись по два.

Арестантов еще раз пересчитали, потом их окружили конвойные и повели за ворота тюрьмы. Там русских поджидала еще одна группа конвоиров. Арестованных усадили в специальные трамваи и повезли к железной дороге. Разговаривать и курить было запрещено, по углам вагонов торчали конвоиры. Ночь была на редкость темная. Трамваи с грохотом проносились по пустым улицам, нагоняя тревогу. Многие теперь уже думали о другом: расстреляют без суда — и делу конец. Но какой-то внутренний голос говорил, что нет, не может быть... Как это так — расстрелять без суда, ведь следствие еще не закончено, обвинительное заключение не предъявлено... Дело формальное, конечно, но все же... А как же в Ля-Куртине? — возникала новая мысль. Расстреляли же целую бригаду! А тут группа безвестных арестантов. Кому они нужны? Кто их спасет от произвола власть имущих, которым не нужны для расправы над людьми ни моральные, ни юридические нормы и обоснования. Классовая борьба беспощадна.

Мучительно тянулись минуты. Вагоны визжали на крутых поворотах, а редкие электрические вспышки под трамвайными дугами озаряли лица сумрачных конвоиров.

На железнодорожном тупике всех пересадили в арестантские вагоны и под усиленным конвоем повезли куда-то дальше. На другой день прибыли на станцию Рошфор. Арестантов вывели на пристань и погрузили на самоходную баржу. Захлопнули люки. Был слышен лишь приглушенный

плеск волн, баржа тихо покачивалась. Наконец все стихло. Загремели люки, послышалась команда:

— Выходи.

Так и этот транспорт арестантов прибыл в Иль д'Экс.

Арестантов распределили небольшими группами по казематам, и они попали в объятия своих же друзей — куртинцев, членов батальонных и ротных комитетов. Солдаты обнимались, целовались, плакали от радости. Тут-то и узнали узники из тюрьмы Бордо, что теперь над русскими войсками во Франции господствуют французские законы, а законы эти к иностранцам применяются «по-особому», то есть с таким беззаконием, что от хваленной французской демократии вообще ничего не оставалось.

— Таскаем мешки с цементом с одного места на другое — вот тебе и работа, и закон, и справедливость, — возмущались «ветераны» Иль д'Экса.

И снова потянулись тяжкие тюремные будни.

Но мятежный дух куртинцев смирить было невозможно. Он пробивался сквозь все препоны. Появились небольшие, написанные от руки листовки, которые на работах можно было обнаружить между мешками и цементом. Из одной такой листовки заключенные узнали, что французские власти, боясь международных осложнений, а также под давлением протестов Советской России не решились осуществить свой коварный замысел — предать куртинцев военно-полевому суду. «Скоро наступит освобождение, — говорилось в листовке. — Продолжайте борьбу!»

Как-то перед выходом арестантов на работу на плацу появился комендант острова и приказал построить всех заключенных в каре с интервалами между казематскими группами, чтобы исключить какой бы то ни было контакт. Он прошелся перед строем, заложив руки за спину, и начал свою речь:

— У нас во Франции даром хлеб никто не ест, по закону это не положено. Мы ведем тяжелую войну, и каждый, кто живет на французской земле, должен трудиться на пользу Франции, содействуя тем самым скорейшей победе над Германией и ее союзниками. Вы составляете обузу для Франции, мы не знаем, кто и когда будет расплачиваться за ваше содержание и питание. Поэтому вас скоро направят на полезные работы в те районы Франции, которые будут указаны администрацией свыше.

— Мы уже расплатились, господин комендант! — послышался ясный и твердый голос в центре каре. — И за себя и за нашу страну. Мы целый год защищали французскую землю под Реймсом, мы обильно полили ее своею кровью под Бримоном, да и на других участках фронта много наших братьев пали смертью героев. Какой еще цены вам надо, какого вы расчета требуете? По приказу своего правительства вы помогли зверски расстреливать нас в

Ля-Куртине, а теперь мучаете голодом и посылаете на каторжные работы, которые угнетают нас своей бессмысленностью.

— Кто, кто это говорит? — всполошился комендант. — Взять его!

Но конвоиры никак не могли найти говорившего: голос доносился из гущи строя.

— Мы едим не ваш хлеб, а наш кровный, российский, который присылает нам наш народ, — прозвучал голос с левого края каре.

— Атансьон, внимание! Развести группы на работы, — распорядился взбешенный комендант.

На этом и закончился разговор. Но он оказался весьма полезным. По крайней мере, коменданту был вручен счет, по которому буржуазная Франция должна будет платить, а не получать. «А во-вторых, — думали арестанты, — судить военно-полевым судом нас, очевидно, не будут. Вместо каторжных издевательских работ на острове Иль д'Экс предполагается отправка на работы во все концы Франции. А это означает, пожалуй, и полное освобождение из-под стражи».

Беседа имела и другие полезные последствия. Конвоиры слышали, что говорили куртинцы в ответ коменданту острова и, по-видимому, поразмыслив над этим, стали более человечными. Поэтому камараду Жаку удалось за два-три дня обежать все казематы и передать заключенным очень важные сведения. Он сообщил, что получен приказ произвести среди русских вербовку волонтеров для службы в союзных армиях, главным образом во французской армии, и отправить этих волонтеров в Рошфор. Всех же остальных вывезти с острова на общепользные работы во Францию.

Действительно, через несколько дней администрация провела опрос всех куртинцев-ильдэксцев. Волонтеров не оказалось. Повторный опрос на другой день дал те же результаты. Началась отправка на работы. В течение недели на острове освобождался каземат за казематом. Всех отправляли в Рошфор, а оттуда по железной дороге — в разные районы Франции. Попадали люди в основном на лесоразработки, на угольные шахты и рудники.

С большой надеждой на лучшее встретил весть о свершившейся в России Октябрьской революции и лагерь Ля-Куртин. Находившиеся здесь русские считали, что боролись не напрасно, что какая-то капля их мужества влилась в общенародный поток великой борьбы рабочих и крестьян России,

который смел своим бурным напором помещиков и фабрикантов, капиталистов и их прислужников и утвердил власть Советов...

Но французское правительство не желало оставлять в Ля-Куртине русские войска. Солдат начали вербовать на работы главным образом военного значения. Началась отгрузка русских и из Ля-Куртина.

Большинство солдат-куртинцев отвергли это предложение и продолжали требовать отправки в Россию. Это вызвало ряд репрессий. Куртинцев стали морить голодом: ведь «во Франции никто даром хлеб не ест». Затем солдатам объявили, что неподчиняющихся будут посылать в разные места на принудительные работы.

Для приведения этой угрозы в исполнение к лагерю вновь стали подтягиваться французские войска. Ля-Куртин был оцеплен усиленным нарядом патрулей, солдатам запретили отлучаться за пределы лагеря. «Все нарушающие этот режим будут немедленно арестовываться», — говорилось в приказе генерала Комби.

В результате репрессий и запугивания французскому командованию удалось отправить на работы около трех тысяч человек. Но почти шесть тысяч русских солдат все же оставалось в лагере и продолжало стойко держаться. Они категорически отказались ехать на работы, не говоря уже о том, что с возмущением отвергли всякие предложения отправиться на фронт. Какие только меры жестокости к ним не применялись! Но успеха французскому командованию эти меры не принесли. Куртинцы мужественно переносили всякие издевательства. «Ни в легион, ни на работы не пойдем» — эти заявления произносились твердо и решительно. Русских людей не учить переносить горе и мучения!..

Однако и французская реакция умела обращаться с непокорными. Были применены крайние меры, и началось формирование отрядов для отправки в Северную Африку.

Так вели неравную борьбу революционные солдаты 1-й русской бригады во Франции с русско-французской реакцией. Солдаты России показали непреодолимую стойкость и замечательное упорство в борьбе за свое право вернуться на родину. А русско-французская реакция на веки вечные покрыла себя несмываемым позором. Она поступила, как самый настоящий палач, применив против верных сынов России, проливших свою кровь на полях Шампани, оружие и жестоко с ними расправившись.

Оставался еще один клочок земли, где были русские солдаты — лагерь Курно. Что же происходило здесь? Значительно пополнившийся революционными солдатами 1-й Особой бригады, которые прибывали в Курно разными путями, он постепенно приобретал революционные черты. Ведь только небольшое количество курновцев участвовало в подавлении и

расстреле лагеря Ля-Куртин. Основная же масса солдат 3-й бригады не была причастна к этому позорному делу, наоборот, даже сочувствовала куртинцам и быстро революционизировалась. Поэтому вести об Октябрьской революции в России были встречены курновцами не менее восторженно, чем в Ля-Куртине, с возросшей надеждой на возвращение в Россию.

Приказ французского командования о переходе всех русских войск во Франции под юрисдикцию и управление французского правительства вызвал много толков и рассуждений. «Что будет с нами? Не задержится ли отправка в Россию?» — эти и тысячи других вопросов задавали себе курновцы. Червь тревоги все больше точил солдатские сердца, и смутные думы копошились в головах русских людей, не предвещавшие начальству ничего хорошего.

Впрочем, русское командование сочло благоразумным отойти в сторону от всех событий и кое-как, с неохотой, выполняло французские приказы и распоряжения. Занималось оно преимущественно следствием, арестами и преследованием солдат за революционные настроения, за мятежные высказывания в комитетах и на собраниях. Русское офицерство тоже терзали внутренние сомнения и думы, оно дошло до полного морального падения. Офицеры беспокоились за свое будущее и старались как-то пристроиться на французскую службу. Большинство из них стремилось остаться в армии, некоторые же не прочь были устроиться на гражданской работе. И почти никто не разделял солдатских убеждений, которые сводились, главным образом, к тому, чтобы скорее кончать с чуждой народу войной и скорее отправиться домой, в Россию.

И разумеется, в основной своей массе офицерство было настроено против Советской власти, горело желанием драться с ней не на живот, а на смерть, лелеяло надежду, что в России обязательно найдутся силы, которые разгромят взбунтовавшуюся чернь. Ведь разгромили же они революционный Ля-Куртин. Да и союзные правительства обязательно придут на помощь сторонникам самодержавия, обеспечат оружием, деньгами и всем необходимым для ведения борьбы.

Об этом шли упорные толки среди офицеров, и они с надеждой ждали дальнейших событий. Что ж, их надежды в какой-то мере оправдались: во второй половине декабря Антанта и США разработали план интервенции против Советской России и разделения сфер влияния, то есть захвата Украины, Кавказа, Крыма и Бессарабии, которые являлись для Франции, Англии и США весьма лакомыми кусками.

Особенно взбесило офицеров решение Советского правительства об упразднении чинов и званий. Еще бы! Рушились устои, на которых покоилась вся жизнь дворянского кадрового офицерства. Был окончательно

потерян всякий контакт с солдатами: офицерство было само по себе, а солдаты — сами по себе. Так отчетливо определялись две враждующие, непримиримые стороны.

В такой обстановке в лагере Курно развернулась активная кампания в связи с так называемым «трияжем» ²³. Перед каждым русским солдатом был поставлен вопрос: намерен ли он продолжать войну? Если да, то предоставлялась возможность записаться в русский легион. Тот, кто не хотел ехать на фронт, должен был направиться на добровольные работы в тылу, что также считалось помощью Франции в войне. А те, кто упорно отказывался от того и другого, высылались в Северную Африку на принудительные работы. Иного выбора уже не было.

Три этих условия взбудоражили солдат лагеря Курно. Люди собирались группами и думали тяжелую думу: как быть и что делать? Самая большая часть солдат, несколько тысяч, решила идти на добровольные работы, совсем небольшая группа, человек двести с небольшим, согласилась воевать: они вошли в так называемый русский легион.

Остальные решили: будь что будет. Подумаешь, чем запугали русского солдата — Африкой! Принудительными работами! Нас, солдат, всегда принуждали: принуждали служить, принуждали воевать, принуждали голодать и работать на барина, принуждали умирать. Мы и не такое видали! Пошли за вещмешками — и айда в Африку.

Действительно, они дружно забрали свои пожитки и пошли в бараки, указанные для «африканцев».

Солдат, добровольно согласившихся ехать в Северную Африку, было более двух тысяч. Факт, трудно объяснимый. То ли отвращение к войне сказалось, то ли проявилась вековая тяга русского человека к дальним странствиям. Даже французское командование было поражено этим фактом. Но оно быстро опомнилось и поспешило обратить решение русских солдат в свою пользу. С «африканцами» обращались, как с обычными арестантами, установили для них строгий тюремный режим, полуголодный паек, полную изоляцию от остального лагеря. В такой обстановке солдаты готовились к отправке в Северную Африку.

Горькими слезами будут оплакивать эти несчастные свою судьбу...

Глава вторая

1

А между тем в сен-серванском госпитале жизнь шла своим чередом. Постепенно число раненых убавлялось: тот, кто поправлялся — хочешь или не хочешь, — уезжал в лагерь Курно, другого направления администрация не давала. Поэтому куртинцы старались всякими правдами и неправдами задержаться в госпитале возможно дольше: уж очень не хотелось ехать в Курно, как будто с повинной.

Дядя Жак все так же вел занятия в кружке по изучению французского языка и, кстати, регулярно приносил «Юманите». В качестве практики читали эту газету на уроках. Главным переводчиком по-прежнему был Ванюша, хотя многие участники кружка уже кое-что понимали сами.

И по-прежнему думы раненых уносились к далекой родине, откуда шли будоражившие солдатские сердца вести. Из «Юманите» куртинцы узнали, что бежавший Керенский объединился с генералом Красновым, а последний собрал казачьи части и начал наступление: захватил Гатчину, нацелился на революционный Петроград. Эсеры и меньшевики создали «Комитет спасения родины и революции», стараясь псевдореволюционными звонкими названиями запутать людей труда. А тут — восстание юнкеров в Петрограде, такой же юнкерский мятеж в Москве... Сложная обстановка. Но рабочий класс и революционные солдаты Питера разобрались что к чему: разбили под Пулковом казачьи части Краснова, намылили холку юнкерам.

Немало поволновались раненые, когда узнали, что «Викжель» ратует за «однородное социалистическое правительство». Эсеры и меньшевики сразу за это схватились, туда же потянули Каменев, Рыков, Ногин, Милютин, Зиновьев и некоторые другие. Ленин твердо выступил против этой буржуазной затеи: Каменев снят и освобожден от обязанностей Председателя ВЦИК, вместо него избран Свердлов.

Раненые куртинцы радовались триумфальному шествию Советской власти по всей стране. Контрреволюция бесится, саботирует, объявила террор. Но тщетно. В армии упразднены чины и звания, учреждена выборность командного состава.

Советская власть приступила к демобилизации старой армии — все равно она небоеспособна. Тяга домой крестьянских масс, одетых в солдатские шинели, была настолько сильна, что сдержать их не

представлялось возможным. Скорей домой — делить помещичьи земли, иначе тот, кто не на войне, лучшие земли захватит! И поехали стихийно, на чем только могли, солдаты домой. Но на всякий случай прихватывали с собой винтовки, а то и пулеметы: мало ли что — пригодятся!

А революция нуждается в защите. И вот 15 января 1918 года под председательством Ленина собирается Совет Народных Комиссаров. Он принимает декрет «О Рабоче-Крестьянской Красной Армии» на добровольных началах...

Прошли выборы в Учредительное собрание по спискам, составленным еще до Октября. И конечно, большинство получили буржуазно-помещичьи партии вкупе с эсерами и меньшевиками. Когда Учредительное собрание начало работу, ВЦИК предложил ему принять выработанную накануне Лениным «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Куда там! Учредительное собрание не только отказалось утвердить Декларацию, но не стало даже обсуждать ее, заявив, что оно не признает Советского правительства.

Ничего не оставалось Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету, как распустить «учредилку», что и было сделано 6 января 1918 года. Поднялся во весь свой богатырский рост революционный матрос и скомандовал: «Разойдись!» Слово это великим эхом прозвучало по всей России, и Гремело, подхватываемое народом, тысячеустое, многоязыкое, неумолимое: «Разойдись!», «Разойдись!».

И Учредительное собрание было распущено.

Международная и внутренняя контрреволюция от злобы озверела, взялась за оружие и вступила в борьбу с Советской властью. Да и как ей не бороться: все банки бывшей Российской империи были национализированы, внешние долги России аннулированы... Это перевернуло все нутро у международных банкиров, особенно французских.

То место в «Юманите», где говорилось об аннулировании Советским правительством долгов царской России, дядя Жак подчеркнул красным карандашом, а цифру — 16 миллиардов рублей золотом, которая выражала сумму долгов, — даже двумя линиями.

— Вуаля, се прэнсипаль, вот это главное, — сказал он твердым голосом. — Э анкор — контроль дезувриер.

— Вот-вот — рабочий контроль, оно так-то вернее, — подхватили раненые.

Тут же Ванюша прочитал заметку о национализации крупной капиталистической промышленности в России, о том, что для управления народным хозяйством и восстановления разрушенного войной хозяйства

страны создан Высший Совет Народного Хозяйства. Это известие тоже было одобрительно встречено куртинцами.

— Здорово, братцы!

— Еще бы! Буржуев и фабрикантов — под зад коленом. Сами управимся!

Одно известие, как ножом, полоснуло по Ванюшину сердцу. В начале декабря 1917 года Советскому правительству удалось заключить перемирие с Германией, представлявшей всех своих союзников, но мирные переговоры в Брест-Литовске показали, что России придется подписать с Германией грабительский и унижительный мир. Немцы требуют себе Украину... «Нет, Украину немцам не дадим!» — и эта мысль, как молния, пронзила все существо Ванюши. Не дадим — твердила каждая жилка, не дадим — твердил лихорадочно работавший мозг.

Ванюша не представлял себе существования Украины отдельно, независимо от России, самостийники были противны ему, больше того, он их ненавидел. Жить только вместе, вместе с Россией — было его искренним желанием. Пусть великороссы называют украинцев малороссами, пусть украинский язык запрещен на Украине, и «Кобзаря» тетя Наташа давала читать с предупреждением никому не показывать и никому не говорить об этом, — все равно Ванюша не мыслил себе, как может существовать Украина без России или Россия без Украины. Нет, они — две родные сестры и будут по-родному, дружно жить в одной крепкой, неразлучной семье. Только вместе, навеки вместе. И это чувство толкало его на действия: он готов был драться за свою родную Украину, за свою родную Русь.

А ведь так думают и большевики, и Ленин. Ванюша знал из газет, что большевики Украины при выборах в Советы получили большинство в Горловском, Краматорском, Макеевском Советах. Вслед за ними большевистскую резолюцию принял Киевский Совет. На выборах в Луганский Совет большевики получили абсолютное большинство, а в Харькове — в четыре раза больше мест, чем имели до выборов. Этот сдвиг в сторону большевиков произошел еще до Великой Октябрьской революции. Даже крестьянская беднота двинулась против помещиков, особенно в Киевской, Каменец-Подольской и Волынской губерниях. Рабочий класс и беднейшее крестьянство Украины восторженно встретили Октябрьскую социалистическую революцию.

Но пока рабочие и революционные солдаты боролись с войсками Временного правительства, буржуазно-националистическая Центральная рада укрепила свою власть, захватила правительственные учреждения, телеграф, телефон и стала на путь открытой контрреволюции. Пришлось рабочим и солдатам драться за восстановление Советской власти на

Украине. Трудно было одолеть буржуазно-националистическую нечисть, и только с подходом Красной Армии удалось изгнать Центральную раду, создать наконец свое национальное Украинское советское государство в тесном единстве с Россией.

Не хотелось Ванюше выписываться из госпиталя, тем более одному. Хольнов еще оставался — у него лечение шло медленно, сказывалось штыковое ранение, при котором в организм заносится больше инфекции, чем при пулевой ране. Но ничего не поделаешь, пришлось примириться. И вот Ванюша уже на пути в лагерь Курно...

Одно название лагеря вызывало в душе Ванюши чувство протеста, и он успокаивал себя лишь тем, что обстановка в Курно теперь резко отличается от той, которая была накануне Октябрьской социалистической революции; тогда еще власть офицерства сохранялась и куртинцы жестоко преследовались. Теперь в лагере было вообще мало русских солдат. Многих отправили на работы во Францию, большой отряд — в Северную Африку на принудительные работы, а небольшая группа — человек около двухсот — послужила ядром для создания русского легиона, который был также куда-то отправлен на формирование. В Курно находились в основном солдаты, прибывшие из госпиталей и составившие нечто вроде выздоравливающей команды, были и случайные люди. У всех было одно желание — подольше задержаться в лагере, остаться в стороне от всего, что затевали французские военные власти и представители Временного правительства...

Но удавалось это не всем. Несмотря на то что юрисдикция над русскими солдатами во Франции принадлежала французским властям, русская следственная комиссия, возглавляемая полковником Ивановым, продолжала дела по преследованию наиболее активных куртинцев, к которым принадлежали и бывшие члены ротных комитетов... Эхо карательных залпов по Ля-Куртину еще не улеглось.

Не успел Иван Гринько освоиться с жизнью в лагере, как и его вызвали в следственную комиссию. Разговор был не из приятных. А через несколько дней Ванюша был арестован и в предварительном порядке посажен на гауптвахту как подследственный.

Дело для Ванюши оборачивалось плохо. Нужно было искать какой-то выход. Прослышав, что в лагерном лазарете работает русский врач, очень хорошо относящийся к куртинцам и многим из них помогший уйти от

преследования ивановской комиссии, Ванюша решил во что бы то ни стало попасть в лазарет.

Помог случай.

Ванюша вместе с другими арестованными каждый день выходил на работы. В основном занимались уборкой лагеря, иногда разгружали вагоны, прибывавшие в лагерь то с углем, то с дровами, то с продовольствием и фуражом. Попал как-то Ванюша на разгрузку прессованного сена и решил «испытать» силу своей перебитой руки. На то, чтобы как-то разбередить рану на груди, рассчитывать не приходилось — и грудь, и пробитое пулей легкое хорошо заросли и действовали, как здоровые. А вот рука — другое дело, ее можно «испытать». Схватив огромный тюк сена, Ванюша поднатужился и поднял его рывком. И конечно, тут же присел от сильной боли в перебитой руке. В голове помутилось. Ванюша чуть не потерял сознание...

От работы его освободили, и вот он в сопровождении конвоиру шествует в лагерный лазарет. О, счастье: его осматривает врач Мамашин, как раз тот, о котором ходили добрые слухи. Он долго прощупывал руку, так, что Ванюша ерзал на табуретке, а потом сказал:

— Рука у вас, молодой человек, повреждена. Правда, кость как будто цела, но посмотрим, что покажет рентген.

Рентген подтвердил: кость цела. Но рука все же опухла и требовала лечения.

— Надо соленые ванны делать, массаж, лечебную гимнастику. Это займет около месяца. — И, хитро улыбаясь, врач добавил: — Придется вас, молодой человек, отправить в госпиталь в Сен-Серван; наш лазарет предназначен только для экстренной помощи и лечения легких болезней, а для длительного лечения не приспособлен.

Через день Ванюша, поддерживая, словно ребенка, свою опухшую левую руку, ехал в Сен-Серван, в «родной» госпиталь.

* * *

Зимнее солнце ласково освещало группу курортных городков — Сен-Мало, Динан и Сен-Серван, а Атлантический океан обдавал их своим мягким дыханием. Хотя конец января не баловал курортников теплом, однако небо было чистое, голубое, разлитая вокруг свежесть бодрила, влиwała новые силы. Океанские волны равномерно набегали на берег и снова отходили от него, а в часы полного отлива обнажали желтое песчаное дно на многие километры. Впрочем, большие торговые суда спокойно

стояли в гавани, наполненной «запертой» водой, и продолжали погрузочно-разгрузочные работы.

Ванюша, подбодренный тем, что у него теперь есть около месяца для размышлений, направился в госпиталь. Вот высокая каменная монастырская стена, а за ней сад и знакомое здание, в котором он провел не один месяц. Ванюша подходит к воротам, узнает привратника, предъявляет ему направление и проходит внутрь. Знакомые лица, радостная встреча с дядей Жаком. Все рады, довольны встречей. Но где же Андрюша Хольнов?

— Камарад Хольнов уехал, — говорит дядя Жак, — он выписался, прошло уже больше недели.

— Жаль, очень жаль, — только и смог проговорить Ванюша, медленно снимая с плеч свой солдатский ранец.

Начались процедуры: соленые ванночки, мягкий массаж, лечебная гимнастика. Возобновились занятия в почти распавшемся кружке дяди Жака. Эти занятия больше протекали в беседах на политические темы, чем в изучении французского языка.

А Ванюшу одолевали думы, и все об одном: надо бить немцев. Ведь чего захотели: требуют отторжения от России всех оккупированных земель. Значит, дорогая сердцу Ванюши Украина тоже попадет к немцам. Не бывать этому!

Внутренним чутьем Ванюша понимает, что в заключении мира с немцами спасение социалистической революции в России, он сознает правоту Ленина, который борется за мир для молодой Советской республики, сознает, насколько важно решение III съезда Советов, наделившего Совет Народных Комиссаров полномочиями для подписания мирного договора. Больше того, Ванюша с негодованием услышал о предательстве Троцкого, которому было поручено подписать мирный договор, о его словах: «Россия прекращает войну, армию демобилизует, мира не подписывает». Все понимает Ванюша, но вот сердце никак не может смириться с тем, что германский сапог будет топтать землю его родной Украины... И верх берет чувство: драться с немцами. Ведь они перешли в наступление по всему русско-германскому фронту!

Вновь и вновь мысленному взору Ванюши представлялась Украина. Она, как невеста, в чистом снежном убранстве величаво раскинулась по обоим берегам скованного льдом Днепра. Над ним высоко и гордо стоит стольный град, древний Киев. Как это поется в песне:

Высоко ты надо мною, старый Киев над Днепром.
Днепр сверкает под горою переливным серебром...

Нет, такого народа, который умеет так восхищенно воспевать прелести своей родины, никто не покорит, никто не победит. Надо только драться, драться с врагом так, как дрались исстари наши предки: упрямо, стойко, не щадя своей жизни.

Особенно было дорого Ванюше правобережье Украины. Там прошло его детство. Когда он закрывал глаза, ему так ярко представлялся скованный прозрачным льдом Южный Буг. Подо льдом виднеются водоросли: они чуть колышутся от движения воды. А вот красноватый тальник бежит каемкой вдоль берегов, и Ванюша выбирает длинные лозины, режет их: хорошая будет корзина, за нее целый гривенник можно взять на базаре!

Наступает весна, солнышко пригревает землю, снег набухает влагой, рыхлеет, и идет от него еле заметный парок. И вот уже бурлят ручьи, шумливо несут мутную воду в Буг. Река с шумом поднимает над собой ледяную шубу, рвет ее на куски, трогается лед, и понеслась река половодьем, шипя и плескаясь! Наползая друг на друга, льдины с шумом проносятся вниз и убегают все дальше и дальше, до самого синего моря.

Уже суетятся рыбаки, забрасывают в удобных местах саки и подхватки, ловят сбившуюся в тихие места рыбу. Это настоящая страдная пора для рыболовов, да и подспорье большое для семьи. Женщины, подростки, дети с ведрами подбирают рыбу. Весело и шумно в это время на бурно несущей свои воды реке.

Сойдет вода, очистится земля от снега и, как умытая, свежая молодка, глубоко вздохнет полной грудью, и теплые испарения поднимутся над ней, рассеиваясь под горячими лучами солнца и легким дыханием весеннего ветра. Оживут поля и покроются пестро расцвеченными группами людей, которые, как муравьи, в труде и суете будут холить парной украинский чернозем. Сады и рощи оденутся в свежий, чистый зеленый наряд, а вишни, чудесные вишневые садочки станут белыми, чуть отливающими в рассветную рань розовым цветом. Все украинские села будут утопать в белой кипени вишен, слив, груш и яблонь, а неутомимые труженицы-пчелы начнут старательно обрабатывать каждый цветок, собирая нектар и пыльцу и попутно опыляя цветы. Какая чудная пора торжества жизни и счастья!

Величаво и царственно будут потом вышагивать по дворам и сухим пригоркам квочки, окруженные своим, только что вылупившимся потомством в нежно-желтом пушистом наряде, а петухи, высоко подняв головы, полные самоотвержения, будут оберегать их от коршунов и ворон.

Пруды и озера сплошь покроются лопухами и кувшинками, и среди них будут плавать большими хлопотливыми семействами гуси и утки. Вот волнуется и хлопочет на берегу обманутая мать-курица: ее потомство оказалось утиным, утята проворно лезут в воду и уплывают...

Жизнь идет полным ходом, и эту жизнь враг хочет убить, затоптать.

Да нет же, не бывать этому, не владеть проклятому германцу Украиной!

Там, на Украине, мама, там где-то тетя Наташа. И над ними тоже, как над всеми женщинами Украины, будет издеваться враг? Это невысказано! Этого нельзя допустить!

У Ванюши от таких мыслей ныло сердце, чувство обиды и беспомощности сжимало, сдавливало его в комок. В одну из тяжелых минут Ванюша не выдержал, и глаза его наполнились слезами. Крупные, соленые капли покатались по щекам. И тут в палату вбежал дядя Жак:

— Мои шер Жан! — И он подал Ванюше свежий номер «Юманите». — Немцы ведут наступление по всему фронту. Идут сильные бои под Псковом. Враг угрожает Петрограду. Ленин обратился с призывом: «Социалистическое отечество в опасности!»

Это известие, как электрической искрой, пронзило все существо Ванюши. Он даже вскочил. А мозг работал: что же делать?! Он вскрикнул от внезапно пришедшей мысли: идти добровольно во французскую армию, чтобы драться с немцами. Ох, как это не по душе! Но другого выхода, видимо, нет. Нельзя же оставаться в бездействии.

Прошло два мучительных дня. Ванюша ходил темнее ночи. Как ему не хватало сейчас Андрюши Хольюва, хорошего, верного друга! Не с кем поделиться своими мыслями. Он очень уважал, даже, пожалуй, любил Андрея, как своего родного старшего брата. Он всегда так дорожил его мнением. И вот его нет. Нет в такое время, когда надо принять большое и трудное решение. Водь Ванюша еще так молод.

Мозг разгорячен мыслями, они толпятся, одна противоречивее другой: не так просто идти и драться рядом с французами, которые умирляли куртинцев, гноили в тюрьмах, ссылали в Северную Африку. Но ведь это не те французы, которые дерутся с немцами там, на передовой. Там — простые люди из народа, и с ними вместе драться против общего врага совсем не предосудительно. А вот идти с заявлением к тем, кто управляет, кто ревностно выполняет приказы французской реакции — противно. Но видимо, придется переломить себя. Ведь иначе нет другой возможности получить право драться с немцами. А сидеть сложа руки, когда немцы наступают и порабощают родную землю — это преступление, трусость, шкурничество, измена. Это значит не отозваться на призыв Ленина: «Все на защиту революции и Родины!»

«Нет я не могу остаться вне борьбы», — все больше убеждался Ванюша.

— Подпишите. — Французский офицер административной службы подал Ванюше договор о добровольной службе во французской армии до конца войны.

Ванюша внимательно прочитал ангажемент на русском, а затем на французском языке и попросил конкретно указать — против кого воевать до конца войны. Французский офицер удивился такой придирчивости русского солдата и спросил, какое конкретно необходимо сделать дополнение.

— Напишите точно: «До конца войны против Германии».

Это дополнение было сделано, и Ванюша вновь перечитал текст. Преодолевая внутреннее волнение, он подписал договор. «Ну вот, теперь я солдат французской армии, куда захотят, туда и пошлют», — с грустью подумал он. Но тут же успокоил себя: его могут послать драться только против Германии, ну и, конечно, против ее нынешних союзников. Только так. И никуда иначе! Ни для каких карательных целей, ни для усмирения солдат, подобных куртинцам, и, конечно, ни для борьбы против большевиков его послать не имеют права. А это самое главное!

На другой день Ванюша получил от коменданта Сен-Сервана предписание отправиться в запасной полк марокканской дивизии в Вокулёр. Перерезав почти всю Францию с запада на восток и основательно покормив клопов на пересыльном пункте коменданта станции Вокулёр, Ванюша ранним утром явился в запасной полк. Прошел медицинский осмотр, на котором врачи долго крутили его перебитую руку, очень внимательно выслушивали легкие, перебрасываясь между собой латинскими словами. Наконец, что-то записав по-латыни, Ванюшу направили в административный отдел приемного пункта. Рыжий капитан с оторванной левой рукой начал расспрашивать о службе в пулеметной команде, задавал много вопросов, будто экзаменовал, потом сказал:

— Ву зет бьен сольда! ²⁴

И тут капитан стал читать Ванюшию медицинское заключение. От неожиданности он даже присвистнул:

— О, кель домаж! ²⁵

И капитан объяснил Ванюше, что его рекомендуют использовать на легкой работе, пока не окрепнет рука и грудь. С недовольной гримасой на лице офицер задумался.

— Хорошо, я вас направлю в первую пулеметную роту первого полка, там поищут для вас подходящую работу. А сейчас отправляйтесь и получите обмундирование.

С болью и чувством унижения Ванюша надел на себя чужую форму и отправился в первый иностранный полк марокканской дивизии с небольшой группой таких же обездоленных русских солдат, уже побывавших в Африке, не выдержавших «прелестей» принудительного, нелепого труда и (будь, что будет!) изъявивших согласие служить в иностранном легионе ²⁶.

Солдаты шли через Вокулёрский лес, поднимаясь в гору. Потом спустились к Марнскому каналу и вскоре достигли небольшой деревни с красивым названием — Савой.

— Прямо первоклассная гостиница, — заговорили молчавшие до того волонтеры.

— Сейчас тебе отведут шикарный номер!

Каждый думал свою грустную, горькую думу.

Командир первой пулеметной роты капитан Мачек, поджарый блондин с небольшими усами и добрыми светлыми глазами (он происходил из чешского рода, служил верой и правдой австрийскому императору, а теперь, попав в марокканскую дивизию, служил Франции, но убежденно считал, что борется за освобождение своей родной Богемии) дружелюбно принял группу прибывших волонтеров и не скрывал радости по тому случаю, что все они оказались русскими. Он любил русских и считал их своими братьями. Капитан Мачек сносно говорил по-русски, со всеми поздоровался за руку:

— Здравствуйте, приятели!

Это немало удивило русских волонтеров.

Разобравшись в препроводительных бумагах, капитан направил всю группу во второй взвод.

— Там уже есть русские, — сообщил он, — и взводом командует старший сержант Тимофей Вяткин.

Особенно долго капитан Мачек вертел в руках документ, поданный Ванюшей. Он что-то соображал и, наконец, проговорил:

— А вам, солдат первого класса Иван Гринько, придется принять под свое начало боевую часть роты. Кстати, там нет постоянного начальника. В вашем ведении будет двенадцать пулеметных двуколок, столько же патронных, двадцать семь лошадей и мулов и четырнадцать солдат — двенадцать повозочных, один коновод, ухаживающий за моей верховой лошастью, и один повозочный для доставки фуража.

Ванюше понравилось, что капитан так подробно перечисляет хозяйство роты. Точность в военном деле нужная штука. А капитан Мачек между тем продолжал:

— Ваша обязанность — содержать все это в образцовом порядке, а когда рота пойдет в бой — возможно ближе, но в надежном укрытии

располагать животных и повозки, чтобы они всегда были под руками. Так-то, приятель! Надеюсь, все понятно? А как окрепнете после ранений, тогда будет видно, что делать дальше.

— Так точно, господин капитан, все понятно, — ответил Ванюша.

— Только, приятель, учтите, что во французской армии полагается для точного порядка обращаться к командиру не «господин капитан», а «мон капитэн». Так-то, мон сольда премье класс. Понятно, приятель?

— Вуй монкапитэн! — отчеканил Ванюша и вытянулся в струнку перед своим командиром роты.

Так началась служба на новом месте.

4

Деревня Савой располагалась на берегу канала, от которого ее отделял ровный луг. С другой стороны круто поднимался Вокулёрский лес. Ручей, выбегавший из леса, делил деревню на две части. Через него был перекинут массивный каменный мост.

На пригорке, в центре деревни, находились школа и церковь с высоким шпилем, на верхушке которого примостился вырезанный из жести, поржавевший и постоянно скрипевший галльский петух. Рядом с церковью стоял добротный каменный дом под старой черепицей. Здесь жил деревенский кюре со своей экономкой весьма крепкого телосложения. Французским священникам по законам римско-католической церкви не разрешалось жениться, они обязаны были служить богу в безбрачии, находя утешение в усердных молитвах, долженствовавших убить в них всякие земные соблазны... Трудно сказать, какой образ жизни вел савойский кюре, это была тайна за семью замками, однако пышущая здоровьем экономка, как видно, не сетовала на свою судьбу.

По субботам и воскресеньям хромой звонарь названивал в колокол, издававший монотонные дребезжащие звуки. Казалось, будто бьют по плоским железным плитам. Прихожане-савойцы тянулись в церковь. Посещали ее главным образом женщины: они молили бога о ниспослании победы Франции над бошами, просили, чтобы скорее вернулись с войны их мужья и облегчили тяжкий труд по хозяйству, утешили исстрадавшееся по ласкам сердце.

Возле самого моста располагался старый каменный полуторазэтажный дом старика Клумье. Его сын ушел на войну и погиб в 1914 году под городом Мо. Осталась только дочь, не сумевшая выйти замуж до войны и оставшаяся в старых девах. Высокая, неуклюжая, с крупным продолговатым

лицом, с сильно выдававшейся верхней челюстью и большими неровными зубами, она не отличалась красотой, только темные, глубокие глаза под дугами черных густых бровей и волосы, собранные в тугую косу, немного скрашивали ее облик. Крепкий стан, развитая грудь и огрубевшие от работы красные руки красноречиво говорили, что на ней держится все хозяйство Клумье.

Мадлен — так звали дочь старика — много трудилась, чтобы содержать в порядке двух коров с телятами, гнедого тяжеловоза с широкой спиной, на которой можно было выспаться, пару добрых свиней с поросятами и многочисленную домашнюю птицу. Не было только обязательных во французском крестьянском хозяйстве кроликов, Мадлен не могла их терпеть — они раздражали ее своей плодовитостью.

За жилым домом Клумье и коровником тянулись сараи, где хранились сельскохозяйственные орудия и выездной шарабан. В этих сараях и располагалась боевая часть 1-й пулеметной роты. На чердаке центрального сарая усадьбы хранился насыпью овес — все остальное зерно было продано государству на военные нужды.

Мадлен иногда навещала солдат в порядке хозяйского надзора. А обычно следовавший за ней старик Клумье любил поговорить с русскими. Впрочем, старик не скрывал того, что ждет с нетерпением, когда солдаты уйдут и освободят его от постоя. Больше всего любил он разговаривать с Ванюшей, ведь как-никак это начальник! Иногда старик приглашал Гринько в дом на чашку кофе. Тогда Мадлен усердно хлопотала, ухаживая за гостем, а старик старался оставить их наедине.

Вскоре у Ванюши появился хороший помощник и товарищ. С одной из групп пополнения из Северной Африки прибыл Степан Кондратов и был назначен в боевую часть роты повозочным фуражной повозки. На досуге Кондратов рассказывал о тяжелых мытарствах и издевательствах, перенесенных на африканской земле. Ему, жителю Забайкалья, было нелегко в этой проклятой жаровне, и, не выдержав, он решил завербоваться волонтером.

Перенесенные страдания сблизили Ванюшу и Степана. К тому же Степан был заботливым, хорошим хозяином — это тоже нравилось Гринько.

Рацион фуража для мулов и лошадей был скудноват, и солдаты частенько пробирались на чердак, чтобы принести животным торбу-другую овса. Часто таким образом баловал и Степан свою пару — Огонька и Васька. Вот только горе, пара плохо была подобрана. Огонек — горячий и старательный, а Васек — ленивый, все время отстаёт. Степан жаловался Ванюше, просил заменить Васька. А Ванюша любил этого рыжего, с белой лысиной коня и всегда защищал его. Он, мол, ниже ростом и слабее, чем

Огонек, вот и отстаёт от него. Сам-то Ванюша понимал, что говорит неправду. Он несколько раз ездил с Кондратовым в лес по дрова и видел, что Ваську не по нутру тяжёлая работа и он просто ленится.

Ванюша между тем очень привязался к Ваську и на проминке по утрам на лугу даже целовал его в разгоряченные ноздри:

— Оба мы бедные с тобой, Васек, служим тому, кому не хотим служить, — говорил Ванюша с конем, как с человеком, и при этом у него даже слезы навертывались.

От частых вылазок на чердак конус зерна заметно уменьшился, хотя каждый раз солдаты старательно выравнивали его. Убыль овса не прошла мимо опытных глаз старика Клумье, и он стал чаще навещать к солдатам. При его появлении на улице солдаты стали давать сигнал: первый заметивший старика громко кричал:

— Старый черт идёт!

Моментально все приводилось в порядок.

В конце концов старик Клумье заинтересовался: что такое «старый черт»? Ванюша ему старательно разъяснял, что это ласкательное слово «старичок». Так, мол, называют мосье Клумье из уважения к нему. Старик как будто удовлетворился таким объяснением, но все же отнесся к нему с недоверием и решил проконсультироваться у капитана Мачека. Чтобы не забыть, он все твердил про себя: «Старый черт», «Старый черт».

— Господин Клумье, — сказал ему Ванюша, — у вас неправильное произношение. Это русское слово, а ведь русские слова не всегда легко даются французам. Не «старый черт», а «старичок» — так нужно говорить.

Но старик упрямо твердил свое — «Старый черт», «Старый черт», удивительно точно выговаривая букву «ч», что вообще-то французам почти никогда не удаётся.

Ванюша, опасаясь беды, решил воздействовать на него через Мадлен. Он стал оказывать ей знаки внимания.

Солдаты хорошо изучили старика Клумье — крепкого крестьянина-собственника, больше всего на свете дорожившего нажитым хозяйством. Потеряв сына на войне, он всю надежду возлагал теперь на хорошего зятя. Но найти подходящего мужа для Мадлен нелегко, и старик был явно не прочь, если бы Мадлен приглянулась даже иностранцу — так нужен в доме хороший хозяин.

Как-то Мадлен осматривала сарай. Пошатала из стороны в сторону шарабан — исправен ли? — и сказала сопровождавшему ее Ванюше, что собирается в воскресенье поехать в город навестить родственников и немного проветриться. Не будет ли любезен мосье Жан сопровождать её это была бы приятная поездка.

— О, обязательно, мадемуазель Мадлен, большое спасибо за любезное приглашение, — ответил Ванюша.

Тем временем Мадлен приставила к стене лестницу, собираясь подняться на чердак, где был насыпан овес. Это совсем не входило в расчеты Ванюши.

— Мадемуазель Мадлен, это очень опасно, вы можете упасть, не стоит вам подниматься на чердак, — предупредил Ванюша.

— А я попрошу вас, мосье Жан, помочь мне и поддержать лесенку. Я все-таки поднимусь на чердак, мне папа велел посмотреть овес и принести мешок зерна для лошади. Я надеюсь, вы мне поможете набрать овса и спустить мешок с чердака, не так ли, мосье Жан?

«Назвался груздем — полезай в кузов», — подумал Ванюша и, подойдя к лесенке, получше установил ее. Мадлен, не торопясь, надавила своими крепкими руками на лесенку, убеждаясь в ее прочности, и стала подниматься. Свои деревянные полуботинки она оставила внизу и ступала на скрипучие перекладыны ногами, обтянутыми толстыми шерстяными чулками с яркими полосками поперек полных икр. Чулки придавали икрам еще большую полноту, но под коленками чулки кончались и начинались белые крупные бедра, прикрытые грубой широкой шерстяной крестьянской юбкой. Мадлен поднималась медленно, как будто опасаясь упасть, а Ванюша, сдерживая себя, чтобы не взглянуть вверх, старательно поддерживал лесенку, чтобы она не ускользнула из рук.

Время точно остановилось.

— Мосье Жан, очнитесь, что вы там, заснули? — наконец послышался какой-то вкрадчивый голос Мадлен с чердака. — Поднимайтесь.

Но Ванюша и не собирался лезть на чердак. Да и голос Мадлен его поразил. Тут что-то не так... Заметив подошедшего к сараю Степана Кондратова, Ванюша подмигнул ему и сказал:

— Поднимись на чердак и помоги, пожалуйста, Мадлен набрать овса в мешок, ну и... — Ванюша задумался: — Поможешь ей спуститься с чердака, только крепко держи лесенку, чтобы не упала.

Степан не заставил повторять приказание. Ванюша прикрыл за ним дверь...

В воскресенье из деревни Савой поднимался в гору покрытый потрескавшимся, а кое-где уже и отлетевшим лаком старый шарабан. В упряжке шел упитанный тяжеловоз в красиво убранной медью сбруе, с

начищенным высоким медным острием на хомуте. В шарабане сидели Степан Кондратов, управлявший лошадей, и Мадлен, в красивой, добротной шубе с лисьим воротником, в нарядной шапочке, из-под которой легли на грудь две толстые косы. Правая коса, извиваясь наподобие сибирского ужа-полоза, касалась выбритого лица Степана. А он, туго натянув вожжи, восседал с гордой осанкой ямщика, который правит русской тройкой рысаков. Эх, только вот форма солдата марокканской дивизии, украшенная красным фуражером по левому плечу... Не идет она русскому человеку, хотя этот самый фуражер — награда, которую носил 1-й иностранный полк, ведь он, единственный на всю французскую армию, награжден орденом Почетного Легиона на знамя! Да, будь Степан облачен в русское одеяние, была бы другая картина!

Шарабан миновал сараи, в которых размещалась боевая часть 1-й пулеметной роты. Солдаты понимающе улыбаются: пусть, мол, Степан Кондратов немного проветрится с молодой хозяйкой! Тут же был и Ванюша, который, кстати, и выхлопотал у командира роты увольнительную Кондратову для поездки в город. Ванюша приветливо помахал рукой проезжавшим, в ответ на это ему с благодарностью кивнула головой Мадлен. Она успешно уладила историю с пропажей овса, так что старик Клумье даже и не думал поднимать скандал, а то бы Ванюше крепко попало от начальства.

Судя по всему, поездка прошла хорошо. В городе Мадлен купила в подарок Степану палочку фиксатуара, сама намазала ему усы и, подкрутив их кончиками вверх, сказала:

— Так будет лучше, мой друг.

С этими словами она в присутствии всей родни, к великому смущению Степана, крепко поцеловала его прямо в губы. Степан не знал, как ему поступить, ведь он забыл, когда и целовался — это было сразу после свадьбы... Да, давно он целовал молодую жену.

— У, язви те, — проговорил Степан, но все же не сопротивлялся Мадлен, входя во вкус и чувствуя на своих губах два больших выдающихся вперед верхних зуба хозяйки.

Вернулись в Савой к вечеру в очень хорошем настроении: Мадлен, очевидно, радовалась тому, что родственники так хорошо ее приняли и были очень внимательны к ее другу — Степану, а Степан... Много ли надо солдату! Главное, все обошлось хорошо. Правда, за обедом он крепко, позабывшись, выпил и в голове здорово зашумело, но на обратном пути хорошо проветрился.

Мадлен откинула попону, прикрывавшую ноги, и легко спрыгнула с шарабана. Она была в коричневых полуботинках и плотно облегающих ноги

фильдеперсовых чулках. Несмотря на ее крепкую фигуру, шубка ей шла и слегка обрисовывала талию, а ноги, избавившиеся на этот раз от повседневных деревянных ботинок и толстых шерстяных чулок, казались даже красивыми. В ее глазах светились радость и довольство.

Старик Клумье приветливо встретил дочку, и под его усами пробежала чуть заметная улыбка. Степан выпряг лошадь и, привязав ее коротко, чтобы остыла, покатил шарабан в сарай. Аккуратно протер его от грязи и накрыл брезентом, а выездную сбрую повесил на крючок столба и тоже укрыл попоной. За всем этим внимательно наблюдал старик Клумье, и чувствовалось, что он доволен хозяйским подходом Степана к делу. Однако виду не подал, вышел из сарая, пригласив к себе на чашку кофе Степана и мосье Жана. Голова его, правда, все время была занята злополучным овсом, он был уверен, что оба — и Степан и Жан — не только знали, кто воровал зерно с чердака, но и сами прикладывали руку к этому делу. Но что поделаешь, пришлось уступить Мадлен и согласиться с ее доводами, что нельзя поднимать скандала из-за такого пустяка. Ведь они брали овес не для продажи и наживы, а для своих бедных худых мулов и лошадей. Это, пожалуй, единственное, что размягчило сердце старика: он очень любил животных, которые приносят своим трудом прибыль хозяйству. Он был просто практичный хозяин, а всякие слова о том, что лошади, поправившиеся на его овсе, будут обеспечивать победу Франции в будущих боях, он считал пустой болтовней Мадлен.

Отчаевничали Ванюша и Степан у старика на славу.

Степан прямо-таки преобразился: повеселел, похорошел. Теперь он чаще брился и нафиксатуаривал усы, которые раньше свисали наподобие жидких мочалок. Старик Клумье все время приглашал его на чай. Степан быстро вошел в роль: много помогал по хозяйству, и Мадлен стало намного легче. Но и она не оставалась в долгу: ей не составляло большого труда обеспечивать Степана чистым бельем. Да и самой приятней, когда ее добрый друг был в свежем белье, вспрыснутом пусть дешевым, но все же одеколоном. Это немного перебивало запах табака, которым Степан пропитался насквозь. Правда, вместе им удавалось быть не так уж часто: Мадлен без конца хлопотала по хозяйству. Минуты счастья приходилось урывать.

А рассказам старика, все чаще заглядывавшего в сарай к солдатам, не было конца. Он поведал, что служил когда-то военную службу в артиллерийском парке и имел на руках хорошую пару лошадей. Но приходилось ухаживать и чистить всю четверку: на уносной паре был солдат старшего срока службы — его ведь не заставишь заботиться о лошадях. С тех пор Клумье и возненавидел военную службу, да и, пожалуй,

всех солдат. Офицеры — другое дело, их он боготворил: без них ведь никакого порядка в жизни не было бы.

В первый год его военной службы разразилась война с проклятыми бошами. Это было еще в прошлом веке. Измена генералов и слабоумие императора, который хотя и носил имя Наполеона III, но великому императору Франции Наполеону I и в подметки не годился, помогли немцам добиться победы и тем самым унижить Францию. Вот в ту проклятую войну Клумье и был ранен под Седаном и эвакуирован в госпиталь.

— С тех пор и хромаю. Но ничего, в мои семьдесят лет я еще иногда могу поработать и даже бабу шлепнуть по задку.

При этих словах все громко захохотали. А старик продолжал:

— Вот с тех пор я и ушел весь с головой в свое хозяйство. Что делать, я был один сын у отца. Мать умерла еще раньше. Мы с отцом работали, как мулы, и помаленьку приумножали хозяйство, но не мужское дело было ухаживать за коровами. Нам помогала в этом бедная девушка Франсуаза, которая работала у нас. Хорошая была работница, а это главное. Вот я и женился на ней, она и есть мать Мадлен, от нее и завелась у нас в городе бедная родня. Но я ничего, удержался в людях, хозяйство, как видите, у меня небольшое, но не бедное. Слава богу, кусок хлеба есть, да и для Мадлен кое-что принакопил, у нее на книжке лежит в банке двадцать тысяч франков — на замужество. Дожить бы только до этого дня. А то девушке идет двадцать шестой год, а она все бедствует в тяжелой работе одна. Спасибо, вы иногда помогаете. — И вдруг старик закончил неожиданно для всех: — Нет-нет да и сопреете ведро-другое овса. — Тут он обвел всех солдат своим пронзительным взглядом и остановил его на Ванюше: — А начальник ваш, мосье Жан, не наказывает вас за это.

— Ну, что вы, мосье Клумье, опять все про овес, — вмешался Ванюша, — его больше крысы ели.

— Нет, нет, — горячился старик Клумье, — скоро эти «крысы» весь овес съедят, если мосье Жан не запретит им безобразничать в моем хозяйстве. Скоро ли вы уедете? Нельзя же стоять так долго на одном месте, когда идет война.

— Скоро уедем, — раздумчиво сказал Ванюша. — Всегда весной начинаются бои. Где-нибудь образуется дыра, туда нас и сунут — такая уж наша судьба. Нами никто не дорожит, разве вот только вы, господин Клумье.

Старик не понял шутки и заявил с пафосом:

— Франция вами дорожит, дети мои; не всякому дана честь носить фуражер почетного легиона. Только вы удостоились этого.

В это время старик увидел дочь.

— А вот и Мадлен идет, пойду ей навстречу. — И старик Клумье вышел из сарая, избежав, как он наконец понял, неприятного, неискреннего разговора.

Все смотрели вслед старику, и у каждого оставался какой-то неприятный осадок на душе... «Франция вами дорожит, дети мои...» Эта фраза глубокой болью отозвалась где-то внутри. У всех невольно вырвался глубокий вздох. Каждый вспомнил торжественную встречу в Марселе, ликование народа и гром пушек в Ля-Куртине, где французская реакция расстреливала мятежных русских солдат.

Учебные занятия шли своим чередом. Роты и команды выезжали далеко в поле, проводили стрельбы. Состоялось учение с боевой стрельбой. Результаты у первой пулеметной роты были хорошие, командир полка даже вынес ей благодарность. Капитан Мачек был очень доволен этим и, поздравляя пулеметчиков с успехом, крепко жал руки унтер-офицерам. Эта честь выпала и на долю Ванюши. Хотя он и не был унтер-офицером, а всего лишь исполнял обязанности начальника боевого парка пулеметной роты.

— Спасибо вам, капрал Гринько!

Эти слова значили, что Ванюша уже не солдат 1-го класса, а произведен в капралы. У него теперь на рукаве будет не одна красная суконная полосочка, а две.

Вообще учение как-то подняло дух солдат, и они в приподнятом настроении возвращались в Савой. Впереди на коне, выбракованном по старости из линейной кавалерии, гордо красовался капитан Мачек, «наш приятель», как его называли все пулеметчики. Сзади колонну замыкала фуражная повозка под управлением Степана Кондратова. Он восседал на ней с подкрученными усами и всем своим видом являл полное довольство. Рядом с ним сидел Ванюша. Они были неразлучными друзьями, хотя Гринько по-прежнему строго спрашивал службу и не давал Степану повода к панибратству.

Вот уже показалась «град-столица» пулеметчиков — деревня Савой. Еще немного — и колонна войдет в ее южную часть и будет дома. Стрелковые роты уже давно свернули влево, пересекли канал и направились в Моваж, Вилерой и Брусей. В этом треугольнике, включая и Савой, располагался первый батальон первого иностранного полка.

— Стой! — подал команду капитан Мачек. — По квартирам! — И он легко спрыгнул со своего коня.

Пулеметчики быстро сняли пулеметы и разошлись по отведенным им сараям. Ванюша расположил свои двуколки на лугу за сараями в два ряда: пулеметные повозки впереди, а патронные за ними. Коноводы повели мулов

в конюшню. А Степан повел свою пару в сарай, поближе к коровнику старика Клумье.

Глава третья

1

Известие о том, что началось немецкое наступление в Пикардии, молнией облетело всю Францию. Тень тревоги легла на страну. Дошла эта весть и до деревни Савой. Правда, о вражеском наступлении поговаривали давно, больше того, ждали его, строя разные догадки относительно величины и масштабов действий врага. Однако сила немецкого удара превзошла самые худшие предсказания.

Наступление, знаменитое мартовское наступление немецких войск в Пикардии, началось 21 марта 1918 года. Это была крупнейшая в первой мировой войне наступательная операция Германии на западном фронте. Ее неожиданность обуславливалась тем, что время подгоняло немцев, ибо работало на союзников: американцы могли успеть перевезти через океан свои силы, и тогда Германия окончательно потеряла бы численное превосходство в силах. Нужно было спешить. И немцы спешили. На участке между Аррасом и Ла-Фером, протяжением 85 километров, они собрали шестьдесят две пехотные дивизии, около шести с половиной тысяч орудий и свыше тысячи самолетов... Образно говоря, это был чудовищный молот, который мог уничтожить все, что оказалось бы между ним и наковальней. И вот 21 марта в 9 часов 40 минут, после пятичасовой артиллерийской подготовки, эта махина обрушилась на английские линии обороны и проломила их со страшной силой...

Франция с трепетом ждала известий, и они приходили мучительно тревожные: английские линии прорваны. Английские армии вот-вот окажутся отрезанными от французских... Немцы ринулись в прорыв... Немецкий кованый сапог тяжелой поступью топчет землю Франции, приближаясь к сердцу Пикардии — Амьену, к Ла-Маншу... Англичане думают спастись, переправившись через канал... Париж под угрозой, его обстреливает немецкая дальнобойная артиллерия... Великое бедствие наступило для Франции.

В самом деле, события разворачивались грозные. Английские войска понесли огромные потери: немцы взяли девяносто тысяч человек в плен, захватили тысячу орудий, огромное количество амуниции и боеприпасов. Казалось, катастрофа неминуема.

Но вот навстречу немцам двинулись французские резервы и... остановили врага на линии Аррас, Альбер, Виллер-Бретонне, Гривен, Нуайон и далее на восток по реке Уаза до нетронутого фронта обороны. Завязались упорные бои. В эти невероятно трудные дни на французского генерала Фоша была возложена координация всех действий союзных войск.

Развернувшиеся на фронте события не могли обойтись без марокканской дивизии — еще не было случая, чтобы ее не бросили на самый решающий участок фронта. В сентябре 1914 года, например, она удержала в своих руках позиции у Мандеман, вокруг которых развернулась историческая битва, принесшая Франции спасительную победу на Марне. Командующий 9-й армией генерал Фош, подводя итоги боевых действий армии, в одном из своих приказов писал: «Самое главное, нужно было во что бы то ни стало удержаться на позициях вокруг Мандемана, ибо если бы их прорвал противник, то он достиг бы высот Шампани, а оттуда нанес бы полное поражение французской армии. От стойкости марокканской дивизии зависела победа». Или вспомнить тяжелые, но столь же и нелепые бои под Верденом... Марокканская дивизия, брошенная 20 августа 1917 года в контратаку, чтобы восстановить положение, в жесточайшей двухдневной схватке продвинулась вперед, заняла две деревни и шесть квадратных километров местности. Она взяла в плен свыше двух тысяч немцев, захватила сорок одно орудие и сорок восемь пулеметов. Это была сверхтрудная задача, но дивизия, неся кровавые потери, выполнила ее.

Теперь снова дошел черед до марокканской дивизии, и она получила приказ на переброску в район прорыва немцев, в Пикардии. Генерал Доган, отдавая этот приказ, закончил его следующим обращением: «Пятьсот лет тому назад Жанна д'Арк покинула Вокулёр, чтобы освободить французскую землю. И именно из Вокулёра выступает сегодня марокканская дивизия, чтобы включиться в гигантскую битву за Францию. Вперед!»

Так в составе марокканской дивизии отправились на фронт и русские солдаты. В одном из вагонов ехали пулеметчики. На сердце было невесело: кто знает, останешься ли жив в этом пекле. А может быть, придется русским костям удобрить французскую землю?

Вспомнили приказ генерала Догана, в котором упоминалась Жанна д'Арк. Кто она такая? В разговор вступил пожилой легионер, немец по происхождению. Пулеметчики знали, что он когда-то преподавал историю в одной из школ Швейцарии, и, хотя не могли добиться от него объяснений, по каким причинам попал он в иностранный легион, уважали его. Он много мог рассказать о прошлом. Услышав, что речь зашла о Жанне д'Арк, немец сказал:

— О да, генерал прав... — И тут же начал рассказывать: — Это была простая крестьянская девушка, родившаяся в деревне Домреми, что километров двадцать южнее Вокулёра. Она пришла в город и объявила жителям Вокулёра, что господь бог предназначил ее для спасения Франции от нашествия англичан. Именно англичан, — рассказчик это особенно подчеркнул, так как ненавидел их всей душой. — Так вот, жители Вокулёра поверили ей. Их заставила поверить ненависть, которую они носили в своем сердце против англичан и своих бургундских предателей. Они собрали деньги, купили ей оружие, военную одежду, коня и снарядили Жанну д'Арк в поход.

— Ничего себе, одну девку отправили воевать! — заметил кто-то из пулеметчиков.

— О, она была героиня, а такая стоит тысяч людей. К тому же широкие крестьянские массы, вконец разоренные столетней войной и междоусобицей феодалов, городская беднота уже давно развернули партизанские действия против англичан, особенно в Нормандии. Они считали, что единственное спасение Франции — в изгнании англичан, а поэтому охотно отозвались на призыв Жанны д'Арк. Подцепив с собой трусливого королевского отпрыска Карла, Жанна д'Арк отправилась к осажденному врагами Орлеану и освободила город. С тех пор ее стали называть Орлеанской девой. Популярность Жанны д'Арк росла. Она овладела рядом городов и освободила их от английского угнетения и, наконец, в Реймсе короновала Карла на королевский трон. Так во Франции появился король Карл VII.

Как ни старалась французская знать подкупить Жанну д'Арк и перетянуть ее на свою сторону — король возвел ее в дворянское сословие и преподнес ей богатые дары, — она по-прежнему оставалась простой крестьянской девушкой и жила интересами народа. Тогда феодалы Франции в лице продажных бургундцев предательски захватили ее в плен и продали за высокую цену англичанам...

Машинист резко затормозил, и поезд со скрежетом остановился. Но никто не хотел выходить из вагона — так захватил всех рассказ легионера-немца. Пулеметчики надели на него:

— Давай, давай рассказывай, что англичане сделали с Жанной-то?

— Ну, что, первым делом заковали ее в цепи и бросили в тюрьму в городе Руане. А потом организовали над ней суд. Каких только «преступлений» ей не предъявили! И то, что она носила мужской костюм, что она была еретичка и служила дьяволу и даже, что она бросила свою семью, а это, дескать, не полагалось делать богобоязненной девушке. Особенно старалась в этом подлом деле церковь, верно служившая богачам. Наконец осудили Жанну д'Арк, а ее ставленник король Карл VII, которому

она оказала столько услуг, даже пальцем не пошевелил, чтобы выручить ее. Уж очень она была опасна королевской власти!

— Вот подлец!

— Ну, а дальше-то, дальше что?

— А дальше? — Голос у рассказчика дрогнул. — А дальше сожгли ее на костре и пепел выбросили в Сену, воды которой унесли его в океан...

— Да, сволочи, расправились! — после минутного молчания послышались голоса пулеметчиков.

— Видно, эта Жанна Дарк была стоящая женщина.

— Да уж не тебе чета!

— Ну, спасибо тебе, друг, за хороший рассказ, спасибо. А то жили себе в Савое и не знали ничего об этих местах.

— Вот тебе и довернись буржуйам, они тебя обязательно на огонь — и зажарят.

— Потом ее посмертно оправдали, — продолжал немец, — и возвели чуть ли не в святые: она была опасна для них и мертвой. А в народе ее чтут как великую героиню Франции. Знаменитый просветитель и поэт Франции Вольтер воспел ее в своих песнях «Орлеанская девственница», прославив себя этими песнями на весь мир больше, чем другими произведениями. Правда, писал он песни для собственной забавы, но проявил большую смелость, обличительную страсть. Особенно досталось церкви, где царит лицемерие, жестокость, фанатизм, прелюбодеяние, нетерпимость ко всему светлому, чистому...

Чувствовалось, что и сам немец ненавидит церковь. А пулеметчики глубоко задумались. Все услышанное было им близко и понятно. Они простые люди, и каждого привел сюда свой собственный удел, как, впрочем, и самого рассказчика, образованного и умного педагога, затянутого в тесный мундир рядового солдата 1-го иностранного полка...

Когда дивизия прибыла в район Бове, первый натиск противника был уже остановлен. Одни говорили, что его остановили подброшенные к прорыву французские резервы под командованием генерала Фоша, другие — что немцы остановились, так как далеко оторвались от своих баз, и им необходимо было подтянуть тылы, организовать снабжение войск и, главное, вновь подтянуть к фронту всю массу артиллерии.

Видимо, были правы и те и другие. Важно заметить, что марокканской дивизии посчастливилось почти три недели оставаться в резерве главного

командования, в готовности в кризисный момент по первому приказу вступить в бой.

Такой момент наступил 24 апреля, когда английская линия обороны вновь дрогнула под мощным ударом немцев. Стоявшие здесь австралийские дивизии дрались упорно и сильной контратакой вновь было вернули потерянное Виллер-Бретонне. Но силы австралийцев были на исходе — их следовало сменить, а немцев отбросить, ибо они угрожали непосредственно Амьену — последнему железнодорожному узлу, который связывал англичан с французами. Решили нанести немцам сильный фронтальный контрудар. Эту задачу и поставил командующий 1-й французской армией генерал Дебеней марокканской дивизии. Она стремительно перешла на правый берег реки Авр и развернула свои силы перед лесом Жантейль.

25 апреля обстановка на правом фланге австралийцев совершенно запуталась: передовые линии под свирепым огнем немецкой артиллерии все время подавались назад — об организованной смене войск и говорить не приходилось. Решено было сменить измотанные части на разорванном в куски фронте в ночь на 26 апреля, однако проводники от англичан не пришли. Марш совершался в непроглядной темноте по компасу. То и дело натывались на противника и каждый раз вступали в ожесточенный бой. Никто ничего не мог понять...

Но жесткая дисциплина, на которой держалась вся боеспособность марокканской дивизии, выручила и на этот раз. Некоторые колонны атаковали перед собой противника, другие как ни в чем не бывало двигались вперед и к указанному часу заняли исходные позиции: 1-й иностранный полк справа, 4-й и 7-й полки алжирских стрелков в центре, 8-й зуавский полк ²⁷ слева. Люди были измучены до предела, но все та же дисциплина держала их на ногах. В 5 часов 18 минут марокканцы перешли в атаку, сохраняя стройный порядок (несмотря на густой туман). Первая линия противника была опрокинута, но вторая встретила яростным пулеметным огнем. А туман рассеивался, открывая противнику ряды полков...

Англичане справа атаковали лес Ангар, но потерпели неудачу. 1-й иностранный полк, поднятый в атаку командиром полка подполковником Ролле, при поддержке английских танков все же ворвался в лес и захватил всю его западную часть.

Ввели в бой батальон второго эшелона полка. Первая пулеметная рота быстро забрала с повозок свои пулеметы, и Ванюша увел двуколки в ближайший овраг на окраине леса. Внезапно по оврагу противник открыл артиллерийский огонь. Люди укрылись в неглубоких окопчиках и держали за поводья мулов и лошадей, которых не заставишь ведь лечь: они стоят и только вздрагивают от частых разрывов. И кажется Ванюше, что фронтовая

жизнь его никогда не кончалась. Все знакомо: и эти султаны вздымаемой разрывами земли, и этот свист снарядов, и храп лошадей, и запах пороховой гари, смешанный с запахом сырой земли.

Внезапно потянуло хлорным запахом (тоже штука знакомая).

— Газы! — закричал Ванюша.

Солдаты надели на себя и на животных противогазы. Мулы вели себя спокойнее, и на их головы можно было без особого труда надеть противогазы, а лошади крутили головами, задирали морды кверху.

Степан кое-как надел противогаз на Огонька, а Ванюша сравнительно легко натянул на Васька — конь как будто чувствовал опасность и покорно подставлял голову.

Между тем артиллерийский обстрел прекратился. Люди осторожно выбрались из своих окопчиков и стали осматривать животных. У одного мула осколком отсекло правую переднюю ногу, чуть выше коленного сустава. Мул стоял на трех ногах, по его большой морде катились крупные слезы.

— Пристрели его скорей, — приказал Ванюша одному из солдат, а сам пошел к высокой гнедой лошади, которой осколком ранило грудь: надо промыть рану марганцовкой и залить йодом. Остальные как будто все целы.

Завязалась сильная перестрелка. «Наверное, вступает в бой первый батальон и наша пулеметная рота», — подумал Ванюша. Он по звуку стрельбы определял свои пулеметы.

Действительно, атаковал первый батальон. В нем было много русских — бывших куртинцев, уже побывавших в Африке. Они завербовались не по своей воле, а шли в бой смело, бросались в штыковую атаку с криками «ура». Ими восхищались начальники и соседи, а немцы, не приняв штыкового боя, побежали назад. Хорошо, когда в сражении быстро сближаешься с врагом. Это, пожалуй, самое безопасное место в бою: тут тебя ни артиллерия, ни пулеметы не возьмут, ну а от штыка и ручной гранаты сам оберегайся: быстрее наседай на противника.

Ночью по распоряжению капитана Мачека Гринько перевел пулеметные и патронные двуколки вперед, в глубину леса, и подал патроны в боевые порядки. Днем противник дважды обстреливал лес сильным барражным огнем, но снаряды ложились с перелетом, и потерь ни в людях, ни в животных не было. Немцы, очевидно, не ожидали, что патронные двуколки будут подведены так близко к линии боя. А пулеметчикам только этого и надо. Пусть щелкают по лесу пули — они в оврагах не страшны, зато артиллерия противника ведет огонь с перелетом. Впрочем, у нее есть другая работа: она борется с артиллерией марокканской дивизии, которая

рядом, с полуоткрытых позиций, ведет частый огонь, не обращая внимания на обстрел.

А неподалеку, у опушки леса, ведет огонь английская гаубичная батарея. Англичане методически работают у орудий, не вынимая из зубов трубок. Трубки давно уже, наверное, потухли, но солдаты сосут их по привычке, да и лучше, когда у артиллериста в зубах мундштук трубки, — значит, рот открыт и барабанные перепонки легче переносят гром своего выстрела и разрывы немецких снарядов, которыми нет-нет да и накрывают немцы позицию батареи. Англичане не обращают на разрывы никакого внимания, даже тогда, когда кто-нибудь из них падает тут же около орудия. Они отодвигают убитого или раненого в сторону и продолжают так же сосредоточенно, со спокойными суровыми лицами, с засученными выше локтя рукавами своих зеленых рубашек, работать у орудий. Огонь батареи не прекращается.

Знаменитые французские батареи 75-миллиметровых орудий, напротив, не любят методического огня. Они внезапно открывают шквальный, предельно частый огонь и накрывают врага неожиданно, густо. Немцы боятся их, как чумы.

А марокканцы атакуют, бьют немцев в хвост и в гриву...

Продвижение дивизии было небольшим, но очень важным: противник отброшен назад, его план захвата Амьена сорван. Дорога к этому городу для него была закрыта.

28 апреля французское агентство возвестило всему миру о боях дивизии. Оно заявило:

«Знаменитая марокканская дивизия... вела упорные и успешные бои в лесу Ангар вместе с очень ослабленными австралийцами, но заплатила за это тяжелыми жертвами. Особенно большие потери понес 1-й полк легионеров, а также полки алжирских стрелков и зуавов. Первые волны наступавших полков были опустошены и рассеяны жестоким огнем немецких пулеметов, лишь немногим подразделениям удалось дойти до линии Виллер-Бретонне и к югу от этого населенного пункта».

Действительно, дорого заплатила марокканская дивизия за достигнутый успех: семьдесят четыре офицера и три тысячи пятьсот солдат выбыли из строя...

Такова цена этих двух-трех километров, которые прошла дивизия. Но немцы, очевидно, понесли еще большие потери: 19-я немецкая пехотная дивизия, брошенная 26 апреля навстречу марокканской дивизии, оказалась настолько обескровленной, что должна была уступить место сразу же вновь подошедшей 109-й пехотной дивизии. А марокканская дивизия продолжала бои до 7 мая. Результатом ее действий явилось то, что немцы после 7 мая не

осмелились больше возобновлять своих атак. Силы сторон уравнились: немецкая сторона имела на фронте прорыва девяносто дивизий, а франко-английская — восемьдесят девять.

Так закончилось знаменитое мартовское наступление немцев в 1918 году.

Марокканская дивизия выводилась в резерв. И тут произошло совсем неожиданное. Во время подачи пулеметных двуколок под пулеметы они попали под сильный артиллерийский огонь и понесли потери. На глазах у Ванюши погиб его любимый Васек. Его обезглавило большим осколком снаряда. Красивая, с белой лысиной голова лошади откатилась в сторону, а туловище еще несколько раз содрогнулось и затихло... И конь капитана Мачека, как подкошенный, упал с пробитой головой. Еще два мула были ранены и добиты... 1-я пулеметная рота вышла из боя небольшой горсткой людей — потери были огромны.

3

Выйдя в район Нантейль-Ле'Одуэн, Даммартэн-ан-Гель, дивизия приводила себя в порядок и получала пополнение. Ванюша отправился в армейское конное депо и получил недостающих лошадей... Особенно долго Ванюша со Степаном подбирали верхового коня для капитана Мачека. Наконец по рекомендации де Лёжи, старого кавалериста, потерявшего глаз в бою и теперь возглавлявшего конное депо, они остановились на красивом жеребце арабской породы.

— Берите, будете довольны. Прекрасный конь. Он выбракован из конницы только за то, что иногда спотыкался на полном карьере: передние ноги у него были слабоваты. Для конницы он не годится, а ваш капитан будет себе на нем ездить и ездить.

Жеребец действительно был очень красив, и Ванюша его взял. Степан подобрал сильную канадскую кобылицу в пару к Огоньку и тоже был очень доволен... Капитану Мачеку жеребец Байонет понравился, и он выбор одобрил. А по поводу порока коня заметил, что не собирается носиться на нем полным карьером, а будет ездить больше шагом, ну, разве изредка рысцей и коротким галопом. Он похлопал жеребца ласково по шее и по спине. Жеребец был хорошего, спокойного нрава.

Стояли теплые майские дни. Получили пополнение и пулеметчики — опять пришло много русских из Африки. Забавлялись на солнышке кто чем мог. Был в роте подобранный где-то маленький дикий поросенок по кличке Лесанглик. Так назвал его один из повозочных, зуав. Поросенок знал свою

кликну и подбежал, когда его звали, чтобы получить кусок хлеба или другое лакомство.

Однажды в чистом небе появился самолет немцев. Откуда ни возьмись, налетел французский «ньюпор», завязал воздушный бой с немецким разведчиком и сбил его. Немецкий самолет спланировал и сел на чистом лугу, недалеко от окраины деревни. Все побежали к самолету. Ванюша вскочил на Байонета и пустил его во весь мах. И тут он почувствовал, что летит через голову коня. Так он и «приземлился», проехав на животе несколько метров по скошенной траве. А Байонет со стоном поднимался сзади. Ванюша подбежал к нему, вытер ему голову и, опять вскочив на него, поскакал к самолету коротким галопом.

Все же он первым прискакал к самолету и увидел в кабине фюзеляжа рыжего немца в летных очках. Подъехали офицеры из штаба дивизии, окружили кольцом немца, чтобы солдаты не устроили над ним самосуд (а каждому хотелось ударить боша под ребро!), пересадили его в подошедший легковой автомобиль и увезли в штаб. Гурьба солдат, разочарованных тем, что им не удалось поволтузить немца, вернулась в деревню.

Капитан Мачек выстроил первую пулеметную роту и производил смотр. После ее пополнения во взводах было по двенадцать — четырнадцать человек. Капитан остановился перед вторым взводом и задумался. За взводного командира оставался временно сержант Марлен, не отличавшийся особой храбростью, а капитану не хотелось, чтобы подчиненные действовали в бою так же, как их командир. Мачек решил кем-нибудь подкрепить взвод.

— Капораль Гринько, — позвал Мачек Ванюшу.

Ванюша подбежал с левого фланга роты и вытянулся перед капитаном.

— Вам, приятель Гринько, придется перейти в строй: назначаю вас, капораль Гринько, начальником четвертого пулемета, а боевую часть, я думаю, можно передать под командование солдату Кондратову. Правильно это будет или нет, приятель Гринько? — Капитан Мачек вопросительно посмотрел на Ванюшу.

— Правильно, мой капитан, — ответил Ванюша.

— Ну вот очень хорошо, выполняйте! — И капитан Мачек продолжал обходить строй роты.

27 мая 1918 года началось новое наступление немцев под Суассоном. На этот раз они обрушились на французов, как будто хотели уничтожить

своего основного противника. В мощном порыве немцы достигли дороги Шмен-де-Деле, а в один день форсировали реку Эна и ее приток Вель и стремительно двинулись на Шато-Тьерри. И опять свое слово должна была сказать марокканская дивизия. 28 мая она была поднята по боевой тревоге, погрузилась на автомобили и на другой день прибыла в район Доммиер, Шоден, Мисси-о-Буа.

Ужасающая картина открылась глазам прибывших. Фронт обороны французов трещал по всем швам. Противник ворвался в Суассон и достиг высот Белле и Бюзанси. Остатки нескольких французских дивизий с большим трудом удерживали западные окраины Суассона и правый берег реки Криз. Медлить было нельзя. Сразу же после выгрузки части марокканской дивизии, еще покрытые дорожной пылью, как мучной пудрой, направились к Суассону, седлая дорогу на Париж. Вскоре позиции были заняты целиком: 1-й иностранный полк расположился на Парижской горе, 8-й полк зуавов — вдоль реки Криз, 7-й полк алжирских стрелков прикрывал Шоден, а 4-й полк алжирских стрелков оставался в резерве дивизии. Артиллерия после семидесятикилометрового перехода на конной тяге расположила свои батареи вокруг Мисси-о-Буа и Кравансона.

А тем временем под давлением превосходящих сил противника дивизии первой линии откатывались и откатывались назад. 7-й полк алжирских стрелков вынужден был последовательно развернуть три своих батальона и двинуть их вперед, чтобы восстановить прорыв на правом фланге 8-го зуавского полка. На рассвете 30 мая вся марокканская дивизия завязала бой, растянувшись на фронте в десять километров между Мерсэн и Во слева и Лешель справа.

Борьба была неравной. С одной стороны наступали три опьяненные успехом немецкие дивизии, поддержанные сильным огнем артиллерии, за ними следовали свежие дивизии, готовые развить успех; с другой стороны — одна-единственная марокканская дивизия, растянутая на широком фронте, за ней — ничего, кроме пустых полей Франции. Катастрофа, кажется, неминуема! И все-таки марокканская дивизия не выходила из тяжелейшего неравного боя, а сражалась с исключительным упорством и доблестью. Ее солдаты и офицеры, подневольные рабы Франции, зажатые в тиски беспощадной дисциплины, совершали чудеса героизма. Несмотря на огромное численное превосходство, немцы не смогли преодолеть оборону дивизии. И не в этом ли было спасение Франции?!

1-й иностранный полк отбивает атаки врага на Парижской высоте. Немцы не могут его сбросить, несмотря на яростный натиск. Одна атакующая волна сменяется другой, а враг не в силах дойти до линии обороны французских войск.

Ванюша прямо с колена наблюдает в бинокль за результатами огня своего пулемета и видит, как падают замертво скошенные цепи немцев в пшеничное поле и больше не поднимаются. Изредка Ванюша подает команды: «Чуть ниже!» или «По кольцу один вперед!»

Русских солдат тоже осыпают пули, но огонь немцев не точен — они почему-то бьют выше, и пули режут воздух над головами пулеметчиков, хотя их головы возвышаются над зеленой травой равнины. Но все-таки и сюда залетает коварный свинец. Вот коротко вскрикивает после серии артиллерийских разрывов наводчик пулемета марокканец — бербер Ахмед-Бен-Али, падая замертво у пулемета. Ванюша быстро заменяет его и ведет огонь.

Ствол у пулемета уже красный — надо сменить. Пока Ванюша с Виктором Дмитриевским — вторым номером пулемета, меняли ствол, немцы приблизились. Они хорошо видны — до них метров двести, не больше... Длинная очередь скашивает врага почти в упор.

Солнце на закате. Бой перед фронтом первого батальона иностранного полка затихает, но вспыхивает с новой силой справа, на левом фланге 8-го полка зуавов. По направлению, откуда слышны выстрелы, можно понять, что немцам удалось прорваться вперед и засесть в деревне Вобюэн...

А потом наступает душная, тревожная ночь. С обеих сторон взлетает одна осветительная ракета за другой, заливая белым дрожащим заревом полосу между передними линиями. Пулеметчики пополняют запасы патронов, смазывают пулеметы, прочищают стволы.

Приносят еду: тут все сразу за весь день — и обед, и ужин. Небольшой мерочкой раздают кирш. Ванюша его сливает во флягу: он не пьет кирш в бою, не хочет стрелять с пьяных глаз и быть убитым. «Вот если останусь цел, тогда уж на отдыхе и выпью как следует», — соображает он. Его примеру следуют почти все пулеметчики четвертого пулемета... Потом засыпают, разморенные сытной едой и нечеловеческой усталостью.

Ванюша, пересиливая себя, бодрствует и напряженно всматривается в темноту, чтобы немцы не подползли и не напали внезапно. Правда, командир первой стрелковой роты выслал в секрет несколько легионеров, но Ванюша на них особенно не надеется.

Тихо подошел капитан Мачек — проверить бдительность пулеметчиков. Его вполголоса окликает Гринько и слышит в ответ:

— Добрый вечер, приятель.

— Здравствуйте, мон капитан, — отвечает Ванюша.

— Вы что, приятель Гринько, на посту, почему не отдыхаете?

— Всем разрешил отдыхать, мон капитан. Они очень устали и могут невольно уснуть на дежурстве. Пусть люди отдохнут немного, а я подежурю

у пулемета.

— Это похвально с вашей стороны, приятель. — Подумав о чем-то, капитан добавляет: — Сегодня мы хорошо поработали, надо и завтра так же... Ну, всех благ, приятель!

Капитан Мачек двинулся дальше, рассекая воздух своим маленьким стэкком, как дирижерской палочкой. За ним поспешал ординарец, пожилой легионер — чех, которого все в роте очень уважали и звали за мощное телосложение «Жижкой».

Уже перед рассветом Ванюша стал будить Виктора Дмитриевского. Тот ни за что не хотел просыпаться. Когда Виктор наконец открыл глаза, Ванюша скомандовал:

— Встать! Бегом марш!

— Куда? Зачем? — недоумевал Дмитриевский.

— à затем, чтобы сонную дурь с тебя согнать.

Пришлось подчиниться. Когда Ванюша убедился, что Виктор окончательно проснулся, он сдал ему дежурство у пулемета, а сам заснул беспокойным сном, подложив под голову коробку с патронами.

С утра противник, нависший над левым флангом полка зуавов, возобновил сильные атаки по всему фронту и с особой силой именно на левом фланге зуавов, где занимал позиции третий батальон во главе с прихрамывающим капитаном Серве. Капитан своим присутствием в цепи воодушевлял солдат на героическое сопротивление. Зуавы держались великолепно, и командир батальона послал короткое донесение командиру полка: «Не беспокойтесь, выдержим».

Но противник, пользуясь численным превосходством, разорвал оборону батальона и окружил левофланговую десятую роту. Когда-то этой ротой командовал сам капитан Серве. Теперь рота не хотела на глазах своего бывшего командира ронять достоинство в бою и, несмотря на то что была полностью окружена, упорно держалась с самого утра до полудня. Наконец у нее иссякли все боеприпасы, и она примолкла; но, когда немцы бросились на нее в атаку, зуавы встретили их штыками, ножами, кулаками, прикладами и вообще всем, что было под рукой, вплоть до камней, которые они находили в поле; даже пустили в ход свои стальные каски. Все командиры десятой роты пали смертью храбрых. Да и солдат осталось не больше двух десятков. И вот эта горстка людей во главе с одним сержантом поднимается и стремительно атакует. На помощь им бросается уже сильно поредевшая

первая рота иностранного полка со вторым взводом пулеметчиков. В этой контратаке все смешалось в кучу — и немецкие солдаты, и легионеры, и зуавы.

Гринько, устанавливая в кустиках на пригорке свой пулемет, в дыму и пыли видит смешавшиеся немецкие и французские каски. Как быть? Стрелять или нет? Ведь от пулеметного огня погибнут и те и другие. Но немцев больше. Будь что будет! И Ванюша открывает огонь — сперва с перелетом, потом подкручивает на себя маховичок, и немецкие каски падают, подкошенные огнем пулемета.

Справа из рожицы бросается в атаку рота русского легиона — последний резерв командира полка зуавов. Она решительно штурмует врага на плато Вобюэн. Противник отброшен, но рота русского легиона заплатила за этот успех дорогой ценой: из ста пятидесяти человек потеряно не меньше ста. К тому же немцы снова переходят в атаку. Хорошо, что подоспел батальон Дюрана...

Сильнейшие атаки идут по всему фронту марокканской дивизии.

Капитан Мачек собирает всю свою первую пулеметную роту и массированным огнем двенадцати пулеметов пытается остановить немцев на правом фланге 1-го иностранного полка. На несколько часов это ему удается. Но вот артиллерия противника нащупывает позиции пулеметной роты и накрывает их барражным огнем. Все в дыму. Но Ванюша с Виктором ведут огонь с прежним прицелом. Немецкая артиллерия через несколько минут переносит огонь дальше, в глубину своего наступления, — видимо, огневой вал рассчитан по времени. Перед пулеметчиками в пшеничном поле вырастают густые цепи немцев. Пулеметы ведут огонь по всему фронту. Непрерывно стреляет и Ванюша.

Неожиданно солнечное голубое небо наполняется гулом моторов. Это вражеские самолеты. Они повисают над головами и забрасывают пулеметчиков мелкими бомбами, потом поливают их свинцом из пулеметов. Пулеметчики притаились в пшенице. Но с самолетов их видно отлично, и снова им на головы летят ручные гранаты. Теперь уже с бреющего полета. И каких только здесь нет самолетов! И турецкие, знаки на них в виде полумесяца, и австрийские — в виде пестрых квадратов с двуглавыми орлами, и немецкие — зловещие мальтийские кресты. «Собралось воронье со всех концов, и все на нас!» — подумал Ванюша, быстро перебегая в сторону леска с телом пулемета. Рядом бежал Виктор Дмитриевский, он взвалил на плечи треногу и был похож на большого жука-рогача.

Наконец пулеметчики собрались в редком перелеске. Со всех катит градом пот, устали все до изнеможения. А бой кипит кругом: значит, пулеметная рота, а с ней небольшая горстка стрелков первого батальона

окружена. Это все понимают. Понимают также, что вырваться из этого кольца не удастся. Капитан Мачек распределяет секторы обстрела между взводами, подавая короткие команды:

— 1-й взвод — на восток... 2-й взвод — на север... 3-й взвод — на запад... 4-й взвод — на юг... Установить пулеметы и быть готовыми к открытию огня!

Солнце стало багровым. Скоро оно закатится за горизонт. «Может, ночь нас спасет», — думает Ванюша и делится своими мыслями с Виктором. Тот очень бледен, и на его лице ярче, чем обычно, выделяются черные усы и борода.

— А?! Что?! — переспрашивает он непонимающе. «Может быть, и я такой же бледный, — подумал Ванюша. — Если так, то это не от избытка храбрости». Действительно, Гринько на этот раз как-то совсем не ощущал прилива душевных сил. И тут все услышали спокойный голос капитана Мачека:

— У кого, приятели, есть иголка с ниткой?

Зачем ему иголка? Что он ею собирается делать — немца колоть?

— Вот, пожалуйста, мон капитэн. — Кто-то из солдат подал иголку с ниткой.

Капитан Мачек, не обращая внимания на ружейно-пулеметную трескотню вокруг рожицы и на свист и шипение пуль, найдя распоровшийся по шву палец на своей лайковой перчатке, стал его медленно зашивать. Ни один мускул не дрогнул на его запыленном лице, по которому текли струйки пота. Пальцы капитана твердо держали иголку и уверенно прокалывали кожу перчатки. Это спокойствие капитана невольно передалось окружающим его пулеметчикам. Могучий «Жижка» предложил было свои услуги, но капитан ответил:

— У вас, приятель, даже иголки не оказалось, так что вы не сумеете зашить перчатку, я это сделаю сам.

Все пулеметчики (а их осталось в роте немного — во всех взводах человек тридцать) продолжали наблюдать за этой картиной. Все-таки копошились кое у кого обидные мысли: подумаешь, как важно в бою зашить перчатку! Тем более когда горстка людей попала в окружение и вот-вот будет раздавлена подошедшими немцами... Но тем не менее поведение командира как-то успокаивало, солдаты перестали озира́ться кругом.

Тем временем капитан Мачек управился с перчаткой и вернул солдату иголку:

— Спасибо, приятель!

Осмотрелся кругом, прислушиваясь к шуму боя.

— Внимательно следить в назначенных секторах и нести пулеметы на треногах, чтобы в любую минуту открыть огонь. Взводу стрелков распределиться по пулеметам.

И капитан Мачек, указав своей «дирижерской палочкой» на юго-запад, двинулся в этом же направлении, осторожно, как цапля, шагая по высокой пшенице.

— Двигайтесь за мной.

Пулеметчики, сохраняя указанный боевой порядок, послушно пошли за командиром. Густые сумерки надежно скрывали их, а потом темнота и вовсе поглотила солдат.

Кое-где взлетали ракеты, и по ним можно было ориентироваться. Французские ракеты рассыпали вокруг себя яркий, чуть желтоватый свет, а немецкие — зеленый мерцающий. Изредка капитан Мачек останавливал роту и прислушивался к выстрелам, довольно редким.

Шли часа два-три, петляя по пшеничному полю и овражкам. Но вот разведчики-стрелки, двигавшиеся впереди капитана, донесли, что впереди лежат немецкие цепи лицом на юго-запад. Капитан Мачек тихо подвел роту поближе, приказал выставить все пулеметы в сторону немецких цепей и скомандовал пулеметчикам:

— Огонь!

Внезапно загремели двенадцать пулеметов. Затем стрелки и пулеметчики бросились вперед, стреляя на ходу из ручных пулеметов и винтовок. Цепи обезумевших от страха и растерявшихся немцев были перебиты. Так капитан Мачек вывел роту из окружения и присоединил ее к полку.

Первая пулеметная рота тут же была поставлена в оборону в боевые порядки 1-го иностранного полка. Цепи его основательно поредели. В ротах первого батальона еле насчитывалось по пятьдесят — шестьдесят человек... Возможно, к утру найдется еще несколько десятков отбившихся солдат.

С утра 31 мая натиск противника возобновился с новой силой, он поддерживался усиленным огнем артиллерии и непрерывными атаками многочисленных самолетов. Но линия обороны 1-го полка марокканской дивизии нигде не подалась назад. Правда, с часу на час она становилась слабее, даже последний резерв, которым располагал командир марокканской дивизии — пулеметный взвод 5-го полка африканских конных стрелков, был

брошен на помощь обороняющимся. Африканцы не много, но все же укрепили оборону и помогли legionерам остановить атаку противника.

Но вот появляются головные части колонн 35-й и 51-й французских дивизий, которые вместе с марокканской дивизией переходят в контратаку и отбрасывают немцев назад, захватывают гору Курмель и балку Шазель, где ведут тяжелый упорный бой. Ночью эти дивизии сменяют марокканскую, и она отводится в резерв. Дивизия понесла большие потери, была истощена до крайности, но выполнила свою задачу с честью. Немцы не смогли пробиться к Парижу, с большим трудом вышли лишь к реке Криз и там были остановлены.

Между тем марокканскую дивизию, даже после того как она оказалась в резерве, все время перемещали с места на место, чтобы обезопасить лес Виллер-Коттере, закрыть балку Кёвр и укрепить линию фронта Тайфонтэн-Борнейль-сюр Эн. Это сильно утомило людей.

В ночь с 3 на 4 июня немцам удалось оттеснить французов, которые удерживали равнину Пернан, в лощину Амблени, в связи с чем 1-я бригада марокканской дивизии была срочно переброшена в долину Баргэн и вступила в бой между Маладрери и Куртансоном. Противник был сразу остановлен, а в последующие ночи отброшен от деревни Амблени и с левого берега речушки Бет, где бригада закрепились и приступила к оборудованию оборонительных позиций — отрывали траншеи, ходы сообщения, убежища и даже устанавливали проволочное заграждение.

Пулеметчики сумели вывести из боя все свои двенадцать пулеметов и пять суток упорно работали, чтобы построить себе убежища и оборудовать пулеметные гнезда, хотя людей у них было маловато. У Гринько, например, всего пять человек, считая его самого. Но что делать! Настойчиво вгрызались в землю, строили укрепления, запасались патронами, ручными гранатами. Капитан Мачек с неразлучным «Жижкой» обошел все позиции пулеметов и был удовлетворен. Особенно остался доволен гнездом пулемета Ванюши — оно было хорошо укреплено и, главное, великолепно замаскировано.

Глубокой ночью 12 июня немцы внезапно открыли ураганный артиллерийский огонь по позициям 1-й бригады и в глубину, вплоть до Пьерфонда и до леса Сен-Этьен.

...Деревня Амблени уже полностью стерта с лица земли огнем тяжелых орудий. Французская артиллерия изо всех сил ведет борьбу с артиллерией противника и обстреливает позиции немецкой пехоты. Однако огонь противника усиливается, фугасные разрывы чередуются с химическими. Это заставляет надеть маски. Вступают в дело пулеметы противника, они обстреливают передовые линии, буквально не дают поднять головы. Вскоре

огонь немцев достигает наибольшей силы — все кругом дрожит от сплошных разрывов, линии связи порваны, радиостанции потеряли свои антенны и бездействуют. Трудно передать всю трагедию этих минут перед атакой: вихрями поднимается и клубится земля, темной стеной закрывает она обороняющихся, которые забились в укрытия и ждут, кажется, одного — своего смертного часа.

В пять часов начинается атака. Немцы были уверены, что встретят слабое сопротивление: в жесточайшем огне, бушевавшем два с половиной часа, все живое в обороне должно было погибнуть. Появляются первые волны атакующих. Они приближаются. Видно, как спускаются сомкнутые колонны немцев с кладбища Амблени и направляются к скатам Монтегю, выходят из Плэн.

Гринько быстро выносит пулемет из убежища, которое, к счастью, уцелело, и устанавливает его на площадку. Виктор подает ленту, и пулемет заряжен. Надо только лучше прицелиться и ближе подпустить противника. Идут томительные секунды. Подносчики патронов Парамонов, Ахмед-Бела и Гранье — русский, араб и француз — залегли в окопчиках со своими коробками. И вот, как по команде, все пулеметы открывают огонь. Затрещали винтовки и ручные пулеметы, из ружейных гранатометов летят в балку гранаты — все с грохотом и треском изрыгает смерть.

Ванюша ведет огонь с плавным рассеиванием, задерживая его там, где больше немцев. Виктор подает ленту за лентой в приемник, который их проглатывает, вздрагивая от стрельбы. Парамонов подбрасывает коробки с набитыми лентами и готовит новые. Все поле обволакивается дымом от огневой завесы, которую поставили неутомимые артиллеристы своими знаменитыми пушками «суасант-кенз» ²⁸. Клокочет, как огромный котел, весь фронт обороны.

Но вот дым рассеивается, и все видят, как немцы залегли и быстро окапываются. Бой слегка затихает. Надолго ли? Да, противник собирается с силами и, открыв сильнейший огонь из пулеметов, вновь бросается на штурм. Ванюша опять кладет на землю из своего пулемета одну волну немцев за другой. И тут большая группа солдат противника прорывается, охватив пулемет Ванюши справа. В пулеметчиков летят ручные гранаты. Под одну попадает Парамонов и погибает. Ванюша с Виктором поворачивают пулемет, разят немцев в упор. Потом быстро отходят к опушке леса. Первая стрелковая рота, переменяв фронт, встречает наседающего с тыла противника штыковой атакой. Другая группа немцев стремительно несется на эту же роту с востока. Ну, конец роте! Но в это время пулемет Ванюши полоснул своим огнем по этой группе противника и

рассеял ее. Атака с востока прекратилась, и первая стрелковая рота отошла на опушку.

В 7 часов 30 минут обстановка снова осложняется. На правом фланге дивизии линия фронта подалась назад. Немцы перешли реку Ретц. Одна рота попала в кольцо и яростно отбивается, другая стремится ей на выручку. Подразделения занимают позиции уступом вправо, чтобы не допустить окружения всего полка. Командир полка бросает в бой свои последние резервы: саперную роту и территориальную роту подноски боеприпасов. Саперы и пожилые пуалю яростно вступают в бой. Капитан Мачек выводит пулеметную роту за правый фланг полка, охваченный противником. Когда пулеметчики открывают огонь, в атаку кидаются сипаи ²⁹. Сипаям удается потеснить противника и захватить группу немцев в плен. Пленных уводят в лес.

Полдень...

Подразделения, которые справа удерживали Куртансон, отходят к Ша Амборрасе. Командир полка бросает в бой всех, кто оказался под руками, вплоть до полковых саперов. Они-то и сдерживают противника в западном овраге. Артиллерия тоже громит немцев. Эскадрилья самолетов атакует противника, забрасывая бомбами и поливая огнем из своих пулеметов его резервы, выдвигающиеся из Монтегю. Но все напрасно — немцы атакуют и атакуют все новыми силами. Пулеметчики капитана Мачека расстреливают свои последние патроны. А противник все атакует. Первой бригаде угрожает полный охват.

К счастью, появляются головные батальоны 2-й бригады и контратакуют противника с ходу.

Наступает ночь. Бой затихает.

Нелегко пришлось марокканской дивизии: она прикрыла фронт на протяжении десяти километров. Но и противник выдохся и больше не атакует. Оборона снова была удержана, хотя дивизия потеряла в этом тяжелом бою девяносто четыре офицера и более четырех тысяч солдат.

Почему же все-таки две немецкие пехотные дивизии не смогли прорвать фронт обороны одной марокканской дивизии? Может быть, потому, что плохо атаковали или не успели тщательно подготовить свое наступление? Нет, и подготовка, и атака были великолепны. Немцы не преодолели оборону лишь потому, что железная дисциплина так спаяла солдат марокканской дивизии, что их просто невозможно было победить. Они дрались упорно и до последней крайности: смерть или победа! Победа восторжествовала.

Марокканская дивизия был отведена на короткий отдых. Некоторые ее части расположились на берегах реки Эна в Ретонд Аттиши, а частью в Компьенском лесу — район Сен-Жан-о-Буа, Ла-Бьевьер, лагерь Шамплис. Пехота восстанавливала вконец измотанные силы и восполняла потери. Артиллерия, несмотря на крайнюю измотанность, вскоре была опять введена в действие: 28 июня она поддерживала атаку 153-й пехотной дивизии на Кёвр и Сен-Пьер-Эгль; 3 июля участвовала в операции 30-го армейского корпуса в районе Отреш, а 5 июля ее передали в распоряжение 11-го армейского корпуса в Ивор. И везде она восхищала начальников своим безупречным мастерством и изумительным презрением к опасности...

Решением высшего командования из состава марокканской дивизии выводился 4-й полк алжирских стрелков и передавался другому соединению. 30 июня в Компьенском лесу, под тенистыми сводами его огромных деревьев, построились для последнего прощания полки 1-й бригады — 1-й иностранный полк и 4-й полк алжирских стрелков, связанные десятками проведенных вместе боев. Их приветствовал бывший командир 4-го полка, а теперь командир дивизии генерал Доган.

— У нас столько общих воспоминаний, — говорил он, — столько совместно пережитых надежд, опасностей и радостных побед! Все это сроднило нас и связало крепкой боевой дружбой. Наши начальники решили разъединить нас, мы склоняемся перед их решением, но мы горько опечалены этим событием.

Пусть бойцы 4-го полка — стрелки и офицеры — будут уверены, что мы их никогда не забудем.

4-й полк алжирских стрелков отправлялся навстречу новой судьбе.

А солдаты слушали выступление командира дивизии с полным безразличием. Какое им дело до того, кто будет составлять 1-ю бригаду. Каждый из них думал о своей собственной судьбе, и мало кто рассчитывал уцелеть в будущих боях. Вопрос стоял лишь так: когда, в каком бою придется сложить свою голову? А что сложить ее придется — это было ясно каждому. Таким образом, речь генерала Догана была мимо цели. Другое дело, если она предназначалась для начальства...

Вместо 4-го тирайёрского полка ³⁰ в состав дивизии прибыли: 43-й отдельный батальон сенегалов, 12-й отдельный батальон мальгашей (с острова Мадагаскара) и 27-й отдельный батальон сенегалов. Три этих батальона солдаты сразу окрестили «табор нуар» — черный отряд. Этот

отряд дополняли еще остатками русского легиона — вот и вся замена 4-го полка алжирских стрелков.

Одновременно с этим марокканская дивизия кроме пополнения получила и новое наименование: 1-я Марокканская дивизия. Видимо, предполагалось формирование и других дивизий под именем марокканских. Но вряд ли новые дивизии по боевому качеству смогли сравняться со старой, закаленной в боях 1-й Марокканской дивизией! Кстати, реакционное французское военное командование смотрело на эту дивизию по-своему: ее можно бросать во все дыры, ведь в ее составе нет чистых французов, а так, сброд со всего света — чернокожие и арабы. Стоит ли их жалеть?!

Получив пополнение и пробыв на отдыхе полмесяца, 1-я Марокканская дивизия с июля принимает участок фронта к северу от Виллер-Коттере, между Кютри и развилкой дорог Консерватер в лесу Ретц. 8-й полк зуавов удерживает Кутри, 7-й полк алжирских стрелков — развалины Кёвр. Каких-либо особо запоминающихся событий не происходило, если не считать частых артиллерийских обстрелов химическими снарядами. Они глухо лопались, изрыгая смертельную жидкость, которая каплями и испарениями поражала, душила все живое, вызывала на теле глубокие нарывы, приводившие в большинстве случаев к смерти...

Справа от 2-й бригады, у опушки леса, занимаемого противником, на совершенно голом месте, заняла позиции 1-я бригада. Чтобы исправить это тяжелое положение, иностранный полк и сенегальские стрелки должны были наступлением улучшить свои позиции. Тщательно изучив расположение противника, сенегальские стрелки 43-го батальона перешли в наступление, ликвидировав передовые посты немцев, и 15 июля стремительной атакой выбили противника из деревушек Шафье и Пти Шафье. Слева от сенегальских стрелков стремительно атаковал немцев иностранный полк и штурмом овладел Лорианом и Жарденом.

Так, части 1-й бригады сумели продвинуться вперед на два километра, овладеть лесом и прочно закрепиться на его опушке. Для этого требовалось четыре дня дерзких действий. Зато 1-я бригада обеспечила себе условия для успешной обороны и сумела занять выгодный исходный рубеж для возможных наступательных операций. Солдаты тонким чутьем уже улавливали: приближаются новые жестокие бои — и готовились к ним.

Появились на фронте американские дивизии. Они были подведены в ближайшие тылы 1-й Марокканской дивизии...

Видимо, наступал перелом в ходе войны.

Глава четвертая

1

Стратегическая обстановка к июлю 1918 года для Германии и ее союзников складывалась безотрадно: к военным действиям в Европе приступила Америка ³¹. Правда, она еще продолжала переброску своих дивизий через океан. К тому же эти дивизии были только что сформированы, не имели ни умения, ни опыта, а потому являлись хорошей пищей для алчного молоха войны...

Германии следовало торопиться. И она торопилась. Немецкий генеральный штаб собирал и направлял на фронт все, какие только можно было собрать, войска — артиллерию, авиацию и пехоту.

До сведения солдат доводилось, что руководить боевыми действиями отныне будет сам кайзер. Неужели это не заставит каждого немца проявить максимум усилий, послушания, самопожертвования, чтобы добиться столь необходимой для великой Германии победы?! Удар должен быть решающим, ибо он может оказаться последним: Германия вкладывает в него свои последние силы.

Утром 15 июля 1918 года Германия начала чудовищное наступление, нанося удар огромной силы по обе стороны Реймса, прямо на Париж. Но... было уже поздно. Союзное командование во главе с генералом Фошем тщательно подготовилось к тому, чтобы добиться наконец перелома в ходе войны и уверенно взять инициативу в свои руки. Немецкий удар был остановлен. Началась вторая Марна. И Франция надеялась: если на Марне свершилось чудо в 1914 году, когда неожиданная победа спасла страну, то почему вторая Марна не взойдет новой, еще более яркой победной звездой!

Союзники — Франция, Англия и США, эти главные столпы Антанты, — сделали все, чтобы добиться перелома в войне, стать наступающей стороной, заставить Германию обороняться и думать лишь о том, как бы уцелеть. Этот огромный труд мало заметен широкой общественности, но о нем легко догадываются солдаты и офицеры... Идет сосредоточение войск и материальных средств для решительного фронтового контрнаступления, подходят по ночам войска, орудия подвозятся прямо в траншеи, орудия и снова орудия всех калибров, всех образцов, старые и новые, ставятся на позиции и тщательно маскируются, каждую ночь движутся бесконечные ленты автомашин, выбрасывают пехоту в униформе защитного цвета и в

голубых мундирах, за пехотой подтягивается кавалерия и в самую последнюю очередь появляется большое количество танков — тяжелые Шнейдеры, средние английские и легкие Рено...

Все это сосредоточение войск поглощается и маскируется огромным лесом. Вражеские самолеты сколько угодно могут летать днем. Они ничего не заметят, кроме пустых дорог... Да, спасительную роль для союзников сыграл лес Виллер-Коттере. Он не только великолепное украшение Франции, чудное место для охоты, праздников и увеселений. Он, этот лес, точно живой свидетель великого горя Франции, не мог оставаться равнодушным к судьбе своей родины, он не мог быть безразличным к кровавой драме, разыгравшейся рядом. Под своими могучими деревьями, под огромными кронами он скрыл готовившиеся для разгрома врага силы, скрыл великую тайну союзного командования.

В ночь на 18 июля из леса начала выходить пехота и занимать исходные позиции. За ней выползли танки, выдвинулись вперед артиллерийские батареи, чтобы прямой наводкой расстреливать врага; другие батареи остались на дорогах в готовности следовать за пехотой, чтобы быстро ее поддержать. Перед артиллеристами — команды рабочих и саперов, которые при необходимости должны исправить разрушенные дороги, очистить их от мин и других препятствий. Вот и кавалерия вытягивает в длинные колонны своих заседланных коней. Все это делается скрытно, тихо. Пусть вражеские солдаты спокойно спят. И действительно, противник спит, его ничто и никто не побеспокоит: не разорвался ни один снаряд, ни один выстрел не нарушил уже обычной на этом участке фронта тишины, ни одна ракета не осветила местность...

Вот-вот наступит рассвет. И в этот момент на позиции немцев обрушивается страшный шквал артиллерийского огня. Фронт вздрогнул и застонал от реки Эна до леса Виллер-Коттере. Армия Манжана, вся одетая в защитный цвет, неудержимо ринулась в наступление на фланг немецких войск. Незабываемая минута для французской армии! В этот ранний час как раз и зажглась для нее звезда победы.

1-я бригада 1-й Марокканской дивизии, сопровождаемая танками, атакует немецкие позиции. Справа и слева переходят в атаку дивизии американцев. К северу от Ри де Сент-Пьер-Эгль 1-й иностранный полк одним броском врывается в передовые линии противника, затем овладевает фермой Гло и, поддержанный 2-й бригадой, дерзко бросается на восток.

Одновременно с этим броском действующий справа батальон мальгашей атакует Домие и Шоффур, овладевает ими и забирает в плен сотни немцев, захватывает много орудий и пулеметов. 1-й батальон иностранного полка выходит на правом фланге на прямую дорогу из леса и, развертываясь по обе стороны дороги, идет в атаку. Его поддерживает первая пулеметная рота.

Да, снова жарко пулеметчикам! Сильный артиллерийский огонь противника обстреливает дорогу прямой наводкой, пулеметчики укрываются в канавах; но это плохая защита — канавы простреливаются вдоль. Единственное спасение — толстые стволы деревьев. Оглушительно рвутся шрапнели. Ванюша плотно прижался к корневищу огромного дерева. К нему бежит по канаве его товарищ Миша Ликанин, начальник пятого пулемета. Вот Ликанин почти добежал до Ванюши, но тут разорвалась очередная шрапнель. Ликанин схватился за ногу выше колена и упал.

— На бинт, заматывай ногу, — сказал ему Гринько, оцупав рану, и в голосе его прозвучала нескрываемая зависть. — Кость цела...

Ванюша и в самом деле подумал: «Везет же человеку, поедет теперь в госпиталь. А тут иди вперед, пока не получишь пулю в лоб...» И Ванюша побежал вместе со второй ротой батальона. Когда он, запыхавшись, выскочил из леса и хотел установить пулемет, чтобы открыть огонь по немецкой батарее, рота легионеров уже атаковала ее и ворвалась на огневую позицию. Наконец батарея, которая так жестоко обстреливала лесную дорогу, была захвачена. Ванюша со своим пулеметом быстро побежал за легионерами, которые устремились за группой танков Рено.

Немцы убегали от танков. Ванюша быстро установил пулемет и открыл огонь: многие германцы упали и больше не поднимались, убежать удалось только одиночкам. По ним Ванюша не стрелял: надо беречь патроны.

Неожиданно по танкам открыли огонь тридцатисемимиллиметровые немецкие пушечки. Две «ренушки» остановились и загорелись. Ванюша полоснул по пушкам пулеметной очередью, и они сразу замолкли. Воспользовавшись этим, два других танка пошли на них и давай давить гусеницами. А один попал в большую воронку и никак не мог выбраться из нее. Француз-танкист в синем комбинезоне вылез из танка и стал осматривать хвостовой опорный рычаг — не сломан ли? Но «хвост» был исправен, а танк продолжал торчать в воронке.

— Мон камарад! — крикнул танкист пулеметчикам. — Помогите, подкопайте немного край воронки.

Гринько посмотрел на него с уважением. На танкисте была надета каска с обрезанным козырьком, и на ней виднелись две золотые полосочки: значит, офицер.

— Сейчас, мон льетнан, — ответил Ванюша, и пулеметчики быстро помогли танку выбраться из ловушки.

Ворча мотором, он резко двинулся вперед. «Ну, теперь крышка немцам, — подумал Ванюша, — теперь танки загонят их в тартарары».

Батальоны сенегальцев штурмовали противника к югу от линии Домие-Сент-Пьер-Эгль. Участок лесистый, покрыт оврагами, сенегальцам достается крепко. Лес кишит стрекочущими вражескими пулеметами и батареями, расстреливающими последние снаряды. Но сенегальцы, поддержанные танками, смело атакуют, прочесывают каждый кустик, каждый овражек, налетают на немцев с ножами в руках и добивают их. Так сенегальцы преодолели последние перелески и вышли на опушку леса — теперь перед ними был простор.

К семи часам 1-я бригада выполнила ближайшую задачу. 2-я бригада, не останавливаясь, перекачивается через боевые порядки иностранного полка, развертывается веером и продолжает атаку, которая идет успешно. Но в Кравансоне многочисленные пулеметы противника ее все-таки задержали. Пришлось вызвать танки на поддержку, и вскоре ферма была захвачена, а ее защитники уничтожены и пленены. А в Шодэне новое ожесточенное сопротивление противника, новая атака танков и пехоты. Но и Шодэн окружен и взят, а за ним успешно атакowana батарея на высоте 137 и захвачена.

Наконец зуавы выходят на равнину, но немцы встречают их сильным пулеметным огнем. Зуавы вынуждены залечь. Опять им на помощь приходят «ренушки» и смело лезут на пулеметы. И тут неожиданно из-за глубокого и крутого оврага по танкам прямым огнем ударила батарея. Это «ренушкам» не по нраву, но они все же вступают в единоборство с батареей, противопоставив ей свои малокалиберные пушечки и пулеметы. И конечно, состязание заканчивается в пользу немцев: танки один за другим загораются от прямых попаданий и героически гибнут.

Тем временем зуавы одним рывком вскакивают в немецкие траншеи, а их разведчики смело бросаются вперед, прорываются к оврагам Шазель и Лешель и атакуют батарею, не дав ей возможности сняться с позиции.

Второй пулеметный взвод быстро продвигается за пехотой легионеров, но сбивается с направления. Ванюша попеременно с наводчиком пулемета Виктором Дмитриевским несет тело пулемета. А оно, проклятое, кажется стопудовым и больно врезается в плечо ребристой поверхностью ствола. Пот катится градом и заливает глаза. Но медлить нельзя, надо скорей уйти с равнины, которая простреливается с правого фланга огнем пулеметов.

Несколько танков Рено двинулись прямо на эти пулеметы, но напоролись на два танка противника. Попав под огонь их пушек, две

«ренушки» остановились и загорелись. Остальные заметно замедлили движение и вступили в огневое состязание с танками немцев. Ванюша и его пулеметчики здесь же рядом, они бегут, бегут в изнеможении — лишь бы скорей добраться до овражка, поросшего кустарником! Наконец они скрываются в складках местности и падают от усталости на землю, еле-еле переводя дух. Грудь у каждого вздымается, и из нее вырывается какой-то звериный хрип, а сердце колотится часто и громко, не надо прислушиваться, чтобы услышать его, жилы на висках вздулись, из-под липких волос, из-под каски, измазанной грязью для лучшей маскировки, сбегает грязный, соленый пот.

Прорыв обороны немцев достиг уже, наверное, десяти километров как по фронту, так и в глубину. За пехотой по развороченным дорогам эшелонами продвигается артиллерия, спешат автомашины с огнеприпасами, между ними движется кавалерия в расчлененных боевых порядках, а вот и сипаи пронеслись в своих седлах с высокими, как у кресел, спинками — развеваются бурнусы, лица скрыты капюшонами, только сверкают злые черные глаза.

Легионеры 1-го иностранного полка пробились через нагромождение развалин Домие и немецких укреплений, а в полдень вышли в район тыловых огневых позиций артиллерии у Кравансона, продолжая движение через широкий овраг. В небе гудят самолеты. Летчики в порыве общего энтузиазма храбро атакуют противника на бреющем полете, внося панику в группы отходящей немецкой пехоты, к великому ликованию солдат союзных войск — марокканцев, чернокожих и американцев. Жаль, на глазах у всех один из самолетов врезается в землю. Взрыв — и горящие куски самолета разлетаются во все стороны. Пилот погибает, погибает в общем-то безрассудно, но в ореоле славы.

Противник оттеснен и смят. Войска союзников стремятся использовать замешательство врага. Но немцы ожесточенно сопротивляются. Американская дивизия, действующая правее, кое-как смогла продвинуться только до Вьерзи, а дивизия американцев, наступающая слева, встретила упорное сопротивление немцев в овраге Мисси-о-Буа и с большим трудом и крупными жертвами пробилась лишь к парижской дороге. 2-я бригада Марокканской дивизии, поддержанная танками Рено, встретила сильное сопротивление с южной стороны от Плуази и Берзи-ле-Сек и смогла выйти к оврагу Шазель только к 16 часам.

А бой все кипит. Немецкие самолеты большими группами атакуют наступающих с малых высот, дают указания целей и вызывают сильнейший заградительный огонь. Танки Рено загораются один за другим. Кажется, наступление союзников вообще вот-вот должно замереть, но вечером 8-й

зуавский полк вместе с американцами вновь решительно атакует противника и продвигается почти на два километра к югу от оврага Лешель.

Наступает темнота. Войска буквально падают от усталости. А ночь коротка, отдыхать особенно некогда, к тому же необходимо пополнить запас патронов. Подвозят пищу. Солдаты жадно глотают ее, запивая красным, как кровь, вином. Степан Кондратов добрался до пулеметчиков и доставил в термосах еду, а в бидонах — вино. Ванюше он передал несколько плиток сливочного шоколада с орехами и апельсины — это подарок от Мадлен.

— Прислала мне посылку, — сообщил Степан.

— Ну что ж, как раз ко времени.

Лакомства были тут же распределены между всеми пулеметчиками и мгновенно съедены.

Короткая, удивительно тихая ночь... А завтра снова наступление, снова в бой...

3

На рассвете 19 июля возобновляется наступление по всему фронту. 7-й полк алжирских стрелков атакует в направлении Шазель, а 8-й зуавский обходит овраг Лешель с юга. Маленькие танки Рено действуют вместе с ними. Алжирские стрелки встречают сильное сопротивление и несут большие потери, их усилия разбиваются о стойкую оборону немцев, к тому же командир полка выбывает из строя. Зуавский полк хоть и медленно, но все же продвигается вперед и к полудню занимает высоты Шарантиньи, после чего вместе со 2-й американской дивизией наступает на юг — к Рапери де Виллемонтуар.

Противнику не позволяют и дух перевести, его все жмут и жму г. Батальон сенегальцев вместе с зуавами атакует в направлении с юга на север, вдоль дороги Шато-Тьерри, а 7-й полк алжирских стрелков прикрывает фронт в Шазель — Лешель, 1-й иностранный полк быстро продвигается вдоль северного склона с тем, чтобы охватить овраг, защитники которого оказывают отчаянное сопротивление.

Скрываясь от пулеметного огня, пулеметчики вскакивают в рожицу, полностью забитую американцами. И тут попадают под разрывы немецких химических снарядов. Обезумевшие от страха американцы кричат:

— Гез, гез! — и торопливо напяливают на себя маски.

Пулеметчики пытались выяснить у американцев номера их частей, но толку не добились. Называли 73-ю и 75-ю стрелковые роты — какие-то астрономические числа! Что это были за подразделения, кому принадлежали

эти роты?! Гринько старался разобраться во всем, тяжело дыша через тугой респиратор противогаса, но так ничего и не понял.

— Айда вперед, — махнул рукой Ванюша и выскочил из рожи.

«Скорей надо выбраться из-под этих чертовых химических снарядов», — подумал он. За ним гуськом побежали все номера его пулемета. Но едва пулеметчики успели присоединиться к своей стрелковой роте и укрыться в кустах, как движение вперед затормозилось фланговым огнем с высоты 146. Зуавы с сенегальцами бросаются в атаку и овладевают этой высотой. За это время батальон легионеров приводит себя в порядок, пополняется патронами и вновь возобновляет наступление.

Сгустилась темнота, но атаки легионеров не прекращаются. Настойчивым ночным натиском они захватывают Везинье и продолжают движение в полной темноте.

Ванюша продвигается со своим пулеметом вслед за стрелками-легионерами, стараясь не упустить из виду силуэты впереди идущих. Как только встретится сопротивление немцев, Ванюша определит по вспышкам их расположение, установит пулемет и обрушит на них меткие очереди.

Справа и слева стреляют другие пулеметы взвода. Доносится голос командира пулеметного взвода старшего сержанта Тимофея Вяткина, только перед наступлением вернувшегося из госпиталя:

— Прекратить огонь! Популеметно вперед на сто метров, четвертый пулемет вперед!

Ванюша исполняет команду. Опять открывает огонь наугад, в темноту. Тем временем выдвигаются пятый и шестой пулеметы. Так, перекатами, пулеметчики продвигаются вперед; к рассвету достигают линии железной дороги к западу от Аконэн. Вместе со второй ротой легионеров берут в плен двести немцев, вконец измученных и безразличных ко всему происходящему... Вокруг трупы, трупы...

На следующий день новое наступление и новый успех. Иностраннный полк занимает Аконэн. У дорог на Шато-Тьерри, в канавах, углубленных немцами, останавливается: люди так устали, что не в силах сделать и шага. К тому же немцы начинают приходить в себя и все с большей силой оказывают сопротивление. Даже переходят в контратаку, стремясь, очевидно, вернуть удобные позиции с глубокими траншеями. Но легионеры отбивают атаку: им тоже пришлось по вкусу эти траншеи.

Сильный артиллерийский огонь по высоте 146 вынуждает сенегальцев очистить самую вершину высоты. На нее входят немцы. Но алжирские стрелки блестящей атакой сбрасывают их с вершины.

Новая упорная контратака немцев вызывает сильное огневое сопротивление легионеров. Пулеметы ведут интенсивный огонь. Ванюша

бьет и бьет по атакующим, но за ними вырастают новые. И вот неудача: убиты подносчики патронов из нового пополнения, и пулемет остается без боеприпасов. Надо отходить, иначе немцы захватят пулемет. Отбиваясь ручными гранатами, Ванюша с Виктором хватают пулемет и поспешно отходят назад.

Вместе с ними отходят легионеры-стрелки и другие пулеметчики. Под бешеным нажимом немцев траншеи все-таки приходится оставить.

Второй батальон стремительно атакует немцев во фланг. Противник дрогнул. Первый батальон вновь атакует, и положение восстанавливается. Помощник наводчика Ахмед-Бела находит старого подносчика патронов и приводит его к пулемету Ванюши с тремя коробками патронов.

— Ура! — кричит Ахмед от радости, и пулемет вновь вступает в бой.

В ночь с 20 на 21 июля 1-я Марокканская дивизия снимается с фронта, уступая место для развития успеха новым частям. Эти трехдневные переломные бои имели исключительно важное, решающее значение, но за них дивизия заплатила страшной ценой. Она потеряла шестьдесят офицеров и две тысячи пятьсот солдат. Но это был уже перелом. Дивизия продвинулась вперед почти на двенадцать километров и перерезала дорогу от Суассона на Шато-Тьерри. Тысяча пятьсот немецких солдат и офицеров попало в плен, все поле боя было усеяно вражескими трупами, к тому же и союзники захватили пятьдесят орудий, много пулеметов и значительное количество амуниции.

«Слава вам! Зуавы... алжирские стрелки, сенегальцы и мальгаши, вы прекрасно атаковали! — писал в своем итоговом приказе командир дивизии. — Наши боевые знамена неразрывно связаны с этой замечательной победой...»

Действительно, победа была славная, решающая, и день 18 июля останется в истории Франции знаменательной датой. Противник форсировал Марну и рвался вперед, но выдохся и упорными боями был остановлен перед Парижем. Армия Манжэна собралась в знаменитом лесу Виллер-Коттере и внезапно нанесла сильнейший фланговый контрудар. Ударный фронт немцев пошатнулся и задрожал. Завтра он откатится из опасного выступа Шато-Тьерри, и победа окончательно перейдет на сторону Франции...

Но война еще далеко не закончилась. После короткого марша на автомобилях 1-я Марокканская дивизия, оставив в распоряжении 10-й армии 27-й и 43-й сенегальские батальоны, поступила в распоряжение 1-й французской армии в районе Бретей, Франкостеле, Солшо-Гале, Урсель-Мезон. Это был район старого лагеря Кревекёр. Затем к 7 августа дивизия перешла в Тё, Ансовете, Монтрей сюр Бреш, где приступила к некоторому

переформированию и пополнению своих рядов. 7-й полк алжирских стрелков свернулся в два батальона и получил третий батальон, сформированный из новобранцев. 1-й иностранный полк получил пополнение (а ряды его поредели основательно!) из русских волонтеров, завербованных в Северной Африке. В большинстве своем это были куртинцы и курновцы, попадались и солдаты из балканских бригад. Все они были доведены в Африке до состояния крайней безнадежности, поэтому стремились вырваться оттуда любыми путями. И вот добровольные невольники, очередная партия пушечного мяса, они пошли в иностранный легион...

За это время 1-я армия совместно с англичанами энергично атакует Мондидье и Бове, освобождает от угрозы Амьен и захватывает Мондидье. В связи с тем что угроза Амьену ликвидируется, 1-я Марокканская дивизия возвращается обратно в распоряжение 10-й армии Манжэна в район Суассона и, высадившись из автомобилей в районе Кюиз-Ламот, Клуази, Куртье, движется походным порядком от Эн до Вик, куда прибыла к рассвету 28 августа.

Вечером дивизия приблизилась к фронту между Тартье и Нуврон-Виньере. Стало ясно, что предстоит вступить в новые бои. Дивизия получает задачу от 30-го армейского корпуса, которому она придана: двигаться вторым эшелоном за 32-й американской дивизией, наступающей на Жювиньи-Воксейон, в общем направлении на Лаон.

На рассвете 29 августа начинается наступление. Но немцы упорно сопротивляются по всему фронту, и наступление затухает.

— Черт возьми! — поговаривают солдаты Марокканской дивизии. — Как бы нас не сунули вместо американцев!

Между тем американцы вечером 30 августа атакуют вновь и добиваются успеха. Они захватывают Жювиньи, а 31 августа достигают дороги Бетюн-Рапери. Но на этом все кончилось: американцы исчерпали свои силы. И предположение солдат оправдывается: в ночь на 2 сентября Марокканская дивизия сменяет американцев, чтобы продолжать наступление.

1-я бригада разворачивается справа, имея батальон мальгашей на правом фланге. Слева разворачивается вторая бригада, имея в первом эшелоне алжирских стрелков, а за ними зуавов.

И вот началось...

В полдень после пятнадцатиминутного артиллерийского налета при поддержке танков Рено пехота поднялась в атаку. Алжирские стрелки энергичным броском переходят обсаженную деревьями дорогу, идущую от Суассона на Куси, и овладевают господствующей над Суассонской равниной

позицией, где попадают под интенсивный огонь немецкой артиллерии. Танки загораются один за другим. Люди несут потери, но стрелки вырываются вперед и, попадая в мертвое пространство, продолжают свой бешеный бег. Они пересекают траншеи противника в Канадах и Кастилии и останавливаются лишь перед окопами Канада, которые им указаны в качестве первой задачи.

Легионеры под фланговым огнем из леса Бомонт упорно продвигаются вперед, минуют Терни-Сорни и наступают дальше на северо-восток. Мальгашский батальон должен овладеть селением Терни-Сорни, но встречает упорное сопротивление и несет большие потери от пулеметного огня немцев из леса Бомонт и с высоты 172, которую сосед справа не сумел очистить от противника. Мальгаши все же упорно атакуют, буквально по трупам убитых товарищей врываются в Терни-Сорни, совместно с русским легионом штурмуют дом за домом и овладевают всем селением. Конечно, следуют сильные контратаки противника, но они отбиваются.

Тем временем 2-я бригада, 7-й полк алжирских стрелков настойчиво атакуют позиции в Канада, но безрезультатно. Зуавы бросаются в атаку на Сорни, но встречают сильные проволочные заграждения и залегают перед ними, вступают в огневой бой, забрасывая противника ручными и ружейными гранатами.

Наконец вводятся последние резервы. Противник пускает в ход химические снаряды: люди мечутся, ищут выхода из зараженного пространства. Налетают самолеты противника и непрерывно обстреливают легионеров, стрелков и зуавов. Бой принимает крайнюю степень жестокости.

Пулемет Ванюши, как и большинство пулеметов роты капитана Мачека, задрал ствол, ведет огонь по самолетам противника. Ванюша видит, как после удачной очереди пулемета врезается в землю самолет противника и, взорвавшись, загорается. А вот и второй самолет врезается в землю. Это придает такой азарт наступающим, что они, не помня себя, бросаются вперед и опрокидывают немцев. Стремление арабов, русских, французов и мальгашей сбить противника достигает цели. Враг просто не в силах устоять и начинает отступать, преследуемый по пятам Марокканской дивизией.

Немцы еще не успели оставить деревню Сорни, как легионеры уже ворвались в нее. А зуавы окружили противника в Невиль сюр Марживаль и после короткого боя опрокинули его у южного входа в туннель Воксейон. Алжирские стрелки успешно выбивали немцев из траншей Канада, Камбре и Ольн.

6 сентября сопротивление противника сильно возросло, и legionерам только после жестоких боев удалось овладеть Тру, а зуавам — захватить дома Бабалона и ферму Бесси. На следующий день враг оборонялся с еще большим ожесточением. Когда Марокканская дивизия подошла к рубежу линии Гинденбурга, немцы, чтобы ее удержать (а удержать ее они стремились любой ценой), ввели в действие свои лучшие части: 1-ю прусскую пехотную дивизию Фридриха Великого и 5-ю гвардейскую дивизию. Развернулись страшные, кровавые бои. Каждая сторона соперничала с другой в стойкости в обороне и ярости в наступлении. Бои сопровождались штыковыми схватками и гранатными боями. По нескольку раз зуавы врываются в траншеи противника и снова откатываются назад. Такие же бои разыгрались у мальгашей в траншеях в Элеваль.

Весь участок находился под убийственным огнем артиллерии обеих сторон, командные пункты, позиции пулеметов, артиллерийские батареи — все было скрыто дымом, ядовитым газом и взвихренной разрывами земель. Люди многие часы, даже целые сутки находились в масках противогазов, а те, кто не выдерживал и срывал маски, либо погибали медленной смертью, либо мучились в тяжелых страданиях.

Так росли и росли потери.

Батальон legionеров, а с ним и первая пулеметная рота капитана Мачека находятся в резерве полка, и это их спасает от такой же горькой участи. Перед своими убежищами солдаты все время жгут ящики с пропитанными нефтью опилками, чтобы газ не мог пройти заслон из раскаленного воздуха...

...Сильно укрепленная линия обороны, так называемая линия Гинденбурга, была законченным образцом военно-инженерной мысли Германии. Железобетонные сооружения в виде казематов с подъемными приспособлениями, соединенные между собой глубокими ходами сообщения, а частью подземными туннелями, густая сеть проволочных заграждений, отсечные позиции с глубоко развитой системой опорных пунктов, обнесенных вокруг препятствиями, — все это составляло неприступную полевую крепость. В течение шести месяцев в 1917 году ее непрерывно атаквали, стремясь захватить, но она осталась неприступной.

И вот теперь, когда 1-я Марокканская дивизия была истощена двухнедельными боями, ей приказано прорвать знаменитую линию Гинденбурга. Французское командование считает эту дивизию несравненной ударной силой, которая вводится в бой в самые ответственные моменты, для решающего дела. Оно полагает, что только с такой меркой и можно подходить к оценке дивизии, состоящей из конгломерата национальностей — чернокожих, желтых, белых... У всех здесь свои

убеждения, но все они — обездоленные и угнетенные, всех загнало в эту дивизию горе — у каждого свое, их объединяет только безвыходность, тупая, свирепая дисциплина и, надо отдать справедливость, высокие качества офицерского состава. Офицеры сами умирают в бою со славой и заставляют умирать своих подчиненных. Трусить нельзя — расстреляют...

Вокруг 1-й Марокканской дивизии родилась легенда о ее непобедимости, которая свято оберегается. Многие арабы, марокканцы и алжирцы, сенегальцы и мальгаши очень религиозны и фанатически убеждены, что все убитые на войне прямым путем направляются в рай небесный. Их, дескать, никто не вправе спрашивать о грехах земных — им все прощается. И эти люди стремятся к смерти в бою, сломить их почти невозможно... А все это в совокупности и создало высокобоееспособную дивизию, которую командование очень высоко ценит.

4

Первый батальон иностранного полка с первой пулеметной ротой отведен в резерв дивизии и расположился в обширной заброшенной каменоломне. Это были глубокие подземелья с простенками в виде столбов, державших на себе толстый слой земли с большой прослойкой гипсового камня. Земля выдерживала разрывы тяжелых снарядов, только гул шел по подземелью. Тоннели были просторны, они далеко тянулись в сторону глубокого оврага, к которому подходила дорога. Когда-то укрывали здесь конницу, поэтому на полу лежал слой навоза. Но это было еще в начале войны, и навоз стал настолько сухим, что трудно было понять, что это — опилки, мякина или вконец истоптанная солдатскими ногами и примятая солдатскими боками солома. Как бы там ни было, а никто не собирался наводить здесь порядок...

Вот в этих подземельях и расположились пулеметчики. Залезли поглубже, но так, чтобы все-таки виден был широкий вход в туннель.

Получили пополнение. Во второй взвод пришло шесть человек: трое русских — куртинец Степаненко, курновец Воркунов и Вишняков с Салоникского фронта. Все, конечно, из Северной Африки. Трое остальных были: Карл Шмютке, немец из уголовников, много лет прослуживший в иностранном легионе и возвратившийся из госпиталя после ранения, Хуан Маноло, испанец, старый контрабандист, и бельгиец Андрэ Фламье. Теперь второй пулеметный взвод насчитывал шестнадцать человек, по пять человек на пулемет.

К Ванюше попал Воркунов. Он не понравился с первого взгляда: весь какой-то растрепанный, глазки воровато бегают. И действительно, Воркунов оказался нечист на руку. Не успел еще освоиться, а уже раздобыл бидон с киршем. Ванюша спросил, где взял. Оказалось, стащил у какого-то солдата.

— Немедленно отнеси и извинись, — приказал Гринько.

Воркунов окрысился:

— Еще не родился тот, кто заставит меня это сделать!

Подошли Дмитриевский и Ахмед-Бела, сверкавший своими черными глазами. Подоспел француз Гренье, могучего, прямо-таки квадратного телосложения:

— Мэ але, але, ном де дье! ³²

Воркунов схватился было за свой карабин, но к нему, как кошка, подскочил Ахмед-Бела, молниеносно вырвал у него из рук оружие. Ванюша спокойно повторил:

— Неси и извинись, а я пойду посмотрю, как ты это сделаешь.

Воркунов зло втиснул пробку в горловину бидона и пошел в глубь туннеля. За ним последовал Ванюша.

— Ну, попомнишь ты меня... Отправлю на тот свет при первой возможности, — проговорил сквозь зубы Воркунов.

Гринько на секунду смутился: он никогда не встречался с такими ухарями. Но быстро взял себя в руки.

— Не стращай, все там будем!

Воркунов все глубже уходил в подземелье, очевидно нарочно заводя Ванюшу в темное место. Неожиданно Воркунов остановился и резко повернулся к нему:

— Ты, шкура, долго будешь идти за мной? Уходи, а то назад не выйдешь!

Злость огнем обожгла Ванюшу. Он отскочил, выхватил револьвер:

— Исполни! Или всажу в тебя пулю.

Воркунов немного постоял, подумал.

— Ну, ладно, — произнес он каким-то безразличным тоном и пошел в сторону, где располагались стрелки второй роты. — Все же запомни: пули в бою находят нужную спину.

— Без разговоров, у тебя тоже есть спина.

Воркунов отыскал солдата, у которого стянул кирш, и протянул ему бидон:

— Возьми и больше не теряй!

— Мерси, — ответил старый француз-легионер и поболтал фляжку в руках, чтобы убедиться, что она не пуста. — Мерси боку, камарад!

Воркунов смущенно отвернулся:

— Не за что...

И они с Ванюшей пошли назад.

— Ну, вот и хорошо все обошлось, — сказал Гринько.

— Цыплят по осени считают.

— А осень уже наступила! — И Ванюша весело добавил: — Осень, браток, самое хорошее время в году, люди собирают урожай и всего у них вдоволь. Так что нет причин пускать пулю соседу в спину.

Вечером был подан сигнал тревоги, и все выстроились перед выходом из каменоломни.

— Пойдем на передовую, а завтра в атаку, — заявил капитан Мачек.

Все тронулись за ним по глубокому оврагу, соблюдая полную тишину. Ванюша отошел несколько в сторону, чтобы спрямить немного путь, на что-то наткнулся и упал. Его руки пропоролы высоко вздувшийся живот убитого немца.

— Тьфу! — сплюнул Ванюша, поднимаясь и отряхивая руки от трупной вонючей слизи.

— А руки не поцарапал? — спросил его Виктор. — Это очень опасно, нет ничего страшнее, чем трупный яд: вмиг заражение крови, и поминай как звали.

— Ну и пусть! — в сердцах ответил Ванюша. — Воркунов все равно обещал пулю всадить в спину...

А у самого закралось опасение, и он стал ощупывать руки, нет ли где крови. Снял флягу с киршем, попросил Виктора полить ему из носочка и стал мыть руки, пока не вылил все вино. Виктор полоз в свой нагрудный карман и достал пузырек с чистым спиртом, смочил обильно вату и дал Ванюше:

— На, протри хорошенько.

Пока продолжалась эта процедура, пулемет Ванюши отстал от взвода. В это время прямо над третьим пулеметом разорвался снаряд и три пулеметчика упали, убитые наповал, а пулемет и наводчик с помощником вообще исчезли.

Через минуту подошел к этому месту и пулеметный расчет Ванюши.

— Не было бы счастья, да несчастье помогло! — сказал Виктор. — Не опоздай мы немного, как раз попали бы под снаряд вместе с третьим пулеметом.

Вторая половина ночи была удивительно тихая. Лишь изредка поднимались ракеты, заливая местность мерцающим светом и обозначая передние линии. Часам к двум ночи батальон и пулеметчики добрались до передовых траншей. Часто останавливались в ходах сообщения: то встречные санитары выносили раненых в «пост де секур» ³³, то обгоняли

носильщики с боеприпасами или большие группы мальгашей с проводниками. Люди на этих останках засыпали от усталости, прислоняясь к стенкам траншей и ходов сообщения.

Но вот вторая рота расположилась в исходной траншее. Сержанты начали проверять своих людей. Ванюша тоже. И тут он обнаружил: нет Воркунова.

— Поищите его, — передал он Гранье, и тот, ворча и ругаясь, отправился выполнять приказание.

Траншеи правее пулеметчиков сплошь забиты мальгашами: справа будет наступать их батальон. Все соблюдают полнейшую тишину, слышится лишь глухой кашель в кулаки. Да, мальгаша что-то раскашлялись, не подходит, видимо, им сырая ночь Шампани.

Появился Гранье, таща за собой Воркунова:

— Мон капораль, эта сволочь уже забралась в нишу и хотела отсидеться от атаки, берите его под свой контроль.

Ванюша поставил Воркунова рядом с собой и сказал:

— Тут ты будешь на глазах, да и пулю пускать тебе в мою спину будет сподручней. Хотя я тебя, стервеца, заставлю идти впереди.

Воркунов явно скис и перетрусил: голос у него стал какой-то тихий, просящий...

Уже пробивается рассвет, и глубокая балка, по которой солдаты выходили на передний край, заполнилась густым туманом. Где-то далеко позади мелькнула вспышка залпа и немного погодя раскатился клокочущий гром, сопровождаемый шелестом летящих тяжелых снарядов. Это сигнал к началу артиллерийской подготовки.

Тысячи орудий сразу открыли ураганный огонь по немецким позициям. Резко застрекотали 75-миллиметровые французские пушки, им вторили 105-миллиметровые гаубицы, за ними бухали тяжелые. Вдрагивала земля от залпов тяжелых железнодорожных установок. Все это изрыгало огонь на линию Гинденбурга. Что ж, пробить ее было не легко.

Немцы первые пять-шесть минут молчали — наверное, готовились, — а затем обрушили массу артиллерийского огня на исходные позиции французов. Особенно густо легли очереди снарядов по траншеям второй роты стрелков — она сразу понесла большие потери.

Ванюша, недолго раздумывая, бросился из траншей вперед. За ним побежал расчет его пулемета и почти все пулеметчики второго взвода.

Пробежав метров двести, Ванюша вскочил в какие-то окопы, в которых были трупы немцев. Очевидно, это было охранение, которое попало под первые залпы французских пушек. Пулеметчики выбросили трупы из окопов и укрылись в этих узких тесных канавах. С ничейной земли Ванюше хорошо видно, как смерч огня и земли плотно накрывает немецкие позиции. Особенно черные клубы дыма и земли поднимаются после разрывов тяжелых четырехсотмиллиметровых снарядов. Закрыты разрывами и траншеи французов, хотя немецкий барражный огонь значительно слабее. А пулеметчики — целы и невредимы.

Гринько внимательно следит за немецкими позициями, прикладывая иногда к глазам бинокль. На плечи Ванюши накинута подобранная на поле боя американская плащ, очень удобный и, главное, непромокаемый. Из раскрытой кобуры на поясе поблескивает вороненый пистолет, от которого тянется на шею ремень. Рядом с Ванюшей справа — Виктор с пулеметом, а слева, забившись глубоко в окоп, лежит Воркунов. Он весь дрожит от страха. Куда девалась его храбрость! Ванюша понял его, понял, что это трус и, может быть, именно трусость свою пытался скрыть под личиной ухарства.

— Вставай, братец! — поднял он Воркунова за шиворот. — Наблюдай за своими траншеями, из которых будет атаковать вторая рота...

В 5 часов 40 минут утра по условленному сигналу легионеры и мальгаши бросаются в атаку. Из окопов второй роты поднялась группа человек в сорок, а справа дружно атакуют мальгаши. Вот они соединились и бегут на немецкие окопы. Французская артиллерия переносит свой огонь в глубину. Но почему немцы не ведут огня? Их позиции молчат. Легионеры и мальгаши вскакивают во вражеские окопы. А пруссаки только поднимаются по ступенькам из своих глубоких убежищ: они ждали сигнала от наблюдателей, а наблюдатели, увы, убиты и завалены землей.

Мальгаши забрасывают убежища ручными гранатами — слышен вопль немцев, застигнутых врасплох в своих убежищах. Многие поднимаются из траншей с поднятыми вверх руками. Слева заговорил из каземата пулемет. Вторая рота легионеров-стрелков и первый взвод пулеметчиков во главе с капитаном Мачеком атакуют этот каземат, забрасывают его ручными гранатами и выжигают немцев огнеметами, направляя струю за струей в открытую бойницу.

Пользуясь удобным случаем, Ванюша перепрыгивает через немецкие траншеи и во весь дух несется к пулеметчикам во вторую линию обороны. С ним вместе бегут мальгаши. Они лепечут что-то жуткое. Видимо, это заменяет им крики «ура».

Захвачена и вторая линия. Много пруссаков поднимается из окопов и сдается в плен. Видно по всему, что у них психический надлом: ясна стала безнадежность борьбы. А тут еще эти страшные чернокожие, о которых ходят легенды, будто они всех убивают и в плен не берут.

А мальгашей сравнительно мало, и у них не видно офицеров.

Гринько направляет их на правый фланг. Те отвечают:

— Да, мой капитан! — и старательно выполняют его указания.

Ванюша видит, как большая группа немцев подбирает брошенное оружие, пытаясь отойти на третью линию обороны, и открывает по ней огонь. Группа рассеяна. А кругом новые и новые пленные.

Ванюша говорит Дмитриевскому:

— Передай им, пусть бегут к нам в тыл.

Виктор кричит пленным по-французски, они не понимают; кричит по-русски — тоже не понимают.

— Да что ты орешь! По-французски я и сам могу. Скажи по-немецки, ты же знаешь их язык.

Бледный, трясущийся Виктор передает наконец команду. Немцы группируются и действительно бегут в наш тыл. Справа, у мальгашей, группу за группой направляет пленных земляков Карл Шмютке.

Еще один порыв — и будет захвачена третья линия обороны. Слева атакует группа солдат человек в двести во главе с Мачеком. А тут Ванюша со своими пулеметчиками и группой мальгашей человек в триста, а может быть, и больше, бежит на третью линию. Мальгаши его называют капитаном-рус, под плащом не видно, что он капрал.

Ворвались в третью линию. В ней немцев оказалось мало, а появившиеся группы офицеров были смяты мальгашами.

Откуда ни возмись, на правом фланге появилась девятая рота легионеров, почти сплошь состоящая из русских — бывших куртинцев, побывавших в Африке. Ротой командует тоже русский офицер, отпетая душа, капитан Ряхов, побывавший в Африке за то, что поддерживал солдат на Салоникском фронте.

Девятая рота, как вихрь, врывается в траншеи прусских гвардейцев — опорный пункт Шато де ля Мот. Завязывается рукопашная схватка. На подмогу девятой роте спешат остатки русского легиона. Схватка ожесточенная, и заканчивается она полной победой легионеров. Шато де ля Мот захвачен, взяты в плен семьдесят пруссаков. Девятая рота стремительно атакует последующие траншеи, где опять идет в штыковую атаку и берет шестьдесят пленных. Капитан Ряхов смело ведет свою роту вперед, а Шато де ля Мот занимают и укрепляют остатки русского легиона, которые едва насчитывают больше сотни человек.

Пулеметчики из трех пулеметов открывают огонь по убегающим немцам. Ванюша перемещает пулеметы и открывает огонь по стреляющей из оврага батарее немцев. Она умолкает, и ее захватывают мальгашаи. Пруссаки спасаются в овраге, но их преследуют легионеры вместе с, мальгашами, а слева охватывает группа капитана Мачека. Атака с фронта на деревню Алеман, лежащую в развалинах, решает дело: в плен попадают батальон 43-го прусского имени Кронпринца полка, штаб полка и три командира батальонов. Воодушевление легионеров и мальгашей достигает апогея.

По ту сторону оврага вытягивается резервная колонна немцев, стройно идущая по перелеску. Ванюша вцепился взглядом в вышагивающую колонну. «Ну, я вам сейчас покажу, как надо ходить под русскими пулями», — зло подумал он и открыл огонь. А немцы двигаются, не обращая внимания на свистящие пули. Ванюша подает команду прибавить прицел, сам садится за свой пулемет и, наблюдая за поведением немцев, подкручивает маховичок, все время плавно прибавляя прицел. Гремит очередь. Видно, как немцы дрогнули, зашевелились, кое-кто упал.

— Прицел четырнадцать! — подает команду Ванюша, и все три пулемета застрочили по немецкой колонне.

Пруссаки не выдержали, побежали, рассыпаясь по перелеску. В это время по колонне врага ударили еще три батареи 75-миллиметровых пушек. Тут же зуавы и алжирские стрелки бросились вперед и довершили разгром колонны.

Наступают сумерки. А немцы все не успокаиваются, опять контратакуют, пытаясь вернуть селение Алеман. Хоть и с трудом, но атака отбивается. Наступает темнота, а с ней стихает бой. Артиллерия Марокканской дивизии быстро меняет позиции за передовыми линиями легионеров, мальгашей, зуавов и изговляется к открытию огня. Ее наблюдатели в передовых линиях, чуть что — они сразу вызывают и корректируют огонь. Кстати, только благодаря поддержке артиллерии и массированному огню пулеметов удалось отбить сильные контратаки пруссаков на позиции в развалинах селения Алеман и удержать их в своих руках.

Подшли роты, которые очищали от немцев убежища главных линий обороны. Подносчики доставили боеприпасы. Солдаты Марокканской дивизии принялись приводить в порядок позиции, укрепляться.

А с рассветом снова бой. Французская артиллерия, подтянувшаяся за ночь ближе, точно сорвалась с цепи. В неопишуемой ярости сеет она смерть. Земля дрожит и сотрясается от разрывов тяжелых снарядов. Откуда-то из глубины отвечает немецкая артиллерия.

Кто-то вертится волчком под ногами Ванюши и истошно кричит. Ванюша с трудом узнает в раненом Воркунова. У него оторвана нога, из культы фонтанирует кровь. Ванюша с Ахмед-Белой перетягивают культу жгутом.

— Да ты не кричи, — советует Ванюша Воркунову, накладывая повязку. — Криком горю не поможешь, только себя изведешь.

Перевязав культу, оттащили Воркунова к стенке подвала и накрыли палаткой, а сами поспешили на подмогу к Виктору, который уже открыл огонь по контратакующим из-за оврага немцам.

О том, что Шато де ля Мот — замок, говорят остатки подвалов, засыпанных пылью от истертой в порошок гипсовой лепки и гипсовых фигур. Да и весь замок был сложен из больших гипсовых блоков. А теперь ничего не осталось — лишь большое белое пятно гипсовой пыли напоминает о том, что на этом месте возвышался красивый, богатый замок.

Война все стерла в порошок. От роскошного парка остались лишь голые остовы деревьев, да и те были до крайней степени изранены осколками снарядов. Эти черные стволы с обломанными, искалеченными сучьями навевали беспредельную тоску.

И поля вокруг искромсаны и истерзаны, всюду разбитые и обгоревшие громады танков, обломки сбитых аэропланов, стальные зубья изуродованных взрывами железобетонных казематов и блокхаузов. Вот все что осталось от неприступной когда-то линии Гинденбурга! А грохот артиллерийской стрельбы, трескотня пулеметов, ядовитый газ, заставляющий долгие часы оставаться в масках, беспощадно напоминают о том, что война еще идет, обезумевшие люди убивают друг друга.

Долго и яростно сопротивлялись первая прусская пехотная дивизия, носившая имя короля Фридриха Второго, и 5-я гвардейская немецкая дивизия. Весь день 15 сентября прошел в атаках и контратаках, которые приносили обеим сторонам тяжелые потери. Кровь лилась и лилась. Много немецких гвардейцев попали в плен, причем было как-то жутко брать в плен этих великанов, подобранных один к одному. Приходилось снизу вверх заглядывать в лица пруссаков, растолковывая им, в каком направлении надо бежать в тыл. Конвоировать их было некому.

К концу дня удалось эвакуировать Воркунова в тыл на «пост де секур». Он был еще живой и благодарными глазами смотрел на Ванюшу, хлопотавшего, чтобы старики пуалю укладывали его на носилки потише и поосторожнее.

— Ну, вот и хорошо, счастливо тебе лечиться, Воркунов, — напутствовал его Ванюша, совсем забыв о том, что тот перед боем обещал ему при первой же возможности пустить пулю в спину.

Стемнело. Ночь на войне всегда желанная пора. Бой утихает, наступает передышка. Подносчики принесут пищу, вино, можно будет утолить проснувшийся голод и погасить жажду вином, разведенным водой. Может быть, удастся сомкнуть на несколько часов глаза в мертвом сне, не думая о том, как тяжело будет просыпаться с началом боя. Что и говорить, ночь на войне всегда лучше дня.

6

В ночь на 16 сентября Марокканскую дивизию сменила 36-я пехотная дивизия. За пятнадцать дней непрерывных и тяжелых боев Марокканская дивизия захватила в плен тысячу пятьсот семьдесят человек из состава тринадцати полков, принадлежавших шести различным дивизиям. Она продвинулась на восемь километров и освободила четыре сравнительно больших населенных пункта, не считая маленьких ферм и замков. Главное же, она осуществила глубокий и достаточно широкий прорыв линии Гинденбурга. Словом, дивизия сделала все, что было в ее силах, и теперь с чувством исполненного долга могла отойти на отдых. Да и сама она нуждалась в пополнении. Победив в сентябрьских боях, дивизия недосчиталась восьмидесяти трех офицеров, свыше четырех тысяч солдат...

* * *

Перед отводом дивизии в тыл капитан Мачек собрал первую пулеметную роту, чтобы подвести итоги минувших боев, дать оценку каждому взводу. Больше всего похвал досталось второму взводу, и капитан подчеркнул, что главная заслуга в этом капорала Ивана Гринько. Он сумел вывести взвод из-под артогня перед атакой, а потом возглавил взвод, заменив раненого взводного унтер-офицера Тимофея Вяткина. С этой задачей он справился очень хорошо, проявил, как и следовало ожидать от георгиевского кавалера, храбрость и мужество.

Капитан был скуп на похвалы и долго подбирал слова, которые бы выражали суть Ванюшиного мужества, и все же сказал медленно и веско:

— Капораль Иван Гринько проявил героизм. Да, самый настоящий героизм.

Ванюша не знал, куда глаза спрятать от смущения. А капитан продолжал:

— Иван Гринько теперь сержант, с чем и разрешите его поздравить.

Капитан Мачек подошел к Ванюше и крепко пожал ему руку:

— Поздравляю вас от души, приятель!

Но это было еще не все. Капитан сообщил, что командование дивизии предлагает роте представить одного человека к ордену Почетного Легиона, четырех — к военным медалям и не ограничивает в представлении к военному кресту.

— Я предлагаю, — сказал капитан Мачек, — выделить по одной медали на каждый взвод, а право выдвинуть воина к награде орденом Почетного Легиона, то есть наивысшей награде, предоставить второму взводу.

Все были очень довольны тем, что действительно по заслугам выделен второй взвод. Вот он собрался, чтобы решить вопрос о кандидате на получение ордена Почетного Легиона. Все сразу высказались, что единственным кандидатом является Гринько.

— Он самый достойный!

— Не только нас в бой водил, но и мальгашей.

Последним слово взял Ванюша. Ему очень хотелось получить почетный орден, но скромность, присущая ему, не позволяла даже думать об этом, поэтому он сказал:

— Вы, друзья, очень переоценили меня, я ничего выдающегося не сделал. Воевал, как все вы. Наш успех принадлежит всему взводу. Я прошу вас... — Ванюша задумался, сдерживая большое внутреннее волнение. — Среди нас есть человек, который боролся за интересы солдат, и боролся так, что вызвал к себе немилость начальства и в итоге был разжалован в рядовые, лишился офицерского звания. Это Виктор Дмитриевский. Одним этим он заслуживает от нас, солдат, высокой награды. К тому же Виктор в минувших боях показал большую смелость и отвагу, а при прорыве линии обороны Гинденбурга вел себя героически.

Ванюша, подражая капитану Мачеку, остановился и внимательно посмотрел в глаза Виктору. Тот смутился и возразил:

— Это неправда, я героизма не проявлял, это уже слишком...

— Я повторяю, — тверже сказал Ванюша, — Виктор Дмитриевский безусловно заслуживает быть награжденным орденом Почетного Легиона. И прошу вас, дорогие товарищи, учесть все мною сказанное. За мной нет и половины заслуг, которые имеет Виктор.

Последние слова Ванюша произнес с такой неподдельной искренностью и убедительностью, что пулеметчики взвода им поверили. Лишь Ахмед-Бела долго не соглашался, считая, что будет вполне справедливо представить к ордену Почетного Легиона Ивана Гринько, а к военной медали — Виктора Дмитриевского. Взвод решил все же

представить к награждению орденом Почетного Легиона Виктора Дмитриевского, а к военной медали — сержанта Ивана Гринько; всех остальных — кого повторно, а кого впервые — к военному кресту.

Капитан Мачек удивился такому решению, так как был уверен, что орден Почетного Легиона получит именно Ванюша. Но он умел уважать мнение коллектива и оформил представление так, как решили солдаты.

Подводились итоги и в дивизии... Перед отправлением ее в Лотарингию командир дивизии генерал Доган закрепил успехи дивизии специальным документом. Он гласил:

«Какие дивизии, к которым судьба была более благосклонна, познали большее удовлетворение, чем мы!

Некоторые познали счастье окончательного изгнания вражеской нечисти со своей священной земли, объятия освобожденных братьев и сестер, родителей и детей. Другие испытали высшую радость, в которой нам было отказано, преследовать противника на всем его пути отступления и слышать его вопли, как затравленного зверя.

Но ни одна из этих дивизий не может похвалиться, что она выполнила задачу более возвышенную и героическую, чем та, которая была доверена Марокканской дивизии.

Когда весной немецкие орды набросились на французские поля, дивизия своими непобедимыми полками трижды прикрывала сердце страны. Она сказала немцам:

«Наступайте, бросайте свои лучшие батальоны! Разрывайте вашими снарядами нашу землю! Здесь стоит Марокканская дивизия, и вам не пройти!»

И враг не прошел ни 26 апреля, ни 30 мая, ни 12 июня. Ни один немец не может сказать, что когда-нибудь видел, как отступала Марокканская дивизия!

И когда немцы стремились смять Марокканскую дивизию, они получали в ответ жестокие удары и терпели неудачу.

18 июля наступил долгожданный перелом. Дивизия нанесла немцам сильный фланговый контрудар и сорвала его последний порыв на Париж. Так свершилось второе чудо на Марне.

Наконец 2 и 4 сентября, а затем 14 сентября дивизия прорвала мощную оборону новых частей противника. Марокканская дивизия после полученных тяжелых ран нашла в себе силы и, опрокинув 1-ю прусскую пехотную дивизию и 5-ю гвардейскую немецкую дивизию, прорвала линию Гинденбурга и, уступая свое место другим, могла сказать своим друзьям по оружию:

«Идите, теперь перед вами путь открыт!»

Когда мы оглядываемся назад, на славный пройденный нами путь, наше сердце переполняется гордостью, но мы склоняем наши знамена перед памятью павших. Дивизия отдала на выполнение этих славных задач свои лучшие силы.

В период с 26 апреля по 16 сентября 1918 года дивизия потеряла на поле брани 300 офицеров и 14000 солдат.

Это дорогая цена, но она принесена Франции ради ее спасения. Кровь этих героев пролита не напрасно, она оросила землю пострадавшей матери-Франции и принесла ей освобождение, принесла ей долгожданную победу!

Вперед! На новые подвиги!»

После короткого пребывания в районе Мо дивизия погрузилась в железнодорожные эшелоны на станциях Лизи-сюр-Урн и Трильпор, а 27 сентября уже выгрузилась в Лотарингии, причем почти в том районе, из которого она тронулась в марте 1918 года, — в районе Напси, на юго-восток от этого города.

В течение пятнадцати дней дивизия наслаждалась отдыхом в районе Разиер-о-Салин, Домбаль, Жербевилье, Фровиль. Конечно, это так мало! А 15 октября, выдвинувшись на северо-восток от Нанси, она сменила в секторе Ленонкур 40-ю пехотную дивизию.

В то время когда на севере Франции и в Шампани развертывались сражения, которым суждено было иметь мировое значение, на самом спокойном участке фронта — в районе Ленонкур — ничто не нарушало тишины и спокойствия. Никаких особых событий здесь не происходило и теперь, кроме нескольких удачных разведывательных поисков со стороны французов и таких же ответных действий противника. Сильный обстрел химическими снарядами позиций, которые занимал полк зуавов, был единственным эпизодом, который отметил пребывание Марокканской дивизии на этом пассивном участке войны. Только блестящие военные церемонии нарушали монотонную службу солдат.

28 октября представители дивизии наблюдали, как в роскошном парке замка Ленонкур командующий 8-й французской армией генерал Жерар у развернутого знамени торжественно вручил командиру дивизии генералу Догану, под командованием которого Марокканская дивизия провела так блестяще все бои в 1918 году, Крест командора Почетного Легиона. 30 октября генерал Кастьельно вручил 7-му полку алжирских стрелков и 8-му полку зуавов фуражер (аксельбант для ношения всем составом на левом плече) цвета ленты Почетного Легиона, а батальону мальгашей — фуражер цвета ленты военной медали. Теперь в Марокканской дивизии солдаты и

офицеры всех трех полков будут носить красный аксельбант на левом плече, как боевые знаки отличия.

2 ноября генерал Доган приколот на знамя русского легиона военный крест с пальмой на ленте, дававшей право носить на плече аксельбант цвета ленты военного креста как отличие.

Простояли в траншеях неделю. Немцев близко перед траншеями не было — в этом районе фронт не изменялся с 1914 года. Между противниками простиралось ничейное пространство в два километра, сплошь запутанное проволочными заграждениями и превратившееся в мусорную свалку. Сюда солдаты обеих сторон выбрасывали пустые банки из-под мясных консервов и остатки пищи. Для крыс здесь было настоящее раздолье. Съедая все, что только можно съесть, они доводили до блеска консервные банки, и если попадались трупы убитых, то налетали на них тучами и оставляли лишь скелеты, обточенные до абсолютной чистоты...

Ночи были темные, часто моросили нудные осенние дожди. А нужно было не спать в траншее до утра и чутко вслушиваться: кто шевелит провисшую, проржавленную колючую проволоку впереди? Немецкие разведчики или крысы? Хорошо, если крысы. А если немцы? Значит, надо все время всматриваться в темноту и держать пальцы на спусковом крючке пулемета.

Так проходили ночи, да, впрочем, и дни, — нудно, тоскливо.

У солдат всех армий и всех наций большой, жадный интерес ко всякого рода слухам, которые распространяются на фронте «Солдатским вестником». Эти «вестники», кстати, тоже есть во всех армиях... «Вестник» работал исправно и здесь, в секторе Ленонкур. Пошел слух, что до прибытия Марокканской дивизии заносчивое американское начальство пыталось сломать спокойствие этого участка фронта и взять штурмом крепость Мец. Но затея эта окончилась печально: американцы повесили на колючей проволоке до семидесяти тысяч своих солдат — и успокоились. Французы, конечно, злорадствовали: так им и надо, этим янки, они же неучи в военном деле!

Правда, слухи эти шли только по «Солдатскому вестнику», но они никем не опровергались. Поэтому, мол, и перебросили сюда лучшую дивизию французской армии, Марокканскую, чтобы показать американцам, как надо воевать, преподать им, зазнайкам, наглядный урок. Так что, дескать, поставили нас на этом фронте, чтоб малость освоиться с местными условиями, так сказать, сжиться с крысами, взаимно принюхаться — все равно им поедать наши трупы, а потом опять-таки нам, а не кому-нибудь другому придется атаковать позиции под крепостью Мец, от этого никуда не уйдешь.

Эти слухи находили свое подтверждение в том, что в район Нанси все прибывали и прибывали войска. Шло сосредоточение, и фронтовики знали, что это делалось, конечно, не для парада. Особенно усилилось движение по ночам после 3 ноября: орудия стали прибывать сотнями, ими были забиты все леса и перелески, а они каждую ночь все ближе подтягивались к фронту. Ясное дело, твердил «Солдатский вестник», идет подготовка к большому наступлению.

Правда, изредка пробивались и другие слухи, но им никто не хотел верить. Уж очень они были радужны, эти слухи, а на фронте всегда обычно сбывается худшее. Как поверить в то, что идут где-то какие-то переговоры между представителями Германского Союза и Антанты, то есть французской стороной о заключении перемирия. Брехня! Не стоит себя и убажывать сладостью этих слухов.

Первый батальон с первой пулеметной ротой вывели в резерв. Его заменили мальгашаи. Ну, пусть и они осваиваются с местностью!

Пулеметчики разместились в маленькой деревушке Вуаринкур с прилегающим к ней лесочком. Тут были американские сборные бараки. Пулеметчики их подлатали и, хорошо натопив, разомлели от благодатного тепла. Распрямляли свои согнутые от ненастья спины, набирались тепла про запас: под Мецем еще придется померзнуть, вдоволь поваляться в сырой земле.

Поступило распоряжение: изготовиться к выступлению, вещевые мешки с собой не брать. Всем ясно, что это значит: предстоит вступить в бой, ибо в бой брали с собой только личное оружие, противогазы и пулеметы.

Утром было все проверено. Ванюша сам лично осмотрел пулеметы, правильность их сборки, проверил коробки с патронами, убедился, правильно ли набиты ленты, и доложил по команде, что второй взвод к выходу готов.

Пулеметная рота была построена. По фронту прошел капитан Мачек и внимательно осмотрел ряды.

— Можно разойтись по баракам, — распорядился капитан, — и ждать особых указаний.

Солдаты повеселели, вернулись в бараки и собрались к обеду. Раздатчики разливали мерками вино...

Об этих мерках нужно сказать особо. Чтобы застраховать раздатчика вина от недостачи и вообще как-нибудь заинтересовать его в выполнении этой обязанности, в дне мерки, представлявшей собой черпачек на длинной ручке емкостью в четверть литра (наподобие того, каким в русских сельских лавках отмеряют керосин), пробивается гвоздем отверстие. Пока раздатчик

наливает вино, часть его стекает обратно в ведро — это уже в пользу раздатчика.

Вопрос о том, каким гвоздем пробивать отверстие, решался всем взводом. Старым раздатчикам, у которых уже нос покраснел от профессиональной привычки, отверстие в мерке пробивалось более толстым гвоздем, а молодым — гвоздем потоньше. Пусть еще постарается.

Вот и на этот раз вино тонкой струйкой стекало в ведро. В бараке стоял винный дух. И вдруг влетел Виктор Дмитриевский. Весь сияя радостью, он крикнул:

— Перемирие, братцы! Перемирие заключено!

И тут же пояснил, что радио передает это от имени верховного главнокомандующего союзными войсками маршала Фоша. Германия приняла все предъявленные ей союзным командованием условия. Верховный главнокомандующий приказывает прекратить с 11 часов 11 ноября все боевые действия.

Всех ошеломило это радостное известие. «Перемирие заключено!» — повторялось на разных языках. Солдаты выбегали из барака, чтобы убедиться, радуются ли в других ротах, и — ликовали, ликовали!

Ванюша был буквально переполнен чувством великой радости. Его грудь высоко поднималась, а в виски стучало: вот и все, конец войне, уцелел, жив!

Наступил великий час солдатского счастья.

— Пе-ре-ми-рие!

В этот день все радовались: солдаты обнимали друг друга, старики и дети, женщины и девушки целовали солдат и радостно улыбались, утирая мокрые от счастливых слез лица.

— Война кончилась!

По всей округе, по всем деревням идет стрельба светящимися трассирующими пулями, к небу взлетают ракеты всех цветов. Кто-то уже смастерил фейерверки и ими озаряется город Нанси. Артиллеристы даже из пушек салютуют, высоко подняв жерла своих орудий.

Да можно ли не радоваться такому счастью!

У господ офицеров радость еще больше, они почти все направились в город Нанси: там кафе, кабаре-шантаны, концерты, музыка. Там сегодня вино и шампанское будет литься рекой.

Радость не имеет границ.

Несутся возгласы:

— Франция победила!

Измученная, исстрадавшаяся Франция, землю которой топтал бож, победила! Французы, ликуйте!

- Вив ля Франс!
- Да здравствуют солдаты!
- Вечная слава погибшим в боях сынам Франции!

* * *

Франция ликует.

Глава пятая

1

Марокканская дивизия готовится к вступлению в Эльзас-Лотарингию, а пока принимает оружие и боеприпасы от только что капитулировавшего противника. Под контролем представителей французского командования немцы свозят в одно место и выстраивают длинными рядами орудия всех калибров, поодаль растут штабеля снарядов. Собирается и складывается стрелковое оружие — пулеметы, винтовки, пистолеты, гранаты и прочее. Эту печальную для них работу немцы выполняют медленно, понурив головы и отворачиваясь от веселых французов.

А Марокканская дивизия отдыхает и празднует победу. Солдатам выдали лучшее обмундирование, они чистятся, приводят себя в порядок. Как же иначе: победители должны выглядеть победителями! Капитан Мачек стал как-то стройнее и элегантнее. Он ходит по роте беззаботной походкой, поигрывая стеклом, и беседует с пулеметчиками. А они тоже веселы, подтянулись, расправили грудь, ходят гоголями. Даже лошади и мулы будто поняли, что война окончилась, смотрят бодро, головы держат высоко. Их хорошо почистили, смазали слегка сбрую, вымыли двуколки и протерли их масляными тряпками и ветошью. Все выглядит по-праздничному, по-парадному. И действительно, скоро будет парад и дивизия двинется победным маршем в Лотарингию.

У солдат угасла вся ненависть к бошам, которых даже перестали называть бошами, теперь только и слышно: немец, немка... Солдатское сердце — доброе сердце. Солдаты не помнят зла к вчерашнему врагу. Тем более нежны они к освобожденным братьям и сестрам из Эльзас-Лотарингии, которые сорок восемь лет назад были оторваны от Франции и, живя под господством немцев, где-то в глубине души все же сохранили верность своей родине.

И вот наступил день 17 ноября. Рано утром головные колонны 1-й Марокканской дивизии перешли ручей Лутр-Нуар под Монсель и Безанж и вступили на освобожденную землю.

Да, это великий день! Радость французов неопишима. Они падают на колени, целуют землю, берут ее в пригоршни и прижимают к своей груди... И все это на глазах немецких солдат, оставленных для передачи вооружения, — немцы отворачиваются и скрипят зубами.

Правда, пришельцы из дальних мест — легионеры, алжирские стрелки, мальгаши с далекого острова Мадагаскар — не столь бурно проявляют радость победы, ведут себя сдержанно. Они довольны одним — тем, что над их головами не слышно свиста и шипения пуль, не рвутся снаряды...

А дивизия гордо шествует вперед. Вот стоит на дороге триумфальная арка, которую на скорую руку сколотили местные жители. Арка увешана зелеными гирляндами хвои, а за ней толпы людей из близлежащих городов и деревень. Они бросаются навстречу своим освободителям.

Еще издали солдаты видят островерхие крыши города Шато-Сален и среди них — колокольню церкви. Звонят все колокола! Стройными колоннами движутся в своих пестрых нарядах, в белых бурнусах, с расцвеченным боевым штандартом кавалеристы-сипаи.

Проходят зуавы, алжирские стрелки — каждый только что надел на плечо красный аксельбант. Знамена украшены орденом Почетного Легиона на ярко-красной ленте за боевые отличия. А вот появляются и легионеры. На их знамени много орденов, они украшены двойным красным аксельбантом.

А густой колокольный звон разносится окрест торжественным благовестом.

Все здания города украшены флагами, знаменами, вывешенными на балконах коврами. Везде цветы. Толпы жителей в национальных костюмах приветствуют проходящих солдат, осыпают цветными французскими флажками, нарезанными из национальной ленты. А старики, надев свои праздничные костюмы, украшенные французскими медалями, шагают вместе с солдатами.

В центре, на площади перед ратушей, — столы, уставленные яствами. Из всех погребов сюда выкатили бочки с вином. Появляются все новые и новые корзины с шампанским, все новые угощения. Со всех концов площади несутся песни, гремит «Марсельеза»...

И так на всем пути Марокканской дивизии. Шеи черных мальгашей обвивали лебединые руки девушек Лотарингии, на головы солдат падали и падали цветы, рекой лилось вино, звенели песни на ставшем свободным французском языке, раздавался вокруг гул радости.

Пулеметная рота капитана Мачека тоже принимала поздравления освобожденных французов, поцелуи женщин и девушек, истосковавшихся по мужским крепким объятиям... Правда, все это шло как-то мимо сознания пулеметчиков, они далеко не так гордо, как истинные французы, а больше машинально отвечали на приветствия. У каждого была своя дума: «Жив остался, может, скоро в родные места попаду». И светилась на лице простая человеческая радость...

Гринько шагает на правом фланге своего взвода, и на его лице также радость. Он думает: «Вот, если бы так встречали нас в России!» На минуту отрываясь от своих мыслей, поднимает руку, отвечая на приветствия. В душе Ванюша совсем юнец, хотя в день перемирия ему исполнилось двадцать лет. Он очень любит детей. Вот и сейчас берет их на руки, целует, угощает конфетами и шоколадом и в свою очередь принимает из детских рук цветы, зеленые веточки, флажки... Он вспоминает свою мать: где она, что с ней? Наверное, издеваются над ней немцы, завоевавшие Украину. И Ванюша наполняется ненавистью к этим угрюмым людям в круглых, кургузых бескозырьках. Это — немцы, удрученно стоящие по сторонам дороги у сложенных в кучи пулеметов и винтовок.

Рядом шагает Виктор Дмитриевский и тоже думает свою думу. Но он старше Ванюши, и думки у него, вероятно, иные.

Что на душе у Карла Шмютке, трудно сказать. Он не испытывает всеобщего восторга, очевидно, ему не нравится эта сумасшедшая радость, ликование освобожденных и освободителей, хотя Карл Шмютке, пусть номинально, и сам принадлежит к числу последних. Изредка он отпускает крепкие немецкие солдатские ругательства, и ему становится легче. Что его ждет впереди? Он не знает этого. Его контракт службы в иностранном легионе заканчивается 1 января 1919 года. Раньше, обычно к концу контракта, все начальники так придирались, что обязательно доводили legionera до дилеммы: или опять подписывай контракт на пять лет службы, или будешь отдан под военный суд, который упечет тебя в тюрьму на пять лет. А там... В общем, было трудно, почти невозможно вырваться из иностранного легиона. Но теперь кому какое дело до legionеров! Радость победы отвлекла начальство от служебных придинок...

Карл Шмютке заканчивает второе пятилетие службы в иностранном легионе. К концу первого пятилетия его сумели завлечь в хитро расставленные сети, и 1 января 1914 года пришлось подписать контракт еще на пять лет. И как повезло! Через всю войну прошел и уцелел... Уцелел... Но счастье, то самое нехитрое счастье, о котором столько мечталось, — где оно? Скоро исполнится сорок лет, а он все еще холостяк. Не довелось испытать теплоты семейного очага. Сколько помнит себя, все один. И — долгая, долгая солдатская служба. А сейчас он идет в свою родную Баварию. Что ждет впереди — радость или горе? Трудно сказать. А пока Карл Шмютке только злится и ругается.

Другое дело Гранье — он чистый француз, родился в Париже и очень гордится этим. Еще бы, не всякому дано родиться в Париже! И тут неважно даже происхождение: Гранье не знает своих родителей, его подобрала и приютила пожилая зеленщица «чрева Парижа». С детства он таскал

большие корзины спаржи, артишоков, лука и прочей зеленой дряни, как любил выражаться Гранье. Зеленщица была очень добра, как все бедные женщины, и по-своему любила шалуна и забияку Жака. В руках у маленького широкоплечего крепыша как невесомые мелькали корзины. Но случилась беда: зеленщица неожиданно заболела и умерла. У Гранье никого не было, и судьба бросала его из стороны в сторону. Где он только не был, чем только не занимался, пока «нечаянно» не ухлопал своего хозяина, который позволил себе его ударить... А там тюрьма, даже виселица грозила... «Выручил» иностранный легион.

Жак Гранье искренне радовался победе. Он восторженно отвечал на приветствия, крепко обнимал мужчин и женщин. Последних даже норовил ущипнуть, а они весело вскрикивали и опять подставляли бока под щипки. Потом угощали вином. Жак много пил, закусывал зарумяненным и хорошо прожаренным мясом индеек, смачно прищелкивая языком и опять запивая еду вином. И радовался от души. Кто знает, может быть, эта победа над проклятыми бошами будет порогом, рубиконом, за которым начнется счастье! Он ведь заслужил его, прошел такую суровую школу воспитания в иностранном легионе — так не воспитывают ни в монастыре, ни в Сорбонне.

А вот шагает Ахмед-Бела. Он не радуется и не грустит. По крайней мере, его восковое лицо ничего не выражает. Все мысли Ахмед-Белы далеко, в золотом Алжире. Там жена, дети... Больше всего думает Ахмед о дочери... Как мог этот толстый слон, хозяин, надругаться над его чистой девочкой! А как ловко и метко Ахмед-Бела проломил ему череп молотком, как грузно повалилась эта жирная туша на землю...

Ахмед-Бела вспоминал, как подхватил свою дочь на руки и понес ее, маленькую, хрупкую, в тень виноградной листвы... Почему именно в эту минуту вспомнилась ему дочь, почему давняя картина представилась ему с такой отчетливостью? Ведь он почти совсем забыл об этом... Сколько лет после того дня он был на каторжных работах, был на грани смерти, а теперь уже седьмой год в иностранном легионе... Очевидно, в минуты счастья или в минуты горя проходит перед человеком вся его жизнь в своих переломных моментах...

У каждого были свои думы, свои воспоминания. Как говорится, под каждой крышей — свои мыши... Солдаты шли по освобожденной земле. Время близилось к вечеру, и только одно омрачало душу — нудный, мелкий дождичек. Все продрогли и с нетерпением ждали команды «Стой». Вспоминали вчерашний угарный день в Шато-Сален — он был днем, до конца наполненным радостью. Колокольный звон, музыка, песни,

угощение... Сегодня как-то спокойнее, может быть, просто привыкли к победе. А как хорошо все-таки, что война кончилась!

Капитан Мачек вел роту, легко восседая на старом арабском жеребце. Впереди оркестр в быстром темпе заиграл марш. Значит, колонна вступает в какой-то населенный пункт...

Так шли несколько дней. Переходы были небольшие, и почти после каждого перехода назначалась дневка. Куда торопиться, ведь победа у ног.

Наконец подошли к границе, настоящей границе между исконной французской землей и Германией. Все как-то подтянулись, колонны стали плотней и стройнее. Оркестр заиграл марш — и легионеры пересекли границу, вступив в старый феодальный Палатинат.

— Вот мы и в Баварии! — произнес Карл Шмютке, и впервые на его лице засветилась улыбка. — Это есть моя родина!

Миновали станцию Хорбах. Теперь начнутся всякие бахи, бурги, хеймы, штадты: пошла немецкая земля. Как рады этому французы! Час возмездия за позор Седана наступил. Но в иностранном легионе да и во всей 1-й Марокканской дивизии чистых французов почти что не было. Правда, среди офицерского состава имелась большая прослойка французов, но были меж офицеров и мачеки, и шмютке, и миттельхозе, и афанасьевы...

Теперь население не приветствовало победителей. Люди молча и настороженно стояли по сторонам дороги. Старики злобно поблескивали глазами из-под насупленных бровей, женщины тихо вздыхали и робко поглядывали на ряды молодых солдат, а подростки-девочки жались к матерям, как ягнятки. Мальчишки не могли перенести такого унижения и со слезами уходили во дворы, за заборы, откуда с ненавистью рассматривали гордо шагающих врагов, мысленно издевались над семенящим маршем французов. Фи! Они так прыгают, как козлята. Куда им до прусского шага — уверенного, твердого, размеренного. Подождите, проклятые французишки, мы еще вам покажем!

Но столь воинственно были настроены далеко не все. Молодые немки из-за оконных занавесок с любопытством поглядывали на французов. О них ведь так много написано как о нежных, милых, понимающих женскую душу кавалерах. В то же время нельзя явно показывать свой интерес к ним. И занавески все время шевелились, а в щелочках украдкой поблескивали голубые глаза. Солдаты успели заметить эти сверкающие любопытством взоры, и сами бросали на окна многообещающие взгляды, некоторые открыто улыбались и подмигивали...

Впереди, в Цвейбрюккене, послышалась русская походная песня «Взвейтесь, соколы, орлами». Там в голове колонны шагает русский легион. Молодцы солдаты, марку свою держат: песня «Взвейтесь, соколы, орлами»

достаточно хорошо выражает русскую удаль. Все заслушались, а пулеметчики начали подпевать — лихо, с присвистом!

— Стой! — послышалась команда.

Высланные вперед квартиреры встречали свои роты и разводили по местам расположения. Ванюшу и Виктора поместили в мансарде небольшого аккуратного домика на краю селения. Там были две комнатухи: одна, побольше, для Ванюши, а другая, поменьше, для Виктора.

Хорошо отдохнуть в тепле после перехода под осенним дождем. А тут еще такая постель! Кажется, даже перина.

Ванюша только что вернулся с обхода. Надо было посмотреть, как разместились люди, всем ли тепло, удобно. Все оказалось лучше, чем он ожидал; каждый пулеметчик обеспечен отдельной постелью. Разместились по двое-трое в комнате в крайних трех домах селения.

Но ухо нужно было держать остро: первый ночлег на немецкой земле. Это не Лотарингия, где каждая семья считала за честь взять к себе солдата и с особым вниманием обставить его ночлег. Тут надо было соблюдать осторожность.

Но все, кажется, устроилось как нельзя лучше. Вскоре подошли кухни, раздали людям вино и хороший сытный обед. Солдаты проявили любезность и пригласили отобедать с собой хозяев. Обед проходил сначала настороженно, но вскоре все размякли, расчувствовались. Немцы были поражены тем, что у легионеров в достатке белый хлеб. Они, оказывается, давно не видели хлеба, а вместо него ели брюкву, картофель и квашеную капусту. Теперь немцы набросились на хлеб и в свою очередь щедро угощали солдат хорошим рейнским вином. Женщины старались отдавать хлеб детям и особенно были рады сахару, которым их угощали солдаты...

Ну а после доброго ужина — на покой. Ванюша поднялся в свою комнату в сопровождении хозяйской дочери Эльзы. Она шла впереди, постукивая своими деревянными сандалиями по ступенькам, такая ладная, пухленькая, даже не верилось, что в ее семье давно не ели хлеба. Может быть, молодость, брала свое, да, наверное, и мама отрывала от себя лучший кусок для дочери...

Эльза взбила пышную постель и стала возиться с печуркой, разжигая в ней уголь. Вскоре комната наполнилась теплом...

— Вам хорошо будет спать, — сказала Эльза и застенчиво опустила белокурую головку.

Она заметила расстегнутую пуговицу на своей полной груди и стала торопливо ее застегивать.

— Гутен нахт. — Девушка пристально взглянула на Ванюшу своими большими голубыми глазами из-под длинных ресниц.

Ванюша понял этот взгляд, и лицо его залила краска стеснения. Но он справился с минутной растерянностью и спокойно произнес по-французски:

— Большое спасибо.

— Гутен нахт, — повторила девушка и медленно, будто нехотя, вышла. На пороге она все-таки остановилась: — Не закрывайте дверь, я еще приду поправить уголь в печке...

Ванюша слышал, что Эльза пошла к Виктору. В соседней комнате звякнула заслонка — там разжигали печку, потом Ванюша услышал оживленный разговор. Виктор довольно свободно говорил по-немецки, и они с Эльзой быстро нашли общий язык... Вскоре Ванюша заснул, утонув в перине, — не часто дается такое солдату!

Проснулся он, когда было уже светло. В комнатке посвежело: печка давно потухла, а Эльза, очевидно, так и не приходила поправить уголь: в корзинке было столько же брикетов, как и вечером... Ванюша сладко потянулся, вспоминая вечер и то, как Эльза разжигала уголь в печурке... И вдруг он услышал тихие, крадущиеся шаги, которые удалялись по коридорчику от двери соседней комнатки. Предательски заскрипела лесенка... «Виктор ходит не так, а твердо, по-солдатски», — подумал Ванюша. И действительно, вскоре он услышал за стеной крепкие мужские шаги, а потом всплески воды под умывальником.

День выдался хороший, сухой, временами из-за туч пробивалось солнце, что редко случается здесь в начале декабря. Пулеметчики просушили чехлы от пулеметов и свои нехитрые пожитки, приготовили все для продолжения похода. Они хорошо отдохнули и даже помылись под походным душем.

И вот уже гремит марш на плацу города Кайзерслаутерн. Командир дивизии, окруженный свитой алжирских сипаистов, с их белыми бурнусами среди расцветченных орденами знамен, на арабском коне, гордо выдвинувшись вперед перед ратушей, пропускает свои полки. Все проходит торжественно и все-таки как-то казенно, нет тех приветствий, которые были в Шато-Салене, торжественность подчеркивается здесь германской суровостью. Да иначе и быть не может: Бавария не привыкла встречать французов победителей.

Марокканская дивизия вступает в горы, покрытые лесом. Дорога идет в ущелье, вдоль небольшой речушки Изенах. Вокруг царственный покой, лес стоит тихо, не шелохнувшись, людей не видно, только разбросанные кое-где аккуратные охотничьи домики напоминают о том, что лес обжит. Здесь всюду охотничьи уголья, изобилующие зверем и птицей.

В ущелье раздаются бодрые солдатские русские песни, их отзвуки, повторившись в многократном эхе, затихают далеко в горах. Пулеметчики идут не особенно стройной колонной и любуются красотой этого края. Все понимают, что лес великолепен, но родные места все же манят своей собственной неизъяснимой прелестью.

— Нет, братцы, — говорит Виктор, — у нас на Урале, к примеру, куда красивее. Там дышится легче, воздух такой сладкий, что прямо в чай клади... А ручьи... Разве такие, как здесь?! У нас они чистые, каждый камешек видно, и холодные-холодные. А какая вкусная вода!..

— Шо там Урал, хйба е шо краще Украйны, — отозвался шагающий рядом Степаненко. — Любую речку взяты, так она хйба така, як о цей Изенах чы там ще яка. А Днипро велький и шырокий, хйба з ным сравняется якый-нибудь Маас, або Рейн, чы яка-нибудь Марна. Тфу! Хйба це ричка, а так якись ривчачок.

— Правильно, правильно кажышь, мий друже, — отозвался Ванюша и глубоко вздохнул.

Душа его донельзя истосковалась по родине, и в его представлении не было лучше, богаче и красивее страны, чем Украина, шумящая своими садками, левадами и лесами, золотая от бескрайних полей спелой пшеницы. А кручи, кручи какие над Днепром! Разве сравнятся с ними здешние горы?! Конечно, они тоже красивы, но нет, куда им против днепровских круч! Правда, тут дороги лучше и села все каменные, строения добротные, но крыши все островерхие, черепичные, негде и аистам приспособиться со своими широкими гнездами, а они ведь счастье с собой приносят...

Но вот впереди загремела музыка. Барабаны четко и часто отбивали такт. Колонна входила в Бад-Дюркхейм, расположенный на выходе из лесистого Хардта. Тут горы обрывались и начиналась обширная долина Рейна, действительно широкого и могучего, каким и воспевают его немцы в своих песнях. По его берегам раскинулись большие промышленные города. Вот впереди дымит своими заводами Людвигсхафен, а по другую сторону еще более крупный Мангейм. Это по сути дела один город, но с разными названиями: оба составляют единый экономический и промышленный комплекс, славятся своей химической промышленностью, знаменитыми красками, табаком, вином, автомобилями, станками и бумагой, оба составляют конечный порт крупного речного судоходства.

В районе Людвигсхафена, по Рейну, ставшему демаркационной линией оккупации, и расположилась 8 декабря 1918 года Марокканская дивизия. Иностранный легион разместился во Франкентале. Пулеметной роте капитана Мачека достался зрительный зал какого-то клуба на северо-восточной окраине города. Пулеметчики набили матрацы соломой и уложили их вплотную вдоль стен, отгородив от проходов рейками. Середина была оставлена для построения, а ближе к сцене установили несколько столов и скамеек, которые принесли из фойе — это место служило столовой. Сцена использовалась под пулеметы — они были поставлены аккуратными рядами, и около каждого пулемета — коробки с патронами, чтобы были под руками при выходе по боевой тревоге.

Началась нудная, монотонная оккупационная служба. Ежедневное посещение пивных, которых здесь немало, состязания — кто одним духом выпьет литровую кружку пива, бьющего своими газами в нос, — быстро надоели. Угрюмые баварцы, особенно те, кто только что вернулись из распущенной германской армии, искоса поглядывали на солдат Марокканской дивизии, а то и норовили ударить из-за угла чем попало. Только зазевайся или появишься в темноте в одиночку — считай, пропал. Поэтому пулеметчики ходили группами. Немцы неприязненно сторонились их.

Во время марша к Рейну военная почта не успевала за войсками, и газеты появлялись в ротах с перебоями, а теперь приходили регулярно. Появилась «Юманите» и другие левые газеты. Снова стали доноситься вести из России. Немецкие солдаты оккупируют русские земли, но не могут устоять против всепроникающих идей русской социалистической революции и начинают бунтовать. Они восстают против своего офицерства, дело часто кончается кровавыми схватками, разоружением офицеров. Генерал фон Шефер заявил перед собранием офицеров: «Дисциплина в германской армии висит на волоске. От вас зависит немедленно поднять ее. В противном случае Германия погибнет». Такие заявления делались неспроста: сорок тысяч немецких солдат взбунтовались на Украине и отказались воевать... В таких настроениях, помимо всего прочего, видимо, корень поражений немецкой армии на западном фронте.

Да и в самой Германии далеко не спокойно. В конце сентября германское правительство канцлера Гертлинга ушло в отставку, а в начале октября новый германский канцлер Макс Баденский отправил телеграмму президенту Соединенных Штатов Америки с просьбой о заключении перемирия. В начале ноября рушится союз центральных держав: 3 ноября капитулировала Австро-Венгрия, тут же распавшись на ряд государств. В этот же день восстали матросы в Киле, перебили своих офицеров и,

сомкнувшись с рабочими, создали Совет матросских и рабочих депутатов. Волнения быстро, как пожар по ветру, распространились на Гамбург, Бремен, Любек, Лейпциг, Мюнхен, Берлин. Вильгельм II был свергнут.

Маленькая революционная группа во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург объединяется в «Союз Спартака» и пытается повести рабочий класс по революционному пути. Но это малая горстка революционеров, и Владимир Ильич Ленин пишет: «Величайшая беда и опасность Европы в том, что в ней нет революционной партии. Есть партии предателей, вроде Шейдеманов, Реноделей, Гендерсонов, Веббов и К°, или лакейских душ вроде Каутского. Нет партии революционной» ³⁴.

Правые социал-демократы во главе с Эбертом и Шейдеманом бросились спасать германское буржуазное государство. 10 ноября 1918 года берлинский Совет рабочих и солдатских депутатов под руководством социал-предателей создал правительство Германской Республики — «Совет народных уполномоченных». Возглавили его те же правые социал-демократы. Глава правительства Эберт объявил, что «революция уже кончилась», а для того чтобы скорее расправиться с революционными массами, правительство Эберта — Шейдемана подписало Компьенское перемирие с Антантой.

Антанта великодушно разрешила использовать лучшие части германской армии на подавление революции. Затем последовали контрреволюционные путчи и выступления, аресты, расстрелы и просто убийства вождей рабочего класса.

Вести обо всем этом разными путями доходили до самой гущи солдат Марокканской дивизии, выполнявшей роль передового поста французской армии на Рейне. Вскоре из госпиталей Франции после ранений в пулеметную роту вернулись Тимофей Вяткин и Михаил Ликанин. Они не только подтвердили все эти сведения, но и привезли новые: 13 ноября Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет на своем заседании единодушно аннулировал Брестский договор с Германией. На весь мир прозвучало его заявление:

«Всероссийский ЦИК сим торжественно заявляет, что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишены силы и значения. Брест-Литовский договор (равно и Дополнительное соглашение, подписанное в Берлине 27 августа и ратифицированное ВЦИК 6 сентября 1918 г.) в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным.

Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территорий и областей, объявляются недействительными...»

Документ этот заканчивался так:

«Приветствуя население всех областей, освобожденных от ига германского империализма, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика зовет трудящиеся массы этих областей к братскому союзу с рабочими и крестьянами России и обещает им полную, до конца идущую поддержку в их борьбе за установление на их землях социалистической власти рабочих и крестьян...»

И шли подписи: Председатель ВЦИК — Я. Свердлов, Председатель СНК — Ульянов (Ленин), Секретарь ВЦИК — В. Аванесов.

Пулеметчики встретили этот документ ликованием: справедливо поступило Советское правительство! Даже Ахмед-Бела, Маноло Хуан, Андрэ Фламье и Жак Гранье выразили свой восторг по поводу действий Ленина: он борется и за их счастье!

Устроив свои постели рядом, Гринько и Миша Ликанин проводили свободные часы в долгих беседах. Ванюша рассказал все, что произошло в пулеметной роте во время отсутствия Михаила, а Ликанин в свою очередь поведал, как эвакуировался с поля боя и попал в парижский госпиталь.

— Настроение у парижан, сам понимаешь, отменное, — рассказывал он. — Еще бы, победа! Ну и к нам, раненым, отношение было уже другое, хорошее.

Ванюша узнал, что госпиталь располагался на окраине Парижа, на берегу Сены. Рядом был лесопильный завод — вылавливали из реки бревна и распиливали на доски. На лесопилке работали по преимуществу женщины и старики. Работницы заигрывали с солдатами. Иной раз они сами перебирались через монастырскую стену в расположение госпиталя и находили там укромные местечки для свиданий.

Постепенно дружба Ванюши с Ликаниным крепла, и они посвящали друг друга в свои сокровенные мысли и думы.

Как-то прогуливаясь вдвоем недалеко от расположения роты и поглядывая на взошедшую где-то за Рейном луну, они разговорились о России.

— Хорошо бы заснуть, а проснуться там, в России, — сказал Ванюша.

— Таких чудес, голубчик, не бывает. Дело это надо хорошенько обмозговать, может быть, и можно перебраться в Россию через Германию. — И, понизив голос, Миша добавил: — Говорят, из девятой роты двое наших махнули через Рейн и — поминай как звали — в Россию подались.

Надо только узнать точнее, не задерживают ли русских немцы, они ведь все сделают, что им прикажут французские жандармы.

— Надо выждать пару дней. Если немцы не вернут наших назад, значит, можно считать, что не задерживают. Тогда этот путь верный, понял? — Ванюша начал уже строить план побега. — Хорошо бы найти надежного проводника-немца, ведь так просто через Рейн не проберешься, а все мосты наглухо закрыты жандармами. Лодочника бы нам! Чтобы перевез на ту сторону, да где-нибудь укрыл, отвел подальше от Рейна.

— Это точно, — начал загораться Ванюшиной идеей и Ликанин. — Надежный человек нужен.

— Ну, хорошо, я беру эту задачу на себя, — заявил Ванюша. — Если надо будет, привлеку к этому делу Виктора, он ведь знает немецкий язык.

У Гринько был на примете немец-истопник, пожилой человек. У него есть лодка на реке, он любит побаловаться с удочкой в свободное время. Ванюша с ним познакомился в котельной клуба, в котором размещались пулеметчики, и угостил старика мясными консервами и хлебом.

При упоминании Дмитриевского Ликанин сморщился и заметил недовольно:

— Ты с ним поосторожней, все же он бывший офицер. Не люблю я его. Ты лучше без него связывайся со стариком. Договоришься как-нибудь на пальцах, но зато надежней будет.

— Подумаешь, какой конспиратор, — заметил Ванюша. — А я Виктору верю, он как-никак за наше солдатское дело пострадал.

— Ничего не пострадал, а просто служит так, как и мы с тобой. Разве только трусит больше! Это ты развел антимионию перед взводом и сдуру уступил ему орден Почетного Легиона, а как ни говори — он его не заслужил!

— Ну, это ты, Миша, не прав. Нельзя так зло говорить о Викторе, тем более...

— Тем более, тем более... — перебил его Ликанин. — Давай ближе к делу. Ты готовишь немца-проводника, а я узнаю все до тонкостей в девятой роте. Она ведь несет караульную службу по Рейну. Попробую договориться, чтобы нас «не заметили» во время переправы на тот берег.

— Ну, ладно, согласен, — сказал Ванюша, и они крепко пожали друг другу руки в знак заключенного союза.

Вернувшись в роту, друзья улеглись спать. Но Ванюша долго не мог уснуть. Он все видел себя там, далеко, на Украине, на берегу Южного Буга.

Родная Украина, что творится сейчас на твоих просторах? На днях Ванюша прочитал в «Юманите», что в Киеве образовалась какая-то директория во главе с Петлюрой и Винниченко. Потом директория эта

перебралась в Белую Церковь и, обманывая народ демагогическими лозунгами, объявила Украину «самостийной». Это сразу насторожило Ванюшу. Но «Юманите» рассказывала дальше, что украинцы сумели разобраться в директории, раскусили ее контрреволюционную сущность и не только отшатнулись от «самостийников», но и выступили против них. Они откликнулись на манифест Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, который их звал на всенародную борьбу за восстановление на Украине завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, за Советскую власть на Украине.

«Вот это правильно! — подумал Ванюша. — Землю отберем у помещиков, создадим коммуну. Фабрики заберем у Бродских и Терещенко, сами будем управлять ими и делать сахар, это не так уж мудрено. Вот справимся ли с железными дорогами без инженеров? Ну, с этим тоже разберемся... Были бы только кондуктора и... весовщики... а товар...»

С этими мыслями Ванюша крепко заснул, но и во сне он увидел Одессу-товарную, свою родную солнечную Одессу, с ее ровными, как стрелы, улицами, с синим морем, с шумным и гремящим портом под самым Николаевским бульваром...

Но все же среди ночи Ванюша проснулся, будто кто-то подтолкнул его. Он быстро спустился в котельную. Старик немец подбрасывал в топку брикеты и о чем-то сосредоточенно думал. От консервов и галет, которые принес Ванюша, он отказался. Тогда Ванюша положил все это на табуретку: возьмет, мол, никуда не денется, и вступил со стариком в тайный разговор:

— Понимаешь, нас двое, ну, понимаешь... Их унд айн камрад, нас двое... — Ванюша пытается втолковать старику смысл слов жестами, показывает ему два пальца. — Нам, понимаешь, надо на ту сторону. — Ванюша чертит углем на полу извилистую линию, которая должна обозначать Рейн, скопище домов — город Франкенталь и показывает рукой, что их, двух русских, надо переправить на другой берег. — Понимаешь, надо на ту сторону Рейна. А там надо в Русланд. Понимаешь?

— Я, я, — кивает головой немец-старик в знак подтверждения.

— Фу, кажется, понял. — Ванюша перевел дух и вытер со лба выступивший пот. — Значит, ты согласен, да?

— Я, я, яволь.

— Ну, хорошо, значит, гут. — Ванюша тычет пальцем в грудь старика, потом в свою грудь и прижимает палец к губам: — Понимаешь, чтоб никому ни гугу!

Немец-старик проделывает то же и, улыбаясь, подает Ванюше свою измазанную углем руку. Они крепкожимают друг другу руки и расходятся. «Все в порядке», — Ванюша чуть не прыгает от радости.

Ликанин с утра направился в девятую роту. Там услышал, что в последнюю ночь еще двое ушли на тот берег. Начальство рассвирепело, все время шныряет по берегу, проверяет несение караульной службы.

Рота располагалась в деревушке Петерзау, на самом берегу, а теперь ее перевели в Шаррау и разместили в утепленных пакгаузах. На берегу остались только полевые караулы, которые охраняют участок реки от паромной переправы против Лампертгейма и на юг до шоссеинного моста Зандхофен.

Часовые смотрят на бурлящие водовороты мутной темно-желтой воды, быстро несущейся на север, и думают одну и ту же навязчивую думу: как бы перебраться на тот берег и податься в Россию? Это желание охватило всех русских, и все хотят побыстрее его осуществить, пока они тут, на Рейне.

Эти сведения и принес Михаил.

— Мало ты узнал, — заметил Ванюша и рассказал о своей договоренности со стариком немцем. — Дело теперь только за уточнением времени переправы. Старик просит три дня, чтобы побывать на той стороне и все подготовить. Переправляться будем вечером, пока не взойдет луна. Старик считает, что удобнее всего это сделать в районе речного порта Оппау, где с севера подходит канал от Франкенталя. На той стороне сразу можно войти в протоку. В Шенау у старика знакомый железнодорожник. Он-то и переправит нас в Вейнгейм, а там ищи ветра в поле!

— Понятно, — ответил Ликанин с завистью в голосе: здорово все устроил Ванюша.

В этот же день капитан Мачек вызвал взводных и начальников пулемета. Когда те собрались, капитан сообщил:

— Получено, приятели, указание отрекогносцировать боевое расположение пулеметной роты на случай выхода по боевой тревоге на берег Рейна. Рота должна расположиться по обе стороны шоссеинной дороги, идущей от Мёрш по дамбе на восток, короче — оседлать эту дорогу и мост через реку Рейн.

Взводу Ивана Гринько предстояло выбрать места и подготовить площадки для пулеметов между рекой и каналом, что идет от Франкенталя к шоссеинным мостам. Это обрадовало Ванюшу, так как давало возможность лично осмотреть как раз тот участок реки, где предполагалась переправа.

Когда началась рекогносцировка, Гринько и Ликанин только этим и интересовались. Их смущала большая ширина реки и быстрое течение, но в то же время ими завладел задор, и они не могли дождаться, когда наконец пройдут три дня, которые понадобились истопнику для подготовки побега.

— Может быть, махнем сразу? — предложил Ликанин. — Какого шута еще тут уточнять!

— Поспешишь — людей насмешишь, — ответил Ванюша и продолжал изучать местность.

Прошло два дня, а старика немца не было видно. В котельной работал его сын, вернувшийся из распущенной немецкой армии. Был он какой-то хмурый, настороженный: известно ему или неизвестно, зачем отец отправился на тот берег? Ванюша заговорил с ним и убедился — парень ничего не знает. С одной стороны, это было хорошо: значит, старик не подвел и даже сыну ничего не сказал. С другой стороны — Ванюше внутренне хотелось, чтобы молодой немец знал, как им, русским, хочется скорее попасть в Россию. Но тайну следовало хранить: шли упорные слухи, что в третьей и девятой ротах задержали нескольких русских легионеров при попытке переправиться через Рейн, быстро осудили и отправили в тюрьмы, откуда, видимо, им не выбраться.

Ликанин заинтересовался этими слухами. Все подтвердилось, но задержали только четырех человек, а ушло уже много, человек по десять из каждой роты... Эти роты быстро сменили, на охрану берега поставили подразделения, в которых русских легионеров почти не было.

Только на пятый день появился старик немец. Он передал Ванюше, что точно узнать, отпускают ли немецкие власти русских солдат в Россию, не удалось, однако пробраться через Германию в Россию можно. Ходят слухи, что в Берлине есть советское посольство, которое способствует возвращению русских военнопленных из Германии на родину. Далее старик сообщил, что он договорился в Шенау со знакомым железнодорожником: на первых порах тот примет их к себе, а потом переправит с товарным поездом в Эбербах. Но все это можно осуществить только в новогодние праздники. «Значит, еще пять дней ждать», — с досадой подумал Гринько.

Все же Ванюше и Ликанину удалось уговорить старика ускорить дело. Они даже сходили на канал и посмотрели лодку. Немец вытащил ее на берег и хорошенько просмолил дно: он готовился к операции на совесть. Наконец назначил срок побега: ночь на 4 января нового 1919 года.

Время шло нестерпимо медленно.

Лишь одно событие нарушило томительные минуты ожидания. После очередной почты к Ванюше пришел Тимофей Вяткин и попросил перевести только что полученное письмо. Письмо было от его подруги, сестрицы из Лиможского госпиталя. Он показал ее фотографию. Это была миловидная девушка. Тимофей сообщил, что Луиза закончила высшую школу и пошла

работать в своем родном Лиможе медицинской сестрой в госпиталь. Ее отец был богатый человек: имел швейную фабрику, состоял компаньоном текстильной фабрики и владел акциями других компаний. Судя по письму, Луиза была образованна, а нежность, которой дышало письмо, говорила о том, что она крепко полюбила вятича. Внешность у Тимофея была выигрышная: красивый белокурый мужчина лет тридцати с лишним, он невольно привлекал к себе внимание. Но культуры, грамотенки ему явно не хватало. Да и откуда она взялась бы? Тимофей родился и вырос в деревне, в бедной семье, и все заботы его сводились к добыванию куска хлеба. До учения ли!

Но дело было даже не в этом. Ванюша знал, что Тимофей женат, успел обзавестись тремя детьми. И конечно, Луиза ничего не знает об этом. Каково будет ее разочарование!

— Ты что же это, братец, голову морочишь девушке? — В голосе Ванюши была неподдельная укоризна. — Честь свою русскую теряешь! Что о нас будут думать?

— А пошто я ей буду рассказывать, я, чай, не на исповеди, — беззаботно ответил Вяткин. — Да и нравится она мне — жениться готов. Она, брат, богатая, антонобиль свой, одна у родителей, и там всякие фабрики — вот оно что! Я женюсь на ей, а там бог простит. — И Тимофей незаметно перекрестился.

Ванюшу всего передернуло от этих слов.

— Ну и дрянь же ты, Тимофей. — Ванюша бросил ему письмо. — Пиши сам ответ, а я не буду. Надо же быть человеком. Ты отец своих детей, жена в тяжелом крестьянском труде ждет мужа домой, а ты... Женюсь... Бог простит... Сволочь ты! — Ванюша резко встал и вышел из клуба.

Вяткин растерянно стоял с письмом в руках.

— Ну что, съел? — ехидно засмеялись товарищи.

Тимофей, очнувшись, побежал за Ванюшей, чтобы доказать, что он любит Луизу всем своим существом, а в молодости его женили родители без всякого с его стороны желания. Он догнал Ванюшу уже в пивной и за кружкой пива все объяснил ему, долго упрашивал смилостивиться и написать хороший ответ. Он, мол, не постоит, чтоб как следует отблагодарить...

Но Ванюша упорствовал:

— Ты пойми, садовая голова, она разберется в тебе, а ведь ты ей не пара. Она образованный человек, а ты две зимы вокруг школы пробегал. Это тебе сейчас сошло все с рук, у тебя на лбу не написано, что ты почти неграмотен. Всю твою дурь она да и ее родители относили к тому, что ты

языка не знаешь и ляпаешь невпопад! А со временем ты научишься говорить по-французски и раскроешь себя целиком и полностью. Что тогда?

В другом углу пивной царило оживление: там Степаненко спокойно откусывал от граненого стакана кусочки стекла и выплевывал осколки на стол. «Чем только не займешься в этом проклятом иностранном легионе», — подумал Ванюша и, чтобы отвязаться от Вяткина, пообещал завтра написать ответ Луизе.

Но тут произошло событие, поколебавшее все планы Ликанина и Гринько. Совершенно неожиданно иностранный легион в его службе по охране Рейна сменили зуавы. Дело с переправой осложнилось, хотя старик немец по-прежнему заверял, что все будет в порядке. Пошли ускоренные сборы. Надо было взять с собой все необходимое и так упаковать, чтобы влезло в ранец.

Наконец наступило 3 января. Ванюша и Ликанин ждали с нетерпением наступления темноты, чтобы отправиться к каналу. Как будто все предвещало благополучное завершение их замысла.

Но после завтрака была объявлена боевая тревога. Полку приказали выстроиться на поле юго-западнее Франкенталя. И вот перед строем полка был зачитан приказ: всех русских легионеров, которые записались в легион до окончания войны, отправить на станцию Вейзенгейм для погрузки и перевозки в глубь Франции, откуда они будут отправлены в Россию или демобилизованы... Сразу же стала расти колонна, достигшая пятисот человек. Капитану Мачеку приказали вести ее до станции погрузки.

Остались в иностранном легионе только те русские добровольцы, которые подписали контракт на пять лет. Правда, таких были единицы, и они только теперь поняли весь ужас своего положения... Ведь при подписании контракта они не думали, что останутся живы, поэтому и не обращали внимания на сроки. Зато, если подпишешь договор на пять лет, то сразу получишь на руки 500 франков, а потом каждое 1 января полагалось еще по 100 франков, да и на книжку шло столько же... Этим все и решалось. Но теперь! Война окончена, все уходят из легиона, а тут приходится оставаться и тянуть постылую солдатскую лямку. Солдаты стояли как убитые, многие рыдали, утирая слезы, катившиеся по небритым щекам.

Гринько и Ликанин шагали в колонне, которую вел капитан Мачек. Их столько обманывали, что веры в отправку на родину уже не было. Оба были до того сумрачны, что, казалось, идут на кладбище с похоронной процессией. Михаил все упрекал Ванюшу за его неторопливость с организацией побега.

— Все не торопись, да не торопись... А вот теперь на-кась выкуси!

Гринько только глубоко вздыхал в ответ. Особенно раздражал Ванюшу Тимофей, который с веселым видом и самодовольной физиономией тащил большую посылку, только что полученную от Луизы. Этот и не думает о своей семье, о труженице-жене, да и вообще о родине. «Ну, ладно, бог не выдаст, сатана не съест», — успокоил себя Ванюша. А тут еще Виктор весело подтолкнул его в бок:

— Брось, Ванек, грустить, ведь не на войну едем!

— Давай, давай, не затягивай ногу, — отозвался шагавший сзади Ликанин и наступил Ванюше на пятку.

Вот и станция. Стоит уже готовый к отправке эшелон из серых теплушек. В каждой теплушке поставлены скамейки со спинками, рассчитанные на сорок человек, а посередине — железная печка. У стены пирамида для карабинов и полки для ранцев.

Быстро произвели расчет по вагонам, и погрузка началась. В задние вагоны погрузился русский легион — человек двести. Долго ждали отправки. Попрощались с Ахмед-Белой, который решил проводить русских друзей до станции. Крепко расцеловались с ним. Волнуясь, он прижался своей желтой, худой, со щетиной по нижнему краю щекой к молодой, свежей, почти девической щеке Ванюши... Они были хорошими боевыми товарищами. Наконец паровоз пискливо засвистел и эшелон тронулся на Кайзерслаутерн.

«Вот тебе и Россия!» — с какой-то безнадежностью подумал Ванюша и печально посмотрел на Виктора и Михаила. Напротив расположился Тимофей. Он распаковал свою посылку и угощал друзей яствами. Тут были и шоколад с орехами, и португальские сардины, и чудесная ветчина, и швейцарский сыр. Тимофей ничего не жалел, раскупорил даже пузатую бутылку бенедиктина и оплетенную, всю в золоте, бутылку мартеля.

— Выпьем, — предложил Ванюше Ликанин и съязвил: — За удачную переправу!

Друзья пили все без разбора — бенедиктин, коньяк, лакомились так редко попадавшими к ним изысканными закусками. Закончили пенящимся в кружках шампанским. И разумеется, опьянели.

— Чем не праздник, вот это настоящий новый год, новый тысяча девятьсот девятнадцатый! — весело произнес Виктор.

— Только что сулит он нам, этот новый год? — озадаченно произнес Ванюша.

— А ничего хорошего! — зло отрезал Ликанин.

А эшелон все дальше уходил в глубь Франции. В вагон пришел представитель русского легиона. Рассказал, что теперь всех русских объединяют в один батальон, так что раздоры в сторону, жить надо вместе.

Да, тяжелые бои, постылая солдатская доля сгладили былые противоречия. Теперь редко кто кого попрекает: ты курновец, ты куртинец.

Вот и сейчас пришел в вагон курновец из русского легиона, и никто не бросается на него с кулаками, все слушают с интересом его рассказ. А тот уселся поудобнее и начал:

— Было это сразу после майских боев под Суассоном. Мы стояли в резерве. Смотрим, утром выходят наши офицеры во французской форме хаки. Чудно на них смотреть. Выстраивают нас и зачитывают приказ: ввиду протеста со стороны Советского правительства и по международным правилам приказано русский легион обмундировать во французскую одежду. Ну, мы взбунтовались: мол, поступали в русский легион, а не во французский и французскую форму надевать не будем. Проканителиться с нами весь день, уговаривали, а мы ни в какую. Начали организовываться, вроде бы главарь у нас появился — унтер-офицер Ушаков, с Салоникского фронта. Мы, говорит, русские солдаты и никогда не наденем чужую форму. Ну его, конечно, арестовали и посадили. Выносят смертный приговор, но предупреждают, что жизнь его будет сохранена, если он откажется от своих большевистских убеждений. А он говорит: «У меня нет большевистских убеждений, я, — говорит, — просто за Ленина стою и воевать больше не буду». Как, мол, так, воевать не будешь? «Очень просто, не буду, и все». И призывает всех русских товарищей легионеров бросать оружие. Нас, говорит, обманули, а теперь мы разобрались и не будем воевать...

В вагоне стало тихо. Все слушали с большим вниманием. Раньше ходили разные слухи, но точно никто не знал, что произошло в русском легионе, а вот сейчас прояснилась истина.

— На другой день, — продолжал рассказчик, — нас всех выстроили на лужайке и зачитали приговор. Так, мол, и так, расстрелять унтер-офицера Ушакова. Мы не верим: нарочно нас стращают расстрелом, чтобы скорее утихомирились. Стоим себе спокойно на солнышке, а перед нами Ушаков, ветром на нем гимнастерочку колышет, потому как без пояса он. Ушаков нам говорит: «Вы, товарищи, не верьте им, они нас запугивают. А воевать все равно не заставят».

Тут как разошлось французское начальство, давай орать: замолчать — и никаких. А Ушаков все говорит и говорит — об обмане говорит, о буржуазии, о том, что Ленин зовет нас в Россию. Появился жандармский взвод и отделил нас от Ушакова... Подошел к нему поп и сует крест, целуй,

мол. А он их к черту посылает. Хотели жандармы ему глаза завязать, а он им — не надо, у меня, говорит, совесть чиста. Ну, тут жандармы взяли ружья наизготовку — и команда: огонь! Раздался залп, Ушаков упал. Но успел все же крикнуть: «Держись, братцы! Да здравствует Россия!» У всех нас как будто что-то оборвалось внутри, похолодело под сердцем. А на другой день переодели нас в чужую форму, и перестали мы быть русскими людьми...

— Предлагаю, друзья, снять шапки и почтить память товарища Ушакова вставанием, — сказал в наступившей тишине Ликанин и, сняв шапку, приподнялся. Все тоже поднялись и, постояв минуту с опущенными головами, сели на свои места.

— Мы слышали о расстреле Ушакова, но не знали всей правды, — вмешался в разговор Гринько. — Это действительно большой патриот земли русской, и память о нем нам надо хранить.

— Да, видать, это был настоящий русский человек, — заговорили солдаты. — Пусть для всех нас он будет примером.

Все согласились с этим предложением.

А поезд все стучал и стучал колесами. Уже миновали стороной Нанси, Бар ле Дюк и направлялись на Витри ле-Франсуа. Ванюша и Михаил смирились с неудачей и ожидали неведомого будущего. На них произвел большое впечатление рассказ русского legionера, и у них действительно притупилось чувство какой-то трудно объяснимой неприязни к русскому легиону. Теперь они воспримут без всякой обиды объединение legionеров в один батальон или отряд. Правда, legionеров из иностранного legionа несравненно больше, они должны принять в свою среду русских legionеров. А от этого, как ни говори, что-то беспокойно на душе...

Где они теперь остановятся и что их ждет, они не знают. Добиться каких-либо уточнений у капитана Мачека не удалось. Он говорит, что намечено расположиться где-то в районе не то фер Шампенуаза, не то у лагеря Майи. Во всяком случае, утром станет ясно, потому что на утро назначена разгрузка эшелона, а дальше роты двинутся походным порядком. Значит, идти недалеко, в противном случае были бы запрошены автомобили.

Наступило свежее январское утро. Солнце озарило чуть припорошенные снегом равнины Шампани. Когда, бывало, раньше прибывали в этот район, то на сердце у солдат была тревога: предстояло вступать в бой, а что солдата ждет в бою, одному богу известно, да и как знать, известно ли и ему. Теперь настроение было совсем другим. Впервые солдаты знали, что они не пойдут в бой, что не будет душевных тревог, невольного страха и внутренней борьбы. Теперь все спокойно встречали утро.

Небольшие березовые рощицы со слегка опущенными инеем кудряшками будто прихорашивались перед наступающим солнечным днем. Поодаль стояли рядами серебристые ели, окаймляя дорогу, ведущую к величественному замку. В стороне, на пригорке, стройными рядами раскинулись виноградники. Должно быть, красиво будет весной, первой весной без войны и разрушений! Как-то даже не верится, что война окончилась и наступил мир.

Под эти солдатские думы поезд подошел к станции, миновал ее и остановился, по обычаю, у высокой разгрузочной платформы, хотя в составе эшелона не было ни повозок, ни лошадей. Последовал сигнал горниста: «Внимание!», а затем команда:

— Выходи!

Вышли, построились. Под солдатские вещи был подан грузовик: : Он быстро заполнился ранцами, обшитыми черным брезентом с притороченными одеялами. Под пулеметы подали грузовики отдельно.

— Тимоша, ты посылку свою не забудь погрузить, а то не донесешь, — смеялись товарищи, намекая на то, что в дороге съели посылку в один присест.

Колонна тронулась без музыки — оркестра не было — и потянулась по узкому шоссе, в начале которого на указке было написано «Плёр сюр Марн».

По обе стороны дороги росли каштаны. Почки уже понабухали, предчувствуя весну. За каштанами простирались поля с высокой, чуть припорошенной снежком стерней, а чуть подалее извивалась речушка, поросшая кустами ивняка-краснотала, золотом отливавшего на солнце.

Колонна шла, четко отбивая шаг.

Глава шестая

1

Прошли Коннантр и вступили в Плёр. Здесь легионеров встретили высланные накануне квартирьеры и развели по отведенным для них домам. Пулеметная рота во главе с капитаном Мачеком осталась почти без изменений, немного лишь пополнилась за счет русского легиона.

Второй взвод разместился перед церковью, во дворе старика Пиньяра. Под жильем приспособили сарай и чердак над коровником. Соломы было много, ее аккуратно застелили палатками, и получились хорошие постели. Приставили к чердаку прочную лестницу. В общем, жить было можно! Правда, немного холодновато. Поэтому время больше проводили в коровнике. Там было лучше: четыре упитанные коровы и две телки давали много тепла.

В коровнике стояла большая повозка с оглоблями, другой угол был завален клевером. Тут же стояла свеклорезка, на которой работала сама хозяйка, мадам Маргарита; ей помогали вертеть маховое колесо ее десятилетняя дочка Катрин и сынишка Рене, года на два старше сестры.

Пулеметчики, конечно, пришли на помощь и сразу же заменили их на этой работе. Свеклорезка заработала быстрее. Больше всего хлопотал и распорядился Миша Ликанин. Засыпая в горловину свеклорезки брюкву и свеклу вперемешку с картофелем, он оттаскивал бадьи с уже нарезанными тонкими ломтиками корнеплодами. Мадам Маргарита стояла в стороне, довольная и любовалась сноровистой работой солдат. Катрин была рядом с ней и теребила руками мамин жесткий клеенчатый передник. Рене, как и подобает мальчику, вертелся волчком среди пулеметчиков, помогая то одному, то другому.

— Марго! — послышалось со двора. — Венезиси!

Это значило: иди сюда. Приехал с поля сам старик Пиньяр. Он разбрасывал на поле навоз и очень устал.

Старик грузно спустился с повозки и медленно стал распрягать своего Бизона, старого упитанного битюга с широкой спиной. Мадам Маргарита стала помогать мужу — распустила супонь, освободила гужи с оглоблей и вывела коня. Пиньяр повернул хомут островежским медным наконечником книзу и снял его с шеи Бизона, а Маргарита повела битюга, послушного и неторопливого, в конюшню, пристроенную к жилому каменному дому. Тут и

Рене подбежал и прижался к отцу. Пиньяр нагнулся и поцеловал сына: он его любил, своего единственного наследника, ведь для него старается приумножить свое хозяйство, день и ночь трудится до ломоты в поясице. После тяжелого трудового дня старик с удовольствием выпивал две-три кружки вина, закусывал тушеным кроликом, тут же валился на кровать и быстро засыпал, оглашая могучим храпом спальню. Некогда прохладиться, с рассветом надо вставать — и опять в поле. Ведь земля — главное его богатство.

Марго была у Пиньяра второй женой. Первая умерла давно от какой-то болезни. Остался от нее у Пиньяра сын, но погиб в первые дни войны где-то тут недалеко, на Марне. Пиньяр женился на Маргарите, когда ей было двадцать четыре года, а ему — за сорок. Теперь эти шестнадцать лет кажутся большой разницей, и Марго грустит в свои тридцать восемь лет больше, чем это пристало женщине в ее возрасте. Она тоже очень много работает, на ней держится все домашнее хозяйство: надо подоить коров, молоко пропустить через сепаратор, задать корм птице, покормить коня, посмотреть за свиньей, за кроликами... Да мало ли забот по дому: и постирать, и починить, и погладить себе, детям и старику Пиньяру, чтобы выйти в церковь, как полагается доброй семье, и обед приготовить, и еще сделать сотни дел... Она очень устает, но виду не показывает и всегда приятно и радостно улыбается. Вообще Маргарита очень приветливая женщина.

Пулеметчики изнывали от безделья. Занятий никаких не проводилось, да и к чему они, война ведь кончилась. Надо бы по домам разъезжаться, но как уедешь! Поговаривают, что демобилизация начнется после подписания мира. Перемирие — это еще не мир. А там, дома, в далекой России, идет тяжелая борьба. Народ отбивается от многочисленных врагов, чтобы удержать власть в своих трудовых руках, удержать фабрики и заводы, удержать землю-матушку, наконец-то попавшую тем, кто ее обрабатывает всю жизнь. А хозяйство российское разрушено донельзя: война идет шестой год. Туда бы, в Россию, поскорее, и драться, драться против гейденов, ярошинских, потоцких, бродских, против всяких там родзянко, милюковых, львовых и подобной им сволочи, которая пытается опять накинуть петлю на шею народу. Такие мысли будоражили солдат, расположенных в Плёре на Марне. Да и название этой деревни удивительно подходило такому настроению русских солдат: Плёр — это в переводе с французского «плач»...

Утром доложили капитану Мачеку, что наводчик пулемета первого взвода Степан Мягков выстрелом из пулемета покончил жизнь самоубийством. Хороший, скромный, тихий солдат и вдруг — на тебе, застрелился, да не как-нибудь, а из пулемета: установил пулемет, постелил

себе одеяло, уселся под дулом, прислонился виском к дулу и нажал палкой на спусковой крючок. Так и застали его лежащим на одеяле с вывороченными мозгами. И никакой записки. Что толкнуло его на этот поступок? Товарищи говорят, что последние дни Мягков был очень молчалив и задумчив, два дня чистил пулемет, все тщательно протер ветошью, накануне вечером только и сказал: «Разве вырвешься из этой проклятой Франции, уже Волга скоро тронется, а тут все сиди». Надел чистое белье, видимо, чтобы лучше представиться богу, и наутро прогремел выстрел...

Случай этот тяжело отозвался в душе каждого пулеметчика. Одни одобряли, другие осуждали поступок Мягкова, но все очень жалели, что не стало хорошего солдата-вогара: он привлекал к себе товарищей душевной чистотой, да и внешне всегда был такой аккуратный, свежий — щеки розовые, глаза приветливые, с небольшой грустинкой.

Похороны Степана Мягкова превратились в своего рода демонстрацию. Командование хотело хоронить Мягкова по-христиански, со священником и отпеванием. Пулеметчики настояли на своем и организовали похороны по гражданскому обычаю, накрыв гроб красным полотнищем и венком из ели. Над процессией плыли слова революционной песни: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» Все были такого мнения, что обстановка безысходности и безнадежности послужила причиной этого трагического случая, что дальше так продолжаться не может и что нужно действовать.

Была послана делегация в Париж, чтобы в русском посольстве требовать отправления на родину. Делегация вернулась ни с чем; принимал ее граф Игнатев, и ничего она добиться не смогла. Обещаний даже никаких не получила. Но зато пошли упорные слухи, что желающих будут отправлять в Россию, на юг, к Деникину для борьбы с большевиками. Эти слухи вызвали еще большее брожение умов, разгорались страсти. Начальство сочло, что будет спокойнее, если русские сдадут оружие. Вскоре последовал соответствующий приказ. Так как оружие действительно теперь было ни к чему, драться никто ни с кем не собирался, его спокойно сдали, и оно было отправлено на склады лагеря Майи.

Время тянулось томительно медленно. Занимались кто чем мог. Ванюша и Степаненко раздобыли шахматы и по целым дням сражались в них, причем долгое время играли с неправильной расстановкой фигур: кони и слоны стояли не на своих местах. И когда Тюхтин-Яворский подсказал противникам, как расставлять фигуры, им пришлось одолевать игру почти сначала.

Тюхтин-Яворский был сильным шахматистом. Он легко играл вслепую, то есть не глядя на доску. Офицеры часто приглашали его к себе в столовую,

превращенную в офицерское собрание, где он демонстрировал свое искусство. Его усаживали в отдельную комнату, даже завязывали платком глаза — и начиналась игра. Обычно против Тюхтина-Яворского играли все мало-мальски соображающие в шахматах, а он диктовал им ответы на каждый ход и легко их обыгрывал, объявляя мат за матом.

У пулеметчиков тоже началась шахматная лихорадка. Тут главными «мастерами» оказались Ванюша и Степаненко. Во всех случаях разногласий обращались за разъяснениями к Тюхтину-Яворскому, он был непререкаемым авторитетом. Да и как же ему не быть авторитетом, если в газете «Русское слово» было напечатано, что во время сеанса шахматной игры на двадцати досках в английском клубе в Москве экс-чемпион мира Ласкер выиграл восемнадцать партий, а две проиграл, причем обе гимназисту Тюхтину-Яворскому, шахматисту первой категории. Эту вырезку из газеты Тюхтин-Яворский берег и иногда, перебирая свои документы, показывал товарищам.

К этому времени в одном из барачков на западной окраине Плэра организовалось нечто вроде шахматного клуба, которым руководил Тюхтин-Яворский. Однажды он дал Ванюше и Степаненко трехходовую задачу из старого французского журнала и сказал при этом:

— Решать задачи тоже очень полезно.

Недели две бились друзья над задачей, а решить не могли.

— Наверное, опечатка или неточность какая-нибудь, — решил Ванюша. С ним сразу же согласился Степаненко.

Пошли за разъяснениями к Тюхтину-Яворскому в клуб.

— Расставьте фигуры, — сказал он.

Ванюша быстро расставил. Тюхтин-Яворский внимательно всмотрелся в расположение фигур, сосредоточенно подумал минуты три-четыре и ответил:

— Задача построена правильно и действительно решается в три хода.

Сконфуженные шахматисты молча вернулись в свой коровник и опять засели за доску. Дня через два опять пришли к Тюхтину-Яворскому с повинной: не можем, мол, решить, помогите. А сами сгорали от нетерпения узнать, как же решается эта задача.

— Вы очень разочаруетесь, если я вам покажу решение и будете злиться на самих себя за недогадливость, — ответил он с улыбкой. — Подумайте внимательно еще вечером, может быть, все же догадаетесь, в чем там дело.

Но опять у Ванюши и Степаненко ничего не вышло. Когда Тюхтин-Яворский показал им решение, они действительно ругали себя на чем свет стоит. Ведь все, оказывается, так просто!

Унылую жизнь русских солдат в Плёре нарушил пришедший наконец приказ о награждении Виктора Дмитриевского орденом Почетного Легиона. Но этого ожидали и не удивились приказу. Самое интересное было другое: Дмитриевский производился в подполковники медицинской службы. Вот это была новость!

Начальство своевременно побеспокоилось и приготовило Дмитриевскому офицерскую форму. Он назначался старшим батальонным врачом. Второй взвод пулеметной роты ликовал: все же теперь будет в батальонной санитарной части своя рука.

Около десятка унтер-офицеров и солдат, в том числе и Гринько, получили военные медали. Но это событие мало кого взволновало. Люди во взводе были уже не те, что обсуждали когда-то после боя, кого и чем наградить. Да и у Ванюши пропал всякий интерес к награде...

Все вечера он проводил наедине с Ликаниным. Они уходили далеко по дороге на Мариньи, за мельницу, и все говорили, говорили о России. Чаще всего речь шла о тяжелых боях Рабоче-Крестьянской Красной Армии с интервентами и белогвардейцами на севере, под Петроградом, на западе, на юге, на востоке.

— Молодая наша армия бьется с врагом, а мы здесь сидим и в ус не дуем.

Никак не могли друзья найти выход из создавшегося положения и все ломали головы: как же вырваться в Россию? Так они доходили до самой горки, откуда были видны огни маленького и большого Мариньи, там поворачивали назад и возвращались обратно, заверяя друг друга в большой мужской дружбе...

Да и во взводе, когда все улягутся на соломе, долго не кончались тихие солдатские беседы. Кто-то мечтает, как он приедет домой, встретит семью — жену, детей или невесту, как потом будет работать на поле в своем хозяйстве.

— Наверное, и земли прибавится? У помещиков-то землю, чай, отобрали.

Кто-то думает о мастерской, о заводе, где трудился до войны.

— А я ведь еще не разучился работать на токарном станке.

— А я слесарить умею, чего хочешь сделаю.

Думал и Ванюша над своей судьбой.

— А у меня нет ни кола ни двора, — сказал он как-то друзьям. — И ремесла никакого в руках... Правда, на земле работать люблю и умею. Но что же, опять батрачить?

— Так для этого надо опять помещиков заводить, чтобы было у кого батрачить! — съязвил кто-то.

— Нет уж, дудки-с! — продолжал Ванюша. — Поеду-ка я в Сибирь, там земель много свободных, бери сколько надо и обрабатывай, собирай хлеб.

— Верно, — оживился Степан Кондратов, — поезжай, паря, к нам в Забайкалье. Земли там видимо-невидимо, а тайге и края нет.

— А что! — совсем уже как о решенном сказал Ванюша. — Вот и поеду туда. Только ребят надо хороших подобрать, чтобы артелью работать. Один не справишься ни с тайгой, ни с землей. Коммуну организуем и заживем за милую душу.

— Правильно, правильно говоришь, паря, — подтвердил еще раз Кондратов.

Его поддержали: действительно, неплохо бы всем сообща, чуть ли не всем взводом, двинуться в Сибирь. Говорят, земля там богатая, а золото под ногами лежит, только копни.

— Золото действительно у нас есть, — ухмыльнулся на это Кондратов, — но копать надо глубоконько. Тут, паря, спину придется погнуть да не одну пару ичигов стоптать, пока сыщешь золото-то. Недаром зовут этих людей старатели. Стараться да стараться надоть на золоте, без тяжкого труда его не возьмешь. Оно в руки сразу не дается.

После таких разговоров за Ванюшей сохранилась кличка «Наш коммунист».

Подполковник Дмитриевский обосновался в санитарной части батальона и решил после первой же офицерской полочки обмыть орден Почетного Легиона, уже красовавшийся у него на груди на красной ленточке. И конечно, «смочить», как следует подполковничьи погоны. Весь второй взвод был приглашен на этот пир. В саду был накрыт длинный стол, уставленный вином и поджаренными консервами, в больших мисках был приготовлен вкусный салат. Все поздравляли батальонного доктора и много пили. Консервы и салат были съедены подчистую. Быстро появились помидоры, редис, огурцы; миски вновь заполнились салатом, хорошо просоленным и проперченным. Не хватает только уксуса, определили дегустаторы.

— Возьми-ка в тумбочке бутылку с уксусом и полей салат, — приказал Дмитриевский санитару.

Санитар быстро разлил содержимое бутылки в миски с салатом, и все набросились на еду, расхваливая кушанье. Вскоре и этот салат был съеден. Потом запели песни. Пир затянулся до позднего вечера.

Наутро некоторые из участников пира опять появились в батальонной санчасти, чтобы похмелиться.

— Ну-ка, достань в тумбочке бутылку с касторкой, — распорядился между тем подполковник Дмитриевский, обращаясь к санитару.

Санитар достал бутылку из тумбочки и подал ее Дмитриевскому. Тот посмотрел, понюхал и говорит:

— Что же ты мне уксус дал, дай другую бутылку.

Но другой бутылки не оказалось: она пошла вчера в салат вместо уксуса.

Виктор Дмитриевский зло сплюнул и выругался:

— Ты теперь хоть помалкивай!

Санитар сморщился — он тоже ел вчера салат, — схватился за живот и тут же «съездил в Ригу».

Весть эта все же быстро разнеслась среди солдат. Некоторых рвало, большинство отделались плевками и ругательствами в адрес санитаря, а многие, не особенно брезгливые, хохотали до упаду, потешаясь над забавным казусом.

Опять потянулись нудные дни в Плёре. Уже всем приелось безделье. И тут появилась новая страсть — футбол и... самодеятельный театр.

Сначала гоняли мяч на лугу. Наконец мэрия запротестовала: нечего вытаптывать траву. Тогда выбрали на окраине деревни ровное поле, «отдыхавшее» это лето и набиравшееся сил к следующему посеву пшеницы. Поле принадлежало старику Пиньяру. Старик вспомнил свою молодость (когда-то тоже увлекался футболом) и разрешил играть на его земле. Там поставили ворота, разметили штрафную площадку, центр и границы поля — все как полагается. На сетку денег не собрали, но с успехом обводились и без нее.

Начались тренировки. Через неделю-полторы обозначился состав команды. Голкипером стал поручик Семенов, явившийся откуда-то из плена. Он ловко брал мяч, быстро реагировал на удар и редко пропускал голы. В защите играли: Сазонов — правого бека и Протопопов — левого. Когда-то, еще до войны, оба они пробовали свои силы в этой роли. Места полузащитников заняли Ванюша, успевший прославиться сильным ударом, напористостью и способностью быстро вырываться вперед на помощь форвардам, Колька Вознесенский, старый питерский футболист (в свое время ему на футбольном поле даже сломали левую ногу, но она удачно срослась и не напоминала о себе, разве в ненастье немного ныла), и Семин, который играл неплохо, точно пасовал, но был немного вяловат. Неплохая сложилась в команде и пятерка форвардов. Правым краем играл Анисов, с виду неловкий и несобранный. Но он умел, как-то неуклюже вихляясь, не терять мяча и далеко доставать своими неловкими ногами. Мяч он всегда «загробал» туда, куда надо. Правый инсайд подпоручик Смирнов был, в общем-то, физически слабый игрок, но очень ловкий и быстрый. Если ему мяч попадет на чужой половине поля, он обязательно доведет его до штрафной площадки и пробьет по воротам. Центром нападения был хорошо сбитый, сильный крепыш Круглов. Мяч он держал у ног, как на веревочке, и, кроме всего прочего, хорошо распределял мячи между инсайдами для

ударов по голу. Он всегда держался немного сзади, а при необходимости, как стрела, вырывался вперед и наносил точный, а главное, очень сильный удар — голкипер почти всегда опаздывал его взять. Левый инсайд Исаев — игрок средней руки, но он всегда хорошо подавал мячи левому краю и старался пробить так, чтобы получить право на угловой удар. Тогда вступал в дело левый край Лебедев. Его прозвали Маруськой за его тонкий стан и девичью наружность. Маруська, как только надо было пробить корнер, лениво устанавливал мяч в углу поля, разбежался и сильно бил. Хитро закрученный мяч летел вроде бы мимо ворот, и голкипер даже не пытался его брать, а он у самой верхней перекладины поворачивался и попадал в ворота. Поэтому Исаев больше играл на Лебедева и на угловой, но если и ему подвернется мяч, то он не промажет. Запасными были Костяев, Сазыкин и Вахрушев, а капитаном команды — Вознесенский.

Вот и вся команда русских футболистов из французской деревни Плёр. Она казалась слабой, да и на самом деле была слабой, но много раз играла с местными французскими командами и всегда уходила с поля победительницей или, в худшем случае, с ничьей. Ни разу французам не удалось одержать над ней победу.

Весть о русских футболистах из Плёра разнеслась окрест. Попробовала сыграть с ними молодежная команда из Фер-Шампенуаза. Матч для русских футболистов сложился очень счастливо, и они его выиграли с крупным счетом, не получив ни одного ответного мяча. Молодые французы уехали удрученными, но пригласили к себе на реванш.

Затем русских футболистов вызвал на матч город Сезанн. Там была сильная и зрелая команда. Упорная игра на городском каменистом поле долго была безрезультатной. Но вдруг случилось нечто непредвиденное: судья-француз назначил в ворота русских футболистов одиннадцатиметровый штрафной удар за минуту до окончания матча. Французы ликовали — верная победа. Нападающий французской команды ударил сильно, однако, прямо в грудь Семенову. Тот, как кошка, схватил мяч руками и выбросил его далеко вперед. Мяч подхватил защитник Протопопов, прошел до штрафной площадки противника и сильным ударом послал мяч прямо в сетку. Бывает же такое счастье!

Вскоре наши футболисты в Фер-Шампенуазе разгромили молодежную команду города с большим счетом — 11:0. Реванш молодым французам не удался. Некоторые из них даже заплакали от обиды.

Прослышали о русских футболистах французские летчики из Шалон-сюр-Марн и пригласили к себе на матч. У летчиков была хорошая команда, но они для верности взяли пару игроков из первоклассной парижской команды и чувствовали себя весьма уверенно.

Игра долго шла на половине поля русских. Они еле успевали отбиваться от следовавших одна за другой атак летчиков. Ванюша опекал все время левого инсайда из Парижа — это была его главная задача. Много раз Ванюше приходилось вступать в единоборство с парижанином, но играть он ему не давал...

А французы все наседают. На их половине пусто, только скучает у ворот голкипер, да один защитник прохаживается далеко в поле.

Во второй половине игры французский защитник ошибается, мячом овладевает Смирнов и несется к одинокому голкиперу. Удар в угол ворот — и мяч в сетке. Со счетом 1 : 0 в пользу русских и закончился матч.

Зрители восторженным ревом встретили эту победу. Летчики были ошеломлены неудачей и, удрученные, с опущенными головами, покинули поле.

Спустя некоторое время летчики приехали в Плёр с явным намерением взять реванш за проигрыш. И опять весь молодой Плёр повалил на футбольное поле. Теперь здесь стояли не голые ворота, сезаннцы подарили русским сетки, и это сразу сделало хозяев поля как бы солиднее. Да и споров не будет — выше или ниже перекладины пролетел мяч...

Словно специально для игры день выдался теплый, солнечный. Над стадионом воцарилась напряженная тишина, когда по сигналу французского судьи начался этот матч-реванш. В напряженной борьбе русские забили два мяча в ворота летчиков.

Зрители осыпают русских футболистов цветами, качают Ванюшу и «Марусю» — они именинники, им принадлежат забитые голы. Шумной, веселой толпой зрители и футболисты возвращаются в Плёр, А французские летчики остаются на обед у русских, за которым забывают свою обиду и, как хорошие друзья, приветствуют их. Особенно много приветствий досталось на долю Ванюши и Лебедева, их больше всех угощали вином и шампанским. Обед затянулся, и французские футболисты уехали уже вечером — навеселе, если не больше.

Пока шли эти футбольные баталии, в Плёре постепенно затеплился и начал разгораться своеобразный очаг духовной культуры. Все началось с хорового кружка, организованного бывшим регентом церковного хора унтер-офицером Покровским. Для спевок нужно было помещение. И оно нашлось. На окраине Плёра отыскивали полуразрушенный американский барак. Начались энергичные работы по его восстановлению. Вскоре

обозначилась небольшая сцена и что-то вроде зрительного зала. Сшили палатки — получился занавес.

Многие солдаты охотно посещали кружок, разучивали русские, украинские народные песни и даже кое-какие отрывки из опер и оперетт. Ванюша с Ликаниным тоже зачастили на репетиции. У Михаила оказался хороший баритон, а Ванюша гудел, как жук, и числился в басах — другого голоса для мужчины он не признавал. Пели обязательный для всякого хора «Вечерний звон», который получался очень хорошо, «Распрягайте, хлопцы, коней», «Закувала та сыва зозуля», «Вырыта заступом яма глубокая», «Реве та стогне Днипр широкий...».

Впрочем, лиха беда — начало. Репертуар хора все время расширялся. Появились и солисты. Поручик Шелковый хорошо играл на рояле и неплохо пел романсы. Сам Покровский обладал недюжинным басом и исполнял арию Варяжского гостя из оперы «Садко», «Есть на Волге утес» и другие чудесные русские песни. У Покровского была очень приятная, мягкая и густая октава, приводившая в восторг Ванюшу, да и не только его...

И вот тут-то чуть ли не стихийно образовался театр. Да, да, самый настоящий театр с довольно сложным репертуаром!

Начались репетиции пьесы Леонида Андреева «Дни нашей жизни». Нашелся хороший художник — Борис Сахаров, окончивший Московское Строгановское художественное училище, а у него появились почитатели и ученики, и к постановке была подготовлена великолепная сцена — вид на Москву с Воробьевых гор. Затем стали готовить пьесу И. Тургенева «Где тонко, там и рвется», сценку А. Чехова «Медведь», пародию на оперетку «Иванов Павел» и ряд живых картин. У каждой из этих постановок своя, небезынтересная история...

Одна проблема стояла перед доморощенными артистами: где взять женщин на роли представительниц прекрасного пола? Пошли поиски, всякие мыслимые и немыслимые предложения. Некоторые, скажем, предлагали привлечь француженок, научив их механически произносить фразы на русском языке. В конце концов сошлись на том, что надо подобрать подходящих для женских ролей мужчин. Знатоки утверждали даже, что, к примеру, в Китае женские роли всегда исполняют мужчины.

И вот подобрали четверых: Мишу Костина, Карла Беймана — латыша, очень миниатюрного солдатика, Васю Кирсанова и Валентина Мотина. Прорепетировали — и дело пошло.

Участников вообще потребовалось много, поэтому и Ликанин, и Ванюша Гринько также были зачислены в театральную труппу. А возглавил все это дело Виктор Дмитриевский, оказавшийся способным режиссером. Подготовка к спектаклям шла полным ходом.

Наконец решили «показать товар лицом», а то кое-кто из солдат начал уже роптать: мол, репетируют, репетируют, а толку нет. Для начала решили показать что-нибудь попроще и ограничились живыми картинами.

Наступил день показа творческих достижений театра. Зал был полон. Пришли и французы, в основном француженки. Живые картины открылись показом сценки «Электрик с лампой», высмеивающей местного кюре, который вечно выслеживал русских солдат и подслушивал их разговоры. Зрители, в том числе француженки, от души смеялись. Совсем развеселил их солдат, весь обвешанный французскими баклажками, с транспарантом в руках «В Коннантр!» — там солдаты покупали дешевое вино. Потом Покровский, в одежде странника с котомкой на фоне декорации московского Кремля, пропел своим приятным голосом «Вечерний звон» под аккомпанемент хора за кулисами. И в завершение программы солдатский хор исполнил ряд песен.

Вечер удался на славу!

Окрыленные успехом, артисты с новой силой принялись за репетиции. Готовилась комедия И. Тургенева в одном действии «Где тонко, там и рвется». Кстати, в пьесе четыре женские роли — как раз по числу подобранных артистов. Мотин получил роль Анны Васильевны Либановой, роль Верочки досталась Мише Костину, мадемуазель Биенэме — маленькому Карлуше Бейману и, наконец, Варвары Ивановны — Васе Кирсанову. Сколько было хлопот с реквизитом! Были поставлены на ноги все знакомые девушки-француженки, у которых артисты подбирали себе костюмы.

С мужскими ролями было, разумеется, куда легче. Быстро подобрали исполнителей ролей Станицына и Мухина, сложнее оказалось с Горским — тут требовался человек хотя бы с маленьким талантом. Наконец образ Евгения Андреевича Горского взялся воссоздать поручик Шелковый. Роль старого капитана отдали Покровскому, а роль дворецкого досталась Мише Ликанину.

Начались репетиции. Ванюша, как «грамотей», выписал всем роли, раздал их и засел в суфлерскую, будку. Много хлопот выпало на долю поручика Шелкового. Ему надо было научить Костина исполнять сонату Клементи, а Костин неважно играл на рояле. И вот они целыми днями не отходили от инструмента. Но это, пожалуй, полезно было для Веры Николаевны и Евгения Андреевича, которых играли Костин и поручик Шелковый, они свыклись друг с другом. Знаменитый уже по художественному оформлению живых картин Борис Сахаров взялся за декорации.

Виктор Дмитриевский, Как главный руководитель и режиссер кружка, буквально не выходил из театра, то бишь старого барака на окраине Плёра. Помощник режиссера и администратор Покровский также был перегружен: то спевки, то репетиции, то надо добыть толь, доски, паклю, жесть, краски для Сахарова. Художник он был довольно одаренный, но практической стрункой совсем не обладал. Удалось достать Дмитриевскому пианино в одной богатой семье. Диваны, столы, стулья и прочую обстановку Покровскому также охотно одолжили жители Плёра: они сгорали от нетерпения быстрее увидеть пьесу, а тем, кто предоставил реквизит, места гарантировались.

Спектакль прошел с большим успехом. Зрители были в восторге.

Капитан Мачек поблагодарил участников спектакля и особенное удовлетворение высказал по поводу игры Миши Костина: Вера Николаевна в его исполнении — прелесть.

— Хорошо, хорошо, приятель, вы сыграли Верочку, просто чудесно! А ты, Борис, немножко связан был, — обратился он уже к поручику Шелковому. — Ну, а наши пожилые дамы были чудесны, особенно важная Анна Васильевна. Ты, приятель Мотин, замечательно справился с ролью.

Не скрывал своего удовлетворения и Виктор Дмитриевский. В результате он пригласил всех «артистов» и капитана Мачека на ужин в санчасть батальона. Все с благодарностью приняли это приглашение.

— Но пожалуйста, без салата, — заметил Ванюша.

Все засмеялись, вспомнив историю с уксусом.

— Нет, нет, будьте покойны, — заверил всех Дмитриевский, — теперь у меня нет подобных больных.

...Вскоре новый спектакль в «русском театре», как теперь все называли американский барак. Ставили пародию на оперетку «Иванов Павел», где был занят почти весь хор. Герой пьесы оболтус гимназист Иванов Павел доставил зрителям немало веселых минут. И не удивительно: его удачно сыграл теперь уже ставший театральной плёрской знаменитостью поручик Борис Шелковый.

Во втором отделении несколько сольных номеров исполнил Покровский, затем хорист Большаков, обладавший приятным тенором, спел арию Ленского «Куда, куда вы удалились...». Вечер закончился выступлением хора, исполнившего «Реве та стогне Днипр широкий» и «Вниз по матушке по Волге».

Дальше больше разгорались театральные страсти. Начались репетиции чеховского «Медведя». Роль Смирнова Дмитриевский решил сыграть сам, чтобы показать всему кружку, что к любой роли, даже к роли статиста, нужно очень серьезно готовиться. Поручик Шелковый, правда, в отличие от

всех смотрел на это скептически: поучения Дмитриевского относятся, мол, к новичкам, а он артист уже сложившийся.

Роль Елены Ивановны Поповой готовил Миша Костин. Сначала у него получалось плохо, но с каждой репетицией он все больше осваивался с характером молодой женщины, у которой за внешней грустью скрывается жадность к жизни, к удовольствиям. Луку играл Петр Ермаченко, и он у него сразу получился, хотя Дмитриевский обращал внимание на то, что эта роль очень важная, чуть ли не центральная.

Сам Виктор прилагал все силы, чтобы Григорий Степанович у него получился таким, каким его задумал Чехов. Самое главное — держаться как можно естественнее, а это не так просто. Шутка ли сказать: «Двенадцать женщин я бросил, девять бросили меня...»

Попутно подбирали актеров для «Дней нашей жизни» Леонида Андреева. Что и говорить, пьеса Андреева психологически сложная, трагическая... Но кружковцев это не обескуражило.

Все же первым пошел «Медведь». Спектакль прошел превосходно, и зал разразился громом аплодисментов еще до того, как Елена Ивановна передала распоряжение Луке, чтобы Тоби вовсе не давали сегодня овса. Этой последней фразы никто не слышал, видимо, она и не нужна для финала этой чудесной пьесы-шутки...

4

Театр внес в унылую солдатскую жизнь свежую струю. Он хоть на какие-то часы отвлекал людей от тяжелых дум. Но томительная неудовлетворенность своим положением по-прежнему мучила солдат. Что будет дальше? До каких пор томиться в этом несчастном Плёре? Когда уедут в Россию? Там идет жестокая борьба народа против интервентов и белогвардейщины, которые напрягают все силы, чтобы задушить Советскую республику. Скорее, скорее туда!

Сколько на этот счет было разговоров у Ванюши с Ликаниным! Как-то Михаил принес новость:

— Знаешь, Рабоче-Крестьянская Красная Армия все же бьет белогвардейцев. Появилась красная конница Буденного, она в хвост и в гриву лупит белых казаков и всякую добровольческую дрянь. А форма, какая красивая форма у Красной Армии: шапка с красным доньшком, а сама серая, какие прежде носили солдаты, кушак красный, петлицы тоже красные и красная пятиконечная звездочка вместо кокарды, — очень красиво.

Миша даже раскраснелся, рассказывая об этом.

— Дорогой дружище! — горячо обнимал его Ванюша. — Нам бы скорее туда добраться! Я готов драться за Советскую власть без всякой формы. Ружье бы в руки, и все, а если б пулемет — и желать больше нечего!

Вернувшись с очередной прогулки, Ликанин и Ванюша улеглись на сено. В сарае никто не спал, шла тихая солдатская беседа. Кто-то в темноте рассказывал:

— Говорят, та группа, что поехала к Деникину, в первом же бою пыталась перейти на сторону красных. Ну, по ним открыли огонь белогвардейцы, а красные тоже не могли разобраться, тоже стреляют. Так всех и перебили...

— Ну, положим, не всех перебили. Почти половина перешла на сторону красных и тут же стала драться с белогвардейцами... Вот, рассказывают, французы набирают русских, где только могут, дают большие денежные премии и направляют к Миллеру в Мурманск и Архангельск. А те, кто туда едет, тоже сразу разбегаются и — айда к красным.

— Все равно красные победят, сколько бы ни направлялось солдат к Деникину, Колчаку, Юденичу и Миллеру. Всех интервентов выгонят ко всем чертям!

— Дай-то бог! А мы тут на сене отлеживаемся, в футбол играем и театрами занимаемся. Тоже мне, вояки!

— Нет, это не путь — идти к белым, а там перебегать, — размышлял Ванюша. — Надо действовать прямее. Раз твоя душа на красной стороне, надо туда подаваться и телу. Без всяких экивоков надо прямо говорить, что еду, мол, к красным, и все. А нечего вилять хвостом. Вот нас и не отпускают французские генералы и чинят всякие проволочки: это, мол, только перемирие, а не мир еще. Значит, не конец войне.

А в темноте кто-то снова вел неторопливую речь:

— Вон Тимофей Вяткин сумел демобилизоваться.

— Сумел! Еще бы, за него хлопотал новый тесть, а он богач. Вызвали в посольство, пожалуйста вам, демобилизация, и можете ехать куда хотите. Вот и женился Вяткин на своей молодой невесте.

— Теперь он и в ус не дует, живет на широкую ногу. Говорят, в Париже видели: в цилиндре и во фраке разъезжает в автомобиле с молодой-то!

— Ну и пусть, — не выдержал Ванюша, — пусть живет на широкую ногу, а все же он подлец и предатель. Предатель, во-первых, перед своей женой, перед своими детьми и, главное, перед своим простым народом, перед вятичами, из которых вышел, предатель перед нами, товарищами. Нет, теперь он нам не товарищ, теперь он буржуй, продажная душа, изменник!

— Верно, мать его за ногу!

— Ефим Перепелица рассказывал: встретил его в Париже, а у него рожа довольная, холеная. И смеется: вот, мол, как езжу, смотри! Какой у меня роскошный автомобиль. Тьфу, противно.

Изредка солдат отпускали в увольнение. Однажды небольшая группа — Степаненко, Тюхтин-Яворский, Перепелица и некоторые другие — поехала на десять дней в Ниццу.

Отпускники направились в Ниццу еще по-военному и расположились там в «Фуайе дю Сольда» ³⁵, которые были организованы в бывших гостиницах, ранее принадлежавших немецким собственникам и секвестированных французскими властями. В городе был русский пансион «Родной угол», который содержала Мария Соболева, — уголок, где собирались русские, эмигрировавшие из России еще до Великой Октябрьской социалистической революции. Это были в основном демократы и революционеры. Там бывал и Герцен. А после Октябрьской революции «Родной угол» отверг большевиков и стал местом, где можно было встретить людей любого политического течения, включая и белогвардейцев.

Мария Соболева, уже пожилая женщина, всегда охотно и радостно принимала русских солдат, и они действительно чувствовали себя в ее доме как в родном углу. Поэтому отпускники, когда бывали в Ницце, непременно заходили к Соболевой. В ее пансионе, между прочим, познакомился с довольно некрасивой и выдавшей вида дочерью генерала Дитерихса солдат Алексей Ряжин, смазливый парень, служивший до войны в приказчиках у одного московского купца. В кровь и плоть ему вьелось лакейское поведение, и товарищи так и прозвали его «Чего изволите-с». Роман с генеральской дочерью завязался у Ряжина, по-видимому, только из-за того, что она сорила без стеснения деньгами. Роман этот довольно печально окончился для Ряжина. Генеральская дочка все-таки женила его на себе, несмотря на то что ее совершенно неожиданный приезд в Плёр застал Ряжина больным неприличной болезнью. Трудно сказать, как сложилась дальше жизнь Алексея...

В «Родном углу» часто завязывались знакомства солдат с перезревшими девицами, которые хотели покорить кавалеров своим благородным происхождением. Они хвалились своими фамильными гербами, еще веря по наивности в их силу. А для солдат «знатность» давно уже потеряла всякое значение, и когда они получали от своих подружек письма с оттиснутыми на бумаге и сургучных печатях фамильными гербами, то лишь иронически улыбались: насколько были оторваны обладательницы этих гербов от происходивших событий, когда не только гербовые печатки валялись в мусорных ящиках, но и короны — на мостовой.

Посетили «Родной угол» и отпускники из Плёра. А когда вернулись — пошло веселье. Как раз отмечали футбольную победу над французскими летчиками. Как следует хватив белого вина, принялись за привезенный Ефимом Перепелицей из Парижа бенедиктин. Начали в шутку поздравлять Ефима со сладко проведенным временем в обществе его дальней родственницы Шурочки, попавшей во Францию с дядей, эмигрировавшим после 1905 года. Ефим краснел, а потом сознался, что Шурочка оказалась неприступной.

— Тоже мне солдат, с бабой не справился, — зашумели кругом.

— Просто Ефим — шляпа, вот и все, — пошутил Ванюша.

А Ефим не понял шутки. Слово за слово — завязался спор. В итоге появился договор: Ефим едет в Париж, знакомит Ванюшу с дядей и с Шурочкой, а сам уезжает. Ванюша должен вернуться от Шурочки с победой.

Наутро у Ванюши было преотвратительное настроение. Он с неохотой шел на репетицию пьесы «Дни нашей жизни».

— Ты чего, как в воду опущенный, паря? — спросил его Степан Кондратов, как отличный плотник состоявший в труппе главным декоратором.

— Да, так противно на душе и башка трещит. А тут еще этот спор с Ефимом. В какую я грязную историю вляпался из-за дурацкого самолюбия! Видишь ли, — Ванюша скривился и передразнил самого себя: — Должен вернуться с победой? А я ведь сам не терплю таких трепачей, которые хвастают своими мнимыми победами. Все это чепуха и вздор!

— Да, паря, это ты правильно говоришь, бабу надо уважать. Но ты тоже хорош гусь — зачем меня втравил в историю с Мадлен? Я тогда по дурости променял свою старуху на эту машер и всякое прочее... Да што, ведь думал, погибну на войне, хоть день да мой... Вот и расфуфырился, как косач на току. А теперь, как вспомню, так и на душе будто кот нагадил, язви его в ним. Стыдно будет смотреть в глаза дочерям, да и от старухи придется рожу воротить. Пойду в старатели, пока душа не очистится. А тебе, паря, надо опасаться этого соблазну. Гляди, Шурку-то не бери на обман, лучше соври хлопцам, что, мол, было дело.

— Да я и врать-то не хочу, просто придется дать отбой: то, мол, было спьяну, а теперь не хочу и ехать в Париж, — отозвался, глядя в землю, Ванюша.

— Нет, браток, не смей идти на покаянную, а держись твердо и праведно. Ты солдат и должен быть твердющим, а то грош тебе цена в базарный день, господи прости. — И Степан перекрестился, услышав звон церковного колокола. — Завтра воскресенье, вот и поп сзывает к службе церковной.

Они подходили уже к театральному бараку и оба молчали. Ванюша думал: «А ведь какой хороший человек Степан». И многозначительно посмотрел на него, как будто впервые его увидел.

— Ты чего на меня уставился, как дохлый окунь, выпучив глазища? Что я тебе, баба, что ли?

— Да нет, так, Степан... Впервые заметил, что ты толковый человек.

— Ну, хорошо, что хоть заметил...

Глава седьмая

1

Вот и Париж...

Ефим с Ванюшей быстро нашли Фобург Сен-Оноре и вошли в портновскую мастерскую, которую содержал дядя Ефима Иосиф Пащенко. Старик крепко обнял племянника, видно было, что он обрадовался его приезду. Ефим познакомил своего дядю с Ванюшей. Старик позвал Шурочку. И вот появилась та, из-за которой произошел спор, — сероглазая украиночка с большой косой, уложенной на голове короной... Увидев Ефима, она бросилась в его объятия:

— О, как я рада, что ты приехал!

Явно смущенный, Ефим робко пробормотал:

— Вот познакомься, мой друг Иван Гринько...

— Здравствуйте, — медленно протянула она Ванюше свою руку.

Был вечер, и скоро мастерская закрылась. Пошли ужинать. Шура очень внимательно рассматривала Ванюшу и как будто нашла его приятным, а его грусть ей понравилась: она считала это признаком серьезности. За ужином выяснилось, что Ефим завтра же должен отправиться в Ля-Валь, он едет в служебную командировку, а вот Ваня останется на несколько дней в Париже. И Ефим прямо, без обиняков спросил дядю Иосифа, может ли Ванюша на эти дни остановиться у них.

— Конечно. — Дядя вопросительно посмотрел на Шурочку, она утвердительно кивнула. — Безусловно, Ваня может остановиться у нас. Шурочка познакомит его с Парижем.

Так легко, как было условлено, решился вопрос, и Ефим наутро вернулся в Плёр.

Весь день Шура была с Ванюшей. Ходили в Лувр, осмотрели собор Парижской богородицы, посмотрели Шанз'Елизе и Триумфальную арку. Поездили досыта в метрополитене. Наконец вернулись домой.

За ужином завязался разговор об Украине, этот разговор совсем сблизил Ванюшу с дядей Иосифом. Ванюша понравился старику, и было заметно, что это радовало Шуру.

Шура уступила Ванюше свою девичью комнату на третьем этаже. Лестница, по которой они поднимались, была крута и узковата. Ванюша следовал за Шурой. Грациозно шла перед ним хорошенькая девушка, ее стан

слегка колыхался, но красивые ноги, обтянутые фильдеперсовыми чулками, твердо ступали на высокие ступеньки.

На душе у Ванюши было тревожно. Его угнетало нелепое обязательство, взятое перед товарищами. Нужно было доказать, на что он способен. С другой стороны, Шурочка прелестная девушка: полюбить такую и получить взаимность было бы действительно честью. Все эти мысли вертелись в голове Ванюши, и он не знал, на что решиться: прыгать с кручи в обрыв, рискуя разбиться, или отступить? «Пожалуй, прыгать», — решил он.

— Вот мы и пришли, — сказала Шурочка, открывая дверь своей комнаты. — Пожалуйста, занимайте мою кровать. — Она на минуту задумалась: — Правда, здесь еще никогда не спал мужчина, вы будете первый... Вот умывальник, вот шторы. — И Шурочка показала, как закрыть окно. — Садитесь. Моя пудра вам не нужна будет, и я ее заберу. Ну, спокойной вам ночи...

Он взял ее горячую руку и крепко пожал маленькие пальчики. Подумал: «Поцеловать или нет?» И... не решился.

— Доброй вам ночи и большое спасибо за такой уютный уголок, который вы мне уступаете.

— Бон нюи! — сказала она и ушла.

В воскресенье Шура с Ванюшей поехали на дачу ее брата Жана. Сюзанна, жена брата, их радостно встретила. Она любила, когда приезжала Шурочка и возилась с ее мальчуганами. Их у нее было уже четверо, хотя старшему шел всего шестой год, с Шурочкой, по крайней мере на время, они развязывали ей руки, она могла заняться домашними делами, которых было всегда хоть отбавляй.

На этот раз с выводком ребят вместе с Шурочкой занялся и Ванюша. Он тоже любил детей и все время носил на руках годовалого Феликса. Это очень понравилось Шурочке, которая возилась с двухлетним Гастоном. Она обожала мальчишек, и они отвечали ей тем же.

Всей гурьбой пошли в ближайший лесок. Шура все время незаметно следила за Ванюшей, он ей определенно нравился, а любовь к ребятишкам еще более сблизила их. Ванюша так был занят Феликсом и его двумя старшими братьями, что забылся и не замечал отставшую от них Шуру. Это задевало ее за живое.

Появление в их компании веселого Жана только прибавило радости. Они пьянели от чистого, слегка кружившего голову лесного, крепкого, как вино, воздуха. Жан освободил от Феликса Ванюшу, и они все дальше углублялись в этот обжитый и до последнего деревца знакомый Жану лесок, весь исхоженный и истоптанный парижанами.

Вот и окраина леса. А там, за ручейком, начинается широкое поле. Старшие мальчуганы припустили резвей и перепрыгнули через ручеек. Ванюша и Шура, взявшись за руки, побежали к самому широкому месту, где по бережку зеленел камыш, и с разбегу тоже прыгнули. Шура инстинктивно крепче схватилась за Ванюшу, и он, осмелев, обхватил ее талию. Когда они очутились на другом берегу, их лица неожиданно соединились, и Ванюша крепко поцеловал Шурочку в пылающую щеку. Она отпрянула и широко раскрытыми глазами посмотрела ему прямо в лицо...

Вслед за ними, зажав под мышками своих карапузов, ручей перепрыгнул Жан. Выпустив малышей, он обхватил обеими руками Шуру и Ванюшу, как бы соединил их и поочередно крепко поцеловал.

— Вот так надо! А не робко, как вы!

Шура густо покраснела, а Ванюша схватил на руки Феликса и побежал за мальчиками, которые забрели уже в высокую траву.

Вдоволь нарезвившись, вернулись домой. Было уже за полдень, и Сюзанна ждала их к обеду. После обеда она уложила ребят спать, хотя старшие никак не соглашались ложиться и все хотели ехать с тетей Шурой и дядей Ваней на пруд.

— Спать без разговоров! — прикрикнула на них мать. Малыши успокоились, тем более что с ними улегся папа Жан.

На пруду было свежо и не так душно, как дома. Шура с Ванюшей шли вдоль пруда, все удаляясь и удаляясь от деревушки, которая, собственно, была предместьем Парижа.

— Как здесь хорошо, — задумчиво произнесла Шура.

— А разве там было плохо? У речушки? — спросил Ванюша.

— Там было жарко...

— Да, там мы от жары плохо владели собой.

— Не мы, а ты. — Шура впервые назвала Ванюшу на «ты» и, как бы ища извинения за свою прямоту, крепче прижалась к Ванюше.

Они остановились и замерли в долгом поцелуе. Потом молча пошли дальше.

Солнце было уже на закате, когда они встали со старой скамейки под развесистой липой.

— Мы так долго сидели на скамье, а время прошло так быстро, что, наверное, не успеем до вечера вернуться домой, — сказала в смущении Шура.

— А я даже не заметил времени... Мне было так приятно сидеть.

— Мне тоже было приятно. Даже больше. Я как-то по-новому себя чувствовала...

— Давай пойдем быстрее, — сказал Ванюша, вспомнив о споре и почувствовав какое-то неприятное ощущение на сердце. — Надо нам успеть, до темноты. Дома, наверное, уже ждут нас.

— Давай побежим, — предложила она.

И они побежали, держась за руки. «Да, она мне нравится, — подумал Ванюша, — но любить ее я не могу, любить нельзя».

Когда они в сумерках явились на дачу, Сюзанна встретила их, как жениха и невесту. Наверное, так решил Жан и поделился этим со своей Сюзанной. Она отвела им под ночлег веранду, отделенную от дома капитальной стеной, где была только одна, правда, широкая кровать...

Оставшись одни, Шура и Ванюша долго говорили. Каждый излагал свой взгляд на жизнь. Ванюша твердил, что он обязательно должен уехать в Россию. Там идет борьба, и он не может остаться в стороне. Надо разбить контрреволюцию, только после этого можно думать о жизни. Шура утверждала, что можно и не ехать в Россию, что дядя похлопочет в посольстве и Ванюшу демобилизуют.

— Не надо огорчаться, что ты не знаешь никакого ремесла, а умеешь только воевать. Дядя выучит тебя на портного, а это неплохая профессия.

Эти слова Шуры сразу проложили между ними резкую грань.

«Нет, — подумал Ванюша, — она мне не друг, она слишком эгоистична, слишком близко видит. Товарищ в борьбе из нее не получится».

— Почему ты молчишь? — тормозила его Шура. — Почему стал такой грустный? Ты ведь мне очень дорог. Я... я тебя... люблю. — Она произнесла это как бы через силу.

Ванюша удивленно посмотрел на нее, а она обвила своими горячими руками его шею и сама его поцеловала долгим поцелуем. Он не ответил на ласку. Тогда она стала снова осыпать его поцелуями:

— Ты что, не рад моей любви? Ты, ты... не любишь меня? Да? Ну говори же, говори! Я все вынесу.

— Нет, я не могу сказать, что не люблю. Я... я... думаю о другом.

— Тебе неприятны мои поцелуи? Да?

— Да нет же, нет. — И он крепко ее поцеловал.

— Значит, любишь!

Когда они на другой день вернулись в Париж, дядя Иосиф встретил их с какой-то необычной приветливостью. А Ванюша был несколько рассеян и задумчив после бессонной ночи. Все его мускулы сковывала усталость.

Но после завтрака они все-таки поехали в Буа де Булюнь. Как не побывать в знаменитом лесу, настоящем лесу, с запущенными уголками, где все поросло мхом, валяются сухие ветки и даже целые деревья, как в настоящей тайге... И все это в Париже!

Шура была радостна и всем довольна, только Ванюша был задумчив, он чувствовал во всем теле неприятное томление.

Но зато на душе было легко и чисто. Ванюша радовался тому, что не поддался увлечению и остался самим собой. Самое важное в жизни быть чистым и честным, а все остальное приложится. И Ванюша глубоко и легко вздохнул полной грудью. От этого внутреннего облегчения он даже повеселел.

Нагулялись вволю. Побывали в кафе, несколько раз заходили в киоски с прохладительными напитками и мороженым, даже покатались на лодке по пруду. Шурочка была щедра и охотно за все расплачивалась. К вечеру, довольные и утомленные, вернулись домой.

У дяди Иосифа был Жан. Видимо, они обсуждали положение и были довольны, что наконец Шурочку удастся выдать замуж. А ведь пора: ей уже двадцать четвертый год. За ужином дядя Иосиф без всяких проволочек (к чему они, они могут только помешать и затянуть дело!) заговорил о свадьбе. Шура немного смушалась и с укоризной сказала:

— Дядя...

Ванюша вообще был ошарашен таким оборотом дела. Но виду не подавал.

— Вам, Ванюша, надо скорей прислать воинские документы с ходатайством о демобилизации. А я уж тут похлопочу через посольство, и все дело уладится. Потом сыграем свадьбу — и айда в свадебное путешествие. Я кое-что приберегу для Шурочки, ведь она у меня единственная наследница. В Ниццу, наверное, захотите? — хитро улыбнулся дядя.

— Конечно в Ниццу, там сейчас самый сезон, — как о решенном уже деле сказал Жан.

Шура счастливо смотрела на Ванюшу.

— Да, конечно, сейчас в Ницце очень хорошо, — глухо произнес Ванюша, — но мне придется еще вернуться в Плёр.

— Разумеется, надо выправить все документы, чтобы уже окончательно приехать в Париж, — подтвердил дядя Иосиф.

— В общем, все дело на мази, как говорится, — сказал Жан и с удовольствием выпил стакан вина со льдом.

На другой день просто гуляли по Парижу. Шура кое-что покупала, явно имея в виду свадебные потребности.

— Что тебе купить? — обратилась она к Ване. — Скажи, что ты хочешь? Да, ты просил сшить тебе хорошенькие, на широкой резинке шелковые темно-синие трусики для футбола, так они уже готовы.

— Спасибо большое, мне больше ничего не надо.

Теперь Ванюша почему-то стал замечать недостатки у Шурочки. Она быстро потеет, и довольно обильно, а это неприятно, пахнет несвежим бельем, как в прачечной. Во-вторых, ногти у нее короткие, а на правой руке даже обломанные... А ведь раньше они казались ему такими нежными!.. И пальцы все исколоты иголкой. Да и рот немного широковат. К тому же она старше Ванюши на целых три года!

«Нет и нет, — пронеслось в мозгу Ванюши, — я ни за что не женюсь на ней... Но тогда надо сказать ей об этом, прямо так и сказать: Шурочка, я на тебе не женюсь... Но как это будет тяжело ей!..»

Эти мысли приводили Ванюшу в полнейшее замешательство, его мучили угрызения совести. «Нет, я поступаю нечестно, когда молчу и вроде соглашаюсь на свадьбу, — снова и снова терзался он. — Это мерзко... Да, но как посмотрит на мой отказ дядя Иосиф, ведь он старый человек. Мерзавец ты, скажет он, вот кто ты такой!»

Так Ванюша и не решился сказать что-нибудь определенное до самого отъезда.

Вот они попрощались с дядей Иосифом и крепко пожали друг другу руки. Старик пожал Ванюшину руку как-то по-родному, как самому близкому человеку. Ванюше было очень не по себе, и он стремился скорее закончить процедуру прощания.

На вокзал его проводила Шура. Они долго стояли на площадке вагона и в самую последнюю минуту крепко поцеловались.

— До свидания!

Она осталась на перроне и, когда поезд тронулся, поднявшись на цыпочки, долго махала рукой.

Сидя на лавке вагона, Ванюша обдумывал все происшедшее. Он был страшно зол на себя: «Никуда ты не годный человечико. Мразь — и больше ничего».

Его не огорчало, что он едет без победы. Это и хорошо. Больше того, спор теперь казался ему нелепым.

Как ни мучительно было говорить товарищам в присутствии Ефима Перепелицы о своем поражении, но Ванюша все же сказал:

— Я очень уважаю женщину как человека и не мог обмануть Шурочку. Я даже избегал этого. Ефим прав, я проиграл ему пари.

Все громко засмеялись. Ванюше пришлось выслушать немало обидных эпитетов, но это его не огорчало и не смущало, другого и ожидать было

нельзя.

А Ефим был грустен. Он не злорадствовал, чувствовалось, что-то уязвило его в самое сердце.

Степан Кондратов подошел поближе к Ванюше и сказал:

— А все-таки ты, паря, стоящий человек, молодец! — и прошел дальше.

Ванюша больше всех был благодарен Степану за то, что он, единственный, понимал его правильно.

— Прости меня, Ефим, — обратился Ванюша к Перепелице. — Я тебя обманул. Когда мы затеяли спор, то мне хотелось побывать в Париже и посмотреть на твою Шуру. Теперь я вижу, что выбор ты сделал хороший.

— Она не моя теперь, ты ее украл у меня! — Ефим резко отвернулся и быстро зашагал к выходу.

Ванюша недоуменно посмотрел ему вслед.

Кто-то подвел итог:

— В общем, Ванька наш — сам баба!

3

Как-то вечером Ванюша, Ликанин и на этот раз Виктор Дмитриевский отправились по знакомой дороге на прогулку. Шли медленно. Виктор сказал:

— Знаете, я получил заверение, что можно организовать отряд Красного Креста, и тогда АРА ³⁶ поможет нам уехать в Россию.

Долго спорили и разбирали все условия, при которых можно вырваться на родину.

— Куда захочет, туда и направит нас эта самая АРА, если мы с ней свяжемся, возьмет и отправит к Деникину, — говорил Ванюша. — Тогда доказывай, что ты не верблюд.

Виктор настаивал:

— Я врач, подполковник французской службы, имею все основания возглавить этот отряд, и я гарантирую, что все пройдет благополучно.

— Так-то так, — раздумывал вслух Ликанин, — но мы ведь не хотим быть санитарями в твоём отряде, а хотим драться с белогвардейцами. Нам бы только добраться до Советской России, а там — айда в Красную Армию.

— Правильно, — подтвердил Ванюша. — Пулеметчики, наверное, для Красной Армии пригодятся. Эх, и покосили бы мы белогвардейскую сволочь!

Незаметно для себя они прошли Мариньи-ле-гран и повернули через речушку на Курсель. По пути все-таки договорились, что есть смысл организовать санитарный отряд и с красным крестом на рукаве отправиться в Россию.

Завершив круг и придя в Плёр со стороны Курсель, окончательно решили, что организацию санитарного отряда берет на себя Виктор Дмитриевский. Он будет записывать всех желающих, а Михаил и Ванюша взялись вести работу среди легионеров, чтобы они поддержали их идею.

— Ну, за дело, товарищи, — сказал Виктор, и, крепко пожав руки друг другу, они расстались.

Виктор Дмитриевский съездил в Париж и добился согласия у французского командования и у представителей АРА на организацию санитарного отряда и отправку его в Россию. Ванюша и Михаил сразу записались в этот отряд. Кроме них записались Степан Кондратов, Петр Ермаченко, Протопопов, Семин, Круглов... — всего двадцать два человека. Дмитриевский решил, что отряд можно считать уже организованным.

Начались сборы и приготовления к отправке. Наметили день для отъезда в Марсель. А там — на пароход. Решили ехать через Париж...

Плёр тепло проводил уезжающих. Добрым напутствиям и пожеланиям не было числа. Многие женщины с грустью расставались со своими постояльцами. Маргарита Пиньяр, прощаясь с Мишей Ликаниным, даже всплакнула, глядя на нее, всплакнула и ее дочка Катрин. Маргарита смущенно засовывала в карман Мише синенькие, обшитые кружевом носовые платочки — на память.

Думал ли Ванюша, что так неожиданно быстро и, главное, легко осуществится его давняя заветная мечта! Невольно вспомнились события, пережитые на французской земле. Ля-Куртин, бои и снова бои, госпитальные койки, и — нестерпимое, всепобеждающее желание вернуться на родину, чтобы драться за нее не на живот, а на смерть. Неужели все эти мучения позади?! Ванюша никак не мог поверить в случившееся, и только стук вагонных колес обращал его к реальной действительности, напоминая истосковавшейся Ванюшиной душе, что он едет домой, в Россию!

Вот наконец и Париж. Здесь предстояло пробыть несколько дней. Ванюша сразу направился к дяде Иосифу, чтобы объяснить начистоту. Но Шурочка с таким ликованием его встретила, так рад был его приезду дядя Иосиф, что у Ванюши никак не мог повернуться язык сказать правду. Как они огорчатся! И он все откладывал объяснение, к которому так настойчиво готовился...

А Шура хлопотала, как невеста. Ей представлялось, как они поедут в свадебное путешествие, остановятся в Ницце в хорошем пансионе или в первоклассной гостинице. Дядя Иосиф советовал заранее заказать места в лучшем пансионе. Не там, где всегда много болтается народу, а в тихом, уютном пансионе, где бы никто не мешал молодым. Жан как-то вечером даже принес проспект всех пансионеров Ниццы, и они с Шурой почти весь вечер выбирали лучший. Остановились на швейцарском, что располагается на Приморском бульваре. Тут и море близко, и не так жарко.

Шура без конца целовала и ласкала Ванюшу... А он оставался грустным и замкнутым.

— Ну что ты такой, моя радость? — умоляла его Шурочка. — Ты злишься на меня? Я все сделаю, что ты хочешь, ведь я вся твоя. — И она снова его целовала... — Делай со мной все, что хочешь.

Ванюше оставалось только молчать.

Наступил вечер отъезда. Ванюша и Шура долго стояли на площадке вагона марсельского поезда на Лионском вокзале.

— Шура, дорогая Шурочка, — наконец проговорил Ванюша, — я тебя должен оставить в Париже. Я... я... еду в Россию и жениться не могу. Но я вернусь к тебе, если буду жив, потому что я еду драться с белогвардейцами.

Шура посмотрела на него широко раскрытыми глазами, которые быстро наполнились слезами, и ничего, казалось, не могла понять.

— Как же это? — Она бессильно опустила руки.

— Дорогая Шура, то, что я тебе сказал, это тайна. Никто не должен знать этого, кроме тебя, иначе... иначе. — Ваня задумался, что сказать... — Иначе я буду арестован и попаду в тюрьму.

Что он мог сказать ей еще? Что мог сделать лучше этого внезапного отъезда?

Поезд тронулся.

Шура стояла, закрыв лицо руками.

Вот и знаменитый кипучий Марсель, второй по численности населения город Франции, крупнейший порт и третий промышленный центр страны.

Марсель — с его знаменитыми докерами — город рабочего класса Франции, один из центров революционных сил народа. Марсель — город первого учредительного съезда Французской коммунистической партии.

На окраине этого города, в военных казармах пересыльного пункта, и разместился русский санитарный отряд. Первые же дни показали, что не так

просто получить право погрузиться на пароход, уходящий в Россию. Хлопоты Виктора Дмитриевского, несмотря на его чин подполковника и ленточку Почетного Легиона на груди, пока ничего не давали. А время шло. Люди болтались по городу, появляясь на пересыльном пункте лишь во время обеда и ужина. Комендант военного городка возмущался безделием русских и распорядился кормить только тех из них кто выполняет наряды на работы по уборке мусора, очистке помойных ям и вывозке бочек из общественных военных уборных...

Денег у бывших легионеров было мало, волей-неволей приходилось работать в «золотой роте», как они прозвали всех, работающих на пересыльном пункте. Отработал — получай талоны на обед и ужин.

Каждый день администрация военной комендатуры обещала, что скоро погрузит русских на пароход, но не торопилась. Только через две недели хлопоты Виктора Дмитриевского увенчались успехом. Ранним утром в середине августа санитарный отряд погрузился на пароход. Расположились прямо на палубе, надеясь, что в пути как-нибудь, устроится дело с каютами, хотя бы общими.

Пароход «Луара» относился к классу товаро-пассажирских. Трюмы оказались заполненными разными грузами, а вся носовая палуба была битком набита рабочими-китайцами, которые были в войну завезены во Францию по контракту, а теперь возвращались к себе в Китай, к стати такими же бедняками, какими вербовались на работы во Францию. Все устраивались как могли, и вся носовая палуба корабля кишела, словно муравейник.

Китайцы-вербовщики были одеты по-европейски и размещались в каютах третьего класса. А в первом и во втором классах ехали богатые, состоятельные люди, главным образом, французы, владельцы предприятий и латифундий в колониальном Индокитае.

Виктор добился у капитана парохода разрешения разместить свой санитарный отряд в твиндеке носовой части с правом ходить по всем палубам корабля. Устроились более или менее удовлетворительно. Твиндек был закрыт досками и затянут брезентом — это защищало и от жары, и от дождя. Правда, вокруг кишмя кишели китайские рабочие и тянули свои мучительно заунывные песни — стоны отчаявшихся в жизни людей. Когда они сильно надоедали пассажирам верхних палуб, появлялись китайские вербовщики и что-то кричали. Рабочие утихали, но потом, опять тихонько затягивали нудные мелодии, с совершенно неожиданными переходами, и пели все громче и громче, пока опять не появлялись их начальники.

Китайцев-рабочих никуда не выпускали с носовой палубы, и, боже упаси, чтобы они появились на верхней! Для такого случая у каждого трапа

стояли французские матросы — в руках у них были винтовки с примкнутыми штыками. Китайцы завидовали русским, которые свободно поднимались на верхние палубы — и французские матросы уступали им дорогу. И с еще большей грустью лились надрывающие сердце песни.

Ликанин и Ванюша устроились на поверхности твиндека, почти под трапом. Здесь хорошо продувало, было не так жарко и душно, как в твиндеке. Михаил наблюдал за всеми поднимавшимися по ступенькам трапа и в этом находил развлечение. Он любил сочинять стихи и читал их Ванюше.

Изнывая от безделья, Ликанин сочинил песенку, которую, собираясь в кружок, пели вполголоса:

«Луара» — славный пароход,
Везет различный он народ:
Китайцев, русских, аннамитов,
Богатых, знатных паразитов.
Им не закрыт наверх проход,
Где ветер свежий продувает,
Корабль на волны поднимает
И тихо снова опускает,
И нет совсем других забот...

Некоторые солдаты забирались на верхнюю палубу и резались в подкидного, обливаясь потом. Ветерок, дувший из жаркой египетской пустыни, ничуть не освежал, он был насыщен жаром, точно вырывался из раскаленной печи.

— Скоро ли мы выйдем в открытое море из этого проклятого Суэцкого канала? — поговаривали «санитары».

Наконец прошли Суэц и вошли в Красное море. Теперь предстояло зайти в Джибути, там заправиться углем, провизией, водой и — дальше.

Вошли в Аравийское море. Море было удивительно тихим, и «Луара» спокойно двигалась в Коломбо. Все больше встречалось рыбаков на утлых шхунах. А вот уже появились очертания индийских берегов.

Несколько китайцев, и особенно настойчивых аннамитов, пытались подняться по трапу. Их не пускал французский матрос, угрожая штыком. Один из аннамитов все же попытался проскользнуть под поручни трапа. Часовой ударил его прикладом и толкнул со ступенек. Аннамит свалился на палубу и сильно разбил себе голову. Шум и крики у трапа усилились. На

помощь часовому появился другой вооруженный матрос. Толпа напирала. В часовых полетели различные предметы. Обстановка накалялась.

Вдруг один из аннамитов, обнажив свою грудь, пошел напролом. Часовой, недолго думая, пырнул его штыком в живот. Человек упал, обливаясь кровью и хватаясь обеими руками за живот. Второй часовой выстрелил в воздух. Появился офицер и в упор из браунинга убил наседавшего китайца — тот вскрикнул и упал замертво.

Поднялся невероятный шум, но толпа все же отступила...

Пароход бросил якорь и остановился. На борту появились люди в белых халатах с красными крестами на рукавах. Аннамита с проколотым животом увезли. Потом прибыл консул из Коломбо и заявил капитану корабля протест. На этом инцидент и был исчерпан...

Загрузившись всем необходимым, «Луара» двинулась дальше — на Сингапур, а потом в Сайгон. Здесь было объявлено, что пароход дальше не пойдет, и предложено всем выгрузиться. Виктор Дмитриевский связался с комендантом порта и получил разрешение разместить свой санитарный отряд в казармах, на окраине утопавшего в зелени Сайгона.

Бедному Дмитриевскому то и дело приходилось отвечать на вопросы:

— Когда отправка?

— Почему оттяжка?

— Надолго ли здесь застряли?

Но что он мог ответить? Подполковник только и делал, что ходил по французским колониальным властям и добивался дальнейшей отправки.

Так прошло две недели. Ликанин и Ванюша от нечего делать осматривали город. В порту встретились с матросами русского торгового добровольного флота. Те рассказали, что во Владивостоке хозяйничают японские интервенты, что люди бегут от них в горы, а в районе Сучана и по железной дороге свирепствуют японские карательные экспедиции. «Скорее бы добраться до этих сволочей», — думал Ванюша. Он и Ликанин передали услышанное товарищам. Многие тоже горели желанием быстрее схватиться с врагами Советской России. Некоторые подумывали: если не поедем дальше — подадимся в джунгли. Есть же где-нибудь люди, которые борются за свое освобождение, вот и мы будем бороться.

Небольшими группами ходили в зоологический сад, рассматривали маленьких зверьков. Аннамиты любят все маленькое и твердо придерживаются мнения, что только маленькие по росту люди являются

самыми полноценными, а большие все равно, что лебеда, только в рост идут. Поэтому у них в зоологическом саду даже олени были ростом с котенка. В небольшой речке, высунув хребты и раскрыв свои пасти, усеянные острыми зубами, дремали крокодилы. Нередко в эти пасти залетали крохотные птички — колибри и тщательно очищали зубы крокодилов от застрявшей в них пищи...

Поужинав (главным образом зеленью, которой здесь было вволю), русские укладывались спать. Правда, жара донимала, хотя стены казарм были решетчатыми — они напоминали заборы, сложенные из кирпича, со сквозными отверстиями. В них проходил воздух, а ночью он не такой накаленный, как днем. Но зато вместе с воздухом набивался в казарму гнус и прочая гадость. Разве тут заснешь спокойным сном? И почти всю ночь люди метались и воевали с комарами, которые бесцеремонно и жадно их кусали.

Наутро Дмитриевский принес добрую весть: «Луара» пойдет до Шанхая и доставит туда китайских рабочих. А вместе с ними и русских. Таково распоряжение марсельского пароходства.

И снова все на палубе. Матросы после погрузочных работ и засыпки угля обмыли и надраили «Луару».

Вот пароход выходит глубоководным устьем реки Сайгон в открытое море и направляется в Гонконг. Море свежеет. Пароход лениво поднимается на волнах и, опять опускаясь, глубоко зарывается в них своим носом. Хорошо, что качка килевая, она легче переносится, чем бортовая.

В Шанхае русских принял на свой борт почтово-пассажирский пароход русского торгового добровольного флота — «Рязань». Он небольшого водоизмещения, всего около пяти тысяч тонн. Утром он уходит из Шанхая во Владивосток.

Самым большим сюрпризом для Ванюши была встреча на пароходе с Серафимом Арефьевым, бывшим слесарем-оружейником пулеметной команды 256-го Елисаветградского полка. Они узнали друг друга с первого взгляда и крепко обнялись. Теперь Арефьев служил слесарем-монтером на «Рязани». Он много порассказал о России, главным образом о том, что делается во Владивостоке. Потом принес плоскую банку спирта, наглухо запаянную, и они с Ванюшей отпраздновали встречу. Их компанию разделили Миша Ликанин, Степан Кондратов и никогда не, отказывавшийся от выпивки Петр Ермаченко.

Не заметили, как «Рязань» покинула порт и вышла в море. Ветер свежел, мутные желтые волны беспорядочно неслись навстречу пароходу. Он скрипел и раскачивался. Арефьев посмотрел вокруг и мрачно произнес:

— Будет штормить.

Ночью ветер усилился, начался шторм. Громадные волны беспорядочно напоздали одна на другую. «Рязань» бросало из стороны в сторону, через палубу перекачивались громады воды. Люди забились кто куда мог, многие забрались в столовую для матросов в самой корме. Все старались занять такое положение, чтобы как следует упереться во что-нибудь ногами и головой — тогда было не так тяжело, — по крайней мере, не бросало из стороны в сторону и не катало по полу. Ванюша забрался под стол и крепко уперся ногами в круглую, привинченную к полу стойку, которая являлась ножкой стола, а в другую такую же стойку он уперся головой, обхватив ее руками.

Корма ходила ходуном и вся скрипела — того и гляди, совсем развалится. Особенно неприятно было, когда гребной винт оказывался вместе с кормой над водой и, увеличивая обороты, со свистом и визгом резал воздух, прямо, что называется, мозги сверлил. Казалось, винт, выскочив из воды, вот-вот оторвется, и тогда пароход, лишенный возможности двигаться, вообще опрокинется. А это гибель.

Никто, конечно, не помышлял о пище, все выворачивало обратно. Пили только воду.

Промучились несколько суток и вконец отчаялись, многие думали о смерти: скорее бы уж на дно и — делу конец. Это был не обычный шторм, даже не одиннадцатидесяти-, двенадцатибалльный, а тайфун. Обычно суда в это время не выходят из гавани, а застигнутые тайфуном в море стараются направиться в ближайший порт или бухту. Кто этого не делает, тот обычно гибнет... И как бы в подтверждение этого в машинное отделение «Рязани» через самый верхний люк устремился огромный поток воды. Ритмичный шум машин сразу ослаб.

Что-то будет дальше? Море окутал туман, и наступила темная ночь. «Рязань» каждые две минуты подавала длинный унылый гудок, как бы вызывая о помощи или посылая последний сигнал перед гибелью. А тайфун не утихал. Пароход скрипел и стонал. Зашумели насосы, откачивая воду из машинного отделения. «Рязань» боролась, как могла.

...Лишь на девятые сутки тайфун утих...

На мостик встал помощник капитана. А капитан, шатаясь, ушел в каюту — теперь он может и дух перевести. Все повеселели. Матросы, больше из-за удалства, чем по необходимости, ухитрились проскакать по палубе из отсека в отсек. Теперь реже показывался гребной винт из воды. Прояснилось немного небо, и меньше бесились волны. «Рязань» перестала давать протяжные гудки: опасности столкнуться с другим судном уже не было.

Ночь прошла спокойнее. Реже и реже перекатывались волны через палубу. Шторм стихал. Наутро он совсем почти прекратился. Люди стали выползать на палубу, вдыхая свежий морской воздух. Появилось солнце.

И тут в синеватой дымке тонкой каемкой обозначился берег. Теперь уже никто не хотел оставаться в трюмах. Все высыпали на палубу и смотрели, смотрели измученными глазами на родной берег. Люди плакали от счастья, протягивали руки к земле...

Миновали один остров, потом другой. Показался Владивосток.

Здравствуй, Россия!

Что-то ждет на родине?

1961–1965 гг.

---

notes

Примечания

1

Олия (укр.) — растительное масло.

2

Колыска (укр.) - колыбель, люлька.

Гребля (укр.) — плотина.

4

Шулик (укр.) - кобчик, ястреб.

Урвытель (укр.) — сорванец.

6

Лынка, линек — веревка, конец, канат.

7

Олеонафта — сорт масла.

Близняк — горшок, состоящий из двух отделений.

«Они доказывают свою высокую доблесть и их горячую преданность (делу) долгу» (фр.).

Буквальный перевод: «*Удар рукой*».

«Русский — все еще солдат штыкового боя» (фр.).

На ленточке креста прикреплялись звездочки различных цветов, в зависимости от того, каким приказом произведено награждение: приказом по бригаде — бронзовая звездочка, по дивизии — серебряная, по корпусу — позолоченная; если же приказ отдан по армии — на ленточке прикреплялась пальмовая ветвь. Военный крест выдавался только при первом награждении, а повторные отмечались лишь дополнительными звездочками или пальмовыми ветвями. У некоторых был целый ряд пальмовых веточек на ленте, эффектно выпущенной из нагрудного кармана куртки. Особенно любили этим щеголять летчики: кое у кого из них небрежно свешивался из кармана конец ленты, на которой иногда красовалось по пятнадцать-восемнадцать пальмовых веточек — это значило, что летчик столько раз был награжден военным крестом приказом по армии.

Скоро придет врач, он посмотрит вас. Он кончает операцию. Он так много сегодня сделал операций (англ.).

«*Маленький парижанин*» — популярная буржуазная газета.

15

Потеряли свою боеспособность.

ЦВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 59, лл. 62–64.

ЦВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 59, лл. 55–56.

ЦВИА, ф. 15234, оп: 1, д. 59, лл. 58–59.

ЦГАОР СССР, ф. 3, оп. 1, д. 270, л. 1.

ЦВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 59. л. 86.

Воззвания взяты из книги. Pierre Poiteven «Une bataille du centre de France en 1917».

Эту газету издавал небезызвестный реакционер Бурцев.

Тремя условиями.

Вы хороший солдат!

О, как жаль!

Иностранный легион входил в состав марокканской дивизии под названием 1-го иностранного полка.

Зуавы — от зуауа — название одного из кабийских племен. Это французские колониальные войска, сформированные из жителей Северной Африки и добровольцев-французов, проживавших там же.

75-миллиметровые.

Африканская конница.

Тирайёры (tirailleurs) — буквально стрелки (фр.), но такое наименование носили только алжирские полки.

США объявили о вступлении в войну в апреле 1917 года, но им надо было перевезти войска в Европу. Это заняло много времени. Только к сентябрю 1918 года США сумели перевезти в Европу до 1,5 млн. человек, а к моменту заключения перемирия численность их армии в Европе перевалила за 2 млн. человек.

— *Иди, иди, черт тебя подери!*

Пункт сбора раненых.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 109–110.

Очаг солдата.

Сокращенное название американской организации «Американская администрация помощи».